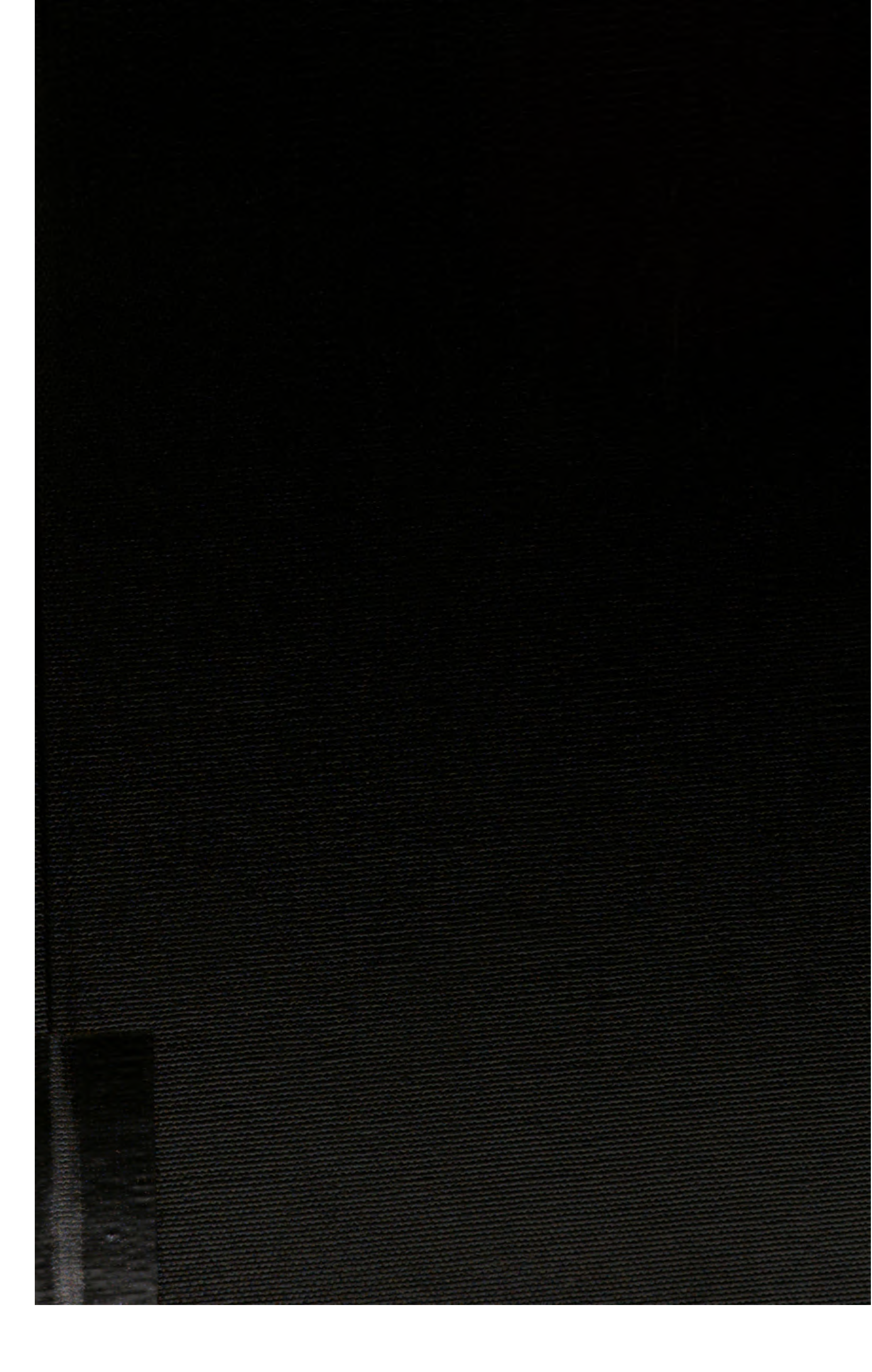
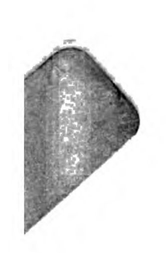
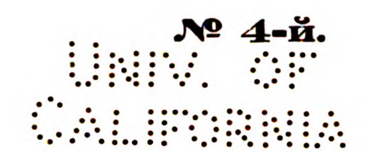

Годъ VII-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА.

Контора журнала просить лицъ, подписавшихся на треть года и желающихъ продолжить подписку, озаботиться присылкой 2-го взноса не позже 15-го апрѣля. Всѣмъ, не уплатившимъ къ этому сроку, высылка журнала съ мая будетъ пріостановлена.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр
1.	ФИНИКІЯНКИ. Трагедія Еврипида. Стихотворный переводъ **И. Ф. Анненскаго**	1
2.	ДѢЛО БАБЕФА. Очеркъ изъ исторіи Франціи. **Е. Тарле**	73
3.	МИРАЖЪ. Разсказъ. **Ек. Нелидовой**	100
4.	СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. Ея исторія, современное положеніе и будущность по новѣйшимъ изслѣдованіямъ германскихъ ученыхъ. **Н. Сперанскаго**. (Окончаніе)	114
5.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ «ПѢСЕНЪ О ВЕСНѢ». **Ив. Бунина**	124
6.	ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть первая. **И. Потапенко**	126
7.	ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧИ НА ПОПРИЩѢ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ РОССІИ. (Къ двадцатилѣтію ихъ перваго массового выпуска). **Д-ра мед. Г. М. Герценштейна**	146
8.	ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ **Холль Кэна**. Переводъ съ англійскаго **З. Журавской**. (Книга вторая)	166
9.	ИСТОРИЧЕСКОЕ И СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ МѢСТО РУССКОЙ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. (Отвѣтъ П. Н. Милюкову). **Петра Струве**	188
10.	СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ. Академика **А. Фаминцына** (Продолженіе)	201
11.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ Ж. РИШПЕНА. **О. Чюминой**	232
12.	ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть третья. (Продолженіе). **Ив. Иванова**	234

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Сезонъ выставокъ.—Выставки иностранныхъ художниковъ—англійская и финляндская.—Русскія выставки: передвижниковъ, общества петербургскихъ художниковъ и академическая.—Семирадскій и Котарбинскій.—Упадокъ передвижниковъ и отжившій характеръ ихъ живописи.—Графъ Л. Н. Толстой объ искусствѣ. — Неправильное

Годъ VII-й. **№ 4-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

Дозволено цензурою 27-го марта 1898 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.
1. ФИНИКІЯНКИ. Трагедія Еврипида. Стихотворный переводъ И. Ф. Анненскаго 1
2. ДѢЛО БАБЕФА. Очеркъ изъ исторіи Франціи. Е. Тарле . . 73
3. МИРАЖЪ. Разсказъ. Ек. Нелидовой 100
4. СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. Ея исторія, современное положеніе и будущность по новѣйшимъ изслѣдованіямъ германскихъ ученыхъ. Н. Сперанскаго. (Окончаніе) 114
5. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ «ПѢСЕНЪ О ВЕСНѢ». Ив. Бунина. 124
6. ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть первая. И. Потапенко 126
7. ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧИ НА ПОПРИЩѢ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ РОССІИ. (Къ двадцатилѣтію ихъ перваго массового выпуска). Д-ра мед. Г. М. Герценштейна . . 146
8. ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ Холль Кэна. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Книга вторая). 166
9. ИСТОРИЧЕСКОЕ И СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ МѢСТО РУССКОЙ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. (Отвѣтъ П. Н. Милюкову). Петра Струве 188
10. СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ. Академика А. Фаминцына (Продолженіе) 201
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ Ж. РИШПЕНА. О. Чюминой 232
12. ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть третья. (Продолженіе). Ив. Иванова 234

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

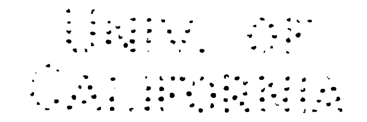
13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Сезонъ выставокъ.—Выставки иностранныхъ художниковъ—англійская и финляндская.—Русскія выставки: передвижниковъ, общества петербургскихъ художниковъ и академическая.—Семирадскій и Котарбинскій.—Упадокъ передвижниковъ и отжившій характеръ ихъ живописи.—Графъ Л. Н. Толстой объ искусствѣ. — Неправильное освѣщеніе вопроса съ общественной точки зрѣнія.—Искусство безъ красоты.—«Пустыя» слова о наукѣ гр. Толстого.—А. Б. 1

стр.

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Продовольственное дѣло въ Россіи.—Вѣсти изъ деревни.—Крестьяне въ земствѣ.—Городское населеніе Европейской Россіи. — Летучая библіотека.— Въ колоніи «толстовцевъ».—Духоборы въ Якутской области.— Шевченко, какъ живописецъ и граверъ. 14
15. **За границей.** Новое университетское поселеніе.—Англійскіе политическіе клубы.—У Генриха Ибсена.—Банкетъ въ память Вашингтона въ Парижѣ.—Нью-іоркскій король. 28
16. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue de Paris».—«Revue des deux Mondes».—«Nineteenth Century». — «Revue des Revues» 36
17. НИЗКІЙ ПРОЦЕНТЪ РОЖДАЕМОСТИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ДВИЖЕНІЕМЪ ВО ФРАНЦІИ. (Письмо изъ Парижа). **П. Б.** 42
18. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Музыка и вліяніе ея на человѣка. (Психофизіологическій очеркъ). Врача **С. Бродскаго**. 53
19. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. **Астрономія**: 1) Новая луна. 2) О важности нормальнаго зрѣнія для астрономовъ. **Физика и метеорологія**: 1) Опыты съ жидкимъ воздухомъ. 2) Суточныя колебанія барометра. **Біологія**: 1) Къ вопросу о движеніи діатомовыхъ водорослей. 2) Роль энцимовъ въ жизни растеній. 3) Новое каучуковое и новое хлопчато-бумажное растеніе. 4) Вліяніе цвѣтныхъ лучей на амёбу. 5) О паразитахъ и сожителяхъ муравьевъ. **Географія и научныя экспедиціи**: 1) Новѣйшія изслѣдованія материковъ Азіи, Австраліи и Америки. 2) Огонь изъ подо льда. **Техника и изобрѣтенія**: 1) Успѣхи аэронавтики. 2) Искусственный шелкъ. **В. Агафонова** 63
20. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. (Отвѣтъ проф. Н. А. Карышеву). **М. Туганъ-Барановскаго**. 77
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя сочиненія. Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы и искусствъ.— Политическая экономія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 83
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 106

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ОВОДЪ (Gadfly). Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ. М-ссъ **Е. Войничъ**. Переводъ съ англійскаго **З. Венгеровой**. . 73
24. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА. **Гутчисона Маколея Познетта**. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго **Э. Пименовой**. 67

ФИНИКІЯНКИ.

ТРАГЕДІЯ ЕВРИПИДА.

Стихотворный переводъ съ греческаго **И. Ф. Анненскаго.**

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

«Финикіянки» Еврипида принадлежали къ числу самыхъ популярныхъ драмъ античнаго міра: это выразилось очень своеобразно въ нападкахъ комиковъ и въ томъ, что текстъ трагедіи изобилуетъ позднѣйшими вставками отъ усердія почитателей. Сто лѣтъ тому назадъ, эта-же пьеса увлекала Шиллера, и онъ перевелъ изъ нея нѣсколько сценъ.

Еврипидъ написалъ и поставилъ «Финикіянокъ» на сцену между 410 и 408 г. античной эры, т. е. семидесятилѣтнимъ старикомъ. Заглавіе свое трагедія получила отъ выведеннаго въ ней на сцену хора семитическихъ женщинъ, одного изъ причудливыхъ новшествъ Еврипида въ сферѣ развитія миѳа.

Въ основѣ пьесы лежитъ легенда о невольномъ преступникѣ Эдипѣ (см. ниже прологъ) и наказаніи его рода,—легенда, разсказанная еще авторомъ Одиссеи (XI, 271 sqq.) и вдохновлявшая не разъ Эсхила и Софокла.

Еврипидъ имѣлъ передъ собою, въ видѣ образца, трагедію Эсхила «Семеро противъ Ѳивъ», но «Финикіянки» все же остаются самостоятельной и своеобразной обработкой миѳа на психологической почвѣ.

Въ центрѣ стоитъ Іокаста, уже старуха. Когда обнаружилось ужасное преступленіе ея и Эдипово, она не лишила себя жизни, какъ дѣлаетъ это жена Эдипа у Софокла въ его «Царѣ Эдипѣ»: у Еврипида люди—болѣе цѣпкія и болѣе живучія созданія. Іокаста осталась жить, чтобы оберегать своего слѣпого мужа-сына и ростить дѣтей-внуковъ. Но она сдѣлала это на горе себѣ. Этеоклъ и Полиникъ, возмужавъ, первымъ дѣломъ запрятали отца подальше отъ глазъ и толковъ, а отецъ за это ихъ проклялъ. Проклятіе дало слѣдъ въ жизни, и въ этомъ заключается сюжетъ трагедіи. Если у Эсхила на первомъ планѣ стоитъ мотивъ политическій, а Полиникъ, который изъ личной мести ведетъ аргосцевъ грабить и жечь родныя стѣны, для него только дерзкій измѣнникъ, то Еврипидъ, современникъ Алкивіада, посмотрѣлъ на дѣло глубже. Въ Этеоклѣ и Полиникѣ онъ изобразилъ намъ двѣ сложныхъ человѣческихъ натуры, а въ своеобразномъ сплетеніи частной, семейной трагедіи съ общественной, лишній разъ провелъ свою любимую

мысль, что *на войнѣ не бываетъ счастливыхъ и торжествующихъ по праву*: видъ блестящей Θиванской побѣды заграждается отъ насъ грудой несчастій, ее купившихъ.

Своеобразною является у Еврипида и Антигона: въ короткій, но насыщенный ужасомъ и страданіемъ промежутокъ трагедіи (день), между ея прологомъ и исходомъ, дочь Эдипа изъ наивной «теремной заключевницы» выростаетъ передъ нами въ настоящую трагическую героиню: мы чувствуемъ, что никакіе указы не запретятъ ей похоронить поруганнаго брата, что она не побоится раздѣлить съ отцомъ нищету и изгнаніе, что она способна, если ее насильно выдадутъ замужъ, убить мужа (см. ниже сравненіе себя съ Данаидой).

Появленіе Эдипа въ «Исходѣ» превосходно оттѣняетъ пылкое, молодое отчаяніе Антигоны и даетъ автору хорошее драматургическое средство къ разрѣшенію трагическаго паθоса, доведеннаго до степени безумія.

Еврипиду же принадлежитъ введеніе въ драму эпизода добровольной героической смерти Менекея. (Параллели ему находимъ въ Макаріи и Алькестидѣ). Внимательное чтеніе убѣдитъ насъ, что этотъ эпизодъ очень искусно введенъ въ обиходъ драмы: потеря любимаго сына даетъ первымъ распоряженіямъ Креонта-намѣстника характеръ особой жестокости.

Переводъ трагедіи сдѣланъ съ греческаго, причемъ я почти постоянно слѣдовалъ тексту въ изданіи Векклейна (1894), но имѣлъ передъ собою также изданія Наука [3], Кинкеля (1871) и Клотца (1881) и программы Карла Мюллера (1881) и Гебауера (1888).

Размѣры діалога (ямбъ и трохей), конечно, соблюдены, но въ лирическихъ партіяхъ я могъ удержать только анапесты (слабое подобіе греческихъ—темпъ марша); дохміи не имѣютъ въ нашемъ языкѣ и стихѣ соотвѣтствій—пришлось ихъ замѣнять русскими размѣрами.

Стихи, явно интерполированные въ текстѣ, мною опускались; таковы: ст. 432—434, 558, 573, 912, 946 и т. д.

Чуждаясь дословной передачи, столь отличной отъ истинной точности, я старался однако не упустить въ моемъ переводѣ ни одного изъ оттѣнковъ, мною понятыхъ и замѣченныхъ, но болѣе всего, конечно, искалъ сберечь хотя бы слабое отраженіе поэтической индивидуальности Еврипида, какъ я себѣ ее представляю, хоть тѣнь этой своеобразной, единственной въ своемъ родѣ амальгамы изъ цѣпкой софистики и жгучаго паθоса *).

И. А.

*) «Финикіянки» появляются первый разъ на русскомъ языкѣ, насколько извѣстно редакціи, что, между прочимъ, въ связи съ желаніемъ—познакомить читателей съ греческой трагедіей—и побудило редакцію дать мѣсто этому превосходному произведенію классической поэзіи. *Ред.*

Лица, въ порядкѣ ихъ появленія на сцену.

I. **Іокаста** I *).
III. **Старый рабъ** III.
II. **Антигона** II.
Хоръ.
II. **Полиникъ** II.
III. **Этеоклъ** II.
II. **Креонтъ** II.
I. **Тиресій** I. При немъ дочь **Манто.**
III. **Менекей** II.
III. **Вѣстникъ** III.
III. **Другой вѣстникъ** I.
I. **Эдипъ** I.

Дѣйствіе происходитъ въ Кадмеѣ передъ дворцомъ Лабдакидовъ. Дворецъ имѣетъ на крышѣ родъ балкона. Передъ дворцомъ находится алтарь Аполлона—генія улицъ (Ἀγυιεύς). У Іокасты черный пеплосъ и обрѣзанные сѣдые волосы. Она опирается на посохъ, который бросаетъ при видѣ сына. Тиресій носитъ обычную сѣтчатую одожду предсказателей и на головѣ золотой вѣнокъ. У Антигоны фата и шафранный пеплосъ. Хоръ состоитъ изъ 15 молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ семитическаго типа.

ПРОЛОГЪ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Изъ воротъ дворца выходитъ Іокаста. Закатъ солнца.

Іокаста.

О Геліосъ, среди небесныхъ звѣздъ
Просѣкшій путь для кобылицъ летучихъ
И золотомъ горящей колесницы!
Печальные, недобрые лучи
Агенориду Кадму посылалъ ты
Въ тотъ день, когда на эту землю онъ
Вступилъ, брега покинувъ Финикіи...
Киприды дочь Гармонію поялъ,

*) Римскія цифры показываютъ распредѣленіе ролей между тремя актерами.

*

Здѣсь въ жены онъ и сына Полидора
Онъ съ ней родилъ. Былъ внукомъ ихъ Лабдакъ.
И правнукомъ покойный мужъ мой Лаій,
Мнѣ жъ былъ отцемъ могучій Менекей,
И мать одна носила насъ съ Креонтомъ.
Іокастою отецъ меня нарекъ
И Лабдакиду въ жены отдалъ Лаію...
Сначала былъ безплоденъ нашъ союзъ,—
Но вотъ молить о сынѣ Аполлона
Въ дельфійскій храмъ отправился мой мужъ,—
И такъ вѣщалъ оракулъ: „Царь Ѳиванскій,
„Наперекоръ богамъ, ты не желай
„Женѣ дѣтей,—родивши съ нею сына,
„Убійцу, Лай, родишь ты своего—
„И весь за нимъ твой царскій родъ погибнетъ“.
Увы! зажженъ виномъ, въ веселый часъ,
Забылся мужъ...
Родился сынъ. И вотъ, богамъ послушный,
Рабамъ его велитъ снести отецъ
На дальніе утесы Киѳерона,
Въ тѣ Герою почтённые луга...
Табунщики тамъ отыскали сына,
И, во дворецъ Полибовъ отнесенъ,
Царицею былъ принятъ мой ребенокъ...
Она, къ груди ребенка приложивъ,
Державнаго супруга убѣдила,
Что этотъ, мной рожденный въ мукахъ сынъ
Произошелъ на свѣтъ отъ ихъ союза.
Но годы шли. Ужъ золотой пушокъ
Вдоль щекъ пошелъ Эдиповыхъ, и мужемъ
Онъ сдѣлался. Тутъ, догадался ль самъ,
Иль отъ людей провѣдалъ, что пріемышъ,
Но только вдругъ онъ въ Дельфы заспѣшилъ:
Пусть богъ отца и мать ему откроетъ...
Въ тѣ злые дни и мой покойный Лай
Къ оракулу поѣхалъ: захотѣлось
Царю узнать отъ Феба, живъ ли сынъ,
Имъ брошенный. Отецъ и сынъ столкнулись
Въ Фокидѣ, на распутіи,—и сыну
Надменный такъ возница закричалъ:
„Посторонись прохожій! дай дорогу—
„Царю проѣхать негдѣ“ Но Эдипъ
По прежнему шелъ гордо и ни слова
Не отвѣчалъ возницѣ... Тотъ коней

Не сталъ удерживать. И кровью обливаетъ
Идущему ступни желѣзный шагъ.
О... повторять ли мнѣ, что было дальше?..
Припоминать, какъ сынъ убилъ отца,
Какъ, завладѣвъ запряжкою, Полибу
Ее отвезъ, кормильцу своему?..
Настали слѣдомъ тяжкія невзгоды:
Богъ вѣсть отколь на Өивы налетѣвъ,
Коварная душила гражданъ дѣва...
Вдовою я была, и братъ Креонтъ
Въ награду ложе царское назначилъ
Отгадчику мудреныхъ дѣвьихъ словъ...
Ихъ отгадать... увы, пришлось Эдипу...
И вотъ, пріявъ Өиванскій тронъ и власть,
На матери женился сынъ несчастный;
Не зная самъ, съ незнающей дѣлилъ
Онъ ложе брачное. Да, отъ Эдипа я
Двухъ сыновей имѣю—Этеокла
И Полиника славнаго и двухъ
Я дочерей съ нимъ прижила—меньшую
Исменою нарекъ ея отецъ,
А старшую зову я Антигоной.
Когда въ женѣ своей Эдипъ узналъ
Родную мать, онъ, ужасомъ сознанья
И муками истерзанный, казнилъ
Свои глаза, и золотыя пряжки
Вмигъ кровью глазъ потухшихъ облились...
А сыновья, едва ихъ подбородки
Пухъ юности заносчивой покрылъ,
Отца въ затворъ отправили,—*забвеньемъ*
Они бѣду надѣялись покрыть...
(Кто оправдать бы могъ вину Эдипа?)
Онъ живъ еще и здѣсь. И хоть судьба
Виной его несчастій, а не дѣти,
На сыновей изъ нечестивыхъ устъ
Онъ изрыгнулъ ужасныя проклятья.
Онъ пожелалъ, чтобъ остріе меча
Межъ ними домъ отцовскій подѣлило...
И сыновья, его страшася словъ,
Разстаться порѣшили полюбовно...
На вольное изгнанье Полиникъ
Себя не медля осудилъ, какъ младшій:
„Пусть,—онъ сказалъ,—мой старшій первый годъ
„Надъ Өивами царитъ“ А тотъ, кормило

Въ рукахъ почувствовавъ, не захотѣлъ
Въ урочный часъ разстаться съ царскимъ трономъ.
И черезъ годъ насиліемъ прогналъ
Соперника и брата. Полиникъ
Отправился въ Микены, отъ Адраста
Царевну дочь тамъ въ жены получилъ,
И вотъ, собравъ аргосскія дружины,
Онъ здѣсь теперь, у этихъ старыхъ стѣнъ,
И требуетъ Өиванскаго престола.
Межъ сыновей неистовый раздоръ
Я прекратить должна и настояла,
Чтобъ раньше, чѣмъ на бой сходиться имъ,
Здѣсь Полиникъ былъ принятъ. Мой посолъ
Вернулся, а царевичъ будетъ слѣдомъ...
Тебя молю, живущій въ небесахъ
За волнами лазурнаго сіянья,
Спаси насъ, Зевсъ, и помири дѣтей!
О, мудрый богъ, всю жизнь однихъ и тѣхъ же
Ты иго бѣдъ носить не осуждай...
(*Уходитъ во дворецъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Старый рабъ на вышкѣ дворца. Потомъ Антигона.

Старикъ (*глядя внизъ, на выходъ изъ внутренней дворцовой лѣстницы*).

О, слава дома отчаго и гордость,
Царевна Антигона! въ терему
Дѣвицѣ скучно, видно: упросила
Царицу мать, чтобы тебя она
Пустила на Аргосцевъ подивиться...
Но погоди, дай кинуть взоръ окрестъ:
Изъ гражданъ кто не смотритъ ли на крышу...
Сейчасъ раба сѣдого упрекнутъ,
Да и тебя, царевну молодую...
Все, госпожа, тебѣ я передамъ,
Что мнѣ узнать пришлося да увидѣть,
Пока во вражій лагерь я ходилъ
И несъ сюда, обратно, клятвы мира...
(*Смотритъ по сторонамъ*).
Нѣтъ... никого... Спокойно можешь ты
По лѣстницѣ кедровой и старинной

На нашъ дворецъ подняться, Антигона...
Что войска-то аргосскаго сошлось!..
Куда ни глянешь: въ поле-ль, на прибрежье-ль
Исмена свѣтлаго или Дирцеи нашей...

Антигона (*ея еще не видно*).

Протяни мнѣ старую руку,
Помоги мнѣ, старикъ, подняться...
Круты мнѣ, молодой, ступени.

Старикъ.

Держись, дитя! ты подоспѣла кстати...
(*Поднимаетъ Антигону*).
Смотри: движеніе какое началось,
Въ какомъ порядкѣ строются аргосцы...

Антигона (*оглядывается, потомъ нѣсколько секундъ молча смотритъ вдаль, затѣмъ всплескиваетъ руками*).

О, богиня! О, дочь Латоны!
О, святая Геката!
Сколько мѣди тамъ ярко блестящей:
Словно молніи въ полѣ блещутъ.
(*Закрываетъ лицо руками*).

Старикъ (*любуясь на лагерь и улыбаясь*).

Да, Полиникъ пришелъ не *какъ-нибудь!*
Что колесницъ! Что воиновъ! А коней?

Антигона (*оборачивается и прижимаясь къ старику, схватываетъ его за руку*).

На воротахъ засовы-то мѣдные,
Они крѣпко-ли, старый, задвинуты?
Ворота-то въ стѣнахъ Амфіоновыхъ,
Въ бѣлокаменныхъ стѣнахъ не ходятъ-ли?

Старикъ (*успокоительно гладитъ ея руку*).

Не бойся: стѣнъ Ѳиванскихъ не возьмутъ.
Но развѣ ты не хочешь подивиться
На воиновъ, дитя мое, царевна?

Антигона (*снова оборачивается къ лагерю, потомъ съ живостью*).

Ахъ! кто это, кто?
Съ бѣлымъ султаномъ,
Передъ дружинами?
Видишь, старикъ?
Щитъ на рукѣ его
Такъ и горитъ луной,
Такъ вотъ и ходитъ весь...

Старикъ.

Начальникъ, госпожа

Антигона.

Откуда родомъ?
Какъ именемъ зовется, все скажи.

Старикъ.

Микенецъ онъ, моя царевна, въ Лернѣ
Его дворецъ: онъ—царь Гиппомедонтъ.

Антигона.

Боги мои! грозный какой:
Ужасъ возьметъ, какъ поглядишь!
Людямъ не сроденъ онъ:
Онъ на гиганта,
Сына Земли, похожъ.
Точно Стеропъ
Съ вазы расписанной... Ну, а другой?
Видишь: Дирцею переѣзжаетъ онъ:
Странно одѣтъ онъ такъ, вооруженъ?
Кто онъ, старикъ?

Старикъ.

Это Тидей.
Онъ по отцу Ойнеевичъ, а панцырь
На немъ надѣтъ, царевна, этолійскій

Антигона.

Такъ вотъ это кто?!.
Они съ Полиникомъ
Женаты на сестрахъ родныхъ...
О, боги... какой же онъ странный!..
Ты вàрвара подмѣсь сейчасъ отличишь
Въ обличьѣ его и доспѣхахъ...

Старикъ.

Щиты у всѣхъ такіе этолійцевъ,
И всѣ они—чудесные стрѣлки...

Антигона.

А возлѣ гроба Дзетова... Ты видишь?
Вонъ, въ локонахъ и такъ сердито смотритъ,
По виду юноша,—а между тѣмъ за нимъ,
Какъ за начальникомъ, идетъ толпа густая
Во всеоружіи.

Старикъ.

Партенопей—
Его зовутъ, рожденный Аталантой...

Антигона.

Онъ сынъ Аталанты—
Но пусть о подругѣ забывъ и спутницѣ вѣрной
Веселыхъ охотъ,
О, пусть Артемида его
За этотъ набѣгъ покараетъ
И легкой стрѣлою смиритъ!

Старикъ.

Все такъ, дитя. Но привела ихъ *правда.*
Не просмотрѣть бы этого богамъ.

Пауза.

Антигона (*быстро бѣгая взоромъ по лагерю*)

Но гдѣ-жъ онъ, скажи мнѣ?
Гдѣ братъ Полиникъ мой, съ которымъ
Одна насъ, старикъ,
Несчастная мать породила?
Очамъ моимъ жаднымъ скорѣй
Открой моего Полиника!

Старикъ.

Да вотъ, царевна, около могилы
Семи убитыхъ Ніобидъ, съ Адрастомъ
Онъ говоритъ. Ты видишь ли?

Антигона (*всматривается*).

Едва...
Я различить могу лишь очертанья
Его фигуры. Блѣдный очеркъ груди...
(*Всматривается, потомъ съ загорѣвшимися глазами*).

О, если бы, какъ облако, могла я
По воздуху къ изгнаннику примчаться
И, шею милую руками обвивая,
Къ его груди покинутой прижаться
(*беретъ старика за руку*)
Скажи, старикъ! Не правда ль, онъ прекрасенъ,
Въ своихъ доспѣхахъ яркихъ, какъ лучи
Румянаго, проснувшагося солнца?

Старикъ.

Тебѣ на радость, госпожа, придетъ
Сюда твой Полиникъ сегодня...

Антигона.

Этотъ
Скажи мнѣ, кто? вотъ видишь, взялъ онъ возжи...
Запряжка бѣлая... Ты видишь?

Старикъ.

Это жрецъ,—
Амфіарэй-гадатель—неразлучна
Съ нимъ жертвы кровь—отрада почвы жадной

Антигона (*всплескиваетъ руками*).

Дочь Латоны Свѣтло-опоясанной,
Артемида моя Златолунная!
О, какъ онъ легко и красиво
Коней своихъ бѣшеныхъ правитъ,
И колетъ, и дразнитъ спокойно!..
А гдѣ же, скажи мнѣ, надменный
Гдѣ царь Капаней,
Съ его угрозою дерзкой?

Старикъ.

Да вотъ онъ: стѣны мѣритъ вверхъ да внизъ,
Гдѣ-бъ лѣстницу приставить выбираетъ.

Антигона.

Боги безсмертные,
Дѣва отмщенія,
Громы Зевесовы тяжкіе,
Молній его
Пламя палящее!
Я заклинаю васъ:
Гордость безмѣрную
Вы успокоите...

Онъ обѣщался копьемъ
Плѣнницъ Ѳиванскихъ добыть:
Лернѣ, Микенамъ своимъ
Вдоволь рабынь насулилъ.
О, Артемида, ты златокудрое чадо Зевесово,
О, не давай меня на поруганіе, въ рабство постылое!

Старикъ (*касаясь ея плеча*).

Ужъ время, дочь моя, сойди опять
Подъ отчій кровъ и въ свой дѣвичій теремъ
За ткацкій станъ безропотно вернись:
Ты въ сердцѣ жаръ желаній утолила,
Все видѣла, царевна... А теперь
Передъ дворцомъ толпятся наши гости...
Не попадай къ подругамъ на языкъ.
Вѣдь женщины всегда прибавить рады;
И ихъ уста злорѣчія полны,
Когда онѣ одна другую судятъ.

(*Уходятъ по внутренней лѣстницѣ: рабъ впереди и снимаетъ Антигону съ крыши*).

Между тѣмъ передъ дворцомъ показывается хоръ молодыхъ дѣвушекъ въ пестрыхъ одеждахъ. Большая часть черноволосыхъ, съ матовымъ оваломъ лицъ. Корифей-дѣвушка высокаго роста и мужескаго типа.

Пародъ (*вступительная пѣснь хора*).
Пѣніе сопровождается медленными мимическими движеніями.

Хоръ.

Строфа I.

Тирійскія волны простите на вѣкъ!
Прости, мой островъ родимый!
Не долго на волѣ сіяла краса,—
И горькой я стала рабыней.
И на склоны вѣнчанные снѣгомъ,
Къ Парнасу иду я печально,
Въ чертогъ Аполлона влекома...
Мнѣ звучало
Музыкой сладкой
Въ парусахъ
Дыханье зефира,
Когда іонійскія волны
Тирійская ель разсѣкала,
И мимо меня пробѣгали
Сициліи влажныя нивы.

Антистрофа I.

Такъ боги велѣли, чтобъ въ Тирѣ моемъ
Для Феба я расцвѣтала,
Но сердцу мой жребій почетный не милъ.
Увы мнѣ! Подъ стѣнами Кадма,
У потомковъ царя Агенора,
Тирійскаго царскаго рода,
Я только рабыня, подруги.
Я теперь—
Золотая статуя
Я —красивый
Даръ Аполлону,—
И ждутъ
Кастальскія воды
Омыть волной благодатной
У Фебовой дѣвы-рабыни
Ея шелковистыя косы.

Эподъ.

О, блестящія скалы Парнаса,
И ты, о свѣтлая высь его двуглавой вершины,
Гдѣ факелы пляски священной
Царя Діониса мелькаютъ!
О, вѣчно цвѣтущая лоза,
Точащая сокъ виноградный
Въ безсмѣнно-обильныя кисти!
Дракона божественный гротъ,
И ты, ущеліе Феба,
И вы, священные склоны,
Вѣнчанные снѣгомъ!..
Примите меня, рабыню,
Когда я Дирцею покину,
И пусть,
Вплетясь въ хороводы
Свѣтлой
Дѣвы богини,
Я предъ жерломъ священнымъ
Блѣднаго страха не знаю.

Строфа II.

Кровавый сигналъ пылаетъ!
И бурю, и смерть
Ужъ сѣетъ Арей
На нивы Кадмеи,

Но вы, о другіе, отъ Θивъ
Губительный бой удалите!..
Мы горе друзей
И бѣды свои
Не знаемъ дѣлить...
И стоны съ башенъ Θиванскихъ
Слезой въ Финикіи прольются,
Не даромъ и кровь, и дѣти,
Одни что въ Кадмеѣ, что въ Тирѣ,
И корень недаромъ одинъ—рогатая Іо!
Мнѣ такъ васъ жаль, Лабдакиды! *)

Антистрофа II.

Ужъ въ воздухѣ кровью запахло,
И тучей густой
Повисли щиты
Близь башенъ Θиванскихъ...
Но въ лязгѣ мечей боевыхъ
Поймутъ ли, скажи, Лабдакиды,
Что братская ихъ
Эринній рукой
Вражда зажжена?..
Боюсь тебя для Кадмеи,
Аргосцевъ страшное войско,
Но больше страшитъ мнѣ сердце,
Что боги стоятъ за Аргосъ,

*) Предокъ Эдипа Агеноръ происходилъ изъ Финикіи и принадлежалъ къ тому же царскому роду, къ которому и Тирскій царь, современникъ Эдипа и Этеокла: на этомъ основанъ тотъ живой интересъ, который проявляютъ финикіянки изъ Тира, составляющія хоръ, къ семьѣ Эдипа и къ θиванской неурядицѣ.

По преданію Кадмъ, прапрадѣдъ Эдипа, пришелъ изъ Тира (въ Финикіи) въ страну аонійцевъ (древнихъ обитателей Бэотіи) слѣдующимъ образомъ: онъ былъ у дельфійскаго оракула, и богъ приказалъ ему идти по слѣдамъ указанной ему телицы и гдѣ она ляжетъ отдыхать, на томъ мѣстѣ построить городъ. Она остановилась тамъ, гдѣ онъ впослѣдствіи основалъ Θивы, а чтобъ напоить ее, Кадмъ послалъ одного изъ своихъ спутниковъ за водой; но оказалось, что вода въ ближайшемъ источникѣ Арея охраняется чудовищнымъ Змѣемъ (дракономъ). Кадмъ долженъ былъ убить его на поединкѣ, а изъ посѣянныхъ зубовъ убитаго дракона вышли вооруженные, въ мѣдь закованные люди (гиганты), которые тотчасъ же вступили въ ожесточенный бой другъ съ другомъ и погибли почти всѣ: уцѣлѣвшіе стали по преданію предками аристократіи того города, который былъ построенъ Кадмомъ на мѣстѣ отдохновенія телицы: однимъ изъ потомковъ гигантовъ былъ и Менекей, отецъ жены и матери Эдипа Мегары.

Корнемъ Эдипова рода считалась Іо, одна изъ симпатій Зевса, которую преданіе изображаетъ въ видѣ коровы и отдаетъ подъ охрану стоглазаго Аргуса. У Іо былъ сынъ Эпафъ, отъ него произошла Ливія, а отъ Ливіи Агеноръ отецъ Кадма.

Соименныя богини—Деметра и Кора, мать и дочь, покровительницы Θивъ. Кадмъ женился на Гармоніи дочери Арея. Свадьба была очень парадная — всѣ боги тамъ пировали, а стѣны Θивъ поднимались сами собой во время пира, подъ музыку Амфіоновой арфы и лиры.

Что мечъ Полинику царю въ походѣ на Ѳивы
Точила вѣчная правда.

Во время послѣдней части хоровой пѣсни набѣгаетъ мракъ. Въ небѣ со стороны Аргосскаго лагеря поднимается розовое зарево костровъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Входитъ **Полиникъ**. Онъ идетъ крадучись, озираясь, и въ рукѣ у него длинный мечъ...

Полиникъ (*издали*).

Тамъ въ воротàхъ тяжелые засовы
Раздвинулись, и стража такъ свободно
Меня впустила въ городъ. Но тревоги
Я побороть не въ силахъ... Нѣтъ ли тутъ
Сѣтей какихъ—захватятъ и изранятъ...
Пусть зоркій взглядъ обходитъ не спѣша
Мѣста окрестныя... Ужель коварство
Тутъ кроется?..

(*Обнажаетъ мечъ*).

О, этотъ острый мечъ
Мнѣ бодрости прибавитъ... Тише, тише...

(*Останавливается*).

Какой-то шумъ! Постойте! Кто тамъ ходитъ?
Нѣтъ, кажется, почудилось... Пока
Опасность есть, и призракъ насъ пугаетъ...
Среди враговъ особенно, и мать,
Хотя меня придти уговорила,
Разубѣдить, конечно, не могла...

(*Оборачивается и видитъ алтарь*).

А вотъ она—защита—нашъ алтарь:
У алтаря очагъ дымится... Только
Передъ дворцомъ какія-то фигуры...

(*Шепотомъ и протягивая впередъ мечъ*).

На всякій случай мечъ передъ собой
Я протяну во մракѣ.

(*Быстро прячетъ мечъ*).

Это жены...
Спросить ихъ, кто онѣ?

(*Обращаясь къ хору*).

О, чужеземки!
Гдѣ ваша родина, и въ этотъ царскій домъ,
Въ Элладу какъ попали вы, скажите?

Корифей.

Въ Финикіи я родилась, и въ Тирѣ
Я разцвѣла. Тирійскіе цари
Рабынею меня послали къ Фебу,
За то, что богъ побѣдой ихъ вѣнчалъ...
А здѣсь, когда свѣтлѣйшій собирался
Направить даръ въ Фокиду, къ очагу
Преславнаго дельфійскаго владыки,
Ограду Ѳивъ Аргосецъ осадилъ...
Но ты, скажи, откуда ты, пришелецъ?..

Полиникъ.

Сынъ Лаія, о жены, зародилъ,
И дочь меня носила Менекея,
По имени Іокаста, а зовутъ
Меня мои ѳиванцы Полиникомъ.

Корифей.

Ты—нашъ! одна въ Агеноридахъ кровь.
Она съ царями Тира дорогого
Тебя роднитъ, державный Полиникъ...

Выходитъ луна, и дѣлается свѣтло какъ днемъ.

(*Бросаясь къ ногамъ Полиника*).

Свой я законъ храню:
Къ свѣтлымъ стопамъ твоимъ
Я припадаю, царь.

(*Потомъ обращается къ дворцу*).

Іо! Іо!
О, госпожа, иди скорѣй и настежъ
Дверь распахни для сына! неужели
Не чуетъ сердце матери? Что медлишь
Покинуть сѣнь чертога и обнять
Свое дитя дрожащими руками?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Іокаста, идетъ опираясь на посохъ, въ черной одеждѣ и простоволосая.

Іокаста.

На вашъ призывъ, о гости Финикіи,
Спѣшила я, и посохомъ дрожащій
Прямился мой, давно невѣрный шагъ...

(*Видитъ Полиника, дѣлаетъ шагъ къ нему и, бросивъ посохъ, протягиваетъ передъ собою обѣ руки*).

Мое дитя любимое!
(*Полиникъ подходитъ къ ней; она беретъ его за плечи и нѣсколько секундъ всматривается въ его лицо*).
О, сколько дней, о, сколько долгихъ дней
Я свѣтомъ глазъ твоихъ не любовалась!
(*Открываетъ на груди пеплосъ*).
Обними, Полиникъ, ты кормилицу—грудь
И, щекою къ лицу прижимаясь,
Темносиней волною волосъ
Шею матери нѣжно обвѣй.
Ты—со мной... Я такъ долго ждала,
Я сгорала тоской и надеждой...
И гляжу на тебя и не вѣрю,
Что со мной ты опять, дитя,
Всѣ слова свои мать растеряла
За томленіе долгой разлуки.
Я стою и сама не знаю,
Обнимать ли тебя мнѣ сладко,
Или въ пляскѣ пойти кружиться...
(*Долго молча, ласкаетъ и цѣлуетъ Полиника*).
О, Полиникъ,
Въ домѣ отцовскомъ
Какъ безъ тебя пусто казалось намъ,
Сколько ты слезъ друзьямъ,
Сколько ты гражданамъ
Горькихъ оставилъ слезъ,
А Этеокла единокровнаго,
Какъ укоряли мы!..
Я волны волосъ посѣдѣвшихъ съ тѣхъ поръ распустила,
И ихъ серебристыя пряди въ печали скосило желѣзо,
И бѣлаго цвѣта въ одеждѣ я больше не знаю,
Но часто съ тѣхъ поръ
По чернымъ и ветхимъ лохмотьямъ,
На тѣлѣ повисшимъ,
Текутъ материнскія слезы,
О, сынъ мой любимый и горькій!
А старый слѣпецъ
Въ чертогѣ отцовскомъ,
О, если бы зналъ ты:
Съ той самой поры,
Какъ ты отъ ярма
Изъ пары ушелъ,
Покоя несчастный не знаетъ, со вздохами слезы мѣшая,
Зарѣзаться онъ порывался,
Изъ петли его вынимали;

И все среди стоновъ проклятья свои выкликаетъ,
И мракъ наполняютъ тяжелые вопли слѣпого...
Женился ты, сынъ мой?
Скажи, что неправда!
Неужто жъ, дѣйствительно, ты на чужбинѣ женился?!
О, горе родившей тебя!
Для древняго Лаія обида
И грѣхъ тебѣ, грѣхъ, Полиникъ,
Что въ домъ ты ведешь чужеземку!
Блаженства лишенная мать, не я зажигала, увы!
Твой свадебный факелъ.
Ласкающей влагой Исмена родимаго волны
Для брачнаго ложа, о сынъ мой, тебя не омыли,
И улицы Ѳивъ не звучали отъ свадебныхъ гимновъ,
Встрѣчая царевну...
. . . .
Ты, бѣдствій источникъ сокрытый, изсякни во мракѣ!
Война или распря насъ губитъ,
Отца ль твоего преступленье,
Иль демонъ жестокій и черный въ чертогахъ
Эдипа пируетъ...
О, кто бъ ни посѣялъ васъ, бѣды, вы сердце мое истерзали...

Корифей.

Что значитъ муки вытерпѣть, рождая:
Не можетъ мать ребенка не любить.

Полиникъ.

Родимая!.. Я правъ и я—безумецъ,
Безумецъ, да... Разумный не пойдетъ
Одинъ, къ врагамъ и въ осажденный городъ,
Но этотъ городъ—домъ мой, и я правъ...
Да, мать моя, влеченія къ отчизнѣ
Преодолѣть не можетъ человѣкъ:
Слова тебѣ докажутъ что угодно,
Но истина сильнѣе всякихъ словъ.
Я шелъ сюда... все время опасаясь
Сѣтей враговъ, и, тяжкій вынувъ мечъ,
Передъ собой держалъ его, а очи
Тревожно мракъ окрестный озирали.
И, если уцѣлѣлъ я, это ты
Меня спасла своей священной клятвой...
(*Оглядывается*).
О, только ты... Да, вотъ онъ нашъ чертогъ.
Вотъ и алтарь,—опять открылись взорамъ

Гимназіи, гдѣ росъ я, и родной
Дирцеи блескъ... я радъ, а слезы льются
Изъ глазъ моихъ... О, милыя мѣста!
Отъ васъ я былъ отторгнутъ такъ жестоко,
Въ чужой землѣ на слезы осужденъ,
Но васъ опять увидѣлъ я—и плачу...

(*Плачетъ*).

Но ты, о мать моя! О, горькій видъ
Обрѣзанныхъ волосъ, одежды черной!
Какъ ты бѣдой измучена моей!
О, что за бичъ вражда единокровныхъ!

Іокаста.

Эдиповъ родъ могучею рукой
На казнь влечетъ одинъ изъ Олимпійцевъ:
А корень золъ—зачатья тяжкій грѣхъ,
Отцовскій бракъ и ты въ грѣхѣ рожденный.
Но для чего все это? Такъ богамъ
Угодно было,—и довольно...

Сынъ мой!

Моя душа горитъ желаньемъ слышать
Твой голосъ, но боюсь, что тяжело
Припоминать тебѣ...

Полиникъ.

О, нѣтъ не бойся,

Съ тобой твое желаніе люблю:
Все спрашивай, родимая—отвѣчу.

Іокаста.

Скажи, дитя, отчизну потерять
Большое зло для человѣка, точно?

Полиникъ.

Огромное: словами не обнять...

Іокаста.

Но чѣмъ же, чѣмъ изгнанникъ тяготится?

Полиникъ.

Рѣчей, о мать, свободныхъ онъ лишенъ.

Іокаста.

Удѣлъ рабовъ—трусливо прятать мысли.

Полиникъ.

А каково отъ грубости терпѣть?

Іокаста.

Да, жить среди глупцовъ... какая пытка...,

Полиникъ.

Межъ тѣмъ рабомъ изгнанникъ *долженъ* быть.

Іокаста.

Но вѣдь его надежды окрыляютъ
Такъ говорятъ...

Полиникъ.

Обманчивыя, да.

Іокаста.

И въ ихъ тщетѣ разувѣряетъ время?

Полиникъ.

О, сладость слезъ изгнаннику, повѣрь
Единое желанье и отрада.

Іокаста.

Но про себя скажи мнѣ: гдѣ же ты
До свадьбы жилъ и чѣмъ питался, горькій?

Полиникъ.

День сытъ, порой—до завтра потерпи.

Іокаста.

Отцовскіе друзья не помогали?

Полиникъ.

У бѣдняка ты друга не найдешь...

Іокаста.

Но *кровь* тебя отъ черни отличала...

Полиникъ.

Что въ знатности? вѣдь, ей не проживешь.

Іокаста.

Итакъ, всего дороже намъ отчизна?

Полиникъ.

Страданьемъ я пять этихъ словъ купилъ...

Іокаста.

Какъ въ Аргосъ ты попалъ, съ какою цѣлью?

Полиникъ.

Не знаю самъ: такъ видно богъ велѣлъ.

Іокаста.

О, мудрый богъ! Но какъ же ты женился?

Полиникъ.

Оракулъ былъ отъ Локсіи царю.

Іокаста.

Я не пойму... Какой еще оракулъ?

Полиникъ.

Адрасту богъ дельфійскій предвѣщалъ,
Что дочерей отдастъ онъ льву съ кабаномъ...

Іокаста.

Что жъ общаго имѣешь ты съ звѣрьми?

Полиникъ.

Ужъ ночь была, когда къ порогу дома
Адрастова пришелъ я.

Іокаста.

Ты искалъ
Ночлега, какъ изгнанникъ безпріютный?

Полиникъ.

Вотъ именно. За мной пришелъ другой.

Іокаста.

Кто жъ это былъ? Какъ ты, скиталецъ?.. бѣдный?

Полиникъ.

Тидей, а сынъ Ойнеевъ, говорятъ.

Іокаста.

Но почему жъ Адрастъ вообразилъ,
Что звѣри вы?

Полиникъ.

Изъ за цыновки жалкой
Тягались мы: въ борьбѣ онъ насъ засталъ.

Іокаста.

И... объяснивъ оракулъ Аполлона...

Полиникъ.

Онъ отдалъ намъ двухъ юныхъ дочерей.

Іокаста.

Что жъ, ты женой доволенъ, иль не очень?

Полиникъ.

Раскаяться покуда не успѣлъ...

Іокаста.

Но войско какъ склонить ты могъ къ походу?

Полиникъ.

Адрастъ зятьямъ обоимъ обѣщалъ
Въ отечество вернуть ихъ, начиная
Съ меня,—и вотъ данайцевъ лучшій цвѣтъ,
Сильнѣйшіе аргосцы здѣсь со мною...
Да, грустная услуга... но она
Была необходима... *боги знаютъ*,
Что не своей я волею иду
На тѣхъ, кто мнѣ всего дороже въ мірѣ.
Тебѣ одной, родимая, теперь
Насъ помирить возможно—этой распрѣ
Одна предѣлъ ты можешь положить.
О, мать моя, склоняя Этеокла,
Самой себя, Ѳиванцевъ пожалѣй,
И сжалься надъ своимъ бездомнымъ сыномъ...
Я истиной избитой заключу
Мои слова: на свѣтѣ только деньги
Даютъ намъ власть; вся сила только въ деньгахъ,
И если я привелъ сюда войска,
Такъ оттого, что бѣденъ я, а знатный
И нищій мужъ среди людей—ничто.

Корифей.

Сюда идетъ для совѣщаній съ братомъ
Ѳиванскій царь—уладить ихъ дѣла,
Какъ матери, тебѣ, Іокаста, должно.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

(Тѣ же и Этеоклъ въ вооруженіи и со свитой).

Этеоклъ.

Мать, ты звала меня—я не хотѣлъ
Тебя ослушаться,—но только, если можно,
Приказывай скорѣе—я спѣшу:
Тамъ, у воротъ, свои войска повзводно
Располагать я началъ... Столько дѣлъ...
А тутъ ко мнѣ явились съ приглашеньемъ...
И такъ ты насъ задумала мирить
И лишь затѣмъ меня уговорила
Впустить въ ограду нашихъ славныхъ стѣнъ
Вотъ этого... измѣнника... Не такъ ли?

Іокаста (*Этеоклу*).

Поудержись! Поспѣшность не порука
За истину, и плавный ходъ рѣчей
Изъ мудрыхъ устъ намъ кажется прекраснѣй.
Свирѣпый взоръ и гнѣвное дыханье
Смягчи, мой сынъ. Ты видишь возлѣ насъ
Не голову Горгоны, на которой
Еще свѣжа пурпуровая кровь...

(*Строго*).

Передъ тобой твой братъ и гость... Ты слышишь?
(*Къ Полинику который стоитъ опустя голову, между тѣмъ какъ Этеоклъ отвернулся въ сторону*).
Ты жъ, Полиникъ, лица отъ насъ не прячь:
Лучами глазъ отвѣтныхъ взоровъ брата
Ищи, мой сынъ: такъ легче говорить
И слушать рѣчь.
(*Полиникъ поднимаетъ голову, но старается не смотрѣть на брата*).
Отъ мудрости житейской,
Вотъ мой совѣтъ вамъ, дѣти: если вы
Поговорить сошлись, то гнѣвъ взаимный
Забыть должны; вы, взорами сплетясь,
Одно въ умѣ держать старайтесь дѣло,
Что обсудить рѣшили, а обидъ
И прошлыхъ золъ не сохраняйте память!
Ты, Полиникъ, дитя мое, сперва
Свое скажи! Съ дружинами данайцевъ
Тебя сюда обида привела.
Не такъ ли, сынъ мой? Пусть же богъ насъ судитъ
И правдою отъ золъ освободитъ.

Полиникъ.

У истины всегда простыя рѣчи,
Она бѣжитъ прикрасъ и пестроты,
И внѣшнія не нужны ей опоры,
А кривды рѣчь недугъ въ себѣ таитъ,
И хитрое потребно ей лѣкарство.
Когда, храня нашъ древній отчій домъ,
Проклятіемъ Эдипа осужденный,
На цѣлый годъ я брату уступилъ
Ѳиванскій тронъ для власти безраздѣльной,
А самъ ушелъ въ изгнанье, я не думалъ,
Что мнѣ мечомъ придется отбирать
Имѣнія и власть: мое рѣшенье

Онъ такъ хвалилъ, онъ клялся и боговъ
Въ свидѣтели онъ призывалъ, что смѣнитъ
Меня въ изгнаніи, какъ только минетъ годъ,
Но клятвы позабыты... Онъ владѣетъ
Моимъ добромъ и трона уступать
Не думаетъ... Клянусь, что я сейчасъ,
По праву власть отцовскую пріявши,
Съ Кадмейскихъ стѣнъ осаду снять готовъ,
Чтобъ черезъ годъ опять идти въ изгнанье,—
Но правъ своихъ я попирать не дамъ,
Покуда мечъ поддерживать ихъ можетъ...
Въ свидѣтели бозсмертныхъ я зову,
Что поступалъ по правдѣ, и отчизны
Лишенъ несправедливо и безбожно...
Пусть рѣчь моя не блещетъ остротой,
И грубъ ея языкъ прямой... Но правда,
По моему, для мудрыхъ и немудрыхъ
Одна на свѣтѣ, и другой не сыщешь.

Корифей.

Я выросла не въ эллинской семьѣ,
Но рѣчь твоя мнѣ кажется разумной.

Этеоклъ (*обращается къ матери*).

Когда бы всѣмъ казалось на землѣ
Одно и то же мудрымъ и прекраснымъ,
Раздоры бы не тяготили міра.
Увы! для рода смертныхъ ничего
Нѣтъ равнаго на свѣтѣ, только имя
Уподобляетъ вещи, а не сущность.
Передъ тобой желаній не таю:
На путь свѣтилъ полунощныхъ, и въ бездну
Подземную, и къ ложу солнца я
За скипетромъ пошелъ бы не колеблясь,
Когда бы тамъ онъ спрятанъ былъ. Царей
Великихъ власть среди боговъ безсмертныхъ—
Богиня дивная. А я—ѳиванскій царь!
О, мать моя, и правъ своихъ державныхъ
Я не отдамъ другому.—пусть ихъ вырветъ...
Быть подданнымъ захочетъ только трусъ,
Когда царемъ онъ можетъ оставаться...
И что же намъ угрозѣ уступать?
Иль оттого онъ сдѣлался правѣе,
Что копьями засѣялъ намъ поля...
Нѣтъ, злая честь досталась бы ѳиванцамъ,

Когда бы бремя скипетра изъ рукъ
Мнѣ выбилъ мечъ микенскій... а пришельцу,
Коли онъ мира ищетъ, не на ножъ
Прилично опираться, а на рѣчи.
Иль словъ найти на нашемъ языкѣ
Не смыслитъ онъ, что говоритъ желѣзомъ?..
Довольно... Въ Ѳивахъ подданнымъ моимъ
Онъ оставаться можетъ. Но престола
Я не отдамъ... И къ дѣлу... Загорайтесь,
Костры и факелы!.. острѣе ножъ точи!..
Коней и колесницъ побольше въ поле!
Когда Неправда намъ вручаетъ Власть,
Онѣ прекрасны обѣ. Добродѣтель
Во всемъ другомъ готовъ я соблюдать.

Корифей.

Красою словъ недобрые поступки
Не прикрывай, царевичъ,—ты не правъ.

Іокаста (*послѣ нѣкоторой паузы, остановивъ глаза на Этеоклѣ*).

Дитя мое! Среди недуговъ старость
Стяжала опытъ мудрый, и его
Не отвергай, мой сынъ, а вразумляйся.
Изъ демоновъ ужаснѣйшій теперь
Твоей душой владѣетъ—Жажда чести:
Оставь богиню эту! правды нѣтъ
Въ ея устахъ коварныхъ, и всечасно
Она отравой сладкой напояетъ
Цвѣтущія семейства, города...
Ты одурманенъ ею и не видишь
Другой прекраснѣе ея богини,
Что Равенствомъ зовется на землѣ.
Среди людей она такъ мирно правитъ,
Друзей она и ратниковъ роднитъ
И съ городомъ связуетъ городъ вольный.
Въ ней все: и справедливость, и законъ:
Гдѣ нѣтъ ея— тамъ нищета и роскошь,
Тамъ ненависть и слезы, униженье
И дерзость тамъ. И мѣру намъ, и вѣсъ
Она даетъ и числа образуетъ;
И спутница печальная ночей,
И яркихъ дней горящее свѣтило
Изъ года въ годъ и очередь, и шагъ,

Богинѣ той покорны, не мѣняютъ
И нѣтъ межъ ними зависти, а ты,
Ты, смертный, въ дѣлежѣ обидишь брата?!.
А правда гдѣ жъ, о сынъ мой? или такъ
Слѣпитъ тебя сіяніе престола,
Что власть царей *величіемъ* ты мнишь,
Прощая ей надменныя обиды?
О, суетность! Тебя манитъ, дитя,
Источникъ благъ, и ты не хочешь видѣть
На днѣ его мучительныхъ заботъ...
И что оно, богатство? Тѣнь, названье...
Да развѣ мудрый хочетъ быть богатъ?
Мы даже не владѣльцы нашихъ денегъ,
Богамъ онѣ принадлежатъ, богамъ:
Хотятъ—дадутъ, хотятъ—опять отнимутъ...
Одумайся жъ, передъ тобой престолъ
И родина: неужто жъ предпочтешь ты
Власть царскую спасенію своихъ?..
А если братъ въ бою тебя осилитъ,
И дротики Аргосцевъ отобьютъ
Ударъ копья ѳиванскаго! Подумай:
Тебѣ смотрѣть придется на разгромъ
Священныхъ Ѳивъ, смотрѣть на плѣнницъ нашихъ
Поруганныхъ... и, *золото* твое,
Мечту твою омывъ слезами, городъ
Такъ воззоветъ съ проклятіемъ къ тебѣ:
О, Этеоклъ, о злая жажда чести!

(*Къ Полинику*).

И ты теперь послушай, Полиникъ:
Аргосскій царь услугою невѣжды
Тебя сманилъ и, какъ ребенокъ глупый,
Ты Ѳивы жечь съ данайцами пришелъ...
Ну, хорошо, ты отвоюешь землю—
Отъ слова вѣдь не станется. А тамъ?
Какой трофей воздвигнешь ты Крониду
Среди полей отчизны! да, на немъ
Прочтутъ слова: „Щиты изъ Ѳивъ сожженныхъ
„Богамъ приноситъ Полиникъ Ѳиванскій“.
Не дай-то богъ тебѣ, мой бѣдный сынъ,
У эллиновъ добыть такую славу...
А если ты здѣсь будешь побѣжденъ,
Съ какимъ лицомъ покажешься ты въ Аргосъ?
Что скажешь тамъ про горы мертвыхъ тѣлъ,
Аргосскихъ тѣлъ, оставленныхъ въ Кадмеѣ?

Изъ сколькихъ устъ укоры прозвучатъ:
„О жалкій бракъ! Изъ-за тебя, Адрастъ,
„Изъ-за твоей затѣи мы погибли!“
О, Полиникъ, ты молодъ и горячъ,
И двѣ себѣ теперь ты ямы роешь:
Вооружишь ты Аргосъ на себя,
Иль здѣсь среди стяжанія погибнешь...
А я опять вамъ, дѣти, повторю:
Заносчивость безумную оставьте,—
Вашъ дикій споръ—для Ѳивъ большое зло.

Корифей.

Спасите жъ насъ, безсмертные, отъ золъ,
Иль сыновей Эдипа помирите!

Этеоклъ.

Споръ оконченъ; мнѣ сдается—мы напрасно время тратимъ,
И напрасно жаръ душевный, мать моя, ты расточаешь.
Мы иначе не сойдемся, какъ на прежнихъ основаньяхъ,
То-есть, если онъ захочетъ уступить мнѣ власть безъ споровъ...
(*Къ матери съ полупоклономъ*).
Полагаю, что внушеній больше слушать не придется...
(*Полинику*).
Ты жъ не медля насъ оставишь, или будешь ты зарѣзанъ...

Полиникъ.

Я желалъ бы видѣть панцырь, чтобъ ударъ онъ вынесъ этотъ,
(*Поднимаетъ мечъ*).
И отъ смерти спасся воинъ, на меня поднявшій руку.

Этеоклъ.

Можешь видѣть—это близко. Видишь мечъ, а вотъ и панцырь...

Полиникъ.

Я спокоенъ... Жалкой жизнью трусъ богатый не рискуетъ...

Этеоклъ.

И на труса ты приводишь эти полчища, несчастный!

Полиникъ.

Не безумная отвага; *разумъ* нуженъ полководцу,

Этеоклъ.

О, хвастунъ... Тебѣ раздолье—крѣпки клятвы договора.

Полиникъ.

Слушай ты—я повторяю: тронъ и часть полей отцовскихъ!

Этеоклъ.

Это лишнее... Я дома своего не уступаю.

Полиникъ.

Ты моей владѣешь частью.

Этеоклъ.

Уходи, я говорю!

Полиникъ.

Я ограбленъ.

Этеоклъ.

Ты измѣнникъ, другъ Аргосскому царю...

Полиникъ.

Стѣны братьевъ бѣлоконныхъ...

Этеоклъ.

О, тебя стыдятся стѣны.

Полиникъ.

Я былъ изгнанъ изъ отчизны.

Этеоклъ.

И отправился въ Микены.

Полиникъ.

Боги! Боги!

Этеоклъ.

Ты бъ не здѣшнихъ, а аргосскихъ призывалъ.

Полиникъ.

Нечестивецъ!

Этеоклъ.

Но отчизны я врагамъ не продавалъ.

Полиникъ.

Ты грабитель, ты обидчикъ!

Этеоклъ.

И убійцей буду скоро.

Полиникъ.

О, отецъ мой, эти муки...

Этеоклъ.

Муки вора, муки вора...

Полиникъ.

Мать моя!..

Этеоклъ.

Ты имя это недостоинъ повторять.

Полиникъ.

Сестры милыя!

Этеоклъ.

Которыхъ ты явился разорять.

Полиникъ.

Ѳивы!

Этеоклъ.

Въ Аргосъ отправляйся, тамъ взывай къ потоку Лерны...

Полиникъ (*матери, съ движеніемъ*).

О прости, прости, родная!

Этеоклъ (*матери, гнѣвно*).

Прочь отъ скверны, прочь отъ скверны!

Полиникъ.

Дай съ отцомъ хоть попрощаться.

Этеоклъ.

Не прощаяся, уйдешь.

Полиникъ.

Дай сестеръ обнять...

Этеоклъ.

Съ Адрастомъ развѣ къ нимъ ты попадешь...

Полиникъ.

Мать, прости и будь здорова!

Іокаста.

Гдѣ ужъ тамъ: душа томится.

Полиникъ.

Я не сынъ твой больше, мама.

Іокаста.

Лучше бъ мнѣ и не родиться!

Полиникъ (*указывая на Этеокла*).

Надо мной онъ надругался...

Этеоклъ.

Надо жъ было расплатиться.

Полиникъ (*Этеоклу*).

Гдѣ стоять ты будешь въ полѣ?

Этеоклъ.

Гдѣ стоять?.. А цѣль твоя?

Полиникъ.

Ополчась, тебя убью я.

Этеоклъ.

Не задумаюсь и я...

Іокаста.

Горе мнѣ!

Полиникъ.

Рѣшенье близко: мы стоимъ передъ судомъ.

Іокаста.

Вы Эринній не избѣгли.

Этеоклъ.

Сгибни жъ ты, Эдиповъ домъ!
(*Іокаста въ ужасѣ бѣжитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, безъ Іокасты.

Полиникъ.

Скоро, скоро мечъ мой праздный жаркой кровью обольется!
Будь свидѣтелемъ, отчизна, вы, безсмертные смотрите:
Ухожу я обезчещенъ, отъ своихъ оторванъ силой,
Будто я не сынъ Эдипа, а послѣдній рабъ Ѳиванскій.
Если что случится, Ѳивы, Полиника не вините.
Ты же, богъ-хранитель улицъ и чертогъ мой, я съ тоскою
Покидаю васъ; простите! О, златые истуканы,
Предъ которыми такъ часто кровь овечью возливалъ я,
Васъ увижу ль, я не знаю, но не спитъ надежда въ сердцѣ,
Что съ разбойникомъ покончивъ, я царемъ возсяду въ Ѳивахъ.
(*Уходитъ*).

Этеоклъ (*вслѣдъ ему*).

Вонъ отсюда! О, недаромъ былъ ты названъ Полиникомъ,
И *зачинщика раздоровъ* *) твой отецъ въ тебѣ провидѣлъ.
(*Уходитъ*).

*) Этимологическое значеніе имени.

Первый музыкальный антрактъ.

Строфа I.

О, какъ это было давно!
Кадма Тирійскаго
Въ эти поля Аонійскія долго телица вела,
Ига не зная,
Долго блуждала...
Но тамъ, гдѣ городу стать,
Судили вѣщанія бога,
Вдругъ ослабѣвъ,
Четыре колѣна склонила она и пала на землю.
О, свѣжая зелень луговъ!
О, свѣтлое лоно Дирцеи
И вы, о, глубокія нивы!
Здѣсь, здѣсь намъ на радость
Гремучаго бога
Семела явила,
И только явила, какъ плюща
Зеленыя кудри
Зевесово чадо, вѣнчая и ластясь, увили.
Съ этого дня поднесь,
Плющемъ украсившись,
Жены и дѣвы здѣсь
Эвія славятъ, вакхической пляской ликуя,
Чадо Кронидово.

Антистрофа I.

Дракона съ кровавымъ гребнемъ,
Съ взоромъ сверкающимъ,
Стража потока Дирцейскаго, камнемъ Тиріецъ убилъ
У водопоя
Въ кисти могучей...
И, внявъ Паллады словамъ,
Богини, чудесно рожденной,
Зубы его
На нивѣ глубокой и тучной посѣялъ славный Тиріецъ.
И, лоно земли растерзавъ,
Булатомъ звеня и сверкая,
Чудовища вышли оттуда,
Какъ призракъ ужасный,—
Но только что вышли,
Какъ яростью полныхъ
Тяжелымъ ударомъ желѣзо

Гигантовъ могучихъ,
Въ губительной распрѣ погибшихъ, Землѣ воротило.
Пала сыновняя
Жаркой струею кровь
Въ землю-кормилицу,
Что такъ недавно, дыханьемъ эфира согрѣта,
Здѣсь породила ихъ.

Строфа II.

Я, молясь, призываю тебя,
Праматери Іо
Великій потомокъ,
Рожденіе Зевса.
На варварскій голосъ нашъ,
Сойди къ намъ, Эпафъ, сойди!
Къ землѣ обездоленной,
Къ созданію Кадмову,
Къ созданью сыновъ твоихъ!

Антистрофа II.

Ты почти соименныхъ богинь:
Одну Персефону,
Другую Деметру,
Царицу вселенной
Всѣмъ тварямъ кормилицу,
Богинь намъ пошли, Эпафъ!
Пусть факелъ спасенія
Кадмейцамъ несутъ онѣ:
Всевластны безсмертные...

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Этеоклъ въ царской одеждѣ, но безъ полнаго вооруженія, какъ дома. За нимъ стража.

Этеоклъ (*солдату*).

Ступай, сыщи намъ сына Менекея,
А матери моей Іокасты брата.
Скажи ему, что важныя дѣла
Ѳиванскія и нашего семейства
Немедля съ нимъ я долженъ обсудить,
Пока мы бой еще отсрочить властны.
(*Видя приближающагося Креонта*).
Ба... вотъ и онъ: ногамъ твоимъ, солдатъ,
Вельможный князь работы не доставилъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

(Тѣ же и Креонтъ).

Креонтъ.

На силу-то тебя я розыскалъ,
Царь Этеоклъ, пришлося караулы
Мнѣ обойти у всѣхъ семи воротъ.

Этеоклъ.

И я, Креонтъ, хотѣлъ тебя увидѣть:
Сегодня былъ въ Кадмеѣ Полиникъ,—
Согласіе межъ нами невозможно.

Креонтъ.

Да, я слыхалъ, что онъ не въ мѣру гордъ
Своимъ родствомъ съ Аргосцемъ и на силы
Надѣется—но это предоставимъ
Богамъ рѣшать. Къ тебѣ, ѳиванскій царь,
Я шелъ теперь за настоящимъ дѣломъ.

Этеоклъ.

Что хочешь ты сказать, я не пойму.

Креонтъ.

Есть плѣнники аргосскіе у насъ.

Этеоклъ.

И новости изъ лагеря—не такъ-ли?

Креонтъ.

Мы штурма ждать должны со всѣхъ сторонъ.

Этеоклъ.

Скорѣй же въ поле всѣхъ вооружѐнныхъ!

Креонтъ.

Остановись... дитя или слѣпецъ!..

Этеоклъ.

Туда, за ровъ, и въ бой безъ промедленій!

Креонтъ.

Да много ль насъ, а ихъ—и смѣты нѣтъ...

Этеоклъ.

Я знаю ихъ: вся храбрость ихъ до боя

Креонтъ.

Аргосцевъ чтитъ *Эллада,* Этеоклъ.

Этеоклъ.

А я поля залью аргосской кровью.

Креонтъ.

Дай богъ тебѣ! но трудно, трудно, царь.

Этеоклъ.

А за стѣной оставить можно войско?

Креонтъ.

Предусмотрѣть и значитъ побѣдить:
Вотъ что тебѣ совѣтую припомнить.

Этеоклъ.

Другихъ путей поищемъ, если такъ.

Креонтъ.

Придумывай, пока еще не поздно.

Этеоклъ.

Что, если вылазку устроимъ мы, Креонтъ?

Креонтъ.

Во тьмѣ ночей несчастія таятся.

Этеоклъ.

И имъ, и намъ, но смѣлыхъ богъ хранитъ.

Креонтъ.

Да, хорошо, какъ спрятаться успѣешь...

Этеоклъ.

Успѣешь ли... Дирцея глубока.

Креонтъ.

Придумано не дурно,—но защита
Надежная, по моему, вѣрнѣй.

Этеоклъ.

И все-таки въ обѣдъ я нападаю.

Креонтъ.

Пугнуть—пугнешь, а надо побѣдить.

Этеоклъ.

А конница? Набѣгъ кавалерійскій?

Креонтъ.

Колесами ихъ лагерь обнесенъ.

Этеоклъ.

Но гдѣ же выходъ, неужели сдаться?

Креонтъ.

Зачѣмъ? Съ умомъ всегда найдешь исходъ.

Этеоклъ.

Коли уменъ, придумай. Мы жъ посудимъ.

Креонтъ.

Тамъ семь вождей въ ихъ станѣ—я слыхалъ.

Этеоклъ.

Какъ семь вождей? Командовать надъ горстью?

Креонтъ (*подсказывая ему*).

И нашихъ войскъ движенія слѣдить.

Этеоклъ.

Постой, Креонтъ, необходимы мѣры
И быстрыя—не за горою врагъ...

Креонтъ (*быстро*).

Царь, семь вождей пошли къ семи воротамъ!

Этеоклъ.

Начальствовать, иль предлагаешь ты
Устроить рядъ кровавыхъ поединковъ?

Креонтъ.

Начальствовать, и лучшихъ избери.

Этеоклъ.

Чтобъ удалить возможность штурма башенъ?

Креонтъ (*продолжаетъ*).

Помощниковъ надежныхъ имъ поставь...

Этеоклъ (*насмѣшливо*).

Что жъ посмѣлѣй иль только осторожныхъ?

Креонтъ.

Безъ смѣлости чего же стоитъ умъ,
И глупая кому потребна смѣлость?

Этеоклъ.

Пусть будетъ такъ. Лохаговъ назначать,
Аргосскому послѣдуя примѣру,
Сейчасъ иду я въ городъ семивратный...
Перечислять намѣченныхъ теперь
Не время, кажется, когда враги такъ близко.
Но для себя я мѣсто приберегъ:
Я стану тамъ, гдѣ встрѣчу Полиника.

И если я не ворочусь, Креонтъ.
Не позабудь устроить бракъ Гемона:
Съ сестрой моей его я сговорилъ,
Такъ обрученья повторять не надо...
Тебѣ, Креонтъ, я оставляю домъ:
Ты—дядя мнѣ и кровныхъ не обидишь.
Іокасту мать въ довольствѣ содержи,—
Кто ближе намъ: тебѣ и мнѣ, вельможный?
Старикъ отецъ въ безуміи своемъ
Самъ осудилъ себя на ослѣпленье:
За яростный потокъ его проклятій
На голову дѣтей его хвалить
Я не могу, конечно, и сегодня жъ
Они меня раздавятъ, можетъ быть.
Все, кажется?.. Да развѣ вотъ еще,—
Тиресія гадателя мы спросимъ.
Къ нему пошлю я сына твоего,
Что имя дѣда носитъ, Менекея.
И пусть тебѣ совѣты старецъ вѣщій
Свои подастъ: рѣшенія боговъ
Читаетъ онъ въ полетѣ птицъ небесныхъ.
Меня—слѣпой Тиресій не взлюбилъ
Съ тѣхъ поръ, какъ разъ при немъ на ихъ искусство
Я нападалъ.
Послѣдній мой приказъ
Тебѣ, Креонтъ, съ ѳиванцами,—коль боги
Побѣду мнѣ сегодня ниспошлютъ,
Пускай никто изъ гражданъ Полиника
Въ землѣ родной не смѣетъ хоронить,
И кто бы ни ослушался, казните! (*Стражѣ*).
А вы ступайте живо во дворецъ!
Оружіе мнѣ нужно: щитъ тяжелый,
И поножи, и панцырь, и шеломъ,
Копье и мечъ. Иду я за отчизну
На праведный и благородный бой...
Ты жъ, изъ богинь богиня, Осторожность,
Храни мой домъ и Ѳивы безъ меня!
(*Уходитъ. За нимъ Креонтъ и стража*).

Второй музыкальный антрактъ.

Строфа.

О, печалью богатый Арей,
О, богъ,

Обагренный кровью убитыхъ,
Діониса веселаго чуждый!
Для чего не идешь, господинъ,
Туда, гдѣ юность ликуетъ,
Въ хороводахъ сплетаясь свѣтлыхъ,
Гдѣ плющомъ и тисомъ увитый
Волосъ золотистыхъ локонъ
У пляшущей дѣвы-Хариты
И ходитъ, и вьется, и пляшетъ
Подъ сладкую музыку флейты?..

Зачѣмъ тебѣ любо, суровый,
На Ѳивы по жаркому полю
Ряды желѣзныхъ данайцевъ
Подъ мѣдные звуки двигать?

То не Бромій тирсомъ безумья
Толпу неподвижную тронулъ,
Что тамъ на берегахъ Исмена
И шумъ, и пыль поднялися,
Что, въ вихрѣ кружась, замелькали
Колеса и люди, и мулы,
А конные мчатся рядами—
То Арей дыханьемъ вздымаетъ
Ѳиванцевъ, отродье спартовъ,
И у каменнымъ стѣнъ Амфіона
Ополчаются мѣдные люди.

То ты, богиня Вражда,
Для горькаго дома Лабдака
Готовишь новыя бѣды.

Антистрофа.

О, священная зелень лѣсовъ,
И ты,
Киѳеронъ, вѣнчанный снѣгами,
Артемиды алмазъ безцѣнный!
Для чего ты хранилъ, Киѳеронъ,
Іокастѣ сына Эдипа,
Что когда-то изъ сѣни отчей
На голыя скалы былъ брошенъ
Съ пронизанной златомъ пяткой?
Зачѣмъ, о крылатая дѣва,
Изъ дебрей ты въ Ѳивы летѣла
Съ загадкой своей печальной?

И лютое горе рождая,
Потомковъ великаго Кадма
Въ когтяхъ уносила хищныхъ
Къ сіянью лазури вѣчной?

Знать тебя, крылатое диво,
Изъ царства поддоннаго мрака
Аидъ посылалъ могучій
На гибель кадмейскому роду...
А нынѣ тебя замѣнила
Ужасная братская распря...
О, горе, о, злое рожденье,
Когда мать отъ сына рождаетъ,
О, грѣхъ, кровавый и страшный,
Когда сынъ наслажденье вкушаетъ,
Попирая матери ложе.
Отъ васъ, объятья грѣха,
Родиться можетъ ли счастье,
Иль добрыя дѣти родиться?

Эподъ.

...Въ тѣ давніе дни
Нивы земли Ѳиванской,
Зубы пріявъ дракона,
Яркимъ вѣнчаннаго гребнемъ,
Варваровъ міру явили,
Первую славу отчизнѣ...
...Въ тѣ давніе дни
На бракъ Гармоніи дивной
Безсмертные боги стекались,
И стѣны изъ бѣлаго камня
Вставали подъ пѣніе арфы,
Подъ звонъ Амфіоновой лиры
Твердыни Кадмеи вставали,
Въ долинѣ, гдѣ зелень луговъ
Исменъ волной орошаетъ,
И близко къ нему подбѣгаютъ
Дирцеи рѣзвыя волны.
Съ онаго дня, какъ праматерь рогатая Іо
Перваго предка кадмейскихъ царей породила,
Сколько вы славныхъ именъ,
Сколько вы подвиговъ славныхъ,
Ѳивы родныя узрѣли!

А теперь вашъ блескъ воинскій
Долженъ ярко разгорѣться,
Или... вспыхнуть и угаснуть...

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Креонтъ и Тиресій въ золотомъ вѣнцѣ; его ведетъ дочь Манто и сопровождаетъ юноша Менекей, младшій сынъ Креонта.

Тиресій (*идетъ, нащупывая путь палкой и ступая мелкими шагами стараго слѣпца*).

О, дочь моя, для стараго слѣпца
Ты око и опора, какъ во мракѣ
Для корабля полнощное свѣтило...
Я посохомъ ощупываю путь...
Идти легко... Тутъ гладкая дорога...
Но я усталъ... передохнемъ дитя...
(*Осматривается, тяжело дыша*).
Смотри же, дочь, храни въ рукѣ дѣвичьей
Тѣ записи гаданій, гдѣ судьба
Ѳиванская начертана богами—
Въ святилищѣ моемъ я ихъ прочелъ.
А ты, дитя Креонтово, скажи намъ,
Далеко ли до города?—меня
Усталыя колѣни ужъ не носятъ,
И частые измучили шаги...

Креонтъ.

Привѣтъ тебѣ!.. Ладью свою, Тиресій
Останови у дружескихъ бреговъ!
(*Менекею*)
А ты, мой сынъ, слѣпому будь поддержкой:
Младенческимъ и старческимъ ногамъ
Опора рукъ чужихъ всегда пріятна.

Тиресій (*не садясь на приглашеніе Менекея*).

Но ты, Креонтъ, по дѣлу звалъ меня
И спѣшному? Ты ждешь моихъ совѣтовъ?

Креонтъ (*усаживая его*)

Успѣется... Передохни, старикъ,
И, скинувъ съ плечъ томленье путевое,
Остатки силъ упавшихъ собери!

Тиресій (*садится*).

Да, тяжко мнѣ! Подумать, что вчера,
Вчера еще побѣду Кекропидамъ,
Въ войнѣ съ царемъ ѳракійскимъ указавъ,
Златой вѣнецъ пріялъ я за вѣщанья,
Добычи ихъ аѳинской первый даръ.

Креонтъ.

Твой золотой вѣнецъ, о старецъ вѣщій,
Да явится намъ знаменемъ благимъ!
Ты видишь насъ, Тиресій, въ морѣ бѣдствій:
Данайцами тѣснимые, подъемлемъ
Мы тяжкій бой, и во главѣ дружинъ
Ѳиванскій царь копье уже поставилъ...
Что дѣлать намъ, Тиресій, укажи,
Чѣмъ городу тѣснимому поможемъ?

Тиресій.

Я вѣщихъ устъ не сталъ бы размыкать
Для вашего царевича, но если
Тебѣ, Креонтъ, гаданія нужны,
Я говорить готовъ.
(*перебираетъ въ рукахъ таблички, взятыя у Мантò*).
Вашъ городъ страждетъ
Уже давно, съ тѣхъ поръ какъ, противъ воли
Боговъ, Эдипъ былъ зачатъ. И его
Незрячіе и кровью налитые
Глаза теперь для эллиновъ урокъ...
А сыновья, которые слѣпого
Темницею задумали карать,
Какъ будто мало кары Олимпійской,
Они—глупцы надменные, и только...
Когда, лишивъ несчастнаго слѣпца
Его богатствъ, послѣднее—свободу—
Они отнять дерзнули беззаконно,
Разгнѣванный, онъ изрыгнулъ на нихъ
Тяжелыя отцовскія проклятья,
Чего тогда не дѣлалъ я, чего
Не говорилъ я сыновьямъ Эдипа!—
Лишь ненависть отвѣтомъ мнѣ была.
(*Встаетъ и, переложивъ досчечки въ лѣвую руку, жестикулируетъ правой*).
Теперь, Креонтъ, внемли вѣщаньямъ Феба:
Для сыновей Эдипа настаетъ
Послѣдній бой, и ни *одинъ не встанетъ*...

А городу придется пережить
Дни тяжкихъ жертвъ: я вижу, какъ на трупы
Кровавыхъ тѣлъ ложится свѣжій рядъ,
И стонъ земли Ѳиванской наполняетъ
Мнѣ ужасомъ взволнованную душу.
О, городъ мой, въ обломкахъ погребенъ,
Ты узришь смерть, коль словъ моихъ не примешь.
Вотъ первое: Да не царитъ въ тебѣ
И да не будетъ даже гражданиномъ
Къ Эдипову принадлежащій роду...
Безумію подверженъ этотъ родъ...
И Ѳивы онъ увлечь въ погибель можетъ. (*Помолчавъ*).
Отъ вашихъ мукъ теперешнихъ одно
На свѣтѣ есть, но горькое лѣкарство,
И я его не буду называть...
Гадателю опасно, а владыкамъ
Нерадостно отечества алтарь
Такою жертвой цѣнною украсить.
(*Беретъ посохъ изъ рукъ дочери и возвращаетъ ей досчечки*).
Но я усталъ... Пора на отдыхъ мнѣ...
Грядущее приму я, какъ другіе,
А умереть придется,—не спасусь...

Креонтъ.

Ни съ мѣста, ты...

Тиресій.

О, не проси несчастный!

Креонтъ.

Бѣжишь?

Тиресій.

Бѣгу-ль? Судьба тебя бѣжитъ...

Креонтъ.

Лѣкарство намъ открой, твое лѣкарство...

Тиресій.

Теперь „открой“, а тамъ „молчи, молчи!“

Креонтъ.

Я *откажусь спасти* мою отчизну?!

Тиресій.

Такъ *точно* ты лѣкарство хочешь знать?

Креонтъ.

Для сердца нѣтъ заманчивѣе тайны...

Тиресій.

Попомни же и слушай, если такъ.
Но, нѣтъ, сперва скажи, куда дѣвался
Меня къ тебѣ приведшій Менекей?

Креонтъ.

Онъ здѣсь, старикъ.

Тиресій.

Пускай же удалится,
Онъ этихъ словъ моихъ не долженъ знать.

Креонтъ.

Оставь, мой сынъ сберечь съумѣетъ тайну

Тиресій.

Ты требуешь, чтобъ я вѣщалъ при немъ?

Креонтъ.

Зачѣмъ лишать его отрадной вѣсти!..

Тиресій.

Внемли жъ божественнымъ вѣщаньямъ устъ моихъ!
Вотъ этого ребенка, Менекея,
Отчизнѣ въ даръ ты долженъ заколоть...
. . . .
И самъ судьбу на голову накликалъ!

Креонтъ (*отступаетъ съ легкимъ стономъ*).

Что говоришь, что говоришь, старикъ?

Тиресій.

Или слова мои тебѣ не ясны?

Креонтъ.

О, тяжекъ смыслъ твоихъ крылатыхъ словъ...

Тиресій.

Но крылья ихъ несутъ спасенье Ѳивамъ.

Креонтъ.

Что Ѳивы мнѣ?! Ты ничего, старикъ,
Не говорилъ, я ничего не слышалъ...

Тиресій.

Иль нашъ Креонтъ богами подмѣненъ?

Креонтъ (*обнимая сына*).

Иди, старикъ. Гаданій намъ не надо...

Тиресій.

Иль истины не стало на землѣ
Съ тѣхъ поръ, какъ ты несчастіемъ постигнутъ?

Креонтъ.

О, я молю тебя, твоихъ колѣнъ
И бороды твоей касаясь бѣлой...

Тиресій.

Зачѣмъ молить—ты слышалъ и терпи!

Креонтъ.

Молю... чтобъ ты своихъ гаданій страшныхъ
Кому-нибудь изъ гражданъ не открылъ...

Тиресій.

Преступнаго не вымолишь молчанья...

Креонтъ.

Иль ты его своей рукой убьешь?

Тиресій.

Зачѣмъ? скажу... Найдется исполнитель...

Креонтъ.

Но это зло, скажи, откуда жъ зло
Мнѣ и ему безвинному, Тиресій?

Тиресій.

Ты правъ, отецъ, желая это знать
И объясненій *требуя*: въ пещерѣ,
Гдѣ жилъ Драконъ, хранитель водъ Дирцейскихъ
И сынъ Земли, онъ долженъ быть убитъ...
Тамъ кровь его, на землю пролитая,
За Кадмову побѣду заплативъ,
Съ обиженнымъ васъ примиритъ Ареемъ
И землю-мать отрадой напоитъ...
Да, плодъ за плодъ пріявъ и чистой кровью
Месть давнюю насытивъ, будутъ къ вамъ
Арей и мать дракона благосклонны,—
Та мать, которая изъ лона золотой
Взростила здѣсь и дивный колосъ спартовъ...
О, въ жертву имъ не чуждая должна
Пролиться кровь, Драконова, родная,
И такъ какъ ты единственный потомокъ
Погибшихъ спартовъ, а Гемонъ твой сынъ,
Какъ обрученный, въ жертву не годится,—
Такъ умереть твой младшій осужденъ.

Онъ кровію, ребенокъ непорочный,
Родныя Өивы можетъ возвеличить
И погубить данайцевъ, а тебѣ
Два жребія я указалъ: отчизну
Иль сына выбери—обоихъ не спасешь... (*Дочери*).
Свой тяжкій долгъ исполнилъ твой отецъ,
О дочь моя! домой пойдемъ—судьбою
Обижены мы, вѣщіе: коль правду
Имъ говоришь, такъ отъ людей укоръ,
А пожалѣть нельзя,—обидишь бога.
Нѣтъ, возвѣщать грядущее одинъ
Дельфійскій богъ свободенъ. Чужды Фебу
И блѣдный страхъ, и жалость, и печали.
(*Уходитъ, съ нимъ Манто*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Креонтъ и Менекей. Продолжительная пауза.

Корифей.

Молчаніе уста тебѣ сковало,
О, говори: я такъ поражена...

Креонтъ.

Чего жъ ты ждешь? еще ль не угадала,
Что я скажу? Конечно, нѣтъ, и нѣтъ...
Иль долженъ я изъ жалости къ отчизнѣ
Ей сына жертвовать? да развѣ боги,
Вселяя въ насъ отцовскую любовь,
Отъ смертнаго потребовать рѣшатся,
Чтобъ палачамъ дѣтей онъ отдавалъ?..
Не надо мнѣ благословеній, кровью
Сыновнею обрызганныхъ... (*помолчавъ*). Но самъ,
Созрѣвшій для косы на нивѣ колосъ,
Я радъ сейчасъ за Өивы умереть... (*Менекею*).
Дитя мое, пока спокоенъ городъ,
Вѣщанія безумныя презрѣвъ,
Бѣги, покинь өиванскіе предѣлы...
О, только бы поспѣть, пока его
Гаданія начальникамъ извѣстны
Не сдѣлались и боевымъ вождямъ...
Не медли, сынъ, намъ дороги мгновенья.

Менекей.

Бѣжать? куда? въ чей городъ и къ кому?

Креонтъ.

О, только дальше, дальше отъ Кадмеи...

Менекей.

Но надо знать, отецъ, куда бѣжишь...

Креонтъ.

За Дельфами...

Менекей.

За Дельфами... а дальше...

Креонтъ.

Въ Этоліи...

Менекей.

Положимъ, а затѣмъ?

Креонтъ.

Ѳеспротъ слыхалъ?

Менекей.

Гдѣ славный храмъ Додонскій?

Креонтъ.

Ну, да.

Менекей.

Но кто жъ скитальца пріютитъ?

Креонтъ.

Богъ защититъ тебя...

Менекей.

А деньги, деньги?

Креонтъ.

Дамъ золота тебѣ я.

Менекей.

Хорошо..
Иди, отецъ... а мнѣ проститься надо
Съ твоей сестрой родимою,—когда
Безъ матери остался я, Іокаста
На грудь къ себѣ сиротку приняла.
Я ей скажу: „прости“ и отправляюсь...
(*Креонтъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Менекей.

О, женщины! Согласіемъ притворнымъ
Я утишилъ тревожный духъ отца,
И долѣе таиться мнѣ не надо...
„Уйди“ онъ говорилъ: „и городъ брось
На произволъ судьбы!“ Такую трусость
Простятъ, конечно, люди старику.
Отцу простятъ—но сына, чтò отчизну
Могъ выручить и предалъ, проклянутъ:
Измѣнникамъ отчизна не прощаетъ...
Довольно... Жизнь я отдаю богамъ...
Какой позоръ! Когда у стѣнъ ѳиванскихъ
Сограждане, отчизну заступивъ,
Свои щиты поставили безстрашно,
И хоть на смерть ихъ Фебъ не осуждалъ,
Ареевыхъ не избѣгаютъ взоровъ,—
Тотъ человѣкъ, который можетъ смертью
Отъ тяжкихъ мукъ отчизну исцѣлить,
Становится предателемъ отцовскимъ
И братнимъ, и ѳиванскимъ... Нѣтъ и нѣтъ!
Да и куда пошелъ бы я?.. Для труса
Почетъ одинъ въ отчизнѣ и въ бѣгахъ...
А ты, Арей, кровавый житель неба,
Когда-то здѣсь воздвигшій изъ земли
Чудовищныхъ владыкъ земли ѳиванской,
Внемли мнѣ, богъ! На башню я иду
Себя казнить, и въ черную обитель
Драконову моя прольется кровь,
Какъ повелѣлъ Креонту старецъ вѣщій.

Не бѣдный даръ тебѣ я приношу,
Ѳиванскій край, недугъ твой исцѣляя...

И если бы странѣ своей служить
Желали всѣ, себя забывъ,—для міра
Настали бы златыя времена. (*Уходитъ*).

Третій музыкальный антрактъ.

Строфа.

Зачѣмъ, скажи, крылатая,
Ехидны порожденіе,
Исчадье мрака адскаго,
До половины дѣвушка,

До половины чудище,
Зачѣмъ ты прилетала къ намъ?
О, крылья безпокойныя,
О, когти кровожадные,
Зачѣмъ брега Дирцейскіе
Опустошали вы?
И юношей измученныхъ
Загадкой невеселою
Зачѣмъ въ лазурь умчали вы?
Бѣды несносныя
Намъ ты судилъ, Арей,
Матери плакали,
Дѣвушки плакали,
Жалобой улицы,
Стономъ дома полны
Были ѳиванскіе.

И смѣшанный гулъ причитаній,
Какъ громъ, разсѣкало стенанье,
Когда уносила колдунья
Изъ города новую жертву.

Антистрофа.

Но вотъ Эдипъ, подвинутый
Дельфійскаго оракула
Словами злополучными,
Принесъ имъ радость краткую
И новыя страданія...
Побѣдою украшенный,
На матери женился сынъ
И послѣ, кровью залитый,
Проклятьями на смертный бой
Онъ *сыновей* привелъ...
Хвала тебѣ, хвала тебѣ,
За родину любимую
Себя обрекшій гибели!

Стоны оставилъ ты
Старцу родителю,
Граду жъ ѳиванскому,
Семиворотному,
Славу оставишь ты...
Счастливы матери,
Если такихъ родятъ.

О, еслибъ ихъ жребій счастливый
Дала намъ Паллада, что камень,
Начало всѣхъ бѣдствій ѳиванскихъ.
Вручила убійцѣ дракона...

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Вѣстникъ-оруженосецъ. (Продолжительный и нетерпѣливый стукъ въ ворота).

Эй!... Эй... Да есть ли кто тамъ? Отоприте...
Къ царицѣ я... Царицу поскорѣй
Мнѣ надо видѣть, люди, Іокасту.
(*Ворота отворяются и вдали видна идущая Іокаста*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Вѣстникъ и Іокаста.

Вѣстникъ.

Ты жалобы и слезы позабудь,
Эдипова преславная супруга,
И ухо преклони къ моимъ рѣчамъ.

Іокаста (*тревожно*).

О, милый мой! Иль новое несчастье?..
Царь Этеоклъ, съ которымъ ты ушелъ,
Мой сынъ, мой сынъ, скажи скорѣе, вѣстникъ:
Онъ живъ еще?

Вѣстникъ.

Да живъ, онъ, госпожа,
Живъ и здоровъ, о немъ не безпокойся...

Іокаста.

А стѣны что? Какъ башни на стѣнахъ?

Вѣстникъ.

Цѣлехоньки, и городъ нашъ не тронутъ...

Іокаста.

Но врагъ грозилъ, не правда ли, стѣнамъ?

Вѣстникъ.

Да, дѣло тамъ лихое завязалось,
Но нашъ Арей Кадмейскій устоялъ
Противъ копья Микенскаго, царица...

Іокаста.

Скажи еще одно, ради боговъ:
Мой Полиникъ, онъ живъ, онъ видитъ солнце?

Вѣстникъ.

Да живы оба сына, госпожа...

Іокаста.

Дай богъ тебѣ! Но какъ же удалось вамъ
Прогнать врага отъ городскихъ воротъ,
И сохранить ограду невредимой?
Скажи скорѣй, чтобъ я могла слѣпцу
Нежданное повѣдать избавленье.

Вѣстникъ.

Тамъ, въ вышинѣ, отважный Менекей,
За родину мечомъ пронзая горло,
Готовилъ намъ спасенье, а внизу
Твой сынъ дѣлилъ ѳиванцевъ на отряды,
Чтобъ семь воротъ удобнѣй охранять.
Онъ конницу поставилъ противъ конныхъ,
Пѣхоту къ пѣхотинцамъ пригонялъ,
Со всѣхъ сторонъ готовясь встрѣтить приступъ.
Я съ башни былъ поставленъ наблюдать.
Смотрю—вдали на высотахъ Тевмесскихъ
Какое-то движенье: вотъ щиты,
Бѣлѣяся, сплотились, вотъ аргосцевъ
Огромная бѣгущая толпа
Становится все ближе, все виднѣе
И—прямо къ намъ, на стѣны: только ровъ
Остановилъ ихъ бурное движенье...
И вотъ заразъ и съ нашихъ стѣнъ, и тамъ
Призывные пэаны зазвучали,
И заиграли трубы. Впереди
Своихъ рядовъ щетинистыхъ и плотныхъ
На воротà Неискія держалъ
Партенопей, и щитъ его девизомъ
Кабана этолійскаго имѣлъ,
Сраженнаго стрѣлою Аталанты...
А тамъ въ воротахъ Прета я увидѣлъ
Амфіарая вѣщаго—онъ везъ
На колесницѣ жертвенныхъ животныхъ,
И скромный щитъ героя не блисталъ
Эмблемами надменными. Къ воротамъ,
Чтò старыми зовутся, подвигался

Гиппомедонтъ, и щитъ его тяжелый
Стоокимъ аргусомъ украшенный пестрѣлъ,
А ворота Гомола ожидали
Тидея съ шкурой львиной на щитѣ,
И волоса на ней вздымались грозно,
Десница же Тидеева несла
Въ свѣтильникѣ губительное пламя,
Какъ несъ его когда-то Прометей.
На ворота Источника грозою
Шелъ Полиникъ, твой сынъ, и щитъ его
Потнійскими конями былъ украшенъ,
И ужасомъ исполнились сердца,
Когда коней бѣситься онъ заставилъ,
Ихъ двигая искусно за щитомъ.
А противъ вратъ Электриныхъ воздвигся
Съ дружиною надменный Капанэй,
Себя богамъ безумно приравнявшій;
Щитъ украшалъ ему литой гигантъ:
Какой-то городъ снявши съ основаній,
Онъ на плечи себѣ его взвалилъ,—
И то была угроза нашимъ Ѳивамъ!
У вратъ седьмыхъ былъ наконецъ Адрастъ...
Аргосскій щитъ украшенъ былъ рисункомъ,
Изображавшимъ Гидру, вкругъ нея
Сто лютыхъ змѣй вилися, и драконы
Съ кадмейскихъ стѣнъ похищенныхъ бойцовъ
Въ своихъ кровавыхъ челюстяхъ держали —
Микенская утѣха! Таковы
Моимъ *тогда* вожди предстали взорамъ...
Нашъ первый бой былъ бой издалека,
Перо стрѣлы, и тяжкіе обломки,
И дротики изъ напряженныхъ рукъ,
И изъ пращи сокрытый мѣткій камень,—
Все было намъ защитою... Но вотъ
Тидей, когда одолѣвать мы стали,
Такъ закричалъ аргосцамъ, а за нимъ
Твой Полиникъ, царица: „О, данайцы!
„Не ждете ль вы, чтобъ перебили васъ
„Снарядами? что медлите набѣгомъ
„Ворота взять? За мной, впередъ, гимнеты!
„И конные, и съ колесницъ своихъ
„Изъ-за щитовъ разящіе гоплиты!“
На этотъ зовъ аргосцы, какъ одинъ,
Всѣ поднялись, и кровью обагрился

Изъ череповъ разбитыхъ вражій станъ...
Не разъ тогда и съ нашихъ стѣнъ летѣли
Убитые, какъ ловкій акробатъ,
И на поля ихъ кровь лилась потокомъ...
Но вотъ изъ устъ аркадскихъ слышенъ крикъ:
„Огня сюда и топоровъ!“ и вижу
У самыхъ стѣнъ исчадье Аталанты...
Ворота онъ ломать готовъ, но камнемъ
(Котораго въ повозкѣ не свезти)
Въ него метнулъ Периклименъ съ забрала,—
И голова подъ золотомъ кудрей
Размозжена, по швамъ своимъ разсѣлась,
А щекъ его румянецъ заалѣлъ
Отъ хлынувшей изъ раны крови жаркой,
И дочь Меналова, царица стрѣлъ, увы!..
Живого сына больше не увидитъ...
Обрадованъ удачею, нашъ царь
Къ другимъ спѣшитъ воротамъ. Этеокловъ
Я правлю слѣдъ. Глядимъ, у нашихъ стѣнъ
Тидей орудуетъ съ дружиной этолійской,
А мѣткій ихъ и непрерывный дротикъ,
Того гляди, что башенный карнизъ
Снесетъ... Ужъ тылъ къ Тидею обращая,
Покинуть постъ дерзнули сторожа
И за стѣной отъ гибели спасались,
Когда самъ царь на брустверъ ихъ вернулъ,
Какъ псовъ труба охотничья сзываетъ...
Мы—далѣе... О ужасъ! Капанэй...
Нѣтъ, ярости надменной не съумѣю
Я передать, съ которой сходни онъ
Огромныя влачилъ къ ѳиванскимъ стѣнамъ
И съ похвальбой кричалъ, что самъ Зевесъ
Не защититъ теперь кадмейскихъ башенъ.
И вотъ уже по гладкимъ ступенямъ
Взбирается, и градъ камней тяжелыхъ
Принять на щитъ тяжелый наровитъ...
Вотъ гребень стѣнъ перешагнуть готовъ онъ...
И вдругъ... Зевесъ ударомъ поразилъ
Безумнаго... далеко задрожала
Земля окрестъ, и тяжестью своей
Влекомый, онъ упалъ избитымъ трупомъ.
Кронидовъ гнѣвъ аргосскаго царя
Въ смущеніе приводитъ и дружины
Онъ отозвать спѣшитъ, но на врага

Нежданые кидаются ѳиванцы,
Зевесовымъ огнемъ ободрены...
Все хлынуло изъ города—пѣхота,
И всадники, и сотни колесницъ
Среди враговъ измятыхъ очутились,
И копья Ѳивъ вонзились въ ихъ щиты.
Разгромъ полнѣйшій! Сколько тамъ убитыхъ,
Что̀ колесницъ поверженныхъ, колесъ
Что̀ разлетѣлось въ щепки! Все смѣшалось:
И трупы, и обломки. Да, пока
Мы отстоять съумѣли укрѣпленья,
А что потомъ случится, знаетъ богъ...
(*Подавляя вздохъ*).

Корифей.

О, побѣдить отрадно: развѣ боги
Что̀ лучшее придумаютъ, не мы.

Іокаста.

Ко мнѣ судьба и боги благосклонны:
И сыновья живутъ, и городъ цѣлъ,
А Менекей погибшій, это—кара
Его отцу за мой преступный бракъ
И тяжесть мукъ Эдиповыхъ. Онъ можетъ
Утѣшиться, конечно, благомъ Ѳивъ...
Но ты вернись къ начатому... Что дальше?
Что стали дѣлать дальше сыновья?

Вѣстникъ.

Будь счастлива, царица, тѣмъ, что есть.

Іокаста.

Я знать хочу, что было дальше, вѣстникъ...

Вѣстникъ.

Иль вѣсть тебѣ спасенья не мила?

Іокаста.

Грядущее безвѣстностью тревожитъ...

Вѣстникъ.

Позволь уйти, царица, *дѣло* ждетъ:
Царю его оруженосецъ *нуженъ*.

Іокаста (*пытливо всматриваясь въ него*).

Ты отъ меня несчастіе таишь?..

Вѣстникъ.

Охъ, продолжать-то лучше бы не надо...

Іокаста (*вцѣпляясь въ него*).

Ты скажешь все, коли тебя въ эѳиръ
Не унесутъ невидимыя крылья...

Вѣстникъ.

О, горе мнѣ! Зачѣмъ благую вѣсть
Принесшаго уйти ты не пустила?
Внемли же злу, царица, и узнай,
Что сыновья твои въ единоборство—

(*Іокаста съ легкимъ стономъ дѣлаетъ шагъ назадъ и закрываетъ лицо руками*).

О, дерзость, о неслыханный позоръ—
Теперь вступить готовятся отдѣльно
Отъ воиновъ, и громогласныхъ словъ
Имъ возвратить уже не можетъ воздухъ...
Когда герольдъ къ молчанію воззвалъ,
И всѣ ряды затихли въ ожиданьи,
Съ высокой башни первый Этеоклъ
Рѣчь обратилъ къ соперникамъ затихшимъ...
„Данайцевъ цвѣтъ и ты, народъ кадмейскій“,
— Такъ говорилъ нашъ юный властелинъ,—
„Изъ-за меня и брата Полиника
„Довольно жертвъ. Я *самъ* себя хочу
„Отстаивать, и пусть единоборство
„Сегодня споръ межъ братьями рѣшитъ.
„Убивъ, царить я буду безраздѣльно,
„Осиленный, я отдаю простолъ.
„А вамъ, мужи аргосскіе, не лучше ль
„Въ отчизнѣ жить, чѣмъ въ Ѳивахъ умирать“?
Такъ онъ сказалъ, и братъ, ряды покинувъ,
Его слова хвалою увѣнчалъ,
Ему во слѣдъ враги рукоплескали,
И гулъ со стѣнъ ихъ правыми призналъ...
Былъ тотчасъ миръ объявленъ, и клянутся
Торжественно хранить его вожди.
Потомъ одѣть бойцовъ блестящей мѣдью
Къ шатрамъ птенцовъ Эдипа собрались,
У одного потомки спартовъ древнихъ,
Данайцевъ цвѣтъ другого окружилъ...
И вотъ на бой сошлись они, сіяя...
Съ ихъ юныхъ лицъ румянецъ не сбѣгалъ,
У каждаго горѣло сердце только
Скорѣй копье въ соперника метнуть...
Окрестъ друзья, словами ободряя,

Твердили имъ: „Могучій Полиникъ,
„Ты, побѣдивъ, трофей поставишь Зевсу,
„А въ Аргосѣ легендой станешь ты!“
—„О, Этеоклъ, отчизну защищая,
„Побѣдою вѣнчаешь ты престолъ“!
И жаръ сильнѣй въ ихъ душахъ разгорался...
Гадатели жъ, проливши кровь ягнятъ,
Дымъ жертвенный прилежно наблюдали:
Развѣется или столбомъ пойдетъ,
И по тому, высоко ль пламя жертвы,
И на кипящей влагѣ пузыри,—
Грядущаго исходъ вѣщали боя...
О, если ты ихъ можешь удержать
Иль силою, иль хитрыми рѣчами,
Иль чàрами, молю тебя, не медли,
Иди туда, Іокаста, и дѣтей
Останови средь пагубнаго боя... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Іокаста (*обращаясь къ терему*).

Покинь, чертогъ, дитя мое, и къ намъ
Сойди скорѣй! Тебѣ готовятъ боги
Не терема дѣвичьяго покой,
Не хороводъ съ подругами веселый:
Ты съ матерью мольбами разнимать
Пойдешь сейчасъ ужасный поединокъ
Двухъ витязей, твоихъ несчастныхъ братьевъ.

Голосъ Антигоны.

О, мать моя, ужель еще ударъ
Мнѣ голосъ твой призывный возвѣщаетъ?
(*Выходитъ изъ воротъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Іокаста и Антигона.

Іокаста.

Ихъ нѣтъ, о дочь, нѣтъ братьевъ у тебя.

Антигона.

Что говоришь?!

Іокаста.

Они на поединкѣ...

Антигона.

Что жъ дѣлать мнѣ?

Іокаста.

Идти туда со мной.

Антигона.

Изъ терема?!

Іокаста (*тащитъ ее*).

Туда, на поле брани...

Антигона.

Мнѣ стыдно, мать!

Іокаста.

О, до того ль теперь!

Антигона.

Чѣмъ помогу?

Іокаста.

Ты прекратишь ихъ ссору.

Антигона.

Но чѣмъ, скажи?

Іокаста.

Мы будемъ ихъ молить...

Антигона.

Идемъ же, мать... О, для чего мы медлимъ!..

Іокаста.

Да, да, скорѣй! и если тамъ живыхъ
Застанемъ мы, я буду видѣть солнце,
Но трупы ихъ похорони со мной. (*Уходятъ поспѣшно*).

Четвертый музыкальный антрактъ.

Строфа.

Увы! Увы!
Дрожитъ мое сердце тоскою и страхомъ!
И къ матери горькой
Глубокая жалость любви
Суставы мои проницаетъ...
О, Зевсъ, о, матерь Земля,
О, бѣдствія тягость!
Который, который изъ нихъ,
Кровію брата обрызганъ,

Черезъ доспѣхъ и одежды
Братскую душу погаситъ,
И слезы пролью надъ которымъ,
Тяжелыя слезы разлуки?

Антистрофа.

Увы! Увы!
Какъ звѣри со злобой въ душѣ кровожадной,
Копьемъ потрясая,
Ужъ прянуть готовы они
За свѣжею вражьею кровью...
Зачѣмъ, скажите, зачѣмъ
Вашъ бой ѳдиночный?
Напѣвомъ родныхъ береговъ
Я обовью ваши бѣды...
Стонами мертвыхъ оплачу...
Близокъ конецъ неизбѣжный,
И мечъ порѣшитъ вашу ссору,
О, горькія жертвы Эринній!

Корифей.

Но вотъ, Креонтъ, съ своей печалью тяжкой:
Не надо плакать, сестры, передъ нимъ...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Креонтъ (*за нимъ слуги несутъ тѣло Менекея*).

О, горе мнѣ! Кому пошлю васъ, стоны,
Изъ устъ моихъ летящіе, и васъ,
Потоки слезъ? себя ли я оплачу,
Иль городъ мой, увитый тучей скорби
И Ахеронтъ узрѣвшій?.. Этотъ трупъ
Погибшаго такою благородной
И для меня такою тяжкой смертью,
Самоубійцы трупъ я подобралъ
На самомъ днѣ драконовой пещеры;
Сестрѣ моей отдамъ его и пусть
Племянника омоетъ и одѣнетъ,
Чело его цвѣтами уберетъ...
Кто живъ еще, услугой бездыханнымъ
Царя глубинъ подземныхъ да почтитъ!..
(*Направляется къ дому, тѣло уносятъ*).

Корифей.

Твоей сестры въ чертогѣ нѣтъ, вельможный.
Она ушла, и Антигона съ ней..

Креонтъ.

Ушли? куда? Какой судьбѣ покорны?

Корифей.

Къ ней вѣсть пришла, что сыновья ея
Въ борьбѣ за тронъ на поединокъ вышли.

Креонтъ.

Что говоришь?.. Услуги мертвецу
Любимому послѣднія, и эти
Слова ужасныя и новыя... о, нѣтъ...

Корифей (*видя подходящаго вѣстника*).

Увы, Креонтъ, твоя сестра, царица,
Ушла давно... и роковой конецъ
Принять успѣлъ ихъ бой ожесточенный.

Креонтъ.

Да, ты права... И мраченъ, и унылъ
Видъ воина, идущаго оттуда...
Какая вѣсть въ устахъ твоихъ, гонецъ?

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Креонтъ и вѣстникъ.

Вѣстникъ.

О, горе мнѣ... Разсказывать иль плакать?

Креонтъ.

Ужасное начало! Мы погибли.

Вѣстникъ.

Горе и двойное горе... Тяжекъ грузъ ѳиванскихъ бѣдъ.

Креонтъ.

Старыхъ, старыхъ или новыхъ? Не задерживай отвѣтъ...

Вѣстникъ.

Узнай... они не видятъ больше солнца...

Креонтъ.

О, боже мой!
Жестокія, ужасныя слова!

Такъ вотъ они, Эдиповы проклятья,
Ты слышишь ли, свидѣтель ихъ чертогъ?..

Вѣстникъ.

Онъ нѣмъ, и только потому *не плачетъ*...

Креонтъ.

О, горе мнѣ! О, тягость нашихъ бѣдъ,
О, городъ мой, о, злополучный городъ!

Вѣстникъ.

Еще не все... Ты дальше не слыхалъ...

Креонтъ.

Да что же скажешь ты еще ужаснѣй?

Вѣстникъ.

Твоей сестры Іокасты тоже нѣтъ...
(*Креонтъ молча закрываетъ глаза краемъ гиматія*).

Корифей.

Оплачь ее, оплачь ее со мною,
Руками бѣлыми лицо свое терзай...

Креонтъ.

Прости меня, Іокаста, жизни горькой
И грѣшнаго узрѣвшая предѣлъ
Загадкою дарованнаго брака...
(*На нѣсколько секундъ остается погруженнымъ въ размышленіе и воспоминанія, потомъ поднимаетъ голову съ сухими глазами*).
Но клятвою Эдипа порожденъ,
Каковъ же былъ тотъ братскій поединокъ?
Повѣдай намъ, о вѣстникъ новыхъ бѣдъ...

Вѣстникъ.

Предъ башнями Кадмейскими побѣду
Пріяли мы отъ Зевса: это ты,
Конечно, ужъ узналъ, Креонтъ: въ чертоги
Съ Ѳиванскихъ стѣнъ для вѣсти близокъ путь.
Когда тѣла одѣвъ блестящей мѣдью,
Межъ двухъ дружинъ сошлися сыновья
Эдиповы на споръ и бой копейный,
Взоръ обратя къ Микенамъ, Полиникъ
Такъ говорилъ съ мольбою къ властной Герѣ:
„Владычица, я твой съ тѣхъ самыхъ поръ,
„Какъ въ жены взявъ аргосскую царевну,
„Въ землѣ твоей я поселился жить:
„Соперника и брата уничтожить

„Ты помоги мнѣ, Гера, и вручи
„Мнѣ кровію омытую побѣду".
Да, Полиникъ и жаждалъ, и молилъ
Позорнаго вѣнца братоубійцы.
А Этеоклъ, остановивъ глаза
На алтарѣ Паллады златощитной,
Молился такъ: „О, Зевсово дитя,
„Побѣдою копье вѣнчая, брату
„Направь его, богиня, прямо въ грудь
„И пусть убьетъ предателя отчизны".
Едва сказалъ, и ярче, чѣмъ огонь,
Имъ мѣдь трубы сигналомъ зазвучала.
И вотъ, съ оскаломъ вепря на устахъ
И съ пѣною на искаженныхъ лицахъ,
Сбѣгаются—и прянуло копье,
Но въ тотъ же мигъ щиты обоихъ скрыли,
И даромъ мѣдь по глади ихъ скользитъ...
Но зоркіе глаза къ щиту приставивъ,
Въ соперникѣ соперникъ уловить
Старается чела свободный уголъ...
И кружатся безмолвные враги,
Въ рукѣ копье безсильное сжимая...
Насъ, зрителей, изъ страха за своихъ
Тутъ даже въ потъ ударило, но сами
Усталости не вѣдали бойцы...
Вотъ Этеоклъ, ногой нащупавъ камень,
Его съ пути отбросить захотѣлъ,
Но въ тотъ же мигъ въ лодыжкѣ перебитой
Онъ братское почувствовалъ копье,—
И въ радости данайцы завопили.
Тогда нашъ царь, перемогая боль,
Въ открытое плечо намѣтилъ брату,
Но не попалъ—сломилось остріе...
Онъ шагъ назадъ и камнемъ Полинику
Древко копья ломаетъ пополамъ:
И вновь они равны и беззащитны...
Чередъ насталъ для боевыхъ мечей.
Но, обнаживъ тяжелое желѣзо,
Изъ-за щитовъ, сначала не могли
Они вредить другъ другу—только стукъ
Да гулъ стоялъ окрестъ отъ ихъ ударовъ...
Пока нашъ царь въ умѣ не воскресилъ
Въ Ѳессаліи имъ видѣнную хитрость:
Осѣвъ на ногу лѣвую, свой щитъ

Приподнялъ онъ, и правой сдѣлалъ выпадъ,
А такъ какъ врагъ при этомъ не успѣлъ,
Подвинувъ щитъ, закрыться отъ удара,
Ему въ животъ уходитъ лезвіе...
Тотъ падаетъ на землю, кровь ручьями
Изъ раны хлынула, а побѣдитель-царь,
Считая бой оконченнымъ, бросаетъ
Кровавый мечъ и голою рукой
Доспѣхъ снимать съ поверженнаго брата
Нагнулся, щитъ оставивъ на землѣ...
Но Полиникъ и лёжа мечъ тяжелый
Еще сжималъ хладѣющей рукой...
Отчаяннымъ усиліемъ желѣзо
Приподнялъ онъ и. торжество прервавъ,
Вонзилъ его ликующему въ сердце...
Враги теперь въ смѣшавшейся крови
Лежатъ, и пыль уста ихъ покрываетъ,
И мощно смерть соединила ихъ,
Непобѣдившаго съ непобѣжденнымъ.

Корифей.

Увы! Увы! О, бѣдствія слѣпца
И ты, о мощь отцовскаго проклятья!
(*Въ хорѣ плачъ*).

Вѣстникъ.

Но погоди... Я не исчерпалъ бѣдъ...
Когда бойцы безсильно землю грызли,
И смерть уже глядѣла имъ въ глаза,
Явилась мать-царица... Эти раны
И кровь, и смертныя мученія дѣтей
Она увидѣла, несчастная, и вопли
Тяжелые по полю понеслись.
„Зачѣмъ“ —она взываетъ„—я не знала
„О вашемъ боѣ, дѣти, и разнять
„Васъ не пришла? Зачѣмъ теперь ужъ поздно?“
То къ одному со стономъ припадетъ,
То надъ другимъ, рыдая, причитаетъ:
Ей вспомнились и муки, и труды,
Чтò выпали на долю ей напрасно,
И ласки ей припомнились. А дочь
Царевна такъ въ слезахъ имъ говорила:
„Кормильцы матери, опора старика,
„О, на кого меня вы, сиротинку,
„Покинули, безъ мужа и семьи“?

Царь Этеоклъ среди мученій смертныхъ
Мать узнаетъ, но влажною рукой
Ея лица касаясь, онъ не можетъ
Произнести ни слова. Только глазъ
Нѣмая рѣчь родимую ласкаетъ...
А Полиникъ еще дышалъ, и, мать
Съ сестрою глазъ лучами обливая,
Онъ имъ сказалъ: „Простите... жизни нѣтъ
„Въ твоемъ ребенкѣ, мама, и жалѣю
„Я очень и тебя, и Антигону,
„И Этеокла тоже—бѣдный братъ!
„Онъ былъ мой врагъ, но умираетъ братомъ...
„Смотри же, мать, и ты, сестра, мой трупъ
„Похороните дома... вы ѳиванцевъ
„Упросите? не правда ли? Изъ царства,
„Котораго лишился я, земли
„У нихъ прошу ничтожныя двѣ горсти...
„Дай руку, мать... глаза мои закрой..."
И у него еще достало силы
Ея рукой коснуться вѣкъ своихъ
И прошептать: „Простите... мракъ могильный
„Мои глаза наполнилъ... О, прости..."
Сказалъ—и жизнь несчастнѣйшіе братья
Покинули въ одинъ и тотъ же мигъ...
А мать въ порывѣ ужаса и муки
Изъ трупа мечъ кровавый извлекла
И въ грудь всадила, послѣ зашаталась,
Вся бѣлая упала межъ дѣтей
И умерла, ихъ молча обнимая...
Межъ тѣмъ вокругъ ужъ разгорался споръ,
Кто побѣдилъ, и мы за Этеокла,
Данайцы противъ были. А вожди
Рѣшить сомнѣній нашихъ не умѣли...
Тотъ тѣни Полиника присуждалъ
Побѣду за его ударъ начальный,
А тотъ совсѣмъ побѣды не хотѣлъ
Въ бою искать, гдѣ оба—бездыханны...
Споръ перешелъ въ ожесточенный крикъ
„Къ оружію", и счастье улыбнулось
На этотъ разъ ѳиванцамъ—мы щитовъ
Не бросили, пока кипѣли споры—
Врагъ мигомъ смятъ, и ни одинъ данаецъ
Не устоялъ—убитыхъ горы тамъ,
Наводнена долина кровью вражьей,

Немногіе успѣли убѣжать.
Теперь одни трофей Крониду ставятъ—
Изъ золота Зевесовъ истуканъ,
Другіе же, сорвавъ доспѣхи вражьи,
Ликуя, ихъ въ Кадмею повлекли.
И, наконецъ, съ царевной Антигоной
Послѣдніе, поднявъ на рамена,
Сюда несутъ трехъ горькихъ мертвецовъ,
Да примутъ ихъ друзья и здѣсь оплачутъ.
Таковъ исходъ законченной борьбы,
Для города счастливый и ужасный.

ИСХОДЪ.

Хоръ.

Увы! Увы!
Не слова намъ приноситъ печаль,
И Эдиповъ чертогъ
Черной ризою кроютъ не рѣчи.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, Антигона и толпа.

(Показывается процессія: впереди идетъ Антигона, съ пеплосомъ, спущеннымъ съ одного плеча, горящими глазами и волосами, выбившимися изъ подъ фаты; за ней толпа несетъ три одра съ мертвыми, Этеокла впереди. Когда ихъ ставятъ, то мать помѣщаютъ у сыновей въ головахъ).

Хоръ.

Вотъ они... глядите, глядите...
Къ очагу родному вернулись!
Трое ихъ вкусившихъ отъ мрака,
Крѣпко связанныхъ общей смертью.

Антигона.

Подъ фатою своей дѣвичьей
Я румяныхъ щекъ не таила,
Нѣжный локонъ по волѣ развился,—
И смотрѣли люди, дивились...
Точно зельемъ какимъ напоила
Злая смерть вакханку печали,
Что огнемъ горятъ погребальнымъ
У вакханки пьяныя очи,
И съ плеча спустился шафранный

У безумной дѣвичій пеплосъ...
Что бѣжитъ, а за нею трупы.
Ты—Полиникъ врагомъ нареченъ не даромъ, не даромъ:
Распря твоя вражду родила и смерти, и смерти,
Домъ Эдиповъ она потопила въ крови,
Въ страшной крови, въ нечестивой крови.
Увы! Увы!
Для стоновъ моихъ
Найду ли мелодіи звуки?
Флейту найду ль, или бубенъ?
И кто оплачетъ со мной
Въ чертогахъ, въ чертогахъ
Утѣху Эринній,
Три трупа, три трупа?
Сгубила, богиня, сгубила
И домъ, и Эдипа,
За то, что загадки
Мудреную тайну,
Разумный, рѣшилъ онъ.
Увы мнѣ! Увы мнѣ! Увы мнѣ!
Отецъ, отецъ,
Изъ нашего рода
Кто раньше вельможный—
Иль варваръ, иль эллинъ—
Отъ золъ столь великихъ
Столь явныя бѣды
Подъ солнцемъ извѣдалъ?
Я пойду въ зеленую рощу,
Буду взоромъ бродить, тоскуя,
По дубовой чащѣ да елямъ,
Не найду ли птицы печальной,
У которой птенцовъ отобрали...
Пусть своею трелью со мною,
Своей жалобной трелью плачетъ!..
Пряди волосъ въ тоскѣ
Я себѣ вырвала.
Гдѣ положить мнѣ васъ,
Горемъ вѣнчанные?
Грудь ли кормилицу
Вами закрою я,
Или у братьевъ ихъ
Раны разверстыя? (*Къ чертогу*).
Горе мнѣ, горе мнѣ, горе мнѣ!
Покинь, о старый отецъ, чертоги, покинь!

Выйди слѣпой, ко мнѣ, влача свою старость!
Ты, который, на вѣчную тьму осужденъ,
Тяжкое бремя горя и лѣтъ несешь,
Въ этихъ углахъ пустыхъ всѣми покинутый...
Внемли мнѣ, внемли мнѣ, отецъ!
Внемли изъ скитаній унылыхъ,
Съ подушки ль своей,
Слезами облитой...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Эдипъ.

Эдипъ.

Зачѣмъ ты, дѣва, призывомъ мнѣ посохъ вручила?
Зачѣмъ слѣпые шаги
Изъ мрачныхъ покоевъ
На свѣтъ вызываешь?
Отраднѣй слѣпцу тамъ плакать на ложѣ холодномъ,
И нуженъ ли солнцу сѣдой и колеблемый призракъ,
Забытая адомъ межъ смертныхъ унылая тѣнь,
Гость больныхъ сновидѣній?

Антигона.

Отецъ, печальна злая вѣсть моя:
Ихъ больше нѣтъ, они не видятъ солнца,
Ни сыновей, ни той ужъ нѣтъ, отецъ,
Которая тебѣ вручила посохъ,
Заботами лелѣяла тебя...

Эдипъ.

Увы мнѣ! Увы мнѣ!
Для новыхъ стенаній година настала:
Три жизни! Три жизни! Три жизни!
О, дочь, скажи мнѣ, три свѣточа эти
Какая судьба дуновеньемъ своимъ погасила?

Антигона.

О, отецъ, отецъ!
Не корю тебя, не злорадствую.
Съ болью слово тебѣ
Мое сердце отдастъ:
Твой зарѣзалъ ихъ
Духъ проклятія:
И огнемъ палилъ.

И въ бою томилъ—
Твой, и твой, и твой...

Эдипъ.

Горе мнѣ! Горе мнѣ!

Антигона.

Плачешь, старикъ?

Эдипъ.

Дѣти мои...

Антигона.

Ты плачешь и стонешь,
Но если-бъ ты видѣлъ
При свѣтѣ лучей золотой колесницы
Ихъ жалкіе трупы...

Эдипъ.

О, ужасъ проклятій... Дѣтей онъ убилъ моихъ,—
Но мать ихъ несчастную, за что жъ ее рокъ убилъ?

Антигона.

Она не таила ни слезъ, ни смятенья,
И ихъ умоляя, она обнажала
Ту грудь, что когда-то обоихъ вскормила...
Но было ужъ поздно... Въ воротахъ Электры
На полѣ цвѣтущемъ предстали ей дѣти
Въ разгарѣ сраженья, какъ львы молодые,
Въ пещерѣ одною вскормленные львицей...
Предъ ней подъ напоромъ мечей они пали;
Упали, и скоро подземнаго бога
Арей возліяньемъ ихъ стынущей крови
Почтилъ, угощая въ чертогахъ поддонныхъ,
А мать изъ сыновней груди вырываетъ
Мечъ молча и падаетъ трупомъ межъ мертвыхъ.
— О, сколько несчастья для нашего дома
Отъ солнцевосхода до солнцезаката!..

Корифей.

Тотъ день скорбей, о, пусть въ грядущемъ онъ
Счастливыми вознаградится днями.

Креонтъ.

Довольно слезъ... Для мертвыхъ гробъ милѣе.
А ты, Эдипъ, внемли и повинуйся:

Покойный царь *мнѣ* царство поручилъ,—
Ѳиванскій тронъ—приданое невѣстѣ
Гемоновой и дочери твоей...
Ты жъ этотъ край немедленно оставишь,

(*Движеніе у Эдипа и Антигоны*).

Тиресія пророческій глаголъ
Въ тебѣ открылъ источникъ всѣхъ несчастій
И прожитыхъ и будущихъ, и насъ
Ты долѣе давить бѣдой не будешь...
Повѣрь, Эдипъ, мнѣ тяжко обижать
Тебя, старикъ, и ненависти нѣту
Въ устахъ моихъ. Но демонъ, демонъ твой
Пугаетъ насъ, суля Кадмеѣ старой
Рядъ новыхъ бѣдъ. Смирися и уйди...

Эдипъ.

О, тяжкій рокъ, рожденіемъ несчастнымъ
Отмѣтилъ ты Эдипа! Аполлонъ,
Когда еще я не глядѣлъ на солнце,
Пророчески убійцу осудилъ.
Едва на свѣтъ явился я, какъ Лаій,
Родной отецъ, велѣлъ меня убить,
Врага себѣ провидя въ безсловесномъ...
И тѣ уста, которыя искали
Грудь матери—онъ отдаетъ звѣрямъ...
Меня спасли... О, лучше бъ гору эту
Тогда жерло подземное пожрало!
Я сталъ отцеубійцей, я мать
Дѣтей своихъ праматерію сдѣлалъ,
Чтобъ сыновей, иль братьевъ, наградивъ
Проклятіемъ, полученнымъ отъ Лая,
Навѣкъ услать въ бездонный адскій мракъ.
Я—не безумецъ... Этотъ взоръ померкшій
И сыновья убитые мои—
Да развѣ жъ могъ устроить это смертный?
Подумаешь о будущемъ... Слѣпца
Кто жъ поведетъ?.. Иль мертвая воскреснетъ
И посохъ бѣдному изгнаннику подастъ?
Иль сыновья цвѣтущіе?.. О, дѣти!
А силы нѣтъ въ рукахъ моихъ, Креонтъ,
Дрожатъ мои согнутыя колѣни...
Вѣдь ты убьешь, вѣдь ты убилъ меня!

(*Касается его руки, Креонтъ отдергиваетъ ее*).

О, не страшись... Молить тебя не буду:
Подъ бременемъ несчастій я поникъ,
Но не согнусь обнять твои колѣни...
И кровь царей во мнѣ еще течетъ.

Креонтъ.

Колѣнъ моихъ съ мольбой не обнимая,
Ты правъ, старикъ: тебѣ бы все равно
Я не позволилъ въ Ѳивахъ оставаться. (*Слугамъ*).
А мертвецовъ не медля раздѣлить:
Вотъ этого несите въ домъ оплакать,
Онъ былъ царемъ... А этотъ, Полиникъ,
Враговъ привелъ громить родныя стѣны,—
Такъ вонъ его! Ни городъ, ни страна
Его костей презрѣнныхъ не оплачутъ,
Чужіе псы пускай его ѣдятъ...
И гражданамъ я нынѣ объявляю:
Рука съ землей обрядной иль вѣнцомъ
Да не коснется тѣла Полиника,—
Виновнаго немедленно казнятъ... (*Антигонѣ*)
Ты жъ прекрати, царевна, причитанья
Надъ мертвыми и въ теремъ воротись!
Блестящій бракъ тебѣ его отворитъ.

Антигона.

О, мой отецъ! Тебя мнѣ больше жаль,
Чѣмъ нашихъ мертвыхъ. Я ужъ и не знаю,
Которое изъ тяжкихъ золъ твоихъ
Всѣхъ тяжелѣй... Ты—весь одно несчастье. (*Креонту*)
Но ты, Креонтъ, нашъ новый властелинъ,
Ужель тебѣ для перваго указа
Такъ нуженъ этотъ горемычный прахъ?
(*указываетъ на тѣло Полиника, отъ котораго не отходитъ до конца сцены*).

Креонтъ.

Не я рѣшилъ—то воля Этеокла.

Антигона.

Безумному одинъ слѣпецъ — слуга.

Креонтъ.

Какъ? пренебречь царя священной волей?

Антигона.

Да, если въ ней таится вредъ и зло.

Креонтъ.

И псамъ его измѣнника не бросить?

Антигона.

Законъ боговъ ты этимъ оскорбишь.

Креонтъ.

Онъ былъ нашъ врагъ—врагомъ и остается.

Антигона.

А искупленіе, а смерть его, Креонтъ?

Креонтъ.

Ни гроба нѣтъ ему, ни искупленья.

Антигона.

Но гдѣ жъ вина покойнаго? Искалъ
Законнаго мой Полиникъ несчастный.

Креонтъ.

И все-таки не будетъ погребенъ!

Антигона (*показывая свои руки*).

Изъ этихъ рукъ, изъ этихъ рукъ, ты понялъ?—
Онъ погребенье приметъ, вамъ на зло...

Креонтъ.

Готовь же и себѣ могилу подлѣ...

Антигона.

Друзьямъ отрадно рядомъ почивать.

Креонтъ.

О, дерзкая! А въ теремъ, на запоръ?

Антигона (*схватываясь за носилки Полиника*).

Я не отдамъ, я не отдамъ вамъ брата...

Креонтъ.

Опомнись... Повелѣнія боговъ...

Антигона.

Они сказали людямъ: чтите мертвыхъ.

Креонтъ.

Но бренія не приметъ Полиникъ...

Антигона.

О, сжалься, царь! хоть ради Іокасты.

Креонтъ.

Оставь! Ты этого не вымолишь ничѣмъ.

Антигона.

Омыть его, хоть раны, только раны!

Креонтъ.

Запрещено, тебѣ я говорю...

Антигона.

Перевязать ихъ тоже не позволишь?

Креонтъ.

Ни тѣни почести ему! ты поняла?

Антигона (*цѣлуя Полиника*).

Любимый мой! Устамъ моимъ такъ сладко
Твой блѣдный прахъ, лаская, цѣловать.

Креонтъ (*удерживая ее*).

Невѣста—ты, и слезы не приличны—
Несчастный бракъ онѣ тебѣ сулятъ.

Антигона.

Иль ты вѣнчать со мною хочешь сына?

Креонтъ.

Конечно, да: вѣдь вы обручены.

Антигона.

Такъ знай... ему я буду Данаидой.

Креонтъ (*въ ужасѣ отступаетъ*).

Какъ дерзки вы, о, нѣжныя уста...

Антигона (*указывая на окровавленный мечъ, лежащій около Полиника*).

Мечомъ клянусь, и смертію желѣзной!

Креонтъ.

Но почему жъ отъ брака ты бѣжишь?

Антигона.

Съ отцомъ дѣлить хочу его изгнанье.

Креонтъ.

Великодушіе, но дѣтское, прости...

Антигона.

Я даже смерть съ нимъ раздѣлить готова.

Креонтъ.

Такъ уходи жъ, а сына я не дамъ
Тебѣ убить. Оставь не медля Ѳивы!
(*Креонтъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Эдипъ и Антигона.

Эдипъ.

Твоя любовь, желаніе твое
Мнѣ дороги, но... оставайся въ Ѳивахъ...

Антигона.

И выйди замужъ, да? отецъ, а ты?

Эдипъ.

Полюбимъ мы: ты—мужа, я—страданья.

Антигона.

А кто жъ тебя, слѣпого, сбережетъ?

Эдипъ.

Пойду, пока судьба и ноги носятъ.

Антигона.

Эдипъ, Эдипъ! Гдѣ слава мудреца?

Эдипъ.

Да, мой вѣнецъ плели недолго боги,
И въ мигъ одинъ потомъ онъ облетѣлъ...

Антигона.

Кому жъ дѣлить теперь твои страданья!

Эдипъ.

Подумай, дочь: слѣпецъ и нищета...

Антигона.

О, чистая изгнанья не страшится,
И жертвовать отрадно ей, отецъ.

Эдипъ (*направляясь къ трупамъ*).

Гдѣ мать лежитъ: любимаго лица
Коснуться дай рукой дрожащей старцу

Антигона (*беретъ его руку и приближаетъ ее къ лицу Іокасты*).

Ты щекъ ея касаешься, старикъ

Эдипъ (*припадаетъ къ ней*).

О, мать моя! О, бѣдная подруга!

Антигона.

Испившая всю горечь нашихъ золъ...

Эдипъ.

А Этеоклъ? а Полиникъ? О, дѣти!

Антигона (*перемѣщая его руки на сыновей*).

Они лежатъ передъ тобой отецъ...

Эдипъ.

Моя рука нащупать лицъ не можетъ.

Антигона (*кладетъ его руки на лица Этеокла и Полиника*).

Дай мнѣ ее... Ты гладишь ихъ теперь.

Эдипъ.

О, милый прахъ, о, дѣти несчастливца!

Антигона.

О, Полиникъ! какъ сладокъ этотъ звукъ!

Эдипъ.

Пророчество... Ты, наконецъ, свершилось...

Антигона.

Пророчество... Иль новая бѣда?..

Эдипъ.

Мнѣ Фебъ вѣщалъ, что я умру въ Аѳинахъ.

Антигона.

И въ Аттикѣ намѣтилъ ты пріютъ?

Эдипъ.

Въ божественномъ Колонѣ Посейдону
Алтарь и храмъ воздвигли въ старину.
Тамъ я умру. Но если, Антигона,
Въ душѣ твоей желаніе горитъ
Съ изгнанникомъ дѣлить его невзгоды,
Насъ больше здѣсь не держитъ ничего.

(*Антигона прилаживается вести Эдипа*).

Антигона.

Дай руку, отецъ!
Я буду какъ вѣтеръ летучій,
А ты, какъ тяжкій корабль.

Эдипъ.

Ты веди меня, дитятко,
Горемычнаго горемычная

Антигона.

О, если межъ вами,
Подруги мои,
Несчастнѣе кто Антигоны?..

Эдипъ.

Я дрожащей ногой и тропы не найду,
Дай мнѣ посохъ, дитя.

Антигона (*наклоняется и подаетъ ему посохъ*).

Твоею ногою и вѣтеръ играетъ.
Вотъ такъ, полегоньку!
Потише, потише...

Эдипъ.

О, новый и тягостный мракъ!
О, тьма нищеты и изгнанья!
За что изгоняютъ?..

Антигона.

За что, злополучный,
Какъ будто не знаешь,
Что гордо на свѣтѣ
Насилье ликуетъ,
А правда убита, а правда убита?

Эдипъ.

Это тотъ человѣкъ, что̀ побѣдой боговъ
Увѣнчался, ихъ тайну похитивъ?..

Антигона.

Зачѣмъ вспоминаешь ты прошлую славу, родимый,
Когда отъ побѣды надъ дѣвой крылатой одно лишь
Наслѣдье тебѣ остается: изгнанье и смерть подъ заборомъ?
А мнѣ сожалѣнья и слезы разлуки,
И послѣ нѣги чертога весь ужасъ скитанья ..
О, боги! пошлите же мнѣ
На сча́стье Эдипу
И разумъ, и доблесть.
(*Идетъ и затѣмъ останавливается*).
О, нѣтъ... Неужели
Я брошу его,
И онъ погребенья и ласки послѣдней лишится?
Отецъ мой, отецъ мой,
Уйти я не въ силахъ...
Пока я землею его не засыплю.

Эдипъ (*оставляя ея руку*).

Къ подругамъ вернись.

Антигона.

Имъ слезы мои что скажутъ, отецъ?

Эдипъ.

Иди къ алтарямъ и молись.

Антигона.

Имъ горе мое наскучило, старецъ.

Эдипъ.

А туда, моя дочь,
Въ бѣлоснѣжную высь,
Въ хороводъ Діониса?

Антигона.

Нѣтъ, туда не пойду.
Я носила, отецъ,
Лани пестрой покровъ,
Въ хороводѣ его
Ударяла въ тимпанъ—
И въ изгнанье иду...
Сердца нѣтъ у боговъ.

Эдипъ.

О, сыны моей отчизны... Поглядите на Эдипа!
Разгадалъ онъ тайну дѣвы и не зналъ предѣловъ славы
Въ день, когда плѣненный городъ отъ убійцы онъ избавилъ,—
Въ обезчещенномъ и дряхломъ узнаёте ль вы Эдипа?
Но зачѣмъ всѣ эти стоны? Много горя въ этомъ мірѣ.
Если такъ рѣшили боги, прахъ ничтожный покоряйся!..
(*Беретъ посохъ и направляется къ выходу*; *за нимъ медленно идетъ Антигона*).

Хоръ.

Драгоцѣнной короной своей
Вѣнчай поэта, побѣда,
И не разъ, и не два, и не три
Ты увей его бѣлыя кудри!
(*Покидаетъ сцену*).

ДѢЛО БАБЕФА.

Очеркъ изъ исторіи Франціи.

I.

Первые шквалы прошли и утихли. Монархія пала, «аристократія» была перебита, защитники и приверженцы минувшаго, спасшіе свою жизнь, бѣжали въ чужіе края, всѣ попытки усмирить революцію съ помощью иностранныхъ войскъ оказались тщетными,—и настроеніе возставшаго народа измѣнилось. Тѣ многочисленныя фракціи, которыя дѣлили страну и которыя соединились въ виду общихъ (дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ) опасностей, эти фракціи возобновили свою ожесточенную борьбу уже въ 1793 году. Гибель жиронды, диктатура Робеспьера, его паденіе, усиливающаяся реакція противъ «духа 93-го года» и общая апатія, начало правленія Директоріи—вотъ быстро смѣняющіеся факты и психологическіе моменты, которые характеризуютъ средину 90-хъ годовъ восемнадцатаго вѣка. Но соціальное море такъ же долго ходитъ и укладывается послѣ бури, какъ море физическое, разница лишь та, что здѣсь время измѣряется минутами и часами, а тамъ—годами и десятилѣтіями. Когда революціонное движеніе утихло, началось, естественно, подведеніе итоговъ. Отрицательные результаты были на лицо, — положительныхъ не оказывалось, — по крайней мѣрѣ, весьма многимъ казалось, что ихъ, этихъ положительныхъ результатовъ, нѣтъ. Не стало короля, «феодализма», всѣхъ bêtes noires стараго режима, но зато была директорія, которая дѣйствовала, какъ говорили ея враги, деспотичнѣе Людовика XVI и которая вмѣсто прежнихъ lettres de cachet, по словамъ Фрерона, изобрѣла разстрѣливанія изподтишка. Народъ умиралъ съ голоду при старомъ режимѣ, и дѣлалъ это также несомнѣнно при новомъ. Наконецъ, про злосчастную продажу національныхъ и церковныхъ имуществъ, которая и въ наши дни многихъ сбила съ толку, говорилось съ большимъ апломбомъ, что она пошла на пользу спекуляторамъ капиталистамъ и никому больше.

Было отчего призадуматься, спросить себя, зачѣмъ же эти рѣки крови, война съ Европой и т. д.? И, что важнѣе всего, ясно было,

что дѣло «кончается», что поправить ошибки почти невозможно. Великій писатель сказалъ о Франціи: «да и какъ было не любить эту страну, въ которой все начиналось, и опять, и опять начиналось и не изъявляло ни малѣйшаго желанія окончиться?» Бѣда въ концѣ революціи заключалась для многихъ въ томъ, что они видѣли, какъ *все кончается*, и съ болью въ сердцѣ сознавали, что время «началъ» прошло, что минувшаго не воротишь. Многіе понимали, что народъ уже не такъ настроенъ, многіе начинали чувствовать себя лишними и сходили со сцены. Многіе, но не всѣ. Были люди съ положительнымъ идеаломъ, неосуществимымъ, нерѣдко фантастичнымъ, но требовавшимъ отъ нихъ своего немедленнаго осуществленія. Эти люди менѣе всего были политиками; они не знали переживаемаго психологическаго момента, не понимали настоящаго и смотрѣли довѣрчивыми глазами на будущее. Оно казалось имъ такъ свѣтло, такъ близко и такъ возможно, какъ оно могло казаться только неопытнымъ утопистамъ конца прошлаго вѣка, не пережившимъ того, что пережили ихъ дѣти и внуки. Размахъ жизни былъ тогда великъ; сказка такъ часто становилась на глазахъ у всѣхъ дѣйствительностью, что міръ грезъ и міръ реальностей поразительнымъ образомъ сблизились въ людскомъ сознаніи. Между этими мірами по прежнему оставалась пропасть, но ея не видѣли эпигоны революціи и, когда нужно было сдѣлать послѣдній шагъ, они шагнули въ нее. Одной изъ такихъ попытокъ, какъ тогда говорилось—«дать счастье Франціи», мы и займемся въ настоящемъ очеркѣ. Заговоръ Бабефа былъ самымъ выдающимся по силѣ и значенію протестомъ противъ «окончанія революціи», самымъ важнымъ фактомъ общественной жизни 1796 и 1797 годовъ. Исторія этого заговора тѣсно связана съ исторіей его вождя *).

II.

Франсуа Бабефъ родился въ Пикардіи, въ Сенъ-Кантенѣ, 23 ноября 1760 года, въ семьѣ Клода Бабефа, занимавшаго скромное мѣсто по сбору податей. Вскорѣ послѣ рожденія Франсуа,—этотъ человѣкъ, котораго всю жизнь преслѣдовала судьба, потерялъ свой заработокъ и

---

*) Я пользовался при составленіи этого очерка всѣми №№ газеты Бабефа: «Le tribun du peuple» и «Journal de la liberté de la presse»; его манифестомъ (manifeste des égaux); всѣми прочими его прокламаціями, описаніемъ и анализомъ доктрины въ сочиненіи одного изъ участниковъ заговора Буанаротти (Gracchus Babeuf et la conjuration des égaux) и, наконецъ, всей корреспонденціей Бабефа, его защитительной рѣчью на судѣ и послѣдними его письмами, собранными въ двухъ томахъ Adviell'емъ («Histoire du G. Babef» 1884). Сверхъ того, я пользовался совершенно новыми документами, опубликованными въ 1895-мъ году въ журналѣ, посвященномъ спеціально разработкѣ исторіи революціи—«La révolution française, revue d'histoire moderne»; см. этотъ журналъ за апрѣль 1895 г. ст. «L'arrestation de Babeuf» p. Robiquet.

долженъ былъ приняться за физическій трудъ, чтобы не умереть съ голоду вмѣстѣ съ семействомъ. Онъ принялся за земледѣльческій трудъ, жена его занималась пряжей дни и ночи, а подроставшій Франсуа няньчилъ своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ. Когда для мальчика наступилъ школьный возрастъ—въ училище онъ не пошелъ, потому что средства не позволяли. А любознателенъ Франсуа былъ до крайности: онъ самъ научился читать, подбирая лоскутки разорванныхъ печатныхъ листковъ и разспрашивая у отца, что обозначаютъ тѣ или другія фигурки, изображенныя на лоскуткахъ. Отецъ, обладавшій кое-какимъ запасомъ элементарныхъ свѣдѣній, училъ его ариѳметикѣ и нѣмецкому языку. По мѣрѣ того, какъ время шло, семья Клода Бабефа увеличивалась и нужда усиливалась. Въ шестнадцать лѣтъ Франсуа долженъ былъ думать о томъ, чтобы добывать себѣ собственнымъ трудомъ кусокъ хлѣба. Онъ поступилъ въ писцы къ одному землемѣру, у котораго и научился впервые элементарнымъ пріемамъ межеванія. На этомъ мѣстѣ онъ долго не удержался, потому что черезъ годъ (въ 1777 г.) мы его находимъ въ домѣ одного знатнаго барина Бракмона, жившаго недалеко отъ города Руа въ своемъ имѣніи. Франсуа Бабефъ исполнялъ обязанности приказчика у Бракмона. Работы было много, денегъ мало, но за неимѣніемъ ничего лучшаго приходилось браться за все, что предлагали. «Мое положеніе не изъ блестящихъ, дорогой отецъ, но когда я подумаю о вашей жизни, то нахожу свою слишкомъ даже хорошей», пишетъ онъ какъ то домой въ это время *). Отношенія между Франсуа и его родными оставались всегда замѣчательно теплыми и любовными. Въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, т.-е. имѣя двадцать съ небольшимъ лѣтъ отъ роду, Франсуа лишился отца. Онъ разсказываетъ, что когда его отецъ уже чувствовалъ приближеніе смерти, то, подозвавъ своихъ дѣтей къ постели, умирающій долго и грустно говорилъ съ ними. Онъ сказалъ, что ему тяжело покидать свѣтъ, оставляя семью въ безпомощномъ и жалкомъ положеніи; что судьба не позволила ему привести въ исполненіе то, чего онъ когда-то желалъ,—принести пользу своей родинѣ и своимъ близкимъ. «Я оставляю вамъ это сокровище,—великаго Плутарха», сказалъ онъ, между прочимъ, показывая на книгу: «чтеніе его много радости дало моей бѣдной и тяжелой жизни. Отъ васъ зависитъ выбрать, кому изъ древнихъ героевъ подражать. Что касается меня, то я всегда желалъ походить на Кая Гракха и поступать подобно ему, если бы даже пришлось погибнуть такъ же, какъ онъ погибъ, за самое лучшее дѣло, за дѣло всеобщаго счастья».

Эти слова, какъ говоритъ Франсуа Бабефъ, произвели на него глубокое впечатлѣніе и запали въ душу. Жизнь его тянулась по прежнему. Въ концѣ 1782 года онъ женился на горничной г-жи Бракмонъ —

*) См. письмо изъ Фликскуры отъ 26 мая 1780 г. (Advielle, v. I. p. N).

Викторіи Ланглэ. Женщина эта была лишена всякаго образованія, совсѣмъ не умѣла писать, но зато ея добрый и вмѣстѣ съ тѣмъ твердый характеръ, ея большой природный умъ, ея способность не теряться при самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ—всѣ эти качества сдѣлали жену Бабефа дѣйствительно подругой и опорой его жизни. Вскорѣ послѣ женитьбы Бабефъ занялся книгами и росписями, относившимися къ земельному межеванію и составленію кадастровъ въ Пикардіи и вслѣдъ затѣмъ получилъ мѣсто коммиссара по межевымъ дѣламъ. Эта должность была почетною и выгодною. Въ обязанности такого коммиссара входило не только наблюденіе за правильнымъ размежеваніемъ: онъ долженъ былъ также заботиться о томъ, чтобы не нарушались всѣ тѣ многочисленныя и страшно запутанныя сеньеріальныя, феодальныя, домэнныя и всякія другія права, которыя были связаны съ обладаніемъ той или другою землей. Земли переходили изъ рукъ въ руки, а иногда вмѣстѣ съ ними переходили къ новымъ владѣльцамъ права и преимущества. Возбуждалось множество исковъ, возникали неудовольствія и жалобы населенія при каждой продажѣ такого имѣнія или помѣстья. Нужно было хорошо знать всѣ документы, относящіеся къ разнымъ имѣніямъ и деревнямъ; необходимо было слѣдить самымъ пристальнымъ образомъ за исполненіемъ дѣйствительно существовавшихъ законовъ и обычаевъ и стараться мѣшать изобрѣтенію новыхъ. Дѣло было сложное, замысловатое. Революція смела всѣ прежнія феодальныя права, но до самаго паденія стараго режима эти права существовали и хотя весьма часто не приносили своимъ обладателямъ ни малѣйшей пользы, но возни съ ними было много. Вотъ, за отправленіе такихъ-то обязанностей и взялся Бабефъ. Въ сущности, на немъ лежалъ долгъ охранять старыя феодальныя права; но, какъ мы увидимъ, онъ это дѣлалъ такимъ оригинальнымъ образомъ, что хуже всѣхъ приходилось отъ него самимъ «феодаламъ». Если мы спросимъ себя, каковъ былъ внутренній міръ этого человѣка въ молодости, о чемъ думалъ, чего желалъ онъ въ описываемую эпоху, то на эти вопросы отвѣта, пожалуй, почти совсѣмъ не получимъ. Все, что касается такъ или иначе жизни Бабефа въ это время, можно почерпнуть изъ его продолжительной переписки съ секретаремъ Аррасской академіи изящныхъ искусствъ Дюбуа-де-Фоссэ. Вотъ какъ началась эта переписка.

Въ 1785 году названная академія предложила для конкурсныхъ сочиненій тему весьма частнаго характера, касавшуюся устройства путей сообщенія въ провинціи Артуа *). Бабефъ, хотя и былъ жителемъ Пикардіи, а не Артуа, написалъ мемуаръ въ отвѣтъ на предложенную тему и отправилъ его въ Аррасъ. Преміи онъ не получилъ, во-пер-

---

*) «Est-il avantageux de reduire le nombre des chemins dans le territoire des villages de la province d'Artois et de donner à ceux, que l'on conserverait une largeur suffisante pour être plantés».

выхъ, потому, что сочиненіе его отличалось слишкомъ общимъ характеромъ, а во-вторыхъ—и это было очень важно—онъ подписалъ полнымъ именемъ свое произведеніе, тогда какъ по закону конкурсныя работы должны были оставаться неподписанными. Тѣмъ не менѣе, благодаря этому случаю завязались отношенія между секретаремъ академіи Дюбуа-де-Фоссэ и Бабефомъ. Дюбуа-де-Фоссэ изнывалъ отъ скуки въ своемъ Аррассѣ и ухватился обѣими руками за корреспонденцію съ Бабефомъ, какъ за средство нѣсколько скоротать свои безконечные досуги. Съ первыхъ же писемъ онъ увидѣлъ, что его пикардійскій корреспондентъ—человѣкъ недюжиннаго ума, начитанный и вдумчивый. Письма полетѣли десятками отъ Дюбуа къ Бабефу. Аррасскій секретарь посылалъ ему и свои произведенія въ стихахъ и въ прозѣ, и сердечныя изліянія, спрашивалъ его о тысячѣ разнороднѣйшихъ и всегда отвлеченныхъ предметовъ, заваливалъ его грудой исписанной бумаги, требовавшей немедленныхъ отвѣтовъ, словомъ, не давалъ своему новому пріятелю ни отдыха, ни срока. Бабефъ сначала аккуратно отвѣчалъ ему, и для насъ, конечно, интересны только эти отвѣты. Въ одномъ изъ писемъ Бабефъ описываетъ Дюбуа свою любовь къ дѣтямъ *): «Какую слабость я питаю къ дѣтямъ! Эта чувствительность всегда мною владѣла! Теперь я отецъ двухъ подобныхъ дорогихъ созданій, изъ которыхъ одному четыре года, а другому годъ и два мѣсяца. Извините, monsieur, если, уступая влеченію сердца, я вхожу въ такія подробности, которыя могутъ показаться мелочными; но нѣтъ, вѣдь вы сами отецъ, этого достаточно, для васъ это не будетъ скучно». Все письмо наполненно восторженными описаніями наружности и характера малютокъ. Изрѣдка только Бабефъ говоритъ въ письмахъ своихъ о своей личной жизни. Обо всемъ, что дѣлается въ аррасскомъ обществѣ, культивирующемъ belles-lettres и beaux-arts, Дюбуа аккуратно извѣщаетъ своего корреспондента, и Бабефъ поневолѣ говоритъ въ своихъ письмахъ о томъ же. Только въ весьма немногихъ онъ затрогиваетъ другіе вопросы, только изрѣдка проскальзываютъ другія мысли и другое настроеніе.

Дюбуа-де-Фоссэ спросилъ какъ-то у него, какія темы посовѣтуетъ онъ объявить для соисканія академической награды. Бабефъ прислалъ три темы. Вотъ одна изъ нихъ **): «Принимая въ соображеніе общую сумму достигнутыхъ знаній, отвѣтить, каково было бы состояніе народа, всѣ общественныя учрежденія котораго были бы таковы, чтобы обезпечивали полное равенство между всѣми людьми; чтобы земля принадлежала всѣмъ вмѣстѣ и никому въ отдѣльности, чтобы, наконецъ, все было общимъ, до произведеній всякаго рода промышленности. Были ли бы согласны такія учрежденія съ естественнымъ закономъ? Возможно ли, чтобы такое общество могло существовать и чтобы

*) Письмо отъ 13 декабря 1786. (Adv. I, 27).

**) Письмо отъ 21 марта 1787 г. (ibid.).

было мыслимо приводить въ исполненіе такое равное распредѣленіе продуктовъ?» Вотъ первое указаніе, встрѣчающееся въ интимной перепискѣ Бабефа и дающее возможность категорически утверждать, что вопросы соціально-реформаторскаго характера были ему не чужды еще тогда, когда на престолѣ сидѣлъ Людовикъ XVI, когда самъ онъ былъ скромнымъ провинціальнымъ чиновникомъ и когда интересовавшими его мыслями онъ могъ дѣлиться только путемъ частной корреспонденціи. По отрывочнымъ свѣдѣніямъ, вродѣ только что приведеннаго, мы лишены возможности дать вполнѣ отчетливую картину постепеннаго роста эгалитарныхъ убѣжденій Бабефа. Внутренняя работа, переживаемая этимъ человѣкомъ, остается скрытою для насъ; не могъ онъ передъ болтливымъ и ограниченнымъ аррасскимъ секретаремъ обнажать свою душу; когда слишкомъ ужъ глубоко сидѣла въ немъ мысль, онъ писалъ о ней нѣсколько словъ Дюбуа-де-Фоссэ. Но всегда онъ это дѣлалъ съ какою-то угрюмой поспѣшностью, какъ будто стыдясь своей откровенности. Онъ оставлялъ многое угадывать, говорилъ намеками, и тѣмъ цѣннѣе, поэтому, такія письма, въ которыхъ Бабефъ нѣсколько ближе подпускаетъ къ своему внутреннему міру. Подобныхъ писемъ немного; я выберу ихъ изъ громадной и совершенно неинтересной корреспонденціи, изданной Адвіеллемъ,—корреспонденціи, гдѣ они стоятъ совершенно особнякомъ, и постараюсь показать, насколько уже тогда было опредѣленно то русло, по которому стремилась мысль Бабефа къ своимъ окончательнымъ результатамъ.

Въ письмѣ къ Дюбуа отъ 5 сентября 1787 года *) онъ говоритъ о происхожденіи сословныхъ различій и общественнаго неравенства. Онъ винитъ во всемъ, конечно, феодализмъ, «возникшій изъ разбоя и грабежа». Знатнымъ и богатымъ дѣлался тогда самый сильный, хитрый и безсовѣстный, а кто былъ менѣе жестокъ или менѣе хитеръ, обрекался на нищету. Но понадобилось этимъ удачнымъ хищникамъ укрѣпить за собою и за своимъ потомствомъ награбленныя богатства, и вотъ явились государственные законы, укрѣпившіе соціальное неравенство навсегда. Законы и законники поставили дѣло такъ, что на огромное большинство народа кучка аристократовъ стала смотрѣть, какъ на низшую породу людской расы. Эти мысли, развиваемыя Бабефомъ, не представляютъ, какъ видитъ читатель, ничего новаго для того времени; объ этомъ говорилось и писалось въ теченіе восемнадцатаго столѣтія милліоны разъ. Но дальше звучитъ уже совсѣмъ новый мотивъ. Тогда (въ 1787 году) вопросъ шелъ о составленіи однообразнаго кодекса, который сгладилъ бы различія между пошлинами отдѣльныхъ провинцій. Бабефъ не вѣритъ въ пользу этого предпріятія и не вѣритъ потому, что не надѣется на силу правительственныхъ указовъ въ дѣлѣ излѣченія соціальныхъ золъ. Для той

*) Advielle, I, 34 sqq.; Buonarotti, op. cit. 39.

эпохи этотъ взглядъ является рѣзкимъ и единственнымъ диссонансомъ. Если тогдашніе министры были всѣ поголовно ярыми гувернаменталистами, то въ еще большей степени это слѣдуетъ сказать о начавшихъ вскорѣ дѣйствовать революціонерахъ. «Этотъ проектируемый новый кодексъ представляетъ собою самый маленькій палліативъ, — пишетъ Бабефъ.—Кодексъ не сдѣлаетъ такъ, чтобы эти дѣти не рождались нищими, а тѣ—милліонерами; кодексъ не избавитъ меня, котораго давитъ нужда, отъ презрѣнія ничего не дѣлающаго богача». Вотъ точка зрѣнія, съ которой Бабефъ пессимистически смотритъ на всѣ правительственныя начинанія.

Въ другомъ мѣстѣ онъ жалуется на то, что реформаторовъ и вообще людей, имѣющихъ опредѣленную систему (les gens à système), въ большинствѣ случаевъ не понимаютъ и не желаютъ понять; онъ скорбитъ о томъ, что люди слишкомъ боятся перемѣнъ и слишкомъ любятъ косность, и только потому, что перемѣны ведутъ за собою нѣкоторую усталость и требуютъ кое-какихъ усилій, а косность не нарушаетъ привычекъ лѣни. «Большинство,—восклицаетъ онъ,—всегда составляетъ партію рутины и застоя, такъ какъ оно темно и апатично. Вотъ почему превосходныя открытія и полезныя изобрѣтенія отвергаются такъ часто; вотъ почему прогрессъ остается въ состояніи теорій, которыхъ не удостаиваютъ даже анализомъ». Не разъ возвращается онъ къ вопросу о народномъ образованіи: если вся бѣда происходитъ отъ косности массы, то сама эта косность является прямымъ продуктомъ невѣжества народа. Образованіе есть удѣлъ лишь немногихъ лицъ, пишетъ Бабефъ, и это несчастіе, потому что всюду надо считаться съ толпою, всюду и всѣ помѣшаны на большинствѣ голосовъ (par ce qu'on a partout la manie de la pluralité des voix). Это нервозное отношеніе къ толпѣ весьма любопытно въ будущемъ ея апологетѣ и защитникѣ. Мы имѣемъ дѣло съ такимъ періодомъ жизни Бабефа, когда его политическія воззрѣнія только бродили и формировались.

Бабефъ по прежнему служилъ коммиссаромъ по кадастровымъ дѣламъ въ городѣ Руа *). Кромѣ своей семьи, состоявшей изъ жены и четырехъ дѣтей, ему нужно было содержать еще мать и нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ. Расходы были громадны, но онъ успѣвалъ сводить концы съ концами. Обязательныя служебныя работы оставляли Бабефу все-таки время для приготовленія къ печати большого труда, близко касавшагося предмета его спеціальныхъ занятій и посвященнаго критикѣ устарѣвшихъ поземельныхъ отношеній. Этотъ трудъ долженъ былъ быть отпечатанъ на казенный счетъ, но правительство не дало денегъ, и авторъ выпустилъ въ свѣтъ лишь краткое извле-

---

*) Ср. Advielle, I, 35.

ченіе *) изъ своей монографіи, въ видѣ справочной книги для земельныхъ собственниковъ подъ названіемъ «Mémoire pour les propriétaires de terres et de seigneuries». Этотъ мемуаръ доставилъ Бабефу лестную извѣстность въ Пикардіи и вскорѣ послѣ его отпечатанія, нашъ commissaire à terrier получилъ въ высшей степени любезное письмо отъ маршала Кастэха, который приглашалъ его къ себѣ для занятій по разбору документовъ, касающихся до имѣній маршала въ Пикардіи.

Нужно было условиться насчетъ поѣздки и пребыванія Бабефа въ имѣніи. Тутъ разыгрался очень интересный и характерный пассажъ. Маршалъ предложилъ Бабефу жить въ замкѣ и обѣдать съ прислугой. Тотъ отвѣтилъ, повидимому **), очень рѣзкимъ отказомъ. Тогда маршалъ прочиталъ ему слѣдующую нотацію: «если, милостивый государь, вамъ не приличествуетъ обѣдать съ моими людьми и если вы не находите возможности столоваться гдѣ-нибудь въ деревнѣ, то нечего и думать о какомъ бы то ни было соглашеніи между нами, не потому, чтобы я не удостаивалъ васъ совмѣстной трапезой; такая глупость никогда не унижала моего ума и не пачкала моего сердца,— но моя жена и я не хотимъ стѣснять себя. Я часто обѣдалъ вмѣстѣ со своимъ послѣднимъ слугой, я уважаю честныхъ людей, не смотря на ихъ происхожденіе... Самолюбіе вещь хорошая, но гордость всегда портитъ людей... Вы слишкомъ высокомѣрно и несправедливо трактуете моихъ слугъ, которые стоятъ васъ самихъ во многихъ отношеніяхъ» и т. д. Бабефъ отвѣчалъ на это письмо съ поразительнымъ смиреніемъ, оправдывался, бралъ назадъ свои слова, придавалъ имъ другой смыслъ. Этотъ пассажъ обнаруживаетъ въ немъ человѣка характера мирнаго и уживчиваго. Бабефу всегда было не важно, какъ себя держать, съ достоинствомъ или безъ онаго, оставить ли за собой послѣднее слово, или нѣтъ и т. д. Ему важно было лишь сказать то, что онъ хочетъ, или сдѣлать, что находитъ хорошимъ, а какъ тамъ дальше дѣло повернется, онъ особенно не заботился. Будутъ за слова преслѣдовать, онъ отъ нихъ на время отречется; отъ дѣлъ отречься нельзя, — онъ пойдетъ на плаху,—но главное-то будетъ уже совершено. Сдѣлалъ онъ рѣзкое и насмѣшливое внушеніе богатому набабу, а потомъ оказалось, что набабъ сердится; можно и извиниться, никто ничего не потеряетъ. Къ маршалу Бабефъ все-таки не поѣхалъ, хотя тотъ приглашалъ его.

Благосостояніе Бабефа упрочивалось. Его часто приглашали для разбора актовъ, относившихся такъ или иначе къ пикардійскому землевладѣнію. Въ это время онъ и успѣлъ нажить себѣ враговъ, которые потомъ неутомимо его преслѣдовали. Бабефъ много работалъ надъ приведеніемъ въ порядокъ бумагъ маркиза Сойскура; онъ отказался

*) Advielle, I. 41.

**) Письмо это до насъ не дошло. Отвѣтъ маршала помѣченъ 7 сентября 1787 г. (Adv. 44).

отъ всѣхъ другихъ дѣлъ, которыя ему предлагали, исключительно затѣмъ, чтобы посвятить все свое время Сойскуру. Управляющимъ у Сойскура служилъ нѣкій Билькокъ, котораго маркизъ прогналъ, какъ только Бабефъ сталъ заниматься у него въ замкѣ. Билькокъ и его многочисленные и вліятельные въ Пикардіи родственники сочли главною причиною удаленія управляющаго—навѣты Бабефа и начали ему мстить на каждомъ шагу. Прежде всего, когда пришло время разсчета, Сойскуръ, который долженъ былъ уплатить 20.000 ливровъ Бабефу, заплатилъ ему всего 100 ливровъ. Поступить такъ убѣдили его Билькоки; впрочемъ, благороднаго маркиза, повидимому, не трудно было убѣдить въ правотѣ такого поступка, такъ какъ сохранились извѣстія, что онъ не платилъ даже по счетамъ гостинницъ, гдѣ останавливался *). Къ тому же времени Бабефу не уплатили слѣдуемаго гонорара еще нѣкоторые помѣщики—и онъ сразу очутился почти совсѣмъ разоренньмъ. Отъ прежняго благосостоянія, которымъ онъ пользовался до злосчастнаго дѣла Сойскура, не осталось и слѣда. Билькоки старались всѣми силами не давать ему оправиться и, благодаря своимъ связямъ и вліянію, успѣвали въ этомъ. Много горечи накопилось въ душѣ Бабефа; его обсчитали и обокрали тѣ люди, которымъ онъ отдавалъ свое время и свои силы; его преслѣдовали мѣстные богачи и уважаемые граждане. Личная ненависть противъ сильныхъ и сытыхъ воскрешала и укрѣпляла въ его сознаніи тѣ идеи о неравенствѣ и равенствѣ, которыя, какъ мы показали, давно уже занимали его. Мысль искала выраженія, чувство—исхода. Въ это время по всей Франціи пронесся слухъ, что король сзываетъ генеральные штаты.

III.

Когда начиналась революція, весьма немногіе предвидѣли будущее, весьма немногіе даже задавались вопросомъ объ этомъ будущемъ. Общее жизнерадостное и нетерпѣливое чувство, охватившее всю громадную страну отъ Рейна до Атлантическаго океана и отъ Нидерландовъ до Испаніи, было такъ сильно, что заслоняло предъ умственнымъ взоромъ всѣ перспективы, кромѣ ближайшей, завтрашней. Какъ поведетъ себя Неккеръ? Что скажетъ на тотъ или этотъ вопросъ Людовикъ? Правда ли, что австріячка боится показаться въ Парижѣ? Вотъ какіе интересы и слухи, по словамъ современниковъ, волновали Парижъ и провинцію весною этого навѣки памятнаго года. Сразу и отъ всѣхъ потребовался отчетъ: «нашъ ты или версальскій?» и сразу же надо было отвѣчать и, что̀ всего труднѣе, не словами, а поступками. Бабефъ душой и тѣломъ отдался революціи. Вотъ что

*) См. Advielle, 48.

онъ писалъ впослѣдствіи (G. Babeuf, tribun du peuple à ses concitoyens): «Я былъ феодистомъ (охранителемъ сеньеріальныхъ правъ) при старомъ режимѣ, и вотъ почему я сталъ самымъ ярымъ врагомъ феодализма при режимѣ новомъ. Въ пыли сеньеріальныхъ архивовъ я открылъ страшныя тайны аристократическихъ узурпацій». Теперь, когда собирались въ Парижѣ штаты, когда народъ шумѣлъ и волновался, Бабефъ воспользовался своими познаніями въ земельныхъ отношеніяхъ Пикардіи и опубликовалъ брошюру о несправедливыхъ исторически и нравственно незаконныхъ притязаніяхъ и поборахъ дворянства и духовенства. По его иниціативѣ, всѣ архивы, хранившіе сеньеріальные документы, архивы, въ которыхъ Бабефъ столько лѣтъ работалъ, были опустошены, содержимое ихъ снесено на площадь города Руа и торжественно сожжено. Вскорѣ, по его же предложенію, была уничтожена потерявшая всякій смыслъ должность commissaire à terrier, и Бабефъ лишился послѣдняго заработка. Съ этого времени онъ почти всецѣло поглощается общественными дѣлами, часто ѣздитъ въ Парижъ, гдѣ развертывались главныя событія, а семья его перебивается чѣмъ попало и голодаетъ въ Руа, такъ же, какъ онъ самъ голодаетъ въ Парижѣ. Отношенія между нимъ и женою по прежнему были неизмѣнно любовными и нѣжными, и это сильно поддерживало Бабефа при той неисходной нищетѣ, въ которой онъ видѣлъ себя и семью. Въ срединѣ іюля Бабефъ находился въ столицѣ и вмѣстѣ съ толпою шелъ 14-го числа на Бастилію. Послѣ этого онъ возвратился на нѣсколько дней въ Руа, а затѣмъ снова уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и оставался зрителемъ всѣхъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ событій до самаго октября мѣсяца. Онъ видѣлъ уличныя убійства, повѣшенные на фонаряхъ трупы, присутствовалъ нерѣдко при тѣхъ внезапныхъ судахъ и казняхъ, которыя тогда почти ежедневно производилъ парижскій народъ. Бабефу было тяжело все это видѣть. «Я былъ и доволенъ и недоволенъ,—пишетъ онъ женѣ, разсказывая объ одномъ изъ подобныхъ убійствъ *).—Я понимаю, что народъ хочетъ правосудія, я даже одобряю это правосудіе, если оно можетъ быть достигнуто только уничтоженіемъ преступниковъ; но если бы все-таки поменьше жестокости! Наказанія всѣхъ сортовъ, четвертованіе, пытки, колесованіе, палки, розги, палачи, расплодившіеся повсюду,—какъ все это испортило наши нравы!» Бабефъ ведетъ въ это первое время революціи вполнѣ бродячую жизнь; мы видимъ его то въ Парижѣ, то въ Руа. Онъ принимаетъ живое участіе въ получившей тогда громадное развитіе литературѣ уличныхъ листковъ и памфлетовъ; въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ онъ безпрестанно возвращается къ герою дня—Мирабо. Бабефъ не любилъ Мирабо и не былъ увѣренъ ни въ его государственныхъ талантахъ, ни, даже, въ политической добро-

---

*) Письмо отъ 25 іюля 1789 г.

совѣстности. Нѣкоторое время спустя Бабефу удалось даже основать газету «Correspondant Picard», въ которой онъ развивалъ свои взгляды по поводу дѣйствій генеральныхъ штатовъ и конституанты, и параллельно давалъ обзоръ важнѣйшихъ происшествій изъ жизни родной провинціи. Дѣло пошло на ладъ. Число подписчиковъ все увеличивалось, такъ что и матеріальное положеніе Бабефа улучшилось. Но ужевскорѣ редактору пришлось столкнуться съ разнаго рода подводными камнями. Прежде всего, онъ долженъ былъ на собственномъ опытѣ узнать, что новыя вѣянія въ такой же мѣрѣ благопріятствуютъ процвѣтанію доносовъ, какъ и старыя, и что въ этомъ отношеніи революціонный режимъ, пожалуй, заткнетъ за поясъ старый порядокъ вещей. Такъ, одинъ изъ литературныхъ блюстителей порядка выразилъ свое негодованіе по тому поводу, что изданіе Бабефа называется «пикардійскій корреспондентъ». Вѣдь названіе «Пикардія» уничтожено революціей; Пикардіи нѣтъ, а есть новыя географическія обозначенія этой мѣстности: департаменты Соммы, Уазы и Энь. Разъ Бабефъ *не хочетъ* признавать новыхъ названій, а придерживается старыхъ терминовъ, бывшихъ въ силѣ во времена деспотизма, не показываетъ ли это и т. д. и т. д. Бабефъ отвѣчалъ своему обвинителю поневолѣ очень сдержанно, что нельзя всего упомнить, что промахи были невольны, что онъ назвалъ свою газету такъ для краткости, ибо удобнѣе говорить correspondant Picard, чѣмъ correspondant des départements de la Somme, l'Oise et l'Aisne. Бабефъ нападалъ на нѣкоторыя дѣйствія новаго правительства, и кары не заставили себя долго ждать. Въ іюнѣ 1790 года Бабефъ находился уже въ тюрьмѣ,—впрочемъ, вскорѣ, благодаря ходатайствамъ и хлопотамъ нѣкоторыхъ друзей, онъ былъ выпущенъ на свободу. Ему приходилось считаться не только съ новыми политическими силами, съ которыми онъ въ общемъ былъ солидаренъ, но въ частностяхъ расходился; противъ Бабефа съ упреками въ ренегатствѣ выступали также послѣдніе литературные дѣятели погибавшей аристократической партіи. Бабефу бросали въ лицо обвиненіе въ предательствѣ; напоминали, что, вѣдь, онъ прежде былъ коммиссаромъ по разбору феодальныхъ, дворянскихъ актовъ, значитъ, посвящалъ свою дѣятельность выясненію и упроченію сеньеріальныхъ правъ, т. е. способствовалъ такъ или иначе угнетенію крестьянъ землевладѣльцами, и получалъ за такую свою службу деньги. Какое же нравственное право имѣетъ онъ теперь нападать на старый режимъ, который его кормилъ, и провозглашать себя защитникомъ угнетенныхъ? Цѣлая брошюра, неизвѣстно чьему перу принадлежавшая, была посвящена развитію этихъ полемическихъ взглядовъ. Бабефъ отвѣчалъ на эту брошюру, написанную съ явно аристократической точки зрѣнія, слѣдующими доводами и оправданіями. «Дѣйствительно, все это такъ,—признавалъ онъ.—Когда я былъ молодъ, я не разсуждалъ; все, что существовало, казалось мнѣ необходимымъ и

нужнымъ. Я думалъ, что рѣшительно неизбѣжно, чтобъ были преслѣдователи и преслѣдуемые; я очень уважалъ феодализмъ. Но какъ только я сталъ нѣсколько больше человѣкомъ (un peu plus homme), какъ только взошло солнце революціи и просвѣтило меня, я взглянулъ и увидѣлъ, что феодализмъ—это стоглавая гидра»... Бабефъ очень горячо и сильно нападалъ на отживающій строй, но врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что онъ никогда не былъ истиннымъ публицистомъ. Въ его писаніяхъ и позднѣйшаго, и, въ особенности, этого перваго періода литературной дѣятельности, мы напрасно стали бы искать признаковъ настоящаго таланта. Много фразъ, желающихъ быть патетическими, много растянутостей, повтореній, неудачной ироніи, вымученнаго остроумія... Онъ совсѣмъ не былъ созданъ для трибуны или для журналистики. Это былъ человѣкъ практическаго дѣла; недаромъ Бабефъ всегда къ такому дѣлу и рвался. Въ описываемыя первыя времена революціи онъ былъ не болѣе, какъ рядовымъ защитникомъ народовластія и не имѣлъ никакой возможности выдвинуться на замѣтное мѣсто и завоевать себѣ политическое положеніе между тѣми корифеями трибуны и литературы, которые руководили судьбами страны.

Повидимому, онъ это понялъ, потому что уже съ 1791 года мы его все чаще и чаще встрѣчаемъ въ провинціи, гдѣ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ осуществленіи новыхъ правительственныхъ мѣръ. Въ сентябрѣ 1792 года Бабефъ былъ назначенъ администраторомъ департамента Соммы и переѣхалъ въ Амьенъ. Время было страшно опасное для дѣла революціи; въ странѣ было неспокойно, югъ волновался, Европа съ оружіемъ въ рукахъ готовилась возстановить въ Парижѣ королевскую власть. И въ столицѣ, и въ провинціи революціонные правители были заняты открытіями заговоровъ, сношеній съ эмигрантами и иностранцами и т. д. Измѣна чудилась всюду, и настоящіе или предполагаемые измѣнники гибли на эшафотѣ чуть ли не ежедневно. Съ своей стороны Бабефъ тоже съ первыхъ же дней своего вступленія въ должность успѣлъ раскрыть обширный заговоръ, имѣвшій, будто бы, цѣлью впустить союзныя войска въ Перонь. По всей вѣроятности, этотъ заговоръ существовалъ всецѣло въ испуганномъ воображеніи Бабефа, потому что и цѣль заговора, и организація его описываются даже панегиристами нашего героя очень путанно и неясно. Образъ дѣйствій Бабефа въ должности администратора отличался вообще такой горячностью, какая не могла понравиться даже въ тѣ времена и даже парижскому правительству. Бабефъ пишетъ, что его преданность интересамъ de la classe sans-culotte и его ненависть къ аристократіи содѣйствовали тому, что власть была у него отнята,—другіе, болѣе объективные люди говорятъ, что ему повредила «violence désordonnée de sa conduite»; но, такъ или иначе, а онъ долженъ былъ вскорѣ выйти въ отставку *). Однако, какъ безтактно ни велъ себя

*) Ср. Advielle, 93, 94—I.

Бабефъ въ Амьенѣ, одного не могли отрицать его враги: искренней любви къ республикѣ и дѣлу революціи. Его удалили изъ того мѣста, гдѣ онъ себя скомпрометировалъ неловкими поступками, но все-таки не теряли изъ виду. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ отставки Бабефъ былъ назначенъ администраторомъ въ округъ Мондидье. Дѣла здѣсь было много, нужно было завѣдывать продажей національныхъ имуществъ, земель, конфискованныхъ у эмигрантовъ и духовенства. Тутъ случилось происшествіе, надолго выбившее Бабефа изъ колеи. Однимъ изъ многочисленныхъ заклятыхъ враговъ своихъ онъ былъ обвиненъ въ подлогѣ, въ томъ, что подмѣнилъ имена въ какомъ-то актѣ продажи. Обвиненіе было слишкомъ серьезно. Бабефъ отправился въ Амьенъ, чтобы принести оправданія, но тамъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Онъ успѣлъ, спустя нѣкоторое время, обмануть бдительность стражи, скрылся изъ тюрьмы и бѣжалъ въ Парижъ. Процессъ происходилъ безъ него, и 23 августа 1793 года Бабефъ былъ заочно присужденъ къ двадцатилѣтнему тюремному заключенію *).

Съ самаго момента своего прибытія въ Парижъ Бабефъ хлопочетъ о двухъ вещахъ: 1) о томъ, чтобы оправдаться отъ обвиненія въ подлогѣ, и 2) о томъ, чтобы получить хоть какое-нибудь занятіе. Матеріальное положеніе его семьи и его самого было положительно ужасно Переписка Бабефа съ женой и дѣтьми показываетъ, до какой ужасающей степени нищеты дошелъ онъ въ это время. Мало того, что нечего было ѣсть: нужно было трепетать за свою личную свободу, нужно было ежеминутно опасаться ареста. Его враги изъ родной провинціи продолжали его преслѣдовать, разузнавали, гдѣ онъ скрывается, чтобы предать его въ руки правосудія. Кое-какъ онъ успѣлъ получить въ Парижѣ мѣсто, которое его обезпечивало, но только что вздохнувъ свободно, онъ принялся снова за литературную дѣятельность. Брошюрки, летучіе листки фабриковались имъ цѣлыми десятками. Въ этихъ произведеніяхъ онъ затрогивалъ непріязненно массу лицъ, которыя въ концѣ концовъ узнавали имя автора. Эти новые парижскіе враги такъ же дѣятельно работали для его гибели, какъ и старые, пикардійскіе; благодаря ихъ проискамъ, Бабефъ, наконецъ, былъ узнанъ полиціей и арестованъ. Онъ содержался въ парижской тюрьмѣ и оттуда писалъ прошенія, жалобы, защитительные мемуары, словомъ, предпринималъ все, чтобы спастись отъ послѣдствій судебнаго приговора. Всѣ эти хлопоты увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ: конвентъ постановилъ передать дѣло Бабефа въ кассаціонный судъ; въ этой инстанціи приговоръ былъ кассированъ, и дѣло было передано для новаго разбирательства въ новый судъ, въ городъ Ланъ.

Здѣсь Бабефъ былъ совершенно оправданъ; послѣдовало даже заявленіе, что самое обвиненіе возбуждено незаконно и не имѣетъ ни-

*) Ibidem, 95.

какихъ оснований. 18 іюля 1794 года послѣ годового тюремнаго заключенія Бабефъ былъ выпущенъ на свободу. Оставалось еще какъ-нибудь добыть себѣ средства пропитанія, но сдѣлать это было не такъ легко. Диктатура Робеспьера была во всемъ своемъ расцвѣтѣ; Бабефъ ненавидѣлъ Робеспьера всѣми силами своей души. Но что могъ сдѣлать противъ всемогущаго диктатора ничтожный чиновникъ, только-что судившійся по обвиненію въ уголовномъ преступленіи? Нужно было позаботиться о томъ, чтобы не умереть вмѣстѣ съ семьею отъ голода, о политической же борьбѣ нечего было и думать. Ему удалось снова получить то мѣсто, которое онъ занималъ еще до своего ареста; но его тянуло къ политикѣ, къ непосредственному участію въ общихъ государственныхъ дѣлахъ. Онъ оставилъ свое мѣсто и, очутившись безъ всякихъ средствъ, взялся за перо. Семья была въ нищетѣ, какъ и всегда (съ рѣдкими интервалами); дѣти болѣли, писать, какъ хотѣлось, было нельзя; брался онъ за болѣе безопасную литературную работу, собирался писать очерки изъ исторіи департамента Соммы, но ничего не выходило. Жена и дѣти находились въ Ланѣ, и старшій сынъ Бабефа былъ опасно боленъ, такъ что отецъ долженъ былъ покинуть Парижъ и помогать уходу за мальчикомъ, когда въ Ланъ пришло извѣстіе, что 9-го термидора Робеспьеръ палъ и что царство террора окончилось.

Вскорѣ Бабефъ вернулся въ Парижъ. Теперь для него открывалось новое и свободное поприще. Онъ могъ, не боясь никого, выражать свои взгляды на терроръ и на текущія дѣла вообще; чтобы дѣлать это успѣшнѣе и удобнѣе, Бабефъ основалъ въ Парижѣ газету подъ названіемъ «Journal de la liberté de la presse». Эта газета издавалась, по тогдашнему обыкновенію, на безобразно-сѣрой дешевой бумагѣ, въ восьмую долю листа. Отвратительная печать дополняетъ неудачную внѣшность изданія. Эти кривыя, мелкія, неотчетливыя строчки можно читать безъ труда только днемъ, а вечеромъ это стоитъ самаго упорнаго напряженія зрительныхъ нервовъ. Эпиграфомъ для перваго номера *), взяты слова Фрерона: celui qui veut opposer quelques limites à cette liberté (de la presse), a des vérités à étouffer et des mensonges à faire prospérer. Вообще, эпиграфы къ отдѣльнымъ нумерамъ газеты Бабефъ выбиралъ самые рѣзкіе и рѣшительные; такъ, второй № начинается словами Демулена: les fripons seuls craignent la lumière и т. д. Въ своей газетѣ Бабефъ прежде всего принялся отстаивать свободу печатнаго слова отъ посягательствъ администраціи; въ сущности такихъ посягательствъ въ первое время послѣ 9-го термидора и не дѣлалось, но Бабефъ полагалъ, что только посредствомъ проведенія въ сознаніе общества принциповъ неограниченной свободы прессы, только

---

*) № I—er. Journal de la liberté de la presse. Du 17 Fructidor, an 2 de la République. A Paris, de l'imprimerie de Bourgyff, rue Honoré № 35.

тщательной разработкой всѣхъ деталей, всѣхъ послѣдствій этихъ принциповъ можно обезпечить себя отъ новаго правительственнаго давленія въ будущемъ. Бабефъ напалъ прежде всего на защитниковъ ограниченной свободы печати, и уже въ этихъ первыхъ нападеніяхъ на Одуэна и другихъ онъ обнаружилъ такую рѣзкость и такую полную распущенность въ выраженіяхъ, которыя даже въ тѣ времена были не совсѣмъ обычны и скорѣе напоминали богословскую полемику XVI вѣка, чѣмъ литературный споръ современниковъ Андрэ Шенье и m-me Сталь. Какъ и слѣдовало ожидать, отъ вопроса о свободѣ прессы Бабефъ перешелъ къ другимъ, имѣвшимъ самое близкое отношеніе къ недавно совершившимся событіямъ. Робеспьеръ палъ, но партія его осталась. Попытаются ли террористы снова захватить власть въ свои руки? Да дѣйствительно ли пала ихъ система, или дѣло ограничилось только перетасовкой отдѣльныхъ личностей? Вотъ какіе вопросы висѣли надъ Парижемъ и всей Франціей въ 1794 году. Бабефъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые боялись реставраціи террора; онъ первый объявилъ, что остался еще за Робеспьеромъ «хвостъ», queue de Robespierre, осталась партія, которая выдвинетъ новаго вождя и снова станетъ у кормила правленія, если не принять должныхъ мѣръ. Онъ осыпалъ обвиненіями Каррье, Баррера и другихъ исполнителей воли террористской группы, обличалъ ихъ въ невѣроятной жестокости и звѣрствѣ; при каждомъ удобномъ случаѣ онъ не уставалъ повторять, что эти люди были палачами Франціи и что французскій народъ не хочетъ болѣе видѣть ихъ своими властителями. Вокругъ него и его газеты группировались всѣ его единомышленники. Аррасское «народное общество» подало національному конвенту адресъ, въ которомъ настаивало на необходимости возстановленія и упроченія свободы, потрясенной долговременнымъ владычествомъ Робеспьера. Адресъ былъ составленъ въ слишкомъ фамильярныхъ выраженіяхъ и не могъ быть допущенъ къ прочтенію въ конвентѣ. Тогда Бабефъ напечаталъ его цѣликомъ въ своемъ органѣ.

Въ редакціонной замѣткѣ, сопровождающей этотъ адресъ, Бабефъ совершенно ясно формулируетъ свой взглядъ на переживаемое время: онъ говоритъ, что, печатая заявленіе аррасцевъ, онъ желаетъ сохранить для потомства имена людей, которые «раньше всѣхъ и сильнѣе всѣхъ боролись *въ критическіе для свободы моменты*» (*dans les moments de crise de la liberté*). Онъ подчеркивалъ то обстоятельство, что аррасцы желали гордо и независимо говорить съ конвентомъ, памятуя слова Жанъ-Жака Руссо: «кто проситъ позволенія быть свободнымъ, тотъ недостоинъ свободы». Этотъ адресъ имѣетъ и чисто научное значеніе, потому что здѣсь впервые указаны многіе факты вопіющей жестокости Бертрана Баррера. Нападенія на террористовъ шли, перемежаясь съ нападеніями на правительство. Бабефъ то заподозривалъ его въ сочувствіи къ робеспьеровской системѣ, то обвинялъ въ излишнемъ

«аристократизмѣ», то громилъ его за неискреннее отношеніе къ прессѣ. Выходки Бабефа дѣлались все рѣзче и рѣзче; личныя нападки раздражили слишкомъ многихъ, и вотъ 13 октября 1794 года комитетъ общественной безопасности отдалъ приказъ арестовать Бабефа. Этотъ послѣдній скрылся во время изъ своей квартиры, и полиція потеряла его слѣды. Продолжать изданіе газеты было немыслимо; нужно было по крайней мѣрѣ нѣкоторое время перемѣнить названіе и не подписывать нумеровъ своею фамиліею. Сотрудники «Journal de la liberté de la presse» такъ и поступили; они назвали свою газету «Le tribun du peuple» и продолжали совершенно въ прежнемъ духѣ и направленіи свою литературно-обличительную дѣятельность. Вдохновителемъ новаго органа попрежнему остался Бабефъ, проживавшій въ Парижѣ подъ вымышленнымъ именемъ; статьи свои онъ вскорѣ сталъ подписывать, также какъ и призналъ себя печатно редакторомъ новой газеты. Съ этимъ правительство уже подѣлать ничего не могло, такъ что пришлось ограничиться усиленіемъ поисковъ и развѣдокъ насчетъ точнаго адреса Бабефа. Но это былъ человѣкъ опытный въ дѣлѣ отстаиванія своей свободы: какъ мы видѣли, онъ уже былъ разъ въ такомъ положеніи, когда бѣжалъ изъ амьенской тюрьмы и нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Парижѣ, не подозрѣваемый полиціей. Новый органъ, какъ я только что сказалъ, былъ прямымъ продолженіемъ закрывшагося «Journal de la liberté de la presse». «Tribun du peuple», какъ и «Journal de la liberté de la presse» не блещетъ никакими особыми литературными достоинствами. Статьи высокопарны, притворно горячны и, что хуже всего,—скучны; если Бабефу нужно что-нибудь доказать, если, напримѣръ, онъ желаетъ обнаружить всю преступность чьей-нибудь души, то онъ всегда это дѣлаетъ по разъ принятому имъ шаблону: сначала рядъ восклицацій, потомъ горькія насмѣшки, потомъ гнѣвныя выходки, обильно снабженныя ругательствами, наконецъ, обращеніе негодованія на себя: «не въ этомъ негодяѣ дѣло, а какъ мы, мы, мы допустили» и проч. Бабефъ писалъ свои передовицы такъ, какъ ложноклассическіе поэты писали свои оды—по установленной программѣ, и вотъ почему значеніе литературной дѣятельности Бабефа въ значительной степени было сведено къ нулю. Онъ никогда не былъ публицистомъ и всегда порывался имъ стать. Къ числу тяжкихъ литературныхъ грѣховъ его должно быть отнесено фразерство. Онъ не могъ называться просто Бабефомъ, а долженъ былъ непремѣнно сдѣлаться Гракхомъ Бабефомъ, трибуномъ народа; если мы вспомнимъ, въ какой модѣ были въ революціонную эпоху всякія древне-римскія, республиканскія параллели, если примемъ во вниманіе, что Плутархъ являлся на ряду съ Жанъ-Жакомъ Руссо и другими современниками настольной книгой образованнаго класса населенія, то не удивимся принятію такого когномена: братья Гракхи должны были не исчезать изъ памяти человѣка, хотѣвшаго видѣть въ себѣ защитника народ-

ныхъ правъ. Этотъ фактъ показываетъ лишь, что Бабефъ былъ *вполнѣ* человѣкомъ своего времени и не могъ воздержаться отъ классическихъ самоукрашеній, когда представлялась къ тому возможность. Въ дѣлѣ фразъ Бабефъ не уступалъ буквально никому изъ своихъ современниковъ,—это мы видимъ изъ текста его статей; однимъ изъ недостатковъ ихъ было также непомѣрное восхищеніе собственными качествами. Пишетъ Бабефъ передовицу и потомъ заявляетъ, что онъ этой передовицей того-то «убилъ», то-то «навсегда прикончилъ», это «радикально измѣнилъ» и т. д.

Подводитъ онъ итоги своей дѣятельности въ качествѣ редактора «Journal de la liberté de la presse» и, не задумываясь, рѣшается говорить, что цѣлью почившаго журнала было завоеваніе палладіума противъ тиранніи (la conquête du palladium antityrannique) *). Мало того. Онъ прямо заявляетъ, что его газета за свое кратковременное существованіе достигла этой цѣли, т.-е. завоевала для Франціи навсегда свободу и безопасность отъ тирановъ. Эти невѣроятныя строки несомнѣнно прозвучали дико даже и въ то время, привыкшее ко всякаго рода чудесамъ въ жизни и гиперболамъ въ публицистикѣ. Чѣмъ объясняются подобныя выходки Бабефа? Самохвальствомъ? Недостаткомъ политической выдержанности? Слѣпой вѣрой въ силу печатнаго слова вообще, или своего слова въ особенности? Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы положительно отвѣтить на эти вопросы. Каковы бы ни были недостатки чисто публицистической дѣятельности Бабефа, она для насъ интересна, потому что по ея результатамъ, по статьямъ Бабефа мы можемъ понять, къ чему сводилось политическое credo этого человѣка незадолго до того времени, когда онъ перестал быть горемычнымъ отставнымъ чиновникомъ, посредственнымъ журналистомъ и сразу выступилъ на широкую историческую арену въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля.

Бабефъ беретъ за исходную точку въ своихъ публицистическихъ работахъ ту мысль, что народъ революціей 1789 года завоевалъ себѣ свободу, что эта свобода была узурпирована потомъ Робеспьеромъ, и что теперь, послѣ паденія Робеспьера, эта свобода должна быть возвращена націи. Онъ полагалъ, что правительство, сѣвшее на мѣсто Робеспьера, слишкомъ деспотично и своевольно. Народъ долженъ потребовать назадъ свои узурпированныя права, и декларація правъ человѣка и гражданина не должна быть нарушена ни въ чемъ. Развитію и повторенію этихъ мыслей посвятилъ себя органъ Бабефа «Le tribun du peuple». Но каковы должны быть тѣ практическія мѣры, которыя возвратятъ Франціи свободу, во имя чего бороться съ конвентомъ, законнымъ собраніемъ народныхъ представителей,—этого Бабефъ не указываетъ. Много разъ возвращается онъ къ своей основной идеѣ

*) «Tribun du peuple» № 1.

что конвентъ многоголовый деспотъ, и съ каждымъ нумеромъ газеты онъ все рѣзче настаиваетъ на этомъ. Желая придать особый вѣсъ своимъ заявленіямъ, Бабефъ говоритъ, что единомышленниковъ у него много, что большинство парижскаго населенія и весь сѣверъ Франціи держатъ его сторону и что близокъ день гибели «термидоріанцевъ», т.-е. людей, ставшихъ во главѣ правленія послѣ 9-го термидора. Полиція все время искала Бабефа самымъ дѣятельнымъ образомъ, но найти не могла. Она дѣлала внезапные обыски у сотрудниковъ и друзей его, и все было напрасно. А пока, можетъ быть, вслѣдствіе чувства самоохраненія, можетъ быть, также и вслѣдствіе другихъ причинъ, Бабефъ началъ искать такой внѣшней силы, на которую онъ могъ бы опереться. Въ № 32 его газеты изложенъ цѣлый рядъ мыслей объ относительной роли конвента и правительства въ той реакціи, которую Бабефъ считалъ несомнѣннымъ и торжествующимъ фактомъ. Прежде онъ безразлично осуждалъ и весь конвентъ, и правительство въ точномъ смыслѣ слова, т.-е. людей, обладавшихъ исполнительной властью и завѣдывавшихъ текущими вопросами управленія. Теперь онъ отдѣляетъ понятіе «конвентъ» отъ понятія «правительства» и говоритъ, что конвентъ самъ по себѣ и хорошъ, и честенъ, и желаетъ дать Франціи свободу, но что правительство служитъ реакціи и угнетенію. Прежде, значитъ, Бабефъ стоялъ на чисто революціонной точкѣ зрѣнія, такъ какъ считалъ негодною всю законодательную и административную машину своей страны, а теперь онъ переходитъ на почву парламентскую, конституціонную и говоритъ, что вся задача будущаго заключается въ измѣненіи состава правительственныхъ лицъ, измѣненіи, которое можетъ произвести самъ конвентъ. «Я начну съ того,—пишетъ онъ въ этомъ интересномъ нумерѣ своей газеты *),—что отдѣлю національный конвентъ отъ той партіи его, которая съ самаго начала появилась въ конвентѣ, которая постоянно оставалась одной и той же, измѣняла по мѣрѣ надобности свои маневры, перемѣнила своихъ главныхъ агентовъ, имѣла всегда одну цѣль—подольше властвовать и основывала свое могущество на угнетеніи большинства и на рабствѣ полезныхъ и рабочихъ классовъ». Эта партія и виновата во всемъ. Конвентъ состоитъ изъ людей хорошихъ, чуждыхъ интригамъ, склонныхъ къ добру, но вышеозначенная партія всегда его обманывала и заставляла дѣлать, что ей вздумается (...a été surpris et arraché par la fraction qui a su le maîtriser, l'égarer, le tromper...) Если только предоставить конвентъ самому себѣ, онъ всегда будетъ демократиченъ, вѣренъ интересамъ 24 милліоновъ республиканцевъ, а эта партія является представительницею одного милліона враговъ народа и революціи **).

---

*) № 32. Le tribun du peuple ou le défenseur des droits de l'homme par Gracchus Babeuf du 13 Pluviose, l'an 3 de la République une et démocratique.

**) Loc. cit.

Оставляя на совѣсти Бабефа вопросъ о точности статистическихъ цифръ, мы не можемъ не сказать, что читатели газеты могли впасть въ цѣлый рядъ недоумѣній, которыхъ не устранила ни эта статья, ни слѣдующія. Почему представители 24 милліоновъ покорились представителямъ 1-го милліона, т.-е. меньшинству? Что обозначаетъ выраженіе «предоставить конвентъ самому себѣ», livrer la convention national à elle même? Отчего не перечислены всѣ злодѣянія преступной партіи и даже не указано *ни одно* изъ ея злодѣяній, кромѣ «амнистіи всѣмъ врагамъ свободы» и «нѣжности къ вдовамъ палачей человѣчества», tendresse filiale pour toutes les veuves des bourreaux de l'humanité? А главное, почему совершенно независимое ни отъ кого въ мірѣ собраніе выдѣлило изъ себя правительство, которое съ нимъ, будто бы, вполнѣ расходится? На эти вопросы напрасно было бы искать отвѣта у Бабефа. Послѣ всѣхъ непослѣдовательностей, нелогичностей, темныхъ намековъ на то, чего не вѣдаетъ никто *), Бабефъ кончаетъ это новое исповѣданіе своей дуалистической вѣры такими словами «Національный конвентъ! Сдѣлайся снова самимъ собою и ты еще принесешь добро народу, народъ тебя благословитъ, и всевозможныя партіи исчезнутъ». Эта статья по своей бездоказательности, неумѣстному ложно-классическому пылу и безвкуснымъ повтореніямъ можетъ служить образчикомъ публицистическихъ работъ нашего героя. Провозглашенный Бабефомъ дуализмъ, апологія конвента и извиненіе его проступковъ, всѣ эти признанія не смягчили полицію: тотчасъ вслѣдъ за появленіемъ 32 нумера были произведены новые обыски и уже теперь приступили къ дѣлу вплотную. Къ дачѣ показаній были привлечены не только сотрудники, но уличныя продавщицы газеты «Le tribun du peuple». Въ документахъ, изданныхъ Адвіеллемъ, находится любопытный протоколъ допроса, которому подверглась гражданка Анна Фремонъ, продававшая отдѣльные №№ изданія. Анна Фремонъ показала **), что по утрамъ эти №№ ей вручаетъ человѣкъ средняго роста, очень худой, въ возрастѣ около 40 лѣтъ, задумчиваго вида. Она прибавила, что такъ дѣло повелось только въ послѣднее время, а прежде она сама приходила за газетой въ редакцію.

На вопросъ, гдѣ же помѣщается эта редакція, женщина сказала точный адресъ. Больше ничего и не требовалось, и тотчасъ же, 24 февраля 1795 года, Бабефъ былъ схваченъ и представленъ въ комитетъ общественной безопасности. Здѣсь онъ отказался дать какія бы то ни было показанія; продержавъ Бабефа нѣсколько дней въ Парижѣ, его отправили въ аррасскую тюрьму.

---

*) Что этихъ намековъ дѣйствительно не понимали, явствуетъ изъ примѣчаній къ 5-ой и 6-ой страницѣ.

**) Advielle, I, 121—122.

IV.

Врядъ ли, что можетъ быть труднѣе для историка извѣстнаго идейнаго движенія, какъ разыскиваніе и опредѣленіе начала этого движенія. Какъ зародилась мысль въ индивидуальномъ сознаніи, какъ она себя поняла, какъ перешла къ другимъ людямъ, къ первымъ неофитамъ, какъ постепенно видоизмѣнялась — вотъ проблемы, на которыя въ большинствѣ случаевъ приходится давать гадательные отвѣты. Предъ историкомъ лежатъ два пути: онъ можетъ весьма живо и интересно разсказать, какъ такой-то Ньютонъ увидѣлъ падающее яблоко, какъ въ его головѣ мелькнула мысль и т. д. и т. д. Все это будетъ и очень образно, и правдоподобно. Однако, образность для исторіи — дѣло второстепенное, а правдоподобія мало тамъ, гдѣ нужна полная достовѣрность, и вотъ почему приходится volens nolens довольствоваться сухими, неполными, но несомнѣнными документами и отказываться отъ услугъ воображенія, всегда готоваго заштопать на свой ладъ всѣ прорѣхи документальнаго разсказа. И этотъ второй путь, т.-е. путь слѣдованія за первоисточниками, долженъ быть безусловно предпочтенъ всякимъ, кто не имѣетъ претензіи писать историческій романъ, а пишетъ только историческую статью.

Мы знаемъ достовѣрно изъ переписки Бабефа съ нѣкоторыми лицами во время пребыванія его въ Аррасѣ, въ тюрьмѣ, что въ это время у него въ головѣ сформировалась та идея, которая легла впослѣдствіи въ основаніе заговора бабувистовъ. Я попытаюсь сначала прослѣдить съ чисто *біографической* стороны ростъ идеи Бабефа и для этого остановлюсь на его тюремной перепискѣ и на первыхъ его дѣйствіяхъ по возвращеніи въ Парижъ въ 1795 году; затѣмъ, естественно будетъ перейти къ разсмотрѣнію его доктрины, какъ она сложилась окончательно въ 1796 году. Здѣсь мы остановимся на опредѣленіи ея *историческаго* значенія и сличимъ это ученіе съ аналогичными доктринами нѣкоторыхъ предшествующихъ европейскихъ мыслителей. Такимъ путемъ рельефнѣе выяснятся всѣ характеристическія особенности бабувизма и его настоящее мѣсто въ исторіи Франціи и Европы

Въ одно время съ Бабефомъ и въ той тюрьмѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ, и въ другихъ аррасскихъ тюрьмахъ содержалось по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ нѣсколько лицъ, которыя вошли въ самыя близкія сношенія съ Бабефомъ и вскорѣ стали преданнѣйшими его друзьями. Это были: Лебуа, Тафуро, Кошэ, Шарль, Жермэнъ и Фонтанье, который въ это время жилъ въ Аррасѣ на свободѣ и находился въ постоянной перепискѣ съ заключенными. Надзоръ въ аррасскихъ тюрьмахъ былъ очень строгъ, но, несмотря на всѣ запрещенія и препятствія, Бабефъ умудрялся писать своимъ товарищамъ по несчастью и получать отъ нихъ въ отвѣтъ длиннѣйшія письма. Особенно успѣлъ онъ сблизиться съ Жермэномъ, человѣкомъ,

судя по тону писемъ *), очень пылкимъ и горячо ненавидѣвшимъ парижское правительство. Сначала въ этой корреспонденціи господствуетъ одинъ мотивъ: негодованіе противъ правительственной «тираніи», восхваленіе республиканской свободы и вѣра въ великое будущее революціонныхъ принциповъ.

Особенно одна черта,—непоколебимая увѣренность въ своихъ силахъ, характеристична для Жермэна. Вскорѣ, однако, эта увѣренность начинаетъ какъ-то странно высказываться: «О мой другъ,—пишетъ онъ Бабефу,—подумай только, вѣдь, чувствуя въ себѣ полную преданность своему дѣлу, мы можемъ на все рѣшиться, все предпринять». Тутъ чувствуется намекъ, на что—неизвѣстно. Весьма можетъ быть, что мысль о заговорѣ уже успѣла перелетѣть изъ камеры Бабефа къ его друзьямъ.

Слѣдующее письмо Жермэна еще болѣе указываетъ на это: «Да, я готовъ... Когда только захочешь, я буду готовъ. Дай только знакъ— и я вырвусь на свободу и отправлюсь въ путь».

Наконецъ, 31 термидора 1795 года Жерменъ пишетъ Бабефу въ такихъ выраженіяхъ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что важная тайна уже сообщена ему Бабефомъ: «Я тебѣ еще ничего не говорю пока о *твоемъ планѣ*... Да, дѣти Корнеліи еще живутъ на свѣтѣ, и все предсказываетъ имъ лучшую участь, чѣмъ та, которая постигла ихъ старшихъ братьевъ Кая и Тиберія». Письма Бабефа, въ которыхъ онъ говоритъ впервые о своемъ «планѣ», къ сожалѣнію, потеряны. Онъ торопитъ Жермэна, проситъ его высказаться по поводу предлагаемаго проекта установить всеобщее равенство, и Жермэнъ съ энтузіазмомъ провозглашаетъ истинность и удобоисполнимость программы своего друга. Бабефъ сносился, какъ я сказалъ, не только съ Жермэномъ, но и съ остальными поименованными заключенными. Свои идеи о всеобщемъ равенствѣ онъ излагаетъ въ своего рода циркулярныхъ письмахъ. Замѣчательно, что здѣсь въ первой стадіи своего развитія доктрина Бабефа имѣетъ нѣкоторый оттѣнокъ протеста противъ капиталистовъ-предпринимателей, а не противъ всего соціальнаго уклада во всей его полнотѣ. Онъ настаиваетъ на томъ, что торговля и промышленность накопили горы золота, но эти горы золота достались исключительно немногимъ лицамъ, а большинство, собственнымъ трудомъ собравшее это богатство, осталось безъ рубахъ **). Какъ разъ тѣ, которые выдѣлываютъ своими руками и кожу, и холстъ, и сукна, и крашеныя матеріи, и шерсть, и шелкъ—нуждаются во всемъ этомъ ***). Онъ нападаетъ на «спекуляторовъ», капита-

---

*) См. его письмо изъ тюрьмы отъ 21 преріаля; его стихотворное посланіе отъ 26 флореаля (Адв. 130, 131, 132, 134).

**) Письмо отъ 10 термидора 1795 г. (Ав. I, 144).

***) Ibidem.

листовъ, которые входятъ въ стачку между собою съ цѣлью постоянно противодѣйствовать рабочимъ въ ихъ стремленіяхъ увеличить заработную плату. Истинные производители (innombrables mains—vrais producteurs) должны пользоваться всѣми благами жизни, а не отбросами изъ того, что они теперь производятъ для богатыхъ. Такъ пишетъ Бабефъ о современномъ ему порядкѣ вещей. Останавливаясь дальше на вопросѣ, почему купцы, напр., пользуются бóльшими выгодами, чѣмъ непосредственные производители рабочіе, Бабефъ объясняетъ этотъ фактъ заговоромъ, существующимъ противъ рабочихъ со стороны всѣхъ капиталистовъ, которые говорятъ рабочему: «работай много и ѣшь мало, а иначе мы тебѣ не дадимъ совсѣмъ работы, и ты совершенно ничего не будешь имѣть для пропитанія». Бабефъ называетъ это «варварскимъ закономъ, продиктованнымъ капиталами» (loi barbare, dictée par les capitaux). Торговля и промышленность должны быть преобразованы, но какъ—онъ этого пока не говоритъ, можетъ быть, не желая, чтобы его планъ встрѣтилъ неожиданную постороннюю критику, путешествуя изъ его камеры въ камеру Жермэна и другихъ заключенныхъ. Онъ выставляетъ лишь цѣль—такое регулированіе производства и распредѣленія продуктовъ, которое *поровну* удовлетворяло бы всѣхъ, и указываетъ въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ програму дѣйствій: «il faut détruir pour édifier». Больше онъ ничего не пишетъ, но въ сущности и того, что было имъ высказано, было достаточно, чтобы навлечь на него и его корреспондентовъ новыя преслѣдованія и непріятности. Видно, что заключенные очень ужъ довѣряли своимъ почтальонамъ—подкупленнымъ сторожамъ аррасскихъ тюремъ. Но хотя планъ дѣйствій не былъ еще намѣченъ, хотя самая идея Бабефа была выражена въ общихъ чертахъ и сообщена нѣсколькимъ лицамъ, одно было понятно всѣмъ: нужно дѣйствовать, чтобы измѣнить соціальный строй; для успѣшныхъ дѣйствій съ этою цѣлью нуженъ тайный заговоръ; для заговора необходимы люди. И вербовка началась. Жермэнъ, который съ жаромъ и восторгомъ принялъ мысль Бабефа, первый началъ пріискивать неофитовъ. Онъ видѣлся въ тюрьмѣ съ нѣкіимъ Гульяромъ и сдѣлалъ его «рыцаремъ ордена равенства», какъ онъ пишетъ объ этомъ Бабефу. Жермэнъ просто бредитъ въ письмахъ новымъ дѣломъ и много разъ повторяетъ свою любимую фразу: «j'ai promis, j'ai la foi, je suis prêt». Впрочемъ, пока эти люди сидѣли въ тюрьмѣ въ Аррасѣ, ихъ не мало занимали также текущія политическія дѣла, возстаніе шуановъ, дѣйствія конвента и т. д. Изъ своей тюрьмы Бабефъ умудрился полемизировать съ тѣми, кого онъ считалъ аристократами, писалъ на нихъ памфлеты и пародіи. Въ сентябрѣ того же 1795 года Бабефа перевезли въ Парижъ, а вскорѣ послѣдовала амнистія политическихъ преступниковъ, и онъ былъ выпущенъ на свободу.

Время тогда было такое, что человѣкъ, разъ попробовавшій слад-

каго публицистическаго яду, непремѣнно долженъ былъ снова взяться за перо. Конвентъ вырабатывалъ новую конституцію, давалъ странѣ другое устройство и совершенно измѣнялъ прежнія конституціонныя части. Конвентъ установилъ, какъ принципъ, что нельзя дальше оставлять и законодательную, и исполнительную власть въ рукахъ одной палаты, потому что такая палата неминуемо станетъ деспотичною по своимъ наклонностямъ и всемогущее большинство, не видя нигдѣ отпора, будетъ распоряжаться страной какъ угодно. Проводилась на самыхъ засѣданіяхъ конвента мысль, что, во что бы-то ни стало, нужно раздѣлить власть законодательную и исполнительную. Исполнительную власть, согласно съ этой основной мыслью, вручили пяти директорамъ, а законодательную—совѣту пятисотъ и совѣту старѣйшихъ, причемъ директоровъ сдѣлали почти совершенно независимыми отъ этихъ двухъ законодательныхъ корпусовъ. Конституція эта, сначала въ видѣ проекта внесенная въ конвентъ, а потомъ ставшая закономъ государства, подвергалась, конечно, разнообразнѣйшимъ сужденіямъ. Государственные люди, дипломаты, публицисты всевозможныхъ оттѣнковъ ежедневно возвращались къ этой злобѣ дня. Бабефъ, только-что вышедшій изъ тюрьмы, сразу принялся за литературную дѣятельность. Пока онъ сидѣлъ въ аррасской тюрьмѣ, газета «le Tribun du peuple» не издавалась вовсе; теперь его изданіе, прерванное на 33-мъ №, возобновилось съ 34-го. Бабефъ на время оставилъ въ сторонѣ свои мысли о соціально-экономическомъ переворотѣ, повидимому, сократилъ свои сношенія съ бывшими товарищами по заключенію, и всецѣло отдался легальной публицистикѣ—изданію и редактированію своей газеты и писанію руководящихъ статей для нея.

Критика конституціи 1795 года, чисто государственные вопросы поглощали все его вниманіе. Онъ не видѣлъ въ ней ничего, кромѣ однихъ недостатковъ; онъ говорилъ, что въ сущности вовсе не освободился изъ тюремнаго заключенія, потому что, по его мнѣнію, при такой конституціи вся Франція является ни чѣмъ инымъ, какъ огромной тюрьмой и т. д. Но для насъ не это интересно. Посредственныхъ публицистовъ тогда было безконечно много; конституція девяносто пятаго года подвергалась гораздо болѣе основательной и талантливой критикѣ; личные взгляды Бабефа въ этомъ случаѣ особенно любопытны быть не могутъ. Важно намъ отмѣтить, что и здѣсь, въ пылу полемики, Бабефъ не забываетъ выдвинуть новыя точки зрѣнія, что, разбирая политическій вопросъ, онъ становится къ нему съ самой жизненной стороны, съ той стороны, съ которой никто къ нему не подходилъ въ то время. Бабефъ находилъ, что все во Франціи плохо *), но не потому плохо, что исполнительная власть слишкомъ зависима или слишкомъ независима отъ законодательной, а потому, что фунтъ хлѣба стоитъ шестнадцать фран-

*) Advielle 175.

ковъ, фунтъ мяса двадцать франковъ, а пара сапогъ—двѣсти франковъ. Онъ утверждалъ, что такое мѣрило—единственно правильное, и что съ точки зрѣнія положенія массы народа—теперь въ 1795 году—живется хуже, чѣмъ при покойномъ королѣ. Мало того. Въ его сознаніи вполнѣ выработалось и формулировалось то обвиненіе противъ революціи, которое много лѣтъ спустя повторялъ Прудонъ: Бабефъ прямо заявлялъ, что до сихъ поръ революція была исключительно политическою *), и что пора дополнить ее соціальными реформами. Конечно, такія фразы, какъ та, что при королѣ жилось лучше, не прошли ему даромъ. Его обвинили, было, въ сочувствіи роялизму, но такъ какъ онъ могъ привести изъ своихъ статей цѣлую массу цитатъ, враждебныхъ монархіи, то это обвиненіе какъ-то пало само собою. Въ продолженіе всего періода времени, когда «Le tribun du peuple» снова началъ выходить, Бабефъ неустанно повторялъ, что цѣль революціи—помощь бѣднякамъ, что правительство, обязанное своимъ существованіемъ народному возстанію, не должно допускать, чтобы въ странѣ былъ хоть одинъ нищій человѣкъ. Эта новая агитація, поднятая Бабефомъ, получила поддержку со стороны нѣкоторыхъ единичныхъ личностей, которыя и въ конвентѣ, и въ прессѣ настаивали на оказаніи матеріальной помощи бѣдному классу населенія. Нужно замѣтить, что заявленія Баррера и другихъ о томъ, что «помощь несчастнымъ есть общественный долгъ», отличались прежде всего, по обычаю того времени, крайней неопредѣленностью. Высказывались общіе принципы, говорились краснорѣчивыя фразы, но все это носило какой то смутный отпечатокъ государственно-филантропической тенденціи. Говорилось лишь о помощи бѣднымъ, несчастнымъ (pauvres, malheureux) и не дѣлалось попытокъ яснѣе опредѣлить, оффиціальнѣе классифицировать это сословіе «бѣдныхъ». О комъ тутъ идетъ рѣчь? О рабочихъ? Или о парижскихъ санкюлотахъ? Или о крестьянахъ нѣкоторыхъ разоренныхъ мѣстностей? Это совершенно упущено изъ виду и Прюдомомъ, и Баррером и прочими публицистами и депутатами, которые пробовали привлечь вниманіе общества и правительства къ бѣдственному положенію массы. Какой характеръ должны носить мѣры противъ указываемаго зла, они также не говорили. Бабефъ отличался отъ нихъ только тѣмъ, что въ своихъ статьяхъ онъ посвящаетъ больше мѣста нападкамъ на существующій строй; что же касается до положительныхъ мѣръ противъ несправедливостей общественнаго уклада, то объ этомъ онъ такъ же мало или, вѣрнѣе, такъ же ничего не говоритъ, какъ и его литературные товарищи по убѣжденіямъ. Если прибавить еще, что онъ критикуетъ экономическій строй по большей части въ связи съ конституціей 1795 года, то читатель легко сможетъ представить себѣ, какая невообразимая путаница и какая высокопар-

*) «Tribun du peuple» №№ 34, 35, 36.

ная туманность царствуютъ въ этихъ произведеніяхъ. Несчастье Бабефа заключалось въ томъ, что онъ себя считалъ политическимъ публицистомъ, не обладая ни образованіемъ, ни какими бы то ни было литературными талантами. Это и заставило его терять первые мѣсяцы послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы на совершенно ни для кого и не для чего ненужную полемику и писательство. Правительство преслѣдовало его по прежнему; нѣкоторые номера газеты были конфискованы, другіе могли быть разосланы только половинѣ абонентовъ, потому что полиція захватывала ихъ не съ утра, а съ полудни, не успѣвши раньше ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Наконецъ, Бабефъ опять былъ арестованъ, и дѣлами изданія временно завѣдывала его жена. Изъ тюрьмы Бабефъ присылалъ аккуратно передовыя статьи для газеты; въ этихъ послѣднихъ статьяхъ онъ уже занятъ по преимуществу планами общественнаго переустройства, а полемику съ реакціей и съ директоріей значительно сокращаетъ. Онъ даетъ эссенцію своего ученія въ слѣдующихъ словахъ: «цѣль общества— всеобщее счастье. Нужно взять у того, кто имѣетъ слишкомъ много, и дать тому, кто ничего не имѣетъ». О средствахъ осуществленія этой программы онъ не говоритъ, потому ли, что еще самъ не отдавалъ себѣ яснаго въ томъ отчета, или потому, что уже тогда рѣшилъ дѣйствовать конспираціей—неизвѣстно. Одна только замѣчательная черта обнаруживаетъ въ Бабефѣ типичнаго революціонера тѣхъ временъ: мы видѣли, что былъ такой періодъ, когда онъ не вѣрилъ въ декреты и правительственныя мѣропріятія, когда онъ писалъ Дюбуа де-Фоссэ, что никогда не удастся декретомъ дать пропитаніе голоднымъ дѣтямъ и т. д. Теперь, въ эпоху директоріи, Бабефъ—ярый гувернаменталистъ: конечно, онъ не ждетъ ничего хорошаго отъ существующаго правительства, но уже ставитъ захватъ власти необходимымъ условіемъ для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ и признаетъ правительственный аппаратъ безусловно нужнымъ для благоденствія общества. Мало того. Измѣнились также его взгляды на предшествующую эпоху, на терроръ и террористовъ. Прежде онъ считалъ Робеспьера извергомъ и убійцею половины Франціи, а теперь вотъ что онъ говоритъ о павшемъ диктаторѣ: «Урна Робеспьера! дорогой прахъ! Возстань и уничтожь низкихъ клеветниковъ! Но нѣтъ, спи мирно, презри ихъ, весь французскій народъ, блага котораго ты желалъ и для котораго твой геній сдѣлалъ больше, чѣмъ кто либо,— весь французскій народъ поднимется, чтобы отомстить за тебя. А вы, памфлетисты, научитесь чтить память мудреца, друга человѣческаго рода, великаго законодателя, и воздержитесь отъ нанесенія обиды тому, кого будетъ почитать потомство». Эти новыя воззрѣнія Бабефа стоятъ между собою въ логической связи. Правительство— нужно для того, чтобы «сдѣлать народъ счастливымъ», правительство только тогда можетъ это сдѣлать, «когда оно демократично»; никогда,

по мнѣнію Бабефа, оно не было болѣе демократично, чѣмъ при Робеспьерѣ. Прямой выводъ отсюда—апологія этого человѣка. Газета доживала свои послѣдніе дни; вскорѣ была арестована жена Бабефа и заключена въ тюрьму, чтобы предупредить ея вступленіе въ заговоръ противъ правительства *), какъ было сказано въ приказѣ объ арестѣ. Бабефъ негодовалъ на этотъ поступокъ администраціи и печатно разсказалъ объ арестѣ «великой заговорщицы, которая не умѣетъ ни писать, ни читать». Газета продолжала еще нѣкоторое время выходить, неизвѣстно гдѣ печатаясь. «Le tribun du peuple» сталъ нелегальнымъ органомъ; тайный станокъ печаталъ его, неизвѣстныя полиціи люди разносили по домамъ парижскихъ абонентовъ, но въ провинцію отправлять нумера было крайне затруднительно. Въ послѣднихъ своихъ передовицахъ Бабефъ, сжигая свои корабли, прямо заявлялъ, что народъ долженъ возстать противъ директоріи и зажиточныхъ классовъ. Онъ говорилъ, что бояться междуусобной войны нельзя, такъ какъ дѣйствительность хуже всякаго междуусобія: «Et quelle guerre civile plus révoltante que celle, qui fait voir tous assassins d'une part et toutes victimes sans défense de l'autre? Ne vaut il pas mieux la guerre civile, ou les deux partis peuvent se défendre réciproquement» **)? Нужно завоевать хлѣбъ для народа, повторялъ Бабефъ, въ каждой своей статьѣ, варіируя только выраженія этой основной мысли. «Зло достигло своего кульминаціоннаго пункта», писалъ онъ: «хуже быть ничего не можетъ; все можетъ поправиться только посредствомъ полнаго переворота. Пусть же все смѣшается! Пусть все станетъ хаосомъ, и пусть изъ хаоса выйдетъ новый свѣтъ» и пр. Конечно, писать такъ могъ лишь такой журналистъ, которому терять было нечего. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ ареста жены Бабефа газета прекратилась окончательно, такъ какъ подъ угрозой постояннаго полицейскаго преслѣдованія, и не имѣя возможности получать деньги отъ абонентовъ, этотъ нелегальный органъ существовать не могъ. Читателей у газеты за время существованія было довольно много. Мысли о необходимости соціально-экономической революціи были новы для большинства и съ любопытствомъ встрѣчались въ Парижѣ и въ провинціи. Настроеніе народа было вовсе не таково, чтобы онъ могъ увлечься заманчивыми перспективами; общество 1796 года было уже не то, что въ 1789 и 1793 г.; оно успѣло вынести слишкомъ много опыта и слишкомъ много разочарованій, чтобы воспламениться идеей Бабефа, да еще къ тому же такъ бездарно и туманно высказываемой. Тѣмъ не менѣе, были отдѣльныя личности, даже цѣлые кружки, которые съ большимъ сочувствіемъ относились къ воззрѣніямъ редактора «Tribun du peuple». Такъ, въ Аррасѣ образовалась

*) ... mandat motivé sur prévention de complicité de conspiration contre le gouvernement.

**) «Le tribun du peule». 9 frimaire om 4 de la république.

лига, имѣющая цѣлью помочь какъ-нибудь Бабефу и, въ особенности дѣтямъ его, выброшеннымъ буквально на улицу, такъ какъ отецъ и мать сидѣли въ тюрьмѣ. Была собрана сумма въ 1.965 ливровъ, которую и передали въ Парижъ. Литературная дѣятельность Бабефа принесла развѣ только тѣ результаты, что заставила призадуматься надъ соціальнымъ вопросомъ, который нѣсколько заслоненъ былъ въ общественномъ сознаніи вопросомъ о политическихъ формахъ. Слишкомъ смѣло и неосновательно было бы утверждать, что своею публицистической дѣятельностью Бабефъ поставилъ на очередь соціальный вопросъ: до сихъ поръ онъ только повторялъ и популяризовалъ мысли Ж. Ж. Руссо и Мабли, да и то повторялъ лишь самыя общія ихъ положенія вродѣ того, что цѣль общества—общее счастіе. Въ 1796 году окончилась навсегда его карьера какъ писателя, и началась непосредственно практическая дѣятельность. Бабефъ попробовалъ популяризовать свои воззрѣнія не на бумагѣ, а въ жизни. Эта попытка была первой и единственной въ исторіи революціи, что и дѣлаетъ фигуру Бабефа исторически важною. Когда у него было отнято перо, когда наконецъ онъ увидѣлъ, что статьями и воззваніями ничего сдѣлать не въ состояніи, тогда самъ собою представился другой путь. Этотъ путь кончался пропастью, но Бабефа, привыкшаго къ постоянному голоду, лишеніямъ, тюрьмамъ и преслѣдованіямъ, испугать было трудно.

Е. Тарле.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МИРАЖЪ.

(Разсказъ).

Сегодня никто не пошелъ въ гимназію и на дѣтей надѣли праздничныя платья. Они ходили изъ угла въ уголъ, ничего не дѣлая, и ждали чего-то особеннаго, что должно было случиться скоро, съ минуты на минуту.

Съ самаго ранняго утра въ комнатахъ поднялась возня, какая обыкновенно бываетъ предъ Рождествомъ или Пасхой. Единственная прислуга, Анисья, мыла и скребла съ невообразимымъ усердіемъ старый облинявшій полъ, окна и двери. Ветхую, оборванную мебель прикрыли суровыми чехлами, которые тоже употребляли только въ большіе праздники, а на преддиванный столъ накрыли красную пеньковую скатерть. Стулья и кресла чинно стояли вокругъ стола и по стѣнамъ „гостинной", которая въ обычное время замѣняла и комнату для занятій и даже спальню маленькаго гимназиста Сережи. Дѣвочки спали съ матерью въ маленькой комнатѣ рядомъ. Изъ этихъ двухъ комнатъ, крошечной полутемной передней и такой же кухни состояла вся квартира.

Изъ кухни въ настоящую минуту несло страшнымъ чадомъ и жаренымъ лукомъ. Очевидно, Анисья проявляла теперь свои кулинарныя способности съ такимъ же рвеніемъ, съ какимъ часъ тому назадъ мыла полы. Она обладала неимовѣрно крупной фигурой и потому съ трудомъ поворачивалась на крошечномъ пространствѣ между плитой и стѣной, каждый разъ стукаясь бокомъ то о ту, то о другую. Толчки эти она сопровождала громкой воркотней и нелестными эпитетами по отношенію къ хозяевамъ, устроившимъ такую неудобную кухню. Сегодня, впрочемъ, она такъ прониклась торжественнымъ настроеніемъ окружающихъ, что даже понизила свой зычный голосъ до шепота и замѣнила засаленный и промасленный передникъ чистымъ, хотя и неглаженнымъ.

— Барышня,—позвала она, пріотворивъ дверь изъ кухни,— барышня, позовите мамашу.

У окна въ гостинной сидѣла хорошенькая дѣвочка лѣтъ пят-

надцати съ мечтательными карими глазами и длинной темнорусой, шелковистой косой.

— Какъ ты начадила, Анисья,—проговорила она недовольнымъ голосомъ, — неужели ты не можешь жарить, не проливая масла на плиту.

— Опять неладно, — фыркнула совершенно неожиданно Анисья,—стараешься, стараешься—все не потрафишь!

Она сердито хлопнула дверью, продолжая громко ворчать.

Дѣвочка пожала плечами и презрительно улыбнулась.

— Совсѣмъ съ ума сошла,—тихо сказала она.

— Что тамъ случилось?

Въ комнату вошла женщина лѣтъ тридцати пяти, въ черномъ потертомъ платьѣ съ кружевной косынкой на свѣтлыхъ рѣденькихъ волосахъ. Въ ранней молодости это была, по всей вѣроятности, очень миловидная блондинка съ нѣжной бѣлой кожей, мелкими чертами лица и красивыми голубыми глазами. Теперь эти глаза какъ-то выцвѣли и потухли отъ безсонныхъ ночей и многихъ пролитыхъ слезъ, а лицо пожелтѣло и мѣстами на немъ легли морщинки. Старое черное платье висѣло некрасивыми складками на маленькомъ худомъ тѣлѣ.

— Опять ты ссоришься съ Анисьей, Нина,—усталымъ голосомъ сказала она.—И что тебѣ за охота...

Въ эту минуту послышался стукъ дрожекъ и кто-то подъѣхалъ къ крыльцу. Нина вскочила со стула, выглянула въ окно, вся поблѣднѣла, потомъ вспыхнула и прошептала замирающимъ голосомъ:

— Пріѣхалъ...

Сильный дребезжащій звукъ колокольчика огласилъ комнаты.

Анна Васильевна вздрогнула и какъ-то съежилась.

— Отопри,—тихо сказала она дочери.

Въ дверяхъ показался высокій пожилой брюнетъ съ роскошной черной бородой съ просѣдью. Онъ нерѣшительно снялъ шапку съ пышныхъ еще, но уже совсѣмъ сѣдыхъ волосъ и стоялъ на порогѣ.

— Смѣю ли я войти въ этотъ домъ?—немного театрально, съ паѳосомъ спросилъ онъ, обращаясь къ Аннѣ Васильевнѣ. Та не двигалась съ мѣста и не произносила ни слова. Десять минутъ тому назадъ она ждала его съ полной готовностью все простить и все забыть, хотѣла только одного—видѣть его тутъ около себя, слышать снова его голосъ, видѣть ласку въ его глазахъ...

Но по его письму она думала встрѣтить несчастнаго, раскаявшагося, измученнаго человѣка и ей легче было бы видѣть его такимъ. А онъ все тотъ же, что былъ и тогда—блестящій, самоувѣренный, изящный... Быстрымъ взглядомъ окинула она его фран-

товатую, хотя и енотовую шубу и бархатный пиджакъ, и ей какъ-то унизительно и стыдно стало за свою приглаженную и подштопанную нищету.

Она молчала и не двигалась.

Нина со страхомъ смотрѣла то на отца, то на мать.

— Мама!—воскликнула она, наконецъ, съ отчаяніемъ.—Мама! что же ты молчишь?

Она вся трепетала при мысли, что отецъ уѣдетъ, не дождавшись разрѣшенія войти.

— Ты не можешь меня простить, Аня?—началъ опять тотъ.— Дѣтей не отнимай у меня... Послѣдняго утѣшенія...

Голосъ его дрожалъ и что-то искреннее слышалось въ немъ.

Анна Васильевна какъ бы очнулась.

— Иди... Мы тебя ждали...—какъ бы въ оцѣпенѣніи произнесла она.

Быстрымъ движеніемъ сбросилъ онъ шубу на сундукъ и всталъ на колѣни передъ женой.

— Мученица... Святая!.. Прости! Дай припасть къ твоимъ рукамъ, дай отдохнуть на твоей груди!

— Оставь, пожалуйста не надо...—съ брезгливостью сказала Анна Васильевна, отодвигаясь.

Нина съ нѣмымъ укоромъ смотрѣла на мать.

Тогда она, наконецъ, пересилила себя, глубоко вздохнула и подала руку мужу.

— Ну, здравствуй, пойдемъ къ намъ, посмотри на насъ. Дѣтей не узнаешь, выросли безъ тебя.

Грустная, немного насмѣшливая улыбка мелькала на ея блѣдныхъ губахъ. Ни разу не вспомнилъ о насъ за пять лѣтъ, думала она, а теперь пріѣхалъ, зачѣмъ? Надолго ли?

Евгеній Николаевичъ осыпалъ поцѣлуями ея руки.

— Дочка моя милая, сокровище мое,—обратился онъ, наконецъ, къ Нинѣ, которая смотрѣла на него блестящими, восторженными глазами полными слезъ. Вся пунцовая, трепещущая и радостная бросилась она къ нему на грудь.

— Папа милый, дорогой, ненаглядный... я тебя помню... Я все время думала... Я знала, что ты пріѣдешь...—лепетала она, сбиваясь и путаясь.

— Милая, дѣточка...—Онъ цѣловалъ и гладилъ ея голову.—А это Сережа, Надя? Дорогіе мои, крошки, какъ выросли! О какъ я былъ глупъ и гадокъ!

— Это—папа, дѣти, поздоровайтесь съ нимъ,—сказала Анна Васильевна,—подводя дѣвочку лѣтъ восьми и мальчика, одѣтаго въ гимназическій мундирчикъ. Оба смотрѣли изподлобья на незнакомаго имъ человѣка.

— Не узнали? Ну, вѣдь они и не могутъ меня помнить, совсѣмъ маленькія были.

— Однако, ты вѣроятно усталъ и проголодался съ дороги?

Анна Васильевна ушла, чтобы распорядиться по хозяйству.

Черезъ минуту въ комнату вошла Анисья съ кипящимъ самоваромъ.

— Здравствуйте, баринъ, съ пріѣздомъ,—провозгласила она.

Всѣ сѣли вокругъ стола. Волненіе поулеглось и разговоръ продолжался въ болѣе спокойномъ тонѣ.

Евгеній Николаевичъ много разсказывалъ о своей жизни въ Петербургѣ и путешествіи по Европѣ.

— Боже, какъ здѣсь все мертво, тихо, сонно! Тамъ жизнь кипитъ ключемъ, тамъ некогда спать. Нѣтъ, еще немного и я васъ всѣхъ перетащу туда. О тогда мы заживемъ! И у меня, бездомнаго скитальца, будетъ опять свой домъ и своя семья! Такъ, вѣдь, Аня, ты простишь меня? И ты меня, дѣточка дорогая, простишь? Ты не будешь обвинять своего папу за то, что онъ допустилъ, чтобы вы жили въ этомъ городѣ, въ этой квартирѣ...

Онъ снова со слезами на глазахъ прижалъ къ груди голову Нины.

— О папа!—могла только прошептать дѣвочка.

При послѣднихъ словахъ мужа Анна Васильевна едва удержалась отъ возраженія. Она не понимала, какъ могъ онъ говорить такъ объ „этой квартирѣ“, разсказывать о своихъ разъѣздахъ и путешествіяхъ и не подумать о томъ, что пять лѣтъ вся семья была на ея рукахъ и что въ то время, когда онъ путешествовалъ заграницей, его дѣти могли умереть съ голоду. Но она молчала, потому что ей жаль было нарушить радостное настроеніе дочери. Она еще такъ молода и не можетъ вникать глубоко, притомъ такъ наивно восхищается отцомъ и ужъ, конечно, безусловно вѣритъ ему.

Наступилъ вечеръ; дѣти, утомленные тревожнымъ днемъ, легли спать раньше обыкновеннаго. Анна Васильевна и Евгеній Николаевичъ остались вдвоемъ въ гостинной, гдѣ крѣпко спалъ Сережа.

— Видишь, какъ мы живемъ,—съ грустной улыбкой начала Анна Васильевна. Мнѣ даже негдѣ положить тебя.

— Не безпокойся, дорогая, со мной есть дорожная постель и я прекрасно здѣсь устроюсь. Скоро, скоро все будетъ иначе, всѣмъ намъ будетъ хорошо. Ты отдохнешь, бросишь работать.

Онъ придвинулся къ женѣ и, робко взявъ ее за руку, съ мольбою заглянулъ въ ея глаза.

— Ну, скажи мнѣ, что ты простила... Скажи, что ты еще можешь любить меня...

Анна Васильевна не отнимала руки, слезы одна за другой катились по ея щекамъ.

— Если бы я могла тебѣ вѣрить,—тихо заговорила она,— если бы я могла вычеркнуть изъ памяти эти пять лѣтъ...

— Но ты не знаешь, что я пережилъ за эти пять лѣтъ! Сколько подлости и низости людской узналъ я! И какъ я усталъ бороться одинъ. Какъ я стремился душою къ тебѣ—моей нравственной опорѣ! Дай же мнѣ руку, моя чистая голубка, и мы снова вмѣстѣ пойдемъ въ открытый бой съ жизнью!..

Анна Васильевна съ грустной улыбкой покачала головой.

— Ты все тотъ же,—сказала она.—Было время, когда ты меня покорилъ такими точно разговорами. Но теперь вѣдь я не семнадцатилѣтняя дѣвочка и знаю цѣну словамъ. Ты все забываешь, что ты не на сценѣ, не передъ толпой, что тебя слушаетъ только твоя жена, которая давно уже знаетъ тебя и давно устала слушать.

Евгеній Николаевичъ трагически опустилъ голову на грудь.

— Я молчу. Я вижу, что время еще не сгладило накипѣвшую въ тебѣ горечь и потому ты такъ незаслуженно оскорбляешь меня.

— Можётъ быть,—согласилась Анна Васильевна,—ну, а теперь мы оба устали, покойной ночи. Она поцѣловала мужа въ лобъ и вышла изъ комнаты.

Прошелъ еще день въ праздничномъ настроеніи, затѣмъ жизнь должна была войти въ свою колею.

Блѣдный свѣтъ ненастнаго осенняго утра едва забрезжилъ въ окна, когда Анисья поставила самоваръ на столъ и уже въ третій разъ принялась будить Сережу. Всѣ, кромѣ маленькой Нади, должны были встать рано и приниматься за работу. Евгеніи Николаевичъ, въ синей суконной тужуркѣ съ бархатнымъ воротникомъ и въ мягкихъ покойныхъ туфляхъ, сидѣлъ въ креслѣ и пилъ чай съ серьезно-дѣловымъ выраженіемъ лица. Еще вчера онъ пристроилъ къ одной изъ стѣнъ письменный столъ, разложилъ на немъ красивый письменный приборъ и портфель, наполненный рукописями. Надъ столомъ были уже развѣшаны портреты писателей и ученыхъ, а также и его собственное изображеніе въ живописно задумчивой позѣ. На столѣ, въ пунцовой плюшевой рамкѣ, стоялъ портретъ Анны Васильевны съ маленькой Ниной на рукахъ.

— Это бивуаки, — повторялъ онъ нѣсколько разъ, устраиваясь.—Это только на время, но и на бивуакахъ я долженъ имѣть около себя все, что мнѣ дорого и мило--иначе я не могу работать.

Анна Васильевна собиралась вмѣстѣ съ Ниной идти въ гим-

назію, гдѣ она была классной дамой. Сережа надѣлъ шубу, ранецъ и подошелъ проститься съ отцомъ.

— Прощай, сынокъ мой дорогой, учись, работай. До свиданія, мои милые. Папа тоже будетъ работать и часы нашей разлуки пролетятъ незамѣтно.

Нина смотрѣла на отца восторженными глазами и ловила каждое его слово. Она помнила и знала его, конечно, больше младшихъ дѣтей и всегда его образъ былъ окруженъ для нея какимъ-то поэтическимъ ореоломъ. Вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о немъ соединялись и самыя лучшія воспоминанія дѣтства. Они жили такъ весело, пока не уѣхалъ папа. У нихъ бывали шумные вечера съ музыкой, пѣніемъ и танцами и домашіе спектакли, гдѣ отецъ выступалъ въ главныхъ роляхъ; потомъ она помнила его и на настоящей сценѣ, не разъ слышала, какъ восторгались его талантомъ и потому привыкла считать его необыкновеннымъ человѣкомъ. Она не понимала и не помнила внезапной причины отъѣзда отца, но никакъ не могла повѣрить, что онъ больше не вернется. Вскорѣ они переѣхали въ другой городъ, взяли маленькую квартирку и распродали почти все, что было. Особенно тяжело жилось, пока мать не имѣла ни мѣста, ни уроковъ. Послѣ долгихъ поисковъ получила она, наконецъ, мѣсто классной дамы въ гимназіи, куда отдала и Нину. Съ этихъ поръ потянулась однообразная скучная жизнь. Мать была строга и серьезна; нѣсколько разъ Нина спрашивала ее про отца,—куда онъ уѣхалъ и скоро ли вернется, но всегда получала лаконическій отвѣтъ, что онъ уѣхалъ очень далеко и когда вернется—неизвѣстно. То, что она не знала, она добавляла фантазіей и такимъ образомъ ея любимая подруга знала, что отецъ Нины великій путешественникъ, отправившійся для изученія неизвѣстныхъ странъ. Сегодня она могла сообщить ей съ таинственнымъ и торжественнымъ видомъ, что папа вернулся, что онъ писатель и пишетъ теперь большую драму въ стихахъ, что онъ такой красавецъ, какіе бываютъ только въ романахъ и что скоро они всѣ переѣдутъ въ Петербургъ, гдѣ будутъ играть въ театрѣ папину драму.

При мысли о разлукѣ обѣ подруги прослезились. Но Нина и тутъ нашла выходъ въ своей фантазіи. Она попроситъ папу, чтобы онъ перевелъ отца Ольги тоже въ Петербургъ, тогда онѣ опять вмѣстѣ будутъ учиться въ гимназіи, а потомъ... Потомъ обѣ поступятъ на сцену!

Тутъ полетъ Нининой фантазіи пріобрѣлъ такіе необыкновенные размѣры, что ея, всегда болѣе положительная, подруга начала высказывать сомнѣнія. Кончилось тѣмъ, что Нина все-таки убѣдила ее придти какъ можно скорѣе, чтобы посмотрѣть этого необыкновеннаго человѣка.

За обѣдомъ въ этотъ день было очень весело. Давно уже маленькая комната не оглашалась такимъ веселымъ смѣхомъ и громкимъ живымъ разговоромъ, какъ сегодня. Даже Анна Васильевна развеселилась и улыбалась остротамъ мужа и наивному восторгу Нины.

Евгеній Николаевичъ пришелъ въ ужасъ отъ того, что дѣти ни разу не были въ театрѣ. Рѣшено было въ ближайшее воскресенье взять ложу. Это рѣшеніе вызвало продолжительные и шумные восторги дѣтей.

Вечеромъ Анна Васильевна подошла къ столу, за которымъ обыкновенно занимался Сережа и мучился безуспѣшно или надъ какой-нибудь головоломной задачей, или надъ латинскими спряженіями.

Теперь онъ съ гордостью объявилъ ей, что папа все ему показалъ и что онъ все хорошо знаетъ.

У Анны Васильевны болѣзненно сжалось сердце; она боялась того чувства надежды, которое невольно закрадывалось въ ея душу.

— Жена, дѣти, дорогіе мои! Что за ужасную сцену сейчасъ я видѣлъ! Боже, какіе нравы!

Евгеній Николаевичъ, не снимая пальто, съ цилиндромъ въ рукахъ, стремительно вошелъ въ комнату жены.

— Подумайте, истязать такъ несчастное животное на глазахъ у всѣхъ! Нѣтъ, это невозможно! Это варварство!

Всѣ вопросительно и съ изумленіемъ смотрѣли на него.

— Да въ чемъ же дѣло? Разскажи,—перебила его, наконецъ, Анна Васильевна.

— Ужасно, ужасно! Представь себѣ, дорогая моя, ѣдетъ на извозчикѣ нѣкій господинъ, весьма прилично одѣтый, и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, что его возница хлещетъ и кнутомъ, и кнутовищемъ несчастную ободранную кляченку, которая и безъ того едва ноги волочитъ. Хлесталъ, хлесталъ и дохлестался, наконецъ, до того, что бѣдное животное упало посреди улицы и тутъ же издохло.

— Ну, я думала все-таки что-нибудь хуже,—со вздохомъ облегченія сказала Анна Васильевна,—вѣроятно, лошадь была больна, иначе едва ли бы она издохла отъ побоевъ.

— Я не узнаю тебя, Аничка,—воскликнулъ снова Евгеній Николаевичъ.—Гдѣ твое нѣжное сердце? Или жизнь такъ закалила его, что оно неспособно отзываться на страданія ни въ чемъ неповинныхъ животныхъ. А ты, моя Нина. плачешь? Поди ко мнѣ, дочка моя ненаглядная.—Говоря это, Евгеній Николаевичъ обнималъ и цѣловалъ Нину.

Анна Васильевна морщилась, смотря на нихъ.

— Напрасно ты поощряешь въ ней эту чувствительность; она и такъ слишкомъ экзальтирована,—тихо сказала она мужу.

— Но развѣ проявленіе добраго чувства—экзальтація?

— Когда оно такъ выражается, то да. Я понимаю, что можно пожалѣть животное, даже возмутиться всѣмъ этимъ, но плакать и бросаться другъ другу въ объятія—по моему, лишнее.

— Мы никогда не поймемъ другъ друга,—сухо сказалъ Евгеній Николаевичъ, отстраняя Нину и поднимаясь со стула.

Нина сердито взглянула на мать.

— Ты всегда обижаешь папу,—сказала она.—Нельзя же требовать, чтобы всѣ были такъ спокойны и хладнокровны, какъ ты.

— Перестань, ты ничего не понимаешь.

— По твоему, я никогда ничего не понимаю. Но что же тутъ дурного, что папа пожалѣлъ несчастную лошадь?

— Я и не говорила, что это дурно. Я сказала только, что нужно немного сдерживать свои чувства.

Анна Васильевна возражала дочери, но въ душѣ упрекала себя за то, что обрушилась такъ на нее и на мужа. Какая я стала нетерпимая, корила она себя, ну что же дѣлать, если ужъ онъ такой, и Нина, вѣрно, въ него пошла.

Евгеній Николаевичъ сидѣлъ у своего стола и что-то писалъ; дѣти разошлись по угламъ и приготовляли уроки; въ комнатахъ была тишина, прерываемая только тиканьемъ часовъ, да скрипомъ пера по бумагѣ.

Маленькая Надя соскучилась сидѣть на одномъ мѣстѣ съ своими куклами и пробѣжала на цыпочкахъ, чтобы не мѣшать папѣ, въ кухню къ своему неизмѣнному другу—Анисьѣ. Тамъ она пробыла до тѣхъ поръ, пока не услыхала разговоръ и смѣхъ отца.

За чаемъ Евгеній Николаевичъ прочелъ статью, которую онъ только что написалъ для мѣстной газеты. Въ яркихъ краскахъ изобразилъ онъ смерть заморенной лошади отъ побоевъ и голода, взывалъ о состраданіи къ безсловеснымъ созданіямъ и предлагалъ проектъ общества покровительства животнымъ на подобіе столичнаго.

— Ну, какъ ты находишь, Аня?—обратился онъ къ женѣ по окончаніи чтенія.

Анна Васильевна смутилась и покраснѣла. Она никакъ не ожидала этого вопроса, думая, что мужъ еще сердится на нее и теперь почувствовала живѣйшую благодарность къ нему за то, что онъ забылъ ссору.

— Прекрасно, прекрасно, Женя,—поспѣшила она одобрить, называя его въ первый разъ этимъ именемъ.—Дѣйствительно, на

это слѣдуетъ обратить вниманіе, вѣдь нельзя же допускать, чтобы безнаказанно мучили животныхъ. И ты такъ хорошо написалъ это, что, навѣрное, произведешь впечатлѣніе.

— Наконецъ-то я вижу мою прежнюю Аню, милую, добрую, сердечную.

Евгеній Николаевичъ взялъ руку жены и нѣсколько разъ нѣжно поцѣловалъ ее.

— Ну, дѣти, теперь будемъ веселиться,—обратился онъ къ дѣтямъ.—Малютка, полѣзай ко мнѣ на колѣни и давай декламировать стихи.

Надя только и ждала этого приглашенія. Быстро вскарабкавшись къ отцу на колѣни, она начала тоненькимъ голоскомъ и захлебываясь произносить цѣлый монологъ изъ „Бориса Годунова". Затѣмъ декламировали по очереди Нина и Сережа и, наконецъ, самъ Евгеній Николаевичъ. Потомъ онъ началъ загадывать загадки, говорить куплеты, разсказывалъ смѣшные анекдоты, такъ что дѣти смѣялись до упаду, не отставала и Анна Васильевна.

Она вообще за послѣдніе дни повеселѣла, ожила и даже какъ будто помолодѣла. Сегодня въ первый разъ, послѣ пріѣзда Евгенія Николаевича, произошло между ними маленькое недоразумѣніе, въ которомъ собственно она обвиняла себя; кромѣ самой нѣжной предупредительности къ себѣ и дѣтямъ, ничего она не видала отъ мужа. Мало-по-малу она даже начала вѣрить въ возможность возрожденія семейнаго счастія. Въ самомъ дѣлѣ, думала она, Евгеній ужъ не молодъ, страсти поулеглись, ему самому хочется мирной семейной жизни, надоѣло мыкаться по меблированнымъ комнатамъ и жить среди чужихъ людей. Къ дѣтямъ онъ, повидимому, очень привязался, возится съ ними все свободное время, а они, бѣдняжки, не набалованы вниманіемъ; конечно, она любила ихъ не менѣе отца, но горе наложило отпечатокъ на ея характеръ и она весьма рѣдко была привѣтлива и ласкова съ ними. Теперь, можетъ быть, все измѣнится и всѣмъ будетъ хорошо, невольно повторяла Анна Васильевна фразу, которую не разъ уже слышала отъ Евгенія Николаевича. Изъ деликатности она еще не рѣшалась заговаривать о его матеріальномъ положеніи и только изъ его разсказовъ заключала, что послѣднее время онъ не нуждался и достаточно зарабатывалъ—вѣроятно, сотрудничествомъ въ какомъ-нибудь журналѣ или газетѣ. Сцену онъ, очевидно, уже бросилъ и объ этомъ Анна Васильевна не жалѣла: не надежный семьянинъ—актеръ. Миръ и спокойствіе царили въ ея душѣ въ этотъ вечеръ, когда она, простившись съ дѣтьми и крѣпко поцѣловавъ мужа, ложилась спать. Давно не спала она такимъ здоровымъ и хорошимъ сномъ.

Черезъ нѣсколько дней статья была возвращена изъ редакціи и въ этотъ же день Евгеній Николаевичъ узналъ, что сѣдокомъ злополучнаго извозчика, былъ никто иной, какъ самъ издатель газеты. Снабдивъ статью добавочными комментаріями, Евгеній Николаевичъ послалъ ее въ одну изъ столичныхъ газетъ. Но тамъ она тоже почему-то не была принята. Евгеній Николаевичъ былъ очень огорченъ этимъ обстоятельствомъ и объяснялъ отказъ тѣмъ, что статья прислана издалека и недоброжелательные члены редакціи постарались устранить ее подальше отъ глазъ редактора. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ долженъ выяснить этотъ фактъ. Во всякомъ случаѣ теперь ему было не до того: уже нѣсколько дней онъ готовился къ чтенію публичной лекціи о современной поэзіи. Евгеній Николаевичъ собирался разгромить символистовъ и декадентовъ, указать на упадокъ вообще въ области искусства, на вялость общественной жизни, привести все это въ зависимость отъ уродливаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и школѣ, и затѣмъ закончить горячимъ призывомъ общества къ борьбѣ съ застарѣлыми традиціями и предразсудками и къ дѣятельности, которая должна вывести людей изъ мрака къ свѣту.

Громкая тэма и подробная программа лекціи должны были заинтересовать и привлечь много народу. Былъ взятъ залъ дворянскаго собранія и пущено въ продажу до пятисотъ билетовъ. Цѣлую недѣлю до лекціи въ домѣ наблюдалась тишина, дѣти старались какъ можно меньше мѣшать отцу. Евгеній Николаевичъ съ утра садился за письменный столъ, или ходилъ по комнатѣ съ нахмуреннымъ и сосредоточеннымъ лицомъ. Затѣмъ онъ каждый день куда-то уѣзжалъ, и возвращался иногда вмѣстѣ съ юркимъ молодымъ человѣкомъ, который съ изысканной любезностью подходилъ къ ручкѣ Анны Васильевны, погружался на нѣкоторое время въ какія-то вычисленія и соображенія вмѣстѣ съ Евгеніемъ Николаевичемъ, попутно разсказывалъ дѣтямъ смѣшной анекдотъ и уѣзжалъ, очаровавъ всѣхъ своимъ веселымъ нравомъ. Въ назначенный день вся семья была въ напряженно-торжественномъ состояніи. Наконецъ, наступилъ вечеръ. Анна Васильевна и дѣти робко вошли въ ярко освѣщенный залъ и сѣли сбоку около каѳедры. Молодой человѣкъ, во фракѣ и съ голубой розеткой распорядителя, встрѣтилъ ихъ у входа и, предложивъ руку Аннѣ Васильевнѣ, провелъ ихъ на мѣста. Публика собиралась медленно. Первые начали входить гимназисты и гимназистки старшихъ классовъ, занимая мѣста въ послѣднихъ рядахъ. Появилось еще нѣсколько молодыхъ учителей и учительницъ, нѣсколько военныхъ прогремѣли шашками, сопровождая парадно одѣтыхъ дамъ, которыя сѣли въ первыхъ рядахъ, тѣмъ дѣло и кончилось. Въ восемь часовъ, когда Евгеній Николаевичъ вошелъ на каѳедру, залъ былъ

наполовину пустъ. Дамы навели лорнеты на интереснаго лектора и остались довольны его наружностью. Жиденькіе и вялые апплодисменты раздались изъ рядовъ гимназистовъ послѣ заключительныхъ словъ Евгенія Николаевича. Начали расходиться также вяло и апатично, какъ собирались. Нина, дрожащая и красная отъ волненія, съ отчаяніемъ и негодованіемъ оглядывалась на публику. Она не понимала, какъ могли отнестись холодно къ такой интересной и блестящей лекціи. О какіе они всѣ безчувственные и глупые! Она чуть не плакала, выходя изъ зала.

Грустные и разочарованные вернулилсь они домой. Евгеній Николаевичъ вернулся нѣсколько позднѣе съ мрачнымъ недовольнымъ видомъ. Сборъ не покрылъ расходовъ. Всѣ молча пили чай. Анна Васильевна старалась быть какъ можно ласковѣе, предупредительнѣе съ мужемъ.

— Напрасно ты такъ огорчаешься, Женя,—начала она,—развѣ ты не знаешь наше общество, многіе ли согласятся пропустить карточный вечеръ для самой интересной лекціи?

— О, да, это медвѣжій уголъ, въ которомъ можно задохнуться! Но нѣтъ, я знаю, что это значитъ, это не одно равнодушіе общества, это интриги и зависть здѣшнихъ мелкихъ людишекъ, бумагомарателей! О какъ я ихъ ненавижу и презираю! Скорѣе, скорѣе отсюда, здѣсь нѣтъ воздуха, нечѣмъ дышать!

— Папа, уѣдемъ въ Петербургъ, тебя здѣсь никто никогда не пойметъ,—восторженно воскликнула Нина.

— Да, да, дочка, мы уѣдемъ... Правда, тяжело здѣсь, мракъ кругомъ...

Евгеній Николаевичъ быстро ходилъ по комнатѣ и въ волненіи ерошилъ свои густые серебристые волосы. Анна Васильевна молча и съ грустью смотрѣла на него. Никому бы не сказала она, о чемъ думала въ настоящую минуту, даже и сама испугалась бы, если бы кто-нибудь сказалъ ей вслухъ ея мысли. Старыя, старыя думы откуда-то выползли и грызли ее. Ненадолго она отъ нихъ отдѣлалась, не долго было ослѣпленіе, голая правда опять встала передъ глазами. Не то, что не удалась лекція мучило ее, а то, что она увидала и въ этой лекціи и во всемъ, что дѣлалъ ея мужъ, прежнее мелкое тщеславіе, громкую фразу и рисовку—да рисовку. Какъ иначе назвать эти трагическія позы, жесты и выраженія? Нѣтъ, все въ немъ осталось прежнее и по прежнему. Молча убрала она посуду, приготовила постели и ушла къ себѣ. Старая рана открылась и болѣла.

Нѣсколько дней прошло послѣ непріятной исторіи, а Евгеній Николаевичъ все еще былъ мраченъ. Онъ почти не разговаривалъ, ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ и не обращалъ

вниманія ни на жену, ни на дѣтей, какъ бы обвиняя ихъ во всемъ, случившемся.

Выбитый изъ колеи, Сережа началъ очень плохо учиться. Пока отецъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ разсчитывалъ на его заступничество передъ матерью, а теперь какъ-то всѣмъ было не до него. Наконецъ, одинъ разъ, когда онъ принесъ три двойки, Анна Васильевна вышла изъ терпѣнія и довольно сурово выбранила его.

— Какъ можно такъ жестоко относиться къ ребенку?—неожиданно вступился Евгеній Николаевичъ. Затѣмъ онъ разразился грозной филиппикой противъ учителей, которые преслѣдуютъ дѣтей. Анна Васильевна мягко возразила, что въ данномъ случаѣ виноватъ Сережа, такъ какъ все послѣднее время онъ ничего не дѣлалъ и что не слѣдуетъ пріучать его сваливать свою вину на другихъ.

Евгеній Николаевичъ ничего не отвѣтилъ, но надулся и весь вечеръ угрюмо просидѣлъ у своего стола, не говоря ни слова. Анна Васильевна рѣшилась переговорить съ нимъ, когда дѣти легли спать.

— Послушай, Женя,—сказала она, подходя къ нему,—неужели ты сердишься на меня за то, что я возразила тебѣ? Развѣ я не права, что не слѣдуетъ распускать Сережу, когда онъ началъ лѣниться?

Евгеній Николаевичъ съ отчаяніемъ замоталъ головой и испустилъ что-то въ родѣ подавленнаго стона.

— Не то, не то, Аня! Развѣ я сержусь? развѣ я могу сердиться? Но я скорблю, дорогая моя, глубоко скорблю. Я вижу, что ты не только не простила меня за мою почти невольную вину, но ты хочешь мстить мнѣ за нее, ты не вѣришь мнѣ сама и внушаешь недовѣріе дѣтямъ. Всѣ эти дни я хотѣлъ поговорить съ тобой и не рѣшался. Я вижу, что ошибся, что совмѣстная жизнь наша теперь, пока ты такъ относишься ко мнѣ, невозможна. Я долженъ опять быть бездомнымъ скитальцемъ.

— Что ты говоришь,—начала Анна Васильевна, но вдругъ голосъ ея оборвался, она опустила голову и крѣпко стиснула похолодѣвшіе пальцы.

Внезапная мысль промелькнула у нея въ головѣ и она почувствовала всѣмъ своимъ существомъ то страшное оскорбленіе, какое наносилъ ей снова мужъ. Она поняла, что онъ искалъ только предлога, чтобы уѣхать, ему уже надоѣло жить въ семьѣ и онъ уже началъ скучать.

— Такъ ты хочешь опять уѣхать?—ледянымъ голосомъ спросила она Евгенія Николаевича.

— Я долженъ, Аня. Ты гонишь меня, мнѣ нѣтъ мѣста подъ однимъ кровомъ съ тобою...

— И скоро ты ѣдешь?—прервала Анна Васильевна, не дослушивая его.

— Да, я долженъ торопиться, дѣла въ Петербургѣ призываютъ меня.

— Хорошо... Я такъ и скажу завтра дѣтямъ... до свиданія...—отрывисто проговорила она и вышла изъ комнаты.

Поѣздъ скрылся изъ глазъ, увозя Евгенія Николаевича, не перестававшаго махать то шапкой, то платкомъ, то зонтикомъ провожавшей его семьѣ. Молча и грустно побрели они домой. Все небо было обложено бѣловато-свинцовыми тучами, шелъ снѣгъ, но таялъ тотчасъ же и превращался въ жидкую грязь. Было уже темно, когда они пришли, но никто не зажигалъ огня. Нина какъ пришла, такъ легла въ постель, отвернувшись къ стѣнѣ лицомъ. Надя и Сережа забрались на диванъ и о чемъ-то шептались, но въ концѣ концовъ поссорились, Надя расплакалась и, не найдя сочувствія у матери, убѣжала въ кухню къ Анисьѣ. Сережа вскорѣ заснулъ на диванѣ.

Стало совсѣмъ тихо, только по временамъ слышались подавленныя рыданія Нины.

Анна Васильевна подошла къ постели.

— Будетъ плакать, Ниночка,—ласково сказала она.

— Ты, ты виновата!—съ неожиданной злостью вдругъ вырвалось у Нины.

Анна Васильевна остолбенѣла.

— Какъ? Я?..—Тихо проговорила она.

— Да, да, конечно, ты. Зачѣмъ ты не хотѣла простить папу? Онъ добрый, хорошій... А ты все не могла забыть... Теперь мы опять безъ отца... И опять будетъ такъ скучно, пусто...

Нина вся билась въ истерическихъ рыданіяхъ.

Обвиненіе дочери было слишкомъ неожиданно для Анны Васильевны, нѣсколько минутъ она не могла придти въ себя.

Наконецъ, видя, что Нина не перестаетъ плакать, она принесла воды, намочила ей голову и дала выпить какихъ-то капель.

— Постарайся успокоиться,—сказала она,—а завтра мы съ тобой поговоримъ, можетъ быть, ты поймешь...

Нина поймала ея руку и прижала къ губамъ. Очевидно, она уже раскаивалась въ своихъ словахъ.

Анна Васильевна сѣла около нея на постели и молча гладила ее по головѣ, пока та не успокоилась.

Долго сидѣла она такъ, не выпуская руку дочери. Нина уже уснула и только продолжала нервно вздрагивать и всхлипывать

во снѣ, а Анна Васильевна какъ застывшая сидѣла все въ той же позѣ. Какіе-то обрывки мыслей и воспоминаній пробѣгали въ ея утомленномъ мозгу. Порой ей казалось, что это не Нина, а она сама, такъ горько оплакивала свои золотыя мечты. Потомъ ей было жалко и себя и Нину, какъ-то нераздѣльно. Слезы тихо катились по ея щекамъ, она не вытирала ихъ и не двигалась съ мѣста. Ей хотѣлось теперь только одного—чтобы ее подольше не трогали и не призывали къ жизни, а дали бы такъ сидѣть и плакать, плакать безъ конца.

Анисья принесла сонную Надю, раздѣла ее и уложила въ кроватку. Потомъ она разбудила Сережу, который тоже уснулъ не раздѣваясь, приготовила постель ему и Аннѣ Васильевнѣ. Она нѣсколько разъ подходила и смотрѣла на нее, качая головой.

— А вы будетъ ужъ, ложились бы спать,—сказала она, наконецъ, смягчая, насколько возможно, свой грубый голосъ.

Анна Васильевна не обратила вниманія на ея слова, Анисья покачала еще разъ головой и ушла въ кухню.

Здѣсь она излила свое сердце на кастрюляхъ и горшкахъ, которые только звенѣли, когда она энергично перетирала ихъ чуть не въ десятый разъ и швыряла на полки.

— Шаромыжники, дьяволы!—съ ожесточеніемъ ворчала она,—всѣ они одинаковы.

Грузно переваливалась она между плитой и стѣной, безпрестанно стукаясь боками, и посылая попутно проклятія и плитѣ, и стѣнѣ, и хозяину. Наконецъ, все было перетерто и перемыто и сердце Анисьи мало-по-малу успокоилось. Крестясь и вздыхая, улеглась она на старую деревянную кровать, скрипѣвшую при каждомъ движеніи.

Вскорѣ все стихло въ маленькомъ домикѣ. Анна Васильевна встала, потянулась, какъ послѣ долгаго сна, и подошла къ окну.

Отдаленный лай собаки да колотушка сторожа нарушали ночной покой.

— Такъ скучно, такъ пусто... — тихо повторила Анна Васильевна слова Нины.

Тихо, беззвучно, большими вялыми хлопьями падалъ мокрый снѣгъ на мокрую землю...

Ек. Нелидова.

СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

*(Окончаніе *).*

V **).

Конечная задача моего труда,—такъ начинаетъ Паульсенъ свое Schlussbetrachtung — осталась бы въ моихъ глазахъ невыполненной, если бы послѣ утомительнаго разсказа о прошлыхъ судьбахъ средняго образованія я не бросилъ взгляда и на другую, въ сущности ближайшую къ намъ половину его исторіи—ту, которая только еще имѣетъ свершиться. Если я не ошибаюсь, то ходъ протекшаго развитія школы даетъ намъ возможность судить и о вѣроятномъ ея будущемъ. Я вовсе не намѣренъ однако рисовать при этомъ новый учебный планъ, который не сегодня-завтра можно было бы ввести въ дѣйствіе. Я не только не чувствую въ себѣ ни малѣйшаго къ тому призванія, но, кромѣ того, я вообще не пожалѣлъ бы, если бы вѣра въ то, что будущность создается учебными планами,—вѣра, явившаяся вмѣстѣ съ XIX-мъ вѣкомъ,—вмѣстѣ съ нимъ и отлетѣла бы въ прошедшее.

Если сравнить современное состояніе умственной культуры европейскихъ народовъ съ ея состояніемъ около 1200 года, когда возникали первые университеты или даже съ концомъ XVI-го вѣка, когда средняя и высшая школа окончательно отлились въ новую, гуманистическую форму, то разницу можно выразить слѣдующей двойной формулой. У насъ теперь есть—чего тогда не было—самостоятельная новая наука и философія, а также самобытная ново-европейская литература и оригинальныя формы духовнаго развитія. Съ другой стороны: древняя философія, наука и литература, которыя заступали тогда мѣсто самобытныхъ и преподавались во всѣхъ школахъ, какъ единственно существующія, теперь отошли въ область исторіи.

Въ средніе вѣка, да, пожалуй, еще и на исходѣ XVI столѣтія, въ Европѣ не было другой философіи и другой науки, кромѣ завѣщанныхъ древностью. Вмѣстѣ съ этимъ, преподаваніе въ гимназіяхъ и универ-

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

**) Предлагаемыя ниже замѣчанія заимствованы мною отчасти изъ перваго, отчасти изъ второго изданія книги Паульсена «Geschichte des gelehrten Unterrichts».

ситетахъ неизбѣжно должно было ставить себѣ такую цѣль: сначала обучать языкамъ древности, а затѣмъ вводить въ ея философію и науку. Но съ исхода XVI-го вѣка такое положеніе вещей стало быстро измѣняться. Научное изслѣдованіе мало-по-малу успѣло принять вполнѣ самостоятельный характеръ; великія открытія на землѣ и въ небесныхъ сферахъ еще въ XVI-мъ столѣтіи положили начало новой европейской наукѣ; за ними послѣдовало въ XVII-мъ столѣтіи созданіе новой космологіи, физики, химіи и физіологіи, къ которымъ примкнули затѣмъ самобытная философія съ метафизикой и теоріей познанія, психологія и другія науки о духѣ. Въ концѣ XVII-го столѣтія во Франціи и въ Англіи, а въ XVIII-мъ и въ Германіи всѣ уже чувствуютъ, что въ области знанія у древнихъ больше нечему учиться. И въ настоящее время всѣ согласны въ томъ, что ученая литература древности представляетъ, конечно, крупную историческую цѣнность, какъ памятникъ происхожденія современной философіи и науки, но что для нашихъ собственныхъ научныхъ изслѣдованій знакомство съ ней ровно ни за чѣмъ не нужно, если исключить, какъ само собой разумѣется, область историческихъ изслѣдованій. Утеряй мы эту литературу совсѣмъ, наша математика и естественныя науки, наши науки о государствѣ и обществѣ, наша философія и науки о духѣ ни въ какомъ случаѣ отъ этого не подверглись бы ни малѣйшей опасности.

Университеты у насъ давно уже сдѣлали выводъ изъ такого положенія вещей. Они давно перестали давать сочиненія древнихъ авторовъ въ руководство учащимся, какъ то дѣлалось еще въ XVII-мъ вѣкѣ: никто больше не думаетъ проходить философію и физику по Аристотелю, математику по Эвклиду, естественную исторію по Плинію, медицину по Гиппократу и по Галену. Если этихъ авторовъ теперь и читаютъ, то не за тѣмъ, чтобы изъ нихъ поучаться: изъ субъекта науки они превратились въ объектъ историческихъ разысканій.

Нѣсколько иначе, но нельзя сказать, чтобы совсѣмъ иначе, обстоитъ дѣло съ изящной литературой. Она позже научной литературы отошла въ область исторіи, но въ концѣ концовъ и она стала историческимъ достояніемъ. Въ XVI-мъ и даже въ XVIII-мъ столѣтіи, по крайней мѣрѣ для ученыхъ людей, не было никакой другой поэзіи, да, пожалуй и никакихъ другихъ историческихъ и ораторскихъ произведеній, кромѣ греческихъ и римскихъ. Въ эпоху Клопштока и Лессинга разъ въ школѣ или въ университетѣ предметомъ рѣчи являлась поэзія, то само собой разумѣлось, что дѣло идетъ объ античной поэзіи. И ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что Лессингъ или Гердеръ, желая отдохнуть душой надъ искусствомъ, спѣшили взяться за Гомера и за Софокла, за Горація и за Вергилія, а не за произведенія своихъ современниковъ—Бодмера и Готшеда, Рамлера и Уца. Но нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что въ наше время человѣкъ охотнѣе берется за Лессинга и за Гердера, за Гёте и за Шиллера, чѣмъ за

древнихъ авторовъ, которыхъ онъ съ трудомъ разбираетъ. Нашимъ поэтамъ тоже никто не можетъ отказать въ искрѣ божества, а для насъ они имѣютъ одно великое преимущество: они плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ, они говорятъ нашимъ языкомъ; они поднимаютъ вопросы, которые волнуютъ и нашу душу, съ ними мы переживаемъ свое горе и свои радости. Тутъ вполнѣ приложимо то, что Рюмелинъ высказалъ однажды по поводу вопроса, кто выше— Шекспиръ или Гёте. «Пусть Сиріусъ больше, чѣмъ наше солнце, но не онъ согрѣваетъ нашу землю, не на немъ вызрѣваютъ наши лозы». Въ какой ничтожной мѣрѣ древняя литература въ настоящее время можетъ еще причисляться къ живымъ литературамъ, объ этомъ самое надежное свидѣтельство даетъ, пожалуй, книжная торговля: спросъ на греческихъ и римскихъ классиковъ теперь опредѣляется почти исключительно потребностями школы. Перестань они идти туда, и сбытъ ихъ сократился бы до очень скромныхъ размѣровъ.

Изъ этого положенія дѣла логическій выводъ нами еще не сдѣланъ... Гимназіи, которыя по понятнымъ причинамъ еще менѣе, нежели университеты, могли приспособиться къ новому положенію вещей, держатся еще за языки и за литературу древности, какъ за необходимѣйшія составныя части образованія; онѣ пользуются древними авторами, какъ наставниками если не въ области науки, то въ литературномъ образованіи. Однако, и онѣ кое въ чемъ уступили измѣнившимся обстоятельствамъ: онѣ включили въ свой курсъ новые языки и литературу, а также основы современной науки. Кромѣ того, наряду со старой гимназіей возникли новыя формы гимназіи, гдѣ научное и литературное образованіе воспитанниковъ обходится совсѣмъ безъ классической древности или прибѣгаетъ къ ней въ самой незначительной мѣрѣ.

Это движеніе можно считать законченнымъ? Уступки, сдѣланныя системой классическаго образованія, достигли уже своего крайняго предѣла? Современная организація школы должна почитаться окончательною? Или, можетъ быть, XX вѣкъ принесетъ съ собой новый расцвѣтъ классицизма, новое возрожденіе, подобное тому, какимъ ознаменовалось начало XIX вѣка?

Во всей германской имперіи, да, пожалуй, и за ея предѣлами, врядъ ли найдется человѣкъ, который бы вѣрилъ въ такую возможность. А такъ какъ стоять на одномъ мѣстѣ тоже нельзя, иначе пришлось бы допустить, что мы начинаемъ застывать по-китайски, то приходится принять третью возможность: классическое образованіе должно будетъ еще болѣе сократиться и, наконецъ, совсѣмъ перестанетъ служить одной изъ главныхъ основъ воспитанія нашего юношества. Наступитъ время, когда новыя европейскія націи будутъ обходиться исключительно собственными средствами въ дѣлѣ воспитанія подрастающихъ поколѣній, включая сюда и общую подготовку къ научнымъ занятіямъ. Это не значитъ, что тогда никто не будетъ больше заниматься древними язы-

ками: часть юношества, стремящагося къ высшему образованію, вѣроятно, и при новомъ строѣ школы все-таки станетъ, вѣроятно, учиться по-латыни или по-гречески. Но та вещь, которую XIX вѣкъ окрестилъ именемъ «классическаго образованія» и въ которой онъ видѣлъ важнѣйшую цѣль школы, перестанетъ представляться необходимою основою высшаго общаго образованія и неизбѣжнымъ условіемъ успѣшности занятій науками въ университетѣ.

Насколько близко отъ насъ такое время, это я оставляю въ сторонѣ. Я позволю себѣ оставить въ сторонѣ и вопросъ о томъ, по какимъ переходнымъ ступенямъ школа наша дойдетъ до подобнаго состоянія. Я представляю себѣ, что переходъ этотъ совершится путемъ уравненія правъ гимназій стараго и новаго типа. Разъ прекратится давленіе, которое въ настоящее время производится государствомъ при помощи системы экзаменовъ, старыя гимназіи сами собой начнутъ переходить въ новую форму, и лишь очень незначительное число заведеній останется въ староклассическомъ видѣ, являясь почтенными памятниками нашего школьнаго прошлаго. При этомъ нѣтъ сомнѣнія, что латинскій языкъ гораздо дольше, чѣмъ греческій, будетъ входить необходимой составной частью въ курсъ подготовки къ научнымъ занятіямъ: Римъ и римскій языкъ служатъ историческимъ связующимъ звеномъ между современной культурой Запада и зачатками ея на Востокѣ. И этого не вычеркнешь изъ нашей жизни. Пусть по своей абсолютной цѣнности греческая литература безконечно превосходитъ латинскую, но съ потребительной точки зрѣнія для большинства учащихся латинскій языкъ представляетъ гораздо больше важности. А что его потребительная стоимость тоже падаетъ, и что въ 2000-мъ году латинскій языкъ будетъ надобенъ далеко не въ той мѣрѣ, какъ онъ былъ надобенъ въ 1800-мъ, въ этомъ для меня также нѣтъ никакого сомнѣнія.

Я знаю, такая перспектива и въ наши дни для многихъ представляется очень печальной: неужели же слѣдуетъ жертвовать прекраснымъ полезному? Я вполнѣ понимаю это чувство; я вовсе уже не такой восторженный поклонникъ новѣйшей культуры, какимъ меня нерѣдко выставляли. Было время въ моей жизни, когда я каждый день работалъ надъ Платономъ и Аристотелемъ, для отдохновенія читая Гомера и Горація, да и теперь мнѣ случается возвращаться къ подобному времяпровожденію; было даже время, когда я страстно увлекался сложеніемъ латинскихъ періодовъ. И когда двадцать лѣтъ тому назадъ я начиналъ свои лекціи по педагогикѣ, я сначала пошелъ по пути классической традиціи. Только тогда, когда ради выработки самостоятельнаго взгляда въ этой области я углубился въ занятія исторіей, откуда выросла моя книга, я сталъ мало-по-малу приходить къ убѣжденію, что общепринятый взглядъ на дѣло совершенно не соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей. Я началъ видѣть вещи въ свѣтѣ историческаго раз-

витія, и тутъ прежде всего мнѣ стало ясно слѣдующее: у школы нѣтъ самостоятельнаго движенія, она всегда подчиняется общему ходу культурнаго движенія общества. Не педагогическія теоріи опредѣляютъ въ основныхъ чертахъ ходъ ея развитія, но весь великій процессъ историческаго развитія. Такъ это было, такъ это останется, конечно, и въ будущемъ, и никакимъ школьно-педагогическимъ краснорѣчіемъ здѣсь ничего не измѣнишь.

И еще одна вещь стала мнѣ затѣмъ ясна, а именно то обстоятельство, что всѣ бѣдствія, удручающія нашу среднюю школу, проистекаютъ изъ одного общаго источника, которымъ является гимназическій «утраквизмъ». Наша гимназія желаетъ, чтобы ея воспитанники принимали научное причастіе подъ обоими видами: она хочетъ сохранить старое классическое образованіе и въ то же время требуетъ занятій новыми языками и науками. Отъ этого продолжительность ея курса возрасла до такихъ предѣловъ, отъ этого внутри ея восторжествовала система преподаванія каждаго предмета особымъ спеціалистомъ; въ связи съ этимъ стоитъ и переполненіе учебныхъ заведеній какъ учащимися, такъ и преподавателями, наблюдаемое особенно въ большихъ городахъ, наконецъ, дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого же является выработка строгаго схематизма въ преподаваніи съ точнымъ расписаніемъ всего учебнаго матеріала по классамъ, съ системой вступительныхъ, переводныхъ, и выпускныхъ экзаменовъ: ежегодно каждый воспитанникъ долженъ пройти по семи или по восьми предметамъ опредѣленные ихъ отдѣлы, указанные въ разсчетѣ на регулярную, прилежную работу; иначе ему приходится оставаться на второй годъ въ томъ же классѣ или выходить изъ заведенія. Слѣдствіемъ всего этого является въ воспитанникахъ чувство крайней напряженности, обыкновенно именуемое переутомленіемъ—главное бѣдствіе нашей гимназіи, отъ котораго школьнымъ властямъ до сихъ поръ не удалось ни отчураться, ни освободиться. Явленіе это такъ же старо, какъ современный нашъ гимназическій строй. Оно было констатировано въ первый разъ немедленно по проведеніи коренной реформы образованія въ Пруссіи при Іоганнѣ Шульце; оно пережило попытки концентраціи гимназическаго курса, произведенныя Визе, и снова вызвало въ 80-хъ годахъ горькій ропотъ со стороны общества, нашедшій себѣ отголосокъ въ жалобахъ и нападкахъ коронованнаго оратора на педагогической конференціи 1890 года.

Я не думаю, чтобы реформа 1891 года исцѣлила зло. Не думаю я и того, чтобы зло это могло быть исцѣлено путемъ механическаго сокращенія учебныхъ часовъ или пониженія требованій по тому или по другому предмету, хотя бы по древнимъ языкамъ. Мнѣ вообще кажется, что на это дѣло смотрятъ слишкомъ механически. Министерство вычислило и представило тому статистическія доказательства, что ученики старшихъ классовъ гимназіи занимаются теперь дома часа два или три и развѣ время отъ времени четыре. Такая работа, говоритъ

оно, отнюдь не можетъ считаться чрезмѣрной: прежде воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній работали гораздо больше, и со стороны трезво смотрящихъ на дѣло родителей сейчасъ слышатся уже жалобы на то, что у насъ мальчиковъ растятъ нѣженками: бѣда не въ избыткѣ труда, а въ его недостаткѣ, откуда является распущенность и бездѣльничанье.

Все это очень можетъ быть. Я самъ не думаю, чтобы въ настоящее время требованія отъ учениковъ гимназіи совершенно приходились имъ не по силамъ. Но вопросъ о томъ, существуетъ или не существуетъ фактъ переутомленія, этимъ вовсе еще не рѣшается. Чувство усталости, вызываемое въ насъ извѣстнаго рода работою, обусловливается не однимъ абсолютнымъ количествомъ потраченной при этомъ энергіи: здѣсь столько же значитъ форма работы и та тѣлесная и душевная обстановка, въ которой она производится. Разное дѣло пробродить десять часовъ по ровной дорогѣ, отыскивая какую-нибудь потерянную вещь, или прогулять ихъ по горамъ на интересной экскурсіи: абсолютное количество работы во второмъ случаѣ, вѣроятно, окажется гораздо больше, но утомленія человѣкъ испытаетъ меньше. Возьмите ученаго, который съ великимъ одушевленіемъ проводитъ надъ своимъ трудомъ 12 или даже 14 часовъ въ день; отнимите у него этотъ трудъ и дайте ему взамѣнъ три или четыре ежедневныхъ немудреныхъ урока, часа на два каждый; затѣмъ провѣряйте каждые два часа, что онъ сдѣлалъ— и вы увидите, какимъ нестерпимымъ гнетомъ ляжетъ на него такая подневольная работа. Такъ вотъ, нѣчто подобное и произошло, какъ мнѣ кажется, въ нашемъ столѣтіи съ гимназистами. Вмѣсто относительно свободной и связной работы въ одной области—классической древности—на нихъ возложили поднадзорное приготовленіе уроковъ по многимъ предметамъ. 100 лѣтъ тому назадъ ученики работали, можетъ быть, гораздо больше, чѣмъ теперь, хотя въ дѣйствительности рабочіе дни, начинавшіеся до восхода солнца, встрѣчались и не такъ часто, какъ въ воспоминаніяхъ старыхъ воспитанниковъ Пфорты и Афры; и, тѣмъ не менѣе, они могли гораздо менѣе чувствовать бремя работы, чѣмъ теперешній гимназистъ, который свободно можетъ въ три часа приготовить свои четыре урока. Отъ ученика старой Пфорты требовали, въ сущности, одного—чтобы онъ занимался древними языками и классическими писателями и въ этой области что-нибудь давалъ; какъ ему здѣсь приниматься за дѣло, это до значительной степени предоставлялось личному его усмотрѣнію; учитель стоялъ рядомъ съ нимъ, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды было съ кѣмъ посовѣтоваться. Тогдашній гимназистъ нерѣдко испытывалъ сознаніе, что онъ производитъ работу, которой могъ бы и не дѣлать безъ малѣйшей опасности подвергнуться за это взысканію. Вмѣсто этого въ нашей гимназіи является сочетаніе цѣлаго ряда предметовъ, каждый изъ которыхъ почти ежедневно заявляетъ притязанія на домашній

трудъ воспитанника. Предметы эти представлены такимъ же числомъ спеціалистовъ-преподавателей, строго, нерѣдко даже завистливо, слѣдящихъ за значеніемъ и за правами своего отдѣла при экзаменахъ, при переводѣ изъ класса въ классъ и даже при распредѣленіи времени, на домашнія занятія. Наконецъ, переводные экзамены и экзаменъ зрѣлости неумолимо принуждаютъ гимназиста осиливать равномѣрно всѣ предметы, включенные въ программу гимназіи въ томъ самомъ порядкѣ, какъ они расписаны по классамъ. Въ аттестатахъ зрѣлости нерѣдко можно встрѣтить звучащее похвалой замѣчаніе, что абитуріентъ проявилъ одинаковое прилежаніе по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса.

Встрѣчаются натуры, которымъ такого рода преподаваніе приходится по плечу; встрѣчаются юноши послушнаго характера, съ сильно развитымъ чувствомъ долга, которые не тяготятся ежедневно задаваемыми и спрашиваемыми уроками. Напротивъ того, болѣе самостоятельныя натуры легко возмущаются такою монотонною и принудительною школьною работою. Это особенно часто случается въ старшихъ классахъ. Маленькій мальчикъ бываетъ радъ, когда его берутъ за руку и занимаютъ изъ часа въ часъ; но въ 16—18 лѣтъ обыкновенно противъ этого наступаетъ реакція; юноша, переступившій критическій возрастъ полового созрѣванія, инстинктивно возстаетъ противъ обращенія съ собой, какъ съ ребенкомъ; разъ сама природа объявила его полноправнымъ существомъ, онъ хочетъ, чтобы и люди это признавали. Прежде въ этомъ возрастѣ юноши допускались уже въ университетъ. Въ наше время, благодаря расширенію и продленію гимназическаго курса, 18-ти и 20-ти лѣтніе юноши все еще сидятъ на школьной скамьѣ и наравнѣ съ 10-ти-лѣтними мальчиками готовятъ къ каждому дню свои уроки. Результаты отъ этого получаются малоутѣшительные. Большинство учениковъ въ послѣдніе годы ученья угрюмо тянутъ лямку, постоянно наровя при первомъ удобномъ случаѣ нарушить монотонность своего существованія какой-нибудь выходкой.

Здѣсь и находится источникъ чувства переутомленія; это субъективное ощущеніе, вызываемое скорѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что школа за долгое время ученія успѣваетъ надоѣсть ученику, нежели абсолютною величиною предъявляемыхъ ею требованій. По извѣстному изреченію мекленбургскаго мудреца «die Armut kommt von der Powerthe»: точно также можно утверждать, что утомленіе происходитъ отъ вялости. А вялость, въ свою очередь, происходитъ отъ подневольной урочной работы, чему довольно можно найти примѣровъ по всѣмъ бюро и канцеляріямъ, не исключая и правительственныхъ. Свобода, право самому за себя рѣшать и самому за себя отвѣчать—вотъ единственное лѣкарство отъ этого зла, которое, надо замѣтить, даетъ себя чувствовать еще много времени спустя послѣ того, какъ человѣкъ кончитъ гимназическій курсъ: какъ извѣстно, студенты часто очень не скоро оправляются отъ вялаго гимназическаго отношенія къ занятіямъ и ста-

новятся способны къ бодрой самостоятельной работѣ. Лѣтъ двѣнадцать учились они всему, кромѣ того, чтобы ставить себѣ своимъ умомъ задачи и работать по собственному почину: мудрено ли, что они совсѣмъ не умѣютъ жить на полной академической свободѣ, которая сразу предоставляется имъ въ университетѣ. А къ этому присоединяется еще то затруднительное обстоятельство, что предметы университетскихъ занятій для многихъ изъ слушателей являются совершенной новостью; на юридическомъ, на медицинскомъ, на естественномъ факультетахъ слушателямъ толкуютъ о вещахъ, о которыхъ они никогда въ жизни не слыхали, а о школьныхъ учебникахъ и школьныхъ задачахъ никто имъ больше и не заикается.

И все это опять-таки стоитъ въ связи съ утраквизмомъ. До тѣхъ поръ, пока латинскій и греческій языки являлись единственнымъ предметомъ занятій въ гимназіи, они вызывали въ лучшихъ, энергичныхъ ученикахъ большую самодѣятельность; самостоятельное чтеніе и самостоятельныя упражненія въ собираніи и переработкѣ матеріала, въ прозѣ и въ стихосложеніи принадлежали къ вещамъ, неизбѣжно предполагавшимся школою. Въ настоящее время древніе языки настолько стѣснены, что въ этой области негдѣ уже развернуться свободной, произвольной дѣятельности ученика. Къ тому же, многіе изъ воспитанниковъ—тѣ, напримѣръ, которые готовятся идти въ медики или въ техники—очень заблаговременно уже соображаютъ, что знаніе классической древности имъ собственно ни зачѣмъ не требуется, и что въ дальнѣйшей ихъ научной и практической карьерѣ отъ степени ихъ совершенства въ латинскомъ и греческомъ ровно ничего не зависитъ. Однако, въ гимназіи и на экзаменѣ зрѣлости у древнихъ языковъ оказывается достаточно вѣса, чтобы не давать воспитаннику возможности увлекаться другими занятіями, къ которымъ у него оказывается особый вкусъ. Задумай современный гимназистъ налечь на математику, на естественныя науки или на новую литературу въ ущербъ занятіямъ древними языками, какъ въ старой Пфортѣ ученики налегали на классиковъ въ ущербъ всѣмъ прочимъ учебнымъ предметамъ, и онъ не только не получитъ похвалы за свое рвеніе, но въ скорѣйшемъ времени дождется замѣчанія, что гимназія прежде всего требуетъ полной исправности въ занятіяхъ всѣми предметами ея курса, особенно же древними языками: только praestitis praestandis имѣетъ гимназистъ право слѣдовать въ выборѣ занятій личному вкусу. Раньше дѣло было наоборотъ: въ школѣ тоже полагалось учиться и математикѣ, и французскому языку, и географіи, и исторіи; но разъ воспитанникъ пренебрегалъ этими вещами изъ-за своей любви къ классикамъ, то школа охотно соглашалась смотрѣть на это сквозь пальцы.

Такимъ-то путемъ утраквизмъ привелъ къ стѣсненію свободы и самодѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ источникомъ переутомленія. Нельзя же объяснять случайностью, что на протяженіи всего XIX вѣка

жалобы на переутомленіе слѣдуютъ за утраквизмомъ, какъ тѣнь за тѣломъ. Начиная съ Альтенштейна-Шульце, каждое прусское министерство должно было заниматься вопросомъ о переутомленіи: онъ поднимался въ 1837 году при Альтенштейнѣ, въ 1854 при Раумерѣ, въ 1875 при Фалькѣ, въ 1882 при Госслерѣ. И то же самое стало твориться въ Австріи съ тѣхъ поръ, какъ она при Тунѣ-Боницѣ перешла на нашъ гимназическій строй. Всякій слѣдующій министръ свидѣтельствуетъ, что предшественнику его не удалось справиться съ этимъ зломъ; но источникъ зла для него оказывается тамъ же, гдѣ для предшественника. Всѣ министры единодушно утверждали, что дѣло обусловливается не самимъ школьнымъ строемъ, а разными внѣшними обстоятельствами—переполненіемъ классовъ и притомъ часто неподходящими учениками, неумѣлостью или чрезмѣрной ретивостью учителей и т. п., и что въ учебныхъ планахъ немыслимо сдѣлать какія-нибудь существенныя измѣненія. И каждый изъ министровъ неизмѣнно кончалъ воззваніемъ къ учителямъ, требуя, чтобы они ввели въ свое преподаваніе лучшіе методы и разныя другія хорошія вещи, въ изобиліи изобрѣтавшіяся въ министерствѣ, и тѣмъ поставили школу на настоящій путь.

Мнѣ кажется, пора было бы убѣдиться по вѣковому почти опыту, что корень зла заключается не въ случайныхъ обстоятельствахъ, но въ самомъ строѣ нашей школы. Да заключайся зло даже въ такихъ обстоятельствахъ, какъ личные недостатки учениковъ и учителей, то все же пора было бы уразумѣть, что съ подобнаго рода недостатками необходимо считаться, что строй образованія надо пригонять не къ идеальнымъ преподавателямъ и безукоризненнымъ воспитанникамъ, а къ среднему уровню живыхъ людей: программу измѣнить не хитрость, а природы человѣческой не передѣлаешь. Не слѣдуетъ пренебрегать при этомъ и такого рода соображеніемъ: лучше давать такія предписанія, чтобы сильнѣйшіе могли свободно выступать за ихъ уровень; худо, если для большинства законныя требованія оказываются недостижимою вещью. А развѣ у насъ въ гимназіи именно этотъ второй случай и не превратился въ общее правило? О чемъ идетъ рѣчь въ программѣ нашего экзамена зрѣлости? О томъ, что намъ было бы желательно, или о томъ, что дѣйствительно пріобрѣтается въ гимназіи учениками средняго уровня? И не приходится ли признать, что мы здѣсь совсѣмъ отвыкли отъ искренности? А развѣ съ переходными испытаніями дѣло обстоитъ много иначе, чѣмъ съ экзаменомъ зрѣлости? Для школьнаго управленія было бы не трудно собрать статистическія данныя по слѣдующимъ двумъ вопросамъ: 1) какой процентъ учениковъ остается въ различныхъ классахъ на второй годъ? и 2) какой процентъ учениковъ прибѣгаетъ къ помощи репетиторовъ? Едва ли одной десятой части удается пройти гимназію, не оставшись ни въ одномъ классѣ А сколько народа остается по два, по три и по четыре раза. И едва ли

десятая часть гимназистовъ обходится безъ репетиторовъ. Въ старыхъ школахъ особенно одаренные и прилежные юноши зачастую перепрыгивали черезъ тотъ или другой классъ; теперь гимназическій курсъ такъ построенъ, что это оказывается почти немыслимымъ. Я вполнѣ отдаю себѣ отчетъ, какъ трудно гимназіи допускать подобную вещь, я знаю и то, что воспитанники часто остаются на второй годъ по чисто случайнымъ обстоятельствамъ, по болѣзни, по поводу перемѣны учебнаго заведенія и т. п. Но даже и при такихъ обстоятельствахъ, а тѣмъ паче при иныхъ, оставленіе на второй годъ и занятія съ репетиторами неизбѣжно заставляютъ ученика томиться въ школѣ.

Я подведу теперь итоги всему сказанному. Я не могу вѣрить, чтобы не наступилъ наконецъ день, когда наше общество узнаетъ или, точнѣе говоря, признаетъ истинное положеніе дѣлъ и рѣшится сдѣлать изъ него логическій выводъ. Выводъ же этотъ прозвучитъ такъ: нѣтъ возможности требовать отъ средняго уровня воспитанниковъ двухъ вещей сразу—культуры духа на изученіи классической древности и знакомства съ жизнью новыхъ народовъ и съ точными науками. И въ этотъ день общество увидитъ и дастъ себѣ ясный отчетъ также въ томъ, что большинство юношей, даже изъ числа тѣхъ, которые готовятся къ поступленію въ высшія школы, много легче могутъ обойтись безъ такъ называемаго классическаго образованія, чѣмъ безъ солидной подготовки по новымъ языкамъ и по точнымъ наукамъ. Для массы молодежи нужна обращенная къ современности, новая гимназія. Небольшой кругъ воспитанниковъ можетъ остаться при этомъ и за классической гимназіей, которая освободится тогда отъ чуждыхъ ей задачъ и будетъ давать руководство къ глубокимъ, а потому плодотворнымъ занятіямъ въ области классической древности. Къ этой вещи я отнюдь не думаю относиться пренебрежительно. Напротивъ, мнѣ кажется, что и въ наше время не найдено еще другой области знанія, гдѣ ученика было бы такъ легко пріучить къ относительно самостоятельной работѣ ученаго характера, какъ въ ограниченной и замкнутой области древней литературы. Но, конечно, въ двадцатомъ столѣтіи такого рода заведеніямъ будетъ приходиться трудно. Мы живемъ уже не въ тѣ блаженныя времена, когда нѣмецкій народъ, по выраженію Бисмарка, тянулъ къ Тюрингенскимъ горамъ; столица Германіи носитъ теперь имя Берлинъ а не Веймаръ; нашъ взоръ перебѣгаетъ за моря, народный интересъ сосредоточенъ не въ эстетикѣ и литературѣ, а на покореніи силъ природы и на завоеваніи земного шара. И это не можетъ оставаться безъ вліянія на строй мыслей и интересовъ нашей молодежи. Слѣдуетъ объ этомъ жалѣть? и если бы мы стали жалѣть, то какая въ томъ польза? «Духъ идѣже хощетъ дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ и камо идетъ». Школа не въ силахъ создавать духовныя теченія, а если такъ, то ей остается только сообразоваться съ ними.

Н. Сперанскій.

ИЗЪ „ПѢСЕНЪ О ВЕСНѢ".

Таетъ снѣгъ — и солнце ярко
Блещетъ въ полдень надъ полями;
Въ блескѣ солнца влажный вѣтеръ
По лѣсамъ — полямъ гуляетъ.

Но поля еще пустынны,
Но лѣса еще безмолвны,
Только сосны, точно арфы,
Напѣваютъ монотонно.

И подъ ихъ напѣвъ неясный,
Въ заповѣдныхъ чащахъ бора,
Сладко спитъ Весна-Царевна
Въ бѣлоснѣжномъ саркофагѣ.

Вѣтерокъ ее ласкаетъ,
Пригрѣваетъ солнце въ полдень,
Но, блѣдна и неподвижна,
Спитъ Царевна въ сладкихъ грезахъ.

Спитъ,—а скоро ужъ въ долинахъ
Солнце бѣлый снѣгъ растопитъ —
И пойдутъ гулять потоки
По оврагамъ и долинамъ,

Налетятъ лѣсныя птицы,
Зашумятъ грачи — и съ ними
Оживутъ, зазеленѣютъ,
Зацвѣтутъ лѣса и рощи.

И придетъ Апрѣль-красавецъ
Изъ заморскихъ странъ далекихъ —
По-утру, когда въ долинахъ
Таютъ синіе туманы,

По-утру, когда отъ солнца
Пахнетъ лѣсъ зеленой хвоей,
Пахнетъ теплою землею
И весенними цвѣтами, —

И съ улыбкой онъ склонится
Надъ Царевною безмолвной,
И прильнетъ къ устамъ Царевны
Крѣпко жаркими устами, —

И она въ испугѣ вздрогнетъ,
Разомкнетъ рѣсницы быстро,
Глянетъ... вспыхнетъ... И улыбкой
Озаритъ весь міръ влюбленный!

Ив. Бунинъ.

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Продолженіе) *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX.

Выйдя отъ Спонтанѣевыхъ, Владиміръ Николаевичъ взялъ не налѣво, какъ слѣдовало бы, а повернулъ направо. Онъ самъ не зналъ, почему это сдѣлалъ, и все шелъ и шелъ въ одномъ направленіи, пока не пришлось повернуть, чтобъ попасть съ Офицерской на Казанскую улицу. Тутъ онъ остановился и спросилъ себя: „Зачѣмъ я сюда иду? Вѣдь мнѣ на Васильевскій черезъ Николаевскій мостъ“.

И онъ вдругъ понялъ, что теперь, въ эту минуту, въ этомъ состояніи, для него нѣтъ болѣе тяжелой вещи, какъ пойти домой.

Какъ пойти домой? Молчать и таить дольше то, что такъ всецѣло охватило его, онъ не можетъ. Да и права не имѣетъ послѣ того объясненія, которое было сейчасъ. Но что—право? Развѣ теперь можетъ быть разговоръ о правахъ? Развѣ онъ имѣетъ право чувствовать то, что чувствуетъ, желать того, чего желаетъ? О, вопросъ о правахъ человѣка въ этой области такъ запутанъ. Сотни лѣтъ люди старались разобраться въ немъ и все-таки онъ новъ, все-таки въ немъ всегда открываются какія-нибудь темныя, неизвѣстныя точки.

Тутъ не въ правахъ дѣло, а въ томъ, что онъ уже не съумѣетъ, не сможетъ молчать такъ, чтобы Вѣра не страдала отъ этого молчанія. Вѣдь она еще имѣетъ право подойти къ нему и приласкать его по прежнему, а что онъ отвѣтитъ ей на это? Какими словами? Какимъ взглядомъ? Гдѣ найти слова для этого?

Что скажетъ онъ, что? Ну, вотъ онъ представляетъ себѣ, что она стоитъ передъ нимъ и ея тревожный взглядъ спрашиваетъ у

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

него отвѣта на ея сомнѣнія. Пришла, значитъ, страшная минута. Онъ глядитъ на нее и не можетъ вымолвить слова. Нѣтъ силъ для выраженія всей той сложной бури, которая бушуетъ въ его груди.

О, какая это сказка, что любовь приноситъ одну только радость! Радость сіяетъ въ ней мимолетно, какъ молнія, а остальное такъ мрачно тяжело и—главное—такъ жестоко по отношенію къ другимъ, почти всегда невиннымъ и слабымъ.

Нѣтъ, онъ не можетъ пойти домой. Онъ не можетъ видѣть блѣдное, подавленное лицо Вѣры, послѣ того, какъ онъ произнесетъ свое жестокое признаніе. Онъ не пойдетъ домой.

И опять онъ шагаетъ уже по Казанской, по направленію къ Невскому. Куда идти? Ему нужно высказаться передъ кѣмъ-нибудь, онъ чувствуетъ это физически,—что собственныя ощущенія переполняютъ его грудь и вотъ точно ихъ надо отбавить, чтобы уменьшить тяжесть, передавъ кому-нибудь часть ихъ. Кому же?

И въ головѣ его мелькнуло: Скорбянскій, Матвѣй Ивановичъ. Ближе этого человѣка у него нѣтъ никого въ Петербургѣ. Ужъ не Вольтову, конечно, онъ откроетъ свою душу; тотъ ничего не пойметъ и прямо начнетъ рубить съ своей предвзятой еруслансвой точки зрѣнія. Но онъ знаетъ, что̀ можно сказать ему съ этой точки зрѣнія. Все знаетъ онъ. Да и со всѣхъ точекъ зрѣнія мало можно сказать утѣшительнаго. Скверно это, отвратительно, безчестно! Но что же онъ подѣлаетъ? Ахъ, къ чему эти размышленія...

Онъ сѣлъ въ конку и поѣхалъ къ концу Невскаго. По Знаменской онъ шелъ пѣшкомъ и вотъ ужъ онъ взбирается въ четвертый этажъ по довольно темной и неблаговонной лѣстницѣ, во дворѣ.

На двери никакой надписи. Скорбянскій не признаетъ этого. Онъ говоритъ: „Если бы у меня приличный чинъ былъ, тогда другое дѣло. Я и написалъ бы: „дѣйствительный статскій совѣтникъ Матвѣй Ивановичъ Скорбянскій“. А такъ, что же это, безъ чина? Я не признаю никакого безчинства“...

Онъ позвонилъ. За дверью слышался дѣтскій крикъ. Ему отперли. Это былъ самъ Скорбянскій.

— Голубчикъ! откуда тебя принесло?

Скорбянскій взялъ его за руку и втащилъ въ переднюю. Онъ прибавилъ, обращаясь куда-то въ темную глубину:

— Эй вы, мои скорбные потомки, Скорбянцы! Тише! Гость пришелъ, развѣ не видите? Надобно имѣть почтеніе къ гостю. Ну, раздѣвайся, идемъ въ кабинетъ! Жена, видишь ли, ушла на Щукинъ. Яблоки покупать, мариновать ихъ, что-ли, будетъ; такъ вотъ я въ роли гувернера состою. Ну, ничего, справляюсь. Да

ладно, кухарка за ними посмотритъ; не важность, если носы разобьютъ. Евлампія, посмотри-ка за дѣтьми! Ко мнѣ гость пришелъ.

Они вошли въ кабинетъ. Длинный диванъ, столъ, два-три стула и множество книгъ на полкахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ,—въ этомъ состояло все украшеніе маленькой комнаты.

— По дѣлу или безъ онаго?—спросилъ Скорбянскій.

— Съ онымъ, только не съ дѣломъ!—мрачно отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Ну? Что же это за сортъ такой? Да и самъ ты какой-то необыкновенный. Даже въ глаза прямо не смотришь, точно преступленіе совершилъ. Ну, что? Человѣка убилъ, что ли?

Скорбянскій говорилъ это шутя, но Владиміръ Николаевичъ при послѣднихъ словахъ задрожалъ и порывисто закрылъ лицо руками.

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ ты близокъ къ правдѣ! Еслибъ ты зналъ, Матвѣй!—И въ голосѣ его послышались слезы.

Матвѣй Ивановичъ быстро подбѣжалъ къ одной, потомъ къ другой двери и плотно притворилъ ихъ.

— Да въ чемъ же дѣло? Что такое случилось? Да ну же, не будь бабой! Экій ты какой! Слабострунная ты арфа! Говори!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не могу сказать! Не въ силахъ... Не тебѣ, не тебѣ, а тому, кому нужно... Тебѣ еще, пожалуй, скажу...

— Ну, вотъ и вали! Мнѣ, конечно, можно все сказать. Вѣдь я беллетристикъ, это все равно, что духовникъ. И его, и моя спеціальность—психологія. Онъ никому не скажетъ, кромѣ Бога, а я никому, кромѣ почтеннѣйшей публики!

— Ахъ, Матвѣй, ты все шутишь, а мнѣ такъ тяжко! Да вѣдь говорю тебѣ, что близко къ этому, понимаешь?..

— Да кто же этотъ человѣкъ? Злодѣй онъ или невинная жертва?

— Кто? Я скажу, кто. Только ты отъ меня шарахнешься въ сторону. Кто? кто? Это—Вѣра...

— Вѣра Петровна?

— Да, да. Вѣра, моя жена. Бѣдняжка Вѣра...

— Гм... Вотъ оно что!.. Какъ беллетристъ, я долженъ предположить тутъ любовную исторію...

— А, да не говори ты такимъ шутовскимъ тономъ!

— Ха! Ну, народъ тоже... Надѣлаетъ гадостей и требуетъ, чтобъ имъ про эти гадости декламировали. Не все ли равно, какимъ тономъ говорить? Все равно, скверность, братецъ ты мой! Скверность!.. Ну, да ты вѣдь и самъ это знаешь... Такъ, такъ. Значитъ, аморозо... Ну, я думаю, что у меня хватитъ психологической проницательности, чтобы не заставлять тебя изъясняться.

Я тебѣ самъ разскажу. Твоя Дульцинея—блестящая, высокообразованная, многоученая, тысячеглавая... то бишь—тысячеталантная инфанта, Вѣра Поликарповна Спонтанѣева!

— Если ты будешь продолжать такимъ тономъ, я уйду и больше ничего не скажу.

— Нѣтъ, не уйдешь... На мой тонъ не обращай вниманія, душа моя. Говорятъ, тонъ дѣлаетъ музыку, но это къ данному случаю не относится, потому что эта музыка у васъ уже сдѣлана... А какого тона ты отъ меня ждешь? Лирическаго? Ну, нѣтъ, братъ, что тамъ ни говори, какъ ни сердись, а я тебѣ прямо скажу, что твой предметъ мнѣ не нравится, то-есть, не вообще, не сама по себѣ,—сама по себѣ она довольно мила, привѣтлива, умна и прочее, вообще пріятна, что̀ ты и оцѣнилъ... А все-таки я ее ненавижу. Ненавижу за то, что она направляетъ свои стрѣлы, говоря воинскимъ языкомъ, не въ крѣпость, а въ лазаретъ. Ты понимаешь? Красный крестъ, братъ, выставленъ: жена, дѣти! Значитъ, нельзя стрѣлять, а она все-таки стрѣляетъ, да какъ стрѣляетъ! Картечью, братъ! Ты думаешь, за ужиномъ я ничего не замѣтилъ? Я былъ пьянъ? Какъ бы не такъ! Я никогда не бываю на столько пьянъ, чтобы не замѣчать интересныхъ вещей. И я отлично понялъ вашъ разговоръ якобы про какой-то романъ... Я понялъ, что это былъ вашъ романъ. То-есть, я тогда догадывался, или, лучше скзать, ушамъ своимъ не вѣрилъ. А теперь приходится имъ вѣрить. Ну, ладно! Ты не смотри на меня, какъ на врага. Я понимаю, ты пришелъ ко мнѣ облегчить душу, а я тебя терзаю... Ну, вотъ, я высказалъ свой взглядъ, а теперь терзать не буду; напротивъ, постараюсь пролить бальзамъ на твою раненую душу... Ну-съ, что жъ намъ дѣлать? Глубоко это засѣло?

— Да. Очень глубоко! Безповоротно!

— Э, голубчикъ, Владиміръ Николаевичъ, не говори ты этого хоть мнѣ. У меня не даромъ лысая голова; я, братъ, тоже не лыкомъ шитъ и не изъ пробочнаго дерева сдѣланъ. Женатъ я двадцать лѣтъ. И супруга моя ненаглядная, самъ знаешь, особыми прелестями наружными не отличается; и полагаешь ты, что я никогда не впадалъ въ искушеніе? Впадалъ, братъ, впадалъ, и очень даже. Однажды такъ меня лукавый попуталъ, что я началъ головой объ стѣну биться, и это не метафорически, а по настоящему. Стану около стѣнки и стучу, какъ тетеревъ въ дупло. Только продѣлывалъ я это въ своей комнатѣ и стѣнку для этого выбиралъ внѣшнюю, котораи на лѣстницу выходитъ, чтобы никто не услышалъ. Очень мнѣ соблазнительно было начать новую жизнь! Новая жизнь, это, братецъ ты мой, больше всего означаетъ — свѣжее женское тѣло... Не сердись, голубчикъ. Ты влюбленъ и потому думаешь иначе, а я не влюбленъ и потому тоже думаю

иначе. И такимъ образомъ, біясь головой объ стѣну, подумалъ я себѣ: ну, хорошо! Отдамся я этому новому теченію и буду блаженствовать, а моя жена въ это время будетъ оскорблена и страдать будетъ. А потомъ сіе теплое теченіе остынетъ—ибо все теплое остываетъ, мой другъ,—и мнѣ тогда будетъ стыдно, а ей больно. А еще: какъ же я въ семъ состояніи блаженства буду моимъ дѣтямъ въ глаза смотрѣть? Вѣдь мать-то они любятъ и выше всего ставятъ на свѣтѣ; а я взялъ да другую особу того же самаго пола выше всего поставилъ! А? Эхъ, да однимъ словомъ, взялъ я да и вырубилъ топоромъ изъ сердца это новое чувство и вновь свою жену полюбилъ.

— Я не могу этого сдѣлать.

— Развѣ пробовалъ?

— Да, пробовалъ... Ты меня не поучай, Матвѣй. Я самъ все хорошо знаю. Знаю, насколько я тутъ неправъ. Ты скажи, какъ быть?

Скорбянскій началъ сердито ходить по комнатѣ, потомъ подошелъ къ двери, пріотворилъ ее и крикнулъ дѣтямъ, хотя они вели себя довольно хорошо.

— Тише, вы! Дурачье вы этакое!

И опять сердито захлопнулъ дверь. Помолчавъ съ минуту, онъ заговорилъ:

— Въ такомъ случаѣ изъ двухъ гадостей надо выбирать болѣе честную, если только гадость можетъ быть честною!

— То-есть?

— Ты скажи прямо все Вѣрѣ Петровнѣ.

— Да вѣдь не могу я этого!

— Какъ? И этого не можешь? Такъ что же ты за слизь такая и за что же тебя дѣвицы любятъ? Да ты постой. Ты что же задумалъ: совсѣмъ покончить здѣсь и начать тамъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Боже сохрани! Никогда этого не будетъ.

— Никогда? Ты увѣренъ въ этомъ?

— Никогда!

— Гм... Мудреная штука! Такъ ты, значитъ, на два фронта желаешь жить?

— Что за глупости ты говоришь, Матвѣй Ивановичъ! Я не могу оставить Вѣру и дѣтей; пойми ты это; и не могу безъ... Ну, ты понимаешь... Я хочу Вѣрѣ сказать все, но у меня языкъ не повернется!

— Во-первыхъ, языкъ всегда повернуть можно. Это не Колоссъ Родосскій, чортъ возьми! А во-вторыхъ, если ты не хочешь покидать ихъ, такъ зачѣмъ же говорить?

— Какъ зачѣмъ? Ты хочешь, чтобъ я лгалъ?

— Да, хочу, чтобъ ты лгалъ...

— Лгать каждую минуту, каждымъ словомъ, взглядомъ, движеніемъ? Да развѣ это возможно?

— Постой. А бить человѣка по головѣ каждую минуту, каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ, это лучше, человѣчнѣе? Да, лгать тяжело, очень тяжело, когда передъ тобой человѣкъ невинный и хорошій и ты его уважаешь. Но что же изъ того, что тяжело? Неси тяжесть. Лги, лги на каждомъ шагу, лги, пока не задохнешься отъ этой лжи, потому что ты самъ виноватъ въ этомъ. Но лги умѣючи, умно, толково лги, чтобы какая-нибудь ничтожная оплошность не выдала тебя; а если выдастъ, то еще хуже, еще больнѣе будетъ. Тогда оскорбленіе будетъ въ милліонъ разъ больше. И если такъ не можешь лгать, тогда не берись, потому что лгать, какъ слѣдуетъ, добросовѣстно лгать, то-есть, ложью оберегать человѣка ота страшной правды, это—трудная задача. Ахъ, чортъ тебя возьми!—Съ величайшей экспрессіей воскликнулъ Матвѣй Ивановичъ и бросилъ окурокъ папиросы въ уголъ, какъ будто это именно онъ былъ во всемъ виноватъ. Потомъ онъ сѣлъ за столъ, подперъ голову руками и замолчалъ.

Тогда поднялся съ дивана Владиміръ Ниыолаевичъ и началъ ходить въ томъ самомъ направленіи, какъ ходилъ только что Скорбянскій. Но шаги его были медленны, тяжелы, какъ у человѣка, подавленнаго трудными мыслями. Онъ заговорилъ:

— Послушай... Все то, что ты говорилъ... Я понимаю, что ты иначе не могъ говорить. Все это вѣрно, когда дѣло идетъ о явленіи обычномъ. Ну, какъ тебѣ сказать? шаблонномъ... Но здѣсь совсѣмъ не то...

— А что же здѣсь?—спросилъ Скорбянскій, уже заранѣе приготовивъ саркастическую усмѣшку.

— Здѣсь не то... Обыкновенно любовь зиждется на страсти и люди стремятся во что бы то ни стало къ физической близости.

— А вы, какъ ангелы, будете довольствоваться нравственнымъ созерцаніемъ другъ друга издалека?

— Перестань язвить, Матвѣй! Сравненіе съ ангелами здѣсь не годится. Но вѣрно то, что она отъ меня ничего не требуетъ. Она даже сама потребовала, чтобы я ни въ какомъ случаѣ не разставался съ женой и дѣтьми. Она этого потребовала, ты понимаешь?

— Весьма благородно. И какъ въ самомъ дѣлѣ не оцѣнить этотъ великодушный поступокъ! Но это, братецъ ты мой, такое же великодушіе, какъ если бы я поймалъ пѣтуха, общипалъ ему до чиста перья и пустилъ бы его бѣгать по двору... Ну, а скажи, пожалуйста, ты, когда сидишь близъ нея, или обнимаешь ее, не чувствуешь усиленнаго біенія сердца? кровь не приливаетъ къ головѣ, не стучитъ въ вискахъ? ты не дрожишь весь отъ томленія

страсти? А она не блѣднѣетъ? Глаза ея не загораются огненнымъ блескомъ? Ея дыханіе не учащается? А, да что тутъ перечислять? Вникни, загляни въ глубину своего ощущенія и отвѣть попросту, безъ поэтическаго жеманства: въ основѣ твоего влеченія развѣ не лежитъ инстинктивное желаніе обладать ею, какъ женщиной, обладать всею, безраздѣльно? Ну, что, братъ, замолкъ? Э, брось это... Я могъ бы тебѣ развести всю эту канитель, разсказать все, какъ было... Сколько ни поэтизируй, ни идеализируй, а когда дѣйствующими лицами поэмы являются мужчина и женщина, когда они оба молоды и красивы, то всегда въ основѣ основъ лежитъ страсть, желаніе послѣдней степени близости, вотъ и все. И ты не младенецъ, чтобы обманывать себя такими ахинеями! Правда?

— Да, можетъ быть, ты правъ.

— То-то и оно. Ну, что жъ, давай думать.

Они опять замолчали, но не на долго.

— Знаешь что?—сказалъ Скорбянскій, — Я думаю, что тебѣ слѣдуетъ дня на три—на четыре уѣхать.

— Уѣхать!—повторилъ Владиміръ Николаевичъ и вдругъ почувствовалъ какъ бы постепенно увеличивающійся приливъ какого-то чувства облегченія. „Уѣхать, да, уѣхать...“ И онъ уже обѣими руками цѣплялся за этотъ исходъ, цѣплялся, какъ человѣкъ съ слабымъ характеромъ, не знающій вовсе, чѣмъ и почему это можетъ облегчить общее положеніе.

Да, уѣхать на три дня, на три дня удалиться, надѣясь на какую-то невѣдомую подготовку и притомъ не видѣть, не слышать, не быть при томъ, какъ кто-то будетъ тихо стонать отъ неясной, еще только подступающей, боли... Для слабохарактернаго человѣка это уже исходъ, это уже спасеніе.

— Да, да, это хорошо!—почти бодро сказалъ онъ.—Я сегоднѣ же уѣду. Ты мнѣ устрой какъ-нибудь... Что-нибудь выдумай... Я самъ теперь не въ состояніи ничего выдумать; у меня голова не работаетъ.

— Слабая у тебя голова, мой другъ. Ну, что жъ, пойдемъ... Я, знаешь, планирую, точно романъ пишу. Я воображаю, что ты герой моего романа, а я второстепенный персонажъ. Вѣдь вотъ курьезное мозговое явленіе: въ жизни я часто становлюсь втупикъ. Въ рѣшительную минуту иной разъ бываю въ большомъ затрудненіи, какъ поступить; или пріятель совѣта спрашиваетъ, а ты никакъ въ толкъ не возьмешь, ничего не придумаешь. Но стоитъ только вообразить, что все это въ романѣ,—откуда является изобрѣтательность... Сейчасъ все идетъ правильно, какъ слѣдуетъ, одно изъ другого вытекаетъ, сейчасъ является какая-то необходимая, неизбѣжная и безошибочная логика событій. Ну, и въ семъ случаѣ я въ романѣ такъ поступилъ бы... Второстепенный

персонажъ пошелъ бы одинъ впередъ и навралъ бы, что, молъ, ищетъ тебя. Что прекрасный случай, экскурсія, молъ, на Иматру, на этюды и такъ далѣе, и что, молъ, этотъ случай тебѣ пропустить никакъ нельзя; а потомъ ты пришелъ бы, герой, и тебѣ это какъ бы вновѣ... Понимаешь? Ну, а что дальше, этого не знаю, да и не твое это дѣло. Понялъ?

— Понялъ...

— Ну, такъ идемъ. Мы поѣдемъ вмѣстѣ; а улицы за три до дому ты сойдешь и поплетешься пѣшкомъ и потому придешь позже. Ахъ, и скоты же вы, господа такъ называемые добрые малые, порядочные люди! Удивительные вы скоты!

Они одѣвались. Скорбянскій сказалъ кухаркѣ.—Обѣдать дома не буду, не ждите!—И они вышли на улицу.

XI.

Они довольно долго ѣхали молча. Скорбянскій былъ угрюмъ. Онъ только сердито отплевывался и понукалъ кучера, чтобъ тотъ ѣхалъ скорѣе, хотя, повидимому, не было никакой надобности спѣшить.

Было пять часовъ. Они разсчитывали поспѣть къ обѣду. Владиміръ Николаевичъ не замѣчалъ ни дороги, ни даже своего сосѣда. Онъ весь ушелъ въ себя и мысленно переживалъ событія, которыя надвигались надъ нимъ. Онъ чувствовалъ только одно,— что не въ силахъ предотвратить ихъ.

Онъ вспоминалъ разсказъ Скорбянскаго о томъ, какъ онъ побѣдилъ себя, изгнавъ изъ своего сердца новое чувство и остался вѣренъ своей женѣ, и думалъ: „Должно быть, это было не то. Да и едва ли Матвей съ его постоянной склонностью къ разсудочности могъ быть глубоко захваченъ какимъ-нибудь чувствомъ. Нѣтъ, конечно это было не то“.

Онъ старался заставить себя внутренно пережить какъ бы *пробу* и представлялъ, что онъ рѣшился на тоже, рѣшился отказаться отъ новаго чувства, вырѣзать его изъ сердца и забыть о немъ. Но чувствовалъ, что у него для этого нѣтъ силъ, что эта операція причинила бы такую боль, отъ которой онъ умеръ бы.

И они ѣхали молча до Николаевскаго моста. Тутъ Скорбянскій, наконецъ, заговорилъ:

— Вѣдь вотъ, я тебѣ скажу, проклятое наше ремесло. Вѣдь, кажется, человѣкъ ты мнѣ близкій и Вѣра Петровна тоже и драма надъ вами виситъ настоящая, а, можетъ, и трагедія; а не могу отдѣлаться отъ точки зрѣнія бытописателя, и смотрю, точно на сценѣ. И, правда, похоже это. Ты играешь героическую роль— не безпокойся, бываютъ и тряпки героями — а я комическую, добродушнаго комика-простака. Эти комики-простаки обыкновенно вмѣшиваются не въ свое дѣло. Боюсь, какъ бы и я тутъ не ока-

зался въ такой роли. Да ты не тревожься, я не откажусь. Ты меня не слушаешь? Эй, Вольдемаръ!—Онъ толкнулъ его въ бокъ:—ты еще живъ или уже переселился въ міръ грезъ окончательно?

Бертышевъ въ самомъ дѣлѣ не слышалъ ничего изъ того, что онъ говорилъ. И только теперь очнулся.

— Что? Мнѣ пора сойти?

— Нѣтъ, еще улицъ пять можно проѣхать вмѣстѣ.

Они проѣхали еще нѣкоторое пространство; затѣмъ Скорбянскій остановилъ извозчика.

— Слѣзай, братъ, начну великую камедь ломать! Но ничего, не бойся. Помнишь, какъ поется въ „Гугенотахъ“: „Надѣйся на друзей“. Это поется обыкновенно плохимъ басомъ. Но вотъ и я то же самое тебѣ спою: „надѣйся на друзей“.

Владиміръ Николаевичъ сошелъ съ извозчика и тихо пошелъ по тротуару, а Скорбянскій, энергически поощряя возницу, поѣхалъ впередъ.

Когда онъ вошелъ въ квартиру Бертышева то прежде всего самымъ правдоподобнымъ тономъ спросилъ:

— А Вольдемара развѣ нѣтъ?

— Нѣтъ, онъ еще не приходилъ! — отвѣтила Вѣра Николаевна.

Онъ взглянулъ ей въ лицо и сразу замѣтилъ, что у нея глаза чрезвычайно печальны.

— Онъ вамъ нуженъ?—спросила она.

— Да, хотя собственно не длч меня, а для него же. Тутъ, видите ли, компанія такая подобралась изъ ихняго брата, изъ художниковъ. На Иматру ѣдутъ, на этюды. Такъ, всего дня на два. А я знаю, что ему это не вредно будетъ. Онъ картину задумалъ, такъ ему зимній видецъ пригодился бы....

— Но у него работа!—возразила Вѣра Петровна.

— Ничего, работа подождетъ... Вѣдь случай рѣдкій ѣхать въ такой хорошей компаніи...

— Когда же ѣхать надо?

— А скоро. Сегодня въ семь часовъ отъѣзжаютъ, надо бы поторопиться. А вы что же, скуки боитесь?

— Нѣтъ, я ничего не боюсь!—какимъ-то въ самомъ дѣлѣ индиферентнымъ тономъ отвѣтила Вѣра Петровна.

— Э, ничего, я буду развлекать васъ, и сегодня, и завтра приду. Вѣдь вамъ извѣстно, Вѣра Петровна, что я питаю къ вамъ самыя нѣжныя чувства.

Въ это время раздался звонокъ и вошелъ Владиміръ Николаевичъ. Вѣра Петровна взгляиула на него.

— Отчего ты такой блѣдный?—спросила она.—Ты нездоровъ? У тебя голова болитъ?

— О, нѣтъ, я совершенно здоровъ!—отвѣтилъ Бертышевъ.

Онъ смотрѣлъ въ сторону и часто вздыхалъ. Скорбянскій сейчасъ же принялся объяснять ему про поѣздку.

— Этюды?— какъ-то машинально спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Да, къ твоей картинѣ, что ты задумалъ... Помнишь, ты мнѣ говорилъ?.. Очень подходятъ...

— А, да, да... Къ картинѣ... Да, это подходитъ.

— Ну и пользуйся...

— Да, я поѣду... Конечно...

— Ты такъ скоро рѣшаешься, Владиміръ? — спросила Вѣра Петровна.

— А что же? Развѣ тутъ есть что-нибудь страшное?

— А портреты твои? Вѣдь ты пишешь два портрета.

— Я заѣду, скажу... Ничего...

— А краски высохнутъ...

— Э, промочить ихъ можно! — сказалъ Скорбянскій. — Давайте же поскорѣе ему пообѣдать.

— Хорошо,— промолвила Вѣра Петровна и отправилась въ столовую.

— А на долго?—спросила она оттуда.

— Дня нà два, а то и на три!—объяснилъ Скорбянскій.

Они сѣли за столъ. За обѣдомъ Скорбянскій говорилъ безъ умолку, очевидно, стараясь, чтобы не было ни одной минуты молчанія.

— Представьте, какіе бываютъ романы!—говорилъ онъ и началъ многословно разсказывать содержаніе какого-то глупаго романа, который будто бы прочиталъ, а, можетъ быть, только что сочинилъ.

Обѣдъ кончился въ половинѣ пятаго.

— Ну, торопись, Вольдемаръ,—говорилъ Скорбянскій,—вѣдь тебѣ надо заѣхать къ Спонтанѣевымъ, да и вокзалъ за сто верстъ отсюда... А я ужъ позабочусь о томъ, чтобы твоя жена не скучала.

Владиміръ Николаевичъ машинально одѣвался, машинально поцѣловалъ дѣтей и жену и ушелъ. Онъ думалъ, что свѣжій воздухъ и одиночество на улицѣ облегчатъ его, но тяжесть, которую онъ испытывалъ, все выростала.

Онъ сѣлъ на извозчика и хотѣлъ ѣхать къ Спонтанѣевымъ, но раздумалъ. Нѣтъ, онъ рѣшилъ ѣхать прямо на вокзалъ, тамъ написать записку и отослать Вѣрѣ Поликарповнѣ.

Онъ до того былъ погруженъ въ свои ощущенія, что не замѣтилъ, какъ прошла длинная дорога до вокзала. Тутъ онъ зашелъ въ буфетъ, потребовалъ себѣ чернилъ и бумаги и написалъ;

„Переживаю страшно тяжелое чувство. Уѣзжаю, чтобъ раз-

рядить атмосферу, которая невыносима. Черезъ два дня вернусь, тогда все будетъ готово и ясно. Бертышевъ".

Ему почему-то на этотъ разъ не хотѣлось прибавить ни одного слова, которое говорило бы объ ихъ отношеніяхъ. Ни нѣжнаго обращенія, ни какой-нибудь интимной подписи, ни какого бы то ни было напоминанія о ихъ близости, ничего этого ему не хотѣлось допустить въ этой запискѣ.

Онъ отыскалъ посыльнаго и отослалъ письмо. Онъ ходилъ по вокзалу взадъ и впередъ, совсѣмъ забывъ, что надо думать объ отъѣздѣ, о билетѣ. Онъ спросилъ, когда идетъ поѣздъ; ему сказали, что въ десять.

„Тѣмъ лучше",—подумалъ онъ.

Онъ опять сталъ ходить; обошелъ всѣ закоулки вокзала. Ему хотѣлось думать о картинахъ, о книгахъ, которыя онъ когда-либо читалъ, вообще о чемъ-нибудь постороннемъ; но всѣ эти темы оказывались негодными и мозгъ его сосредоточивался на послѣднихъ событіяхъ его жизни.

Онъ представлялъ себѣ, что тамъ, дома, Скорбянскій уже старается осуществить свою миссію; онъ виляетъ и пробуетъ почву. Для него было совершенно ясно, какіе пріемы пуститъ въ ходъ Матвѣй Ивановичъ. Онъ разсказываетъ какой-нибудь сюжетъ или содержаніе книги, подходящее къ случаю. Потомъ отъ этого переходитъ осторожно къ цѣли. Онъ говоритъ: „Ну, что, если бы вамъ пришлось быть въ такомъ положеніи"? Вѣра блѣднѣетъ. Она припоминаетъ тотъ холодъ, какимъ вѣяло отъ ихъ разговоровъ въ послѣдніе дни. Тогда Скорбянскій поспѣшно идетъ назадъ, говоритъ, что пошутилъ, но опять подводитъ разговоръ, опять пробуетъ, снова пятится и такъ безъ конца. Онъ страшно мучаетъ ее. Онъ сегодня только измучитъ ее, а завтра опять будетъ мучить и, наконецъ, скажетъ. Это называется „подготовлять почву".

— Что за дикая жестокость!.. Какъ онъ могъ согласиться на эту операцію? Зачѣмъ онъ уѣхалъ изъ дому? Что за слабодушіе? Къ чему эта ложь? Развѣ къ такой вещи можно подготовить человѣка? Сколько ни подготовляй, все равно, это будетъ ножъ, всаженный въ сердце.

Который часъ? Половина девятаго. Но онъ все-таки ходитъ по вокзалу. Въ немъ точно скована воля, онъ не можетъ ни на что рѣшиться.

Пробило девять, прошло еще полчаса, публика начала брать билеты. Онъ машинально сталъ у кассы, въ хвостъ, и потихоньку подвигался вмѣстѣ съ другими.

Было безъ четверти десять. Сейчасъ должна была наступить

его очередь. Вдругъ онъ оставилъ свое мѣсто и какъ-то особенно рѣшительно отошелъ въ сторону.

— Слушайте, господинъ, вы потеряете очередь!—сказалъ ему военный человѣкъ, стоявшій позади его.

Онъ махнулъ рукой.

— Мнѣ не надо.

На него посмотрѣли, какъ на сумасшедшаго. Но онъ уже не разсуждалъ. Онъ только чувствовалъ, что совершается что-то унизительное для него. Вопросъ такъ близко, такъ кровно касается его, а онъ посадилъ на свое мѣсто другого, какого-то говорильщика, который долженъ рыться чужими руками въ Вѣриной душѣ, разрыть этими руками рану, а затѣмъ придетъ онъ и вольетъ въ эту рану расплавленный свинецъ... Такъ ему все это представлялось.

И это онъ такъ поступаетъ съ Вѣрой, передъ которой до послѣдняго времени ничего никогда не скрывалъ, ни одного поступка, ни одного слова. За что же ее такъ оскорблять? Съ какой стати доводить до нея такую страшную вещь черезъ посредство третьяго лица, хотя бы и такого близкаго, какъ Скорбянскій? При чемъ тутъ близость? Ближе насъ самихъ къ намъ никого нѣтъ. Онъ не имѣлъ права дѣлать этого. Чего собственно онъ убоялся? Тяжести объясненія? Онъ не можетъ вынести упрековъ, слезъ? Но онъ долженъ все вынести, потому что она вынесетъ больше. Самая горшая часть выпадаетъ на ея долю. Долженъ, долженъ, хотя бы отъ этого пришлось...—долженъ!

— Надо торопиться. Можетъ быть, Скорбянскій еще не началъ своей „подготовки“.

Онъ сѣлъ на извозчика. Теперь уже и онъ понукалъ его, чтобъ ѣхалъ скорѣе. Часовъ въ одиннадцать онъ будетъ дома. Какая страшная ночь предстоитъ ему!

Поднялась вьюга. Онъ кутался въ воротникъ пальто и нахлобучивалъ шапку. Ноги у него озябли. Онъ сулилъ извощику прибавку; тотъ хлесталъ лошадь кнутомъ.

Вотъ и Васильевскій островъ. Тускло горятъ фонари. Вѣтеръ срываетъ съ мостовой кучи снѣга и несетъ его на другой конецъ улицы. Тоскливо, скверно кругомъ, а на душѣ еще хуже.

Вотъ послѣдняя улица, поворотъ. Онъ остановился и вошелъ во дворъ, потомъ поднялся наверхъ.

На лѣстницѣ было темно. Онъ зажегъ спичку, чтобъ разглядѣть свою дверь. Тутъ онъ остановился. Рука, протянутая къ звонку, дрогнула и опустилась. Онъ прислушался. Въ квартирѣ тишина.

— Неужели Вѣра спитъ? Вѣдь у него такое настроеніе, та-

кой „размахъ“ въ душѣ, что онъ не будетъ въ состояніи теперь молчать; онъ долженъ говорить, онъ долженъ сказать все.

Онъ вошелъ. Въ передней кухарка держала зажженную свѣчу; онъ снялъ пальто. Въ мастерской было темно, какъ и во всѣхъ остальныхъ комнатахъ. Онъ вошелъ туда. Кухарка удалилась.

— Зажги свѣчу, Вѣра,—сказалъ онъ.

— Не надо.

И въ ея голосѣ онъ уже почувствовалъ что-то страшное.

— Нѣтъ, зажги. Мнѣ какъ-то жутко...

— Хорошо.

Она пошла въ столовую и зажгла тамъ свѣчу. Онъ тоже направился туда.

— Слушай, Вѣра...—началъ было онъ, но остановилвя. Что-то сдавило ему горло.

— Почему ты не уѣхалъ?—спросила она.

— Такъ... Не могъ... Скорбянскій ушелъ?.. Что онъ сказалъ тебѣ?

— Онъ ничего не сказалъ... Но я знаю...

— Ты знаешь?

Онъ сѣлъ на стулъ, тяжело опустить голову на руки и зарыдалъ. Она подошла къ нему.

— Не плачь... Лучше разсудимъ...

— Ты можешь разсуждать, Вѣра?

— Да, могу... Я должна. Если одинъ изъ двухъ ребенокъ, то другой долженъ быть взрослый. Надо разсуждать... Если во-время не разсудить, можетъ рушиться домъ, а въ домѣ, кромѣ насъ съ тобой, три малютки. Ну, давай разсуждать... Что намъ дѣлать?..

— Вѣра! Вѣра! Какой я ничтожный! А ты — ты мнѣ кажешься такой большой... Ты страдаешь?

— О, не будемъ говорить объ этомъ...

Но достаточно ему было взглянуть въ ея лицо, чтобы понять, какую муку переживала она. Лицо это осунулось, опустилось, щеки были совершенно блѣдны. Она похудѣла за эти часы. Въ глазахъ стояло выраженіе муки.

— О чемъ же вамъ говорить, какъ не объ этомъ?—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ, — ты пойми, Вѣра, что я не хотѣлъ сдѣлать тебѣ больно. Вѣдь это приходитъ невѣдомо откуда, приходитъ, какъ могучій ураганъ, подхватитъ тебя и несетъ, несетъ невѣдомо куда...

— Да, да... Несетъ тебя одного! — промолвила Вѣра Петровна съ неподвижнымъ задумчивымъ взглядомъ, устремленнымъ не на него, а куда-то въ пространство.—Тебя одного несетъ могучій ураганъ, а тѣ, что̀ привязаны къ тебѣ, къ твоей жизни

веревками, которыхъ нельзя разорвать, бѣгутъ за тобой по землѣ, влекомые этимъ же ураганомъ, бѣгутъ, спотыкаясь и раня себѣ ноги объ острые камни... Нѣтъ, нѣтъ, это не то... я не хочу говорить объ этомъ. Я хочу говорить только о тебѣ. Да, Владиміръ, ты теперь слѣпъ... Тебя надо взять за руку и вести... Да, да!..

— Какъ ты можешь думать обо мнѣ, когда ты сама страдаешь?

— Могу... Не знаю какъ, но могу. Можетъ быть, это оттого, что я уже давно страдаю. Не думай, что я сегодня только узнала объ этомъ... Скорбянскій мучилъ меня долго, но напрасно онъ это дѣлалъ. Потомъ онъ началъ наводить меня на мысли... Какъ это было глупо!.. Я перебила его и сказала ему сама все. Онъ тоже удивился, какъ ты. Но это оттого, что вы не знаете женской души. То, что вамъ надо видѣть, чтобъ узнать, мы чувствуемъ, сами не зная, какъ; чувствуемъ на большихъ разстояніяхъ... Тончайшая дрожь въ голосѣ, малѣйшій блескъ въ глазахъ разсказываютъ намъ цѣлыя исторіи... Эти исторіи бсзъ словъ, безъ фактовъ, это только настроенія... Вотъ уже двѣ недѣли, какъ каждый день въ тѣ часы, когда ты уходилъ писать этотъ портретъ, у меня сердце ноетъ такъ тревожно, такъ мучительно... Да, тѣ часы, когда вы говорили другъ другу о вашей любви... Нѣтъ, нѣтъ, не пугайся этого... Ты боишься словъ... А для меня слова ничего не значатъ. Да, въ тѣ часы, когда вы говорили о вашей любви, я металась, я не находила себѣ мѣста; я чувствовала, что надо мной виситъ несчастье. А когда ты приходилъ домой, я въ твоихъ глазахъ находила подтвержденіе своей тревоги; и я все знала, все знала, Владиміръ. Я только не умѣла назвать это.

— Вѣра, что жъ намъ дѣлать?

— Скажи прежде, какъ вы безъ меня рѣшили этотъ вопросъ?

— Его не рѣшили.

— Нѣтъ? Вамъ было некогда?

— Нѣтъ, не то... Но развѣ можно рѣшить этотъ вопросъ безъ участія тѣхъ, кто имѣетъ на меня всѣ права, всѣ права...

— Какія тутъ права, Владиміръ? Какія права? Мы останемся съ своими правами, а ты будешь принадлежать другимъ...

— Нѣтъ, Вѣра, я принадлежу тебѣ и дѣтямъ...

— Что же это значитъ? Не то ли, что ты будешь работать и кормить насъ? О, да развѣ въ этомъ дѣло? Развѣ я сомнѣвалась въ этомъ хоть на минуту? Вѣдь ты порядочный человѣкъ, а для этого даже и порядочности немного надо. Надо только уважать самого себя.

— Но что жъ мнѣ дѣлать? Что жъ мнѣ дѣлать, Вѣра?

— Для меня ты ничего не можешь сдѣлать. Разъ это случилось, у меня взято все и ты уже даже отдать мнѣ не можешь...

Не можешь, если бы и хотѣлъ... Потому что то, что ты отдашь мнѣ, будетъ уже не то, что было... Но для дѣтей ты долженъ сдѣлать все... Я сказала: все. Ты долженъ жить съ нами всегда, всегда, что бы ни случилось, какъ бы далеко вы ни зашли. Ни для какого чувства я не пожертвую этимъ. Я могу перенести потерю мужа, но я не допущу, чтобы мои дѣти потеряли отца! Ты понимаешь это?

— Да, я понимаю.

— Нѣтъ, Владиміръ, ты не понимаешь. Ты долженъ знать, что мое самолюбіе подсказываетъ мнѣ разстаться съ тобой, уйти отъ тебя, но женщина всегда прежде всего мать, а потомъ уже жена, и я съумѣю задушить свое самолюбіе. То, что я говорю, жестоко, я это знаю. Я жестока, но я такою и останусь до конца. Ты долженъ дать мнѣ обѣщаніе, ты долженъ поклясться вотъ здѣсь, сейчасъ, поклясться жизнью нашихъ дѣтей, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не перестанешь жить съ нами. Да, я хочу, чтобъ мои дѣти росли въ здоровой нормальной обстановкѣ, чтобы у нихъ были мать и отецъ, чтобы они не раскрывали съ изумленіемъ глаза и не спрашивали: почему у другихъ есть отцы, а у насъ его нѣтъ? Почему у насъ раньше былъ отецъ, а теперь вдругъ не стало его? Я не хочу, чтобъ изъ нихъ вышли половинчатые люди. Я не допускаю даже, чтобъ ты дѣлилъ себя между ними и другими. Нѣтъ, какъ отецъ, ты долженъ весь безъ остатка принадлежать имъ. Постой, постой... Ты хочешь сказать, что могутъ быть и другія дѣти и что они тоже будутъ имѣть право на это? Нѣтъ, это неправда. Эти дѣти уже существуютъ, они существуютъ не по своей, а по твоей винѣ. Они уже не могутъ не существовать. А тѣ, ихъ еще нѣтъ и они могутъ не существовать, это въ твоей власти. И никакія возраженія, Владиміръ, никакія убѣжденія для меня не дѣйствительны. Я ихъ не приму. Если же ты не можешь дать мнѣ это обѣщаніе, то завтра я съ дѣтьми уйду отъ тебя и ты никогда, никогда въ жизни насъ не увидишь.

— Куда ты уйдешь?

— Почемъ я знаю? Я уйду туда, гдѣ навѣрно тебя не встрѣчу. Чѣмъ я буду жить? О, это все равно; но мы не пропадемъ... Я здорова, у меня есть голова, въ ней сохранились кое-какія знанія; наконецъ, у меня есть руки... я не знаю, я ничего изъ той возможной жизни не знаю. Я только говорю, что это будетъ такъ и ты видишь по тону, какимъ я говорю это, ты видишь, что это такъ; это тотъ тонъ, который всегда приводится въ исполненіе.

— Постой Вѣра, я ничего не говорю, ни да, ни нѣтъ. Но неужели ты рѣшилась бы навсегда лишить дѣтей возможности видѣть меня? Вѣдь не могутъ же они не знать, что я существую на свѣтѣ!

— О, нѣтъ. Они этого не знали бы. Я имъ сказала бы, что ты умеръ. Да, да я увѣрила бы ихъ въ этомъ. По крайней мѣрѣ это не вызывало бы въ нихъ удивленія. Это было бы для нихъ горе, но они нашли бы, что это въ порядкѣ вещей, потому что и удругихъ отцы умираютъ. И правда вѣдь, ты для нихъ умеръ бы навсегда.

Она встала, прошла къ окну и глядѣла сквозь темныя стекла въ темноту ночи. Владиміръ Николаевичъ сказалъ:

— И ты могла думать, что я соглашусь на это послѣднее условіе?

Вѣра Петронна обернулась къ нему и посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ.

— Владиміръ, было время, что я ничего не могла думать про тебя, кромѣ того, что ты мой, что моя душа—часть твоей души, а дѣти—маленькія крохи нашей общей души. Я такъ понимала семью и иначе не могла себѣ представить ее. Я видѣла другія семьи, много другихъ семей, гдѣ этого не было, и я думала: это не то, это не настоящій союзъ. Настоящій союзъ, это нашъ, мой съ Владиміромъ и съ нашими дѣтьми. Онъ—нашъ союзъ, казался мнѣ чѣмъ-то цѣльнымъ, ну, какъ бы отдѣльнымъ существомъ. Мнѣ казалось, что если оторвать отъ него одного, то и все должно разрушиться. Мнѣ кадалось, что если оторвать тебя, то всѣ мы умремъ потому, что нельзя жить безъ головы. А если меня оторвать, то нельзя вѣдь жить безъ сердца... Но потомъ я вдругъ увидѣла, что это было заблужденіе. Ты вдругъ оторвался и остался живъ и мы остались живы послѣ этого. Вотъ я, зная, что тебя ужъ нѣтъ у насъ, живу, хожу, говорю съ тобой и съ другими. Значитъ, я ошибалась въ нашемъ союзѣ. Значитъ, онъ такая же случайность, какъ и всѣ другіе; значитъ и онъ не то, какъ и они. Теперь ты спрашиваешь, какъ я могу думать, что ты согласишься покинуть насъ навѣки, на всю жизнь, умереть для насъ? Да, прежде я сама изумилась бы, если бы кто-нибудь высказалъ мнѣ эту мысль; я сказала бы, что это сумасшедшая мысль. Но послѣ того, какъ я убѣдилась, что такого союза нѣтъ, я все могу допустить, все.

— Вѣра, Вѣра, ты несправедлива! Этого ты не должна была допустить... Моя привязанность къ тебѣ и къ дѣтямъ должна быть для тебя внѣ сомнѣнія.

— Ахъ, Владиміръ, неужели эти слова имѣютъ еще для тебя какое-нибудь значеніе? Привязанность! Но что такое эта привязанность? И что такое та, другая привязанность? Вѣдь нельзя же, прости мнѣ это грубое сравненіе, лошадь привязать въ одно и то же время на двухъ разныхъ улицахъ города. Да, я говорю: что̀ такое привязанность? Я разскажу тебѣ въ десяти словахъ нашу исторію. Мы съ тобой были дружны съ дѣтства. Я помню, когда

мнѣ было шесть лѣтъ, уже я безъ тебя не могла оставаться одного дня. Мы провели наши дѣтскія жизни вмѣстѣ; съ утра мы встрѣчались, и расходились только вечеромъ, когда становилось темно. У насъ были общія игры, общія заботы, общія радости. Изъ дѣтской жизни я не помню себя безъ тебя, я не помню ни одной затѣи, ни одной малѣйшей перемѣны, въ которой не участвовалъ бы ты. Школьные годы были для насъ годами первыхъ мукъ, потому что они разлучали насъ на цѣлую половину дня; но зато потомъ, послѣ школы, мы сходились съ дикимъ восторгомъ и старались наверстать потерянное для нашей дружбы время. А вотъ мы подросли, занятія стали серьезнѣе, мы помогали другъ другу. Хотя мы были въ разныхъ школахъ, но какъ-то такъ выходило, что ты считалъ мои уроки своими, а я твои. И вотъ ты сталъ юношей, а я молодой дѣвушкой; мы вмѣстѣ развивались, вмѣстѣ читали книги, вмѣстѣ мечтали. У насъ были одинаковыя мысли, взгляды, планы. Точно—у насъ была одна душа. И незамѣтно дѣтская и юношеская дружба перешла въ болѣе горячее чувство. Я уже смотрѣла въ твои глаза съ смущеніемъ, а въ твоей рукѣ я чувствовала дрожь, когда ты пожималъ мнѣ руку. Это чувство, Владиміръ, не то, которое возникаетъ случайно, при встрѣчѣ двухъ людей, которые нравятся другъ другу. Нѣтъ, это чувство какъ бы было положено въ наше общее одинокое сердце еще въ дѣтствѣ, въ видѣ маленькаго зерна, и оно выросло въ большое вѣтвистое дерево, въ тѣни котораго намъ было такъ хорошо, такъ покойно. И скажи, Владиміръ, не имѣла ли я право думать, что эта привязанность, такъ взлелѣянная и выращенная съ самаго дѣтства,—привязанность, которая въ продолженіи двадцати лѣтъ не прерывалась, не нарушалась ни одной замѣтной размолвкой, ни однимъ разногласіемъ во взглядахъ на людей, на жизнь... Да, такъ развѣ я не имѣла права думать, что эта привязаноость есть настоящая изъ настоящихъ, самая истинная, самая вѣрная? И что же? Она порвалась, какъ тонкая бумажная нитка; она разрушилась, какъ разрушаются тысячи такъ называемыхъ „семейныхъ счастій", основанныхъ на случайностяхъ, основанныхъ на томъ, что люди встрѣтились и по первому взгляду понравились другъ другу, а потомъ, когда приглядѣлись, убѣдились, что они другъ другу чужды. Да, случайность... а наша привязанность вѣдь не была случайностью. И все равно, ее постигла та же судьба. Такъ что жъ такое привязанность, Владиміръ? И почему я дòлжна вѣрить въ нее? Нѣтъ, ни въ какую привязанность я больше не вѣрю и не могу, не имѣю права основывать на ней счастье моихъ дѣтей. Теперь мнѣ для этого осталось одно. Я вѣрю еще въ твою честность. И вотъ я говорю: дай мнѣ сейчасъ обѣщаніе честнаго человѣка, дай мнѣ клятву, поклянись жизнью

нашихъ дѣтей, что ты останешься съ нами всегда, всегда, что бы ни случилось. Останешься до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока они выростутъ и будутъ сознательно относиться къ жизни. Тогда, если тебѣ это будетъ еще нужно, тогда ты скажешь имъ правду и они тебя разсудятъ. Можетъ быть, они дадутъ тебѣ свободу. Но это будетъ твое дѣло съ ними, уже взрослыми и разумными существами. А пока они неразумны, я считаю своимъ долгомъ отстаивать ихъ права, я одна, потому что моя воля еще, слава Богу, цѣла, а другая воля, воля другого человѣка, который тоже, повидимому, долженъ былъ бы отстаивать ихъ права, ослабѣла. Да, такъ ты поклянись, поклянись мнѣ...

— О, Боже мой, Боже!—со стономъ воскликнулъ Владимiръ Николаевичъ.—Клянусь тебѣ жизнью нашихъ дѣтей, что все это будетъ такъ, какъ ты сказала! Клянусь, клянусь тебѣ!..

— Владимiръ! Ты дѣйствительно совсѣмъ, совсѣмъ потерялъ волю!—промолвила Вѣра Петровна, увидѣвъ, какъ онъ всталъ, стремительно подошелъ къ стѣнѣ и, рыдая прислонилъ къ ней свое лицо.

Она приблизилась къ нему.

— Успокойся, Владимiръ...

— Я убилъ тебя! Какъ же я могу успокоиться?..

— Успокойся, мой другъ! Ты прости,—я не могу иначе называть тебя; у меня нѣтъ другого друга. Но мнѣ ужъ не такъ больно, мнѣ легче стало... Ну, вотъ, мы устроили судьбу дѣтей... Теперь поговоримъ о тебѣ. Иди сюда, сядемъ вотъ здѣсь, на диванѣ, вотъ такъ... И прости меня, если я вмѣшаюсь въ твое душевное дѣло.

Она подвела его къ дивану и усадилв. Онъ былъ покоренъ, какъ ребанокъ.

— Да, поговоримъ о тебѣ, Владимiръ.

— Обо мнѣ! Ты можешь это, когда я знаю, что ты страдаешь? Ты хочешь убить меня своимъ страданiемъ... Ты хочешь казаться каменной...

— Нѣтъ, я ничѣмъ не хочу казаться... Да, тебя удивляетъ, что я не плачу, не бьюсь головой объ стѣну, не рву себѣ волосы на головѣ. Ты даже можешь думать, что это означаетъ недостатокъ чувства, что я слишкомъ спокойно, слишкомъ буржуазно любила тебя... Но это не такъ Владимiръ... ты можешь думать, какъ хочешь,—но это не такъ. У меня такая натура. Я не умѣю громко кричать о своемъ чувствѣ. Я не умѣю ни громко стонать, ни звонко смѣяться. Когда большая радость, я улыбаюсь, когда большое горе, оно забирается въ глубину сердца и тамъ сейчасъ вокругъ него все окаменѣваетъ. И трудно къ нему пробраться, потому что оно окутано броней... Нѣтъ, не то, а вотъ что... Я—

разбитая арфа, я арфа, у которой порваны всѣ струны. Онѣ порвались разомъ, потому что разомъ все то, чѣмъ я жила и во что вѣрила, полетѣло вверхъ дномъ. Да, струны порвались, а арфа безъ струнъ, ужъ это что... Ей нечѣмъ издать даже жалобный звукъ и она молчитъ... Вотъ ты, твоя душа, это—арфа, у которой всѣ струны страшно натянуты и каждая изъ нихъ звучитъ, звучитъ... Оттого ты плачешь теперь за меня, потому что горе не у тебя, а у меня, Владиміръ. А мнѣ нечѣмъ плакать... Поговоримъ о тебѣ. Хочешь?

— Да, поговоримъ... Ахъ, только нѣтъ, зачѣмъ? Обо мнѣ и сказать нечего... Я ничего не вижу, ничего не знаю.

— Ну, а ее ты знаешь?

Онъ посмотрѣлъ на нее странными глазами.

— Ты сказала, что будешь говорить обо мнѣ.

— Ты боишься, какъ бы я ее не оскорбила!—съ горькой усмѣшкой сказала Вѣра Петровна.—Ты не бойся.

— Нѣтъ, я ничего не боюсь... Не то. А только зачѣмъ мы будемъ говорить о... о посторонних?..

— Эхъ, Владиміръ, какой ты еще ребенокъ, не смотря на твои двадцать пять лѣтъ! Ты хочешь сказать и ты такъ думаешь, что она посторонняя мнѣ, а тебѣ своя. Ну, да, да, такъ и было бы, если бы она не врѣзалась острымъ клиномъ въ мою жизнь. Нѣтъ, она мнѣ не посторонняя, она постоянно будетъ тутъ, между нами, между мной и тобой и дѣтьми, постоянно, ежеминутно... Я противъ воли, противъ желанія, должна вѣчно думать о ней и говорить о ней. Развѣ это неправда? Развѣ ты думаешь, что это не такъ? Но только ты ошибаешься, Владиміръ, если думаешь, что она тебѣ больше своя, ближе, чѣмъ я... Не смотря на все, что произошло, не смотря на то, что ты разлюбилъ меня, а полюбилъ ее, все-таки это не такъ. Ты ошибаешься. Она будетъ тебѣ близка только въ минуты счастья. Да, когда вамъ обоимъ будетъ весело... Когда ваше чувство не будетъ ничѣмъ омрачено, тогда вы будете близки, очень близки. Потому что васъ связываетъ только взаимное желаніе счастья, только то наслажденіе, которое вы даете другъ другу. Но какъ только явится горе, какъ только начнуться сомнѣнія, взаимныя недоразумѣнія, или такъ, какія-нибудь внѣшнія невзгоды, тогда ты почувствуешь, что я ближе всѣхъ на свѣтѣ къ тебѣ. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этимъ сказать, что ты тогда вернешь мнѣ свою любовь. Нѣтъ, а только у одной меня ты найдешь облегченіе. И знаешь почему? Потому что *я*—вся твоя жизнь, моя душа приросла къ твоей душѣ и гдѣ бы ты ни былъ, въ какомъ бы положеніи ни очутился, всегда съ тобой будетъ частица меня и она будетъ тянуть тебя ко мнѣ, вотъ сюда въ наше жилище, въ наше

милое гнѣздышко, гдѣ намъ такъ было хорошо... такъ было хорошо, Владиміръ...

Голосъ ея задрожалъ и сталъ чуть слышнымъ... Владиміръ Николаевичъ взглянулъ на нее, слезы катились по ея щекамъ.

— Вѣра, не плачь!—сказаaъ онъ.—Это пройдетъ... Это безуміе, это сумасшествіе! Это должно пройти... Я заставлю себя, я поборю себя!—говорилъ онъ, стараясь придать своему голосу увѣренность и энергію.

— Это ты увидѣлъ мои слезы,—тебѣ стало жаль меня. Нѣтъ, нѣтъ, не заставляй себя... То, къ чему ты себя принудишь, мнѣ не нужно. Да и незачѣмъ?.. Это ужъ не было бы *тѣмъ*... Арфа съ порванными струнами... Всѣ струны порваны, Владиміръ, всѣ... Ея ужъ нельзя настроить... Иди къ себѣ... Спокойной ночи.

Она поднялась, подошла къ двери, которая вела въ спальню... Она на минуту остановилась и обернулась къ нему. Она прибавила:

— Только не думай трагически... Будемъ смотрѣть на это, какъ на наше общее горе и будемъ вмѣстѣ нести его.

Онъ тоже всталъ, приблизился къ ней и, взявъ ея руку, поцѣловалъ съ чувствомъ глубокой благодарности. Она тихонько пріотворила дверь и скрылась въ спальнѣ.

Владиміръ Николаевичъ пошелъ къ себѣ. Маленькая комнатка, въ которой онъ спалъ, примыкала къ столовой. Онъ, не зажигая свѣчи, машинально раздѣлся и легъ въ постель.

Онъ былъ увѣренъ, что не будетъ спать всю ночь... Странное чувство наполняло его грудь. Онъ думалъ не о той женщинѣ, которая была причиной всѣхъ страшныхъ волненій сегодняшняго дня, а думалъ онъ о своей женѣ. „Я никогда не думалъ, что Вѣра такая... Я не знать ее, совсѣмъ не зналъ... Недостаточно прожить съ человѣкомъ много лѣтъ, чтобъ знать его; надо перестрадать что-нибудь... Только страданія раскрываютъ передъ нами всю душу... Такъ вотъ какая Вѣра, вотъ какая“...

Но, должно быть, впечатлѣнія этого дня слишкомъ утомили его нервы. Глаза какъ-то сами собой сомкнулись и онъ уснулъ черезъ минуту послѣ того, какъ легъ.

А Вѣра Петровна усѣлась неподалеку отъ дѣтскихъ кроватей, подперла голову руками и какъ бы замерла въ этой позѣ. Она просидѣла такъ всю ночь, пока не сталъ проникать въ комнату, сквозь синія шторы, утренній свѣтъ.

Тогда она, не раздѣваясь, прилегла и забылась тревожнымъ сномъ...

И. Потапенко.

Конецъ первой части.

Женщины-врачи на поприщѣ практической дѣятельности въ Россіи.

(Къ двадцатилѣтію ихъ перваго массового выпуска).

Существуетъ не мало истинъ, которыя, при всей безспорности и очевидности, требуютъ, тѣмъ не менѣе, длиннаго ряда лѣтъ для своего всеобщаго признанія. Если бы отрицаніе лежало въ самой сущности явленій, то задача рѣшалась бы очень просто: достаточно было бы не предубѣжденными глазами взглянуть на повседневные, выдвигаемые житейской практикой факты, чтобы признать то, на что жизнь даетъ категорическій отвѣтъ въ каждую данную минуту. Но сплошь и рядомъ мы къ элементарнымъ явленіямъ подходимъ съ превзятыми чувствами и мыслями, строимъ рядъ неоснованныхъ на фактахъ предположеній, развиваемъ изъ нихъ цѣлую систему замысловатыхъ, finger-spitzige, какъ говорятъ нѣмцы, положеній и приходимъ къ выводамъ, поражающимъ своей, ничѣмъ не оправдываемой, произвольностью.

Къ числу пережившихъ, отчасти переживающихъ и теперь подобную судьбу вопросовъ, безспорно, принадлежитъ и вопросъ о врачебной помощи женщинъ, а также и находящійся въ тѣсной связи съ нимъ вопросъ о женско-медицинскомъ образованіи. Мы видимъ, что для многихъ милліоновъ населенія онъ рѣшается очень просто: у всѣхъ народовъ въ извѣстные періоды ихъ развитія, въ Россіи по настоящее время, массы страдальцевъ обращаются къ признаннымъ и непризнаннымъ врачамъ, не дѣлая никакого различія ни для мужчинъ, ни для женщинъ. Больной ищетъ помощи и ему безразлично, отъ кого онъ ее получитъ. Болѣе того, по понятіямъ многихъ милліоновъ больныхъ, гораздо естественнѣе врачебная помощь со стороны женщинъ, нежели мужчинъ. Кто не знаетъ, что у насъ въ Россіи нѣтъ ни одного села, ни одной деревни, гдѣ бы благополучно не практиковала знахарка или бабка-заговорщица и причиталка. Всякая ласковая барыня, помѣщица, попадья, сельская учительница, которую судьба бросила въ деревню, скоро, противъ своей воли, обращается въ врача, такъ какъ крестьяне и крестьянки, старъ и малъ, обращаются къ нимъ, прося ту или другую помощь при частыхъ заболѣваніяхъ русскаго народа. Здѣсь не мѣсто распространяться подробно о причинахъ такого явле-

нія, но гдѣ одинъ врачъ приходится на 50.000 жителей, на пространствѣ 2.000 квадр. километровъ, иначе и быть не можетъ. Но что представлялось вполнѣ естественнымъ для непросвѣщенныхъ народныхъ массъ, было чѣмъ-то вопіющимъ, дикимъ въ глазахъ многихъ представителей интеллигентныхъ классовъ. Для нихъ прошли безслѣдно факты, что еще въ XI столѣтіи женщины не только съ успѣхомъ занимались медициной, но даже читали лекціи на медицинскихъ факультетахъ Италіи. Отъ нихъ ускользнуло, что съ самыхъ глубокихъ временъ подача пособій беременнымъ и роженицамъ лежала на акушеркахъ, повивальныхъ бабкахъ, которыя въ предѣлахъ небольшихъ знаній, имъ преподававшихся, оказывали умѣлую помощь при родахъ, женскихъ болѣзняхъ, что исторія выдвинула такія имена, какъ Зигмундъ, Лашапель, произведенія которыхъ по настоящее время считаются классическими.

Современныя поколѣнія русскихъ людей врядъ ли помнятъ страстную полемику о допущеніи женщинъ къ медицинскому образованію, которая господствовала въ русской литературѣ и русскомъ обществѣ лѣтъ 30 тому назадъ. Какихъ только ужасовъ не пророчили противники женщинъ-врачей: что семья должна рухнуть, въ томъ уже не было никакого сомнѣнія. Еще больше угрожало, что и другіе два столпа, на которыхъ зиждется наша родина, св. Русь, также не устояли бы противъ напора зла, представляемаго женскимъ медицинскимъ образованіемъ: погибель угрожала бы государству и религіи. Всего удивительнѣе, что такіе страхи расписывали не только болѣе или менѣе авторитетные врачи, которыхъ можно было бы заподозрить въ ревнивомъ обереганіи своей профессіи отъ вторженія чуждыхъ элементовъ, въ опасеніи конкурренціи и по другимъ невысокимъ мотивамъ, но и представители общей печати, публицисты и беллетристы, философы и драматурги. Но если, съ одной стороны, противники женщинъ-врачей угрожали нашей родинѣ всякими ужасами, страхами, египетскими казнями, хладомъ, гладомъ и повальнымъ моромъ, то защитники будущихъ работницъ на нивѣ народнаго здравія въ своихъ мечтахъ и предсказаніяхъ возносились въ самыя заоблачныя эмпиреи. Не было народнаго бѣдствія, которое, по ихъ словамъ, нельзя было бы побѣдить плодотворной дѣятельностью женщинъ-врачей: онѣ бы устранили громадную болѣзненность русскаго народа, уничтожили бы въ корнѣ многочисленныя эпидеміи, ежегодно терзающія русскій народъ, низвели бы до минимума страшную дѣтскую смертность, равной которой не имѣется нигдѣ, въ Европѣ, повысили бы физическое благосостояніе народа, сдѣлали бы гигіену достояніемъ каждаго пейзана и пейзанки, пріобщили бы массы къ культурѣ, создали бы на прочныхъ основаніяхъ народное образованіе, потекли бы медвяныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ.

Въ ряду противниковъ женскаго медицинскаго образованія особенно выдавался въ шестидесятыхъ годахъ кіевскій профессоръ анатоміи

Вальтеръ, который въ издававшемся имъ журналѣ «Современная Медицина» громилъ попытку привлеченія женщинъ къ медицинскому образованію всѣми доступными ему способами. Тутъ были анатомическія соображенія, доходившія до оцѣнки сравнительнаго вѣса мужскаго и женскаго мозга, до сравненія числа и глубины мозговыхъ извилинъ; были соображенія физіологическія: организмъ женщины имѣетъ свои спеціальныя функціи, препятствующія именно врачебной дѣятельности; были ссылки на «мудрую природу», категорически указавшую женщинамъ ихъ роль—плодить и размножать потомство, а не изучать медицину; были соображенія этическія—погибель нравственности цѣломудренныхъ дѣвицъ, передъ которыми раскрывалась завѣса таинственныхъ знаній; соображенія государственныя—поруганіе семьи, свободная любовь, отрицаніе государства и религіи. Не обходилось безъ самыхъ злыхъ и язвительныхъ шутокъ и насмѣшекъ, остроумныхъ каррикатуръ, изображавшихъ мужей, укачивающихъ ребятъ, заваривающихъ кофе, готовящихъ обѣдъ, и женъ, непремѣнно стриженыхъ, непремѣнно въ синихъ очкахъ съ папиросками въ зубахъ, читающихъ, задравъ ноги на столъ, Бюхнера и Моллешота.

Для противниковъ женскаго медицинскаго образованія изученіе женщинами медицины сводилось къ потрясенію государственныхъ основъ, какому-то зловредному духу, навѣянному извнѣ, Богъ вѣсть откуда, нигилистами, соціалистами, бланкистами, интернаціоналами и другими врагами порядка. Для защитниковъ оно служило выраженіемъ пріобщенія къ прогрессу, усвоенія европейскихъ идей, торжествомъ цивилизаціи, гуманности и справедливости. Никто только въ то время не хотѣлъ подумать, чѣмъ было женское медицинское образованіе для самихъ женщинъ, какая сила толкала ихъ ступить на новый путь, страстно отдаться новому теченію и пріобщиться къ новой трудовой, полной тяжелыхъ лишеній жизни.

Мы не будемъ говорить о Западной Европѣ и Америкѣ; но фактъ, что стремленія русскихъ женщинъ къ высшему образованію вообще, къ медицинскому въ частности, совпалъ съ великимъ моментомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, невольно наводилъ на мысль о генетической связи между этими двумя фактами. И дѣйствительно, связь эта безспорно существовала въ наиболѣе рѣзко выраженной формѣ, такъ какъ, по существу, стремленіе женщинъ къ высшему образованію вообще, спеціальному—тѣмъ болѣе, была одна изъ тѣхъ многочисленныхъ экономическихъ эволюцій, которыя пришлось потерпѣть русскому обществу съ паденіемъ прежняго строя, основаннаго на полномъ обезпеченіи не трудящихся классовъ. Обширному кругу помѣщиковъ, почти цѣликомъ включавшихъ въ себѣ интеллигентные слои русскаго народа, не нужно было думать ни о завтрашнемъ днѣ, ни объ обезпеченіи участи сыновей и дочерей. Въ то старое, патріархальное время нашъ добрый русскій мужичекъ избавлялъ ихъ

отъ всякихъ заботъ. Около помѣщиковъ сытно кормились чиновники, купцы и подрядчики, даже не представлявшіе себѣ возможности иного строя, при которомъ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, ничего не дѣлая, наслаждались жизнью во всю; болѣе 20 милліоновъ рабовъ, не разгибая спины, создавали возможность для первыхъ веселой, беззаботной жизни. Само собою разумѣется, что и русскимъ дѣвицамъ не приходилось задумываться о своей участи. Крѣпостной трудъ и имъ обезпечивалъ безпечальное житье. Но наступило 19-е февраля 1861 г. Узы, державшіяся столѣтіями, разомъ порвались! Наступила пора, когда каждый самъ долженъ былъ позаботиться о своей семьѣ. Выкупныя свидѣтельства скоро были проѣдены, лѣсъ срубленъ, все, что было возможно, заложено и перезаложено, а тутъ подростаютъ сыновья и дочери, которыхъ нужно такъ или иначе устроить и обезпечить. Сыновья еще не представляли особыхъ заботъ: имъ широко открывались всевозможныя служебныя дороги въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ. Но дочери, дочери... какъ быть съ ними? На такую благодарную почву пали первыя сѣмена проповѣди о женскомъ трудѣ, который обѣщалъ и дочерямъ промотавшихся помѣщиковъ и кормившихся около нихъ чиновниковъ, подрядчиковъ, купцовъ свободную, самостоятельную, почетную и независимую дѣятельность. При новыхъ условіяхъ жизнь требовала знаній и труда; удивительно ли, что русская женщина, съ ея правдивой душой, чуткой ко всему хорошему, быстро и прочно усвоила эту элементарную истину.

Само собою разумѣется, что дѣйствительность не протекала такъ просто, гладко и шаблонно, какъ мы это изложили выше въ нѣсколькихъ строкахъ. Жизнь всегда гораздо сложнѣе, чѣмъ разнообразныя формулы, выражающія ее. Безспорно, ни одна изъ піонерокъ женскаго медицинскаго образованія никогда не допускала хотя бы на минуту мысль о томъ, что ея благородное стремленіе къ наукѣ, самостоятельному труду покоится не на какихъ-либо высокихъ идеалахъ, а на простомъ экономическомъ, общежитейскомъ факторѣ. Но именно потому, что прежніе идеалы не соотвѣтствовали новой жизни, и создались другія стремленія и потребности. Въ началѣ стремились заграницу, въ гостепріимные швейцарскіе университеты, лица изъ состоятельныхъ круговъ; ихъ ожидали житейскія треволненія и лишенія, тяжелыя напряженія, ради которыхъ онѣ отказывались отъ домашняго комфорта и любвеобильнаго ухода близкихъ. Имъ удавалось добиться своего путемъ упорной, тяжелой борьбы съ родными, окружающими, пренебрегать предразсудками, сплетнями и двусмысленными предположеніями. Мнѣ самому приходилось быть въ то время свидѣтелемъ подобной тяжелой борьбы въ чужихъ семьяхъ, пережить ее въ своей собственной, чтобы на всегда запечатлѣть въ своей памяти эти полныя высокаго трагизма страницы изъ русской исторіи. Наши бѣдныя матери никакъ не могли взять въ толкъ, что толкаетъ ихъ дочерей въ далекія, невѣ-

домыя страны, когда здѣсь, на родинѣ, можно недурно пристроиться, выйти замужъ за хорошаго человѣка, наплодить потомство и вести домашнее хозяйство. Много энергіи и громаднаго запаса душевныхъ и нравственныхъ силъ потребовалось отъ первыхъ піонерокъ, пролагавшихъ широкій, удобный путь для своихъ преемницъ. Прошло нѣсколько лѣтъ и даже въ умахъ родителей свершился крутой поворотъ. Первые цюрихскіе врачи-женщины со славой вернулись въ Россію. Ихъ здѣсь встрѣтили почетъ, независимое положеніе, обезпеченная практика, цифры которой стоустая молва преувеличивала до сказочнаго. Имена Сусловой и Боковой, этихъ славныхъ русскихъ женщинъ, были у всѣхъ на устахъ. Естественно, что послѣ нихъ возникло чуть ли не паломничество въ Цюрихъ, принявшее такіе размѣры, что сами правительственныя учрежденія нашли нужнымъ задуматься надъ вопросомъ, не удобнѣе ли дать русскимъ женщинамъ возможность на родинѣ удовлетворять своей потребности изучать медицину, лишь бы отклонить ихъ отъ путешествія въ Швейцарію, откуда, въ видѣ контрабанды, по выраженію Гейне, привозились въ головѣ идеи, не совсѣмъ симпатичныя для начальства.

Случайное обстоятельство, а именно пожертвованіе г-жей Родственной (нынѣ Шанявской) 50.000 руб., добрыя желанія бывшаго тогда главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ Н. П. Козлова, энергичная пропаганда словомъ и дѣломъ нашего знаменитаго профессора В. М. Тарновскаго и его супруги (дочери Н. П. Козлова), одной изъ первыхъ студентокъ открытыхъ курсовъ, наконецъ, сочувствіе къ хорошему дѣлу незабвеннаго въ исторіи образованія въ Россіи военнаго министра Милютина, всѣ эти благопріятно сложившіяся случайныя обстоятельства позволили въ 1872 г. открыть курсы ученыхъ акушерокъ при медико-хирургической академіи, скоро развившіеся въ женскіе врачебные, съ пятилѣтнимъ курсомъ и съ объемомъ преподаванія, равнымъ преподаванію на медицинскихъ факультетахъ и въ медицинской академіи. Десять лѣтъ просуществовали курсы, пока опять случайное обстоятельство, нежеланіе военнаго министерства дольше содержать курсы въ своемъ вѣдѣніи, не послужили мотивомъ для ихъ упраздненія.

Болѣе тысячи слушательницъ перебывали на курсахъ, свыше семисотъ женщинъ окончили ихъ и выступили на поприще практической дѣятельности.

Здѣсь не лишне будетъ привести нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о дѣятельности этихъ курсовъ. За десятилѣтіе 1872—1881 гг. изъ 1.209 экзаменовавшихся были приняты на курсы 959 (почти 80%),— обстоятельство, указывающее, что пріемъ въ слушательницы былъ обставленъ довольно строго и что поступающимъ предъявлялись довольно серьезныя требованія. Болѣе точныя свѣдѣнія мы имѣемъ о 796 слушательницахъ, принятыхъ за первыя 8 лѣтъ существованія курсовъ. При среднемъ возрастѣ 21, 8 лѣтъ, было лицъ моложе 20 лѣтъ (самой молодой было 17 лѣтъ) 112; отъ 20 до 22 лѣтъ включительно—

457; старше 22 лѣтъ—216 (самой старшей—40 лѣтъ, возрастъ 11-ти неизвѣстенъ). Большинство студентокъ кончили среднія учебныя заведенія: 417—гимназію, 76—институты, 87—другія среднія учебныя заведенія; 216 поступили по диплому домашней учительницы. Большое разнообразіе представляли поступившія по своему общественному положенію, хотя громадное большинство, именно 85%, принадлежало къ такъ называемымъ привилегированнымъ классамъ общества. Такъ, напр., женъ и дочерей чиновниковъ было 244, купцовъ и почетныхъ гражданъ—138, врачей и студентовъ—41, военныхъ (генераловъ и офицеровъ)—107, лицъ свободныхъ профессій—20, духовныхъ—59, дворянъ—47, солдатъ—13, мѣщанъ—105, иностранокъ—8, крестьянокъ—9, ремесленниковъ—4, неизвѣстна—1. Хотя число лицъ крестьянскаго происхожденія среди слушательницъ весьма незначительно, но зато русское крестьянство можетъ гордиться, что первая русская женщина-врачъ, первая піонерка, пробившая грань вѣковыхъ предразсудковъ, извѣстная Надежда Прокофьевна Суслова, была дочь русскаго крѣпостного крестьянина.

По религіи слушательницы распредѣлялись на: 572 православныхъ, 169 евреекъ, 38 католичекъ и 17 лютеранокъ.

Нечего и говорить, что такъ какъ курсы существовали въ Петербургѣ, то послѣдній и далъ наибольшій контингентъ студентокъ—131; но не было ни одной мѣстности, хотя бы самой отдаленной, которая не прислала бы нѣсколькихъ своихъ дщерей. Такъ, напр., изъ далекой Сибири прибыло 7 слушательницъ, изъ Архангельской окраины—5 и т. д.

Наиболѣе любопытныя данныя представляютъ цифры, касающіяся семейнаго положенія студентокъ, такъ какъ враги женскаго медицинскаго образованія обрекали студентокъ и докториссъ на безбрачіе, свободную любовь, искусственные аборты, отдачу дѣтей въ воспитательные дома, такъ какъ беременность и роды, замужество и материнство налагаютъ обязанности, якобы поглощающія все время и всѣ силы женщины. Цифры въ этомъ отношеніи даютъ наилучшій отвѣтъ. Изъ 796 поступившихъ было 84 замужнихъ и вдовъ. Въ теченіе 8 лѣтъ изъ 712 дѣвушекъ 116 вышло замужъ; безспорно также, что многія, будучи невѣстами, отложили свадьбу до окончанія курса. Чѣмъ дольше продолжалось пребываніе на курсахъ, тѣмъ процентъ выходившихъ замужъ все болѣе и болѣе возрасталъ. Пробывшія одинъ годъ не дали ни одной вышедшей замужъ, изъ 97, пробывшихъ на курсахъ два года, сочеталось бракомъ—5; изъ 111 трехлѣтнихъ—12, изъ 118 четырехлѣтнихъ—20, изъ 315 пятилѣтнихъ—77, т.-е. почти четверть. Безспорно, что многія оставили курсы, чтобы выйдти замужъ, но и приведенныя данныя очень характерны.

Какой выводъ напрашивается самъ собою изъ этихъ цифръ? Женщины, даже отдаваясь изученію медицины, тѣмъ не менѣе, остаются

живыми людьми, которымъ не чужды человѣческія радости и потребности личнаго счастья. Но всего неожиданнѣе долженъ быть для противниковъ женскаго медицинскаго образованія фактъ, что замужество вліяло въ высшей степени благотворно на ходъ учебныхъ занятій. Намъ это кажется вполнѣ естественнымъ. Личное счастье, близость любящаго и любимаго существа, наконецъ, гордое сознаніе, что и на ея долю выпадаетъ обязанность быть опорой будущей семьи, на столько подымаетъ духъ и энергію человѣка, что занятія идутъ неизбѣжно успѣшнѣе и благотворнѣе. Быть можетъ, не безъ вліянія лучшая матеріальная обстановка, часто связанная съ супружествомъ, а въ связи съ этимъ лучшія гигіеническія и физіологическія условія жизни. Что касается цифръ, подтверждающихъ нашу мысль, то онѣ заключаются въ томъ, что кончило курсъ изъ 100 поступившихъ дѣвицъ—37,4%, замужнихъ—33,3%: вышедшихъ замужъ—54%. Выбыли съ курсовъ, не кончивъ образованія, дѣвицъ—26,6%, замужнихъ—33,3%; вышедшихъ замужъ во время студенчества—19,8%. Безспорно, на величину процента вліяло и то, что всего чаще выходили замужъ студентки старшихъ курсовъ, откуда вообще выбываетъ меньше слушательницъ и большій процентъ которыхъ приступаетъ къ выпускнымъ экзаменамъ, но эта возможная разница уравновѣшивается тѣмъ контингентомъ дѣвицъ, которыя отложили свадьбу до окончанія курса.

Зимою 1877 года, въ тяжелую годину восточной кампаніи, сдала выпускные экзамены небольшая часть перваго пріема слушательницъ, поступившихъ на курсы въ 1872 г. Но главная часть слушательницъ была, какъ по своему, такъ и по желанію Н. И. Козлова, отправлена на театръ военныхъ дѣйствій въ роли ординаторовъ госпиталей и здѣсь ихъ дѣятельность, полная самоотверженія, горячей любви къ страждущимъ, сознанія своего долга, и, главное, прекрасно рекомендовавшая ихъ спеціальную подготовку, не могла не обратить на себя всеобщаго вниманія, привлечь симпатіи и убѣдить самыхъ закоренѣлыхъ скептиковъ въ способности женщинъ къ медицинскому образованію.

Тутъ будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ вообще о слушательницахъ перваго пріема женскихъ врачебныхъ курсовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ ряды его поступили наиболѣе выдающіяся личности изъ русскихъ женщинъ, которымъ тяжелой борьбой съ окружающими обстоятельствами, пришлось осуществить свои стремленія. Большинство изъ нихъ было уже въ болѣе или менѣе зрѣломъ возрастѣ, когда выборъ того или другого пути не могъ явиться плодомъ кратковременнаго увлеченія. Ни одинъ послѣдующій выпускъ не далъ такого процента усердныхъ труженицъ, неутомимыхъ работницъ, какъ именно студентки, принятыя въ 1872 г. Достаточно сказать, что изъ 89 студентокъ перваго пріема сдали экзаменъ на женщинъ-врачей—60; умерли во время студенчества 12 или почти 13%, цѣлая губительная эпи-

демія; только 17 изъ общаго числа слушательницъ по тѣмъ или другимъ причинамъ должны были отказаться отъ своей завѣтной мечты и оставить ученіе, не сдавъ выпускныхъ экзаменовъ.

Уже въ своей первой статьѣ, посвященной женскому медицинскому образованію («Врачъ», 1880 г.), я, руководствуясь сухими цифрами, не могъ не высказать подобнаго впечатлѣнія. Блестящее подтвержденіе моимъ словамъ я встрѣтилъ въ автобіографіи извѣстнаго петербургскаго врача В. П. Чемезова *): «въ учебные годы 1874—1875 и 1875—1876 гг. я руководилъ, какъ ассистентъ проф. Эйхвальда, практическими занятіями III и IV курсовъ будущихъ женщинъ-врачей. Это былъ первый выпускъ женщинъ-врачей. По своему составу онъ нѣсколько отличался, насколько я могу судить, отъ послѣдующихъ: въ числѣ слушательницъ было болѣе зрѣлыхъ по возрасту и лучше обезпеченныхъ матеріально женщинъ, чѣмъ впослѣдствіи. Это былъ первый опытъ женскаго медицинскаго образованія въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, и въ Европѣ. Преподаватели занимались съ ними, да и онѣ сами, замѣчательно прилежно, и я полагаю, что никогда мужчины не получали такого полнаго медицинскаго образованія, какъ первый выпускъ женщинъ-врачей». Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ намъ еще придется вернуться къ этому выпуску.

Теперь прошло 20 лѣтъ со дня массоваго выпуска первыхъ женщинъ-врачей и начала ихъ практической дѣятельности. Недавно, первыя курсистки отпраздновали въ Петербургѣ двадцатилѣтній юбилей. Въ теченіе этого времени онѣ не только успѣли занять прочное положеніе, зарекомендовать себя прекрасными работницами по избранной ими спеціальности, но достигли большаго. Къ нимъ вполнѣ привыкли! Женщины-врачи успѣли стать на столько обычными членами русской врачебной семьи, что ихъ существованіе никого больше не удивляетъ, не вызываетъ никакихъ сомнѣній въ ихъ работоспособности и равноспособности съ товарищами-мужчинами. Слава Богу! прошло время, когда на нихъ нужно было смотрѣть, какъ на героинь, какъ на проводницъ новыхъ началъ въ общественномъ сознаніи. Онѣ такіе же труженики, какъ и врачи-мужчины, и только временными недоразумѣніями можно объяснить, что онѣ до настоящаго времени не вполнѣ уравнены съ нами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что благопріятное рѣшеніе вопроса въ ихъ пользу есть дѣло ближайшаго будущаго **). Вотъ почему теперешнее возобновленіе женскихъ курсовъ явилось дѣломъ столь естественнымъ, что никакого шумнаго ликованія не вызвало и вызвать не могло. Вопросъ о способности женщинъ трудиться на поприщѣ вра-

*) «Двадцатипятилѣтіе дѣятельности врачей, окончившихъ курсъ въ Императорской медико-хирургической академіи». С.-Петербургъ, 1893 г., стр. 122.

**) По газетнымъ свѣдѣніямъ, эта несправедливость уже устранена мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и скоро женщины-врачи, по закону, будутъ признаны равноправными съ врачами-мужчинами.

чебной дѣятельности сталъ настолько безспоренъ, что законодательное признаніе его никого не могло удивить. Болѣе того, женщины-врачи на столько вошли въ общую колею русской врачебной семьи, что и среди нихъ начинаютъ время отъ времени являться такіе не симпатичные элементы, извѣстный процентъ которыхъ встрѣчается и среди врачей-мужчинъ. Положимъ, это печально, но иначе оно и быть не можетъ. Русскія женщины суть такой же продуктъ родной среды и данныхъ условій, вылѣплены изъ той же глины, какъ и товарищи-мужчины.

Но если теоретическія разсужденія и прямыя наблюденія показали что женщины могутъ работать на поприщѣ врачебной дѣятельности, то посмотримъ, какъ отвѣчаетъ жизнь на вопросъ, находятъ ли женщины примѣненіе пріобрѣтеннымъ знаніямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я задался этимъ вопросомъ и отвѣтилъ на него статьей подъ такимъ же заглавіемъ, какъ и настоящая. Тогда я руководствовался оффиціальными цифрами о нихъ, относившимися къ 1893 г. Теперь же, въ виду празднованія двадцатилѣтняго юбилея перваго выпуска женщинъ-врачей, я рѣшилъ провѣрить еще разъ свои выводы и воспользоваться данными, относящимися къ 1897 г. Къ сожалѣнію, не смотря на всѣ старанія медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, издаваемый имъ ежегодно «Медицинскій Списокъ» отличается многими ошибками, пробѣлами и недостатками свѣдѣній. Такъ, напр., относительно многихъ женщинъ-врачей, уже много лѣтъ состоящихъ на штатной службѣ въ городскихъ, земскихъ и другихъ больницахъ, показано, что онѣ вольнопрактикующія. Между прочимъ, не рѣдки и опечатки, которыя лишаютъ возможности судить о возрастѣ женщинъ-врачей, годѣ ихъ рожденія или окончанія службы. Точно также объ одномъ врачѣ упоминается 2 раза: разъ подъ ея дѣвической фамиліей, другой разъ по фамиліи мужа, причемъ разъ она показана живущей въ одномъ городѣ, второй разъ въ другомъ. Всѣ эти недостатки оффиціальнаго изданія не могутъ не отразиться и на точности нашихъ фактическихъ данныхъ.

При всемъ томъ, нѣкоторые безспорные выводы можно сдѣлать изъ упомянутыхъ матеріаловъ и теперешняя наша замѣтка явится перефразой ранѣе напечатанной, исправленной по новѣйшимъ даннымъ.

Попутно я приведу данныя о 409 русскихъ женщинахъ-врачахъ, свѣдѣнія о которыхъ собраны по карточной системѣ д-ромъ В. И. Гребенщиковымъ въ 1890 г. *). Само собою разумѣется, что ему не удалось получить свѣдѣнія, которыя онъ собиралъ оффиціальнымъ путемъ, о всѣхъ врачахъ, что почтенный авторъ объясняетъ тѣмъ, что

*) В. И. Гребенщиковъ. «Опытъ разработки результатовъ регистраціи врачей въ Россіи. Справочная книга для врачей», т. I. Изданіе медицинскаго департамента. Спб. 1890.

многія изъ нихъ, по выходѣ замужъ, совершенно оставили врачебную практику, благодаря чему могли быть совершенно неизвѣстны регистрировавшему врачебному персоналу. Оговоривъ все вышесказанное, можно перейти къ характеристикѣ русскихъ женщинъ-врачей, причемъ начнемъ съ ихъ возрастнаго распредѣленія, для опредѣленія котораго мы руководствовались указаніемъ года рожденія.

Возрастный составъ русскихъ женщинъ-врачей.

Неизвѣстенъ у 5; по одной родились въ 1835, 1842, 1843, 1844. Остальныя родились:

Въ 1845 . . .	5		Въ 1856 . . .	42	
» 1846 . . .	5	(6)	» 1857 . . .	40	
» 1847 . . .	8		» 1858 . . .	49	
» 1848 . . .	9		» 1859 . . .	58	
» 1849 . . .	16	(17)	» 1860 . . .	47	
» 1850 . . .	16	»	» 1861 . . .	37	
» 1851 . . .	27		» 1862 . . .	32	
» 1852 . . .	24		» 1863 . . .	16	(19)
» 1853 . . .	37		» 1864 . . .	9	
» 1854 . . .	29	(32)	» 1865 . . .	5	
» 1855 . . .	40	(44)			
			Всего . . .	560	

Средній возрастъ въ 1898 г. . . . . 42.

Сопоставляя эту таблицу съ цифрами за 1893 г. замѣчаются незначительныя разницы. Такъ, напр., въ 1893 г. фигурировали женщины-врачи, изъ которыхъ по одной родилось въ 1831, 1833 и 1866. Но небольшія различія въ цифрахъ представляются и по всѣмъ остальнымъ возрастамъ и не только въ смыслѣ уменьшенія числа, но также и увеличенія его. Такъ, напр., въ настоящей таблицѣ показано 9 лицъ, родившихся въ 1848 г., въ прежней 8; въ настоящей родившихся въ 1853—37, а въ прежней 34. Ясно, что новыя свѣдѣнія о женщинахъ-врачахъ продолжаютъ поступать и по сіе время. Гораздо характернѣе цифры, показывающія уменьшеніе числа лицъ отдѣльныхъ возрастныхъ группъ, такъ какъ причиной тому можетъ служить только смерть ранѣе зарегистрированныхъ лицъ. Цифры за 1893 г. приведены нами въ скобкахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, средній возрастъ женщинъ-врачей необычайно высокъ. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что съ 1882 г. прекращенъ былъ пріёмъ слушательницъ на курсы. Принимая, что въ послѣдніе годы существованія послѣднихъ поступали даже 18-тилѣтнія *), а такихъ было меньшинство, то теперь даже самыя

*) Въ первые 4 года существованія курсовъ пріемъ слушательницъ былъ ограниченъ лицами въ возрастѣ не менѣе 20 лѣтъ. Въ теченіе первыхъ восьми лѣтъ изъ общаго числа 796 принятыхъ только одна была въ возрастѣ 17 лѣтъ. Моложе

юныя женщины-врачи должны быть въ возрастѣ 35 лѣтъ. Нормальный возрастъ мужчинъ-врачей при окончаніи ими курса равенъ приблизительно 24 годамъ, принимая возрастъ по окончаніи гимназіи въ 18 лѣтъ, срокъ пребыванія на медицинскомъ факультетѣ въ 5—6 лѣтъ. По вычисленіямъ д-ра Гребенщикова, онъ равенъ 25.9. По моимъ вычисленіямъ для женщинъ-врачей въ 1893 г. и въ 1897 г. онъ равенъ въ обоихъ случаяхъ 27 съ дробью. Подробнѣе это видно изъ прилагаемой таблицы распредѣленія нынѣ живущихъ женщинъ-врачей по возрасту при окончаніи курса.

Возрастъ при окончаніи курса.

Неизвѣстенъ у 21, собственно у 13, у 8 показано возрастъ 20 и 21 года, что мы считаемъ опечаткой, по одной было въ возрастѣ 36, 38, 40 и 50 лѣтъ. Остальныя кончили въ возрастѣ:

22 лѣтъ	11	31 года	16
23 »	42	32 лѣтъ	13
24 »	56	33 »	5
25 »	68	34 »	8
26 »	87	35 »	3
27 »	84	37 »	2
28 »	50	39 »	2
29 »	46	42 »	2
30 »	40		
		Всего	560

Средній возрастъ при окончаніи курса выше 27 (14.570 : 539). Принимая его за норму, оказывается, что старше его были 101 чел. изъ общаго числа 539, возрастъ которыхъ извѣстенъ, или 36%. Почти такія же цифры были получены мною и по даннымъ 1893 г. съ тою только разницею, что тогда было еще болѣе лицъ въ болѣе старшемъ возрастѣ. Такъ, напр., тогда было по одной въ возрастѣ 45, 46 и 55 лѣтъ.

Такъ какъ дѣвушки и женщины кончаютъ среднія учебныя заведенія приблизительно 17—18 лѣтъ, и, слѣдовательно, пріобрѣтали право поступить на курсы, а слѣдовательно и кончить ихъ, въ болѣе раннемъ возрастѣ, то приведенное нами явленіе объясняется, безспорно, только тѣмъ, что право не всегда сочеталось съ возможностью осуществленія своихъ стремленій. Русская женщина съ рѣдкою энергіею лелѣяла

20 лѣтъ было всего 112. Достигшихъ 20-лѣтняго возраста было 229, т.-е. лицъ, старше 20 лѣтъ было почти 3/5. Около 10% всего числа поступившихъ было старше 25 лѣтъ. Самой старшей было 40 лѣтъ. Въ общемъ, средній возрастъ при поступленіи былъ равенъ 21,8 лѣтъ. Само собою разумѣется, что столь высокій возрастъ при поступленіи не могъ не отразиться и на возрастномъ составѣ кончившихъ курсы, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ прилагаемыхъ таблицъ.

свои мечты, боролась съ неблагопріятными обстоятельствами, терпѣливо выжидала наступленія счастливаго момента и тогда уже осуществляла свои конечныя цѣли. Если такія явленія характеризуютъ русскую женщину съ самой выгодной стороны, то съ точки зрѣнія соціально-экономической онѣ очень печальны. Врачи всѣхъ странъ, русскіе въ особенности, отличаются наиболѣе краткимъ вѣкомъ. Безспорныя, самымъ тщательнымъ образомъ собранныя статистическія данныя указываютъ, что ни одна профессія не представляетъ такой ранней инвалидизаціи, столь краткой средней продолжительности жизни, какъ врачебная. Ясно, что позднее окончаніе курса женщинами-врачами еще болѣе сокращаетъ и безъ того краткій продуктивный періодъ ихъ дѣятельности въ избранной ими спеціальности. Какъ для общества, такъ и для нихъ самихъ вредъ отъ того получается громадный. Совсѣмъ не одно и то же, если женщина будетъ работать въ роли врача 32 года (при окончаніи курса ими въ 23 года) или только 25 лѣтъ. Втянуться въ тяжелую медицинскую профессію въ годы расцвѣта силъ сравнительно легче, чѣмъ отдаться ей въ періодѣ начинающагося увяданія жизни. Наконецъ, не лишне прибавить, что женщина-врачъ въ молодые годы имѣетъ болѣе шансовъ вступить въ семейную жизнь, обстоятельство, во всѣхъ отношеніяхъ весьма благопріятное въ продуктивномъ отношеніи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что есть возможность устранить во многихъ случаяхъ причины, препятствующія женщинамъ отдаться изученію медицины въ болѣе раннемъ возрастѣ, но о нихъ мы скажемъ ниже.

Укажемъ, по даннымъ д-ра Гребенщикова, семейное положеніе женщинъ-врачей. Изъ 409 зарегистрированныхъ имъ лицъ было: незамужнихъ 185 и замужнихъ 191, вдовъ 23, разведенныхъ—одна и о 9 не имѣлось свѣдѣній. Изъ замужнихъ 131, а изъ вдовъ 10 имѣли въ общей сложности 303 дѣтей, притомъ: по одному ребенку—66, по два — 44, по три—21, по четыре—6, по пяти и шести—1, по семи—3.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что число замужнихъ гораздо значительнѣе, но многія изъ нихъ, выйдя замужъ, оставили медицинскую профессію. Для противниковъ женскаго медицинскаго образованія такой фактъ явился бы большимъ козыремъ, если только не взять во вниманіе, что всякая мать, получившая основательное медицинское образованіе, не только внесетъ разумныя начала воспитанія въ своей семьѣ, но и неизбѣжно окажетъ весьма широкое просвѣтительное вліяніе и на окружающихъ.

Мы переходимъ къ самому главному пункту нашей статьи: находитъ ли примѣненіе женскій врачебный трудъ на практикѣ. Уже д-ръ Гребенщиковъ, имѣвшій свѣдѣнія лишь о 409 женщинахъ-врачахъ, сообщилъ, что 210 изъ нихъ ни на какой службѣ не состояли и занимались частной практикой; 4 совершенно ее оставили. Въ настоящее время такихъ лицъ 8. Изъ остальныхъ 195 состояли на земской

службѣ—87, при больницахъ и богадѣльняхъ—59, въ должности думскихъ и санитарныхъ врачей — 13, при учебныхъ заведеніяхъ — 17, фабричными и заводскими врачами — 9, на частной службѣ — 6, при правительственныхъ учрежденіяхъ—3 и одна при благотворительномъ обществѣ. Означенныя 185 женщинъ получали жалованье въ размѣрѣ 141.000 руб., въ среднемъ около 723 руб. Помимо того, что у насъ вообще многія врачебныя должности оплачиваются весьма скромно, на размѣры содержанія, получаемаго женщинами-врачами, оказывало неблагопріятное вліяніе, странное правило нѣкоторыхъ земствъ цѣнить женскій трудъ дешевле мужского, какъ будто онъ менѣе продуктивенъ или менѣе доброкачественъ. Между тѣмъ многочисленные отчеты земствъ категорически убѣждаютъ, что разницы никакой нѣтъ, а если и есть, то скорѣе въ пользу женскаго труда. Дѣло въ томъ, что какъ ни печально обставленъ врачебный трудъ въ Россіи, для мужчинъ есть извѣстный выборъ: сегодня онъ земскій врачъ, почему-либо не понравился ему этотъ трудъ, онъ перейдетъ въ другое вѣдомство и учрежденіе. Для женщинъ выборъ крайне ограниченъ, а потому онѣ болѣе дорожатъ своими мѣстами.

При среднемъ размѣрѣ жалованья въ 723 руб., 8 женщинъ получали его менѣе 200 руб. каждая. Среди нихъ не было ни одной, состоящей на службѣ земству. 43 врача, въ томъ числѣ 10 земскихъ получали, отъ 201 до 500 руб. Отъ 501 руб. до 1.000 получали 96 врачей, въ томъ числѣ 47 земскихъ. Свыше 1.000 руб. до 2.000 включительно 47 врачей, въ томъ числѣ 30 земскихъ; наконецъ, свыше 2.000 р. получала одна женщина-врачъ, не состоявшая на земской службѣ.

Гораздо труднѣе поддаются учету доходы съ частной практики, хотя д-ръ Гребенщиковъ и по этому предмету даетъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія. Оказывается, что изъ 137 врачей, указавшихъ размѣры своей практики, 9 имѣли менѣе 100 р. въ годъ, 41 до 500 р., 37 до 1000 р., 30 до 2.000 р., 12 до 3.000 р.; но 3 имѣли до 4.000 и до 5.000 руб., одна до 8.000 руб., а одна—грандіозную практику до 18.000 р. въ годъ. Если вспомнить, что цифры г. Гребенщикова относятся къ 1889 году, когда женскій врачебный трудъ не стоялъ на такой высотѣ, какъ теперь, когда среди женщинъ-врачей было много молодыхъ, недавно лишь передъ тѣмъ оставившихъ школьную скамью, то каждому покажется вполнѣ естественнымъ наше заключеніе, что съ того времени размѣры ихъ практики, равно какъ средній доходъ съ нея для каждой изъ женщинъ-врачей значительно должны были возрасти.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, которыми мы теперь располагаемъ, и извлеченныя нами изъ «Медицинскаго Списка» на 1897 годъ, завѣдомо неточны. Мы тамъ нашли вольно-практикующими лицъ, уже много лѣтъ состоящихъ на земской и городской службѣ, ординаторами больницъ и т. д. Но раньше, чѣмъ говорить о томъ, укажемъ распредѣ-

леніе женщинъ-врачей по Россіи. Какъ и слѣдовало ожидать, наибольшее число ихъ 147 или свыше 26%, сосредоточено въ Петербургѣ. Это объясняется тѣмъ, что здѣсь на ихъ трудъ предъявляется огромный запросъ, сравнительно съ прочей Россіей, что многія вынуждены здѣсь жить изъ-за семейныхъ условій, службы и занятій ихъ мужей, воспитанія дѣтей, изъ-за научныхъ цѣлей, возможности заниматься въ клиникахъ, лабораторіяхъ и др., столь же почтенныхъ побудительныхъ причинъ. О петербургскихъ женщинахъ-врачахъ мы ниже поговоримъ не много подробнѣе.

Изъ другихъ большихъ городовъ болѣе или менѣе замѣтное число врачей было: въ Москвѣ—29, Одессѣ—23, Кіевѣ—11, въ Варшавѣ—9, въ Тифлисѣ—8. По семи женщинъ-врачей указано въ Екатеринославлѣ, Кишиневѣ и Харьковѣ. По пяти въ Ростовѣ-на-Дону, Саратовѣ и Тамбовѣ, въ 7 городахъ живетъ по 4 врача, въ 18 по три, въ 22 по 2; по одной въ 75 городахъ, губернскихъ и уѣздныхъ. Всего въ городахъ живетъ 472 женщины-врача; внѣ городовъ 88. Если исключить изъ числа живущихъ въ городахъ петербургскихъ, то на долю остальныхъ приходилось 34 земскихъ врача, состоявшихъ на частной службѣ—1, заводскихъ—3, городскихъ пріемныхъ покоевъ—3, училищныхъ—7, завѣдующихъ родильными пріютами — 4, состоитъ смотрительницей больницы — 1, при женскихъ гимназіяхъ — 15, завѣдующая водолѣчебницей—1, преподавательница гигіены — 1, врачъ пріюта — 1, при женскихъ монастыряхъ—2, желѣзнодорожныхъ—2, врачей Краснаго Креста—3, при лѣчебницахъ—4 и завѣдующихъ земскимъ телятникомъ—2, всего 84. Повторяемъ, приведенное число значительно меньше дѣйствительнаго. Мы знаемъ, напр., 3 случая завѣдыванія земскими оспенными телятниками 3 женщинами-врачами; въ Одессѣ по списку, только одна женщина указана врачемъ лѣчебницы, между тѣмъ ихъ числится тамъ свыше 10; точно также въ придворномъ вѣдомствѣ числится нѣсколько врачей—въ спискѣ онѣ указаны вольнопрактикующими и т. д.

Даже по отношенію къ петербургскимъ врачамъ мы можемъ указать множество пробѣловъ. По даннымъ «Списка» онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: думскихъ врачей—15, городскихъ училищъ—14, завѣдующихъ городскими родильными пріютами—2 (въ дѣйствительности—3), ординаторовъ больницъ—6 (свыше 30), при гимназіяхъ и институтахъ—10, на частной службѣ, начальницей института, врачемъ воспитательнаго заведенія, при обществѣ дешевыхъ квартиръ, ассистентомъ лабораторіи по одной. Всего показано 52 женщины-врача на той или другой службѣ. Мы считаемъ, что таковыхъ свыше ста. Любопытно, что среди петербургскихъ женщинъ-врачей имѣется особо-высокій процентъ лицъ раннихъ выпусковъ. Такъ, напр., изъ 47 женщинъ выпуска 1878 г. 20 живетъ здѣсь—болѣе двухъ пятыхъ; изъ 25 выпуска 1879 г.—9, свыше трети и т. д. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что для первыхъ женщинъ-врачей нашлось уже и здѣсь

не мало дѣла. Многія, по окончаніи курса, оставались въ Петербургѣ для усовершенствованія, для дальнѣйшаго образованія. Здѣсь онѣ успѣли пріобрѣсти довѣріе, практику, получить выгодныя служебныя занятія. Дальнѣйшіе выпуски находили, такъ сказать, петербургскій рынокъ уже занятымъ и предложили свой трудъ провинціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что громадная популярность женщинъ-врачей въ Петербургѣ создана почти исключительно образцовой дѣятельностью думскихъ врачей и врачей городскихъ амбулаторій. За крайне рѣдкими исключеніями составъ ихъ превосходный. По послѣднему отчету 1896 г., 14 женщинъ-врачей приняли въ теченіе года 131.679 больныхъ, сдѣлали 40.295 визитовъ (въ томъ числѣ свыше 900 ночныхъ), или, въ среднемъ, каждая свыше 9.400 больныхъ. Изъ 14 женщинъ 6 принимали ежегодно свыше 10.000 больныхъ, 4 отъ 9 до 10.000 *). Впрочемъ, какъ извѣстно, вообще контингентъ петербургскихъ думскихъ врачей пользуется блестящей репутаціей. Роль женщинъ, какъ школьныхъ врачей, конечно, не такъ замѣтна, но стоитъ ознакомиться съ ихъ прекрасными отчетами, чтобы убѣдиться, что, несмотря на всѣ громадныя трудности, онѣ превосходно справляются съ своими сложными обязанностями.

Говоря о врачахъ городовъ, нельзя не обратить вниманія на выдающуюся роль женщинъ, попавшихъ въ средне-азіатскіе города, въ которыхъ главный контингентъ жителей—мусульмане, религія которыхъ запрещаетъ ихъ женамъ обнажать свое тѣло передъ мужчинами-врачами. Въ виду этого мѣстная высшая администрація устроила амбулаторіи для женщинъ и дѣтей, а веденіе ихъ поручило женщинамъ-врачамъ. Въ Самаркандѣ работаютъ 3 женщины, въ Наманганѣ — 2, по одной въ Андижанѣ, Асхабадѣ, Бухарѣ, Керкахъ (Бухарск.), Кокандѣ и Ташкентѣ. Дѣятельность этихъ труженицъ имѣетъ громадное политически-культурное значеніе въ предѣлахъ Средней Азіи, привлекая симпатіи мѣстнаго коренного населенія къ Россіи и пріобщая его къ европейской цивилизаціи. Попадающіяся иногда въ печати свѣдѣнія о дѣятельности ихъ рисуютъ ее въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. Такое же громадное значеніе мы придаемъ и той мужественной женщинѣ-врачу, которая не побоялась избрать мѣстомъ своей службы Калмыцкую область Астраханской губ. Упомянемъ еще объ одномъ изъ нашихъ товарищей женщинъ, служащемъ пріисковымъ врачемъ въ тайгахъ Енисейской губ.

Что касается 88 женщинъ-врачей, жившихъ внѣ городовъ, то наибольшая часть ихъ падаетъ на служащихъ въ земствѣ — 53. Всего больше ихъ въ Московской губ.—10, въ Петербургской—7, въ Новгородской—5, въ Тверской—4, по 3 въ Вятской, Псковской и Смо-

*) Одинъ участокъ былъ въ перемѣнномъ завѣдываніи мужчинъ и женщины, почему цифры его больныхъ я не включилъ въ итогъ.

ленской губ., по 2 въ Бессарабской, Вологодской, Екатеринославской, Таврической, Тамбовской и Уфимской губ. и, наконецъ, по одной въ Нижегородской, Самарской, Саратовской, Тульской, Харьковской и Ярославской губ. Живя въ деревняхъ, земскіе врачи несутъ ту же тяжелую службу, которая выпадаетъ и на долю ихъ братьевъ-мужчинъ.

Изъ остальныхъ 35 врачей внѣ города 20 указаны, какъ вольнопрактикующія; 10 числятся на частной службѣ, 4 служатъ заводскими и фабричными врачами.

Вотъ тотъ скудный цифровый и фактическій матеріалъ, которымъ, за неимѣніемъ лучшаго, мы предлагаемъ воспользоваться для отвѣта на вопросъ—находитъ ли примѣненіе, при современныхъ бытовыхъ условіяхъ русскаго народа, женскій врачебный трудъ. Намъ кажется что двухъ мнѣній на этотъ счетъ въ настоящее время быть не можетъ. При нежеланіи пользоваться для своихъ заключеній тѣми или другими единичными случаями, а руководствуясь для безпристрастной оцѣнки лишь рядомъ фактовъ, нельзя не признать, что во всѣхъ сферахъ врачебной дѣятельности женщины оказались не ниже мужчинъ. Безспорно, что при нѣкоторыхъ внѣшнихъ условіяхъ ихъ дѣятельность будетъ болѣе продуктивна, при другихъ—менѣе. Безспорно, что во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, институтахъ, женскихъ монастыряхъ гораздо удобнѣе поручать медицинскую часть женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ, какъ, наоборотъ, въ войскахъ, во флотѣ мужчины будутъ болѣе умѣстны. Вообще, безпристрастный разборъ фактовъ приводитъ къ заключенію, что женщины въ массѣ не лучше и не хуже мужчинъ.

Нерѣдко приходится слышать по адресу женщинъ-врачей упрекъ, что онѣ себя не проявили ничѣмъ выдающимся въ области науки, что имъ не принадлежитъ ни одного капитальнаго труда по медицинѣ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, несмотря на ихъ плодовитую литературную дѣятельность. За рѣдкими исключеніями, это утвержденіе совершенно вѣрно. Но много ли капитальныхъ работъ опубликовано русскими врачами-мужчинами, число которыхъ все-таки въ 25 разъ больше и которые поставлены въ болѣе благопріятныя условія для научныхъ занятій? Развѣ у насъ нѣтъ цѣлой массы профессоровъ, вся литературная дѣятельность которыхъ выразилась въ одной лишь тощенькой диссертаціи, написанной подъ указку, да самымъ безсодержательнымъ благерствомъ въ разныхъ ученыхъ обществахъ? Мы могли бы назвать несколько выдающихся ученыхъ женщинъ-врачей, прославившихся прекрасными, капитальными работами по бактеріологіи, славу и честь которыхъ безцеремонно присваиваютъ себѣ профессора, отъ которыхъ упомянутыя труженицы находятся въ служебной зависимости.

Намъ, конечно, неудобно называть имена, да и вообще перечислять лицъ, такъ или иначе себя зарекомендовавшихъ на литературномъ или общественномъ поприщѣ, хотя бы изъ-за опасенія невольныхъ пропусковъ.

Такимъ образомъ, на сколько женщины доказали свою способность къ научной и практической дѣятельности, на столько и жизнь привела достаточно фактовъ, что ихъ спеціальная подготовка находитъ себѣ вполнѣ достаточный спросъ. Ея знанія не остаются кабинетными— удѣлъ лицъ, отдавшихся изученію медицинѣ для удовлетворенія личной любознательности, личнаго стремленія къ самообразованію и развитію, а напротивъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ одной изъ законнѣйшихъ и естественнѣйшихъ потребностей русскаго народа и русской интеллигенціи. При такихъ условіяхъ естественно, что всѣ не только примирились съ существованіемъ института женщинъ-врачей, но и сознали его громадную общественную пользу. А разъ пришли къ тому заключенію, то естественно было допустить женщинъ къ изученію медицины, тѣмъ болѣе, что, благодаря поддержкѣ русскаго общества, отъ правительства не требовалось ни затратъ, ни воспособленій и т. п. Въ прошломъ 1897 г. женскіе врачебные курсы были открыты въ С.-Петербургѣ при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ и сразу привлекли массу слушательницъ. Болѣе того, какъ извѣстно, и въ Москвѣ зародилась мысль открыть таковые же курсы, для каковой цѣли организаторы рѣшили собрать капиталъ въ милліонъ рублей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что москвичи достигнутъ своего и, быть можетъ, скоро явится и у нихъ женскій медицинскій факультетъ.

Казалось бы все хорошо, что хорошо кончается. Цѣной громадныхъ жертвъ, непрерывной борьбы, самоотверженія, энергической работы въ пользу ближнихъ женщины-врачи добились своего всесторонняго признанія и дали возможность новымъ поколѣніямъ безъ труда шествовать по новому, широко уже проложенному пути. Но нѣтъ ли другихъ, менѣе сложныхъ, менѣе шумныхъ и болѣе удобныхъ путей добиться того же?

Медицина, по сложности, разнообразію и многочисленности составляющихъ ее наукъ, безспорно, самое трудное коллективное прикладное знаніе. На ряду съ изученіемъ громаднаго числа фактическихъ явленій во внѣшней и внутренней природѣ, отъ всякаго отдающагося изученію медицины, divinae artis, требуется способность къ самымъ тонкимъ умозрительнымъ заключеніямъ, умѣнье разбираться самостоятельно во множествѣ отдѣльныхъ фактовъ, группировать ихъ, сопоставлять, дѣлать изъ нихъ строго-логическіе выводы и умозаключенія. Другими словами, на ряду съ пріобрѣтеніемъ чисто реальныхъ, позитивныхъ знаній, необходимо выработать въ себѣ умѣнье строго философскаго размышленія, способности къ умозрительнымъ представленіямъ. Если женщины оказались способными къ изученію медицины, то нельзя не сдѣлать вывода, что онѣ одинаково съ мужчинами способны къ изученію другихъ философскихъ и прикладныхъ знаній. Намъ нѣтъ необходимости приводить доказательства перечисленіемъ такихъ лицъ, какъ Ковалевская, Ефименко, Богдановская, Шульцъ, Раскина, Федченко и др. Упоминаніе такихъ именъ давало бы возможность ссы-

латься на нихъ, какъ на людей исключительныхъ. Напротивъ, мы думаемъ, что всѣ эти лица не исключительное явленіе, а только выраженіе способности женщинъ ко всякой спеціальности, которую онѣ пожелаютъ избрать предметомъ своего изученія.

Убѣдились и пришли къ заключенію, что женщинамъ можно смѣло довѣрить жизнь отдѣльныхъ людей, охрану здоровья многихъ общественныхъ группъ, какъ, напр., дѣтей школьнаго возраста, и въ то же время не рѣшаются довѣрить имъ менѣе отвѣтственныя обязанности: преподаваніе въ старшихъ классахъ гимназій, чтеніе лекцій въ учебныхъ заведеніяхъ, адвокатуру, судейскую дѣятельность и т. д. Мы видимъ въ этомъ безусловную непослѣдовательность.

Но разъ женщины способны ко многимъ разнообразнымъ спеціальностямъ, то для удовлетворенія ихъ стремленій къ нимъ пришлось бы открывать спеціальныя для женщинъ высшія учебныя заведенія: спеціальные женскіе юридическіе и математическіе факультеты, спеціальные технологическіе и строительные институты. Вѣдь додумались—цѣлая коммиссія съ серьезнымъ видомъ занимается такимъ вопросомъ—до открытія высшей спеціальной женской земледѣльческой академіи. Да, и такіе курьезы выдвигаетъ наша современная административная мудрость! Не проще ли рѣшается вопросъ, какъ онъ рѣшенъ теперь въ Европѣ? Не естественнѣе ли, не создавая себѣ излишнихъ хлопотъ, безцѣльныхъ коммиссій, безплоднаго глубокомысленнаго, многолѣтняго изученія вопроса, прямо открыть двери высшихъ учебныхъ заведеній всѣмъ, удовлетворяющимъ пріемнымъ испытаніямъ, не справляясь о полѣ желающихъ учиться. Къ чему тратить путемъ пожертвованій собранныя средства на постройку лишнихъ зданій, созиданій лишнихъ канцелярій, лишнихъ должностей, до директоровъ заведеній включительно? Не естественнѣе ли употребить собранныя средства, пожертвованныя истинными любителями просвѣщенія, не на оклады и квартиры совершенно излишнихъ должностныхъ лицъ, а на облегченіе условій жизни и увеличенія удобствъ занятій бѣдныхъ дѣвушекъ, пріѣзжающихъ издалека, изъ окраинъ Сибири, изъ дебрей Архангельской губ., съ горъ Сванетіи, изъ средне-азіатскихъ пустынь, новороссійскихъ степей. Всѣ эти дѣвушки пріѣзжаютъ въ Петербургъ, въ большинствѣ случаевъ, съ весьма ограниченными средствами и первое, что ихъ ожидаетъ—это громадная сторублевая въ годъ плата за ученіе. Что же удивительнаго, что къ общественной благотворительности прибѣгаютъ раньше всего для сбора денегъ на уплату за слушаніе лекцій; а эти деньги необходимы потому, что нужно оплачивать особыхъ директоровъ, особыхъ профессоровъ, особыхъ прозекторовъ, особыхъ инспектриссъ, ихъ помощницъ, канцелярскихъ чиновниковъ и чиновницъ, библіотекарей и библіотекаршъ, пышныхъ швейцаровъ и, словомъ, на всѣ аттрибуты, безъ которыхъ у насъ на Руси немыслимо ни одно, самое скромное дѣло. Правда, въ однородныхъ условіяхъ находятся и муж-

скія высшія учебныя заведенія. Но мы постепенно уже освобождаемся отъ тѣхъ, недавно еще господствовавшихъ руководящихъ взглядовъ, что высшее образованіе должно быть удѣломъ только богатыхъ людей, когда въ ряду всякихъ мѣръ пресѣченія бѣднякамъ возможности поступать въ университеты, введена была и несоразмѣрно высокая плата съ учащихся. Что было несправедливо и вредно относительно учащихся мужчинъ, не можетъ имѣть другого характера и по отношенію къ женщинамъ.

Какія возраженія можно представить противъ совмѣстнаго изученія мужчинами и женщинами различныхъ наукъ въ университетахъ и др. высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—мы себѣ представить не можемъ. Опасаться ли переполненія аудиторіи? Но для профессоровъ умозрительныхъ наукъ безразлично, читать ли передъ аудиторіей въ 10 человѣкъ или тысячу. Недостатокъ учебныхъ пособій? Да вѣдь это вопросъ матеріальныхъ средствъ. Будутъ средства, расширятъ лабораторіи, увеличатъ размѣры кабинетовъ, пріобрѣтутъ лишніе аппараты и инструменты. Тѣсно стало въ технологическихъ институтахъ, и министерство финансовъ, даже въ настоящій неурожайный годъ, нашло милліонъ для расширенія мастерскихъ и чертежныхъ. Не хватитъ больныхъ для клиническихъ занятій? Да всѣ, болѣе или менѣе серьезно относящіеся къ своимъ обязанностямъ, профессора мечтаютъ о передачѣ факультетамъ городскихъ больницъ для практическихъ занятій учащихся, къ обоюдной выгодѣ послѣднихъ, а тѣмъ болѣе городовъ.

Опасаются ли совмѣстнаго посѣщенія лекцій мужчинами и женщинами? Но на это даетъ отвѣтъ не только западно-европейская и американская практика, но и наша родная, отечественная. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда двери университетовъ и медицинской академіи широко были раскрыты для мужчинъ и женщинъ, желавшихъ посѣщать лекціи, за все время ни разу не возникло ни одного недоразумѣнія. Кто не помнитъ, какъ мирно и безмятежно работали рядомъ въ анатомическомъ театрѣ проф. Грубера мужчины и женщины? Профессора клиническаго института Вел. Княгини Елены Павловны, собирающаго въ своихъ стѣнахъ множество врачей-мужчинъ и женщинъ, могутъ подтвердить, что никакихъ неудобствъ, никакихъ нежелательныхъ отклоненій отъ серьезнаго изученія науки никогда не возникло и возникнуть никогда не можетъ. Русская учащаяся молодежь, къ великой своей чести, рѣзко отличается отъ молодежи другихъ странъ своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Она свободна отъ пошлаго, дебоширничающаго бурщества нѣмецкаго студенчества, кавалерской галантерейности французскаго. Русскій студентъ въ учащейся женщинѣ видитъ такого же серьезнаго труженика, какимъ является онъ самъ, а потому и его отношеніе къ ней свободно отъ бравурства, съ одной стороны, галантерейности—съ другой. Если товарищеское сближеніе повлечетъ за собою болѣе тѣсное знакомство, люди другъ

друга лучше узнаютъ, то возможныя по окончаніи курса брачныя узы, которыми они себя соединятъ на всю жизнь, кромѣ хорошаго ничего не обѣщаютъ. Будетъ больше семей, гдѣ мужъ и жена научили себя одинаково уважать общій трудъ, общіе интересы; будетъ больше семей, гдѣ и мужъ, и жена одинаково интеллигентны и проникнуты высокими идеалами, выносимыми изъ аудиторій.

Удивительнѣе всего, что опасаются за нравственность молодежи обоего пола, стремящейся къ высшему образованію, и желаютъ ихъ изолировать, какъ будто можно опасаться вреднаго сближенія на лекціяхъ, во время совмѣстныхъ практическихъ занятій, а не внѣ стѣнъ учебнаго заведенія!

Опасаются совмѣстныхъ занятій мужчинъ и женщинъ въ учебныхъ заведеніяхъ, куда стекаются серьезные молодые люди для высокихъ цѣлей, а не опасаются совмѣстнаго пребыванія мало-интеллигентныхъ, неразвитыхъ субъектовъ обоего пола, встрѣчающихся другъ съ другомъ въ разныхъ консерваторіяхъ, драматическихъ и музыкальныхъ школахъ, танцовальныхъ училищахъ. Гдѣ же логика?

Между тѣмъ, открытіе всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній для женщинъ, удовлетворившихъ строгимъ условіямъ пріема, не менѣе строгимъ, чѣмъ и для студентовъ, избавитъ русскихъ многострадальныхъ женщинъ отъ необходимости годами ожидать возможности попасть въ далекій Петербургъ, надолго порвать связь съ семьей и ограничить свою спеціальность лишь одной медициной, когда призваніе тянетъ къ другой профессіи, въ которой она можетъ оказаться лучшимъ и болѣе продуктивнымъ работникомъ для родины *).

Д-ръ мед. Г. М. Герценштейнъ.

---

*) Интересующихся подробнѣе исторіей и вопросами женскаго медицинскаго образованія въ Россіи отсылаю къ ранѣе напечатаннымъ мною статьямъ: «Женскіе врачебные курсы». «Врачъ». 1880; «Страница изъ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи». Ibid. 1883; «О женщинахъ-врачахъ и женскихъ врачебныхъ курсахъ». «Сѣверн. Вѣстн.» 1893; «Женщины-врачи на поприщѣ практической дѣятельности». «Врачъ».1893; «Женскіе Врачебные Курсы», «Реальная Энциклопедія Врачебн. Наукъ» изд. В. С. Эттингера; соотвѣтствующія статьи въ «Энциклопед. Словарѣ» Брокгауза и Ефрона; полемическія мелкія статьи въ общей и медицинской прессѣ.

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

КНИГА II.

Монастырь.

(*Продолженіе* *).

I.

Геѳсиманское общество, чаще называемое Бишопсгэтскимъ братствомъ, было одною изъ многихъ монашескихъ общинъ, возникшихъ въ лонѣ англиканской церкви, какъ слѣдствіе сильнаго подъема религіознаго чувства, извѣстнаго подъ именемъ трактаріанскаго или оксфордскаго движенія. Большинство изъ нихъ распались подъ давленіемъ извнѣ; иныя изъ-за внутреннихъ раздоровъ; немногія продолжали существовать въ видѣ тайныхъ братствъ, повинуясь каждое особому уставу. Въ чемъ заключалась сущность этихъ уставовъ, члены братствъ никогда не разъясняли непосвященнымъ, но ходили слухи, будто они носятъ на тѣлѣ власяницу и истязуютъ себя бичеваніемъ.

Геѳсиманское общество возникло однимъ изъ первыхъ, а по времени существованія было древнѣйшимъ, хотя бросило вызовъ не только традиціямъ реформатской церкви, но и самому духу человѣка, основавъ свой домъ молитвы у самаго порога биржи, этого кратера вулканическихъ эмоцій, этой генеративной станціи образованія электрическихъ токовъ, волнующихъ міръ.

Его основатель и первый настоятель былъ человѣкъ съ желѣзной волей, которому приходилось бороться не только съ сопротивленіемъ духовныхъ лицъ и негодованіемъ міранъ, но и съ протестами собственной семьи, воздвигшей на него цѣлое гоненіе: родной братъ пытался

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

засадить его въ сумасшедшій домъ, какъ умалишеннаго. Первымъ его ученикомъ и самымъ ревностнымъ послѣдователемъ былъ преподобный Чарльзъ-Фредерикъ Ламплофъ, членъ ордена Тѣла Господня, незадолго передъ тѣмъ принявшій на себя иноческій санъ; ранѣе онъ велъ свѣтскую жизнь и, по слухахъ, пережилъ тяжкое разочарованіе въ любви.

Когда община завоевала себѣ, наконецъ, законное право на существованіе, и негодованіе, вызванное ея появленіемъ въ обществѣ, поостыло, этотъ ученикъ былъ посланъ въ Америку, гдѣ основалъ филіальное отдѣленіе братства и пріобрѣлъ громкую извѣстность. Въ самый разгаръ своей полезной дѣятельности, достигнувъ зенита славы, онъ былъ отозванъ настоятелемъ обратно въ Лондонъ, и это распоряженіе свыше вызвало единодушные протесты со стороны его почитателей. Тѣмъ не менѣе, онъ повиновался: оставилъ поприще славы, вернулся въ свою келью, и внѣшній міръ ничего больше не слыхалъ о немъ, пока не умеръ основатель общества, и братья не избрали отца Ламплофа его преемникомъ.

Теперь отцу Ламплофу было уже подъ семьдесятъ; кротость нрава, благочестивая жизнь, необычайно мягкое, ласковое обращеніе окружали его точно ореоломъ святости; когда онъ вышелъ изъ своей комнаты навстрѣчу Джону Сторму, тому почудилось, что онъ только что сошелъ на землю, покинувъ святая святыхъ міра, и что отъ складокъ его одежды вѣетъ благоуханіемъ небесъ.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать, сынъ мой!—сказалъ онъ.— Я зналъ, что ты придешь къ намъ; я ждалъ тебя, въ первый же разъ, какъ я увидалъ тебя, я подумалъ: «Вотъ человѣкъ, который несетъ на собѣ тяжкое бремя; въ міру онъ не найдетъ удовлетворенія запросамъ своей души; придетъ время,—и онъ покинетъ міръ».

Джонъ Стормъ уже раньше былъ здѣсь, хотя только въ качествѣ гостя, и сразу вошелъ въ колею жизни братства. Рѣшено было, что онъ проведетъ въ Бишопсгэтъ-стритѣ два-три мѣсяца испытанія, потомъ годъ въ качествѣ послушника, и только провѣривъ себя, убѣдившись, что у него дѣйствительно есть призваніе къ монашеской жизни, произнесетъ обѣты бѣдности, повиновенія и цѣломудрія.

Братство помѣщалось въ одномъ изъ старинныхъ лондонскихъ домовъ, выстроенныхъ въ самомъ центрѣ города; вначалѣ они, быть можетъ, служили обиталищами сановникамъ церкви; впослѣдствіи въ нихъ открывали конторы купцы и селились сами съ своими домочадцами и служащими; бывало, иной разъ и такъ, что ихъ обращали просто-на-просто въ склады или кладовыя, или-же отдавали, по квартирамъ, внаймы бѣднякамъ. Въ данномъ случаѣ зданіе осталось въ томъ же видѣ, въ какомъ было выстроено, но братство не принимало никакихъ мѣръ къ тому, чтобы поддержать его былое великолѣпіе. Невозможно вообразить себѣ обстановку проще, чѣмъ въ этомъ монастырѣ.

Рѣзная дубовая лѣстница не была устлана ковромъ; огромная зала съ паркетнымъ поломъ, обшитая панелями, была лишена всякихъ украшеній, кромѣ картины въ свѣтлой дубовой рамкѣ, изображавшей голову Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Подъ лѣпнымъ карнизомъ висѣли простые часы въ еловомъ футлярѣ и пониже ихъ была прибита карточка съ текстомъ: «Господи, кто можетъ пребывать въ жилищѣ Твоемъ? кто можетъ обитать на святой горѣ Твоей? Тотъ, кто ходитъ непорочно». Прежняя столовая была обращена въ общую комнату, а кухня—въ столовую; просторныя спальни раздѣлены перегородками на кельи; корридоры, нѣкогда оклеенные обоями, теперь были выбѣлены известкой, и на стѣнахъ ихъ красовались надписи: «Въ проходахъ предписывается молчаніе».

Въ этой обители бѣдности и достоинства, былаго величія и настоящей простоты жили братья въ тѣсномъ общеніи. Ихъ было всего сорокъ, въ томъ числѣ десять бѣльцевъ, десять послушниковъ и двадцать иноковъ. Бѣльцы, или свѣтскіе братья, находились подъ надзоромъ особо надъ ними поставленнаго начальника, отца духовника; имъ рѣдко дозволялось отлучаться въ городъ; они прибирали весь домъ, пекли хлѣбы, готовили кушанье и прислуживали за столомъ; въ этомъ тѣсномъ кругу дѣятельности они старались доказать свое благочестіе усердіемъ и покорностью жребію, обрекавшему ихъ на пожизненную уборку и чистку. Духовные братья, почти всѣ произнесшіе обѣтъ иночества, вели болѣе разнообразную жизнь; они были заперты въ стѣнахъ монастыря только въ періодъ послушничества; потомъ отецъ настоятель посылалъ ихъ проповѣдывать въ лондонскихъ церквахъ и по деревнямъ и даже миссіонерами въ чужіе края.

Бѣльцы жили въ особомъ помѣщеніи; съ иноками Джонъ Стормъ встрѣтился въ первый же вечеръ послѣ своего прибытія. Въ часъ вечерней рекреаціи всѣ они собрались въ общей комнатѣ, для чтенія и бесѣды. Величественная столовая была, какъ и корридоры, лишена всякихъ украшеній, даже мебели. На чистомъ бѣломъ полу были разставлены плетеныя кресла; вдоль одной изъ обшитыхъ панелями стѣнъ, тянулся книжный шкафъ, наполненный большею частью твореніями отцовъ церкви; надъ огромнымъ, внушительнаго вида каминомъ висѣла картонная табличка съ надписью: «Есть скопцы, которые сами себя сдѣлали таковыми ради царствія небеснаго».

Братья толпились вокругъ Джона Сторма и внимательно его разсматривали. Не одна его личность внушала мнѣ любопытство: для этой кучки людей, оторванныхъ отъ жизни, прибытіе свѣжаго человѣка, выходца изъ внѣшняго міра, являлось цѣлымъ событіемъ. Этотъ человѣкъ зналъ, кто съ кѣмъ воюетъ теперь, какія гдѣ свирѣпствуютъ эпидеміи, какія правительства захватили власть въ свои руки, или были низвергнуты. Онъ могъ не упоминать объ этомъ въ случайной бесѣдѣ: уставъ братства запрещалъ обсуждать, само по себѣ, видѣнное и слы-

шанное внѣ стѣнъ монастыря; но все, что̀ происходило за этими стѣнами, казалось, носилось вокругъ него, въ воздухѣ.

Джонъ, съ своей стороны, присматривался къ своимъ будущимъ сожителямъ, стараясь угадать, что это за люди и что привело ихъ сюда. Здѣсь были собраны люди всѣхъ возрастовъ; почти всѣ религіозныя школы прислали сюда своихъ представителей. Рядомъ съ блѣднымъ лицомъ аскета, сіяли невинные глаза святого. Были тутъ живые и проворные; были медлительные и робкіе. Всѣ были одѣты въ длинныя черныя рясы (форма общины); у многихъ станъ опоясывала веревка съ тремя узлами. Они рѣдко упоминали о внѣшнемъ мірѣ, но ясно было, что они не могли изгнать его изъ своихъ мыслей. Тонъ бесѣды былъ веселый; нѣкоторые разсказы настоятеля изъ эпохи его проповѣднической дѣятельности вызывали даже смѣхъ. Газетъ въ братствѣ не было (кромѣ одного распространеннаго церковнаго органа) и никакихъ игръ; курить не дозволялось.

Позвонили къ ужину, и всѣ сошли внизъ въ рефектуаръ. Это была просторная комната въ подвальномъ этажѣ, еще сохранившая кое-какіе слѣды своего прежняго назначенія. Надъ огромной печью опять-таки висѣла карта съ надписью: «И никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее». Вдоль трехъ стѣнъ комнаты тянулись бѣлые, тщательно выскобленные столы; сидѣньями служили скамьи безъ спинокъ; кресло было только одно, посрединѣ,— для настоятеля.

Ужинъ состоялъ изъ похлебки и молока съ чернымъ хлѣбомъ; тарелки и кружки были оловянныя. Во время ужина одинъ изъ братьевъ, сидѣвшій за пюпитромъ, къ которому вели ступеньки, прочелъ сначала нѣсколько мѣстъ изъ св. Писанія, потомъ нѣсколько страницъ изъ свѣтской книги. Только что кончился ужинъ, зазвонили опять, къ повечерію. Братья стали въ рядъ, вышли изъ дому и направились черезъ дворъ, въ маленькую церковь.

Въ старинномъ зданіи царилъ полумракъ, но братья собрались всѣ въ алтарѣ. Они размѣстились двумя группами, другъ противъ друга, на трехъ рядахъ скамей: бѣльцы впереди, за ними послушники, и позади всѣхъ отцы иноки. Служили двое, по одному изъ каждой группы. *Miserere* *) читали на колѣняхъ, псалмы пѣли съ частыми остановками, восклицая въ промежуткахъ: *Ave Maria*!—что производило впечатлѣніе прерывистаго вопля. Служба тянулась не долго и закончилась словами: «Боже Всемогущій, даруй намъ мирный сонъ и кончину непостыдную!» Снова ударили въ колоколъ, и братья въ молчаньи возвратились въ домъ.

Джонъ Стормъ шелъ позади всѣхъ, съ настоятелемъ. Проходя черезъ дворъ, освѣщенный луной, онъ былъ пораженъ какимъ-то страннымъ звукомъ.

---

*) Покаянный псаломъ: «Помилуй мя, Боже!»

— Это сикомора скрипитъ,—сказалъ настоятель.

Джону Сторму почудился голосъ Глори, но такъ какъ ему и во время службы слышался ея плачъ, онъ не придалъ значенія этому обстоятельству и счелъ его обманомъ слуха. Полчаса спустя, всѣ иноки разошлись по своимъ кельямъ, огни потушили, и Геосиманская обитель предалась отдыху.

Келья Джона находилась на самомъ верху, по близости къ помѣщеніямъ бѣльцовъ. Надъ нею ничего не было, кромѣ башенки съ плоской свинцовой крышей, которою монахи пользовались иногда, какъ наблюдательнымъ пунктомъ, и выходили на нее подышать свѣжимъ воздухомъ. Келья была маленькая, узкая комната; все убранство ея составляли столикъ, стулъ, налой, распятіе и деревянная кровать съ соломеннымъ изголовьемъ и малиновымъ одѣяломъ съ большимъ бѣлымъ крестомъ посрединѣ; на полу не было даже коврика.

— Эта келья,—сказалъ себѣ Джонъ,—будетъ моимъ убѣжищемъ на всю остальную жизнь. Земное странствіе мое пришло къ концу.

Церковь наложила на него свою властную руку, и онъ ощутилъ въ душѣ глубокій миръ. Онъ былъ подобенъ кораблю, который, послѣ бурнаго плаванія, тихо колышется на якорѣ у пристани.

За стѣнами обители былъ міръ, причудливый, вѣчно мѣняющійся; внутри ихъ—разъ навсегда установленные правила и обычаи, не слишкомъ суровые, хотя и непреложные. Снаружи—непрестанное волненіе финансоваго моря, приливы и отливы богатствъ; внутри—довольство малымъ, бѣдность, но не тягостная, безъ тревогъ и опасеній. Снаружи—борьба, соперничество, лихорадочная погоня за наживой; внутри—покой, счастье и великія тайны, которыя Богъ открываетъ душѣ человѣческой въ уединеніи.

Джонъ началъ припоминать послѣдовательно всю свою жизнь, мысленно говоря себѣ:

— Все равно; теперь все миновало. Никогда больше я не выйду отсюда. Простите, друзья, простившіе мнѣ! Простите и вы, не прощающіе враги! И ты, міръ, огромный, тщеславный, жестокій, лицемѣрный,—прости! Простите, пышность и слава міра! Прости, жизнь, свобода и—любовь!

Вѣтеръ шелестилъ листьями стараго дерева, росшаго посрединѣ двора, и Джону снова почудился голосъ, который слышался ему, когда онъ проходилъ изъ церкви въ домъ. Глаза его были закрыты, но лицо Глори, съ вздернутой дрожащей верхней губкой, съ влажными смѣющимися глазами, явственно выступало изъ мрака.

— *Ave Maria*! — прошепталъ онъ и повторялъ эти святыя слова снова и снова, пока не уснулъ.

На слѣдующее утро еще не разсвѣло, какъ его уже разбудилъ стукъ въ дверь, и тихій голосъ, говорившій: «*Benedicamus Domino!*»

То отецъ настоятель обходилъ весь домъ, будя братію, по завѣту Спасителя: «Кто хочетъ быть первымъ между вами, будь всѣмъ слугой»!

— *Deo gratias*,—отозвался Джонъ, и голосъ повторилъ то же у сосѣдней двери. Колоколъ прозвонилъ къ заутренѣ, и Джонъ вышелъ изъ кельи, чтобы начать новую жизнь въ качествѣ брата Сторма.

II.

Уставъ ордена запрещалъ братьямъ особенно сближаться между собою и отдавать кому-либо исключительное предпочтеніе; тѣмъ не менѣе, повинуясь голосу природы, Джонъ Стормъ пріобрѣлъ себѣ друзей въ монастырѣ. Чувство, которое внушалъ ему настоятель, было сильнѣе любви и приближалось къ обожанію; къ многимъ изъ иноковъ онъ также чувствовалъ нѣжную симпатію. Отецъ духовникъ былъ человѣкъ суровый и замкнутый, очень строгій и придирчивый, но остальные по большей части застѣнчивы и кротки въ обращеніи; внѣшній міръ внушалъ имъ боязнь, смѣшанную съ любопытствомъ.

Ближе всего онъ сошелся съ двумя изъ бѣльцовъ, отчасти, благодаря близости его кельи къ отведенному имъ помѣщенію. Одинъ былъ высокій, крупный молодой человѣкъ, походившій скорѣе на очень рослаго мальчика; днемъ онъ исполнялъ обязанности монастырскаго привратника; ночью его смѣнялъ другой. Братъ Эндрью—бѣльцовъ называли по именамъ, а не по фамиліямъ,—принадлежалъ къ тѣмъ безхарактернымъ существамъ, которыя только тогда бываютъ счастливы, когда имъ удалось потопить свою индивидуальность въ чужой и слить свою судьбу съ участью другого человѣка. Онъ съ перваго дня привязался къ Джону и въ свободныя минуты ходилъ за нимъ по пятамъ, неуклюже раскачивая свое грузное тѣло и волоча ноги, какъ одряхлѣвшая собака. Безбородое лицо его имѣло полудѣтское выраженіе; онъ совсѣмъ не умѣлъ вести разговоръ и, что бы ему ни говорили, только поддакивалъ.

Другой пріятель Джона былъ бѣлецъ, съ которымъ онъ познакомился еще раньше, въ госпиталѣ, братъ Полли Лёвъ; здѣсь дружба росла медленнѣе; на пути сближенія стояло трагическое препятствіе. Въ первый разъ Джонъ увидалъ его въ рефектуарѣ, въ вечеръ своего прибытія, и замѣтилъ въ лицѣ его слѣды истощенія и страданія. Потомъ онъ часто встрѣчалъ его въ церкви, или въ корридорахъ, иногда кланялся ему и улыбался, но братъ Павелъ ни разу не подалъ вида, что узнаетъ его. Въ концѣ концевъ онъ усумнился въ томъ, что это дѣйствительно братъ Полли Лёвъ, и однажды утромъ, послѣ завтрака, подымаясь по лѣстницѣ вмѣстѣ съ настоятелемъ, спросилъ его:

— Отецъ мой, скажите, этотъ блѣдный бѣлецъ съ грустными глазами—тотъ самый, котораго я зналъ въ госпиталѣ?

— Да. Теперь на него наложена эпитимія,—молчаніе.

— Ахъ вотъ что! А знаетъ онъ, что случилось съ его сестрой?

— Нѣтъ.

Былъ часъ утренней рекреаціи. Отецъ настоятель увлекъ Джона во дворъ и сталъ говорить, о братѣ Павлѣ.

Онъ постоянно мучится мыслями о внѣшнемъ мірѣ; при его слабомъ сложеніи, нервности и наклонности къ чахоткѣ такая борьба съ злымъ духомъ ему совершенно не по силамъ. По уставу, бѣльцы могутъ принимать на себя иноческій санъ только послѣ многихъ лѣтъ жизни въ монастырѣ и усердныхъ трудовъ Господа ради, но, въ виду всего вышесказаннаго, для брата Павла рѣшено сдѣлать исключеніе и совершить надъ нимъ обрядъ постриженія немедленно, дабы вырвать его изъ когтей діавола и подавить въ немъ влеченіе къ міру.

— Вы на опытѣ убѣдились, что это вѣрное средство?—спросилъ Джонъ.—Значитъ, когда монахъ произнесъ обѣтъ, всѣ помыслы о земномъ должны исчезнуть изъ души его?

— Онъ подобенъ моряку, готовящемуся къ отплытію. Пока корабль его въ гавани, всѣ мысли его обращены къ дому, оставшемуся позади, но, разъ выйдя въ открытое море, онъ думаетъ только о той пристани, къ которой стремится.

— Но развѣ онъ не оглядывается назадъ? Морякъ можетъ писать друзьямъ и близкимъ, съ которыми онъ разстался; монахъ, безъ сомнѣнія, можетъ молиться за нихъ.

— Какъ за братьевъ и сестеръ по духу,—да, сколько угодно и во всякое время; какъ за братьевъ и сестеръ по плоти—нѣтъ; это дозволяются лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда они особенно нуждаются въ помощи. Сынъ мой, всѣ помыслы монаха должны быть отданы его небесному супругу—Христу, и всѣ чада Христовы одинаково родные ему.

Въ заключеніе отецъ настоятель просилъ Джона воздерживаться вообще отъ всякихъ упоминаній о происшедшемъ въ госпиталѣ, такъ какъ если это дойдетъ до ушей брата Павла, результаты могутъ получиться весьма прискорбные.

Предостереженіе казалось безполезнымъ. Съ этого дня Джонъ самъ началъ избѣгать брата Павла. Въ церкви и въ рефектуарѣ онъ старался не смотрѣть на него. Каждый разъ, при видѣ этого изможденнаго лица съ голоднымъ взглядомъ, ему представлялся плѣнный орелъ съ переломленнымъ крыломъ, посаженный въ клѣтку. Онъ былъ непріятно пораженъ, узнавъ, что ихъ кельи находятся рядомъ. При встрѣчѣ въ корридорѣ, онъ съ какимъ-то страхомъ спѣшилъ пройти мимо и радовался, что запретъ настоятеля не дозволяетъ брату Павлу вступать въ разговоры. Подъ тлѣющимъ пепломъ могли крыться горячіе угли, на которые стоитъ только подуть, чтобъ они разгорѣлись яркимъ пламенемъ.

Въ концѣ концевъ они все-таки встрѣтились, на плоской кровлѣ башенки, возвышавшейся надъ ихъ кельями. Джонъ усвоилъ себѣ

привычку выходить туда послѣ повечерія, чтобы съ высоты взглянуть на Лондонъ и поблагодарить Бога за свое избавленіе изъ когтей его. Въ тотъ вечеръ небо было усѣяно звѣздами; городъ широко разлегся внизу, точно огромное чудовище. Теперь Джону чудилось въ немъ что-то демоническое. Рѣка извивалась по песку, словно змѣй; тамъ и сямъ ее, словно пластинки чешуи, перерѣзывали мосты; дальше къ западу лежала голова чудовища, начинавшая сверкать огнями.

— Она тамъ,—подумалъ Джонъ и вздрогнулъ, пораженный какимъ-то звукомъ. Неужели онъ вслухъ выговорилъ эти слова? Нѣтъ, говорилъ не онъ, а кто-то другой. У парапета стоялъ братъ Павелъ и смотрѣлъ въ ту же сторону. Почувствовавъ, что за нимъ кто-то стоитъ, онъ вздрогнулъ, обернулся, смущенно пробормоталъ что-то невнятное и поспѣшилъ скрыться, словно застигнутый на мѣстѣ преступленія.

— Боже, смилуйся надъ нимъ!—подумалъ Джонъ.—Еслибъ онъ только зналъ, что случилось!

Онъ вернулся въ свою келью и началъ думать о Глори. Обрывки воспоминаній въ первый разъ слились въ одно цѣлое; въ первый разъ онъ сообразилъ, въ какую опасную минуту онъ лишилъ Глори своего покровительства, какъ шатко ея положеніе въ госпиталѣ, какой опасностью грозятъ ей ея сношенія съ Полли Лѣвъ.

Къ послѣдней молитвѣ,—благодарственной за испытанія пережитаго дня,—которую полагалось, по уставу, произносить у себя въ кельѣ, передъ распятіемъ, стоящимъ возлѣ кровати, Джонъ присоединилъ слова: «Господи, благослови и защити ее, гдѣ бы она ни была!»

Онъ больше не выходилъ на кровлю башенки вплоть до утра того дня, когда ему предстояло быть посвященнымъ въ послушники. Все это время душа его такъ щедро изливалась въ молитвѣ, что онъ уже почти началъ смотрѣть на себя, какъ на человѣка, перешедшаго въ другой міръ, отрѣшившагося отъ всего земного. Утро было ясное и морозное; съ башенки видно было, что на землѣ внизу творится что-то необычное. Магазины были заперты; площади запружены народомъ; по улицамъ двигались процессіи, гремѣла музыка, развѣвались знамена. Онъ вспомнилъ, что это былъ за день,—9-е ноября, день выборовъ лорда-мэра,—и опять подумалъ о Глори. Она, навѣрное, въ толпѣ; она такая жизнерадостная, такъ любитъ свѣтъ, веселье и пышность!..

То былъ послѣдній день, данный ему для подготовки; ему было запрещено разговаривать съ братіей; онъ вернулся въ свою келью и заперъ дверь. Но отголоски улицы долетали и сюда. Весь день на улицахъ играла музыка, слышался стукъ лошадиныхъ копытъ, топотъ человѣческихъ ногъ. До послѣдней минуты, даже когда онъ стоялъ на колѣняхъ передъ распятіемъ, закрывъ ладонями лицо, ему представлялось веселое зрѣлище, толпа, мужскія, женскія, дѣтскія головы у каж-

даго окна, на каждомъ балконѣ, и между ними головка Глори; ея лучистые глаза и смѣющіяся губы выступали совершенно ясно.

Только къ вечеру стало потише. Раздался звонъ колокола, и Джонъ сошелъ внизъ. Братія ожидала его въ большой залѣ; всѣ вытянулись въ линію и двинулись въ церковь; впереди братъ Эндрью съ крестомъ, потомъ братъ Павелъ съ кадильницей, другіе бѣльцы со свѣчами, за ними иноки въ рясахъ, настоятель въ камилавкѣ и позади всѣхъ—Джонъ Стормъ.

Алтарь былъ украшенъ по праздничному; служба шла странная, но торжественная. Джонъ написалъ обѣтъ вѣрности и послушанія и собственноручно возложилъ бумагу на алтарь. До сихъ поръ онъ носилъ платье свѣтскаго священника; теперь его должны были облечь въ одежду ордена.

Отецъ настоятель стоялъ на ступенькахъ алтаря; у ногъ его лежала ряса. Онъ взялъ ее, благословилъ, надѣлъ на Джона и препоясалъ веревкой, говоря: «Прими это вервіе и носи его, памятуя о чистотѣ сердца, которую ты непрестанно долженъ стараться хранить изъ любви и угожденія Господу нашему Іисусу».

Въ это мгновеніе дверь внезапно и съ шумомъ захлопнулась, въ знакъ того, что отнынѣ міръ закрылся для новопосвященнаго брата; хоръ запѣлъ *Gloria Patri* *), потомъ гимнъ, начинающійся словами:

«Прости, міръ скорби,
Тревоги, раскола, борьбы!
Покидаю тебя на порогѣ
Жизни небесной».

Въ этотъ же вечеръ долженъ былъ связать себя вѣчнымъ обѣтомъ братъ Павелъ; лишь только Джонъ отошелъ, онъ приблизился къ ступенькамъ алтаря. Онъ былъ блѣденъ, замѣтно взволнованъ и споткнулся бы, еслибъ его не поддерживали съ одной стороны отецъ духовникъ, съ другой--братъ Эндрью.

Вся церемонія была повторена, только съ еще большей торжественностью: служили панихиду, пѣли *De profundis*, читали «*Ecce quam bonum*»; унылый, протяжный звонъ колокола, казалось, возвѣщалъ о погребеніи; все закончилось гимномъ: «Кто умеръ во Христѣ, тотъ побѣдилъ смерть и разсѣялъ мрачные страхи ея».

Джонъ Стормъ былъ глубоко потрясенъ. Ему казалось, что небеса отверзлись передъ нимъ, а земля уходитъ изъ виду. Съ трудомъ вѣрилось, что онъ все еще остается человѣкомъ изъ плоти и крови.

Онъ опомнился только на башнѣ, куда онъ вышелъ снова, теперь уже въ рясѣ и съ веревкой вокругъ пояса. Морозный воздухъ къ вечеру сгустился въ плотный туманъ; слышались сигналы, предупреждавшіе объ опасности столкновенія; могучее чудовище внизу, казалось, извергало пламя тысячью ноздрей и ревѣло тысячью глотокъ.

---

*) Слава Отцу и Сыну и св. Духу.

Джонъ услыхалъ шаги; кто-то подошелъ къ нему. То былъ братъ Павелъ. Онъ заговорилъ быстро, взволнованно, пытаясь засмѣяться:

— Я такъ счастливъ, что вы пришли къ намъ! Я радъ, что мой искусъ молчанія кончился, и я могу сказать вамъ, какъ я радъ видѣть васъ здѣсь.

— Благодарю васъ,—сказалъ Джонъ и хотѣлъ пройти мимо.

— Я всегда былъ увѣренъ, что вы придете къ намъ, т. е. послѣ той ночи, какъ вы говорили... помните, ночь бала сидѣлокъ, когда меня навѣстилъ отецъ настоятель? Надѣюсь, однако, что ничего дурного не случилось... т. е. я хочу сказать, въ госпиталѣ?..

Джонъ ощупью искалъ двери.

— Всѣ васъ такъ любили... больные, сидѣлки, — всѣ! Какъ они должны грустить о вашемъ уходѣ! Надѣюсь, вы всѣхъ оставили здоровыми... счастливыми... да?

— Спокойной ночи!—отозвался Джонъ уже съ лѣстницы.

На мигъ воцарилось молчаніе; потомъ братъ Павелъ выговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— Я понимаю васъ. Вы хотите сказать, что о внѣшнемъ мірѣ не слѣдуетъ говорить иначе, какъ въ экстренныхъ случаяхъ. Тѣмъ болѣе, что мы произнесли обѣты и связаны на всю жизнь,—по крайней мѣрѣ, я. И все-таки, еслибъ вы могли сказать мнѣ... Я виноватъ, очень виноватъ. Я долженъ покаяться въ своемъ проступкѣ и наложить на себя эпитемію.

Джонъ торопливо спускался съ лѣстницы, спѣша укрыться въ своей комнатѣ.

— Помоги ему, Боже!—думалъ онъ.—И мнѣ также! Господи, поддержи насъ обоихъ! Какъ я буду жить, скрывая эту тайну? И что станется съ нимъ, если онъ узнаетъ ее?

Онъ присѣлъ на кровать, стараясь собраться съ мыслями. Да, братъ Павелъ достоинъ состраданія. Во всемъ нравственномъ мірѣ нѣтъ зрѣлища, болѣе печальнаго, чѣмъ человѣкъ, отрекшійся отъ свѣта, въ то время, какъ сердце его еще полно земнымъ. Что онъ здѣсь дѣлаетъ? Что привело его сюда? Зачѣмъ такому человѣку быть въ монастырѣ? Онъ такъ жалокъ, такъ безпомощенъ передъ лицомъ жизни и долга! Неужели это справедливо, неужели необходимо, неужели *такъ* угодно Богу?

Братъ — здѣсь, сестра — въ мірѣ. Она молода, тщеславна, а свѣтъ полонъ соблазновъ. Одна, безъ защитника, безъ руководителя, окруженная всевозможными опасностями!.. Она уже пала, уже покрыла себя стыдомъ, а онъ лишенъ возможности спасти ее. Что бы ни случилось въ ея прошломъ, что бы ни постигло ее въ будущемъ, онъ потерянъ для нея навсегда. Плѣнный орелъ съ переломленнымъ крыломъ прикованъ цѣпью къ стѣнѣ... А молитва! Молитва лучшій оплотъ чистоты; Богъ не нуждается въ человѣческихъ усиліяхъ...

Джонъ упалъ на колѣни передъ распятіемъ. Въ смутныхъ, безсвязныхъ грезахъ онъ думалъ одновременно о Глори и братѣ Павлѣ, о Полли и о Дрэкѣ. Образы ихъ мелькали въ его головѣ, давили его мозгъ, исчезали и возвращались снова. Ночь была холодна, но на лбу его выступилъ каплями потъ. Внутренній голосъ изъ тайниковъ души что-то шепталъ ему, но онъ старался не слушать. Онъ былъ точно слѣпой, который, споткнувшись, упалъ на краю бездны и слышитъ, какъ внизу волны разбиваются объ утесы.

Читая послѣднюю молитву, онъ пропустилъ слова, относившіяся къ Глори (ему казалось, что этого требуетъ долгъ), но отъ пропуска молитва лишилась жизненности и силы, лишилась души. Среди ночи онъ въ испугѣ проснулся. Ему пригрезилось, что онъ умеръ и похороненъ. Правда это или только сонъ? Вокругъ было темно. Онъ поднялъ голову, протянулъ руку. Нѣтъ, это правда. Мало-по-малу онъ припомнилъ послѣдовательно всѣ событія предыдущаго дня. Да, это произошло въ дѣйствительности.

— Но вѣдь я же не такъ, какъ братъ Павелъ; я не на всю жизнь связанъ,—сказалъ онъ себѣ и, утѣшенный, какъ ребенокъ, снова улегся.

Ему было стыдно, но отогнать этихъ мыслей онъ не могъ. Онъ уже чувствовалъ себя узникомъ въ темницѣ, который мечтаетъ объ освобожденіи.

III.

5а, у малой заставы,
Гай Холборнъ, Лондонъ.
9 ноября, 18—

Ура! ура! ура! симъ возвѣщается вамъ, съ подобающею важностью и торжественностью, что я, Глори Квэйль, оставила госпиталь на время. Развѣ я вамъ не говорила? Вы не обратили вниманія на этотъ параграфъ въ уставѣ? Каждые полгода сидѣлкѣ дается отпускъ на недѣлю, а такъ какъ сегодня исполнилось ровно шесть мѣсяцевъ со времени моего поступленія, такъ какъ недѣля слишкомъ короткое время для того, чтобы прокатиться на островъ, а здѣсь я познакомилась съ одной очень милой дамой, которая усиленно приглашала меня посѣтить ее... вы понимаете?

Въ первый разъ со времени пріѣзда въ Лондонъ, я была полной госпожей своего времени и поступковъ и потому изображала изъ себя юнаго жеребенка, который въ первый разъ увидалъ зеленую травку. Однако, надо разсказать вамъ все по порядку. День начался великолѣпно. Былъ такой часокъ, что небо смѣялось и плакало вмѣстѣ, а публика чихала и прочищала носы; но потомъ наступило морозное утро, яркое, солнечное; въ воздухѣ точно алмазы сверкали. Я вышла изъ госпиталя между одинадцатью и двѣнадцатью и, проходя черезъ паркъ, замѣтила, что на Букингэмскомъ дворцѣ развиваются флаги и повсюду

звонятъ въ колокола. Оказалось, что сегодня день рожденія принца Уэльскаго и въ то же время день выборовъ лорда-мэра; повсюду на улицахъ играли оркестры музыки; народъ толпою валилъ къ зданію парламента. Я побѣжала вслѣдъ за другими и удостоилась лицезрѣть парадъ въ честь лорда-мэра.

Знаете ли вы, люди добрые, что это такое? Это парадъ не военный, а гражданскій. Разъ въ годъ король Сити разгуливаетъ по улицамъ, какъ настоящій король, въ сопровожденіи огромнѣйшей свиты изъ солдатъ и всякихъ крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, въ парикахъ, съ напудренными косичками и въ длинныхъ чулкахъ, словомъ, въ самыхъ допотопныхъ костюмахъ. У нынѣшняго короля было штукъ семьсотъ предшественниковъ и онъ полагаетъ свою гордость въ томъ, чтобы показать, что онъ носитъ одно съ ними платье. И все-таки это было ужасно красиво и я готова была кричать отъ восторга, видя, какъ эти почтенные синьоры для такого случая забыли свою солидность и представляются мальчишками.

Что за зрѣлище! Повсюду развѣвались флаги, черезъ улицы были перекинуты вырѣзанные фестонами куски матеріи, съ надписями вродѣ: «Въ единеніи—сила. Боже, спаси королеву» и другія, столь же милыя, хотя и не оригинальныя изреченія. На главныхъ улицахъ была прекращена торговля и омнибусы принуждены были отправляться въ объѣздъ, къ великому изумленію жителей узкихъ переулковъ. Повсюду толпа, густые ряды людей, прижатыхъ одинъ къ другому, съ побѣлѣвшими, поднятыми кверху лицами, совсѣмъ какъ на картинахъ изображаютъ круглые, стоячіе камни на Шоссе Великана,—это было чудесно!

А сколько смѣшного! Въ ожиданіи процессіи, обязанность забавлять публику, повидимому, любезно приняли на себя полисмены. Тотъ, что стоялъ всѣхъ ближе ко мнѣ, былъ толстъ, какъ Фальстафъ; тощій, молодой шалопай, стоявшій впереди его, все время обращался къ нему съ разными интимными замѣчаніями, называя его Робертомъ. Юный нахалъ не подозрѣвалъ, что и самъ онъ не менѣе смѣшонъ, на головѣ у него былъ хохолокъ, сильно напомаженный и тщательно зачесанный на правую сторону, для того, чтобы можно было его видѣть лѣвымъ глазомъ,—и ужъ какъ же онъ поглядывалъ на него!..

А процессія! Боже милостивый, какъ мы хохотали! Кого тутъ только ни было: и лѣсничіе, и лейбъ-гвардейцы изъ Тоуэра, шотландскіе стрѣлки, волынщики, дамы изъ балета, которыя тряслись на шаткихъ носилкахъ, изображая изъ себя свободу и промышленность, и въ концѣ концовъ самъ король Сити, улыбающійся и раскланивающійся на всѣ стороны, а позади его вассалы въ желтыхъ кафтанахъ и красныхъ шелковыхъ чулкахъ.

Повидимому, любимцемъ публики былъ горецъ въ странно узкихъ розовыхъ панталонахъ, шествовавшій съ необычайно торжественнымъ видомъ; онъ, кажется, воображалъ себѣ, что участвуетъ въ религіозной церемоніи, въ качествѣ идола, вынесеннаго на прогулку.

А оркестры! Ихъ было, по крайней мѣрѣ, штукъ двадцать, и духовыхъ, и мѣдныхъ, и всѣ играли «Вашингтонскую почту», причемъ ни одинъ не могъ попасть въ тактъ другому. Это было какое-то попурри изъ разныхъ мелодій, настоящій калейдоскопъ звуковъ; прибавьте къ этому колокольный звонъ въ честь рожденія принца, ружейные выстрѣлы; словомъ, когда все это кончилось, я почувствовала себя, какъ тотъ мужъ, котораго жена подарила двумя близнецами и который ни за милліоны не согласился бы лишиться хоть одного изъ нихъ, но не находилъ въ себѣ мужества дать хоть ломаный грошъ за третьяго.

Цѣлыхъ полчаса тянулась мимо меня процессія; когда она скрылась изъ виду, я вспомнила дамъ въ нарядныхъ платьяхъ, которыя возсѣдали въ великолѣпныхъ экипажахъ, хотя вовсе не казались умнѣе или красивѣе другихъ женщинъ, и пошла обратно съ маленькимъ твердымъ комочкомъ у сердца и мозолью на лѣвой ногѣ; юный шалопай съ хохолкомъ, неосторожно отодвинувшись назадъ, наступилъ мнѣ на палецъ. По всей вѣроятности эти барыни будутъ нынче вечеромъ пировать съ лордами и знатью, и крошки, падающія со стола богачей, разойдутся пирогами и паштетами по глухимъ закоулкамъ, гдѣ бродитъ голодъ, и ужъ навѣрное маленькому Лазарю въ Майль-эндъ-родѣ въ эту самую минуту снится Дикъ Виттингтонъ и лондонское лордъ-мэрство.

Должно быть, и мнѣ на ходу приснилось, что-нибудь въ этомъ родѣ, потому что, какъ бы вы думали, что я сдѣлала? Сказать? Да, скажу. Я обратилась къ себѣ съ такой рѣчью: «Глори, дитя мое, представь себѣ, что въ этомъ огромномъ, красивомъ, пышномъ Лондонѣ, ты почти такъ же бѣдна, какъ былъ бѣденъ Дикъ Виттингтонъ; представь себѣ, такъ, ради шутки, что у тебя нѣтъ ни дома, ни друзей, что ты ушла изъ госпиталя, или, можетъ быть, тебя выгнали и нѣтъ у тебя ни одной хорошей знакомой, которая готова была бы принять тебя; представь себѣ, что все это случилось въ дѣйствительности,—чтобы ты сдѣлала прежде всего?» На все это я, не задумываясь, отвѣчала: «Прежде всего ты должна нанять себѣ квартиру, дитя мое, а затѣмъ приняться за работу, чтобы показать этому огромному, пышному Лондону, на что способна женщина, когда она рѣшила заставить его упасть къ ея маленькимъ ножкамъ».

Отсюда слышу, какъ дѣдушка говоритъ: «Господи помилуй, дѣвочка, но вѣдь ты же не попробовала?» Ну, да, попробовала,—ради забавы, конечно, и еще потому, что въ каждой дочери Евы сидитъ кусочекъ злого духа. Помните ли вы, кошку, которая никакъ не могла ужиться у насъ въ домѣ, не смотря на всѣ ласки и баловство тети Рэчели, и, пренебрегши цѣльнымъ молокомъ и размоченной булкой, перелѣзла черезъ заборъ на заднемъ дворѣ, чтобы присоединиться къ бродячимъ кошкамъ, которыя питаются чѣмъ попало? Ну, вотъ и я чув-

ствовала себя, какъ Румни; въ карманѣ у меня было три соверена, а въ душѣ—вызовъ судьбѣ.

И все-таки это было ужасно забавно; на свѣтѣ такъ весело, что я не могу понять, какъ можно уйти изъ него по доброй волѣ, прежде чѣмъ васъ заставятъ уйти. Не прошла я и десяти шаговъ въ своей новой роли мадмуазель Дикъ Виттингтонъ, какъ толстый слонообразный кучеръ крикнулъ мнѣ: «Ты куда прешь?» и я чуть было не попала подъ колеса ландо, въ которомъ сидѣли двѣ нахальнаго вида особы въ котиковыхъ жакеткахъ, напудренныя и намазанныя до нельзя. Въ одной изъ нихъ я узнала нашу бывшую сидѣлку, которую съ позоромъ выгнали вонъ изъ госпиталя; къ счастью, она не видѣла меня,—говорю: къ счастью, потому что твердый комочекъ у меня въ сердцѣ, сталъ въ эту минуту горекъ, какъ желчь; я высказала въ назиданіе себѣ нѣсколько философскихъ замѣчаній и прошла мимо.

О, Боже, что за ужасъ лондонскія квартирныя хозяйки! Это какія-то Шейлоки въ юбкахъ; каждая изъ нихъ наровитъ вырвать у тебя кусочекъ мяса. Первая, къ которой я обратилась, спросила съ меня двѣ гинеи за двѣ комнаты, не считая свѣчей и дровъ. «Въ мѣсяцъ?»—говорю я.—«Да, если желаете, можно и по-мѣсячно».—«Двѣ гинеи въ мѣсяцъ?» Вотъ такъ фунтъ. Я кубаремъ выкатилась изъ этого дома.

Затѣмъ, я направила свой путь въ болѣе скромныя улицы, по близости къ парламенту, гдѣ почти въ каждомъ домѣ, на маленькой зеленой занавѣскѣ красуется карточка съ надписью: «Отдается въ наймы». И тутъ, въ концѣ концовъ, я нашла себѣ подходящее помѣщеніе,—на недѣлю, только на время отпуска. Плата за двѣ комнаты десять шиллинговъ, считая все. «Хорошо, я беру», сказала я съ надменнымъ видомъ; но тутъ хозяйка, страшная уродина съ намекомъ на усы, учинила мнѣ настоящій экзаменъ. «Вы замужемъ?»—«О, нѣтъ!» — «Чѣмъ же вы занимаетесь?» — А я, глупая и говорю: «Ничѣмъ». У меня только и думы было, что о Дикѣ Виттингтонѣ, а о госпиталѣ я какъ-то совсѣмъ забыла, тѣмъ болѣе, что была въ своемъ платьѣ, а не въ формѣ. Ну, она и объявила мнѣ, что не принимаетъ на квартиру незамужнихъ молодыхъ особъ безъ всякихъ занятій, и я опять очутилась на улицѣ.

Я не огорчилась, о, нѣтъ! вѣдь это же было только въ шутку; но такъ какъ дѣвицы безъ занятій не внушаютъ къ себѣ довѣрія, я рѣшила, на случай, если меня опять спросятъ, чѣмъ я занимаюсь, говорить, что я пѣвица. У третьей хозяйки была только одна комната, въ четвертомъ этажѣ и на заднемъ дворѣ, но прежде чѣмъ я успѣла подняться на этотъ чердакъ, меня опять притянули къ допросу. «Чѣмъ занимаетесь, миссъ?»—«Я пѣвица».—«Профессіональная, миссъ?»—«То-есть, какъ: профессіональная?»—«Понятно какъ, на сценѣ поете?» —«Н—да, въ этомъ родѣ».—«Мы актрисъ не принимаемъ».

Часъ отъ часу не легче! Я чуть не взвизгнула, до того это было

смѣшно. Но время шло, на большомъ Бенѣ *) пробило четыре, начинало темнѣть, и вдругъ я вижу вывѣску: «Убѣжище для дѣвушекъ». Неужели благотворительное? думаю.—Нѣтъ, съ виду не похоже на то. Я смѣло вхожу и спрашиваю управительницу. «Вы хотите сказать: надзирательницу, миссъ?»—«Ну, надзирательницу такъ надзирательницу», говорю я. Та является, подходитъ, улыбаясь?—Нѣтъ, не улыбаясь: видъ у нея былъ вовсе неблагодушный,—и начинаетъ задавать мнѣ какіе-то таинственные вопросы. «Что, миленькая, устали, надоѣла вамъ эта жизнь? Скверная жизнь, правда вѣдь?» Я нѣсколько времени отвѣчала ей, потомъ чувствую, что у меня ужасно тѣснитъ въ горлѣ, и холодная дрожь бѣжитъ внизъ по спинѣ, и спрашиваю ее, о чемъ она собственно говоритъ Она пришла въ изумленіе и, въ свою очередь, спрашиваетъ: хорошо ли я веду себя? Я говорю: «Надѣюсь!» Тогда объявила, что не можетъ принять меня и указала на карточку на стѣнѣ, которую я, по простотѣ и не догадалась прочитать раньше. А тамъ было написано? «Предлагаютъ убѣжище и помощь женщинамъ, которыя хотятъ оставить позорный и безславный образъ жизни».

На этотъ разъ я таки взвизгнула: слишкомъ ужъ все это было нелѣпо. Въ одномъ мѣстѣ я оказалась недостаточно хороша, въ другомъ — недостаточно дурна; во имя всего смѣшного, что еще могло ждать меня? Пока я странствовала, совсѣмъ стемнѣло; воздухъ сталъ черный, какъ сѣверо-западный вѣтеръ; «притомились мои рѣзвы ноженьки»; я забыла, что я мадмуазель Дикъ Виттингтонъ и, помня только добродѣтельную самаритянку, приглашавшую меня погостить, прыгнула въ первый попавшійся омнибусъ.

Омнибусъ привезъ меня къ Пиккадилли, гдѣ мнѣ рѣшительно нечего было дѣлать. А на землю тѣмъ временемъ спустился туманъ, и я чуть было не затерялась въ немъ.

О Ананія, Азарія и Мисаилъ! Знаете ли вы, что такое лондонскій туманъ? Это дымъ, сажа, сѣра. Онъ темнѣе ночи, потому что въ немъ не видно огней, плотнѣе облачнаго столпа, грязнѣе испареній на кирпичномъ заводѣ. Вамъ начинаетъ казаться, что вся земля сплошной свиной хлѣвъ, который бросили въ котелъ съ кипяткомъ, а Лондонъ взялъ и снялъ крышку. Среди этого ада ползутъ кэбы, тащатся омнибусы, мелькаютъ съ факелами въ рукахъ вонючіе грязные бѣсы, которые, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются обыкновенными людьми; вы идете ощупью, хрипите, кашляете; самыя добродушныя физіономіи, внезапно вынырнувъ изъ тумана, пыхтятъ и фыркаютъ на васъ, какъ звѣри въ Апокалипсисѣ.

Вначалѣ все это показалось мнѣ очень забавнымъ, но потомъ я принуждена была расхохотаться, чтобъ не расплакаться, а когда я со смѣ-

*) На городской башнѣ.

хомъ обратилась къ какому-то прохожему, спрашивая его, какъ пройти къ холборнскому омнибусу, меня толкнулъ полисменъ, говоря:

— Проходи, проходи, нечего тутъ балясы точить!

Я чуть было не задохлась отъ смѣха, но, вспомнивъ, что я видѣла на этомъ самомъ мѣстѣ въ первый день выходя изъ госпиталя, я однимъ духомъ перелетѣла черезъ улицу и пустилась бѣжать дальше, несмотря на брань и толчки. Однако, прохожій,—не имѣю понятія, кто онъ,—послѣдовалъ за мной и таки направилъ меня на настоящую дорогу, такъ что я въ концѣ концовъ попала сюда. На это потребовалось два часа, томительно долгихъ, за то, послѣ такого чистилища, этотъ домъ кажется раемъ, населеннымъ прекрасными и добрыми ангелами, какъ и подобаетъ настоящему раю.

Добрая самаритянка приняла меня очень радушно, вмигъ приготовила чай и преподнесла мнѣ упитаннаго тельца, во образѣ баночки малиноваго варенья. Ее зовутъ м-ссъ Джупъ; мужъ ея чѣмъ-то служитъ въ какомъ-то клубѣ; у нея есть дочь, дѣвочка лѣтъ одиннадцати, съ которой мнѣ придется спать на одной постелѣ; она такъ неслышно движется, что я ее прозвала «тихоходомъ». Въ настоящую минуту я вмѣстѣ съ миссъ-тихоходъ нахожусь въ нашей маленькой спальнѣ, чувствую себя здоровой, благополучной и властительницей всего, что я могу окинуть взоромъ.

Спокойной ночи, друзья мои! Черезъ полчаса все испытанное мною въ теченіе дня будетъ представляться мнѣ снова въ безпорядкѣ и вверхъ дномъ, какъ это всегда бываетъ во снѣ. Увы мнѣ, бѣдной! Что, если бы все это было правдой: если бы я дѣйствительно очутилась безъ крова и друзей и безъ копѣйки денегъ, вмѣсто того, чтобы имѣть три фунта золотомъ въ карманѣ и Провидѣніе, на которое я могу разсчитывать, въ лицѣ м-ссъ Джупъ! Когда я прославлюсь и заставлю весь свѣтъ обратить на меня вниманіе, я буду заботиться о бѣдныхъ дѣвушкахъ, которыя не имѣютъ пристанища въ Лондонѣ. Джонъ Стормъ былъ правъ: этотъ огромный, блестящій, пышный, восхитительный Лондонъ можетъ быть иногда очень жестокъ. Онъ зоветъ ихъ, манитъ, улыбается имъ, заставляетъ ихъ думать, что среди стольких огней роскоши и любви, рядомъ съ пышными дворцами, жизнь должна быть сплошнымъ весельемъ и радостью, а потомъ...

Впрочемъ, можетъ быть, причина зла коренится глубже; я не собираюсь обрѣзать волосы, облечься въ жилетку и ратовать за равенство правъ обоихъ половъ, но въ эту минуту я чувствую, что будь я мужчиной, я была бы счастливѣйшей женщиной въ мірѣ! Это не значитъ, что я боюсь Лондона! О, нѣтъ! и, чтобы показать вамъ, какъ я стремлюсь окунуться въ его мутныя волны, симъ извѣщаю васъ, предупреждаю и довожу до вашего свѣдѣнія, что я, можетъ быть, воспользуюсь моимъ недѣльнымъ отпускомъ, чтобы найти болѣе подходящее для себя занятіе, чѣмъ работа въ госпиталѣ, подъ началь-

ствомъ Бѣлой Совы. Я тамъ не на своемъ мѣстѣ, что бы ни говорила тетя Анна, и потому ждите новаго. «Быть или не быть?» вотъ вопросъ. Всего удобнѣе, конечно, положиться на Провидѣніе и во всякомъ случаѣ... Но, пока, не надо ничего говорить; погодите, поживемъ, увидимъ, что принесетъ съ собой эта недѣля.

Поклонитесь отъ меня нашему острову низко, низко, въ самую глубь его. Милый островокъ! Теперь, когда я такъ далека отъ него, я постоянно брожу по немъ мысленно и чувствую къ нему нелѣпую привязанность матери, которая изучила каждый кусочекъ тѣла своего ребенка и просто готова съѣсть его. Теперь листья ужъ должно быть осыпались и на обнаженныхъ вѣтвяхъ нѣтъ ничего, кромѣ пустыхъ гнѣздъ, гдѣ прежде любились и распѣвали птички. Шлю имъ мою любовь, а вамъ, мои родные, три неистовыхъ поцѣлуя!

Глори.

P. S. Ахъ, я, кажется, ничего вамъ не написала о Джонѣ Стормѣ? Въ Лондонѣ столько разныхъ разностей, о которыхъ приходится думать!.. Да, онъ поступилъ въ монастырь; сообщеніе прекращено; телеграфныя проволоки порваны бурей, etc.

Шутки въ сторону, онъ, повидимому, безповоротно ушелъ въ монастырь и шутить этимъ все равно, что вынуть копѣйку изъ шляпы слѣпого. Разумѣется, слѣдовало ожидать, что человѣкъ его склада не уживется со всѣми этими замужними старыми дѣвами и старыми бабами въ панталонахъ. Что тутъ только творилось! Всѣ ополчились на него: канонада *)—справа, канонада—спереди, канонада—слѣва, хотя молва говоритъ, что Джонъ самъ заряжалъ и стрѣлялъ. Передъ уходомъ онъ написалъ мнѣ письмо, говоря, что Лондонъ огорчилъ и непріятно разочаровалъ его, что онъ стремится уйти отъ него и вмѣстѣ отъ самаго себя и посвятить жизнь свою Богу. Все это, безъ сомнѣнія, очень хорошо и достойно, но почему я не могла выговорить, «аминь»? Онъ говорилъ и обо мнѣ: чѣмъ я была для него и какъ много значила въ его жизни, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не зналъ матери, не имѣлъ сестры и не могъ жениться. Все это превосходно, но обыкновенной женщинѣ, вродѣ Глори, не доставляетъ удовольствія узнавать такія вещи изъ писемъ; она предпочла бы видѣть пять минутъ Джона Сторма—обыкновеннаго смертнаго, чѣмъ цѣлую вѣчность Джона Сторма—праведника. Его письмо напоминало мнѣ христіанина на пути къ вѣчному городу **). Если помните, этотъ герой всегда казался мнѣ мало годнымъ въ герои и я не могла особенно сочувствовать его жалобамъ на тяжесть ноши, такъ какъ тѣ изъ даровъ Провидѣнія, которые тяготили его, онъ свободно могъ оставить позади.

Но это все равно, что бить калѣку его же костылемъ, такъ какъ

*) Въ подлинникѣ игра словами: *canon*—пушка и *canon*—каноникъ.

**) Герой извѣстной книги: «*The Christians Progress*».

Джона нѣтъ здѣсь и онъ не можетъ защитить себя; когда я думаю объ этомъ на улицѣ, я бросаюсь бѣжать бѣгомъ, чтобы не сдѣлать какой-нибудь глупости, и люди думаютъ, что я бѣгу за омнибусомъ, когда на самомъ дѣлѣ я бѣгу отъ своихъ слезъ. О братствѣ могу вамъ сообщить немногое: это нѣчто среднее между дворцомъ и исправительнымъ домомъ. Повидимому, въ англиканской церкви теперь на первомъ планѣ обрядность и начинаютъ процвѣтать монастыри; обыкновенной грѣшной женщинѣ это кажется пригоднымъ только для человѣка на лунѣ, хотя человѣкъ на лунѣ можетъ быть совсѣмъ иного мнѣнія. Говорятъ, что братья всѣ холостые, живутъ въ кельяхъ; помнится, я видала въ глазахъ Джона Сторма такое выраженіе, судя по которому, едва ли онъ созданъ именно для такой жизни. Сказать правду, я наполовину виню себя въ томъ, что случилось, и мнѣ стыдно вспомнить, какъ легко я относилась ко всему, въ то время, какъ нашъ бѣдный Джонъ боролся со звѣрями въ Эфесѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я и сердита на него; если бы, прежде чѣмъ рѣшиться на такой серьезный шагъ, онъ имѣлъ терпѣніе подождать, пока я выскажусь... Ну, да все равно, галку нельзя назвать благочестивой птицей за то только, что она вьетъ гнѣзда на колокольняхъ, и Джонъ Стормъ не превратится въ монаха оттого только, что заперся въ кельѣ. Спокойной ночи!

IV.

Рай, куда Глори спаслась отъ тумана, представлялъ собой маленькую, грязную табачную лавочку въ узкомъ переулкѣ, соединяющимъ Холборнъ съ Линкольнсъ-Инномъ. Лавочку содержала та самая профессіональная воспитательница грудныхъ дѣтей, съ которой Глори встрѣтилась у Полли Лӧвъ; оставленный ею адресъ явился единственнымъ рессурсомъ для Глори въ этотъ день, исполненный жестокихъ разочарованій. Супругъ м-ссъ Джупъ служилъ половымъ въ Вестъ-эндскомъ клубѣ; это былъ добродушный простакъ, очень любившій свою жену, которая его на каждомъ шагу обманывала и скрывала отъ него темную изнанку своей многосторонней дѣятельности. Дочь ихъ, Бубуська, какъ ее называли родители, была тихая дѣвочка съ пухлыми щечками и плутоватыми глазками, пріученная помогать матери въ лавкѣ и всячески надувать инспектора городскихъ школъ.

На другое утро, сойдя внизъ въ тѣсную, грязную комнатку позади лавки, Глори стала оглядываться вокругъ, какъ бы не находя чего-то, что она ожидала увидѣть здѣсь. М-ссъ Джупъ, сидѣвшая за столомъ возлѣ своего мужа, замѣтила это и вскинула на нее маленькіе мигающіе глазки.

— Я знаю, чего вы ищете; вы смотрите, гдѣ бэби?

— А гдѣ же онъ?—спросила Глори.

— Былъ, да сплылъ, милочка.

— Какъ! вы хотите сказать?..

— Нѣтъ, онъ не умеръ; только я его отдала въ другія руки, бѣдняжечку.

— Видите ли, миссъ,—вмѣшался м-ръ Джупъ съ полнымъ ртомъ, — моя хозяйка не поспѣвала нянчиться съ бэби и управляться въ лавкѣ, и потому...

— У меня сердце разрывается, какъ вспомню объ этомъ, но онъ такъ кричалъ, бѣдненькій!..

— Мать знаетъ?—спросила Глори.

— И... и... милочка, ей и знать-то незачѣмъ, я отдала его въ надежныя руки; за нимъ будутъ хорошо смотрѣть; я, право, такъ благодарна этой особѣ...

— Все дѣло въ томъ, миссъ, что моей хозяйкѣ никакъ не управиться съ работой...

— Это бы не бѣда, будь у меня здоровье такое какъ въ то время, когда родилась Бубуська...

Въ томъ-то и дѣло, что здоровье у нея плоховато стало. Она часто, бывало говоритъ, какъ бы ей хотѣлось, чтобы при ней жила молоденькая барышня и помогала бы ей въ лавкѣ.

— Хорошенькая дѣвушка, да въ такомъ бойкомъ мѣстѣ, найдетъ много случаевъ пристроиться.

— Еще бы! Я какъ увидалъ, что къ намъ входитъ молоденькая барышня, думаю себѣ: вотъ удача-то, такую намъ и надо!

— Присаживайтесь, душенька. Я васъ сразу узнала. Если вы хотите уйти изъ госпиталя и попытать счастья въ другомъ мѣстѣ, какъ вы говорили давеча...

Глори остановила ее.

— Вы ошибаетесь. Я хотѣла бы только поселиться у васъ, и если это неудобно...

— Пожалуйста, душечка, милости просимъ, если вы не хотите сразу поступить въ лавку, можете заняться съ Бубуськой, ей нужно давать уроки...

— Я могу платить за комнату,—возразила Глори. М-ссъ Джупъ пристала къ ней, упрашивая сказать, что она намѣрена дѣлать. Глори отвѣчала, что она предполагаетъ сдѣлаться пѣвицей, можетъ быть, поступитъ на сцену; по всей вѣроятности, долго ей не придется жить у нихъ, потому что, какъ только она получитъ ангажементъ..

— Какъ хотите, милочка, какъ хотите; будьте, какъ дома. Только вы съ ангажементомъ не очень-то торопитесь; хорошіе ангажементы въ наше время на улицѣ не валяются.

Рѣшено было, что Глори останется жить у содержательницы табачной лавочки. М-ссъ Джупъ должна была выйти по дѣламъ и обѣщала на обратномъ пути взять ея вещи изъ госпиталя.

Онѣ условились, что за полный пансіонъ Глори будетъ платить десять шиллинговъ въ недѣлю, такимъ образомъ денегъ ей должно было хватить на мѣсяцъ — на полтора. «Ну, до тѣхъ поръ я десять разъ

найду себѣ мѣсто», подумала Глори; ей казалось, что ея рессурсы неистощимы. Чтобы не откладывать дѣла въ дальній ящикъ, она сейчасъ же отправилась на поиски, хотя положительно не знала, съ чего начать, знала только, что прежде всего надо найти агента. М-ръ Джупъ указалъ ей одного.

— Онъ живетъ сейчасъ за Ватерлоо-родъ; на окошкѣ выставлено имя: «Джозефъ».

Глори безъ труда разыскала контору. Агентъ въ мѣховой курткѣ и оперномъ беретѣ сидѣлъ въ комнатѣ, оклеенной фотографіями, изображавшими по большей части обнаженныхъ и полуобнаженныхъ женщинъ; въ перемежку съ ними на стѣнахъ висѣли пучки афишъ.

— Ваша спеціальность?—спросилъ агентъ.

Глори, видимо волнуясь, отвѣтила какъ-то неопредѣленно.

— Что же вы можете дѣлать?

— Пѣть, читать стихи, изображать разные типы.

Агентъ пожалъ плечами.

— Мои условія: двѣ гинеи впередъ и десять процентовъ съ гонорара.

Глори поднялась съ мѣста.

— Это невозможно, я не въ состояніи...

— Погодите минутку. Сколько у васъ денегъ?

— Мнѣ кажется, что это можетъ интересовать только меня.

— Ага, барышня изъ обидчивыхъ? Ну ужъ, такъ и быть, я возьму съ васъ только гинею и предоставлю вамъ первый же ангажементъ, какой случится.

Не охотно, со страхомъ и недовѣріемъ Глори отдала ему гинею, записала свой адресъ и вышла.

— Шалишь, подождешь!—засмѣялся ей вслѣдъ агентъ.

— Сразу отдала плату за двѣ недѣли,—думала Глори, возвращаясь домой. Но м-ссъ Джупъ, повидимому, была очень довольна.

— Вотъ видите, душечка! Что я вамъ говорила? Хорошіе ангажементы на улицѣ не валяются. Мало ли дѣвушекъ умѣютъ пѣть, танцовать и читать стихи!

Прошло три дня, четыре, шесть дней, недѣля;—отъ м-ра Джозефа ни слова. Глори опять зашла къ нему. Онъ совѣтовалъ ждать терпѣливо. Теперь мертвый сезонъ, но если она подождетъ.

Она подождала еще недѣлю, потомъ опять зашла въ контору, стала заходить чуть не каждый день, но добилась только того, что выучилась отлично передразнивать агента: его сиплый голосъ, горловое произношеніе и характерное вздергиванье плечами,—жестъ, вынесенный изъ Гетто *).

М-ссъ Джупъ давилась отъ смѣха. По мѣрѣ того, какъ Глори падала духомъ, эта почтенная особа все веселѣла. Въ концѣ третьей недѣли она сказала своей гостьѣ:

— У меня духу не хватаетъ брать съ васъ деньги, милочка, когда

*) Еврейскій кварталъ вообще.

вы ничего не зарабатываете,—и намекнула на то, что можно бы устроиться иначе. Ей приходится часто уходить изъ дому, по дѣламъ; притомъ же у нея такое слабое здоровье,—явная ложь; во время ея отлучекъ лавка остается на рукахъ Бубуськи...

— Это не хорошо для дѣвочки, моя дорогая, да и для дѣла не хорошо, а вотъ еслибъ вы захотѣли постоять за конторкой...

У Глори оставалось всего десять шиллинговъ,—она вынуждена была покориться.

Лавочка стояла на бойкомъ мѣстѣ, между Бедфордъ-роу и Линкольнсъ-инномъ и торговала не дурно: то и дѣло заходили стряпчіе и клерки стряпчихъ по дорогѣ въ судъ и обратно. Они скоро замѣтили, что за прилавкомъ грязной табочной лавчонки появилось новое, молодое и хорошенькое личико. Дѣла пошли еще лучше. М-ссъ Джупъ ликовала.

— Что я вамъ говорила, моя дорогая? Здѣсь вы за день увидите больше мужчинъ, чѣмъ въ госпиталѣ за цѣлый годъ, и все настоящіе джельтельмены.

Самой Глори ея занятіе было противно до глубины души. Любезности мужчинъ, ихъ развязность, маленькія вольности, которыя они позволяли себѣ, подмигиваніе, улыбки, комплименты.—все это было для чистой дѣвушки горше желчи и полыни.

И однако, къ этой горечи примѣшивалась доля наслажденія. Горечь ощущала сама Глори, наслажденіе кто-то другой, кто какъ будто наблюдалъ за ней со стороны и смѣялся. Ее неудержимо тянуло изощрять свое остроуміе надъ кліентами м-ссъ Джупъ, смѣяться имъ въ лицо, передразнивать ихъ манеры. Тѣмъ это нравилось; такимъ образомъ, новая продавщица во всѣхъ отношеніяхъ оказывалась выгоднымъ пріобрѣтеніемъ.

А она, вспоминая Джона Сторма, задыхалась отъ стыда. Ея мысли постоянно обращались къ нему; въ одинъ прекрасный день она зашла въ госпиталь узнать, нѣтъ ли писемъ. Ихъ было два, но не изъ Бишопсгэтъ-стрита. Одно отъ тёти Анны, полное наставленій: «Пусть Глори и думать не смѣетъ уходить изъ госпиталя. Десятину съ каждымъ годомъ сбавляютъ, а припасы все дорожаютъ; какъ ей только въ голову могло придти отказаться отъ вѣрнаго заработка? точно мало у нихъ и безъ того хлопотъ и тревогъ?» Другое письмо было отъ дѣда:

«Радъ слышать, что ты была въ отпуску, милая Глори, и надѣюсь, что перемѣна мѣста принесла тебѣ пользу. Долженъ сознаться, что былъ нѣсколько удивленъ разсказомъ о твоихъ приключеніяхъ въ день лорда-мера и дикимъ планомъ бросить госпиталь, чтобы взять приступомъ Лондонъ. Но это такъ похоже на мою маленькую колдунью, мою бродягу-цыганочку, и я отлично знаю, что все это вздоръ; такъ что, когда тетя Анна начала браниться, я взялъ трубку и пошелъ въ свою комнату. Очень жаль, что Джонъ Стормъ перешелъ къ папистамъ, потому что, въ сущности, дѣло сводится къ этому, хотя онъ и не признаетъ

надъ собой власти римской церкви. Мнѣ это всего прискорбнѣе, потому что мнѣ не удалось помирить его съ отцомъ. Старикъ, повидимому, во всемъ винитъ меня и пересталъ даже кланяться мнѣ при встрѣчѣ. Засвидѣтельствуй мое нижайшее почтеніе м-ссъ Джупъ, когда увидишь ее, и мою благодарность за то, что она были добра къ тебѣ. Теперь ты осталась одна въ этомъ огромномъ Вавилонѣ; будь осторожна, дѣтка моя, береги меня! Только увѣренность, что моя бѣгляночка здорова и счастлива, и что съ ней все обстоитъ благополучно, можетъ нѣсколько утѣшить меня въ ея отсутствіи. Да, хлѣбъ уже сжатъ и убранъ, и у насъ въ гостиной почти каждый вечеръ топится каминъ, за что тетя Анна иногда сердится, такъ какъ уголь очень дорогъ, а торфа намъ теперь не позволяютъ брать».

Письмо пролежало въ госпиталѣ десять дней. Въ тотъ же вечеръ, въ своей маленькой спаленкѣ, съ низкимъ потолкомъ и покатымъ поломъ, Глори писала въ отвѣтъ:

«Это не вздоръ, милый дѣдушка. Не знаю, отпускъ ли тутъ виною, нѣсколько дней свободы, или иное что, но только я начала чувствовать себя, какъ тотъ соколенокъ въ Гленфаба—помните?—который попалъ одной ногой въ западню, и притащилъ эту западню на лужайку, на веревкѣ, которая опутала его ногу. Мнѣ нужно было перерѣзать веревку, нужно, необходимо! Но вы не должны ни минуты тревожиться за меня. Ловкая женщина, въ родѣ Глори Квэйль, не умретъ съ голоду въ такомъ мѣстѣ, какъ Лондонъ. Притомъ же, я уже имѣю занятіе и на моемъ лукѣ не одна и не двѣ тетивы, а много. Въ первый же вечеръ послѣ моего прибытія, м-ссъ Джупъ объявила мнѣ, что если я только пожелаю взять на себя званіе и обязанности наставницы маленькаго тихохода, мнѣ будутъ рады, какъ цвѣтамъ въ маѣ. Мѣсто, конечно, не первый сортъ и жалованье не посольское, но пока что и это годится; по крайней мѣрѣ, у меня есть время осмотрѣться.

«Не придавайте слишкомъ много значенія моимъ жалобамъ на то, что природа обрекла меня носить юбку. Разъ ужъ свѣтъ такъ устроенъ, дѣлать нечего, я постараюсь примириться. А все же, голова идетъ кругомъ и руки опускаются, когда видишь, какъ жестока природа къ женщинѣ, въ сравненіи съ мужчиной. Если только она не геній и не маринованная рыба, ей открыта только одна дорога — лоттерея, гдѣ выигрышный билетъ означаетъ замужество; а ужъ пустыхъ сколько — не приведи Боже! А впрочемъ, въ сущности, мнѣ жаловаться не на что, и я себя терпѣть не могу, когда ударяюсь въ сантиментальность. Жизнь удивительно интересна, и міръ такъ забавенъ, что я не понимаю людей, которые уходятъ отъ него по доброй волѣ. Будь я мужчиной... Ну, да ладно! погодите, родные мои, имѣйте только терпѣніе!»

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности.

(Отвѣтъ П. Н. Милюкову).

Предисловіе къ третьему изданію «Очерковъ по исторіи русской культуры» г. Милюковъ посвящаетъ моей рецензіи на его книгу. Я очень признателенъ почтенному автору за это: благодаря вниманію, обращенному имъ на небольшую журнальную рецензію, высказанныя въ ней мысли получатъ такъ или иначе болѣе широкое обращеніе, а нѣкоторыя недоразумѣнія, въ которыя впалъ г. Милюковъ, даютъ мнѣ поводъ нѣсколько развить мой систематическій взглядъ на историческую роль кустарнаго производства въ Россіи.

Въ экономической наукѣ давно не было такого праздника, какъ тогда, когда, въ 1892 и 1893 гг. Карлъ Бюхеръ опубликовалъ свои замѣчательные этюды о развитіи народнаго хозяйства и формъ промышленности *). Его конструкція историческаго развитія формъ хозяйства вообще, формъ промышленности въ частности пролила яркій свѣтъ на множество собранныхъ фактическихъ данныхъ, внесла въ сырой матеріалъ теоретическую связь и систематическое единство. Бюхеру удалось подмѣтить признакъ, выдѣленіе котораго позволило создать настоящую, естественную и историческую систему формъ хозяйства и формъ промышленности. Этимъ признакомъ въ глазахъ Бюхера явилось отношеніе между производствомъ хозяйственныхъ благъ и ихъ потребленіемъ или, еще точнѣе, длина того пути, который проходятъ хозяйственныя блага отъ производителя къ потребителю. На основаніи этого кардинальнаго признака, который имѣется на лицо во всякомъ хозяйствѣ, ибо вездѣ блага производятся и потребляются, какова бы ни была техника и соціальныя отношенія, Бюхеръ установилъ три ступени хозяйственнаго развитія:

*) Сборникъ «Entstehung der Volkswirtschaft» (2-е изд. Тюбингенъ 1898) и статья «Gewerbe» въ Handwörterbuch d. Staatswissenschaften, Band III. На русскомъ языкѣ: «Происхожденіе народнаго хозяйства» (изд. М. И. Водовозовой, Спб. 1897) и статья «Историческое развитіе и классификація формъ промышленности» въ Сборникѣ «Исторія труда» (изд. М. И. Водовозовой, Спб. 1897).

1. Ступень замкнутаго домашняго хозяйства (чистое производство для собственнаго потребленія—безъобмѣнное хозяйство): блага потребляются въ томъ же хозяйствѣ, въ которомъ они производятся.

2. Ступень городского хозяйства (производство на заказъ, прямой обмѣнъ продуктовъ): блага переходятъ непосредственно изъ производящаго ихъ хозяйства въ потребляющее.

3. Ступень народнаго хозяйства (товарное производство, ступень обращенія или циркуляціи хозяйственныхъ благъ): блага, прежде чѣмъ попадаютъ въ потребленіе, по общему правилу проходятъ черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ.

Въ каждый данный историческій моментъ могутъ сосуществовать хозяйственныя формы, характерныя для всѣхъ трехъ ступеней, которыя соединяются между собой цѣлымъ рядомъ неуловимыхъ переходовъ. Но въ то же время для каждаго даннаго историческаго момента, т. е. для каждой данной ступени хозяйственнаго развитія существуетъ извѣстное нормальное, т. е. обычное или господствующее, отношеніе между производствомъ хозяйственныхъ благъ и ихъ потребленіемъ, въ очерченномъ выше смыслѣ, т. е. въ смыслѣ «длины пути».

Исторической системѣ формъ хозяйства, установленной Бюхеромъ, соотвѣтствуетъ параллельная, столь же естественная и столь же историческая система формъ промышленности. Первой ступени хозяйства соотвѣтствуетъ домашній промысловый трудъ внутри единаго, нераздѣльнаго, самодовлѣющаго натуральнаго хозяйства (Hauswerk или Hausfleiss). Въ своей чистой формѣ онъ не предполагаетъ обмѣна и не нуждается въ немъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи избытки продуктовъ надъ собственнымъ потребленіемъ начинаютъ отчуждаться. Отчуждаются они или неизвѣстному, или вполнѣ опредѣленному потребителю. Второй случай имѣетъ мѣсто и тогда, когда промысловый трудъ, развившійся на почвѣ единаго самодовлѣющаго домашняго хозяйства, отчуждается не въ формѣ продуктовъ, а въ формѣ затратъ рабочей силы на обработку матеріала, принадлежащаго покупателю рабочей силы. Это—та форма промышленности, которую Бюхеръ называетъ Lohnwerk и которая характерна для первыхъ шаговъ городского хозяйства. Она встрѣчается въ двухъ видоизмѣненіяхъ: промысловый рабочій обрабатываетъ чужой матеріалъ или въ помѣщеніи покупателя его рабочей силы, или у себя на дому.

Работа изъ чужого матеріала предполагаетъ непосредственный обмѣнъ между производителемъ и потребителемъ. Такое же непосредственное отношеніе между хозяйствомъ, производящимъ блага и ихъ потребляющимъ, мы видимъ и на дальнѣйшей ступени промысловаго труда, когда промысловый рабочій самъ поставляетъ тотъ матеріалъ, въ обработкѣ котораго заключается его профессіональный трудъ. Это производство *продуктовъ* по заказу опредѣленнаго потребителя и есть типическая форма *ремесла*, т. е. производства *на заказъ*. Въ отличіе отъ Lohnwerk, Бюхеръ называетъ ее Preiswerk, обозначая этими различными

названіями, что въ одномъ случаѣ производитель получаетъ плату за трудъ, въ другомъ цѣну продукта. Рядомъ съ продуктами, производимыми на заказъ, т. е. для извѣстнаго потребителя ремесленникъ можетъ производить продукты про запасъ, т. е. для неопредѣленнаго случайнаго покупателя.

Но у ремесла кругъ такихъ неопредѣленныхъ покупателей всегда незначителенъ, узокъ и въ этомъ смыслѣ этотъ кругъ является въ извѣстной степени опредѣленнымъ. Такимъ образомъ, ремесленникъ рядомъ съ *заказными продуктами* производитъ иногда *товары*, но онъ сбываетъ эти товары непосредственно потребителю, который приходитъ въ его «лавку» или съ которымъ онъ встрѣчается на городскомъ или сельскомъ базарѣ. Производство товаровъ на мѣстный базаръ, на которомъ производитель непосредственно сталкивается съ потребителемъ, есть форма промежуточная между ремесломъ и настоящимъ товарнымъ, т. е. массовымъ производствомъ. Эта промежуточная форма можетъ возникать и изъ домашняго промысловаго труда, и изъ ремесла въ чистомъ видѣ. Съ другой стороны оно можетъ сочетаться съ земледѣліемъ, какъ главнымъ или побочнымъ занятіемъ, и съ чистымъ ремесломъ.

Разрывомъ непосредственной связи между хозяйствомъ, производящимъ блага и ихъ потребляющимъ, характеризуется настоящее товарное производство. Между производителемъ и потребителемъ становится посредникъ, торговецъ-предприниматель, представитель капитала въ ходячемъ смыслѣ этого слова. Сперва капиталъ овладѣваетъ сбытомъ продуктовъ, а потомъ подчиняетъ себѣ и производителя въ самомъ процессѣ производства. Сообразно этимъ двумъ ступенямъ развитія можно различать двѣ формы: децентрализованное и централизованное массовое производство товаровъ. Первое—это такъ называемая на Западѣ домашняя, а въ Россіи кустарная промышленность. Второе—фабричная промышленность. Рѣшающимъ признакомъ—и съ исторической, и съ логической точки зрѣнія,—отдѣляющимъ кустарную промышленность отъ ремесла (производства на заказъ) и отъ производства товаровъ на мѣстный рынокъ—назовемъ эту форму *мѣстнымъ кустарничествомъ*— являются условія сбыта. Непосредственное отношеніе между производителемъ и потребителемъ отсутствуетъ, и изъ этого вытекаютъ всѣ соціальныя отношенія, характеризующія децентрализованное товарное производство въ отличіе отъ ремесла и мѣстнаго кустарничества.

Болѣе того: исторія промышленности неопровержимо доказываетъ, что размѣры рынка, т. е. условія сбыта могущественнымъ образомъ опредѣляютъ и чисто техническую эволюцію производства, которая, въ свою очередь, столь радикально отражается на дальнѣйшемъ развитіи соціальныхъ отношеній въ сферѣ промышленнаго труда.

Но тутъ вставляетъ свое слово г. Милюковъ и, ссылаясь на авто-

ритетъ Зомбарта, опорочиваетъ мое опредѣленіе кустарной промышленности: технически-ремесленное производство на широкій и неопредѣленный рынокъ, каковое опредѣленіе по своему существенному содержанію и смыслу совпадаетъ съ Бюхеровскимъ понятіемъ децентрализованнаго товарнаго производства. Прежде всего я долженъ замѣтить, что никакія мнѣнія Зомбарта, а тѣмъ болѣе невѣрныя для меня не обязательны. Зомбартъ въ своей прекрасной статьѣ, которую цитируетъ г. Милюковъ, задался похвальной цѣлью раскрыть и подчеркнуть соціальную природу отношеній, господствующихъ въ данной промышленности, показать, что это есть одна изъ формъ капиталистическаго производства. Но, увлекшись этой почтенной задачей, Зомбартъ въ 1891 г. хватилъ черезъ край и написалъ тѣ безусловно непродуманныя и несостоятельныя строки, которыя г. Милюковъ выдвигаетъ теперь противъ меня и содержаніе которыхъ заключается въ признаніи опредѣленія кустарной (домашней) промышленности, построеннаго на характеристикѣ сбыта, ошибочнымъ.

Критика Зомбарта несостоятельна вотъ почему. Классификація—характеристика формъ промышленности, въ основу которой кладется отношеніе между производствомъ и потребленіемъ («длина пути»), *логически* столь же законна, какъ и всякая другая. Труды Бюхера показываютъ, въ какой мѣрѣ она исторически и систематически плодотворна. Историческая же цѣнность характеристики домашней (кустарной) промышленности условіями сбыта опредѣляется тѣмъ, что и соціальныя отношенія, характеризующія эту форму, являются производными отъ условій сбыта. Мы знаемъ теперь, что размѣры рынка опредѣляютъ не только раздѣленіе труда, какъ училъ Адамъ Смитъ («Богатство народовъ», книга I, гл. III), но и соціальныя отношенія участвующихъ въ производствѣ лицъ. Цитируемое г. Милюковымъ указаніе Зомбарта на нѣмецкія ремесла, имѣвшія цеховую организацію и работавшія для экспорта, для всемірнаго рынка, нисколько не опровергаетъ моего взгляда, потому что экспортирующее ремесло либо вовсе не ремесло, а домашняя (кустарная) промышленность съ цеховой организаціей (такихъ случаевъ было очень много на западѣ Европы) *), либо ремесло въ процессѣ неизбѣжнаго перерожденія въ кустарную промышленность. Такимъ образомъ возраженіе Зомбарта не выдерживаетъ критики именно съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ самъ Зомбартъ: соціальныя отношенія въ экспортирующемъ ремеслѣ иныя и не могутъ не быть иными, чѣмъ въ ремеслѣ настоящемъ, представляющемъ производство на заказъ (Kun-

*) Достаточно указать, что классическая сфера западной домашней промышленности, текстильная индустрія по общему правилу въ свое время обладала цеховымъ строемъ, и сохраняла его иногда долго послѣ исчезновенія соціальныхъ отношеній, характеризующихъ ремесло. Характерно, что еще въ 1848 году даже крефельдскіе ткачи-пролетаріи, которые никогда не были ремесленниками, требовали для себя *званія* мастеровъ.

denproduktion). Неудивительно поэтому, что впослѣдствіи самъ Зомбартъ, какъ указываетъ и г. Милюковъ, примкнулъ къ опредѣленію Бюхера и тѣмъ самымъ отказался отъ своей критики.

Впрочемъ, г. Милюковъ снисходительно относится къ неправильности моего опредѣленія, «болѣе важной по отношенію къ ремеслу, чѣмъ къ кустарной промышленности». Но мои опредѣленія и ремесла, и кустарной промышленности по существу сходятся съ классическими опредѣленіями Бюхера, у котораго они отчасти и заимствованы, и потому слѣдовало бы г. Милюкову направить свою критику на Бюхеровскую историческую систему формъ хозяйства и промышленности. Такъ какъ пока онъ такой критики не представилъ, то я могу спокойно перейти къ той «ошибкѣ» въ моемъ разсужденіи, которую г. Милюковъ называетъ «главною». Она, по мнѣнію моего оппонента, заключается въ томъ, что я русскую кустарную промышленность отождествилъ съ западно-европейской капиталистической домашней промышленностью. Г. Милюковъ не правъ, дѣлая мнѣ такой общій упрекъ. Я безусловно отождествляю русскую кустарную промышленность съ западной Hausindustrie лишь въ томъ пунктѣ, который для г. Милюкова представляется несущественнымъ, а для меня рѣшающимъ и съ исторической, и съ логически-систематической точки зрѣнія. Я разумѣю въ данномъ случаѣ условія сбыта. Г. Милюковъ противопоставляетъ мнѣ терминологію, установленную на Будапештскомъ статистическомъ конгрессѣ. Къ сожалѣнію, на этомъ конгрессѣ по вопросу о классификаціи формъ промышленности господствовало по истинѣ вавилонское столпотвореніе языковъ, результатомъ котораго явилась полная путаница понятій и именно—потому, что въ данномъ случаѣ отсутствовалъ правильный критерій разграниченія формъ промышленности. На этой путаницѣ и покоится обычное и пресловутое противопоставленіе «народной» кустарной промышленности (Nationale Hausindustrie) капиталистической кустарной промышленности (fabrikmässige Hausindustrie).

Насколько это противопоставленіе неправильно въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно обычно дѣлается, доказывается для меня очень убѣдительно, между прочимъ, тѣмъ, что и для г. Милюкова оно послужило источникомъ недоразумѣній и помѣшало ему ясно схватить основанія моего взгляда на историческое мѣсто русской кустарной промышленности.

Я совершенно согласенъ съ тѣми, кто русскую кустарную промышленность считаетъ національной особенностью нашего экономическаго строя и развитія. Но я совершенно не согласенъ съ тѣми, кто типичную *русскую кустарную промышленность* отождествляетъ съ «народнымъ» кустарнымъ производствомъ въ смыслѣ домашняго промыслового труда земледѣльца. Эта послѣдняя форма характерна для всѣхъ странъ на извѣстной ступени развитія; въ наше время она одинаково характерна, напр., и для Венгріи, и для Румыніи, и для Россіи. Существо ея опредѣляется тѣмъ, что отчуждаются лишь избытки сверхъ того, что потребно для собственнаго хозяйства. Статистика *этого* кустарнаго производства въ Венгріи показала, что его

распространеніе находится въ обратномъ отношеніи къ плотности населенія и къ развитію путей сообщенія. Это свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ Венгріи дѣло съ тѣмъ, что я назвалъ «мѣстнымъ кустарничествомъ», т. е. съ промышленнымъ производствомъ, направленнымъ на снабженіе весьма узкаго рынка и предполагающимъ непосредственное отношеніе между производителемъ и потребителемъ, хотя первый не есть ремесленникъ, а второй не является заказчикомъ.

Если рынокъ расширяется и въ зависимости отъ этого связь между производителемъ и потребителемъ порывается, то мѣстное кустарничество смѣняется децентрализованнымъ товарнымъ производствомъ—кустарной или домашней промышленностью.

Теперь является вопросъ: что же представляетъ изъ себя традиціонная русская кустарная промышленность?

Очевидно, что это вопросъ о типическихъ главенствующихъ чертахъ опредѣленной формы промышленности. Его нельзя устранить ссылкой на «излишній схематизмъ», потому что всякое выдѣленіе типическихъ признаковъ по существу неизбѣжно является схематичнымъ. Дѣйствительность представляетъ «параллельное существованіе разныхъ формъ производства» и «неуловимые переходы» между ними. Но наука, обобщая и абстрагируя, можетъ и обязана выдѣлять извѣстныя черты и строить на ихъ основаніи типы.

Итакъ, подъ какой типъ подойдетъ русская кустарная промышленность? Несомнѣнно, что она не есть ремесло. А въ такомъ случаѣ вопросъ можетъ ставиться лишь о томъ, есть ли она—мѣстное кустарничество или децентрализованное товарное производство. Этотъ вопросъ не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, тоже очень важнымъ, но существенно отличнымъ вопросомъ—о путяхъ происхожденія кустарной промышленности. Такое смѣшеніе препятствуетъ, повидимому, г. Милюкову съ полной отчетливостью схватить суть вопроса, какъ онъ былъ поставленъ мною *). Свое происхожденіе кустарная промышленность можетъ вести либо отъ домашняго промысловаго труда (черезъ мѣстное кустарничество), либо отъ ремесла, городского или сельскаго, свободнаго или крѣпостного, либо отъ фабрики путемъ ея децентрализаціи или же путемъ

*) Еще менѣе указанный вопросъ о существѣ кустарной промышленности долженъ быть смѣшиваемъ съ вопросомъ о различныхъ стадіяхъ децентрализованнаго товарнаго производства. Если я въ «Критическихъ замѣткахъ» говорилъ, что наше кустарное производство въ общемъ стоитъ на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ западно-европейская домашняя промышленность съ ея совершенно явственнымъ капиталистическимъ характеромъ (стр. 101), то, какъ это явствуетъ изъ всего контекста (см., напр., стр. 99), я имѣлъ въ виду различіе западной Hausindustrie и нашей кустарной промышленности, какъ разныхъ формъ и стадій децентрализованнаго товарнаго производства. Г. Милюковъ не понялъ этого и потому счелъ возможнымъ опровергать меня цитатой изъ моей же книжки, въ которой по существу уже цѣликомъ выраженъ мой систематическій взглядъ на историческую роль кустарнаго производства (см. стр. 274).

перенесенія въ домашнее производство техническихъ навыковъ, пріобрѣтенныхъ на фабрикѣ *).

Но исходная точка развитія кустарной промышленности (Anknüpfungspunkt, по выраженію Зомбарта) въ томъ или другомъ случаѣ совершенно не мѣняетъ ни экономическаго существа децентрализованнаго товарнаго производства, ни основной причины его возникновенія—расширенія рынка.

Итакъ, что же типично для русской промышленной культуры: мѣстное кустарничество или кустарная промышленность? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ на основаніи цѣлаго ряда различныхъ соображеній. Прежде всего, въ какомъ случаѣ мы имѣемъ право говорить о промышленной культурѣ? Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что промышленная культура начинается лишь съ соціальнаго, профессіональнаго и техническаго выдѣленія промысловаго или промышленнаго труда изъ единаго и нераздѣльнаго самодовлѣющаго хозяйства. Правда, нѣкоторыя отрасли промышленнаго труда могутъ достигнуть сравнительно высокаго развитія внутри крупнаго хозяйства, основаннаго на принудительномъ трудѣ («ойкосъ»). Но такая хозяйственная организація въ сущности осуществляетъ внутри каждой самодовлѣющей хозяйственной единицы широкое общественное раздѣленіе труда—основу всякой культуры и въ томъ числѣ промышленной. Про мѣстное кустарничество, непосредственно выростающее изъ домашняго промысловаго труда земледѣльца (Hauswerk или Hausfleiss Бюхера), этого сказать нельзя: имъ знаменуется въ дѣйствительности полное отсутствіе въ странѣ промышленной культуры, конечно, поскольку нѣтъ другихъ формъ промышленности.

Ну, что же, скажутъ мнѣ, до фабрики и помимо фабрики въ Россіи не существовало никакой промышленной культуры. Эту точку зрѣнія, повидимому, приписываетъ мнѣ г. Милюковъ. «Источникъ... теоріи г. Струве,—говоритъ г. Милюковъ,—можно видѣть въ наблюденіи Бюхера, по которому вся Восточная Европа, въ томъ числѣ и Россія, прямо перескочила изъ періода натуральнаго хозяйства въ современное мѣновое, миновавъ тѣ вѣка промежуточнаго развитія, которые въ Западной Европѣ характеризовались преобладаніемъ ремесла» (стр. XII).

Между тѣмъ мой взглядъ на экономическую и въ частности промышленную исторію Россіи далеко не отличается такой простотой, какъ наблюденіе Бюхера, хотя г. Милюковъ и утверждаетъ, что я, воспроизводя взглядъ Бюхера, стушевалъ въ немъ и «продолжительность періода примитивнаго хозяйства», и «насильственность, которою характеризуется по Бюхеру экономическій процессъ (развитія?) Восточной

*) М. И. Туганъ-Барановскій превосходно показалъ, какую огромную роль сыграли фабрика и вообще капиталъ въ развитіи русской кустарной промышленности. См. его статью «Историческая роль капитала въ русской кустарной промышленности». «Новое Слово», апрѣль 1897 г.

Европы вслѣдствіе скачка отъ примитивнаго натуральнаго хозяйства къ современному мѣновому». Вопроса о продолжительности періода примитивнаго хозяйства я совсѣмъ не касался по той простой причинѣ, что при примитивномъ хозяйствѣ, какъ я уже сказалъ выше, никакой *промышленной* культуры не существуетъ. Съ другой стороны, ту насильственность, которую подчеркиваетъ Бюхеръ, я могу признать лишь съ очень большими оговорками. Несомнѣнно, что у насъ въ Россіи ремесло, т. е. производство на заказъ, какъ форма промышленности, играло до сихъ поръ довольно ничтожную роль. Но, съ другой стороны, между «примитивнымъ хозяйствомъ» г. Милюкова и развитымъ капитализмомъ, т. е. централизованнымъ товарнымъ производствомъ у насъ лежитъ эпоха, лишь теперь, быть можетъ, приходящая или уже пришедшая къ концу,—невиданнаго нигдѣ распространенія кустарной промышленности, т. е. децентрализованнаго товарнаго производства.

Мы всѣ знаемъ хорошо, что кустарная промышленность развилась и пріобрѣла серьезное экономическое значеніе тамъ, гдѣ земледѣліе не давало достаточно дохода и просто пропитанія населенію. Она развилась на почвѣ нужды значительной части крестьянства въ пищѣ для себя и въ деньгахъ для помѣщика. Съ другой стороны, если брать все народное хозяйство въ цѣломъ, въ кустарной промышленности выразилось не что иное, какъ уже довольно давно обозначившееся и все болѣе и болѣе развивающееся естественно-географическое раздѣленіе труда между различными областями нашей обширной страны. Опирающаяся на это широкое національное раздѣленіе труда кустарная промышленность, а не мѣстное кустарничество, и есть носительница нашей своеобразной промышленной культуры.

Что такъ обстоитъ дѣло въ современности, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы знаемъ доподлинно, что кустарная промышленность господствуетъ въ нечерноземной Россіи, а мѣстное кустарничество въ черноземной и земледѣльческой *); мы знаемъ также, что экономическое значеніе кустарной промышленности не только есть и будетъ, но и всегда было неизмѣримо больше значенія мѣстнаго кустарничества. Наша «національная промышленность» олицетворяется не лаптемъ, не кускомъ грубаго полотна, не примитивнымъ горшкомъ, вымѣниваемымъ на просо, а кимрскимъ сапогомъ, павловскимъ замкомъ, семеновской ложкой, тульской гармоникой—словомъ предметами, имѣющими совершенно неоспоримое право на званіе *товаровъ*.

Но для меня не подлежитъ сомнѣнію, что это децентрализованное товарное производство, какъ промышленный типъ, вовсе не столь но-

---

*) Это очень хорошо показано, напр., въ книгѣ г. В. В. «Очерки кустарной промышленности въ Россіи» Спб., 1886 г., стр. 49—78.

ваго происхожденія *). Оно такъ же старо, какъ его базисъ—національное раздѣленіе труда между неземледѣльческой и земледѣльческой Россіей. Въ сущности здѣсь кроется любопытная историко-экономическая особенность Россіи. Правда, она все убываетъ и обречена, безспорно, на конечное исчезновеніе. Но тѣмъ не менѣе тутъ для изслѣдователя цѣлая проблема сравнительнаго изученія экономической исторіи, проблема, которая до сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, не была никѣмъ вполнѣ ясно и сознательно формулирована **).

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ томъ фактѣ, что наше децентрализованное производство, какъ типъ промышленной организаціи, является въ исторіи прямо съ чертами товарнаго производства, выражается общая отсталость и неразвитость нашей страны, стоящая въ связи съ ея естественно-географическими условіями, а также съ ходомъ политической исторіи и разселенія. Масса населенія слишкомъ бѣдна, чтобы могли существовать сколько-нибудь значительные мѣстные рынки; общественное раздѣленіе труда проникло еще недостаточно глубоко, оно опредѣляется еще исключительно естественно-географическими условіями; господствуетъ натуральное хозяйство и домашній промысловый трудъ земледѣльца, а потому и нѣтъ мѣста для широкаго распространенія ремесла, которое предполагаетъ значительную дифференціацію въ границахъ небольшихъ хозяйственныхъ территорій. Но въ то же время *вся* хозяйственная территорія страны или значительныя ея части представляютъ довольно внушительный рынокъ, опираясь на который можетъ существовать товарное производство съ характернымъ для него господствомъ капитала; нѣкоторое значеніе здѣсь, какъ и всюду, имѣетъ и внѣшняя торговля. Получается выводъ, на первый взглядъ парадоксальный: существованіе въ странѣ промышленнаго производства въ формѣ товарной (Waarenproduction, а не Kundenproduction) стоитъ въ связи съ подавляющимъ господствомъ въ ней натуральнаго хозяйства, слабымъ развитіемъ городовъ и даже въ извѣстной мѣрѣ и промышленной техники, т. е. съ бѣдностью и экономической отсталостью страны. Но въ то же время это выросшее на почвѣ общей и, въ частности, хозяйственной отсталости товарное производство гораздо ближе къ развитому капитализму, чѣмъ западно-европейское ремесло—продуктъ экономически и технически болѣе богатой культуры. Такимъ образомъ при нашей экономической отсталости и въ связи съ ней создалась экономическая форма, въ томъ пунктѣ, который для эволюціи промышленности вообще и ея

*) Ср. 3-й томъ Г. Шторха «Historich-statistiches Gemälde des Russ. Reiches am Ende des XVIII Jahrh.» (Leipzig 1799) и А. Корсакъ «О формахъ промышленности» и т. д. (Москва 1861) гл. IV. Корсакъ говоритъ: «Къ концу прошлаго столѣтія этихъ *оптовыхъ ремеслъ* (курсивъ подлинника), какъ называютъ ихъ нѣкоторые, развилось въ Россіи очень много» (стр. 121). Оптовое ремесло—это очень остроумное житейское обозначеніе децентрализованнаго товарнаго производства.

**) Нѣкоторый намекъ на нее мы находимъ у Корсака, стр. 123 и сл.

соціальныхъ отношеній въ частности имѣетъ рѣшающее значеніе, тождественная съ развитымъ капитализмомъ. Этотъ пунктъ—отношеніе между производителемъ и потребителемъ, условія сбыта. Я не говорю, что Россія, благодаря этой особенности, ушла дальше другихъ странъ по пути капиталистическаго развитія—этого не было и нѣтъ, но я констатирую фактъ, который невозможно оспаривать. Такимъ образомъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ своей рецензіи я далъ лишь описаніе фактическаго положенія вещей: «Обладая въ качествѣ національнаго и традиціоннаго типа промышленной организаціи формой производства, съ точки зрѣнія сбыта и отчасти соціальныхъ отношеній, тождественной съ развитымъ капитализмомъ, мы именно, благодаря этой національной особенности, имѣли — съ самаго начала усиленной нашей европеизаціи въ промышленномъ отношеніи—сравнительно съ Европой гораздо болѣе свободныя руки... Въ тотъ моментъ, въ который мы столкнулись съ интенсивной, несущейся съ Запада капиталистической культурой, мы менѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ въ моментъ капиталистическаго грѣхопаденія располагали антикапиталистическими традиціями и учрежденіями въ области промышленности. Гдѣ было у насъ цеховое ремесло? Когда велась въ Россіи борьба за свободу промышленности? Словомъ, никакой промышленной *культуры*, кромѣ капиталистической, у насъ никогда и не было».

Но, говоритъ г. Милюковъ, если «не доказано, что антикапиталистическія традиціи не помѣшали развитію западнаго капитализма», то «содѣйствіе, оказанное національнымъ и традиціоннымъ типамъ производства русскому капитализму представляется еще болѣе проблематичнымъ». Несомнѣнно, что «антикапиталистическія традиціи» не *помѣшали* развитію западнаго капитализма, но для всякаго знакомаго съ западноевропейской промышленной исторіей столь же несомнѣнно, что онѣ ему *мѣшали*. Процессъ развитія современнаго хозяйственнаго строя Западной Европы потому и представляетъ такую сложную картину, что здѣсь мы видимъ самыя разнообразныя теченія, различныя акціи и реакціи. И «антикапиталистическія традиціи» при всемъ своемъ конечномъ безсиліи занимаютъ въ этой исторіи довольно видное мѣсто. Иначе и быть не могло. Цѣлая *богатая* и во многомъ принципіально враждебная капитализму *культура* не могла просто, безъ боя уступить своего мѣста. Что тутъ происходила напряженная борьба культурныхъ формъ и традицій, можно доказать цѣлой горой фактовъ, которые могли бы занять не печатный листъ, а одну или двѣ книжки журнала. Мнѣ приходится ограничиться нѣсколькими указаніями. Безспорно, что, по конечному результату своей дѣятельности, злѣйшимъ врагомъ ремесленно-городской, т. е. цеховой культуры было новѣйшее государство съ его меркантилистической политикой. Но давно уже замѣчено, что хозяйственная политика меркантилизма, разрушительная по отношенію къ старому городскому строю, въ своихъ пріемахъ представляла сколокъ съ хозяй-

ственной политики городовъ, проникнутой цеховымъ духомъ и служившей цеховымъ интересамъ. Тутъ можно сказать по истинѣ: le mort saisit le vif.

Въ частности политика меркантилизма по отношенію къ кустарной промышленности (Hausindustrie) испытала на себѣ могущественное вліяніе антикапиталистическихъ цеховыхъ традицій и представляла собою компромиссъ новыхъ требованій жизни съ этими традиціями. Это можно видѣть на классической исторіи англійской шерстяной промышленности, въ которой развитіе крупной мануфактуры, по предположенію Эшли, было даже задержано воздѣйствіемъ законодательства. Въ общемъ западная Hausindustrie на первыхъ ея шагахъ была опутана регламентаціей, тогда какъ по существу она нуждалась въ безусловной свободѣ. Были даже попытки навязать этой формѣ нарождающагося капитализма justum pretium, справедливую «божескую» оплату кустарей предпринимателями.

Словомъ, когда на Западѣ на историческую сцену выступилъ съ своими притязаніями торговый и торгово-промышленный капиталъ, когда онъ сталъ—пользуемся образнымъ выраженіемъ г. Ключевскаго, употребленнымъ по другому поводу—забирать въ свои руки всѣ нити народнаго труда, тамъ была старая промышленная культура съ своими могущественными организаціонными традиціями и понятіями.

У насъ же въ промышленности всегда господствовало децентрализованное товарное производство, т. е. форма капиталистическая, безразлично какимъ путемъ она ни возникала. Соотвѣтственно этому въ «органически» (какъ выражается г. Милюковъ) или «естественно» (какъ выражаются другіе авторы) возникшей русской промышленной культурѣ всегда господствовала полная свобода промышленности и отсутствовала всякая регламентація *). Это значитъ, что производитель и торговецъ сходились совершенно свободно. Начинался тотъ же «неравный бой», который происходилъ на Западѣ, но начинался, если можно такъ выразиться, прямо съ конца. Я предвижу упрекъ, что, говоря это, я принимаю схему Бюхера съ ея представленіемъ о «насильственномъ скачкѣ». Этотъ упрекъ будетъ несправедливъ. Съ моей точки зрѣнія, для русской промышленной культуры характеренъ не Hausfleiss и не «народное» кустарное производство, а кустарная промышленность, которая во всякомъ случаѣ на протяженіи всего быстро живущаго XIX вѣка играла въ нашей экономической жизни весьма крупную роль, и, что̀ для меня всего важнѣе, *играла ее задолго до распространенія парового транспорта*, т. е. до окончательнаго торжества мѣнового хозяйства надъ натуральнымъ. Такимъ образомъ вполнѣ развитому, современному капитализму въ Россіи предшествовала и его подготовила своеобразная промышленная культура, выражающаяся въ кустарной промышленности. Въ самомъ рѣшающемъ, съ соціально-экономической точки зрѣнія, пунктѣ,—по условіямъ сбыта—

*) Значеніе этого факта отмѣчаютъ еще Шторхъ (цит. соч. III, 64—67) и въ особенности Корсакъ (цит. соч. 115).

эта промышленная культура, какъ децентрализованное товарное производство, ближе къ развитому капитализму (централизованному товарному производству), чѣмъ западно-европейское ремесло, производство на заказъ.

Я долженъ еще отвѣтить на возможное возраженіе. Говоря о кустарной промышленности, я совершенно оставилъ безъ вниманія связь промышленнаго производителя съ землей или, наоборотъ, его оторванность отъ нея. Сдѣлалъ это я вотъ почему. Съ точки зрѣнія систематики формъ промышленности этотъ признакъ не имѣетъ существеннаго значенія. Связь съ землей — въ извѣстномъ смыслѣ—можетъ сочетаться съ любой формой промышленности; и въ то же время мы видимъ, что она несовмѣстима ни съ какой формой промышленности, рѣзко дифференцированной, всецѣло выдѣлившейся изъ самодовлѣющей сферы натуральнаго хозяйства. Дѣйствительно, связь съ землей мы встрѣчаемъ и у ремесленниковъ, и у кустарей, и у фабричныхъ работниковъ. Но наличность и размѣры этой связи стоятъ въ общемъ въ обратномъ отношеніи къ интенсивности промышленной дѣятельности: интенсивное занятіе фабричной промышленностью, ремесломъ, кустарнымъ промысломъ порываютъ связь съ землей—промышленный производитель перестаетъ быть земледѣльцемъ, оставаясь у насъ нерѣдко землевладѣльцемъ, фактическимъ или номинальнымъ *). Интенсивному занятію промышленнымъ трудомъ—на сторонѣ каждаго производителя,—для всего народнаго хозяйства соотвѣтствуетъ интенсивное развитіе промышленности, опирающееся на глубокое національно-общественное раздѣленіе труда и это раздѣленіе выражающее.

Вотъ почему въ описаніи промышленной жизни и въ исторіи промышленнаго развитія связь съ землей не можетъ не занимать виднаго мѣста. Но въ основной системѣ формъ промышленности ей мѣста нѣтъ.

Прежде чѣмъ въ краткихъ положеніяхъ резюмировать свои выводы, я долженъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Положенія мои основаны на фактахъ, а не «выведены изъ опредѣленій». Каждое обобщеніе настоящей статьи можетъ быть ad libitum фактически подкрѣплено. Мои обобщенія и здѣсь, и въ критикуемой г. Милюковымъ рецензіи явились и сложились не при писаніи данной статьи или рецензіи. Они представляютъ попытку научнаго историко-сравнительнаго истолкованія огромнаго, накопившагося въ нашей литературѣ, фактическаго матеріала. Поэтому любая обстоятельная книга о русской кустарной промышленности можетъ служить пособіемъ для пониманія и провѣрки высказаннаго мною «систематическаго взгляда» **).

---

*) Классическіе примѣры: павловскіе кустари, кимрскіе сапожники и большинство нашихъ фабричныхъ рабочихъ.

**) Назову: А. Корсакъ, цит. соч.; В. В. «Очерки кустарн. промышленности въ Россіи». Спб. 1886 г.; Н. Изерскій. «Кустарн. промышленность». М. 1894 г.; А. Прилежаевъ. «Что такое кустарное производство»? Спб. 1882, и М. А. Плотни-

Резюмируемъ наши выводы.

1) Домашній промысловой трудъ, производящій избытки надъ собственнымъ потребленіемъ земледѣльца внутри единаго натуральнаго хозяйства, вовсе не характеренъ для русскаго экономическаго строя; онъ наблюдается вездѣ при маломъ развитіи общественнаго раздѣленія труда. Въ промышленной экономіи Россіи въ прошломъ и настоящемъ онъ игралъ и играетъ сравнительно незначительную роль.

2) Для Россіи характерно сельское децентрализованное товарное производство, дѣйствительно занимавшее и продолжающее занимать крупное мѣсто въ промышленной экономіи страны. Это и есть типическая для XVIII и въ особенности для XIX в. кустарная промышленность.

3) Товарный характеръ производства необходимо обусловливаетъ то господство въ русской кустарной промышленности капитала (въ той или другой формѣ), которое въ одинъ голосъ констатируется всѣми ея изслѣдователями.

4) Указанныя въ пп. 2 и 3 черты національнаго промышленнаго строя Россіи стоятъ въ извѣстной генетической связи съ ея экономической отсталостью, но въ то же время дѣлаютъ этотъ строй близкимъ къ развитому капитализму и въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ нимъ тождественнымъ. Этимъ Россія отличается, съ одной стороны, отъ Западной Европы, гдѣ капитализмъ столкнулся съ глубоко отличной отъ него промышленной культурой, съ другой—отъ прочихъ отсталыхъ восточно-европейскихъ странъ, гдѣ никакой сколько-нибудь значительной промышленной культуры до насажденія развитого капитализма не было.

Какъ видитъ читатель, наше построеніе нисколько не отрицаетъ своеобразія экономическаго и, въ частности, промышленнаго развитія Россіи. Но въ отличіе отъ тенденціозной идеализаціи съ одной стороны и отъ шаблоннаго отождествленія двухъ рядовъ развитія съ другой стороны, оно пытается съ полной объективностью установить какъ предѣлы и смыслъ *своеобразія*, такъ и дѣйствительные размѣры и значеніе *тождественныхъ* явленій и процессовъ. Такова, по крайней мѣрѣ, была цѣль автора. Достигнута ли она, судить не ему.

Петръ Струве.

ковъ. «Кустарные промыслы Нижегородской губ.» Н. Новгородъ. 1894 г. Г. Плотниковъ даетъ опредѣленіе кустарной промышленности, «неуклюже» и «многословно» по собственному признанію автора выражающее то же, что и мое опредѣленіе: технически-ремесленное производство на широкій и неопредѣленный рынокъ или—въ терминахъ Бюхера—децентрализованное товарное производство. Г. Еверскій остроумно сливаетъ въ своемъ опредѣленіи мѣстное кустарничество и кустарную промышленность. Но такое слитное опредѣленіе—съ точки зрѣнія «длины пути»—совершенно непріемлемо.

СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ.

Академика **А. Фаминцына.**

(*Продолженіе* *).

Глава четвертая.

Высказанное мною въ предыдущей главѣ отрицательное отношеніе къ современной критической философіи, единственной въ своемъ родѣ наукѣ, поставившей себѣ цѣлью критически разслѣдовать и обосновать теорію познанія, несомнѣнно должно возбудить въ читателѣ совершенно естественное желаніе, взамѣнъ отвергнутаго, получить указаніе на болѣе надежную исходную точку, при разслѣдованіи основъ теоріи познанія и природы нашей психики.

Обстоятельства случайно сложились такъ счастливо, что мнѣ представляется возможнымъ, до извѣстной степени, удовлетворить желаніе читателя.

На нашихъ глазахъ происходитъ быстрый и полный метаморфозъ психологіи; изъ науки почти исключительно умозрительной, она превращается въ науку опытную, порвавъ послѣднюю связь съ метафизикой. Первые рѣшительные шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы двадцать лѣтъ тому назадъ. *Вундтъ* въ Германіи и *Шарко* во Франціи повели психологію по новому пути; Шарко своими изслѣдованіями о гипнозѣ у истеричныхъ, Вундтъ—основаніемъ въ Лейпцигѣ спеціальнаго кабинета для работъ по экспериментальной психологіи. Въ отличіе отъ прежней психологіи, возникающей, новой, дали названіе *психологіи экспериментальной*.

Вотъ какими словами характеризуетъ ее Бинэ **):

«Психологія окончательно организовалась въ отдѣльную и независимую науку. Въ настоящее время она представляетъ собраніе научныхъ изысканій, которыя до нѣкоторой степени имѣютъ значеніе уже и сами по себѣ, въ родѣ изысканій по ботаникѣ и зоологіи; она какъ бы выбралась на просторъ изъ груды смутныхъ, еще плохо выясненныхъ

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

**) *Бинэ.* «Введеніе въ экспериментальную психологію», (русскій переводъ).

ныхъ знаній, называемыхъ философіей; она перерѣзала нить, связывавшую ее до этого времени съ метафизикой.

Экспериментальная психологія независима отъ метафизики; но она не исключаетъ метафизическихъ изысканій. Сама она не предполагаетъ никакого опредѣленнаго рѣшенія великихъ проблемъ жизни и души; сама по себѣ она не имѣетъ никакихъ стремленій спиритуалистическихъ, матеріалистическихъ или монистическихъ; она наука о фактахъ природы и больше ни о чемъ».

Экспериментальная психологія, которой посвятилъ свою статью Бинэ, есть лишь малая часть современной экспериментальной психологіи; эту малую часть, разрабатываемую въ такъ называемыхъ психологическихъ кабинетахъ, принимаютъ, обыкновенно, за цѣлое, совершенно игнорируя несравненно болѣе существенную часть экспериментальной психологіи, занимающуюся разслѣдованіемъ *гипнотизма*. Это недоразумѣніе объясняется слѣдующимъ образомъ: школа *Шарко*, которой принадлежатъ капитальныя работы надъ гипнозомъ, искусственнымъ образомъ и совершенно произвольно ограничила свою задачу разслѣдованіемъ гипнотическихъ явленій лишь у истеричныхъ больныхъ, въ особенности у больныхъ тяжелой формой истеріи; сообразно съ этимъ и гипнотизмъ изучался Шарко и его школой, съ точки зрѣнія разстройствъ моторныхъ и сенсорныхъ центровъ, и включенъ какъ часть въ *психологію болѣзненныхъ явленій*. Разслѣдованія по гипнозу поэтому исключены и Бинэ (изъ школы Шарко) въ его книжкѣ, посвященной исключительно *экспериментальной психологіи въ собственномъ смыслѣ этого слова* (по Бинэ), какъ не входящей въ программу изслѣдованій психологическихъ кабинетовъ.

Я постараюсь доказать посредствомъ вѣскихъ фактовъ, что этотъ взглядъ (школы Шарко) одностороненъ, и что съ полнымъ правомъ можно разсматривать гипнотизмъ, какъ отдѣлъ экспериментальной психологіи и притомъ гораздо болѣе важный чѣмъ первый, по глубинѣ и интересу разрѣшаемыхъ имъ задачъ и раскрываемыхъ явленій жизни.

Физіогномія каждаго изъ этихъ отдѣловъ экспериментальной психологіи обрисовывается совершенно отчетливо нижеслѣдующими данными.

Въ составъ *экспериментальной психологіи въ собственномъ смыслѣ этого слова* входятъ:

Ученіе объ ощущеніяхъ, движеніяхъ, памяти и продолжительности психическихъ актовъ; это части психологіи, наиболѣе успѣшно разрабатываемыя при помощи опытнаго метода. Изъ нихъ лучше всего разслѣдованы внѣшнія ощущенія. Различая два рода памяти: самодѣятельную и умышленно вызванную, разслѣдуютъ относительно каждой изъ нихъ: а) въ какой степени ощущеніе сохраняется памятью, б) какія могутъ быть разстройства воспоминанія, в) какія вліянія дѣйствуютъ на сохраненіе памяти, г) число воспоминаній, которыя могутъ быть прі-

обрѣтены въ извѣстный промежутокъ времени, д) качество воспоминаній, е) сравненіе воспріимчивости и прочихъ качествъ образовъ, словеснаго, зрительнаго и слуховаго; ж) прочность воспоминаній. Сюда же относятся расслѣдованія по *психометріи* (заключающія измѣренія состояній сознанія и изображеніе ихъ цыфровыми данными), и по *психофизикѣ* — т.-е. измѣренія съ одной стороны, интензивности раздраженія, а съ другой—ощущенія, вызываемаго измѣреннымъ раздраженіемъ.

Преимущественно для психометрическихъ и психофизическихъ разслѣдованій и потребовалось устройство спеціально приспособленныхъ кабинетовъ, снабженныхъ тонкими приборами и подходящимъ помѣщеніемъ.

Число психологическихъ кабинетовъ пока еще очень ограничено. Первый изъ нихъ былъ основанъ Вундтомъ въ Лейпцигѣ въ 1878 году. Съ того времени начали устраиваться подобные кабинеты и въ другихъ городахъ Европы, гдѣ ихъ насчитываютъ въ настоящее время до 16; въ Америкѣ число ихъ достигаетъ до 27.

При всемъ уваженіи къ разслѣдователямъ перечисленныхъ вопросовъ, нельзя отрицать, что интересъ получаемыхъ результатовъ ими мельчаетъ приблизительно въ отношеніи обратнопропорціональномъ возрастанію ихъ точности. Сами изслѣдователи сознаются, что на многіе изъ вопросовъ получаются отвѣты лишь болѣе или менѣе гадательные, даже при громадномъ количествѣ, потребныхъ для нихъ опытовъ. Но если и предположить всѣ разрабатываемые въ настоящее время въ психологическихъ кабинетахъ вопросы окончательно рѣшенными, то и тогда прибыль нашего знанія о психикѣ оказалась бы весьма незначительной. Претензіи современныхъ психологовъ-экспериментаторовъ по истинѣ могутъ быть названы болѣе чѣмъ скромными. Особенно ярко выступаетъ справедливость сказаннаго, при сравненіи этихъ вопросиковъ лилипутовъ съ грандіозными, захватывающими духъ результатами, уже полученными при гипнотическихъ разслѣдованіяхъ.

Послѣдними мы исключительно обязаны французскимъ ученымъ; разслѣдованія по этому предмету — ключъ къ сокровищницѣ нашихъ познаній о психикѣ; здѣсь кроется золотоносная руда для будущихъ психологовъ *).

Въ виду выдающейся важности разслѣдованій надъ гипнозомъ и внушеніемъ, для разбираемаго мною вопроса, я постараюсь выяснить результаты и значеніе ихъ для психологіи, какъ области, на которой, по крайнему моему убѣжденію, въ недалекомъ будущемъ сосредоточится единодушный натискъ психологовъ и физіологовъ; богатая добыча не заставитъ себя ждать, особенно, если всѣ эти силы будутъ направлены единодушно, согласно строго обдуманному плану.

---

*) Источниками при изложеніи гипнотизма послужили мнѣ слѣдующія сочиненія:

1) *Бернгеймъ.* «О внушеніи» (русск. переводъ 1887 г.).

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію опытовъ по гипнозу, считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе читателей на то, что, по единогласному свидѣтельству лицъ, занимавшихся гипнотическими опытами, признается крайне опаснымъ занятіе ими людьми, не подготовленными къ этому спеціальнымъ образованіемъ. Совершенно непозволительно заниматься ими ради забавы, такъ какъ при этомъ можетъ быть причиненъ загипнотизированному лицу вредъ, не легко поправимый. Легкомысленное отношеніе къ опытамъ надъ гипнозомъ заслуживаетъ не меньшее порицаніе, какъ и вивисекціи въ неумѣлыхъ рукахъ: и тѣ, и другія, когда производятся не съ строго научной цѣлью, могутъ возбудить, во всякомъ добропорядочномъ человѣкѣ, лишь ужасъ и отвращеніе.

Разслѣдованіемъ гипнотизма занимаются во Франціи двѣ соперничествующія между собою школы: школа Шарко въ Парижѣ и *психологическая* школа въ Нанси. Обѣ школы очень многое сдѣлали для выясненія явленій гипнонизма, такъ что трудно рѣшить, за которой изъ нихъ признать первенство; обѣ обнародовали весьма любопытныя розысканія по этому предмету, Наиболѣе существенное различіе между ними сказывается въ томъ, что школа Шарко, сближая гипнотизмъ съ истеріей, изучаетъ его только у истеричныхъ, и притомъ у больныхъ тяжелой формой истеріи (grand hypnotisme), между тѣмъ какъ школа Нанси обогатила насъ превосходными изслѣдованіями надъ гипнотическими явленіями у нормальныхъ людей, и притомъ не только въ состояніи гипноза, но и во время бодрствованія; она сближаетъ внушеніе, вызываемое гипнотизеромъ, съ самовнушеніемъ, а послѣднее съ понятіями о мистицизмѣ, привычкѣ, рефлексахъ и автоматизмѣ и какъ бы подводитъ насъ къ наиболѣе сокровенному тайнику нашей жизни.

Сообразно взгляду на гипнотизмъ, каждая изъ этихъ школъ даетъ ему своеобразное опредѣленіе. Школѣ Шарко свойственно стремленіе свести, если не всѣ явленія гипноза, то часть ихъ, къ элементарнымъ физическимъ силамъ, безъ всякаго участія психики; она допускаетъ прямое гипнотическое дѣйствіе металловъ и магнитовъ на нервную систему, признаетъ явленіе перенесенія паралича, каталепсіи, анэстезіи съ одной стороны тѣла на другую подъ вліяніемъ магнита, вѣритъ въ возможность непосредственнаго раздраженія локализированныхъ центровъ мозговой коры поглаживаніемъ кожи головы и др.

---

2) *Бехтеревъ*, *В. М.* «Нервныя болѣзни въ отдѣльныхъ проявленіяхъ». 1894.

3) *Бони*. «Гипнотизмъ». (Русск. переводъ 1889).

4) *Вундтъ*. «Гипнотизмъ и внушеніе». 1892. (русскій переводъ).

5) *Гиляровъ*. «Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы». 1894 г.

6) *Кирилловъ*, *В.* «Современное состояніе вопроса о гипнотизмѣ». 1893.

7) *Тархановъ*. *И. О.* «Гипнотизмъ, внушеніе и чтеніе мыслей». 1886.

8) *Форель*. «Гипнотизмъ, его значеніе и примѣненіе». (Русск. переводъ 1890).

Почти все заимствованное мною, изъ этихъ источниковъ, приведено дословно.

Рише, изъ школы Шарко, опредѣляетъ сообразно этому гипнотизмъ, какъ *совокупность состояній нервной системы, вызванныхъ искусственными пріемами. Гипнотизмъ*, по опредѣленію этой школы, *есть неврозъ*.

Школа Нанси признаетъ лишь вызываніе гипноза внушеніемъ, отрицая всѣ остальные пріемы, рекомендуемые школой Шарко. По *Форелю* (*школа Нанси*) *неточное и неопредѣленное понятіе о гипнотизмѣ слѣдуетъ замѣнить понятіемъ о внушеніи*.

Для насъ особенно интересно, что весьма многіе люди подчиняются гипнозу. Въ общемъ, по Бони, можно считать, что число ихъ доходитъ до 90%.

Въ этомъ же смыслѣ высказываются и ближайшіе помощники Шарко, именно Бурневилль и Рейнеръ.

Вотъ еще нѣкоторыя числовыя данныя:

Число духовно и тѣлесно здоровыхъ людей, загипнотизированныхъ Льебо и Бернгеймомъ, достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ. Въ теченіе 1887 года д-ръ Веттерштрандъ въ Стокгольмѣ подвергнулъ гипнозу *718* человѣкъ, изъ которыхъ не поддались гипнозу только *19*. Д-ръ Рентергемъ въ Амстердамѣ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ изъ *178* человѣкъ усыпилъ *162*, изъ которыхъ у *91* достигъ полнаго излѣченія отъ разныхъ болѣзней. Форелю удалось изъ *205* человѣкъ усыпить *171*.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ пріемовъ, рекомендуемыхъ для приведенія въ состояніе гипноза, я остановлюсь на одномъ, самомъ выдающемся и признаваемымъ обѣими вышеназванными французскими школами, именно на словесномъ *внушеніи*. Школа Нанси признаетъ его за единственный способъ возбужденія гипноза; школа Шарко, хотя и ограничиваетъ дѣйствіе внушенія лишь извѣстнымъ моментомъ гипнотическаго невроза, но приписываетъ ему однако особенно выдающуюся роль въ гипнотическихъ явленіяхъ.

«Внушеніе сводится, по мнѣнію проф. Бехтерева, къ непосредственному прививанію тѣхъ или другихъ психическихъ состояній отъ одного лица къ другому—прививанію, происходящему безъ участія воли воспринимающаго лица и не рѣдко даже безъ яснаго съ его стороны сознанія.

Очевидно, что уже въ этомъ опредѣленіи содержится существенное отличіе внушенія, какъ способа психическаго воздѣйствія одного лица на другое, отъ убѣжденія, производимаго всегда не иначе, какъ при посредствѣ логическаго мышленія и съ участіемъ личнаго сознанія. Въ этомъ же смыслѣ дѣйствуютъ приказаніе и примѣръ.

Однимъ словомъ, внушеніе дѣйствуетъ прямо и непосредственно на психическую сферу другого лица путемъ увлекательной и взволнованной рѣчи, путемъ уговора, жестовъ и мимики.

Легко видѣть, что пути для передачи психическихъ состояній гораздо болѣе многочисленны и разнообразны, нежели пути для передачи мыслей путемъ убѣжденія.

Вотъ почему внушеніе въ общемъ представляетъ собою гораздо болѣе распространенный и нерѣдко болѣе могущественный факторъ, нежели убѣжденіе.

Послѣднее можетъ дѣйствовать только на лицъ, обладающихъ здравой и сильной логикой, тогда какъ внушеніе дѣйствуетъ не только на лицъ съ сильной и здравой логикой, но еще въ большей мѣрѣ на лицъ, обладающихъ недостаточной логикой, какъ, напр., дѣтей и простолюдиновъ».

Гипнозъ не что иное, какъ искусственно-вызванное видоизмѣненіе нормальнаго сна. Это состояніе отнюдь не идетъ рука объ руку съ глубиною сна.

Есть лица, у которыхъ, по свидѣтельству проф. Бехтерева, «внушенія могутъ быть производимы въ бодрственномъ состояніи такъ же легко и просто, какъ въ состояніи гипноза. Изслѣдуя самъ неоднократно такихъ лицъ, онъ убѣдился, что они, по существу, ни чѣмъ не отличаются отъ всѣхъ прочихъ, кромѣ, быть можетъ, большей нервности и впечатлительности. При этомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что воспріимчивость ихъ къ внушеніямъ происходитъ въ нормальномъ психическомъ состояніи».

Словесное внушеніе (котораго, какъ выше было выяснено, я исключительно касаюсь) признано и проф. Бехтеровымъ, за наиболѣе распространенное и, повидимому, наиболѣе дѣйствительное средство для видовъ гипноза.

Вотъ какъ описываетъ пріемъ словеснаго внушенія сторонникъ школы Нанси, Бернгеймъ: «Я начинаю съ заявленія больному, что нахожу нужнымъ съ пользой подвергнуть его лѣченію гипнотизмомъ; что есть возможность вылѣчить или облегчить его при помощи сна. Освободивъ увѣщеваніемъ больного отъ тайнаго страха, связаннаго съ этимъ неизвѣстнымъ, я говорю ему: «смотрите на меня пристально и думайте только о томъ, чтобы спать. Сейчасъ вы почувствуете тяжесть въ вѣкахъ, усталость въ глазахъ; они мигаютъ, вотъ начинаютъ слезиться; взглядъ дѣлается мутнымъ, вотъ они закрываются». Нѣкоторые субъекты закрываютъ глаза и тотчасъ засыпаютъ. Другіе оказываютъ болѣе сильное сопротивленіе, но, за рѣдкими лишь исключеніями, тоже засыпаютъ.

Наступающій гипнотическій сонъ бываетъ то болѣе, то менѣе глубокій; относительно числа и характеристики этихъ различныхъ состояній сна, показанія ученыхъ расходятся.

Многія лица уже на первомъ сеансѣ поддаются вліянію; другіе только при второмъ или третьемъ. Послѣ одной или двухъ гипнотизацій, вліяніе дѣлается быстрымъ. Часто достаточно посмотрѣть на нихъ, протянуть пальцы къ ихъ глазамъ, сказать: «спите!», чтобы въ нѣсколько секундъ, иногда мгновенно, глаза ихъ закрылись и наступили всѣ явленія сна.

---

*) *Бехтеревъ*. «Роль внушенія въ общественной жизни». 1898. Обозрѣніе психологіи, невралгіи и экспериментальной психологіи.

Субъекты, у которыхъ внушимость сильно развита, засыпаютъ, какъ только ихъ наводятъ на мысль о снѣ. Ихъ можно гипнотизировать черезъ передачу, заявивъ имъ, напримѣръ, что они уснутъ, какъ только ими будетъ прочитано письмо; можно ихъ усыпить и при посредствѣ телефона.

Не слѣдуетъ думать, чтобы впечатлительными къ гипнозу были преимущественно невропаты, люди слабаго ума, истеричные, или женщины. Бернгейму удавалось усыплять людей весьма интеллигентныхъ изъ высшихъ классовъ общества, ничуть не нервныхъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ *).

Во время гипнотическаго сна душевная дѣятельность загипнотизированнаго является въ полномъ подчиненіи волѣ гипнотизера, и, смотря по степени вызваннаго сна, проявляетъ различнымъ образомъ свою отъ него зависимость.

Различаютъ нѣсколько степеней сна, причемъ показанія школы Шарко, признающей три различныхъ степени, рѣзко отличаются отъ свидѣтельства школы Нанси. Бернгеймъ, напр., отличаетъ *шесть* степеней и характеризуетъ ихъ совершенно иначе, чѣмъ Шарко. Послѣдняя самая сильная степень гипноза обозначается обѣими школами именемъ сомнамбулизма.

Крайне любопытны нижеслѣдующія наблюденія Брэда надъ изощреніемъ чувствъ во время сомнамбулическаго сна, подтвержденныя нѣсколькими наблюдателями.

Слухъ во время этого сна бываетъ, по опытамъ Брэда, почти въ 12 разъ чувствительнѣе, чѣмъ въ нормальномъ состояніи. Паціентъ, который въ бодрственномъ состояніи не могъ слышать тиканіе часовъ на разстояніи болѣе *трехъ* футовъ, во время гипнотизма слышалъ его на разстояніи *тридцати пяти* футовъ и могъ безъ колебанія направиться по прямой линіи къ этому звуку.

Обоняніе также чрезвычайно изощрено. Одна дама (съ завязанными глазами) могла подходить къ розѣ, которую держали отъ нея на разстояніи 46 футовъ.

Обоняніе дозволяетъ значительному числу загипнотизированныхъ лицъ легко находить въ многолюдномъ обществѣ владѣльца перчатки, хотя бы онъ былъ имъ неизвѣстенъ. Паціентъ нюхаетъ сначала перчатку, затѣмъ обходитъ комнату и вручаетъ, не колеблясь и безошибочно, перчатку владѣльцу, не дотрогиваясь до него.

---

*) Для предупрежденія упрека будто я придерживаюсь взглядовъ на гипнотизмъ школы Нанси, что дѣйствительно можетъ показаться изъ моего изложенія, считаю необходимымъ пояснить, что я ограничиваюсь описаніемъ одного лишь способа усыпленія «словеснымъ внушеніемъ» только потому, что это одинъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ. Вопросъ же о возможныхъ способахъ усыпленія я намѣренно оставляю въ сторонѣ. Считаю также излишнимъ касаться и различныхъ объясненій сути внушенія.

Осязательная чувствительность настолько велика, что ощущается самое легкое прикосновеніе и тотчасъ же вызываетъ дѣйствіе соотвѣтствующихъ мускуловъ; эти мускулы тогда обладаютъ способностью къ сильнымъ сокращеніямъ.

Пробужденіе отъ сна весьма характерно. Представимъ себѣ субъекта въ глубокомъ гипнотическомъ снѣ; на заданные вопросы онъ отвѣчаетъ. Если, продолжая бесѣду, неожиданно сказать ему: «проснитесь»; онъ открываетъ глаза, но уже не помнитъ ничего, что происходило во время сна. Особенно поразительны слѣдующія пробужденія, вызванныя Бернгеймомъ: онъ разбудилъ больного, говоря: «считайте до *10*; когда громко произнесете *10*, вы проснетесь». Въ моментъ, когда онъ произноситъ *10*, глаза его открываются; онъ не помнитъ, что считалъ». Въ другой разъ было сказано: «вы будете считать до *10*; когда дойдете до *6*, вы проснетесь, но будете продолжать считать до *10*». Дойдя до цифры *6*, паціентъ открываетъ глаза, но продолжаетъ считать до *10*. На вопросъ: «почему вы считаете?» субъектъ отвѣчаетъ, что не помнитъ, чтобы онъ считалъ. Этого рода опыты неоднократно удавались Бернгейму и надъ людьми очень интеллигентными. Нѣкоторыя лица, по пробужденіи, жалуются на тяжесть въ головѣ, на тупую головную боль, на головокруженіе. Для предупрежденія этихъ ощущеній оказывалось достаточнымъ сказать имъ передъ пробужденіемъ: «Вы проснетесь и придете въ себя; вы не будете чувствовать никакой тяжести въ головѣ; вы будете чувствовать себя совершенно хорошо», и внушенное пробужденіе происходило безъ всякаго непріятнаго ощущенія.

Разсмотримъ теперь, какого рода эффекты достигаются при посредствѣ *словеснаго внушенія*.

Изъ нижеприведенныхъ примѣровъ мы увидимъ, что они чрезвычайно разнообразны и могутъ быть, для болѣе удобнаго обозрѣнія, разсмотрѣны по категоріямъ. Внушенія могутъ быть сдѣланы, какъ: 1) во время гипнотическаго сна, такъ и 2) въ состояніи бодрствованія.

Внушеніемъ могутъ быть вызваны во время сна; а) *галлюцинаціи*, т. е. воспріятія явленія, при отсутствіи его реальной причины; б) *иллюзіи*—извращеніе сознаніемъ дѣйствительно воспринятыхъ впечатлѣній; в) *волевые акты*, исключительно обусловленные волей гипнотизера и совершаемые нерѣдко противно наклонностямъ и характеру субъекта, послѣдніе могутъ быть внушены: а) съ приказаніемъ *немедленнаго исполненія*, или же б) чрезъ болѣе или менѣе продолжительный, но точно *опредѣленный срокъ*. Сюда относятся также в) внушаемыя *неотразимыя идеи* и *влеченія*, г) *потеря памяти*, полная или только частная, д) *нарушеніе*, въ желаемомъ гипнотизеромъ смыслѣ, *главнѣйшихъ, изъятыхъ изъ нашей воли, функцій* организма. Такъ, напр., словеснымъ внушеніемъ удается возбудить или пріостановить функцію кишечника, дыханія, вызвать измѣненіе въ сосудодвигательной системѣ, т. е. умень-

шить или увеличить приливъ крови къ любой части тѣла, и этимъ путемъ повысить или понизить температуру послѣдней, измѣнять функціи секреторной системы, заправлять ходомъ и сроками менструацій, вызывать или уничтожать параличи и проч.

Нижеслѣдующіе примѣры, заимствованные мною изъ надежныхъ источниковъ, всего лучше способны выяснить своеобразіе гипнотическихъ явленій.

Галлюцинація внѣшнихъ чувствъ.

Отъ словъ: «къ вамъ на правую щеку вскочила блоха, вы чувствуете зудъ», загипнотизированный субъектъ дѣлаетъ гримасу и начинаетъ чесать указанное мѣсто.

При словахъ: «вы видите передъ собою злую собаку, которая лаетъ на васъ» субъектъ съ ужасомъ отодвигается и гонитъ прочь мнимую собаку, которую онъ видитъ и слышитъ.

Когда Б... находится въ каталептическомъ состояніи ея взглядъ привлекаютъ и направляютъ къ землѣ, утверждая, что она въ саду, наполненномъ цвѣтами. Тотчасъ же каталептическое состояніе прекращается, она дѣлаетъ жестъ удивленія, ея физіономія оживляется. «Какъ они хороши!» восклицаетъ она и, наклоняясь, собираетъ цвѣты, дѣлаетъ изъ нихъ букетъ, прикрѣпляетъ его къ корсажу и пр.

Въ то время, какъ она занимается воображаемымъ сборомъ цвѣтовъ, ея вниманіе обращаютъ на то, что на цвѣткѣ, который она держитъ въ рукѣ, сидитъ улитка. Она смотритъ. Восхищеніе тотчасъ уступаетъ много отвращенію, она бросаетъ цвѣтокъ и усиленно утираетъ руку платкомъ.

Если показать Бар... раненаго, то она принимаетъ видъ состраданія, наклоняется, становится на колѣни и дѣлаетъ жестъ, будто обертываетъ руку бинтомъ.

Видъ толпы маленькихъ дѣтей внушаетъ ей самыя нѣжныя чувства.

Достаточно сказать Бар...: «слушайте музыку!», чтобы она стала на дѣлѣ слышать воображаемую музыку. Бар... кажется очень довольной и внимательной, движетъ въ тактъ головой и ударяетъ рукою.

Галлюцинаціи органическаго чувства. «Мы сажаемъ,—пишетъ Рише,—загипнотизированную Б... за столъ, увѣряя ее, что онъ богато сервированъ.. Мы приглашаемъ ее пить чудесныя вина. Она дѣлаетъ жестъ, будто льетъ вино въ стаканъ и подноситъ этотъ послѣдній къ губамъ. Она находитъ вино восхитительнымъ. Мы ее уговариваемъ выпить еще. «Я боюсь заболѣть», говоритъ она. Мы ее разувѣряемъ, и она продолжаетъ подливать себѣ вино. Вскорѣ мы ей говоримъ, что она опьянѣла. Дѣйствительно, она встаетъ и качается, ходитъ какъ пьяная и держитъ руку у живота съ видомъ страданія. Мы можемъ тогда вызвать у ней настоящую рвоту, сказавъ ей, что у нея болитъ подъ ложечкой и что ее тянетъ рвать. Она имѣетъ такой страдальческій видъ, что мы не рѣшаемся продолжать эту сцену. Достаточно сказать,

что она выздоровѣла, что у нея ничего нѣтъ. чтобы все это прекратить въ одно мгновеніе. Но она тотчасъ же становится каталептической».

Зрительныя галлюцинаціи. «Крестьянской дѣвушкѣ,—пишетъ Форель,—загипнотизированной въ первый разъ и не имѣющей ни малѣйшаго понятія ни о физикѣ, ни о призмахъ, приставляютъ къ глазу призму, со внушеніемъ внимательно фиксировать не существующее пламя свѣчи. На вопросъ, что она видитъ передъ собою, она отвѣчаетъ: два пламени. Тутъ мы, какъ это вѣрно доказываетъ Бернгеймъ, имѣемъ дѣло съ безсознательнымъ внушеніемъ. Дѣвушка видѣла, при посредствѣ призмы, всѣ окружающіе предметы вдвойнѣ, и это заставило ее безсознательно удвоить и пламя свѣчи, существовавшее не на дѣлѣ, а только въ ея воображеніи. Если же этотъ опытъ сдѣлать въ совершенно темной комнатѣ и съ субъектомъ, гипнотизируемымъ въ первый разъ и незнакомымъ съ даннымъ явленіемъ даже теоретически, то внушенное изображеніе никогда не бываетъ двойнымъ. Удвоеніе въ данномъ случаѣ произошло инстинктивно, автоматически и не достигло, такъ сказать, порога сознанія».

Весьма интересенъ еще слѣдующій опытъ: приводятъ субъекта въ гипнотическое состояніе и сосредоточиваютъ его взглядъ на извѣстномъ предметѣ; затѣмъ одинъ глазъ закрываютъ рукой. Если затѣмъ поставить передъ глазомъ призму, то субъектъ заявляетъ, что видитъ два предмета. Этотъ второй образъ можетъ быть фиксированъ внушеніемъ. Если въ то время, когда призма находится передъ глазомъ и субъектъ сознаетъ, что видитъ два предмета, мы станемъ утверждать, что онъ будетъ продолжать видѣть два предмета, то устраненіе призмы не измѣнитъ ничего въ положеніи вещей и субъектъ не перестаетъ утверждать, что видитъ два предмета. Если снова помѣстить призму передъ испытуемымъ глазомъ, то субъектъ заявляетъ, что видитъ четыре предмета. Если эти четыре образа снова фиксировать внушеніемъ, то новое помѣщеніе призмы передъ глазами дѣлаетъ ихъ восемь и такъ далѣе. Вскорѣ число образовъ можетъ быть умножено на столько, что субъектъ не въ состояніи ихъ сосчитать. Объясненіе этого опыта Рише см. его сочиненіе «Grande hysterie», стр. 713, 714.

Въ высшей степени любопытно, что галлюцинаторный образъ приближается или удаляется, сообразно съ тѣмъ, смотрѣть ли на него черезъ окуляръ или объективъ бинокля. Если смотрѣть на него въ микроскопъ или лупу, то онъ увеличивается. Но подробности, недоступныя невооруженному глазу, не воспринимаются и чрезъ увеличительное стекло.

Въ зеркалѣ галлюцинаторный образъ отражается, какъ реальный предметъ, и, слѣдовательно, получаются два воображаемыхъ образа.

Не менѣе интересенъ опытъ, обыкновенно демонстрируемый въ школѣ Шарко, иллюстрирующій чрезвычайное повышеніе въ этомъ состояніи зрительной способности: берутъ двадцать одинаковыхъ листовъ бумаги и на одномъ изъ нихъ внушаютъ субъекту портретъ. Больная без-

ошибочно находитъ этотъ мнимый портретъ среди девятнадцати остальныхъ сходныхъ листовъ. При этомъ, если листъ съ внушеннымъ портретомъ повернуть низомъ вверхъ, то портретъ представляется больной вверхъ ногами.

Въ видѣ примѣра галлюцинацій, перемѣщающихся вмѣстѣ со взглядомъ, Рише приводитъ галлюцинацію чернаго круга и голубя. Если больной внушить, что куда бы она ни стала смотрѣть, она повсюду будетъ видѣть черный кругъ или голубя, то эти образы будутъ преслѣдовать ее всюду. При этомъ они измѣняютъ размѣръ и положеніе, сообразно съ разстояніемъ и положеніемъ тѣхъ предметовъ, на которыхъ фиксируются. Эти образы на столько интензивны, что заслоняютъ собою реальные предметы.

Галлюцинаціи личности. Субъектъ, по желанію экспериментатора, воображаетъ себя стекляннымъ, восковымъ, гуттаперчевымъ.

Больную можно также превратить въ птицу, собаку и пр. и тогда она старается воспроизводить дѣйствія этихъ животныхъ.

Удается вызвать внушеніемъ забвеніе своего *я*... Можно даже заставить утратить *всю память*; но опытъ этотъ можно повторять лишь съ большою осторожностью.

Отрицательныя галлюцинаціи. Достаточно сказать субъекту, что онъ лишенъ зрѣнія, чтобы онъ тотчасъ же пересталъ различать окружающіе предметы и оставался слѣпымъ до того момента, когда экспериментаторъ пожелаетъ возвратить ему зрѣніе посредствомъ противоположнаго внушенія. При этомъ его можно сдѣлать слѣпымъ, какъ на оба глаза, такъ и на одинъ. Точно также можно его лишить и другихъ чувствъ.

Можно внушить субъекту, что онъ не видитъ извѣстнаго лица; въ такомъ случаѣ онъ продолжаетъ его слышать. Вотъ опытъ, разсказанный Бине и Фере: «Мы внушаемъ *больной*, находящейся въ сомнамбулизмѣ, что, проснувшись, она не будетъ видѣть одного изъ насъ, Фере, хотя и будетъ по прежнему слышать его голосъ. По пробужденію больной, Фере становится передъ нею; она не замѣчаетъ его; Фере протягиваетъ ей руку; она не дѣлаетъ никакого движенія и продолжаетъ спокойно сидѣть въ креслѣ, въ которомъ проснулась. Мы сидимъ рядомъ съ нею, въ ожиданіи. Черезъ нѣсколько времени больная выражаетъ удивленіе, что не видитъ Фере, который только что былъ въ лабораторіи, и спрашиваетъ, куда онъ скрылся. Мы отвѣчаемъ: «онъ ушелъ, вы можете возвратиться къ себѣ въ палату». Фере становится противъ двери. Въ моментъ, когда больная хочетъ взяться за ручку двери, она наталкивается на невидимаго ею Фере, и отъ такого неожиданнаго столкновенія вздрагиваетъ; она вторично пытается подойти, но при встрѣчѣ съ тою же невидимой и непонятной преградой, на нее нападаетъ страхъ, и она отказывается снова подойти къ двери.

Тогда мы беремъ со стола шляпу и показываемъ ее больной; она отлично видитъ ее и убѣждается руками и глазами, что это реальное тѣло. Мы надѣваемъ шляпу на голову Фере. Больная видитъ шляпу, висящую въ воздухѣ; нельзя описать ея удивленія. Но изумленіе ея переступаетъ всякія границы, когда Фере снимаетъ шляпу съ головы и нѣсколько разъ кланяется ей; больная видитъ, какъ шляпа, ничѣмъ не поддерживаемая, описываетъ въ воздухѣ кривую линію. Мы беремъ пальто и передаемъ его Фере, который надѣваетъ его на себя: больная пристально смотритъ на пальто и видитъ, съ удивленіемъ, какъ оно качается въ воздухѣ, принимая форму человѣка. «Словно манекенъ,—говоритъ она,—съ пустотой внутри».

Предметъ, сдѣланный посредствомъ внушенія незримымъ, по большей части, не препятствуетъ больнымъ думать, что они воспринимаютъ находящіяся позади его реальныя вещи. Если, напр., наблюдатель закроетъ свое лицо экраномъ, несуществованіе котораго предварительно внушено, то субъектъ увѣряетъ, что продолжаетъ видѣть лицо экспериментатора. На самомъ дѣлѣ, однако, субъектъ видитъ не предметъ, но его субъективный образъ. Незримый предметъ играетъ роль экрана и больная не можетъ видѣть, что дѣлается позади экрана.

Иллюзіи. Склянка въ рукахъ субъекта превращается, по волѣ наблюдателя, въ ножъ или веревку; больной даютъ нюхать нашатырный спиртъ, утверждая, что это мускусъ, и она находитъ запасъ пріятнымъ; даютъ, вмѣсто земляники, что́-нибудь горькое, напр., хининъ, и больная съ удовольствіемъ ѣстъ мнимую землянику и пр.

Иллюзіи и галлюцинаціи могутъ быть ограничены одной стороной тѣла. Такое ограниченіе достигается либо погруженіемъ половины тѣла въ летаргію, чрезъ закрытіе соотвѣтствующаго глаза, либо просто внушеніемъ.

Неотразимыя идеи и побужденія. Можно внушить не только иллюзіи и галлюцинаціи, но и различныя дѣйствія, какъ во время гипнотизма, такъ и въ состояніи бодрствованія, и притомъ на различные сроки: день, мѣсяцъ, годъ. Эти дѣйствія, если внушеніе сдѣлано опредѣленно и авторитетнымъ тономъ, исполняются, обыкновенно, съ большою точностью и по большей части съ «роковою необходимостью».

Многими примѣрами доказано, однако, что въ состояніи сомнамбулизма воля не вполнѣ уничтожена.

Внушенія на долгій срокъ. Опытъ Бернгейма: «Въ августѣ 1883 года я говорю загипнотизированному сомнамбулу С., бывшему сержанту: «Въ какой день вы будете свободны на первой недѣлѣ октября? Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Въ среду».—«Ну, такъ слушайте: въ первую среду октября вы пойдете къ Льебо (который ко мнѣ его направилъ), вы встрѣтите тамъ президента республики, и онъ вручитъ вамъ медаль и пенсію».—«Я пойду,—отвѣчалъ онъ». Больше я ему не говорю ничего. По пробужденіи, онъ ничего не помнитъ. Въ этотъ промежутокъ времени я

дѣлаю ему другія внушенія и ни разу не напоминаю описаннаго внушенія. 3 октября (63 дня спустя послѣ внушенія) я получаю отъ Льебо слѣдующее письмо: «Сомнамбулъ С. пришелъ ко мнѣ сегодня въ одиннадцать часовъ безъ десяти минутъ. Поздоровавшись при входѣ съ Ф., онъ направляется къ лѣвому шкафу моей библіотеки, не обращая вниманія ни на кого, почтительно кланяется и произноситъ: «Ваше превосходительство». Такъ какъ онъ говорилъ довольно тихо, я подошелъ прямо къ нему; въ это время онъ протянулъ правую руку и сказалъ: «Благодарю, ваше превосходительство». Тогда я его спросилъ, съ кѣмъ онъ разговариваетъ. «Да съ президентомъ республики». Надо замѣтить, что впереди его не было никого. Послѣ того, онъ снова обернулся къ шкафу и поклонился, а затѣмъ возвратился къ Ф. Свидѣтели этой странной сцены, послѣ ухода С., обратились ко мнѣ съ естественнымъ вопросомъ, что это за полоумный. Я отвѣчалъ, что это не полоумный, а такой же здравомыслящій человѣкъ, какъ они и я, но что въ немъ дѣйствуетъ другой.

«Прибавлю, что когда я, нѣсколько дней спустя, увидалъ С., онъ утверждалъ, что мысль идти къ Льебо у него явилась внезапно 3-го октября, въ 10 часовъ утра; что въ предшествовавшіе дни онъ не зналъ того, что долженъ идти, и не имѣлъ никакого представленія о предстоящей ему встрѣчѣ».

Подобные факты засвидѣтельствованы Бони и Льежуа.

Послѣдователи Шарко всѣ, безъ исключенія, признаютъ результаты только что приведенныхъ опытовъ за вполнѣ достовѣрные факты.

Реальность дѣйствія внушеній на короткій срокъ была многократно доказана соматическими признаками. «Удавалось,—свидѣтельствуетъ Питръ, — сказать больной, что сегодня послѣ обѣда у нея вдругъ сдѣлается параличъ ногъ, чтобы вызвать вечеромъ послѣ обѣда внезапно внушенный параличъ».

Многочисленными опытами выяснено *состояніе памяти* во время гипноза и въ слѣдующій за нимъ періодъ времени. Полученные результаты сводятся къ слѣдующему: 1) во время гипноза субъектъ помнитъ все, что зналъ въ состояніи бодрствованія, а равно и въ предшествовавшихъ гипнотическихъ состояніяхъ; 2) послѣ пробужденія онъ забываетъ все, происходившее во время предшествовавшихъ гипнотическихъ состояніяхъ; 3) но можно спеціальнымъ внушеніемъ, коренным образомъ, измѣнить эти результаты; удается съ одной стороны, вызвать во время гипноза полное или частное забвеніе того, что происходило въ предшествующихъ гипнотизаціяхъ; съ другой же стороны возможно внушеніемъ фиксировать память, и по пробужденіи, обо всемъ или о части того, что происходило во время гипноза.

Скажите лицу, находящемуся въ состояніи гипноза, что, по пробужденіи, онъ будетъ помнить все, что дѣлалось во время сна, и оно будетъ помнить. Скажите ему наоборотъ, что оно никогда не вспом-

нитъ о томъ или другомъ обстоятельствѣ, случившемся во время сна, и тогда пусть его снова усыпляютъ и настойчиво разспрашиваютъ; оно никогда не вспомнитъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Доказательство совершенно отчетливаго представленія въ послѣдующемъ гипнозѣ, о томъ, что происходило въ предшествовавшемъ, обнародовано докторомъ, сенаторомъ Дюфе, относительно одной молодой служанки, которую онъ неоднократно усыплялъ, и о которой ему было извѣстно, что она и безъ посторонняго внушенія, впадаетъ въ состояніе сомнамбулизма.

Въ припадкѣ сомнамбулизма, она запрятала въ ящикъ драгоцѣнности, принадлежавшія хозяйкѣ. Послѣдняя не находя ихъ на мѣстѣ, обвинила въ кражѣ служанку. Служанка клялась въ своей невинности, но не могла дать никакихъ объясненій относительно исчезновенія потерянныхъ вещей. Ее посадили въ тюрьму. Дюфе былъ тогда врачемъ тюрьмы. Онъ зналъ обвиняемую, такъ какъ раньше производилъ надъ нею гипнотическіе опыты. Онъ ее усыпилъ и разспросилъ относительно преступленія, въ которомъ ее обвиняютъ. Она ему разсказала со всѣми подробностями, что у нея не было намѣренія обворовать хозяйку, но что однажды ночью ей пришло въ голову, что драгоцѣнности, принадлежащія этой дамѣ, не были въ надежномъ мѣстѣ, и она поэтому заперла ихъ въ другой ящикъ. Объ этомъ показаніи былъ увѣдомленъ судебный слѣдователь. Онъ отправился къ хозяйкѣ служанки и нашелъ драгоцѣнности въ ящикѣ, указанномъ сомнамбулой. Невиновность обвиняемой была такимъ образомъ ясно доказана, и служанка тотчасъ же выпущена на свободу.

Подобнаго же рода случаи засвидѣтельствованы и другими авторами.

Забвеніе, по внушенію, лица, вызвавшаго предыдущій гипнозъ, подтверждается слѣдующимъ оригинальнымъ случаемъ, опубликованнымъ Питромъ:

«Въ послѣднихъ числахъ декабря 1884 года, утромъ, въ часъ посѣщенія больныхъ посторонними лицами, постороннее больницѣ лицо, усыпило одну изъ нашихъ историчныхъ, Павлину Т., и приказало ей въ 4 часа пополудни пойти поцѣловать госпитальнаго священника и не говорить никому, кто далъ это приказаніе.

Въ теченіе всего утра и въ первые два часа послѣ полудня больная не представляла ничего особеннаго. Въ четыре часа она поспѣшно встала съ постели и направилась черезъ палату къ выходу. Сидѣлка спросила ее, куда она идетъ. «Я иду къ отцу X (отвѣчала она); я хочу его поцѣловать». Ее сочли за сумасшедшую и не пустили. Тогда произошла невыразимая сцена. Павлина дѣлала необычайныя усилія, чтобы освободиться, такъ что были принуждены ее привязать. Нѣсколько часовъ подъ рядъ у нея были конвульсивные приступы необычайной силы; она издавала пронзительные крики и смущала покой другихъ больныхъ. Послали за дежурнымъ врачемъ. Врачъ, послѣ без-

плодныхъ попытокъ успокоить волненіе Павлины, попробовалъ усыпить больную и внушить ей, чтобы она была спокойной. Тогда обстоятельства дѣла выяснились. Усыпленная больная, во время сна, разсказала, что произошло утромъ, не назвавъ однако имени лица, которое сдѣлало ей внушеніе. Врачъ рѣшилъ уничтожить первоначальное внушеніе противоположнымъ. Онъ старался внушить Павлинѣ забвеніе утренней сцены; пытался ее увѣрить, что онъ самъ отецъ *X*, и что она можетъ его поцѣловать, если этого непремѣнно желаетъ. Но ни одно изъ этихъ внушеній не было принято, и такъ какъ крики и конвульсіи не прекращались, то врачъ вынужденъ былъ привести больную въ состояніе летаргіи и оставилъ ее въ такомъ положеніи всю ночь. На другой день утромъ, едва успѣли ее вывести изъ летаргіи, какъ снова появились: возбужденіе, конвульсіи и неодолимое желаніе поцѣловать отца *X*. Чтобы покончить съ этимъ, пришлось искать виновника (котораго, къ счастью, удалось найти, между тѣмъ какъ Павлина наотрѣзъ отказалась назвать его имя, хотя его и знала въ совершенствѣ), привести его въ палату и просить усыпить больную и такимъ образомъ лично уничтожить внушеніе, сдѣланное имъ по легкомыслію наканунѣ. Какъ скоро все это было исполнено, Павлина перестала носиться съ мыслью поцѣловать отца *X*. и совершенно успокоилась.

Нѣсколько дней спустя, 12 января 1885 года, произошла подобная же сцена: больная еще разъ заявила желаніе поцѣловать госпитальнаго священника. Когда ее усыпили, она разсказала, что утромъ, возвращаясь изъ ванны, она встрѣтила на поворотѣ лѣстницы трехъ лицъ, которыя ее усыпили и приказали совершить названное дѣйствіе, прибавивъ, что она будетъ жестоко страдать, пока его не приведетъ въ исполненіе, и что она никогда не должна называть тѣхъ, кто ей это приказалъ. Возбужденіе Павлины было настолько велико, что врачъ, не найдя 13 января виновниковъ внушенія, рѣшилъ отправиться къ священнику, разсказать ему о случившемся и просить его, чтобы онъ дозволилъ больной поцѣловать его. Онъ согласился. Послѣ этого все пришло въ порядокъ.

Особенный интересъ представляетъ ***вліяніе словеснаго внушенія, на растительныя***, отъ воли человѣка независимыя, ***отправленія***; словеснымъ внушеніемъ удавалось по произволу вызывать какъ запоръ, такъ и поносъ, внушать рвоту, головокруженіе и сильную головную боль, или же, наоборотъ, прекращать эти страданія; мы увидимъ, что словеснымъ внушеніемъ удается возбуждать сильный и быстрый приливъ крови къ намѣченной заранѣе части тѣла и производить этимъ сильное вздутіе ея; можно заставить даже сочиться кровь на опредѣленныхъ заранѣе мѣстахъ и притомъ даже чрезъ опредѣленный срокъ времени; удавалось при помощи лишь словеснаго внушенія увеличивать отдѣленіе молока у женщинъ, вызывать, а равно и прекращать менструацію

и неоднократно достигать полнаго исцѣленія, безъ помощи другихъ средствъ. Въ доказательство сказаннаго привожу слѣдующее:

Въ пользованіи Брэда былъ одинъ господинъ, страдавшій эпилептическими припадками, не поддававшимися никакому леченію и котораго Брэдъ гипнотизировалъ съ благопріятнымъ успѣхомъ. Однажды въ то время, какъ онъ былъ загипнотизированъ, Брэдъ сталъ двигать своими губами, подражая дѣйствію глотанія, чему больной тотчасъ же началъ подражать, какъ скоро замѣтилъ связанный съ этимъ звукъ. Когда Брэдъ высказалъ предположеніе, что онъ принялъ нѣсколько алоэ, больной тотчасъ жестами и словами выразилъ отвращеніе къ извѣстному горькому вкусу этого лѣкарства. Брэдъ затѣмъ сказалъ ему, что пріемъ этого средства долженъ вскорѣ произвести у него еще бо́льшее дѣйствіе, и дѣйствительно, по истеченіи короткаго времени больной началъ ежиться, какъ будто сильное слабительное вызвало у него боли. Брэдъ больше ничего не говорилъ, но по истеченіи четырехъ или шести минутъ больной всталъ, отправился по лѣстницѣ въ ватерклозетъ и спустился оттуда все еще въ состояніи гипноза, послѣ того какъ онъ оставилъ несомнѣнныя доказательства успѣха произведеннаго надъ нимъ опыта. По пробужденіи, онъ не зналъ о томъ, что произошло, но жаловался на горькій вкусъ во рту. Посѣтивъ Брэда снова на слѣдующій день, онъ сообщилъ ему, что горькій вкусъ для него сталъ такимъ роковымъ, что онъ напрасно пытался удалить его полосканіемъ рта водою. Кушанье и питье всякаго рода и на слѣдующее утро имѣли нестерпимо горькій вкусъ, который прошелъ лишь по истеченіи дня, вслѣдствіе волненія, которое случайно было вызвано у паціента.

Брэду удавалось у загипнотизированныхъ лицъ вызывать обильную рвоту, давая имъ проглотить ложку воды и увѣряя ихъ при этомъ, что они приняли рвотное; иногда бывало даже достаточно просто заставить ихъ повѣрить, что они приняли рвотное. чтобы вызвать рвоту.

У больныхъ сильнымъ поносомъ, однимъ лишь внушеніемъ увѣренности въ ожиданіи скораго прекращенія ихъ страданія, удавалось Брэду прекращать эти боли.

О регулированіи менструаціи см. «Гипнотизмъ» проф. Гилярова стр. 247 и сл., а также русскій переводъ *Фореля* стр. 84 и сл., тамъ же исцѣленіе внушеніемъ семидесятилѣтняго алкоголика.

Возможность вызывать словеснымъ внушеніемъ, *прилива крови* къ намѣченной части тѣла, или, наоборотъ, *свести притокъ ея до минимума*, и такимъ образомъ, по произволу, уменьшить или увеличить температуру этой части тѣла, подтверждается опытомъ Бюро. Загипнотизированному субъекту онъ заявилъ, что его лѣвая рука холодѣетъ. Температура руки дѣйствительно стала опускаться и черезъ нѣсколько часовъ понизилась на 10°, т. е. упала съ 30° до 19° Реомюра. Вмѣстѣ съ тѣмъ пульсъ лѣвой руки, записанный сфигмографомъ, далъ едва замѣтную ломанную, между

тѣмъ какъ сфигмографъ правой руки чертилъ крупные, вполнѣ нормальные зигзаги. Хотя измѣненія въ температурѣ и въ пульсѣ были засвидѣтельствованы механическими приборами, и потому о притворствѣ не могло быть и рѣчи, тѣмъ не менѣе, чтобы придать опыту характеръ *experimentum crucis*, были произведены два другіе опыта. Отмѣчаемые термометромъ и сфигмографомъ колебаніе въ температурѣ и давленія крови, являясь исключительно слѣдствіемъ внушенія, прекращались, какъ только было устранено внушеніе, и наоборотъ, обнаруживались на другой рукѣ, вслѣдствіе новаго спеціальнаго внушенія. Когда съ лѣвой руки было снято внушеніе о пониженіи ея температуры, то послѣдняя оказалась на обѣихъ рукахъ одинаковою и ровной—31° R. точно также и пульсы обѣихъ рукъ чертили одинаковые, вполнѣ нормальные зигзаги. При переносѣ на правую руку внушенія о пониженіи температуры, послѣдняя понизилась въ ней до 20,5 Р., тогда какъ на лѣвой рукѣ термометръ показывалъ 28,7 Р. Вмѣстѣ съ тѣмъ пульсъ правой чертилъ едва замѣтную ломанную, а пульсъ лѣвой—нормальные зигзаги.

Этотъ опытъ, по строгой научной постановкѣ, не можетъ не считаться безусловно доказательнымъ и устраняетъ всякія сомнѣнія въ возможности дѣйствія внушеніемъ на сосудо-двигательную систему.

Внушенные нарывы. Открытіе это сдѣлано было аптекаремъ Фокашономъ, который впервые вызвалъ нарывъ приклеиваніемъ почтовыхъ марокъ.

Въ послѣднее время произведенъ рядъ аналогичныхъ опытовъ, вполнѣ удостовѣряющихъ подлинность явленій, наблюдавшихся Фокашономъ.

Шарко съ учениками часто производятъ у гипнотиковъ *обжоги* внушеніемъ. Идея обжога производитъ дѣйствіе не тотчасъ, иногда послѣ нѣсколькихъ часовъ инкубаціи.

«21 іюня 1889 г. мы внушаемъ,—пишетъ Рише,—загипнотизированной дѣвицѣ, С., что на той части праваго запястья, которую мы указываемъ жестомъ, у нея будетъ красное пятно спустя 10 минутъ по ея пробужденія. Мы будимъ субъекта. Въ назначенное время молодая дѣвушка вскрикнула: «Смотрите, какое у меня здѣсь красное пятно».

Внушеніе осуществилось чисто субъективнымъ образомъ. Сомнамбула увидала красное пятно на своей рукѣ, тогда какъ это пятно не существовало для другихъ.

Субъектъ усыпленъ вновь. На этотъ разъ мы произносимъ медленно и точно:

«Десять минутъ послѣ вашего пробужденія у васъ появится красное пятно на томъ мѣстѣ вашей руки, которое мы укажемъ. Всѣ увидятъ пятно. Вы не почувствуете никакой боли, но краснота кожи будетъ вполнѣ видна и вполнѣ доступна наблюденію».

Мы будимъ субъекта, потомъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи результата, остаемся настолько близко къ молодой дѣвушкѣ, чтобы можно было слѣдить за каждымъ ея движеніемъ и отмѣчать въ ожидаемомъ

наступленіи всякое безсознательное участіе и всякое личное вмѣшательство, если таковыя послѣдуютъ.

Десять минутъ прошли. Молодая дѣвушка, во все это время съ нами разговаривала и мы могли убѣдиться въ отсутствіи какого бы то ни было прикосновенія къ указанной части руки. Затѣмъ мы посмотрѣли руку и тотчасъ же передъ нашими глазами предстало красновато-синее пятно, сопровождаемое легкою опухолью.

Это пятно оставалось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а вечеромъ пятно стало еще краснѣе и въ тоже время посинѣло.

Здѣсь дѣло идетъ не о воображеніи субъекта, который видитъ или полагаетъ, что видитъ, летающую по комнатѣ птицу, или что-либо подобное; здѣсь внушеніе производитъ слѣдствіе реальное, физическое, ощутимое и совершенно неоспоримое.

Нерѣдко внушенные нарывы превращаются въ продолжительныя болячки.

О вызываніи путемъ внушеній воспалительныхъ явленій на кожѣ, интересны слѣдующія показанія проф. Бехтерева *): «Истерично больной было внушено, что ей необходимо поставвть мушку, что это будетъ нѣсколько болѣзненно, но нужно будетъ потерпѣть; приклеивался же, вмѣсто мушки, лишь кусокъ липкаго пластыря; накладывалась и повязка, съ цѣлью исключить возможность всякой мистификаціи; уже на другой, самое большее на третій день, подъ липкимъ пластыремъ появлялся пузырь, наполненный серозной жидкостью, какъ отъ приставленной мушки.

Въ другой разъ проф. Бехтеревъ «поставилъ ей на одну сторону спины настоящую мушку, на другую же сторону прилѣпилъ кусокъ липкаго пластыря, внушивъ ей, что послѣдній представляетъ собою настоящую, весьма энергично дѣйствующую мушку, тогда какъ дѣйствительная мушка не нарветъ ей вовсе, что она такъ слаба, что болѣть вовсе не будетъ и не произведетъ дѣйствія. Въ результатѣ такого внушенія оказалось, что подъ настоящей мушкой проф. Бехтеревъ не нашелъ ничего, кромѣ воспалительной красноты, тогда какъ, подъ обыкновеннымъ липкимъ пластыремъ оказался большой серозный пузырь, частью уже прорвавшійся.

Стигматы (кровоточивые знаки).

Г-жа С. была усыплена 16 іюня 1891 года (опытъ Бонжана). Мы ей внушаемъ, что спустя десять минутъ послѣ пробужденія у нея не только появятся красныя пятна на задней сторонѣ обѣихъ рукъ, но что выступитъ также на кожѣ кровь.

По истеченіи десяти минутъ мы удостовѣряемъ существованіе двухъ красновато-синихъ пятенъ большого размѣра, чѣмъ въ предыдущихъ опытахъ и съ болѣе замѣтною опухолью. Сверхъ того, на кожѣ пока-

*) *Бехтеревъ*. «Нервныя болѣзни въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ», стр. 203, 204 (1894 г.).

зались капли крови. Зрѣлище было поразительно. Результаты этого внушенія были еще поразительнѣе.

Обѣ руки на всемъ протяженіи, въ особенности правая, раздулись до размѣровъ, почти внушающихъ опасеніе, и эта опухоль продолжалась нѣсколько дней.

Правда, внушеніе справилось и съ этимъ случаемъ, и молодая дѣвушка, загипнотизированная поочередно Малларомъ и Рише, перестала чувствовать боль, и ея руки пришли въ нормальное состояніе.

Въ тѣсной связи съ этими явленіями находятся вызываемыя внушеніемъ *ускореніе и замедленіе сердцебіенія*. Въ виду того, что нѣкоторые субъекты способны по собственной волѣ производить подобныя явленія, т. е. посредствомъ самовнушенія, относящіяся сюда данныя будутъ изложены ниже, при самовнушеніи.

Внушенные контрактуры и параличи. Чтобы вызвать искусственный параличъ, напр., руки, достаточно сказать истеричному субъекту (въ состояніи гипнотизма или иногда въ бодрственномъ состояніи): «Вы не можете шевельнуть вашей рукой, она виситъ неподвижной, она парализована». Явленія паралича наступаютъ иногда тотчасъ же, иногда постепенно, спустя незначительный срокъ времени.

Подобнымъ же образомъ вызываются искусственные контрактуры. Эти параличи и контрактуры остаются неопредѣленно долгое время и устраняются противоположнымъ внушеніемъ.

Внушенныя анестезіи, т. е. внушенныя потери общей чувствительности и *аналгесіи*, т. е. потери болевой чувствительности.

Аналгесіей можно замѣнять хлороформъ. У загипнотизированныхъ больныхъ, за послѣднее время, было сдѣлано нѣсколько сотъ хирургическихъ операцій. Въ 1839 году Герино ампутировалъ у больного ногу. Во время этой операціи больной не только не ощущалъ никакой боли, но, на вопросъ, какъ себя чувствуетъ, отвѣчалъ: «Какъ въ раю», и сталъ цѣловать у хирурга руку.

Иногда гипнотизмомъ пользуются въ акушерской практикѣ для безболѣзненныхъ родовъ.

Всѣ эти безболѣзненныя операціи могутъ служить лучшимъ объективнымъ доказательствомъ подлинности гипнотической анестезіи.

Внушеніе въ состояніи бодрствованія. «Я замѣтилъ,—пишетъ Бернгеймъ,—что многіе субъекты, которые ранѣе были гипнотизированы, могутъ, не подвергаясь вновь гипнотизаціи, проявлять въ состояніи бодрствованія способность къ воспріятію явленій внушенія.

Не усыпляя, я говорю въ упоръ одному изъ моихъ, привыкшихъ къ гипнотизаціи больныхъ: «закройте руку, вы не можете ее больше открыть». И онъ держитъ руку судорожно закрытой, и дѣлаемыя имъ усилія открыть ее остаются безъ результата. Я заставляю его протянуть другую открытую руку и говорю: «Вы не можете закрыть ее». Онъ

тщетно старается закрыть ее, приводитъ фаланги до состоянія полусгибанія но не можетъ, вопреки всѣмъ своимъ усиліямъ, сдѣлать бо̀льшаго.

Я говорю: «теперь закрытая ваша рука открывается, а открытая—закрывается», и въ нѣсколько секундъ это выполняется; руки остаются неподвижными въ этомъ новомъ положеніи.

Автоматическія движенія удаются у него весьма хорошо. Я говорю: «вращайте вашими руками, вы не можете ихъ остановить. Не дѣлайте угожденія. Остановите ихъ, если можете». Онъ дѣлаетъ усилія, старается приблизить руки, чтобы одну подпереть другой. Безполезно: они отскакиваютъ, точно пружины, влекомыя безсознательнымъ механизмомъ. Останавливаю одну руку; другая продолжаетъ вращаться; но лишь только освобождаю первую, она присоединяется ко второй и снова начинаетъ вращаться.

До полученія этихъ и другихъ подобныхъ явленій достаточно говорить съ субъектомъ самымъ простымъ образомъ, улыбаясь, безъ намека на приказаніе.

Подобному внушенію подчиняется и чувствительность. Убѣдившись въ нормальномъ состояніи чувствительности паціента на уколы булавкой, Бернгеймъ говоритъ: «Твоя правая рука не чувствительна, чувствительна только лѣвая», и вонзаетъ булавку въ правую руку, безъ реакціи со стороны послѣдней, тогда какъ другая рука обнаруживаетъ болѣзненное ощущеніе. Вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ: «Но нѣтъ, нечувствительна твоя лѣвая рука». И мгновенно явленіе наступаетъ: въ правой рукѣ чувствительность вновь появляется. Точно также Бернгеймъ вызываетъ анестезію лица, ноздрей и пр. Органы чувствъ такимъ же образомъ подвергаются вліянію внушенія. Убѣдившись въ нормальности зрѣнія паціента, Бернгеймъ говоритъ ему: «Ты видишь очень хорошо и очень далеко лѣвымъ глазомъ; правымъ же глазомъ ты видишь худо и на очень близкомъ разстояніи». Вслѣдъ затѣмъ Бернгеймъ заставляетъ его читать печатный шрифтъ, величиною въ *3* миллиметра: лѣвый глазъ читаетъ его на разстояніи *80* сантиметровъ, правый же на разстояніи только *24* сантиметровъ. Бернгеймъ производитъ затѣмъ трансфертъ (перенесеніе) по внушенію, говоря: «Правый глазъ видитъ очень хорошо, лѣвый же видитъ только очень близко». Оказывается, что правымъ глазомъ субъектъ читаетъ теперь на разстояніи *80* сантиметровъ, а лѣвымъ на *24*.

У этого паціента слухъ очень хорошъ: правымъ ухомъ онъ слышитъ тиканіе карманныхъ часовъ на разстояніи *94* сантиметровъ, лѣвымъ—на 87. Бернгеймъ говоритъ ему: «Лѣвымъ ухомъ ты слышишь очень хорошо и весьма далеко, но правымъ ты слышишь трудно и лишь на очень близкомъ разстояніи; при измѣреніи разстоянія, на которомъ до его слуха доходитъ тиканіе карманныхъ часовъ, для лѣваго уха получается *87*, а для праваго только *2* сантиментра. Бернгеймъ внушаетъ трансфертъ и получаетъ его. Измѣренія эти дѣлались стар-

шимъ врачемъ клиники Бернгейма въ то время, когда онъ держалъ глаза паціента закрытыми, что исключало, кажется, всякій поводъ къ ошибкѣ.

Удалось внушить и полную глухоту на одно ухо и затѣмъ перевесть ее на другое.

Въ заключеніе остается мнѣ еще упомянуть о добытыхъ, при посредничесвѣ гипноза, для психологіи, крайне интересныхъ фактовъ: 1) чередованія личностей, 2) раздвоенія личности, т. е. распаденіе на двѣ, которыя пребываютъ въ субъектѣ одновременно, одна въ правой, а другая въ лѣвой половинѣ тѣла.

Чрезвычайно поразительный примѣръ чередованія личности былъ тщательно разслѣдованъ у *Фелиды* X. Въ 15 лѣтъ она представляла сильную, разсудительную, трудолюбивую дѣвицу, съ черствымъ и мрачнымъ характеромъ. У нея бывали различные истерическіе припадки; но въ особенности ее безпокоили періодическія измѣненія памяти, обнаруживавшіяся почти ежедневно въ формѣ кризисовъ.

Кризисы проходили всегда одинаково. Она чувствовала всегда давленіе въ вискахъ и затѣмъ вдругъ теряла сознаніе. Черезъ минуту или двѣ она свободно открывала глаза и свободно общалась съ внѣшнимъ міромъ. Она могла ходить, работать; у нея не было никакой безумной идеи и никакой галлюцинаціи, но ея характеръ измѣнялся. Вмѣсто мрачной и сосредоточенной (какою бывала обыкновенно), она становилась веселой и общительной, смѣялась, шутила, рѣзвилась.

Въ такомъ положеніи она оставалась въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ, за тѣмъ снова теряла сознаніе. Изъ обморока она пробуждалась такою же, какою была до кризиса. О томъ, что произошло въ продолженіе кризиса, она не сохраняла никакого воспоминанія. Напротивъ, во время кризиса, *втораго состоянія*, она сохраняла память о всемъ своемъ существованіи. Со временемъ, *второе состояніе* дѣлалось все продолжительнѣе. Въ послѣдніе годы оно иногда продолжалось по три мѣсяца. Это періодическое безпамятство не разъ доставляло больной неожиданности и непріятности.

Случилось, что одинъ изъ ея родственниковъ умеръ во время ея кризиса. Она присутствовала на похоронахъ и надѣла трауръ. Когда она пришла въ нормальное состояніе, то не могла понять причины траура, и ей вынуждены были ее объяснить.

Во время *втораго состоянія* ей подарили собаку; она ее кормила, ухаживала за ней и къ ней привыкла. Но лишь только возвратилась въ *первое состояніе*, тотчасъ же выгнала собаку, какъ забѣглую.

Въ 1878 году, находясь во *второмъ состояніи*, она заподозрила своего мужа въ невѣрности. Въ отчаяніи она повѣсилась, но ее успѣли освободить отъ петли. Нѣсколько времени спустя, она впала въ *первое состояніе*. Она не сохранила никакого воспоминанія о своихъ подозрѣ-

ніяхъ, и расточала любезности передъ той, кто была причиной ея покушенія на самоубійство.

Словомъ, у нея было двѣ жизни, или по Азаму, ея доктору, двѣ памяти.

Въ поясненіе односторонняго гипнотизма заимствую слѣдующій случай:

«Павлина С., гемианестетичная съ правой стороны, легко доступна гипнотизму, между прочимъ, и одностороннему. Можно оставить правую сторону въ нормальномъ состояніи, лѣвую же привесть въ каталептическое состояніе.

Докторъ становится направо отъ больной и спрашиваетъ, спитъ ли она? Она отвѣчаетъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, что нѣтъ. Когда же онъ ей предлагаетъ тотъ же вопросъ, ставъ по лѣвой сторонѣ, она отвѣчаетъ тономъ голоса, свойственнымъ ей въ гипнотическомъ состояніи: «Вы сами видите, что я заснула».

Докторъ говоритъ больной въ правое ухо: «Вы въ деревнѣ, въ саду; нарвите цвѣтовъ», и она смотритъ на него съ изумленіемъ, думая, что онъ надъ ней смѣется, такъ какъ съ этой стороны она не воспріимчива ни къ гипнотизму, ни къ внушеніямъ. Докторъ повторяетъ ту же фразу съ противуположной стороны; она тотчасъ же наклоняется и дѣлаетъ жестъ, будто собираетъ цвѣты лѣвой рукой, такъ какъ съ этой стороны воспріимчива къ гипнотизму и принимаетъ всѣ внушенія, какія ей даютъ.

Эта односторонняя воспріимчивость къ внушеніямъ можетъ быть сдѣлана очевидной экспериментами самаго страннаго рода. Если, напр., съ *лѣвой стороны*, сказать нашей больной что она не молодая дѣвушка, но драгунскій офицеръ, она отвѣчаетъ увѣреннымъ голосомъ, съ особыми пріемами и выраженіями, свойственными военнымъ. Если, наоборотъ, съ ней разговаривать съ правой стороны, она выражается сдержанно, разсуждаетъ какъ въ нормальномъ состояніи и не забываетъ о своей личности. Такимъ образомъ, она, повидимому, въ эту минуту обладаетъ двумя различными *я*, правымъ и лѣвымъ, двумя отдѣльными личностями, которыя другъ друга не знаютъ... и завѣдуютъ, каждая за свой особый счетъ, психическими дѣйствіями и мускульными координаціями крайней сложности.

Всѣ здѣсь описанные случаи относятся до словеснаго внушенія. Ограничиваясь послѣднимъ, я лишь укажу на возможность достиженія результата въ обратномъ смыслѣ, сравнительно съ вышеприведенными опытами. Въ описанныхъ опытахъ, словеснымъ внушеніемъ достигались двигательные эффекты; въ случаяхъ же, къ описанію которыхъ я приступаю, насильственнымъ положеніемъ и перемѣщеніемъ частей тѣла вызывается опредѣленное психическое настроеніе, которое съ перемѣщеніемъ частей тѣла быстро мѣняется, переходя въ настроеніе, присущее въ обыденной жизни приданному субъекту положенію. Этого рода внушеніе обозначаютъ названіемъ: *внушенія мускульнаго чувства*. (См. Гиляровъ, тамъ же стр. 111 и слѣд.).

Достаточно, напр., истеричной больной въ гипнозѣ сложить руки, какъ онѣ складываются при молитвѣ, и тотчасъ же лицо ея принимаетъ выраженіе мольбы. Если же сложить ея правую руку въ кулакъ, то на лицѣ ея изображается угроза.

Вышеприведенныхъ фактовъ изъ области гипнотизма вполнѣ достаточно для имѣющейся здѣсь цѣли обрисовать суть гипноза и показать, чего можно достигнуть при его посредствѣ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что представители экспериментальной психологіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, или психологіи психологическихъ кабинетовъ, какъ по научной подготовкѣ, такъ и по устройству ихъ кабинетовъ, совершенно непригодны для розысканій по гипнотизму; а потому отчасти понятно ихъ не только пренебрежительное, но отчасти даже и враждебное отношеніе къ заявленіямъ о чрезвычайной важности гипнотическихъ изслѣдованій для психологіи. Вотъ что говоритъ одинъ изъ наиболѣе выдающихъ изъ нихъ—Вундтъ *):

«Я думаю, — пишетъ Вундтъ, — что гипнотизмъ не принадлежитъ вѣдѣнію психолога, но мѣсто его въ больницѣ и возбужденіе гипнотическаго сна, особенно повторное, часто необходимое для полученія болѣе интенсивныхъ явленій, законно только тамъ, гдѣ этого требуютъ медицинскія показанія. Во-вторыхъ, я не могу признать за гипнотизмомъ фундаментальнаго значенія для экспериментальной психологіи, которое ему приписываютъ гипнотическія школы и особенно «Общество физіологической психологіи» въ Парижѣ, стоящее во главѣ этого теченія. Гипнотическій сонъ — такое же ненормальное состояніе, какъ и другія. Подобно тому, какъ совсѣмъ неумѣстно основывать всю психологію на сновидѣніи, или на маніи, или на слабоуміи паралитика, точно также не можетъ служить для этой цѣли и гипнотизмъ».

«Какъ ни важны эти чисто физіологическія явленія для оцѣнки гипнотизма съ медицинской точки зрѣнія, но для психологическаго изслѣдованія они интересны только въ той степени, въ какой они представляютъ признаки, отличающіе ихъ отъ другихъ подобныхъ состояній, а именно отъ сна, и въ какой они заслуживаютъ вниманія при обсужденіи различныхъ гипотезъ, до сихъ поръ высказанныхъ для объясненія этихъ явленій». Съ другой же стороны имѣются свидѣтельства, діаметрально противуположныя, напр., представителей школы Нанси. Утверждаемый вредъ отъ гипноза и требуемый запретъ его примѣненія для розысканій по психологіи, послѣдніе совершенно отрицаютъ съ тѣмъ однако необходимымъ ограниченіемъ, чтобы подобные опыты производились лишь спеціально приготовленными къ нимъ людьми, врачами, свѣдущими и въ физіологіи, въ особенности же знакомыми съ нервными болѣзнями. Сходнаго воззрѣнія на гипнозъ придерживается и проф. Бехтеревъ; «на гипнозъ, слѣдуетъ, «по его мнѣнію», смотрѣть не какъ на особый неврозъ, а какъ на искусственно вызванный сонъ, отли-

*) *Вундтъ*. «Гипнотизмъ и внушеніе» (русск. переводъ).

чающійся, впрочемъ, отъ обыкновеннаго сна нѣкоторыми особенностями, въ силу чего гипнозъ и слѣдуетъ разсматривать, какъ видоизмѣненіе нормальнаго или естественнаго сна» (стр. 213). «При осторожномъ, умѣломъ пользованіи гипнотизмомъ со стороны врача, свѣдущаго въ этомъ отношеніи, не можетъ быть никакихъ опасеній за послѣдствія леченія гипнозомъ».

Я не сомнѣваюсь, что въ ближайшемъ будущемъ экспериментальная психологія перекочуетъ изъ психологическихъ кабинетовъ въ другія помѣщенія и перейдетъ въ руки спеціалистовъ не только по психологіи, но и по физіологіи, по медицинѣ, преимущественно же по невропатологіи.

Наблюденныя уже гипнотическія явленія у животныхъ и слѣд. опыты надъ послѣдними въ умѣлыхъ рукахъ несомнѣнно помогутъ разработкѣ и разъясненію гипнотическихъ явленій *).

Посмотримъ теперь, какіе выводы можно извлечь изъ наблюденій и опытовъ надъ гипнозомъ *для психологіи*. Не преувеличивая, можно сказать, что они колоссальнаго значенія, какъ по важности и глубинѣ психическихъ вопросовъ, ими разрѣшаемыхъ, такъ и по небывалой въ психологіи прочности основы, изъ которой выводятся. Мы присутствуемъ при побѣдоносномъ вступленіи естествознанія въ завоеванную имъ на нашихъ глазахъ область психическихъ явленій; впервые проявляется во всей своей силѣ методъ естествознанія въ роли рѣшающаго судьи въ вопросахъ нашей внутренней жизни, въ области «духа», считавшейся до послѣдняго времени недоступной методу, столь блестящимъ образомъ заявившему свою мощь при естественно-историческихъ розысканіяхъ. Естествоиспытателямъ, именно врачамъ и физіологамъ, мы обязаны этимъ новымъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, несомнѣннымъ залогомъ быстраго и побѣдоноснаго движенія впередъ *экспериментальной психологіи*, оставляющую далеко позади себя, своего старшаго собрата, опредившаго ее только нѣсколькими годами, именно экспериментальную физіологію разрабатываемую въ психологическихъ кабинетахъ.

Въ самомъ дѣлѣ немногіе вышеприведенные факты съ желаемою достовѣрностью приводятъ къ слѣдующимъ въ высокой степени интереснымъ и непредвидѣннымъ выводамъ:

1) Вторженіе, въ индивидуальную жизнь, воли посторонняго лица, порабощающую, на время, вполнѣ или только отчасти волю, присущую загипнотизированному субъекту.

2) Вліяніе посторонней воли не ограничивается при этомъ подчиненіемъ произвольныхъ актовъ, но можетъ быть распространена и на такія функціи организма, именно функціи растительныя, которыя въ обыденной жизни изъяты изъ подъ вѣдѣнія нашей воли. Нарушеніе этихъ функцій, сообразно желанію гипнотизера, можетъ быть направлено въ пользу или же во вредъ загипнотизированнаго.

---

*) Гиляровъ, тамъ же, стр. 228.

3) Это вторженіе посторонней воли можетъ быть у многихъ достигнуто и въ состояніи бодрствованія, и въ той же степени, какъ и во время гипноза.

4) Производимое субъекту внушеніе со стороны, приходитъ въ конфликтъ съ присущей загипнитизированному субъекту волей, и получаемый результатъ опредѣляется равнодѣйствующей этихъ двухъ, борящихся между собою силъ.

5) Особенный интересъ представляютъ данныя касательно памяти въ бодрственномъ состояніи и въ гипнозѣ. Субъектъ въ состояніи гипноза помнитъ все случившееся въ нимъ въ бодрственномъ состояніи и во время гипноза. По пробужденіи забываетъ вполнѣ все происходившее въ состояніи гипноза; также и сдѣланныя ему внушенія, подлежащія исполненію чрезъ болѣе или менѣе опредѣленный срокъ.

При возобновленномъ гипнозѣ однако возвращается воспоминаніе всего, что происходило и что внушено было на предшествующемъ сеансѣ; при пробужденіи сдѣланное внушеніе вновь совершенно забывается и вспоминается, какъ засвидѣтельствовано многочисленными и точными указаніями, лишь при наступленіи назначеннаго срока. Но можно совершенно видоизмѣнить это общее правило и притомъ лишь простымъ словеснымъ внушеніемъ. Достаточно гипнотизеру вслѣдъ за внушеніемъ прибавить: «вы ничего не будете помнить изъ того, что вамъ внушено, или вы забудете кто вамъ сдѣлалъ внушеніе», чтобы лишить возможности при слѣдующемъ гипнозѣ дать относительно этихъ вещей показанія; и наоборотъ, удается словеснымъ же внушеніемъ закрѣпить въ памяти то, что, безъ этого спеціальнаго внушенія, исчезаетъ изъ памяти въ бодрственномъ состояніи.

6) Вспоминаніе въ гипнозѣ всего, что происходило и что внушено было въ предшествовавшую гипнотизацію, дало возможность экспериментальнымъ путемъ убѣдиться, что *въ насъ могутъ сохраняться мысли и покоиться планы и виды на будущее, пребывая внѣ нашего сознанія*, т. е., другими словами, въ насъ могутъ происходить *безъ нашего вѣдома* психическіе процессы, по природѣ совершенно сходные съ присущими нашему сознанію. Убѣдиться въ этомъ можно слѣдующимъ простымъ опытомъ: внушаютъ субъекту какое-нибудь дѣйствіе чрезъ опредѣленный срокъ. По пробужденіи, какъ уже выше было замѣчено, онъ ничего о внушенномъ не помнитъ, но въ назначенный срокъ совершаетъ въ точности, что ему было внушено. Если, не дождавшись срока, его загипнотизировать и спросить его о сдѣланномъ внушеніи, то онъ въ подробности раскажетъ, когда и что предстоитъ ему сдѣлать. По пробужденіи, моментально все это вновь забываетъ. Несомнѣнно, слѣдовательно, что въ субъектѣ живетъ память о томъ, что предстоитъ ему сдѣлать, хотя онъ объ этомъ въ бодрственномъ состояніи и не помнитъ, начиная тревожиться желаніемъ исполнить внушенное лишь при приближеніи и наступленіи назначеннаго срока.

7) Несомнѣнно засвидѣтельствованныя гипнотическими изслѣдованіями данныя, касательно а) чередованія въ субъектѣ двухъ личностей и б) временнаго раздвоенія личности, вызываемаго одностороннимъ гипнозомъ.

8) Разслѣдованіе внушенія какъ въ гипнотическомъ снѣ, такъ и въ бодрственномъ состояніи пріобрѣтаетъ особенное значеніе по непосредственной близости его съ самовнушеніемъ, которое, по опредѣленію пр. Бехтерева, можетъ быть опредѣляемо какъ «прививаніе психическихъ состояній, обусловленное однако не посторонними вліяніями, а внутренними поводами, источникъ которыхъ находится въ личности самого лица, подвергающагося самовнушенію.

Всякій знаетъ, что человѣкъ можетъ настроить себя на грустный или веселый ладъ, что онъ можетъ при извѣстныхъ случаяхъ развить воображеніе до появленія иллюзій и галлюцинацій, что онъ можетъ вселить въ себя то или другое убѣжденіе. Это и есть самовнушеніе, которое, подобно внушенію и взаимовнушенію, не нуждается въ логикѣ, а напротивъ того, нерѣдко дѣйствуетъ даже вопреки самой логикѣ».

9) Изученіе внушенія способствовало открытію, среди жизненныхъ процессовъ, присутствіе самовнушенія, и притомъ не только непосредственнаго вліянія его на волевые акты, но и не подозрѣваемую до сего дня зависимость отъ него растительныхъ процессовъ, изъятыхъ, въ нормальныхъ условіяхъ жизни, изъ подъ вѣдѣнія и вліянія нашего сознанія, а слѣдовательно, и нашей воли.

Выводы эти достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о своемъ важномъ значеніи для психологіи; несмотря на то, что лишь всего двадцать лѣтъ тому назадъ гипнотизмъ впервые сдѣлался предметомъ серьезной научной обработки, уже получены результаты первостепенной важности. Дальнѣйшія слѣдованія по новому избранному пути несомнѣнно подвинутъ психологію на столько впередъ, что она вскорѣ займетъ подобающее ей почетное мѣсто среди другихъ наукъ и послужитъ надежнымъ фундаментомъ и основой человѣческаго знанія, къ какой бы отрасли послѣднее ни принадлежало.

Обращаюсь теперь къ разсмотрѣнію значенія и роли самовнушенія.

Самовнушеніемъ вызываемые эффекты въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполнѣ соотвѣтствуютъ явленіямъ, вызываемымъ чрезъ внушеніе постороннее. Отличными примѣрами служатъ слѣдующіе: выше мною уже были упомянуты вызываемыя внушеніемъ *ускореніе* и *замедленіе сердцебіенія*, не зависящія отъ нашей воли. Между тѣмъ имѣется, не подлежащее сомнѣнію свидѣтельство дублинскаго врача Чейна, что полковникъ Тоузендъ могъ по произволу умирать, т. е. переставать дышать, и возвращаться къ жизни простымъ напряженіемъ воли, или иными способами. Чейнъ пишетъ, что полковникъ Тоузендъ такъ настоятельно просилъ его и другихъ врачей присутствовать, хотя разъ, при опытѣ, что они, наконецъ, вынуждены были уступить. Сначала они всѣ трое освидѣ-

тельствовали пульсъ; онъ былъ вполнѣ замѣтенъ, хотя слабъ и нитевиденъ; сердце билось нормально. Полковникъ Тоузендъ легъ на спину и оставался нѣкоторое время въ этомъ положеніи безъ движенія. Докторъ Чейнъ держалъ его за правую руку, д-ръ Бейнардъ положилъ ему свою руку на сердце, а Скрейнъ держалъ передъ его губами зеркало. Д-ръ Чейнъ замѣтилъ, что напряженіе пульса понемногу ослабѣвало, пока наконецъ при самомъ заботливомъ испытаніи и самомъ осмотрительномъ нащупываніи, онъ не могъ ощутить никакого. Бейнардъ не былъ въ состояніи удостовѣрить никакого біенія сердца, и Скрейнъ не видѣлъ никакихъ слѣдовъ дыханія на широкомъ зеркалѣ, которое держалъ передъ ртомъ. Затѣмъ, всѣ поочередно изслѣдовали руку, сердце и дыханіе, но ни одинъ изъ нихъ, даже при самомъ внимательномъ изслѣдованіи, не могъ найти самаго легкаго признака жизни. Они долго обсуждали это поразительное явленіе. Когда же доктора увѣрились, что онъ продолжаетъ оставаться все въ томъ же положеніи, то они заключили, что онъ въ своемъ опытѣ зашелъ слишкомъ далеко, и, наконецъ, пришли къ убѣжденію, что онъ на самомъ дѣлѣ умеръ, и собирались отъ него уйти. Такъ прошло полчаса. Къ 9 часамъ утра, когда доктора хотѣли уходить, они замѣтили нѣкоторыя движенія въ тѣлѣ, и при надлежащемъ разсмотрѣніи удостовѣрились, что пульсъ и біеніе сердца начинаютъ возвращаться. Полковникъ Тоузендъ началъ дышать и тихо говорить. Доктора были въ высшей степени изумлены этой неожиданной перемѣной, и ушли отъ него послѣ непродолжительной бесѣды между собою и съ нимъ, хотя и вполнѣ убѣжденные во всѣхъ подробностяхъ этого явленія, но чрезвычайно удивленные и пораженные, такъ какъ не были въ состояніи дать никакого разумнаго объясненія видѣнному.

Къ этой же категоріи явленій относится и способность факировъ задерживать дыханіе на болѣе или менѣе долгое время, отъ трехъ часовъ до шести недѣль, какъ свидѣтельствуетъ разсказъ капитана Осборна о факирѣ, погребенномъ на шесть недѣль и затѣмъ очнувшимся на глазахъ множества свидѣтелей *).

Самовнушеніемъ, между прочимъ, объясняются различные сходные съ вышеописанными стигматы и даже періодическія кровоизліянія изъ тѣхъ областей тѣла, изъ которыхъ сочилась кровь у расиятаго Христа, какъ показываетъ извѣстный въ медицинской литературѣ и, тщательно провѣренный многими научными авторитетами, примѣръ *Луизы Лато*. Этихъ немногихъ данныхъ уже достаточно, чтобы заключить, что самовнушенію свойственна такая же сила, но по размѣру превосходящая силу внушенія со стороны и что, слѣдовательно, самовнушеніе, при нормальномъ теченіи жизни, заправляетъ всѣми функціями организма такимъ же деспотическимъ образомъ, какъ внушенное посторонее вмѣшательство.

---

*) См, Гиляровъ св. стр. 327 и сл.

Работая самостоятельно помимо нашего сознанія, слѣдовательно и помимо сознательной нашей воли, самовнушеніе вплетается въ сложную сѣть жизненныхъ процессовъ, какъ одно изъ множества условій, необходимыхъ для осуществленія нашей жизни. Одна изъ интереснѣйшихъ задачъ ближайшаго будущаго будетъ состоять въ отысканіи пріемовъ и способовъ подчиненія нашей сознательной волѣ самовнушенія, происходящаго теперь внѣ нашего сознанія; другими словами: стремленіе къ достиженію такого же могущества нашей воли надъ изъятыми, въ настоящее время, изъ подъ ея власти, растительными процессами, какое проявляетъ относительно нихъ постороннее вмѣшательство черезъ внушеніе.

При посредствѣ серьезнаго изученія и упражненія, можетъ быть, сдѣлается возможнымъ превратить немногое и доступное лишь исключительнымъ субъектамъ (напр., измѣненіе сердцебіенія и приливъ крови къ намѣченной части тѣла) во всеобщее достояніе, затѣмъ распространить вліяніе наше и на остальныя функціи тѣла и вызывать. чрезъ измѣненіе хода функціи органа, желаемыя въ немъ измѣненія. Однимъ словомъ, намъ, можетъ быть, удастся сдѣлаться если не полновластными владыками функцій и строенія нашего тѣла, то въ очень значительной степени направлять ихъ самовнушеніемъ въ желаемомъ направленіи. Эти смѣлыя мысли несомнѣнно вызовутъ горячіе протесты со стороны многихъ естествоиспытателей. Поэтому спѣшу выставить на видъ, что приведенныя строки имѣютъ цѣлью не столько послужить пророческимъ предсказаніемъ результатовъ будущаго, сколько содѣйствовать поясненію, хотя и въ преувеличенномъ видѣ, возможныхъ въ означенномъ направленіи результатовъ.

Если согласиться разсматривать самовнушеніе, какъ одно изъ необходимыхъ звеньевъ нашей жизни, не предрѣшая ничего о его природѣ, то необходимымъ слѣдствіемъ является и признаніе самовнушенія, какъ необходимаго психическаго фактора въ процессѣ эволюціи живыхъ существъ на земной поверхности, другими словами: придется отказаться отъ современнаго господствующаго механическаго міровоззрѣнія и исключительно механическаго объясненія какъ формъ, такъ и строенія, и функцій организма и частей его (органовъ), взятыхъ въ отдѣльности. Среди условій организаціи придется включить, при объясненіи явленій жизни это новое, еще не принимавшееся въ разсчетъ условіе, и обогатить жизненные процессы новымъ факторомъ, на столько же способнымъ измѣнить наши взгляды на этотъ предметъ, на сколько открытіе электричества и магнетизма способствовали къ разъясненію относящихся сюда явленій.

Анатомическія и физіологическія данныя не противорѣчатъ высказанному положенію. Зависимость функціи любой части организма отъ нервной системы составляетъ одно изъ основныхъ положеній физіологіи. Мы обладаемъ, кромѣ того, въ высокой степени разработанными анато-

мическими данными касательно развѣтвленій и распредѣленій нервныхъ волоконъ и ганглій въ нашемъ тѣлѣ. Не менѣе точно установлено, что волевые акты заправляются центральнымъ чувствилищемъ, головнымъ мозгомъ, и что изъ него исходятъ главнымъ образомъ импульсы для исполненія нашихъ желаній, обусловленныхъ, съ одной стороны, вліяніемъ на насъ внѣшняго міра, съ другой— процессами, внутри насъ происходящими. Всѣ же растительные процессы, каковы, напр., пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе и пр., находятся въ непосредственной зависимости отъ ганглій симпатической нервной системы, хотя и не изъяты вполнѣ и изъ-подъ вліянія головного мозга, и могутъ нарушаться подъ вліяніемъ аффектовъ чисто психическаго характера.

Возраженіе физіологовъ, что принятіе участія психическаго элемента излишне, на томъ основаніи, что чѣмъ глубже удается проникнуть въ изученіе строенія и функціи организма, тѣмъ больше обнаруживаемъ подчиненіе явленій жизни законамъ механики, физики и химіи, ровно ничего не доказываетъ. Стоитъ только вспомнить, что неизбѣжное условіе успѣшнаго дѣйствія всякаго аппарата или машины, независимо отъ способа ихъ возникновенія, состоитъ въ полнѣйшемъ согласованіи ихъ функцій и строенія съ законами механики, физики и химіи. Нарушеніе этого условія, даже въ вещахъ второстепенной важности, неминуемо ведетъ къ нарушенію функціи и къ обнаруженію непригодности прибора. Это же условіе является неизбѣжнымъ и при созиданіи органовъ нашего тѣла, независимо отъ участія или отсутствія, при ихъ созиданіи, психическаго фактора.

Любопытно посмотрѣть, на какой пріемъ со стороны физіологовъ можетъ разсчитывать предложеніе ввести въ число необходимыхъ условій жизни новаго фактора и притомъ психической природы, именно *самовнушенія*? Термина этого мы вовсе не встрѣчаемъ въ трактатахъ по физіологіи; это нововведеніе можетъ показаться съ перваго взгляда идущимъ совершенно въ разрѣзъ какъ съ характеромъ, такъ и цѣлями, которыя эта наука преслѣдуетъ. При болѣе внимательномъ обсужденіи этого вопроса, оказывается, что не предвидится и со стороны физіологіи особеннаго сопротивленія этому нововведенію, такъ какъ почва для него уже подготовлена, хотя, правда, и не сознается еще ясно физіологами. Къ числу фактовъ общепринятыхъ и твердо установленныхъ, принадлежитъ, до мельчайшихъ деталей, разработанная полная зависимость функцій всѣхъ частей тѣла, безъ исключенія, отъ импульсовъ, получаемыхъ ими отъ нервныхъ элементовъ, ганглій и нервныхъ волоконъ. Человѣческій организмъ представляетъ изъ себя сборище разнообразнѣйшихъ аппаратовъ, деспотически управляемыхъ и безапелляціонно покорныхъ приказаніямъ, получаемымъ отъ нервной системы. Выражаясь образно: человѣческій организмъ можетъ быть уподобленъ превосходно обставленному физическому кабинету, аппараты котораго, готовые къ функціи, остаются, тѣмъ не менѣе, въ полномъ бездѣйствіи,

пока не пожелаетъ этого заправляющій кабинетомъ физикъ, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, аппараты, приведенные физикомъ въ дѣйствіе, будутъ продолжать работать, пока не истратится присущая имъ и потребная для работы энергія.

Не повреждая самого органа и исключительно только перерѣзкой идущихъ къ нему нервныхъ волоконъ, можно вполнѣ парализовать его функціи и сдѣлать его совершенно безполезнымъ для организма.

Нервныя волокна, непосредственно передающія импульсы тканямъ органа, служатъ, какъ извѣстно, лишь передаточными путями для произведенія эффектовъ, продиктованныхъ центромоторными участками системъ симпатической, спинно-мозговой и головного мозга. Идущіе изъ этихъ центровъ психической дѣятельности импульсы съ полнымъ правомъ могутъ быть разсматриваемы какъ слѣдствія *самовнушенія*. Введеніе этого термина въ физіологію не противорѣчитъ, по моему мнѣнію, фактическимъ ея даннымъ и не только можетъ, но и должно быть принято физіологами на томъ основаніи, что оно яснѣе, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось, напоминаетъ, что среди безчисленнаго множества процессовъ жизни вплетается еще одинъ новый, до сего времени игнорируемый физіологами—*процессъ психическій*.

До какихъ грандіозныхъ размѣровъ можетъ достичь результатъ психической нашей дѣятельности, неопровержимо свидѣтельствуютъ предметы окружающаго насъ міра, измѣняемыя рукою человѣка, согласно его потребностямъ и желаніямъ. Всѣ человѣческія произведенія созидаются по заранѣе задуманному имъ плану, который въ началѣ проявляется въ наиболѣе простой, такъ сказать, первобытной формѣ. По достиженіи же опредѣленнаго результата, человѣкъ, никогда не довольствующійся достигнутымъ результатомъ, стремится къ выполненію болѣе сложной задачи, по разрѣшеніи которой продолжаетъ работать надъ достиженіемъ еще бо́льшаго и т. д., до безконечности, ибо нѣтъ границы, которая была бы способна положить предѣлъ человѣческимъ замысламъ.

Импульсомъ всего созданнаго человѣчествомъ всѣми признается наша психика; по ея иниціативѣ произошли *цѣлесообразные* продукты человѣческой культуры и реализована въ природѣ цѣлесообразность.

Въ виду неизгладимо запечатлѣнныхъ слѣдовъ мощи человѣческой психики въ окружающей природѣ, невольно возникаетъ вопросъ, не могла ли она и не принимала ли въ самомъ дѣлѣ посильнаго участія въ созиданіи формъ и строенія живыхъ существъ, какъ во время жизни каждаго недѣлимаго, такъ и въ многовѣковомъ процессѣ эволюціи жизни на землѣ? Нельзя ли открыть и въ настоящее время неопровержимыхъ слѣдовъ ея дѣятельности? Это соображеніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, при допущеніи самовнушенія, и въ особенности вышеизложенныхъ фактическихъ данныхъ гипнотизма, оно и не является чѣмъ-то невѣроятнымъ.

Если чужая воля въ состояніи вызвать пертурбацію не только въ подлежащихъ нашему сознанію актахъ, но и не подвѣдомственныхъ ему растительныхъ процессахъ, то тѣмъ менѣе можетъ быть оспариваема зависимость послѣднихъ отъ самовнушенія, хотя бы послѣднее и происходило помимо нашего сознанія. Въ настоящее время можетъ быть признано за достовѣрное, что только сравнительно немногіе изъ происходящихъ въ насъ психическихъ актовъ являются достояніемъ нашего сознанія; это положеніе можетъ быть защищаемо совершенно независимо отъ того, будемъ ли мы эти невѣдомые для насъ психическіе процессы разсматривать съ Вундтомъ, какъ механизированные изъ бывшихъ прежде сознательныхъ, или же оставимъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ.

Предположеніе вліянія психики на функціи и чрезъ нихъ на строеніе нашего тѣла подтверждается многими фактами обыденной жизни. Особенно наглядный результатъ получается касательно мускуловъ.

Въ нашей волѣ вызвать въ опредѣленныхъ группахъ мускуловъ гипертрофію, т. е. разростаніе ихъ, или же, напротивъ того, низведеніе ихъ до минимума толщины. Что первое легко достижимо гимнастикой, извѣстно каждому; не менѣе достовѣрно, что второй результатъ достигается, сохраняя мускулы въ полномъ бездѣйствіи. Чрезмѣрное развитіе мускулатуры рукъ у кузнецовъ и мускулатуры ногъ у людей, работающихъ ногами, служатъ этому прекрасной иллюстраціей. Но не только мускульное, но и всякое другое упражненіе, производимое съ цѣлью достигнуть опредѣленнаго результата и имѣющее послѣдствіемъ совершенствованіе опредѣленной функціи и неразрывно связаннаго съ этимъ измѣненія въ строеніи организма, будутъ ли они относиться къ упражненіямъ въ математическихъ задачахъ, или же въ пѣніи, бѣганіи, въ усовершествованіи зрѣнія, слуха и пр., должны быть разсматриваемы, какъ слѣдствія, происшедшія при содѣйствіи психическаго акта самовнушенія.

Въ ближайшей связи съ этимъ вопросомъ находится слѣдующій: могутъ ли измѣненія, вызванныя въ организмѣ самовнушеніемъ и приводимыя въ исполненіе упражненіемъ передаваться въ слѣдующее поколѣніе, или же этого не происходитъ и они остаются безъ вліянія на потомство? Вопросъ этотъ, въ высшей степени важный, не рѣшенъ еще окончательно въ настоящее время; болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ его рѣшеніе въ утвердительномъ смыслѣ; въ послѣднемъ случаѣ самовнушенію принадлежала бы важная роль и въ процессѣ эволюціи органическихъ формъ. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ Ж. РИШПЕНА.

---

1) Примиреніе.

Сомнѣнію я заперъ дверь,
Закрылъ умышленно я очи,
Въ глазахъ и въ сердцѣ—сумракъ ночи:
Все въ мірѣ къ лучшему теперь.

—

Сказавъ прости мечтамъ поэта,
Я сталъ отращивать животъ.
Не надо мнѣ добра и свѣта,—
Все въ мірѣ къ лучшему идетъ.

—

Покончилъ съ грёзой я послѣдней,
Она мертва—любовь моя.
Отрекся я отъ дивныхъ бредней:
Все въ мірѣ—къ лучшему, друзья.

—

Обрѣзалъ я желаньямъ крылья
И не подняться до высотъ—
Имъ, ставшимъ жертвами насилья!
Все въ мірѣ къ лучшему идетъ.

—

Туда, въ послѣднее жилище,
Скорѣй въ могилу, мысль моя!
Я веселъ, веселъ, какъ кладбище.
Все въ мірѣ—къ лучшему, друзья.

—

Я—плоть ничтожная, и въ бездну
Временъ я кану безъ слѣда,
Въ пространствѣ атомомъ исчезну...
Все въ мірѣ—къ лучшему всегда.

—

Чтѐ вѣчность мнѣ? Не знаю страха
Передъ загадкой бытія...
Мой жалкій мозгъ—исполненъ праха.
Все въ мірѣ къ лучшему, друзья!

---

2) **Художникъ.**

Художникъ, пѣвецъ я, ваятель! Въ моемъ неустанномъ
Стремленьи къ идеѣ—я жадно ловлю на лету,
Хочу воплотить красоту
Я въ мраморѣ, въ краскахъ и въ словѣ чеканномъ.

—

Мнѣ кажется міръ нашъ наброскомъ небрежно туманнымъ,
Въ который вношу я гармоніи дивной черту.
Богамъ олимпійскимъ, моею рукой изваяннымъ—
Я самъ открываю небесъ высоту.

—

Ихъ славы являюсь я дивнымъ пѣвцомъ,
Ихъ обликъ моимъ создаётся рѣзцомъ.
Умри я—и землю объемлетъ собой запустѣнье.
Но я создаю отрицаемыхъ мною существъ
Затѣмъ, что въ лицѣ этихъ ложныхъ божествъ—
Вселенная *мнѣ* воздаетъ поклоненье.

О. Чюмина.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(*Продолженіе* *).

XXI.

Бѣлинскій въ теченіе всей своей жизни безпрестанно припоминалъ различные періоды своей духовной жизни, подвергая ихъ безпощадному суду и доискиваясь въ своихъ личныхъ, многообразныхъ опытахъ поучительныхъ выводовъ въ общечеловѣческомъ смыслѣ. Особенно горькое чувство и подчасъ страстное негодованіе вызывало у критика воспоминаніе объ его гегельянскомъ идолопоклонничествѣ. Бѣлинскій, казалось, не находилъ словъ, достаточно сильныхъ, заклеймить свои философскія заблужденія и не зналъ, какою цѣной раскаянія и идейнаго подвига искупить свою вину предъ здравымъ смысломъ и гражданскимъ долгомъ.

Но въ болѣе спокойныя минуты психологической вдумчивости Бѣлинскому не трудно было дать совершенно вѣрное и нравственно-удовлетворительное объясненіе своимъ излишествамъ. Въ порывѣ гнѣва на свои примирительныя идеи, онъ восклицалъ: «Боже мой, сколько отвратительныхъ мерзостей сказалъ я печатно, со всею искренностью, со всѣмъ фанатизмомъ дикаго убѣжденія!..» Такъ говорилось въ письмѣ къ пріятелю, въ журнальныхъ статьяхъ, то же воспоминаніе разрѣшается въ философское представленіе вообще о судьбѣ человѣка, ищущаго истины. И у насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, этотъ человѣкъ—самъ авторъ, вмѣсто самобичеванія обратившійся къ анализу.

«Истина,—пишетъ Бѣлинскій,—есть единство противоположностей; и пока человѣкъ переживаетъ ея моменты, онъ бросается изъ одной крайности въ другую, безпрестанно впадаетъ въ преувеличеніе, исключительность и односторонность. Но какъ скоро процессъ совершился и различія разрѣшились въ гармоническое

---

*) См. «Міръ Божій», № 3. Мартъ.

единство, то всѣ ограниченныя частности улетучиваются въ общее, ложь остается за временемъ, а истина за разумомъ» [90]).

Какое единство и какая истина? Бѣлинскій приходитъ въ ужасъ при одномъ представленіи о «зигзагахъ», какими совершалось его развитіе, но и въ періодъ яснаго самосознанія и глубокой критики пережитыхъ заблужденій онъ не смогъ найти покоя. До конца дней ему не удалось заручиться истиной, навсегда умиряющей душу. Ища «вѣрованій жаркихъ и фанатическихъ», не имѣя силъ жить безъ нихъ, какъ «рыба не можетъ жить безъ воды, дерево рости безъ дождя», Бѣлинскій каждую только что усвоенную идею превращалъ въ отправную точку для новыхъ стремленій къ болѣе высокимъ и объемлющимъ цѣлямъ. Состояніе «распаденія», «рефлексіи», столь мучительное для человѣческаго духа и потому у большинства даже лучшихъ людей промежуточное и временное, тяготѣло надъ Бѣлинскимъ съ одинаковой силой и въ годы романтическихъ порывовъ молодости, и въ зрѣлую эпоху трезвой оцѣнки пережитаго и передуманнаго.

Въ первый и единственный разъ за всю жизнь Бѣлинскій могъ почувствовать полное нравственное удовлетвореніе въ мірѣ гегельянскихъ догматовъ. Всѣ вопросы были разрѣшены заранѣе, всѣ муки и испытанія подѣлены и всему опредѣлено свое мѣсто въ величественномъ «гармоническомъ хорѣ» мірозданія, гегельянская вѣра, даже при всевозможныхъ оговоркахъ, сулила своего рода олимпійское благополучіе. Всѣ частныя толкованія и выводы школы блѣднѣли предъ безграничнымъ діалектическимъ процессомъ идеи, гдѣ всѣ противорѣчія, все «неразумное» являлось только мимолетнымъ и неизбѣжнымъ диссонансомъ въ предустановленномъ созвучіи. На Бѣлинскаго именно основное представленіе гегельянства должно было произвести чарующее впечатлѣніе и онъ отдался «истинѣ» въ ея самой крайней и рѣшительной формѣ.

Критику не требовалось знать, какую политическую роль игралъ самъ Гегель и какими философскими уборами украшалъ государство въ идеѣ и государство въ дѣйствительности. Ему достаточно общаго положенія и онъ немедленно представитъ свою философію государственнаго права, законченную и краснорѣчивую настолько, что на нѣсколькихъ страницахъ мы найдемъ всѣ руководящіе принципы политиковъ реставраціи начала XIX-го вѣка.

Именно Бѣлинскій покажетъ, какое органическое родство существовало между Гегелемъ и Деместромъ, Бональдомъ и другими апостолами фантастическаго величія и благоденствія дореволюціоннаго міра. Бѣлинскій, навѣрное, не читалъ произведеній ни одного изъ названныхъ идеологовъ, но его не даромъ близкіе люди признавали «одною изъ высшихъ философскихъ организацій».

---

[90]) *Русская литература въ 1840 году*. Сочин. IV, 202. 1841 годъ.

Бѣлинскаго еще современники укоряли, будто онъ не понималъ Гегеля. Это невѣрно, возражаетъ очевидецъ. Бѣлинскій, по его словамъ, вовсе не зналъ Гегеля, но «сблизился съ нимъ точно такъ же, какъ математикъ, не зная работы другого математика, сближается съ нимъ въ выводахъ единственно развитіемъ данной теоремы» [91]).

Здѣсь не все вполнѣ точно. Мы видѣли, Бѣлинскій съ полнымъ удобствомъ могъ узнать главнѣйшія идеи гегелевскаго ученія; но нашъ свидѣтель совершенно правъ касательно самостоятельнаго логическаго мышленія критика въ данномъ направленіи. Герценъ желаетъ сказать то же самое, называя Бѣлинскаго «совершенно русской свѣтлой головой, удивительно послѣдовательной, бьющей до конца». И эта послѣдовательность для Бѣлинскаго отнюдь не чисто отвлеченный самодовлѣющій логическій процессъ, а движеніе всей его нравственной природы, ума, чувства и воли.

Отсюда рядъ статей, наполняющихъ около трехъ лѣтъ дѣятельность критика, приблизительно съ 1838 года до начала 1841. Сначала мы слышимъ отрывочные звуки возникающей симфоніи. Намъ не даютъ цѣльнаго и сильно-выраженнаго міросозерцанія. Критикъ будто обслѣдуетъ почву, намѣреваясь посѣять сѣмена только что пріобрѣтенной мудрости. Онъ видимо раздумываетъ, находится еще въ процессѣ просвѣщенія и ждетъ случая разомъ открыть свою тайну.

Приступъ совершается путемъ жестокихъ нападокъ на французскую національность и на французскую литературу.

Можетъ быть, энергія здѣсь подогрѣвалась кружковыми междоусобицами. Молодежь, считавшая своимъ вождемъ Герцена, усердно изучала французскія политическія и соціальныя движенія, вдохновлялась сенъ-симонизмомъ и съ сожалѣніемъ взирала на метафизическій фанатизмъ русско-германскихъ любомудровъ. Догадка тѣмъ болѣе вѣроятна, что Бѣлинскій въ своемъ стремительномъ натискѣ не различаетъ ни школъ, ни именъ, ни талантовъ. Въ его глазахъ, повидимому, самая принадлежность критика, поэта или мыслителя къ французской націи уже непоправимый смертный грѣхъ и роковой источникъ всевозможныхъ заблужденій и уродствъ.

Въ результатѣ — начинается первое отступленіе Бѣлинскаго отъ собственныхъ, еще очень недавнихъ взглядовъ. Онъ пишетъ откровенную критику на самого себя и уничтожаетъ энергичнѣйшія заявленія своихъ *литературныхъ мечтаній* во имя отвлеченнаго ученія и внѣшняго авторитета.

Дальше истиной признавалось такое положеніе:

---

[91]) Кн. В. Ѳ. Одоевскій. *Русскій Архивъ*. 1874, стр. 339.

«Всякое произведеніе въ какомъ бы то ни было родѣ, хорошо во всѣ вѣка и въ каждую минуту, когда оно, по своему духу и формѣ, носитъ на себѣ печать своего времени и удовлетворяетъ всѣ его требованія».

Это очевидное признаніе правъ *исторической* критики и, что еще важнѣе, приближеніе поэзіи къ публицистикѣ, поэта къ политическимъ и общественнымъ дѣятелямъ. Впослѣдствіи эта идея войдетъ въ основу литературныхъ взглядовъ критика, но теперь онъ весь во власти высшихъ истинъ и *абсолютной* дѣйствительности. Но такъ какъ цѣлая французская литература всегда отличалась и отличается чрезвычайной отзывчивостью на злобы современности, ясно, что необходимо произнести судъ надъ самимъ національнымъ типомъ, вызвавшимъ подобное искусство.

Открывается удивительный поединокъ между двумя націями. Критикъ стремится унизить одну на счетъ другой и такимъ образомъ радикально рѣшить вопросъ о разумномъ направленіи русской литературы и мысли.

Читатели обязаны согласиться, что у русскихъ и у нѣмцевъ «много общаго въ основѣ, сущности, субстанціи духа», и слѣдовательно, вліяніе нѣмцевъ должно безусловно устранить авторитетъ французовъ. За нѣмцами признаются качества, врядъ ли вообще достижимыя для человѣческой природы. Созерцанію нѣмцевъ будто бы открыта внутренняя таинственная сторона предметовъ знанія, доступенъ «тотъ невидимый, сокровенный духъ, который ихъ оживляетъ и даетъ имъ значеніе и смыслъ». Французы, напротивъ, ограничиваются только «внѣшнею стороной предмета», могутъ быть отличными математиками, медиками, но совершенные невѣжды въ «сокровеннѣйшемъ и глубочайшемъ значеніи предметовъ», въ «одномъ общемъ источникѣ жизни». Отсюда нѣмецкая религіозность и французское легкомысліе. Нѣмцы вѣрятъ, что жизнь постигается «откровеніемъ», разумѣніе дается «какъ благодать Божія», а французы «народъ безъ религіозныхъ убѣжденій, безъ вѣры въ таинство жизни, все святое оскверняется отъ его прикосновенія, жизнь мретъ отъ его взгляда». Критикъ видимо содрогается отъ столь тлетворнаго явленія и заканчиваетъ обвинительную рѣчь убійственнымъ сравненіемъ: «такъ оскверняется для вкуса прекрасный плодъ, по которому проползла гадина».

Естественно, разъ приняты въ обращеніе такія понятія, какъ «таинство», «сокровеннѣйшій смыслъ», «откровеніе», авторъ не затруднится критическую статью превратить въ догматическій трактатъ религіознаго или пророческаго содержанія. Доказывать ему собственно нечего, потому что тайны недоступны разсудку и «откровеніе»—завѣдомый врагъ логики. И мы все время пребы-

ваемъ въ истинномъ хаосѣ чрезвычайно величественныхъ, но совершенно не вразумительныхъ изреченій, безъ конца слышимъ о законахъ *разумной необходимости*, объ единой самой изъ себя развивающейся идеи, о сознаніи всего сущаго, объ углубленіи въ сущность вещей. Автору ни на минуту не приходитъ мысль, что всѣ эти великіе вопросы также требуютъ сознанія и углубленія, т. е. хотя бы самаго простого согласованія ихъ съ доступными человѣку силами разума и знанія. Что такое сущность вещей? Авторъ отвѣтитъ: она непостижимая тайна. Но тогда зачѣмъ она является въ его рукахъ метательнымъ снарядомъ на предметы совершенно реальные и жизненные? Зачѣмъ онъ громаднымъ неизвѣстнымъ усиливается ниспровергать вещи, принесшія человѣчеству осязательный и плодотворный нравственный свѣтъ и идеальную силу.

Во имя «сокровеннѣйшаго» и, надо полагать, неоткрываемаго «смысла» Бѣлинскій громитъ «эмпиризмъ», т. е. положительную науку, и противъ «наблюденій, опытовъ и фактовъ» идетъ во всеоружіи такихъ, напримѣръ, прорицаній: «чувство есть безсознательный разумъ, а разумъ есть сознательное чувство», «человѣкъ не есть только духъ и не есть только тѣло, но его тѣло есть явленіе духа».

Было бы понятно, если бы критикъ воевалъ съ безусловными притязаніями матеріализма и, по слѣдамъ г-жи Сталь, французскому чисто-фактическому воззрѣнію на міръ и жизнь—противоставлялъ германское изученіе человѣческой нравственной личности, высокое значеніе личнаго чувства и личной воли рядомъ съ внѣшними вліяніями и впечатлѣніями. Но подобная борьба отнюдь не означала бы защиты изслѣдованія сущности вещей. Она логически привела бы къ совершенно противоположному результату, къ одновременному уничтоженію и матеріалистической, и идеалистической метафизики.

У Бѣлинскаго другая цѣль, чисто схоластическая. Онъ въ сущности желаетъ науку подмѣнить религіей, знаніе—созерцаніемъ, изслѣдованіе—откровеніемъ, наглядную дѣйствительность — абсолютной, человѣческую жизнь и исторію—діалектически развивающейся идеей.

Это въ полномъ смыслѣ созданіе особаго міра, отдѣленнаго непроходимой пропастью отъ міра явленій и формъ. Моста не существуетъ, потому что міръ доступной дѣйствительности—міръ фактовъ, а изученіе фактовъ не ведетъ къ выясненію «сокровеннѣйшаго смысла». Но этого мало. Въ области «откровенія» не существуетъ ничего научно-достовѣрнаго и, слѣдовательно, обязательнаго съ точки зрѣнія человѣческаго разума. Тайны раскрываются особой способностью—«*чувствомъ безконечнаго*», т. е. спо-

собностью, не имѣющей ничего общаго ни съ яснымъ и точнымъ мышленіемъ человѣка, ни съ предметами, подлежащими изслѣдованію этого мышленія. Ясно, мы попадаемъ въ область чисто субъективнаго внушенія и ясновидѣнія, въ область стіхійнаго произвола, становимся жертвой неуловимо прихотливыхъ разсудочныхъ толкованій высшаго созерцанія и абсолютнаго разумѣнія.

Но созерцатели по психологической сущности своихъ построеній, менѣе всего склонны признать столь «конечный» выводъ. Они становятся тѣмъ рѣшительнѣе и нетерпимѣе, чѣмъ неразрѣшимѣе ихъ тайны и непостижимѣе ихъ откровенія. Истинному знанію совершенно чуждъ фанатизмъ и изувѣрство, но все это какъ нельзя лучше уживается съ выспренними полетами къ «таинствамъ» и «сущностямъ». Отсутствіе логическихъ и научныхъ доказательствъ возмѣщается силой непосредственнаго чувства и сектантской вѣры.

Бѣлинскій неминуемо долженъ вступить на этотъ путь, разъ онъ призналъ нѣкое высшее *разумѣніе* и даже знаніе помимо доказательнаго и разсудочно-убѣдительнаго. Возьмемъ, напримѣръ, такую фразу изъ самой ранней статьи гегельянской полосы:

«У французовъ, у нихъ во всемъ конечный, слѣпой разсудокъ, который хорошъ на своемъ мѣстѣ, т. е. когда дѣло идетъ о разумѣніи обыкновенныхъ житейскихъ вещей, но который становится буйствомъ предъ Господомъ, когда заходитъ въ высшія сферы знанія» [92]).

Легко написать «высшія сферы знанія»!.. Но если бы собрать все сонмище мудрецовъ, бросавшихъ пригоршнями подобныя крылатыя рѣчи, и потребовать у нихъ искренняго и вразумительнаго отчета въ этомъ пиѳическомъ героизмѣ, мы услышали бы въ высшей степени *негармоническій хоръ*: шарлатаны, пустозвоны, извѣстные шопенгауэрскіе эпитеты по адресу Гегеля были бы сравнительно кроткими звуками въ этой свалкѣ докторовъ и магистровъ.

Нѣтъ ничего пагубнѣе для человѣческой природы, какъ увѣренность въ лично-завоеванномъ *абсолютномъ знаніи*. Подобный счастливецъ ставитъ себя въ положеніе демоническаго законодателя, изображеннаго Руссо въ *общественномъ договорѣ*. Это сверхъестественное существо, не доказывая, убѣждаетъ, не убѣждая, увлекаетъ и предписываетъ, т. е. изощряется надъ темнымъ человѣчествомъ по мѣрѣ силъ и возможности.

Путь всегда одинъ и тотъ же и мы не должны изумляться, что у Бѣлинскаго встрѣтимъ подлинные отголоски не только гегельянскихъ откровеній, а даже первоисточника всякой діалекти-

---

[92]) Ст. о сочиненіяхъ Фонвизина и «Юріи Милославскомъ» Загоскина. II, 313. 1838 годъ.

ческой метафизики, именно идей Платона. Бѣлинскій врядъ-ли изучалъ *Республику* эллинскаго философа, но пришелъ къ одному изъ поразительнѣйшихъ выводовъ платоновской діалектики, существенному какъ разъ въ практическомъ смыслѣ.

Платонъ; за много вѣковъ до Гегеля, объявилъ *діалектику* единственной настоящей наукой. Достоинство *діалектики* въ томъ, что она совершаетъ свой путь только посредствомъ чистыхъ *идей*, безъ всякаго вниманія къ міру явленій, *черезъ идеи къ идеямъ*. Цѣль процесса—*идея блага*. Путь величественный и цѣль чрезвычайно любопытная, жаль только, что полное банкротство постигаетъ науку въ самый рѣшительный моментъ. Идея блага не находитъ у философа даже *опредѣленія*, не только не становится жизненнымъ достояніемъ мыслящаго человѣчества. Идея блага въ нравственномъ мірѣ то же, что солнце въ физическомъ; вотъ и всѣ результаты грандіознаго предпріятія. Сравненіе, иносказаніе, метафора и прочія поэтическія фигуры—таково заключеніе широковѣщательнаго провозглашенія науки наукъ.

Но именно это заключеніе и уполномачиваетъ философа на недосягаемо-пренебрежительныя чувства къ наукамъ, изучающимъ факты и явленія, даже въ математикѣ. Всѣ онѣ приводятъ къ *мнѣніямъ*, а не къ *знанію*, а мнѣнія измѣнчивы, какъ сами явленія, какъ тѣни, по сравненію философа [93]).

Подобный процессъ и у Бѣлинскаго.

Онъ также ставитъ рядомъ *мысль* и *мнѣніе* и приходитъ къ такому сравненію: оно въ высшей степени важно для насъ, оно играетъ роль вдохновляющаго принципа для нашего автора.

«Мнѣніе опирается на случайномъ убѣжденіи случайной личности, до которой никому нѣтъ дѣла и которая сама по себѣ—очень неважная вещь; мысль откроется на самой себѣ, на собственномъ внутреннемъ развитіи изъ самой себя, по законамъ логики» [94]).

Мы тщетно будемъ доискиваться, на чемъ же собственно будетъ основанъ этотъ процессъ, если явленія сами по себѣ не даютъ *мыслей*, а только *мнѣнія?* Отвѣтъ мы получаемъ, что онъ совершенно не относится къ области знанія и логики. Вдохновленный высшимъ созерцаніемъ идей, Бѣлинскій написалъ свои бородинскія статьи и представилъ точный символъ своей нравственной и общественной вѣры.

XXII.

Первая статья написана по поводу книги Ѳ. Глинки *Очерки Бородинскаго сраженія*, и представляетъ едва ли не единственный

[93]) Politeia, VII.

[94]) Ст. *Очерки Бородинскаго сраженія*. III, 247. 1839 годъ.

въ русской литературѣ блестящій образчикъ философской борьбы реакціонный мысли противъ идей XVIII-го вѣка. У Бѣлинскаго тѣ же задачи, какъ и у Бональда, и задачи чрезвычайно неголоволомныя, Ничего нѣтъ легче, какъ возражать противъ такихъ вымысловъ, какъ, напримѣръ, ученіе объ изобрѣтеніи языка, о договорномъ происхожденіи гражданскаго общества. Даже Бональдъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ и умственной ограниченности, могъ высказать нѣсколько удачныхъ замѣчаній на счетъ совершенно неисторическихъ и даже противоестественныхъ фантазій нѣкоторыхъ идеологовъ-просвѣтителей.

Но одно дѣло — опровергнуть противника, другое — построить свое зданіе. Языкъ не изобрѣтенъ, но слѣдуетъ ли изъ этого факта, что онъ «данъ человѣку, какъ откровеніе»? Имѣетъ ли эта истина за себя больше *доказательствъ*, чѣмъ только что уничтоженная? А между тѣмъ принять эту мысль, какъ *знаніе*, значитъ отвергнуть заранѣе представленіе о постепенномъ историческомъ развитіи извѣстнаго явленія, и вообще о поучительности естественно-научныхъ данныхъ.

Бональдъ вполнѣ послѣдовательно вооружался противъ исторіи и естествознаніе обзывалъ «скотологіей». Послѣдователь Гегеля могъ не отличаться такой азартной откровенностью, но по существу онъ неминуемо долженъ впасть въ метафизику реставрацій. Отъ Бѣлинскаго мы слышимъ тѣ же бональдовскія соображенія насчетъ таинственнаго происхожденія гражданскаго строя, тотъ же надменный отзывъ о «человѣческихъ уставахъ», то же мечтательное благоговѣніе къ «силѣ вѣкового преданія», ко «всему, теряющемуся въ довременности», вообще мистическая декламація вмѣсто прежняго «буйства» разсудка.

Но разъ въ основу практическихъ выводовъ полагается «довременность», т. е. нѣчто неподлежающее точному изслѣдованію и опредѣленію, самые выводы неизбѣжно должны принять форму невмѣняемыхъ изреченій и догматическихъ пророчествъ.

Бѣлинскій въ статьяхъ гегельянскаго направленія ничего не доказываетъ и не разъясняетъ, а только диктуетъ и вѣщаетъ. У него все рѣшено безъ какихъ бы то ни было доводовъ, научныхъ или логическихъ. На мѣсто ложныхъ представленій XVIII-го вѣка онъ ставитъ столь же бездоказательныя истины собственнаго измышленія. Разница только въ одномъ: вся ложь прошлаго вѣка стремилась непремѣнно возстановить и утвердить достоинство человѣческой личности и человѣческаго разума, аксіомы Бѣлинскаго направлены къ противоположной цѣли. Онъ усиливается доказать ничтожество человѣка и буйство его разсудка предъ тайнами и вѣковымъ преданіемъ.

Кто же поможетъ намъ проникнуть въ смыслъ этихъ тайнъ,

чтобы мы могли руководиться имъ въ вопросахъ и фактахъ нашей современности?

Ужъ, конечно, не наука и не разсудокъ, слѣдовательно, не люди культуры и знанія, а «массы самаго низшаго народа, лишеннаго всякаго умственнаго развитія, загрубѣлаго отъ низшихъ нуждъ и тяжелыхъ работъ жизни».

Это опять неизбѣжное прибѣжище реакціонныхъ метафизиковъ. Весь, такъ называемый, прогрессъ, вообще идея перемѣнъ и движенія — выдумка интеллигенціи, утратившей живую связь съ стихійными основами народной жизни. Тамъ внизу разъ навсегда рѣшили вопросы по всякой международной и внутренней политикѣ, и остается только повиноваться этому голосу почвы и довременности.

Бѣлинскій опять былъ бы правъ, если бы призналъ существованіе общаго національнаго духовнаго склада у всякаго историческаго народа, если бы указалъ, какъ этотъ духъ проявляется въ великія годины испытаній, въ родѣ эпохи междуцарствія или отечественной войны. Но это признаніе не должно переходить въ идеализацію не столько народнаго чувства духовнаго единства и нравственной силы, сколько простонародной первобытности и «загрубѣлой» инстинктивности на всѣхъ путяхъ человѣческаго развитія. Это два совершенно различныхъ вопроса.

Подъемъ національнаго сознанія одинаково распространяется на массу и на интеллигенцію, иногда даже интеллигенція занимаетъ руководящее положеніе, какъ это было въ Германіи во время національной борьбы съ Наполеономъ. И въ Россіи—развѣ Пожарскій, Авраамій Палицынъ и Гермогенъ принадлежали къ «массѣ самаго низшаго народа»? И развѣ отечественная война вызвала чувства самоотверженія и патріотизма только у однихъ «грубыхъ солдатъ»? Печальна была бы судьба того народа, который роковымъ путемъ выдѣлялъ бы изъ своей среды отщепенцевъ родного національнаго организма на поприще высшей *общечеловѣческой* культуры и *сознательной* политической общественной дѣятельности! Лучше этому народу и не выходить изъ мрака довременности, не посягать ни на какіе «человѣческіе уставы» и быть счастливымъ «силой вѣкового преданія».

Мы видимъ, какъ вполнѣ основательная критика приводитъ нашего писателя къ совершенно произвольнымъ положеніямъ— крайняго и нетерпимаго направленія. Частные выводы ясны. Общество создается стихійно, живетъ по непреложной, въ довремени предопредѣленной программѣ,—очевидно, всѣ явленія этой жизни столь же священны и непрекосновенны, какъ и ея первоисточникъ. Примиреніе съ дѣйствительностью—выводъ логики и правило нравственности,—«примиреніе путемъ объективнаго со-

верцанія жизни», пояснитъ Бѣлинскій,—и за эту именно способность превознесётъ Пушкина[95]).

Правда, критикъ поспѣшитъ оговориться: «странно было бы думать, что все, имѣющее внутреннюю и необходимую причину, истинно и нормально». Оговорка ни къ чему не поведетъ. Добрыя намѣренія совершенно потонутъ въ лирическомъ, нетерпѣливо-стремительномъ гимнѣ *сущему*. Бѣлинскій будто спѣшитъ покрыть силой голоса и размахомъ рѣчи невольно поднимающіеся протесты здраваго смысла и непосредственнаго чувства.

Въ самомъ дѣлѣ, какія поправки можетъ внести человѣческій разумъ въ фатальныя предначертанія неисповѣдимыхъ силъ! Послушайте, съ какимъ презрѣніемъ преслѣдуетъ критикъ «маленькихъ великихъ людей», дерзающихъ помышлять о своей *случайной* волѣ! Эти несчастные въ глазахъ автора—слѣпорожденныя насѣкомыя, ихъ порывы можно выразить не иначе, какъ безгранично пренебрежительнымъ понятіемъ—*таращиться*. Всюду «могучая десница»,—и Наполеонъ, напримѣръ, палъ «не отъ слабости», т. е. на обыкновенный историческій взглядъ, не отъ своего ослѣпленія и поразительныхъ ошибокъ и недоразумѣній, а какъ разъ наоборотъ—«отъ тяжести своей силы». Критикъ не признаетъ даже вообще, чтобы здравомыслящій человѣкъ сталъ доискиваться ошибокъ въ дѣятельности «Петровъ и Наполеоновъ». Это—*смѣшно* и *жалко*. Взамѣнъ подобныхъ трагикомическихъ потугъ Бѣлинскій предназначаетъ написать рядъ страницъ апокалипсическаго характера и недосягаемо-выспренняго краснорѣчія[96])

Очевидно, разъ человѣкъ со всѣми своими стремленіями и волей—горе-богатырь въ картонномъ вооруженіи, единственный выходъ—умѣть наслаждаться тѣмъ, что есть, что существуетъ независимо отъ безумныхъ *личныхъ* умысловъ на ходъ человѣческой жизни. Въ этомъ искусствѣ найти источникъ утѣшенія при какихъ угодно внѣшнихъ условіяхъ заключается даже тайна высшей натуры.

«У генія», пишетъ Бѣлинскій, «всегда есть инстинктъ истины и дѣйствительности; что есть, то для него разумно, необходимо и дѣйствительно, а что разумно, необходимо и дѣйствительно, то только и есть».

Истина поясняется примѣромъ, для насъ особенно интереснымъ. Въ періодъ раскаянія этотъ примѣръ будетъ поднимать жестокую горечь въ сердцѣ Бѣлинскаго. Идеальный образецъ способности приспособленія, конечно, Гёте, и теперь онъ первостепенный герой нашего критика, отъ поэтическаго таланта въ *Фаустѣ* до безпримѣрно-космополитическаго безстрастія въ положеніи гер-

[95]) *Литературная хроника*. II, 335. 1838 годъ.
[96]) *Менцель противъ Гёте*. III, 236 etc. 1840 годъ.

манскаго гражданина среди борьбы отечества съ національнымъ внѣшнимъ врагомъ.

«Гёте—соображаетъ Бѣлинскій,—не требовалъ и не желалъ невозможнаго, но любилъ наслаждаться необходимо-сущимъ». На основаніи этой любви авторъ *Фауста* былъ непоколебимо убѣжденъ въ раздробленности Германіи.

Критикъ не считаетъ нужнымъ даже коснуться вопроса, имѣло ли гётевское убѣжденіе какія-либо историческія основанія и самая раздробленность была ли положительнымъ, разумнымъ фактомъ или печальнымъ переживаніемъ? Достаточно умиротворенія сущимъ,—все остальное «буйство» разсудка.

Бѣлинскій пойдетъ дальше. Онъ не можетъ, конечно, отрицать страданій, какими на каждомъ шагу удручаютъ человѣчество. Но это безразлично. Достаточно одного факта—*бытія*, и счастье обезпечено, т. е. достаточно видѣть что-либо существующимъ, чтобы наслаждаться. «Души нормальныя и крѣпкія находятъ свое блаженство въ живомъ сознаніи живой дѣйствительности, и для нихъ прекрасенъ Божій міръ, и само страданіе есть только форма блаженства, а блаженство жизнь въ безконечномъ».

Положимъ, это еще удобопріемлемо относительно стихійнаго, безсознательнаго зла. Но какъ примириться съ злою волей людей, съ явными умыслами эгоистовъ и преступниковъ на благоденствіе ближнихъ? Вѣдь это уже не область безконечнаго и не царство неуловимаго и неотразимаго фатума, а вполнѣ осязательное и самопроизвольное зло.

Критикъ не смущается. Все и всѣ служатъ духу и истинѣ. Иной даже, удовлетворяя «низкимъ нуждамъ своей жизни», напримѣръ, увлекаясь страстью любостяжанія, безсознательно и противъ желанія приноситъ пользу обществу, оживляетъ торговлю, кругъ обращенія капиталовъ. Поразительная идея сопровождается вполнѣ достойнымъ сравненіемъ: бродящій по полю волъ способствуетъ плодородію земли...

Разъ дѣло дошло до такихъ идиллическихъ пейзажей, не можетъ быть рѣчи о скептическомъ настроеніи, какой бы вопросъ ни подлежалъ разрѣшенію философа. Бѣлинскій попытался вернуть русскую общественную мысль прямо къ вѣку Карамзина. Онъ безпрестанно будетъ пользоваться даже формой рѣчи сладкоглаголиваго пѣвца «чудесной гармоніи» и «вѣка златого». Потому что эта «чудесная гармонія» родная сестра разумной дѣйствительности» и карамзинская вѣра—всякое общество священно уже потому, что оно существуетъ,—станетъ достояніемъ и нашего философа. Не отречется онъ и отъ *общественныхъ* результатовъ этого символа, примется доказывать, что «заграничные крикуны» Россіи не указъ, что «ходъ ея исторіи обратный въ отношеніи къ

«европейской» и заключить эту музыкальную фантазію такимъ аккордомъ, будто списаннымъ съ произведеній чувствительнаго поклонника «счастливыхъ швейцаровъ» и «просвѣщенныхъ земледѣльцевъ»:

«Отношеніе высшихъ сословій къ низшимъ прежде состояло въ патріархальной власти первыхъ и патріархальной подчиненности вторыхъ, а теперь въ спокойномъ пребываніи каждаго въ своихъ законныхъ предѣлахъ, и еще въ томъ, что высшія сословія мирно передаютъ образованность низшимъ, а низшія ее принимаютъ» [97]).

Совершенно послѣдовательно Бѣлинскій встанетъ на защиту своего предшественника и произнесетъ восторженную рѣчь во славу всевозможныхъ доблестей Карамзина—историка и мыслителя [98]).

Таковы принципы гегельянскаго періода критики Бѣлинскаго. Они грозили свести на нѣтъ всѣ завоеванія русскаго нравственнаго и общественнаго самосознанія, совершенныя съ такими усиліями и опасностями лучшими представителями поколѣнія двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Неистовый Виссаріонъ, встрѣченный горячими привѣтствіями людей живой мысли и великихъ надеждъ, шелъ во всеоружіи своего таланта на первоисточникъ всякаго духовнаго движенія,—на *личность*, отвергалъ ея права на самоопредѣленіе и приговаривалъ ее къ пожизненному рабству у безличнаго, стихійно-безпощаднаго чудовища—*вѣками освященной дѣйствительности*. Разумъ уничтожался во имя преданія и воля во имя факта. И, разумѣется, старинный лепетъ прекрасныхъ душъ, при всемъ ихъ задорѣ, не могъ идти ни въ какое сравненіе съ воодушевленной рѣчью новаго поборника патріархальности и душевнаго блаженства. Здѣсь послѣднее слово европейской мудрости освѣщало путь къ вожделѣнной цѣли и создавало для рыцаря неизмѣримо болѣе внушительную твердыню, чѣмъ самыя обильныя слезы и сладчайшія стихотворенія въ прозѣ.

Бѣлинскій установилъ принципы, конечно, не ради ихъ самихъ, а по извѣстному намъ свойству своей природы, ради ближайшихъ жизненныхъ цѣлей. Ему вѣра нужна ради любви и мысль ради дѣла, и онъ не преминулъ поднять войну противъ всего, что только нарушало его «гармоническій хоръ». Критикъ невольно, вопреки своему ученію о спокойномъ, объективномъ созерцаніи дѣйствительности и даже о «роскошномъ трепетно-сладкомъ восторгѣ» предъ исторіей человѣчества, несъ войну и разрушеніе въ ненавистный лагерь. Онъ открылъ этотъ лагерь одновременно съ догматомъ наслажденія всяческой дѣйствительностью.

---

[97]) Ст. *Бородинская годовщина*. В. Жуковскаго. III, 207. 1839 годъ.

[98]) Ст. *Полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго*. III, 438. 1840 годъ.

Странное противорѣчіе, уже съ самаго начала заставляющее насъ опасаться за прочность столь рѣшительно воздвигнутаго сооруженія.

XXIII.

Обильныя жертвы на алтарь разумной дѣйствительности должны были дать Бѣлинскому французы разныхъ партій и поколѣній. Неудовлетворителенъ по части гармоніи и примиренія восемнадцатый вѣкъ, не лучше и его наслѣдникъ. Всюду резонерство, декламаторство и, главное, буйство разсудка. Вѣчныя системы, секты, партіи, «дневные вопросы», и въ особенности нелѣпый Жоржъ Зандъ съ его возмутительнымъ сенъ-симонизмомъ. Критикъ имѣетъ весьма смутныя представленія о предметахъ, жестоко, напримѣръ, перетолковываетъ сенъ-симонистскія идеи, открываетъ въ нихъ небывалое торжество «индюстріальнаго направленія надъ идеальнымъ и духовнымъ». Но догматизмъ никогда не нуждается въ основательности свѣдѣній, — совершенно напротивъ, и Бѣлинскій составляетъ своего рода индексъ писателей.

Какъ водится, всѣ подобныя произведенія сильнаго чувства не отличаются точностью оцѣнки и осторожностью приговора. У Бѣлинскаго подъ-рядъ идутъ имена Корнеля, Расина, Мольера, Вольтера, Гюго, Дюма... Принимаясь за достодолжное возмездіе этимъ авторамъ, критикъ заранѣе желаетъ быть рѣшительнымъ, потому что, по его наблюденіямъ, «мы очень не смѣлы въ нашихъ сужденіяхъ, когда слово француза сходится съ словомъ искусства». Назвавъ вмѣстѣ и Расина, и Гюго, Вольтера и Корнеля, Бѣлинскій, пожалуй, готовъ признать ихъ «отличными, превосходными литераторами, стихотворцами, искусниками, риторами, декламаторами, фразерами», но отнюдь не художниками.

Художественность здѣсь слѣдуетъ понимать вовсе не въ чисто-эстетическомъ смыслѣ, иначе зачѣмъ такая рѣзкость приговора и не соотвѣтствующее одушевленіе рѣчи? Нѣтъ, для критика несравненно важнѣе *настроенія* писателей, самый духъ, проникающій ихъ произведенія, ихъ нравственные и общественные мотивы, иначе онъ не смѣшалъ бы классиковъ съ романтиками, католиковъ съ философами. Тайну критикъ объяснилъ совершенно откровенно по поводу Шиллера.

Авторъ *Коварства и любви* также попалъ на черную доску и вотъ по какимъ соображеніямъ. «Огня отрицать нельзя,—пишетъ критикъ о драмѣ Шиллера,—но такъ какъ этотъ огонь вытекъ не изъ творческаго одушевленія объективнымъ созерцаніемъ жизни, а изъ ратованія противъ дѣйствительности, подъ знаменемъ нравственной точки зрѣнія, то онъ и похожъ на фейерверочный огонь: много шуму и треску и мало толку».

Еще краснорѣчивѣе приговоръ надъ *Свадьбой Фигаро*. Здѣсь мы вполнѣ убѣждаемся, какъ далеко унесли нашего критика эстетика и философія отъ обыкновенной всѣмъ видимой дѣйствительности и какимъ ослѣпленіемъ поразили его мысль и чувство.

Комедія Бомарше, оказывается, не представляла никакого интереса для русской публики конца тридцатыхъ годовъ. Это пьеса утомительная, скучная, съ натянутыми остротами и натянутыми положеніями, и все потому, что она «политическая» и притомъ сатира. Особенно критикъ недоволенъ монологомъ Фигаро въ послѣднемъ актѣ, той исторически-безсмертной рѣчью, гдѣ съ неподражаемой силой и остротой нарисованы портреты людей, «давшихъ себѣ трудъ только родиться...» [99]).

И автору *Дмитрія Калинина* не почуялось ни одного родного звука въ этой образцовой исповѣди Калининыхъ всѣхъ временъ и народовъ!

Не находитъ критикъ ничего современно-любопытнаго и художественнаго и во всѣхъ комедіяхъ Мольера. Онъ можетъ смѣшить развѣ только «праздную толпу»: до такой степени въ недосягаемую даль отошли образы Донъ-Жуана, Тартюфа и «смѣшныхъ маркизовъ!» И замѣчательно, критику приходится обмолвиться словомъ, многозначительнымъ для его будущаго міровозрѣнія: Мольеръ—поэтъ *соціальный*. По гегельянскому толкованію это значитъ заставлять поэзію носить ливрею, между тѣмъ какъ поэзія—происхожденія божественнаго и не любитъ ливреи.

Въ такомъ же унизительномъ нарядѣ, по мнѣнію Бѣлинскаго, щеголяетъ Жоржъ Зандъ, распространяя путемъ романовъ идеи сенъ-симонизма, Мицкевичъ, въ порывѣ патріотическихъ чувствъ сочиняющій «риѳмованные памфлеты». Вообще и конца нѣтъ преступленіямъ противъ божественности и дѣвственной чистоты художника! Потому что такъ мало на свѣтѣ людей, ублаготворенныхъ объективнымъ созерцаніемъ дѣйствительности. Гораздо больше раздраженныхъ, гнѣвныхъ или, во всякомъ случаѣ, волнующихся. А это и вредитъ творчеству. «Нельзя,—говоритъ критикъ,—сердиться и творить въ одно и то же время; досада портитъ желчь и отравляетъ наслажденіе, а минута творчества есть минута высочайшаго наслажденія» [100]).

Назначеніе искусства переносить это наслажденіе въ среду простыхъ смертныхъ. Истинно-художественное произведеніе «примиряетъ человѣка съ дѣйствительностью, а не возстановляетъ противъ нея». Конечно, человѣку приходится бороться въ жизни, но

---

[99]) *Театральная хроника*. III, 124. 1839 годъ.
[100]) *Горе отъ ума*. III, 370. 1840 годъ.

отнюдь не противъ ея несовершенствъ, а только «съ ея невзгодами и бурями», и борьба эта будетъ «великодушной» [101]).

Однимъ словомъ, все время на глазахъ критика во-очію совершается райское блаженство. Въ самое короткое время онъ успѣлъ возобновить въ памяти читателей рѣшительно всѣ обязательныя и не обязательныя піитическія піянства старыхъ піитъ и критиковъ. Сблизившись съ Карамзинымъ, Бѣлинскій не остался въ долгу и предъ одописцами и лириками болѣе ранней эпохи, призналъ свое родство и съ позднѣйшими риторами. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, идея искусства, какъ всеуслаждающей силы, отличается отъ державинскаго понятія поэзіи, какъ сладкаго лимонада, и какая разница между «гармоническимъ хоромъ» нашего автора и «вѣчной гармоніей и небесной лѣпотой» профессора Надеждина?

Бѣлинскій имѣлъ полное право считать свои философскія статьи идеально-совершеннымъ фокусомъ, заключавшимъ въ себѣ всѣ дотолѣ разсѣянные лучи истинно-ливрейнаго разума и безупречно-мирнаго слова. Не можетъ быть, конечно, и мысли даже о самомъ отдаленномъ сродствѣ руководящихъ мотивовъ у Бѣлинскаго и его предшественниковъ по части объективнаго созерцанія, но тѣмъ горшая участь предстояла русской литературѣ, чѣмъ независимѣе и благороднѣе былъ рыцарь косности и безличія и чѣмъ неумолимѣе являлась его послѣдовательность рѣшительно во всѣхъ вопросахъ искусства, нравственности и политики.

Бѣлинскій неуклонно чертилъ магическіе круги и произносилъ заклинанія, безпощадно отметая все небожественное, безпокойное и лично-оригинальное въ какой бы то ни было области. Уничтоживъ *Горе отъ ума*, какъ гнѣвное и, слѣдовательно, нехудожественное произведеніе, онъ самъ написалъ жестокую сатиру на Чацкаго уже на основаніи теоріи любви и даже общественныхъ приличій. Этотъ фактъ въ высшей степени замѣчателенъ. Онъ показываетъ, какъ доктринерство школы и секты порабощаетъ *всего* человѣка и на тѣхъ путяхъ, гдѣ, повидимому, менѣе всего умѣстна его основная доктрина. Какое дѣло ученію о примиреніи съ дѣйствительностью до тѣхъ или иныхъ проявленій любовнаго чувства? Критику надлежитъ считаться съ *фактомъ* и не входить въ его оцѣнку на основаніи случайныхъ убѣжденій случайной личности.

Но, мы знаемъ, самъ Гегель не выдерживалъ спокойнаго созерцательнаго состоянія и превращался въ жестокаго гонителя неразумной, по его мнѣнію, дѣйствительности. Бѣлинскій, конечно, долженъ опередить учителя и провозгласить неправдоподобіе увлеченія Чацкаго Софьей, потому что «любовь есть взаимное, гармо-

---

[101]) *Менцель, критикъ Гёте.* III, 332.

ническое разумѣніе двухъ родственныхъ душъ». У Чацкаго нѣтъ ничего подобнаго, что̀ онъ могъ найти въ Софьѣ. Въ Софьѣ, любящей Молчалина! Естественно, всѣ слова, выражающія чувства Чацкаго къ Софьѣ, «такъ обыкновенны, чтобы не сказать пошлы».

И все это на основаніи незыблемыхъ общихъ положеній, гдѣ теорія «ясновидѣнія внутренняго чувства» занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Каждое изреченіе критика свидѣтельствуетъ о своего рода самоотреченіи разума и вдумчивости. Бѣлинскій, не желая быть политикомъ, перестаетъ быть психологомъ, не понимая временныхъ общественныхъ задачъ и построеній, закрываетъ глаза и на духовную жизнь отдѣльной личности. Это полное торжество философскаго фанатизма. Узость идей, въ соединеніи съ горячей натурой критика, усѣевали сцену иностраннаго и русскаго творчества развалинами и жертвами. Если бы Бѣлинскій остановился на этомъ пути и не сбросилъ съ себя гегельянскихъ доспѣховъ, умственное развитіе русскаго общества было бы отодвинуто на цѣлыя десятилѣтія назадъ. Сильнѣйшимъ и искреннѣйшимъ дѣятелямъ литературы пришлось бы потратить не мало усилій только на одно уничтоженіе философской заразы и на возстановленіе идей *Телеграфа* и его единомышленниковъ.

Бѣлинскій не уставалъ въ развитіи теорій и законодательствъ. И все это давалось ему легко, мимоходомъ, какъ истинному прозелиту въ дѣвственный періодъ вѣры. Извѣстному политическому и нравственному ученію соотвѣтствуетъ эстетическое. Мы слышимъ вновь величественныя опредѣленія трагическаго, комическаго и драматическаго. И вполнѣ основательно: доброе старое время должно воскреснуть во всемъ своемъ многообразномъ обликѣ,—піитика московскихъ профессоровъ ничѣмъ не хуже ихъ морали и политики. Если Чацкій сумасшедшій съ точки зрѣнія «свѣта», *Горе отъ ума*—нехудожественно предъ судомъ «науки». Эти двѣ силы шли всегда рядомъ, и Мольеръ увѣковѣчилъ ихъ сродство душъ въ безсмертной дружбѣ Филаминты съ Триссотэномъ.

Мы видимъ, какая хищная стихія простирала свою власть на русскую мысль и русское слово. Гегельянство въ лицѣ Бѣлинскаго и на русской почвѣ обнаружило до послѣдней черты свои реакціонныя тенденціи. Призывъ учителя къ современному поколѣнію уйти отъ злобъ современности въ высь философскихъ созерцаній, привелъ практически дѣйствовавшаго ученика къ чрезвычайно-рѣшительной и полной *реставраціи*. Она, при русскихъ общественныхъ условіяхъ, стòила дѣятельности какого-нибудь Бональда или Деместра во Франціи, и мы съ гораздо бòльшимъ основаніемъ, чѣмъ отечественный біографъ Гегеля, можемъ въ гегельянствѣ видѣть возрожденіе *стараго порядка*. И этотъ результатъ являлся

тѣмъ разрушительнѣе, что между нашимъ прошлымъ и болѣе прогрессивнымъ будущимъ не лежало никакихъ краснорѣчивыхъ историческихъ событій, затруднявшихъ во Франціи дѣятельность «привидѣній». Послѣднимъ словомъ русскаго общественнаго самосохраненія былъ журналъ Полевого. Это, конечно, не *Энциклопедія* и не *Философскій словарь* Вольтера и не законодательство національнаго собранія. Тѣмъ болѣе, что бывшій издатель *Телеграфа* постепенно шелъ по наклонному пути не только къ объективному созерцанію дѣйствительности, а къ полному безсильному преклоненію предъ ней.

Легко представить, какую грозу несли статьи Бѣлинскаго на едва зеленѣвшую русскую ниву. И между тѣмъ, некому было встать противъ Орланда. Талантъ давалъ ему положеніе вершителя судебъ русской литературы, «неистовство» дѣлало его неукротимымъ и неутомимымъ. Только одинъ противникъ могъ вступить въ ратоборство съ нимъ,—это онъ самъ. Вся надежда тѣхъ, кому дорога была правда жизни и могущество мысли, должна была сосредоточиться на великихъ природныхъ задаткахъ Бѣлинскаго. Можетъ быть, они, наконецъ, свергнутъ иго и разсѣютъ очарованіе.

XXIV.

Надежда являлась возможной даже въ самый разгаръ гегельянскаго подвижничества. Несомнѣнно, величайшее заблужденіе Бѣлинскаго за весь философскій періодъ—разгромъ грибоѣдовской комедіи. Но совершился онъ какъ-то двусмысленно, во всякомъ случаѣ, для истыхъ «реставраторовъ» не совсѣмъ удовлетворительно.

Правда, Чацкій развѣнчанъ безусловно, но на долю его *полюса* пришлось отнюдь не меньше жестокихъ словъ. Слѣдовало бы ждать иного. Если Чацкій—воплощенный протестъ противъ общества—крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, то Молчалинъ—образецъ примиренной души и личнаго созвучія съ дѣйствительностью—долженъ быть пощаженъ. А между тѣмъ, онъ «мерзавецъ, низкопоклонникъ, ползающая тварь». И Софья, любящая подобное чудовище, также ниже званія человѣка, и критикъ явно горитъ личнымъ негодованіемъ противъ всякой дѣвушки, способной полюбить столь презрѣнную тварь.

Это—непослѣдовательно. Авторъ *Гимназическихъ рѣчей* не допустилъ бы такого противорѣчія и гораздо терпимѣе отнесся бы къ основному принципу молчалинскаго міровоззрѣнія: разсуждать въ зависимости отъ чиновъ и положенія. Молчалинъ—только самый сочный и зрѣлый плодъ извѣстной дѣйствительности. И если Гёте великъ именно потому, что умѣлъ наслаждаться необходимо-

сущимъ, а Гегель мудръ потому, что всякому факту подыскивалъ идею, чѣмъ же тогда Молчалинъ ниже *по существу* этихъ олимпійцевъ и мудрецовъ? Вопросъ вѣдь въ *нравственныхъ принципахъ* взаимныхъ отношеній личности и общества, а вѣдь самъ же Бѣлинскій убѣждаетъ насъ, что общество «всегда правѣе и выше частнаго человѣка». Этой именно истиной живутъ Фамусовъ и Мочалинъ. Очевидно, въ воинственный натискъ критика противъ нихъ вкралось нѣкоторое логическое недоразумѣніе.

Можно найти кое-что и посущественнѣе.

Въ томъ же самомъ манифестѣ гегельянской мудрости, въ бородинской статьѣ, мы встрѣчаемъ пламенную страницу во славу одного изъ самыхъ негегельянскихъ поступковъ императора Петра. Вообще, съ точки зрѣнія Бѣлинскаго-гегельянца—Петра защищать довольно странно. Вѣдь вся личность и дѣятельность великаго царя—вопіющее противорѣчіе исторической дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что Бѣлинскій не знаетъ предшественниковъ Петра на пути къ реформѣ. Только что критикъ отнялъ у «субъективнаго человѣка» право «возстанія» противъ «объективнаго міра», и вдругъ восторженный гимнъ человѣку, даже отъ Пушкина заслужившему наименованіе *революціонера.* Мало этого, гимнъ по поводу участи царевича Алексѣя. Въ этомъ вопросѣ царь не только пошелъ противъ преданій московскаго царства, но даже отринулъ естественный голосъ отеческой любви. И Бѣлинскій не находитъ слова достойно оцѣнить эту побѣду.

«Солнце должно было остановиться въ своемъ вѣчно-довременномъ теченіи, природа притаить дыханіе, пульсъ міровой жизни прерваться, въ ожиданіи страшнаго рѣшенія, чтобы потомъ забиться новою, удвоенною жизнью, потечь новымъ увѣреннымъ теченіемъ отъ чувства торжества... Великій подвигъ великаго человѣка!—восклицаете вы въ гордомъ сознаніи торжества достоинства человѣческой природы». И дальше выговаривается слѣдующая фраза!

«Міръ объективный побѣдилъ міръ субъективный, общее побѣдило частное!»

Какъ, спросите вы, о какомъ объективномъ мірѣ идетъ здѣсь рѣчь? Критикъ отождествляетъ его съ *народомъ.* Не можетъ быть ничего произвольнѣе и прямо фантастичнѣе. Если бы Петръ обратился къ русскому народу XVII-го вѣка за рѣшеніемъ своей расприсъ сыномъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не получилъ бы отъ него совѣта лишить царевича престола ради «идеи реформы». Объективный міръ, о какомъ говоритъ Бѣлинскій, цѣликомъ сосредоточивался въ субъективномъ мірѣ царя, напротивъ, «естественныя влеченія сердца» въ данномъ случаѣ должны были найти единодушное сочувствіе именно *народа.* Торжествовало дѣй-

ствительно достоинство человѣческой, но только *личной* природы, *великій человѣкъ* рядомъ съ *мелкой дѣйствительностью*. Торжество, *по результатамъ*, вышло на пользу *общую*. Это справедливо, но *по мотивамъ* оно дѣло самого героя, исключительно мощной *личности*.

И Бѣлинскій запутывается въ безвыходныя противорѣчія, осудивъ Шиллера за «ратованіе подъ знаменемъ нравственной точки зрѣнія» и восхваливъ Петра за осуществленіе «нравственнаго закона». Ужъ, конечно, Петръ еще менѣе Шиллера былъ способенъ къ объективному созерцанію дѣйствительности и его слѣдовало бы покарать наравнѣ съ «маленькими великими людьми», которые таращатся вертѣть по произволу государствами.

Мы видимъ, какой опасности подвергается у Бѣлинскаго объективный міръ при встрѣчѣ съ нѣкоторыми субъективными мірами. Обаяніе *личности* неотразимо для критика и его толкованіе объекта зависитъ отъ его отношенія къ субъекту. Это существенный и рѣшительный фактъ въ философствованіи Бѣлинскаго: Онъ принесетъ въ жертву гегельянскому фетишу Шиллера, Гюго, Жоржъ Занда, но его рука дрогнетъ предъ Байрономъ и Лермонтовымъ. Онъ броситъ насмѣшкой въ германскихъ преобразователей и просвѣтителей начала XIX-го вѣка; но остановится въ восхищеніи предъ русскимъ царемъ-реформаторомъ. На первый взглядъ едва вѣроятное противорѣчіе, по психологіи Бѣлинскаго совершенно естественное. Лично сильный человѣкъ, онъ *непосредственно* отзывается на родныя ему души. Шиллеръ не могъ принадлежать къ ихъ кругу: его личности и силы хватило только на романтическую молодость. Это не былъ мощный организмъ, ломающійся, но не дряблѣющій. Еще менѣе героемъ можетъ быть названъ Бомарше, и оба поэта не захватывали самой натуры критика, не поднимали въ немъ отвѣтныхъ чувствъ на свою непреклонную, невозмутимо-сознательную волю.

Не то Петръ, какъ политикъ, Байронъ и Лермонтовъ, какъ поэты: организмы цѣльные безъ малѣйшаго признака пестроты, энергичныя безъ намека на сдѣлку и податливость.

Все это справедливо, но какъ же тогда спасти объективность? Не могъ же Бѣлинскій не чувствовать своего ложнаго положенія. Роли личности и дѣйствительности постоянно мѣнялись, необходимо было установить какой-либо порядокъ и разъ навсегда опредѣлить философскій смыслъ предметовъ.

И Бѣлинскій опредѣляетъ. Въ этомъ опредѣленіи предъ нами поучительнѣйшій фактъ всего нравственнаго развитія нашего критика. Онъ, будто незамѣтно для себя, перебросилъ мостъ между буддійскими тенденціями гегельянства и неумиротворимыми порывами своей натуры. Какъ это возможно было сдѣлать? Что̀ общаго и даже смежнаго у яснаго объективнаго созерцанія и

повелительной притязательности личнаго *я* вносить свои думы и чувства въ строй внѣшняго міра? Какъ узаконить буйство разсудка рядомъ съ деспотической и священной властью необходимости?

Бѣлинскій достигъ цѣли чрезвычайно искусно. Никто ни изъ современниковъ, ни изъ позднѣйшихъ судей критика не оцѣнили этой тонкости мысли, какая сдѣлала бы честь извѣстнѣйшему оратору-философу сократовской школы—тонкость діалектики, какъ извѣстно, весьма часто приближается къ софистикѣ, и въ нашемъ случаѣ несомнѣнна нѣкоторая игра съ понятіями и заключеніями. Но если когда-либо цѣль можетъ оправдывать средства, то именно въ усиліяхъ Бѣлинскаго одухотворить жизнью и страстью своего философскаго фетиша.

Вопросъ идетъ о точномъ опредѣленіи понятій *дѣйствительность* и *объективность*. Гегелевская дѣйствительность — это діалектически развившаяся и осуществившаяся идея. Бѣлинскій знаетъ эту истину, но съ ней трудно рѣшать практическіе вопросы—одинаково и въ искусствѣ, и въ жизни. Требуется опредѣленіе, непосредственно предписывающее цѣль и путь дѣйствій, слѣдовательно, опредѣленіе не чисто-философское, а нравственное. Метафизика не заключаетъ въ себѣ побудительныхъ мотивовъ для дѣятельности, они создаются этикой, т. е. извѣстнымъ ученіемъ о добрѣ и злѣ.

Въ результатѣ, дѣйствительность является у Бѣлинскаго противоположностью мечтательности. Нашъ «могучій, мужественный вѣкъ — не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывчатаго, расплывающагося, но любитъ одно мощное, крѣпкое, существенное». Дѣйствительность, слѣдовательно, равнозначительна съ положительностью и истиной. Въ искусствѣ это — реализмъ, въ наукѣ—безусловная трезвость мысли, въ жизни — закаленная твердость души.

Очевидно, гегельянское понятіе незамѣтно перешло въ символъ позитивизма—совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ теоретическихъ вліяній. Ихъ не могло и быть въ Россіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, когда сенъ-симонизмъ привлекалъ вниманіе ограниченнаго круга русской молодежи почти исключительно своимъ политическимъ и соціальнымъ содержаніемъ. Бѣлинскій самъ отъ себя преобразовалъ германскую философію, приспособляя ее къ потребностямъ своего ума, и вводилъ въ это преобразованіе драгоцѣннѣйшія для него силы и способности человѣка—мужественное проникновеніе въ смыслъ дѣйствительности и героическій разсчетъ съ добытыми результатами.

И вы знаете, кто на этотъ взглядъ окажется человѣкомъ,

достойнымъ удивленія? Никто иной, какъ лермонтовскій Печоринъ, кажется, не имѣющій никакихъ касательствъ къ объективному созерцанію дѣйствительности. Именно онъ *дѣйствителенъ*, потому что неуклонно правдивъ съ жизнью и съ самимъ собой. Онъ «смотритъ дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называетъ вещи настоящими ихъ именами». Онъ одаренъ силой духа и могуществомъ воли, у него есть инстинктъ истины...

Все это и значитъ воплощать дѣйствительность XIX-го вѣка...

Не припоминается ли вамъ невольно другой литературный образъ, чрезвычайно близко подходящій къ только что начертанной характеристикѣ? Развѣ вы удивились бы, если бы вамъ точно въ такихъ же выраженіяхъ изобразили Базарова? Основныя черты, несомнѣнно, тѣ же самыя, и такъ должно быть, потому что идеалъ разумной дѣйствительности по Бѣлинскому долженъ совпадать съ отрицаніемъ всего призрачнаго, не настоящаго, романтическаго и чувствительно слабодушнаго. И прислушайтесь къ драмѣ, какая критику представляется между Печоринымъ и его противниками, предъ вами будто одна изъ сценъ тургеневскаго нигилиста съ однимъ изъ «старенькихъ романтиковъ».

Романтики вопіютъ:

«Какой страшный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка! «Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!» — хоромъ закричатъ, можетъ быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете? за что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростью; онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаѳемѣ не за пороки, въ васъ ихъ больше, и въ васъ они чернѣе и позорнѣе,—но за ту смѣлую свободу, за ту жолчную откровенность, съ которою онъ говоритъ о нихъ».

Впослѣдствіи критикѣ шестидесятыхъ годовъ не придется прибавить ни одной существенной черты къ этому портрету «мыслящей личности», «сильнаго организма», «реальнаго мыслителя». Такого предѣла достигла разумная дѣйствительность, почерпнутая изъ мутнаго источника гегельянской діалектики! Учитель пришелъ бы въ крайнее смущеніе отъ такого толкованія своего *разума*: получалась дѣйствительно если не «алгебра революціи», какъ выражался Герценъ о разрушительныхъ наклонностяхъ діалектики, то формула личнаго протестантизма и увѣнчаніе одинокой и презрительно-вызывающей личности.

И все это писалось въ одинъ годъ со статьей о *Горѣ отъ ума*. Чацкій не нашелъ пощады, а Печоринъ не встрѣтилъ даже и тѣни порицанія. Такова чарующая власть силы и самодовлѣющаго одиночества! Именно эта власть внушила Бѣлинскому чудодѣйственное толкованіе идеи *дѣйствительности* и пронизала туманъ метафизической реторики страстнымъ словомъ личнаго сочувствія и гнѣва [102]).

Еще значительнѣе судьба другого философскаго понятія — *объективность*.

По правовѣрному теоретическому представленію, объективность означаетъ поглощеніе личности внѣшнимъ міромъ, подчиненіе субъекта дѣйствительности до полнаго самоотреченія. Такъ проповѣдывалъ и Бѣлинскій, но въ самый разгаръ проповѣдей онъ опять будто безсознательно впадалъ въ жестокую ересь, по своему переиначивая процессъ развитія объективизма въ личности. У него гармонія между личностью и внѣшнимъ міромъ достигалась обратнымъ путемъ, чѣмъ у нѣмецкихъ философовъ и ихъ вѣрныхъ русскихъ послѣдователей, не личность тонула въ дѣйствительности, а дѣйствительность цѣликомъ входила въ нравственный міръ личности. Начало и конецъ—*я*, со всею мощью и богатствомъ его духа.

Это не фихтіанскій субъективизмъ, гдѣ личность—единственно творческая и реальная сила. Это совершенно оригинальная система, гдѣ за дѣйствительностью оставлено все ея неисчерпаемое содержаніе и неизсякаемое творчество, а за человѣческимъ *я* признано все достоинство непрерывно дѣятельнаго сознательнаго духа.

Очевидно, въ этой системѣ объективность превратится въ воспріимчивость, въ способность нашей природы заключить въ себѣ всѣ явленія и тайны жизни. Разумная дѣйствительность, слѣдовательно, отождествится съ совершеннымъ человѣческимъ духомъ, т. е. неограниченно отзывчивымъ и неустанно претворяющимъ внѣшнія впечатлѣнія въ идеи.

Вотъ самый ранній образъ подобной личности:

«Кто способенъ выходить изъ внутренняго міра своихъ задушевныхъ, субъективныхъ интересовъ, чей духъ столько могучъ, что въ силахъ переступить за черту заколдованнаго круга прекрасныхъ обаятельныхъ радостей и страданій своей человѣческой личности, вырваться изъ ихъ милыхъ, лелѣющихъ объятій, чтобы созерцать великія явленія объективнаго міра, и ихъ объективную особность усвоять въ субъективную собственность чрезъ сознаніе своей съ ними родственности, того ожидаетъ высокая награда, безконечное блаженство: засверкаютъ слезами восторга очи его, и весь онъ будетъ—настроенная арфа, брящающая торжественную

---

[102]) *Герой нашего времени*. III. 1840 годъ.

пѣснь своего освобожденія отъ оковъ конечности своего сознанія духомъ въ духѣ».

Все это говорится затѣмъ, чтобы на высшую ступень духовныхъ радостей поставить патріотическое чувство, отзывчивость на великія событія родной исторіи, въ родѣ Бородинской битвы.

Если это справедливо, тогда какой же смыслъ имѣетъ защита Гёте отъ упрековъ Менцеля въ отсутствіи патріотическаго подъема духа при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ Германіи? Слѣдовательно, Гете не смогъ выйти изъ круга себялюбивыхъ интересовъ и не ощутилъ объективнаго восторга? Противорѣчіе безвыходное и оно показываетъ, какъ трудно было нашему критику выкроить свои идеи и размѣрить свои чувства по чужой теоретической указкѣ.

Немного позже изображается идеальный человѣкъ въ высшей степени одушевленной кистью. Рѣчь Бѣлинскаго вся горитъ и блещетъ личнымъ сочувствіемъ предмету. Основное положеніе: «чѣмъ глубже натура и развитіе человѣка, тѣмъ болѣе онъ человѣкъ и тѣмъ доступнѣе ему все человѣческое». Мысль эта развивается въ страстной лирической рѣчи и съ каждымъ словомъ все больше и больше тускнѣетъ идея объективнаго созерцанія, на сценѣ мыслитель и дѣлатель жизни, весь сотканный изъ нервовъ, весь — трепетная чуткость и неукротимая стремительность къ излюбленной цѣли [103]).

Послѣ подобнаго настроенія мы поймемъ авторское изреченіе: «безпристрастіе добродѣтель сухая, мертвая, чиновническая» [104]). Гдѣ же ее вмѣстить нашему критику, такъ своеобразно истолковавшему дѣйствительность и объективность. Онъ дастъ послѣдній ударъ кисти своимъ толкованіямъ, потребуетъ, чтобы даже отъ дѣтей не скрывали правды дѣйствительности, показывали ее «во всемъ ея очарованіи и во всей ея неумолимой суровости». Именно такимъ путемъ воспитываются сильныя, независимыя личности. «Въ одной истинѣ и жизнь и благо». Наконецъ, Бѣлинскій представитъ изумительную характеристику суевѣрія. Прочитавши ее, мы невольно зададимъ себѣ вопросъ, на чемъ же зиждется философская вѣра критика? Какой жизненный нервъ питаетъ гегельянскія настроенія въ его душѣ?

«Въ развитіи индивидуальнаго *я*,—пишетъ Бѣлинскій,—есть такой моментъ, въ которомъ оно отрицаетъ отъ себя всякую истину и полагаетъ ее всю въ объектѣ. Продолжая развивать далѣе этотъ моментъ, онъ доходитъ, наконецъ, до рѣшительной крайности, принимая за истину все, что только противорѣчитъ его опредѣленіямъ. Эта моментная крайность называется суевѣріемъ. Сущ-

---

[103]) Ст. *Дѣтскія сказки дѣдушки Иринея*. III, 508. 1840 годъ.

[104]) *Повѣсть о приключеніи англійскаго милорда*. III, 253. 1839 годъ.

ность суевѣрія именно заключается въ томъ, что оно видитъ всю истину во внѣшнемъ, положительномъ, и не потому, чтобы оно было убѣждено въ разумности внѣшняго и положительнаго, а потому, что оно, напротивъ, темно и недоступно для *я* (что бы ни было это *я*—чувство ли, предчувствіе ли, мысль ли) и діаметрально противорѣчитъ ему». Естественно, суевѣріе вмѣсто разумныхъ доводовъ прибѣгаетъ къ таинственности и вмѣшиваетъ ее въ самыя обыкновенныя явленія.

Такъ разсуждалъ авторъ бородинскихъ статей. Ему слѣдовало бы задать себѣ вопросъ, о какомъ суевѣріи ведетъ онъ рѣчь? Конечно, не о народномъ, не о наивномъ и непосредственномъ, а о суевѣріи развитого ума, т. е. о философскомъ и нравственномъ доктринерствѣ. Бѣлинскій, переживая гегельянскій недугъ, самъ же поставилъ ему діагнозъ и даже нашелъ лѣкарство въ своей неподкупно-искренней и страстной душѣ.

Когда критикъ прославляетъ примиреніе и созерцаніе, намъ представляется затихшая передъ грозой природа, погрузившаяся въ грезы усталая мысль, разстроенное жаждой свѣта и любви одинокое сердце. Мы ни на минуту не вѣримъ, будто діалектическое фокусничество съ разумной дѣйствительностью — послѣднее пристанище нашего писателя истины и вѣры. Мы вѣримъ совершенно другому: «безъ бурь нѣтъ плодородія и природа изнываетъ; безъ страстей и противорѣчій нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи. Лишь бы только въ этихъ страстяхъ и противорѣчіяхъ была разумность и человѣчность, и ихъ результаты вели бы человѣка къ его цѣли» [105]).

Вотъ это подлинное выраженіе психологіи автора и на этомъ признаніи мы можемъ основать всю исторію нравственныхъ переворотовъ Бѣлинскаго. Онъ долженъ былъ пережить полосу «суевѣрія», построенія реакціи послѣ революціоннаго шиллеризма и бурнаго опекунства надъ человѣчествомъ. Онъ необходимо бросился въ крайность, ища дѣйствительности и положительности взамѣнъ романтической поэзіи и неосуществимыхъ мечтаній. И онъ доходилъ до фанатическаго восторга предъ новымъ божествомъ, но отнюдь не до религіознаго спокойнаго обожанія. Гегельянство подарило Бѣлинскому рядъ *построеній* и вовсе не повліяло на его міросозерцаніе въ положительномъ смыслѣ. Когда потребность перевести духъ миновала, когда мучительное возбужденіе смѣнилось ясной вдумчивостью и процессомъ самопознанія — недавнія излишества неминуемо вызвали чувство горечи и гнѣва. Бѣлинскій неоднократно будетъ казнить себя за былой паѳосъ, но въ порывѣ самобичеванія преувеличитъ свою вину.

---

[105]) *Герой нашего времени.* III, 604.
[106]) Къ Боткину, Пыпинъ. II, 105.

Онъ никогда не былъ вѣрнымъ и безусловно преданнымъ служителемъ «фетиша» и не способенъ былъ, даже если бы захотѣлъ. Онъ недаромъ такъ восхищался Печоринымъ, съ особенной тщательностью отмѣтилъ двойственность его духовной жизни: одинъ и тотъ же человѣкъ говоритъ, дѣйствуетъ и въ то же время наблюдаетъ за своими мыслями и дѣйствіями. Этотъ неотвязный самоанализъ—свойство самого Бѣлинскаго и мы видѣли, какъ настойчиво вторгался «инстинктъ истины» въ «гармоническій хоръ».

Побѣда, рано или поздно, была за этимъ инстинктомъ и онъ съумѣлъ собрать обильные плоды самопознанія съ ненавистныхъ заблужденій. Бѣлинскій, окончательно освободившійся отъ разлада между своей личностью и чужой вѣрой, навсегда исцѣлился отъ всяческихъ суевѣрій. Гегельянство сыграло роль предохранительной прививки и Бѣлинскій на всю жизнь остался проповѣдникомъ *своей* дѣйствительности и *своей* объективности, т. е. совершенной жизненной правды и непосредственнаго воспріятія ея смысла.

Въ высшей степени важенъ вопросъ: какія силы заставили Бѣлинскаго разорвать всѣ связи съ философскими вдохновеніями и произнести безповоротное осужденіе надъ Гегелемъ и его ученіемъ. Письмо, заключающее смертный приговоръ практической мудрости германскаго философа, относится къ марту 1841 года. Бѣлинскій уже болѣе года жилъ въ Петербургѣ, съ конца 1839 года, и естественно предположить, что новыя внѣшнія условія повліяли на его мысли. Этого вліянія, конечно, отрицать нельзя, но его слѣдуетъ ввести въ весьма ограниченные предѣлы. Независимо отъ переселенія въ Петербургъ, Бѣлинскій пришелъ бы къ извѣстной цѣли и, вѣроятнѣе всего, въ тотъ же срокъ, какъ это произошло въ Петербургѣ.

XXV.

Мы неоднократно отмѣчали существенный фактъ въ критикѣ Бѣлинскаго: никакіе теоретическіе символы и внѣшнія вліянія не мѣшали ему въ самыхъ раннихъ статьяхъ положить прочныя основы дальнѣйшему совершенствованію своей независимой критической мысли. Пушкинъ и Гоголь нашли у Бѣлинскаго достодолжную оцѣнку съ самаго начала, произведенія Лермонтова встрѣтили восторженный пріемъ въ самый, повидимому, неблагопріятный періодъ увлеченій критика. Такое же представленіе мы должны усвоить и вообще о нравственномъ развитіи Бѣлинскаго.

Переѣздъ въ Петербургъ измѣнилъ среду дѣйствій, свелъ критика съ новыми людьми, вызвалъ еще неиспытанныя впечатлѣнія, но все это не имѣло бы рѣшающаго значенія въ философскихъ принципахъ Бѣлинскаго, если бы они не подверглись преобразованію въ силу органическаго развитія его мысли. Мы

видѣли, это развитіе не прекращалось ни при какихъ условіяхъ, и статьи, написанныя въ Москвѣ, обличали затаенную борьбу *теоріи* и *натуры*. Знакомое намъ въ высшей степени краснорѣчивое опредѣленіе «суевѣрія», оригинальное понятіе «объективности» принадлежатъ еще Москвѣ. На долю Петербурга выпало въ одинъ и тотъ же годъ увидѣть въ *Отечественныхъ Запискахъ* жестокое униженіе Чацкаго и одушевленную оду Печорину. Обѣ статьи являлись крайнимъ выраженіемъ борьбы идей, переживаемой авторомъ. Она началась не въ Петербургѣ и Петербургъ только, можетъ быть, приподнялъ негодованіе Бѣлинскаго на свои примирительныя чувства.

Петербургу естественно было этого достигнуть.

Бѣлинскому предстояло единственное поприще—литературное, и вотъ въ этой-то области онъ засталъ удручающе-тягостную дѣйствительность. Еще раньше далеко не розовыя впечатлѣнія испыталъ въ Петербургѣ Станкевичъ. Изъ его словъ можно заключить, что Петербургъ былъ отличнымъ средствомъ противъ идиллической мечтательности и блаженнаго ничегонедѣланія.

«Я много обязанъ тебѣ и Петербургу, — писалъ Станкевичъ Невѣрову.—Я началъ дорожить временемъ; теперь мнѣ совѣстно прошляться цѣлый день на охотѣ; я позволяю себѣ это не иначе, какъ отдыхъ или какъ поощреніе» [107]).

Бѣлинскому также пришлось припомнить свои первыя впечатлѣнія лѣтъ пять спустя послѣ пріѣзда въ Петербургъ. И въ этихъ воспоминаніяхъ общая форма рѣчи явно прикрываетъ собой личную исповѣдь. Напримѣръ, слѣдующую характеристику москвичей Бѣлинскій могъ вполнѣ написать по своему собственному московскому портрету:

«Многимъ изъ нихъ (исключенія рѣдки) стоитъ сочинить свою, а всего чаще вычитать готовую теорію или фантазію о чемъ бы то ни было, и они уже твердо рѣшаются видѣть оправданіе этой теоріи или этой фантазіи въ самой дѣйствительности, и чѣмъ болѣе дѣйствительность противорѣчитъ ихъ любимой мечтѣ, тѣмъ упрямѣе убѣждены они въ ея безусловномъ тождествѣ съ дѣйствительностью. Отсюда игра словами, которыя принимаются за дѣла, игра въ понятія, которыя считаются фактами».

Въ Петербургѣ всѣ высокопарныя мечты, идеалы, теоріи, фантазіи разлетаются прахомъ. «Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство: сначала кажется вамъ, что отъ его атмосфесы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣшительнымъ незна-

---

[107]) Переписка, 99.

ніемъ дѣйствительности, и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святаго, человѣческаго!..» [108]).

И авторъ ни на какую обольстительную ложь не промѣняетъ самой горькой истины: ложь—счастье глупца, страданіе разумнаго человѣка—истина, плодотворная въ будущемъ.

Бѣлинскій, несомнѣнно, говорилъ такъ по собственному опыту и на себѣ самомъ вынесъ страданія, неминуемо постигающія мечтателя предъ истинами жизни. Не даромъ его бесѣда производила на петербургскихъ знакомыхъ впечатлѣніе глубокой горечи. Ему пришлось многое сжечь и весьма немногому поклониться, въ литературѣ и въ общественной жизни только талантамъ немногихъ писателей да своей личной вѣрѣ въ лучшее будущее.

Много лѣтъ спустя по смерти Бѣлинскаго Некрасовъ такъ рисовалъ сцену, гдѣ предстояло дѣйствовать критику съ первыхъ дней петербургской жизни:

Тогда все глухо и мертво
Въ литературѣ нашей было:
Скончался Пушкинъ, безъ него
Любовь къ ней публики остыла.
Въ бореньи пошлыхъ мелочей
Она, погрязнувъ, поглупѣла.
До общества, до жизни ей
Какъ будто не было и дѣла.
Въ то время, какъ въ родномъ краю
Открыто зло торжествовало
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распѣвала.
Ничья могучая рука
Ея не направляла къ цѣли [110])...

Правда, дѣятельность Гоголя только что началась. Но геніальный художникъ не встрѣтилъ признанія у современныхъ журнальныхъ представителей общественнаго мнѣнія. Пушкинъ—другъ и критикъ, его привѣтствовавшій и направлявшій, сошелъ въ могилу и—продолжаетъ Некрасовъ—Гоголь

Одинъ изнемогалъ,
Тѣснимъ безстыдными врагами.

Въ періодической печати царствовали Булгаринъ и Сенковскій. Въ лицѣ ихъ Бѣлинскій еще за московскій періодъ успѣлъ нажить непримиримыхъ враговъ и Булгаринъ даже прямо былъ

---

[108]) *Петербургъ и Москва.* XII, 222, 230. 1845 годъ.

[109]) Никитенко, *Записки и дневникъ.* I, 451.

[110]) Отрывокъ изъ неизданнаго стихотворенія Некрасова по списку, находящемуся у П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина.

убѣжденъ, что «бульдога» привезли изъ Москвы съ цѣлью именно его травить [111]). Что касается Сенковскаго, Бѣлинскій не пропускалъ случая заклеймить торгашество и циническое легкомысліе барона Брамбеуса, какъ писателя и какъ вдохновителя журнала, и не переставалъ *Библіотеку для чтенія* именовать «проказой» [112]).

Противники, конечно, не оставались въ долгу и предъ нами поразительная, можно сказать, оффиціальная картина борьбы Бѣлинскаго съ позорнымъ заговоромъ литературныхъ промышленниковъ противъ него и русскаго общественнаго просвѣщенія. Сообщенія идутъ отъ цензора Никитенко, принимавшаго ближайшее участіе въ многообразныхъ происшествіяхъ современнаго литературнаго міра.

Судьбами русской литературы располагалъ министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ. Мы знаемъ его роль въ гибели «Телеграфа». Она была только частнымъ и сравнительно слабымъ проявленіемъ общей системы. Министръ не скрывалъ своихъ предначертаній и даже гордился ихъ чисто средневѣковымъ духомъ.

Никитенко передаетъ одинъ изъ откровенныхъ монологовъ Уварова. На взглядъ министра, даже Гречъ и Сенковскій оказывались опасными либералами. Самый фактъ существованія литературы поднималъ у него желчь и подсказывалъ необъятные героическіе замыслы.

Министръ желалъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ «отодвинуть Россію на 50 лѣтъ отъ того, что готовятъ ей теоріи» въ статьяхъ такихъ революціонеровъ, какъ другъ Булгарина и издатель *Библіотеки для чтенія*! Это дѣло Уваровъ считалъ своимъ долгомъ и твердо разсчитывалъ выполнить его при своихъ обширныхъ «политическихъ средствахъ».

Въ другихъ случаяхъ Уваровъ говорилъ еще проще и энергичнѣе: его желаніе «чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась» [113]).

И противъ кого же шла эта гроза!

Отъ самого Греча мы знаемъ, какъ онъ быстро и основательно вылѣчился отъ какого бы то ни было либерализма и составилъ довольно стройный хоръ съ Булгаринымъ. Сенковскій съ полной убѣдительностью и краснорѣчіемъ заявилъ о своихъ убѣжденіяхъ еще въ *Большомъ выходѣ Сатаны*.

Сатира эта представляла самый откровенный пасквиль на современныя политическія движенія Западной Европы. Авторъ из-

---

[111]) Такъ разсказывалъ Панаевъ и Бѣлинскому со словъ самого Булгарина. Письмо Бѣлинскаго, Пыпинъ. II, 9.

[112]) *Русская литература въ 1840 году*. IV, 225.

[113]) Никитенко. I, 360, 459.

дѣвался надъ журналистикой, основными законами французской монархіи, и особенно надъ «верховной властью сапожниковъ, поденщиковъ, извозчиковъ, наборщиковъ, нищихъ, бродягъ и проч.». Даже англійскій билль о реформѣ не избѣгъ насмѣшки и въ заключеніе свобода конституціонныхъ государствъ отождествлялась въ возможность кому угодно безпрепятственно разбивать другимъ головы «во всякое время года».

Кажется, достаточно ясно, но для власти было мало. Вполнѣ удовлетворительнымъ, очевидно, являлся только Булгаринъ.

Его подвиги какъ разъ съ появленіемъ Бѣлинскаго въ *Отечественныхъ Запискахъ* достигли совершенно сказочнаго блеска.

Не зная, какъ донять опаснаго конкуррента, издатель *Сѣверной Пчелы* подалъ доносъ на цензуру и на самого министра.

Доносъ былъ вызванъ цензурной мѣрой относительно булгаринской газеты. Въ ней доводилось до всеобщаго свѣдѣнія, что Краевскій, издатель *Отечественныхъ Записокъ*, унижаетъ Жуковскаго, не смотря на то, что Жуковскій авторъ нашего народнаго гимна «Боже, царя храни». Цензура распорядилась, чтобы *Сѣверная Пчела* больше не «трудилась писать такихъ мерзостей, ибо цензура будетъ безжалостно вымарывать ихъ».

Булгаринъ рѣшилъ защищать свои права и на имя попечителя князя Волконскаго прислалъ письмо, гдѣ прямо обвинялъ власть въ поощреніи революціонерамъ. Въ Россіи существуетъ партія мартинистовъ, цѣль ея—ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, и представитель этой партіи *Отечественныя Записки*. А цензура явно имъ потворствуетъ.

Булгаринъ требовалъ слѣдственной коммиссіи, готовъ былъ предстать предъ ней какъ «доноситель» для обличенія враговъ вѣры и престола, грозилъ просить самого государя разобрать дѣло, а въ случаѣ, если государь не вникнетъ въ вопросъ, довести до свѣдѣнія прусскаго короля и чрезъ него дѣйствовать на государя императора.

Доносу пришлось дать ходъ. По инстанціямъ онъ дошелъ до государя. Никитенко сообщаетъ, будто императоръ Николай, прочитавъ письмо Булгарина, отдалъ его Бенкендорфу со словами: «Сдѣлай такъ, чтобы я какъ будто объ этомъ ничего не зналъ и не знаю»...

Очевидно, Булгарину ни съ какой стороны не грозила опасность на его поприщѣ спасенія отечества, и *Сѣверная Пчела* неуклонно продолжала свою политику. Она превратила себя въ своего рода высшій наблюдательный комитетъ надъ дѣлами печати и цензурнымъ вѣдомствомъ. Журналистъ съ булгаринскимъ прошлымъ и булгаринскими доблестями могъ держать въ страхѣ цѣлое учрежденіе и даже самого министра! Во всей высшей администра-

ціи не находилось смѣльчака набросить «намордникъ» на нововявленнаго опричника, и Булгаринъ не стѣснялся въ лицо властямъ заявлять касательно намордника: «Я не позволю» [114])...

Рядомъ съ *Отечественными Записками* вскорѣ и *Современникъ* попалъ на страницахъ *Сѣверной Пчелы* въ разрядъ «зловредныхъ журналовъ». Патріоты не брезговали и другими путями: Булгаринъ и Гречъ подавали доносы прямо въ третье отдѣленіе, и цензору приходилось окольными путями оберегать затравленнаго издателя. Составлялись заговоры и помимо оффиціальныхъ воздѣйствій. Гречъ, напримѣръ, измыслилъ хитроумный проектъ—арестовать въ почтамтѣ подписныя деньги *Отечественныхъ Записокъ* за долги Краевскаго и тѣмъ подорвать печатаніе журнала.

Современникъ, попавшій съ 1847 года въ индексъ «Пчелы», отнюдь не могъ похвалиться гражданской безупречностью. Подъ профессорскимъ редакторствомъ Плетнева, онъ велъ ту же линію борьбы съ литературнымъ врагомъ не литературнымъ оружіемъ.

Плетневъ, приведенный въ отчаяніе равнодушіемъ публики къ его журналу, поспѣшилъ воспользоваться своей предсѣдательской должностью въ цензурномъ комитетѣ. Онъ предложилъ провѣрить, на сколько точно выполняють журналы свои, утвержденныя правительствомъ, программы.

Оказалось, всѣ отступали отъ нея, и особенно *Отечественныя Записки*. Они сначала не обѣщали иностранныхъ повѣстей, а теперь печатали переводы. Вина была найдена даже на *Библіотекѣ для чтенія*: въ программѣ у нея стояли *повѣсти*, а она помѣщала *романы*.

Изслѣдованіе повергло въ затрудненіе самого министра, допускавшаго подобныя нарушенія. Цензорамъ пришлось выдержать горячее засѣданіе, прибѣгнуть къ уставу для точнаго опредѣленія правъ предсѣдателя въ дѣлѣ цензурованія, а Никитенко даже пустился въ бесѣду по теоріи словесности, насчетъ различій между повѣстью и романомъ [115]).

Естественно, у нашего историка, отнюдь не рьянаго либерала и весьма умѣреннаго прогрессиста, вырывается настоящій стонъ:

«Вотъ руководители нашего общества на поприщѣ умственныхъ подвиговъ! Вотъ ревнители о нашемъ убогомъ просвѣщеніи!»

Такіе ревнители, конечно, не могли поднять престижъ литератора, и мы вполнѣ вѣримъ, что это имя «не внушаетъ никому уваженія». При одномъ звукѣ возставали образы «доносителей» и изслѣдователей, даже болѣе опасныхъ враговъ литературы, чѣмъ сама цензура и администрація. И они благоденствовали.

---

[114]) Ib. I, 457, 480, 492.

[115]) Ib. 473—4.

Плетневъ послѣ войны въ цензурномъ комитетѣ противъ печати отправлялся на каѳедру просвѣщать молодежь въ исторіи русской литературы. Булгаринъ и Гречъ изъ третьяго отдѣленія являлись въ свѣтъ и общество и собирали здѣсь дань своимъ талантамъ и своему успѣху.

Тотъ же Никитенко рисуетъ отчаянную картину той самой общественной среды, гдѣ Булгарины открыто могли кричать «слово и дѣло» и занимать положеніе «почтенныхъ» и даже «заслуженныхъ» литераторовъ. Для нихъ рѣчь Никитенко особенно поучительна: она и по смыслу, и по времени совпадаетъ съ петербургскими впечатлѣніями Бѣлинскаго.

«Печальное зрѣлище представляетъ наше современное общество!—пишетъ Никитенко въ началѣ 1841 года.—Въ немъ ни великодушныхъ стремленій, ни правосудія, ни простоты, ни чести въ нравахъ, словомъ, ничего, свидѣтельствующаго о здравомъ, естественномъ и энергичномъ развитіи нравственныхъ силъ. Мелкія души истощаются въ мелкихъ сплетняхъ общественнаго хаоса... Образованность наша—одно лицемѣріе. Учились мы безъ любви къ наукѣ, безъ сознанія достоинства и необходимости истины. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ заботиться о пріобрѣтеніи познаній въ школѣ, когда наша жизнь и общество въ противоборствѣ со всѣми великими идеями и истинами, когда всякое покушеніе осуществить какую-нибудь мысль о справедливости, о добрѣ, о пользѣ общей, клеймится и преслѣдуется, какъ преступленіе? Къ чему воспитывать въ себѣ благородныя стремленія? Вѣдь рано или поздно, все равно, придется пристать къ массѣ, чтобы не сдѣлаться жертвою».

Въ результатѣ—въ европейской странѣ XIX вѣка тѣло Пушкина, поэта, признаннаго верховной властью, выносятъ изъ дому тайкомъ, ночью, запрещаютъ студентамъ и профессорамъ присутствовать на похоронахъ, и они «тайкомъ, какъ воры, должны прокрадываться» къ гробу великаго писателя. Послѣ отпѣванія также украдкой увозятъ тѣло Пушкина изъ Петербурга. Никитенко рѣшается прочесть студентамъ лекцію о заслугахъ поэта, но дѣлаетъ это съ рѣшимостью отчаянія: «будь, что будетъ!» Потомъ возникаетъ исторія объ изданіи сочиненій Пушкина, и министръ и цензура замышляютъ вновь пересмотрѣть и исправить даже тѣ произведенія, какія были одобрены государемъ. Правда, стихи Пушкина грамотная Россія знаетъ наизусть, но какое дѣло людямъ власти до общественнаго мнѣнія! Но зато они всѣми силами души заинтересованы въ престижѣ званія фельдъегеря, и поднимаютъ цѣлую бурю изъ-за непочтительнаго описанія въ журнальной статьѣ фельдъегерской *формы*!

Цензура находитъ добровольцевъ всюду и среди профессоровъ,

и литераторовъ, и особенно въ высшемъ обществѣ. Мы знаемъ, якобинскій духъ *Телеграфа* привелъ въ негодованіе даже Пушкина; что же должны чувствовать господа, самого Пушкина считавшіе мѣщаниномъ въ дворянствѣ!

Они «съ великимъ гнѣвомъ» кричатъ о демократическомъ направленіи современной литературы, обвиняютъ писателей въ тайной мысли возбуждать массу и готовы подписаться подъ проектомъ грибоѣдовскаго героя насчетъ повальнаго истребленія новыхъ книгъ. Приходится завидовать тѣмъ временамъ, когда русскіе аристократы не читали русскихъ журналовъ и печать была свободна, по крайней мѣрѣ, отъ салоннаго доносительства.

Возможна ли при такихъ условіяхъ добрая умственная дѣятельность отдѣльныхъ личностей? Гдѣ сочувственники и защитники? Гдѣ просто осуществимая идеальная цѣль?

Эти вопросы неизбѣжны для всякаго дѣятеля слова и мысли и во всякое время. Отъ ихъ рѣшенія непосредственно зависитъ послѣдовательность стремленій и стойкость личностей. Если окружающая дѣйствительная жизнь развивается въ прямомъ противорѣчіи съ идеалами и надеждами человѣка, ему требуется исключительная сила воли и поистинѣ героическая вѣра въ свое дѣло и свое призваніе, чтобы не снизойти до общаго уровня и не остановиться на своемъ независимомъ пути.

Послушаемъ еще разъ нашего лѣтописца сороковыхъ годовъ. Онъ—профессоръ и литераторъ—также нуждался въ почвѣ для своего идейнаго дѣла, вожделѣлъ о публикѣ и задумывался надъ смысломъ своихъ хотя бы и очень скромныхъ, но все-таки просвѣтительныхъ усилій.

И вотъ онъ, оглядываясь кругомъ себя въ минуты раздумья надъ своимъ профессорскимъ и писательскимъ положеніемъ, приходилъ къ самымъ горькимъ выводамъ. Мы опять должны напомнить ихъ: они—въ полномъ смыслѣ историко-культурное введеніе въ зрѣлый періодъ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго.

Никитенко не видитъ практическаго смысла въ своихъ лекціяхъ по исторіи русской литературы, просто потому, что литература не пользуется въ обществѣ правами гражданства.

«Я обманываю и обманываюсь, произнося слова: *развитіе*, *направленіе мыслей*, *основныя идеи искусства*. Все это что-нибудь и даже много значитъ тамъ, гдѣ существуетъ общественное мнѣніе, интересы умственные и эстетическіе, а здѣсь просто швырянье словъ въ воздухъ. Слова, слова и слова! Жить въ словахъ и для словъ, съ душою, жаждущею истины, съ умомъ, стремящимся къ вѣрнымъ и существеннымъ результатамъ, это дѣйствительное, глубокое злополучіе. Часто, очень часто я бываю пораженъ глубокимъ мрачнымъ сознаніемъ моего ничтожества. Еслибъ я жилъ

среди дикихъ, я ходилъ бы на звѣриную и рыбную ловлю, я дѣлалъ бы дѣло, а теперь я, какъ ребенокъ, какъ дуракъ, играю въ мечты и призраки! О, кровью сердца написалъ бы я исторію моей внутренней жизни! Проклято время, гдѣ существуетъ выдуманная, оффиціальная необходимость моральной дѣятельности, безъ дѣйствительной въ ней нужды, гдѣ общество возлагаетъ на васъ обязанности, которыя само презираетъ» [116]).

Это очень сильно, но у автора все-таки были утѣшенія, онъ служилъ и награжденія бралъ. Неудовлетверенное нравственное и общественоое чувство болѣе или менѣе возмѣщалось чиновничьимъ честолюбіемъ и оффиціальной карьерой. Если для лекцій и статей Никитенко не существовало общественнаго мнѣнія, его способности и усердіе цѣнило начальство, и эта оцѣнка, конечно, была дорога для дѣятеля: иначе онъ не усердствовалъ бы до послѣдняго напряженія силъ на поприщѣ казенной службы.

Но ему, мы видимъ, приходилось жутко только потому, что помимо чиновника, въ немъ жилъ еще гражданинъ, подъ мундиромъ билось человѣческое сердце. И этого достаточно, чтобы высокопоставленный литераторъ доходилъ по временамъ до отчаянія и полной душевной растерянности.

Чего же мы должны ждать отъ просто писателей, имѣющихъ возможность опираться только на общество, на ту самую косную, рабскую и дикую толпу, какая удручаетъ нашего лѣтописца?

Бѣлинскій, переживая послѣдніе отголоски юношескихъ мечтаній, покидая навсегда отрѣшенный міръ теоретическихъ построеній и призрачнаго удовлетворенія, долженъ былъ стать лицомъ къ лицу съ живой жизнью и дѣлать свое дѣло писателя безъ всякихъ идеалистическихъ самообмановъ и ослѣпляющихъ фантастическихъ перспективъ философской секты.

Онъ еще до петербургскихъ опытовъ не разъ принимался за провѣрку не однихъ литературныхъ преданій. По совершенно неожиданнымъ поводамъ онъ набрасывалъ рѣзкія картины вообще русской дѣйствительности. Дурно написанная брошюра о способѣ къ распространенію шелководства вдохновляла на сатиру противъ русской системы средняго и высшаго образованія и страстноличную отповѣдь риторикѣ, отравившей не одну минуту школьной жизни критика. Съ другой стороны — гоголевскій Бульба вызывалъ у него восторженную хвалу людямъ, живущимъ идеей и ради идеи, способнымъ объективную идею претворять въ субъективную стихію жизни.

Это и значитъ жить въ разумной дѣйствительности [117]).

---

[116]) Ib. 412, 435, 424.

[117]) III, 271, 368.

Теперь критику предстояло извлечь всю мощь негодованія, какая только таилась въ его публицистическомъ талантѣ, и призвать на помощь всю глубину своего идеализма, чтобы съ бодрымъ духомъ продолжать крестный путь русскаго литератора.

XXVI.

Первыя петербургскія статьи Бѣлинскаго не имѣютъ ничего общаго съ лирическимъ безпорядкомъ бородинскихъ признаній. Въ этомъ отношеніи критикъ является новымъ и будто другимъ. Но въ сущности исчезъ именно только лиризмъ въ гегельянскомъ духѣ, замолкла рѣзкая и одиноко звучавшая нота исключительнаго *построенія*. Что касается *идей*, предъ нами знакомый процессъ, теперь только онъ гораздо ярче и глубже, потому что построенія не мѣшаютъ мышленію.

Прежнее толкованіе объективности, какъ неограничено-воспріимчиваго личнаго міра, теперь развивается съ чрезвычайной силой и совершенной послѣдовательностью. Гёте, слѣдовательно, уже не будетъ идеаломъ поэта и человѣка, потому что въ его духъ не входилъ цѣлый міръ явленій — политическихъ и гражданскихъ. Гёте только идеалъ *личнаго* человѣка, но помимо личности, существуетъ еще общество и человѣчество, и мы должны усвоить «содержаніе интересовъ внѣшняго міра, общества и человѣчества», иначе наша нравственная жизнь будетъ не полна и природа несовершенна.

Личность и общество — простѣйшія силы культуры. Раньше критикъ говорилъ: человѣкъ и природа, личность и дѣйствительность, — теперь тѣ же понятія, только проникнутыя *нравственнымъ* чувствомъ, не чисто художественнымъ и философскимъ. Дѣйствительность изъ области метафизики и діалектики снизошла до уровня опыта и наблюденія и, естественно, обнаружила новое содержаніе: «судьба родины», «страданія и радости, кризисы и переломы общества». И Гёте отступилъ на задній планъ предъ всякимъ другимъ великимъ поэтомъ, кому помимо звѣздной книги и говора волны были еще близки «здоровье» и «недуги» людей.

И Бѣлинскій не перестаетъ доискиваться отвѣта на вопросъ, что такое поэтическая натура? Статьи и письма переполнены разсужденіями на эту тему. И совершенно основательно: отъ разрѣшенія вопроса зависитъ вся дальнѣйшая эстетика критика.

По поводу Лермонтова поэтъ опредѣляетъ такъ:

«Это организація воспріимчивая, раздражительная, всегда дѣя-

---

[118]) *Стихотворенія М. Лермонтова.* IV, 275, 285. 1841 годъ.

тельная, которая при малѣйшемъ прикосновеніи даетъ отъ себя искры электричества, которая болѣзненнѣе другихъ страдаетъ, живѣе наслаждается, пламеннѣе любитъ, сильнѣе ненавидитъ, словомъ, глубже чувствуетъ; натура, въ которой развиты въ высшей степени обѣ стороны духа—и пассивная, и дѣятельная».

Изъ этой психологіи логическій выводъ — тѣснѣйшая связь нравственнаго міра поэта съ внѣшней дѣйствительностью. Духовное богатство одаренной личности соотвѣтствуетъ обилію нитей, прикрѣпляющихъ его талантъ и чувство къ окружающему человѣчеству. «Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ больше принадлежитъ онъ обществу» и тѣмъ глубже на него воздѣйствіе историческаго развитія общества.

Здѣсь заключается полное оправданіе страстныхъ поэтическихъ геніевъ и раньше столь ненавистной Бѣлинскому *исторической* критики. Если дарованіе поэта измѣряется степенью его отзывчивости на *современность*, оцѣнивать поэтическія произведенія слѣдуетъ непремѣнно путемъ тщательнаго сопоставленія историческаго момента съ мотивами творчества. Французская критика, очевидно, получитъ должное признаніе и ея пріемы войдутъ въ эстетику Бѣлинскаго.

Онъ даже немедленно поспѣшитъ примѣнить къ дѣлу оружіе исторической критики, именно къ Гёте. И начнетъ онъ свою расплату съ еще столь недавними вдохновеніями рѣшительнымъ приговоромъ гегельянству.

Въ письмѣ отъ 1-го марта 1841 года Бѣлинскій заявляетъ:

«Я имѣю особенно важныя причины злиться на Гегеля, ибо чувствую, что былъ вѣренъ ему (въ ощущеніи), мирясь съ россійскою дѣйствительностью, хваля Загоскина и подобныя гнусности и ненавидя Шиллера... Всѣ толки Гегеля о нравственности—вздоръ сущій, ибо въ объективномъ царствѣ мысли нѣтъ нравственности, какъ и въ объективной религіи (какъ, напр., въ индійскомъ пантеизмѣ, гдѣ Брама и Шива—равно боги, т. е. гдѣ добро и зло имѣютъ равную автономію)... Судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (т. е. гегелевской Allgemeinheit)»...

Дальше Бѣлинскій воображаетъ бесѣду съ Гегелемъ и обращается къ учителю съ такой рѣчью, отнынѣ вдохновляющей его краснорѣчіе:

«Благодарю покорно, Егоръ Ѳедорычъ, кланяюсь вашему философскому колпаку; но, со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣствицы развитія, я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ слу-

чайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр. и пр., иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братьевъ по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть, это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи. Впрочемъ, если писать объ этомъ все, и конца не будетъ...»

Но Бѣлинскій пишетъ. Въ сущности ничего другого онъ и не будетъ писать. Всѣ его статьи отнынѣ посвящены разрѣшенію мучительнаго вопроса, какъ создать и упрочить въ нашемъ мірѣ путь для отдѣльныхъ личностей и для всѣхъ людей къ высшему благу — идейному и нравственному и гдѣ найти неизсякаемый источникъ мужества и вдохновенія для избранныхъ вождей человѣчества? *Идея* есть *цѣль* и цѣль есть идея; вотъ истинная философія, гдѣ нѣтъ мѣста безстрастному діалектическому процессу. Идейность, значитъ полнота стремленій, идейное искусство тамъ, гдѣ личность художника исполнена идеаловъ, страстной жажды ихъ осуществленія, *паѳоса правды и чести*.

Поэтому Шиллеръ—«Грекъ нашего вѣка», съ нимъ Бѣлинскій чувствуетъ тѣснѣйшее нравственное родство, а Гёте вызываетъ у него «родъ ненависти». Этотъ «олимпіецъ» просто «воплощеніе эгоизма», особенно тонкаго и опаснаго «эгоизма внутренней жизни».

Въ такомъ поэтѣ не можетъ быть истиннаго величія, потому что великъ тотъ, кто заключаетъ въ себѣ жизнь человѣчества во всей ея полнотѣ. Тогда субъективность равнозначительна гуманности, и въ грусти поэта всякій узнаетъ свою и увидитъ въ немъ брата по человѣчеству [119]).

Итакъ, теперь объективность сольется съ субъективностью, точнѣе—личность должна стать воплощеніемъ дѣйствительности, своего рода музыкальнымъ инструментомъ, богатымъ всѣми звуками, мелодіями и диссонансами жизни. А такъ какъ личность—*мыслящій* разумъ и *живое* чувство по преимуществу, то художественное произведеніе должно быть проникнуто идеей, какъ извѣстнымъ идеаломъ и сильнымъ движеніемъ души, какъ горячимъ сочувствіемъ или безпощадной исповѣдью.

Отсюда основное положеніе эстетики Бѣлинскаго. Оно выражено въ слѣдующихъ неизгладимыхъ строкахъ:

«Что такое искусство нашего времени? Сужденіе, анализъ общества; слѣдовательно, критика. Мыслительный элементъ те-

---

119) *Дѣянія Петра Великаго*. IV, 309. 1841 годъ.

перь слился даже съ художественнымъ, и для нашего времени мертво художественное произведеніе, если оно изображаетъ жизнь для того только, чтобъ изображать жизнь, безъ всякаго могучаго субъективнаго побужденія, имѣющаго свое начало въ преобладающей душѣ эпохи, если оно не есть вопль страданія или диѳирамбъ восторга, если оно не есть вопросъ или отвѣтъ на вопросъ» [120]).

Но о чемъ-нибудь спрашивать или что-либо отвѣчать, значитъ въ извѣстномъ смыслѣ оцѣнивать дѣйствительность, измѣрять ее мѣрой идеала и имѣть въ виду тотъ или другой итогъ. Все это можно объединить понятіемъ *направленіе*. Оно ничто иное, какъ *содержаніе* произведеній художника, не тенденція, а богатство реальнаго смысла, жизненная поучительность [121]).

Талантъ и *направленіе*—таковы два предмета критики. Слѣдовательно, она разбивается на двѣ части—эстетическій анализъ и историческій разборъ. Произведеніе искусства безусловно должно быть *поэтическимъ*, обладать чисто-художественными достоинствами, Бѣлинскій настаиваетъ на этомъ принципѣ безусловно до конца своей дѣятельности.

Онъ лично одаренный глубокимъ чувствомъ художественной красоты, способный приходить въ энтузіазмъ отъ стихотвореній Лермонтова, неоднократно принимается изображать силу поэзіи, присущую ей красоту—независимо отъ дѣйствительности, ея чарующее вліяніе на человѣческую душу.

Жизнь исполнена поэзіи, внѣшній міръ красоты, но только искусство можетъ извлечь *сущность* жизненной красоты и поэзіи. Ландшафтъ талантливаго живописца лучше живописныхъ видовъ въ природѣ, потому что въ немъ нѣтъ ничего случайнаго и лишняго, всѣ части подчинены цѣлому, все направлено къ одной цѣли, все образуетъ собою одно прекрасное, цѣлостное и индивидуальное. Дѣйствительность, говоритъ Бѣлинскій, чистое золото, но не очищенное, въ кучѣ руды и земли: наука и искусство очищаютъ золото дѣйствительности, перетопляютъ его въ изящныя формы [122]).

Бѣлинскій этимъ расужденіемъ установилъ навсегда *идею красоты* въ искусствѣ и утвердилъ на незыблемомъ *психологическомъ* основаніи права художественнаго впечатлѣнія и, слѣдовательно, суда.

Невольно припоминается любопытнѣйшее совпаденіе мыслей

---

[120]) *Рѣчь о критикѣ*, А. Никитенко. VI, 199—200. 1842 годъ.

[121]) *Сочиненія Зенеиды Р—вой*. VII, 183. 1843 годъ.

[122]) *Стихотворенія М. Лермонтова*. IV, 269.

Бѣлинскаго съ разсужденіями автора, вовсе не эстетика и критика по призванію, а только одареннаго инстинктомъ художественной красоты. Глѣбъ Успенскій написалъ оригинальнѣйшую статью о Венерѣ Милосской и здѣсь, разгадывая «каменную загадку», пришелъ къ выводамъ Бѣлинскаго.

Художникъ, создававшій дивную богиню, задался, по мнѣнію Успенскаго, совершенно опредѣленной цѣлью: «людямъ своего времени, и всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ вѣковѣчно и нерушимо запечатлѣть въ сердцахъ и умахъ огромную красоту *человѣческаго* существа, ознакомить человѣка — мужчину, женщину, ребенка, старика—съ ощущеніемъ счастья быть *человѣкомъ*». Какъ же художникъ достигъ этой цѣли? Путемъ отвлеченія *сущности* человѣческой красоты у отдѣльныхъ людей. «Каждое лицо въ художественномъ произведеніи,—говоритъ Бѣлинскій,—есть представитель безчисленнаго множества лицъ одного рода», отъ этого имена: Отелло, Офелія, Татьяна, Молчалинъ — имена нарицательныя.

То же и Венера Милосская: она квинтэссенція прекраснаго постигнутая художникомъ въ различныхъ его проявленіяхъ. «Онъ бралъ то, что для него было нужно, и въ мужской красотѣ, и въ женской, не думая о полѣ, а пожалуй даже, и о возрастѣ, и ловя во всемъ этомъ только человѣческое; изъ этого многообразнаго матеріала онъ создавалъ то истинное въ человѣкѣ, что составляетъ смыслъ всей его работы, то, чего сейчасъ, сію минуту *нѣтъ* ни въ комъ, ни въ чемъ и нигдѣ, но что *есть* въ то же время *въ каждомъ* человѣческомъ существѣ» [123]).

Успенскій этими словами писалъ настоящую *эстетическую* критику о произведеніи античной скульптуры, но онъ въ то же время не упустилъ и *исторической* точки зрѣнія. Онъ выяснилъ цѣль художника, какъ вполнѣ соотвѣтствовавшую міросозерцанію и культурѣ античнаго эллина и какъ недосягаемо далекую для современнаго человѣка.

Именно эти пути критическаго анализа и указаны Бѣлинскимъ. Эстетика не можетъ исчезнуть, пока существуетъ красота и чувство прекраснаго, но только эстетика будетъ не предписывать правила творчества, не рѣшать, чѣмъ должно быть искусство, а разъяснять факты творчества, что такое искусство, какъ предметъ уже данный, предшествующій эстетикѣ: эстетика искусству обязана своимъ существованіемъ, а не наоборотъ [124]).

Но искусство, какъ все живое, не существуетъ внѣ времени

---

[123]) *Выпрямила. Сочиненія Глѣба Успенскаго.* Спб. 1889, I, 1139.

[124]) *Сочиненія Державина.* VII, 60. 1843 годъ.

и пространства. Оно подвержено процессу историческаго развитія и, слѣдовательно, находится въ неразрывной связи съ эпохой и національностью. Эта связь необходима и въ силу психологіи совершеннаго художника, его неограниченной и страстной отзывчивости на идеи вѣка и общества.

Разобрать эти связи и оцѣнить отзывчивость—предметъ *исторической* критики. Талантъ отнюдь не освобождаетъ художника отъ извѣстнаго «взгляда на жизнь», отъ «кровныхъ убѣжденій, составляющихъ вѣрованіе души и сердца». Напротивъ. Только то или другое *дѣятельное* отношеніе художника къ обществу упрочиваетъ его вліяніе и память о немъ.

Отвѣтить на эти вопросы опять дѣло исторической критики, и горе «потѣшникамъ и забавникамъ» на поприщѣ искусства! Общество всегда готово пренебречь ими ради новыхъ фокусовъ и новыхъ увеселителей.

Но кто творитъ во имя началъ и вѣрованій, тотъ, независимо отъ дарованія, представляетъ собой нравственный характеръ, сильную личность. Истинно-великій художникъ всегда и великій человѣкъ,—иначе онъ уподобляется птицѣ, поющей отъ того, что ей поется, не сочувствуя ни горю, ни радости своего птичьяго племени. Этотъ «опоэтизированный эгоизмъ»—печальнѣйшее явленіе въ человѣческомъ мірѣ [125]).

Ясно, при такомъ понятіи о творчествѣ и о художественномъ талантѣ искусство никогда не можетъ утратить жизненнаго и культурнаго значенія. Оно не можетъ снизойти до уровня празднаго развлеченія, такъ какъ его содержаніемъ будутъ думы и идеи времени—то же, что содержаніе исторіи и философіи. Бѣлинскій будто пророческимъ ясновидѣніемъ предупреждаетъ громы Писарева на искусство, даже частности его воинственнаго натиска, напримѣръ, сравненіе произведеній искусства съ мебелью и красивыми бездѣлками.

Сравненіе было бы основательно, если бы у таланта отнять «разумное содержаніе», т. е. уничтожить самый смыслъ художественнаго творчества и нравственное право художниковъ на существованіе.

И это уничтоженіе вовсе не произволъ критика. Талантъ, лишающій себя современнаго содержанія, постепенно падаетъ: примѣръ—Гоголь тамъ, гдѣ онъ опирается только на одно творчество, на силу своего воображенія, Очевидно, стоитъ художнику уйти отъ наглядной правды дѣйствительности, и его на каждомъ шагу ждетъ ложь и искусственность [126]).

---

[125]) *Рѣчь о критикѣ А. Никитенко.* VI, 210—211.

[126]) *Объясненіе на объясненіе по поводу «Мертвыхъ Душъ».* VI, 548. 1842 г.

Мы видимъ, какъ тѣсно и логически-послѣдовательно связаны принципы эстетика Бѣлинскаго. Всѣ они берутъ свое начало прежде всего въ природѣ самого критика, художественно одаренной и нравственно отзывчивой. «Воспреемлемость впечатлѣній изящнаго,—говоритъ онъ,—есть своего рода талантъ: она не пріобрѣтается ни наукою, ни образованіемъ, ни упражненіемъ, но дается природою. Постиженіе поэзіи есть откровеніе духа, а таинство откровенія скрывается въ натурѣ человѣка».

Эстетической критики, слѣдовательно, не могла внушить никакая философская система: Бѣлинскій былъ такъ же «помазанъ елеемъ», какъ, по его словамъ, помазаны великіе художники.

Историческая критика тоже личное достояніе Бѣлинскаго. Она не могла, конечно, быть благодѣяніемъ природы во всемъ своемъ объемѣ, но основа ея—оригинальная *объективность*, какъ *всеобъемлемость* субъективнаго духа--личный талантъ критика.

Бѣлинскому только требовалось найти самого себя. Процессъ этотъ тѣмъ труднѣе и мучительнѣе, чѣмъ даровитѣе и отзывчивѣе натура. Наиболѣе сложные и благородные организмы развиваются болѣзненнѣе и тягостнѣе. Критикъ прошелъ быстрый, но безпримѣрно страстный путь «ученичества» и «странствованій» и по личному опыту научился разумѣть чужія ошибки, увлеченія, чужую неудовлетворенность и завидный душевный міръ.

Гегельянство не принесло положительныхъ идейныхъ плодовъ, но оно создало для Бѣлинскаго суровую нравственную школу, совершенно независимо отъ принциповъ и цѣлей философской системы, а исключительно благодаря все той же природѣ критика, точнѣе—его неустанной работѣ самопознанія.

Когда Бѣлинскій рисуетъ блестящій рядъ картинъ и сценъ, охватывающихъ всѣ пути и положенія человѣческой жизни и когда онъ своими одушевленными образами желаетъ исчерпать всю глубину нравственной чуткости и житейскаго пониманія у «человѣка причастнаго общему», онъ пишетъ свой портретъ и разсказываетъ свою біографію. Некрасовъ, съ исторической вѣрностью изобразившій петербургскую сцену дѣятельности Бѣлинскаго, столь же точно опредѣлилъ общій смыслъ сравнительно кратковременной—всего восьмилѣтней—работы критика, но успѣвшей захватить всѣ думы и цѣли не только современности, но и до сихъ поръ не наступившаго будущаго.

Рѣчь поэта жестка и откровенна, но сущность ея та же, какую мы нашли въ чувствахъ и сказаніяхъ цензора и профессора Никитенко.

Потребность сильная была
Въ могучемъ словѣ правды честной,

Въ открытомъ обличеньи зла...
И онъ пришелъ, плебей безвѣстный,
Не пощадилъ онъ ни льстецовъ,
Ни подлецовъ, ни идіотовъ,
Ни въ маскѣ жирныхъ патріотовъ—
Благонамѣренныхъ воровъ!
Онъ всѣ преданія провѣрилъ,
Безъ ложнаго стыда измѣрилъ
Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснувъ подъ говоръ лести,
Въ забвеньи истины и чести,
Отчизна бѣдная зашла...

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сезонъ выставокъ. — Выставки иностранныхъ художниковъ—англійская и финляндская.—Русскія выставки: передвижниковъ, общества петербургскихъ художниковъ и академическая.—Семирадскій и Котарбинскій.—Упадокъ передвижниковъ и отжившій характеръ ихъ живописи. — Графъ Л. Н. Толстой объ искусствѣ. — Неправильное освѣщеніе вопроса съ общественной точки зрѣнія. — Искусство безъ красоты.—«Пустыя» слова о наукѣ.

Сезонъ выставокъ въ этомъ году не уступаетъ по обилію предшествовавшимъ, пожалуй, даже превосходитъ ихъ. Три смѣнившихъ одна другую иностранныхъ выставки—скандинавская, англійскихъ художниковъ и финляндская, и три своихъ,—искусство, какъ видно, въ достаточной степени процвѣтаетъ у насъ. Можно бы этому только порадоваться, но и тутъ есть своя тѣневая сторона, которая особенно становится видной тому, кто изъ года въ годъ слѣдитъ за нашими выставками. Мы уже не разъ отмѣчали это обиліе полотенъ, большихъ и малыхъ, яркихъ, пестрыхъ, тусклыхъ, отъ строго академическаго стиля до самоновѣйшихъ декадентскихъ вычуръ. Только нѣтъ ничего ни на одной выставкѣ, какъ у иностранцевъ, такъ и у насъ, что захватило бы зрителя и неудержимо влекло бы къ себѣ. Обойдя всѣ выставки, внимательно ознакомившись съ содержаніемъ каждой, ничего не выносишь въ концѣ концовъ, кромѣ апатіи и усталости, пестроты въ глазахъ и неудовлетворенности.

А между тѣмъ, взять хотя бы англичанъ, выставка которыхъ была несомнѣнно замѣчательной и по содержанію, и по старательной живописи, блещущей такимъ мастерствомъ въ отдѣлкѣ каждой мелочи, къ какому мы не привыкли въ родномъ искусствѣ. Если исключить небольшое число картинъ, не то неудачныхъ, не то непонятныхъ по странности сюжета, всѣ остальныя заслуживали вниманія въ томъ или иномъ отношеніи. Мы не говоримъ объ Альма Тадемѣ, съ его несравненной техникой, но холодной красотой и мало интересными, почти избитыми сюжетами изъ древней жизни. Но общее содержаніе этой выставки, чуждое намъ и потому мало трогающее, было мимолетно и не оставило слѣда. Казалось, что вы попали въ общество умныхъ собесѣдниковъ, съ которыми, конечно, поговорить пріятно, но которымъ, вы чувствуете, мало дѣла до васъ, да и вамъ также. Общій ровный тонъ этой выставки только подчеркивалъ это впечатлѣніе холода и отчужденности, и зритель могъ сколько угодно дивиться совершенству письма, красотѣ отдѣльныхъ деталей, и уходилъ не затронутый, не унося ни одного глубокаго воспоминанія, которое обогатило бы его душу. Даже не было ничего специфически англійскаго, что позволило бы вамъ узнать лишнюю черту въ психологіи народа, хотя бы его быта, — мы видѣли картины, которыя только носили англійскую подпись художника. Такая странность поражаетъ именно въ англійскомъ искусствѣ, которое, казалось бы, должно выдѣляться оригинальностью, какъ и литература этого народа, его общественная жизнь, его политика, нравы, привычки. Ничего подобнаго: мы видѣли

искусство, оторванное отъ жизни, академическое и чопорное. Вотъ для примѣра нѣсколько образчиковъ. Интересная картина Гоккера «Христосъ и Магдалина», на которой Христосъ изображенъ въ мастерской, съ плотничьими инструментами, что указываетъ на желаніе художника быть реальнѣе, проще и ближе къ жизни, но въ общемъ, помимо самой избитости темы, картина блѣдна и не выразительна. «Нарцисъ», любующійся собой, и Эхо, влюбленная, съ выраженіемъ безграничнаго обожанія,—красивая и эффектная вещь и, опять-таки, архаически-академичная, напоминающая время тридцатыхъ годовъ. «Смерть перворожденнаго», на мотивъ изъ Библіи: въ суровой египетской обстановкѣ мать надъ трупомъ сына, проклинающая небо за гибель, такъ нежданно поразившую любимца. Картина написана съ большой экспрессіей и старательно отдѣланная, но англійскаго, конечно, въ ней нѣтъ и слѣда. Двѣ-три жанровыя вещицы изъ дѣтской жизни, которая, можно сказать, космополитична по содержанію, да и самыя дѣти выписаны скорѣе по вдохновенію, а не съ натуры. Затѣмъ идетъ исторія, исторія и исторія, разныхъ временъ и народовъ, и снова тѣ же примелькавшіеся образы: Наполеонъ, отправляющійся въ изгнаніе, сцена изъ эпохи великой французской революціи, король Генрихъ III, забавляющійся со щенками, и т. п. Въ заключеніе—безконечный пейзажъ, въ общемъ весьма посредственный и безжизненный, безъ воздуха и свѣта.

Финляндцы оказались болѣе національны, иногда даже съ излишкомъ, какъ, напр., въ картинѣ «Христосъ и грѣшница», гдѣ и Христосъ, и грѣшница—чистые, типичные финны на фонѣ не менѣе типичной финской природы. Пейзажъ, преобладавшій и скрашивавшій финскую выставку, могъ заинтересовать своимъ сумрачнымъ колоритомъ, но его было недостаточно, чтобы заставить зрителя забыть на минутку, что онъ на выставкѣ и отвлечь отъ дневной жизни въ болѣе широкую и великую область. Финны и сами, повидимому, понимаютъ скудость своихъ сюжетовъ, чѣмъ, по нашему, и объясняется декадентскій порывъ многихъ изъ ихъ художниковъ—къ экстравагантному, чудовищному, доведенному прямо до нелѣпости, какъ, напр., комичная иллюстрація къ «Калевалѣ», напоминающая лубочныя картинки. Съ ними соперничало и нѣсколько русскихъ представителей того же рода живописи съ г. Врубелемъ во главѣ, который далъ большое пано «Утро», вызывавшее большое веселье у зрителя своимъ туманно-зеленымъ, нелѣпо дикимъ «настроеніемъ». Трудно представить что-нибудь болѣе не-эстетичное по безобразію и манерности: на сплошномъ, грубо намазанномъ зеленомъ фонѣ неясныя фигуры толстыхъ кувыркающихся женщинъ. Что онѣ должны изображать и почему это утро—неизвѣстно. Было здѣсь и еще нѣсколько декадентовъ, но ихъ такъ затмевалъ г. Врубель, что о нихъ даже воспоминанія не сохранилось. Вообще, финляндская выставка не блестѣла очарованіемъ, и даже двѣ три картины г. Эдельфельдта, едва ли не единственнаго талантливаго финскаго художника, не выкупали печальнаго общаго вида безвкусья, сѣроватости и тусклости, лежащихъ на всей почти финской живописи, по крайней мѣрѣ той, которую представляла эта выставка.

Русскія выставки не уступали иностраннымъ ни въ чемъ, а въ иныхъ отношеніяхъ были несравненно выше, во всякомъ случаѣ разнообразнѣе и содержательнѣе. Особенно отличалась шестая выставка петербургскихъ художниковъ, привлекавшая больше всего вниманія, благодаря картинѣ Семирадскаго «Дирцея», хотя и безъ этой интересной картины эта выставка рѣзко выдѣлялась между другими. Ея главное отличіе—ровный подборъ произведеній, среди которыхъ сверкало нѣсколько крупныхъ вещей, безукоризненныхъ по выполненію. Таковы, напр., три необыкновенно изящныхъ картинки г. Бакаловича, отдѣланныя съ обычнымъ его мастерствомъ и тщательностью: «Воспоминанія», изображающее молодую римлянку, погруженную въ грустныя, но пріятныя мечты о прошломъ, навѣянныя стоящимъ передъ нею букетомъ розъ; «На тропинкѣ»—гречанка съ

жувшиномъ, спускающаяся съ горъ, вся залитая солнцемъ, сверкающая и легкая, какъ радужная греза о счастьи; «Сплетни»—лучшая изъ трехъ, по удивительно эффектному освѣщенію, льющемуся сверху на молодого римскаго щеголя, передающаго новости дня двумъ собесѣдницамъ. Изящество и очаровательная грація, которою дышутъ эти картинки, не передаваемы; ихъ надо видѣть, чтобы понять всю поэзію, воплощенную въ нихъ художникомъ. Не менѣе хороша «Тибицина» г. Свѣдомскаго, — красивая дѣвушка, забавляющаяся съ журавлемъ, который танцуетъ подъ ея дудку. Тибицина—фокусница, дающая представленія на площадяхъ, но тутъ, въ укромномъ уголкѣ она *себя* тѣшитъ своимъ любимцемъ, который видимо понимаетъ это, съ особой старательностью выдѣлывая свои нехитрыя «па». На ряду съ этими изъ классической древности можно поставить прекрасные очерки г. Мазуровскаго изъ военнаго быта. Его «Гусаръ»,—небольшая картинка,—всадникъ въ старинномъ гусарскомъ костюмѣ, ѣдущій по аллеѣ, залитой солнцемъ,—напоминаетъ Мейсонье по красотѣ и правильности рисунка въ соединеніи съ яркостью красокъ и живости. Такъ же хороши его боевыя сцены, въ родѣ схватки русскаго казака съ французскимъ уланомъ или кавалерійской атаки въ ущельяхъ испанскихъ горъ. Хорошъ и рыцарь г. Степанова съ неукротимымъ выраженіемъ гордости перевязывающій рану послѣ поединка: «честь удовлетворена», а остальное пустяки. Масса пейзажей, преимущественно итальянскихъ и крымскихъ, полныхъ свѣта и воздуха, составляли прекрасную рамку для упомянутыхъ картинъ и многихъ другихъ, о которыхъ не распространяемся, такъ какъ мы не задаемся цѣлью—дать детальное описаніе всѣхъ картинъ. Мы имѣемъ въ виду общее впечатлѣніе, которое и на этой выставкѣ таково же, что и на прочихъ,—нѣтъ души, нѣтъ того, что наполнило бы зрителя чувствомъ захватывающаго восторга, или поразило бы новизной или глубиной замысла, оставивъ неизгладимый слѣдъ въ памяти. Красиво, многое безукоризненно, краски блещутъ, сверкаютъ, переливаются; очаровательны гречанки гг. Бакаловича и Свѣдомскаго, хороши вояки г. Мазуровскаго, прекрасенъ и гордъ раненный рыцарь «безъ страха и упрека», но, полюбовавшись, публика равнодушно дефилируетъ мимо, не оставивъ частички души въ даръ художнику, потому что и сами художники не вложили своей души въ свои мастерскія произведенія. Они—большіе мастера передавать кистью свѣтовыя пятна, красивыя очертанія тѣлъ, деревьевъ, цвѣтовъ, переливы воды, но и только. Конечно, и это очень много, хотя не то, что составляетъ, чего всѣ мы ищемъ въ искусствѣ, глубокомъ, цѣльномъ, подкупающемъ искренностью порыва и глубиною содержанія. Художникъ рисующій холодно, хотя и мастерски, не согрѣетъ души зрителя.

То же можно сказать и о главной приманкѣ на этой выставкѣ—«Христіанской Дирцеѣ» г. Семирадскаго. Предъ вами огромное полотно, во всю стѣну, въ центрѣ Неронъ съ группой придворныхъ любуется съ видомъ цѣнителя и знатока на замученную голую женщину, привязанную къ туловищу убитаго быка. Сбоку—нубійскіе рабы, несущіе носилки императора, цирковые служителя, между которыми выдѣляется фигура огромнаго сармата съ копьемъ въ рукѣ, съ выраженіемъ сожалѣнія смотрящаго на «нехорошее дѣло». На картинѣ онъ одинъ является представителемъ совѣсти, остальные всѣ равнодушно, даже съ выраженіемъ скуки толпятся около Нерона. Имъ не въ диковинку такіе виды, и они лишь изъ чувства страха передъ грознымъ «художникомъ», авторомъ представленія, не отворачиваются отъ мученицы. А она? Казалось бы, въ ней-то и долженъ быть весь смыслъ картины, центръ ея, влекущій глаза всѣхъ зрителей, постоянно толпящихся передъ произведеніемъ г. Семирадскаго. Но, странное дѣло, вамъ ни мало не жаль ея, и это существеннѣйшій недостатокъ картины. Слишкомъ ужъ *картинно* лежитъ «Дирцея», красивая, полная, почти соблазнительная, закрывъ глаза и плотно сжавъ губки. Отчего это зависитъ, что меньше всего интересуетъ именно «Дирцея», — мы не понимаемъ, но это

такъ: глаза разбѣгаются по полотну, останавливаются на Неронѣ, на плотной фигурѣ Тигелина, на свитѣ, на рабахъ, и лишь скользятъ по «Дирцеѣ». Вы словно и сами превращаетесь въ римлянина, видѣвшаго и не такіе ужасы, для котораго эта мученица только представленіе, зрѣлище, живая картина, иллюстрація къ миѳу, одинъ изъ капризовъ цезаря—не болѣе. Въ сущности, и самому художнику мало дѣла до своей Дирцеи: онъ хотѣлъ написать *красивую* вещь и добросовѣстно выполнилъ свою задачу. «Красивая картина»,—и съ этимъ сознаніемъ, ни мало не волнующимъ васъ, вы покидаете выставку.

Въ академіи художествъ васъ ожидаетъ то же, что и сейчасъ мы видѣли, только разнообразія больше, да общій тонъ не такъ выдержанъ. Единственное, что привлекаетъ, дѣйствительно захватываетъ, волнуетъ, мучитъ—это рисунки г. Котарбинскаго, сдѣланные сепіей. Ихъ сто—можно представить, какое разнообразіе темъ! При первомъ взглядѣ останавливаетъ нѣчто особенное въ этихъ рисункахъ, чего нѣтъ ни на одной выставкѣ, ни въ одной картинѣ, какъ большихъ, такъ и малыхъ художниковъ: глубина поэтическаго замысла. Всѣ, или почти всѣ рисунки таятъ въ себѣ искру поэзіи, — эти воздушныя очертанія, сливающіяся съ облаками, странныя головы, съ развѣвающимися волосами, огромными печальными или полными неземного ужаса глазами, колеблющіяся, легкія, какъ видѣнье фигуры — дѣвъ, ангеловъ, странныхъ чудовищъ, сказочныхъ и полныхъ тайны. «Сфинксъ», спящій на краю пустыни, ласкаемый страстными, жгучими туманами Нила; «Медуза», летящая среди облаковъ, съ окаменѣвшимъ ужасомъ въ громадныхъ глазахъ; «Блуждающіе огни» въ видѣ неясныхъ дѣтскихъ фигуръ, манящихъ въ болото, цѣпляющихся за поводья коней очарованныхъ рыцарей; «Черный херувимъ», «Смерть упыря», «Цвѣтущій тернъ», «Малярія», «Духъ пропасти», страстно прижавшійся къ трупу злополучнаго альпійскаго охотника, «Умирающая ночь»—это безконечный сонмъ видѣній горячечнаго бреда или безудержной фантазіи поэта, закрѣпившаго карандашемъ грезы, встревожившія его душу и гнетущія мозгъ въ одну изъ такихъ минутъ, когда разумъ теряетъ власть и разгоряченное воображеніе не можетъ сдержать всплывающихъ изъ невѣдомыхъ глубинъ души образовъ, причудливыхъ, страшныхъ, заманчивыхъ и отталкивающихъ въ то же время. Нѣтъ силъ оторваться отъ этого альбома, полнаго тайны, жгучей тоски, страха и больной любви. Чувствуется, однако, въ настроеніи художника что-то больное, жалкое, давящее, съ чѣмъ онъ не можетъ сладить и какъ бы съ отчаяніемъ отдается во власть своихъ мучительныхъ видѣній. Ничего подобнаго нѣтъ въ большихъ произведеніяхъ того же художника. Его «Оргія», огромное полотно съ массой фигуръ, — холодное, хотя и блестящее произведеніе, также какъ и «Лепта вдовицы». Просто не вѣрится, что одинъ и тотъ же художникъ рисовалъ эти поразительные рисунки и эти большія пестрыя полотна, на которыхъ театрально расположенныя фигуры словно играютъ въ молчанку,—до того плотно сжаты ихъ губы и мало выразительны лица. Только «Черный флагъ» г. Котарбинскаго напоминаетъ автора удивительныхъ по экспрессіи и замыслу рисунковъ. Мрачная женская фигура, окутанная чернымъ флагомъ, взвивается къ небесамъ, словно стремится пасть къ подножію престола Всевышняго и выплакать у ногъ Его свою скорбь. Картина трагична и прекрасна этимъ трагизмомъ, въ которомъ чувствуется сила и мощь, сокрушенныя, но не побѣжденныя. «Черный флагъ» — это «слава павшимъ» и «горе побѣдителямъ»; въ его складкахъ скрыты демоны-мстители.

Академическая выставка самая большая по числу экспонентовъ, но невозможно отмѣтить въ ней еще что-либо выдающееся. Есть нѣсколько «маринъ» г. Айвазовскаго, о которыхъ нечего говорить: онѣ хороши, но кто разъ видѣлъ хоть одну «марину» этого удачливаго художника—тотъ видѣлъ всего г. Айвазовскаго. Есть, впрочемъ, одна картина, заслуживающая вниманія отрицатель-

ными сторонами. Это пренелѣпая вещь г. Рубо «Живой мостъ», представляющая эпизодъ изъ русской военной исторіи, какъ въ одной битвѣ прошлаго столѣтія нѣсколько солдатъ легли въ ровъ, чтобы по нимъ можно было перетащить пушки. Все въ этой картинѣ нелѣпо и смѣшно, не смотря на долженствующее вызвать уваженіе самопожертвованіе героевъ. Но какъ сами герои, изображенные въ видѣ кучки торчащихъ къ зрителю сапоговъ и головъ, сваленныхъ въ маленькой канавкѣ, такъ и окружающіе ихъ солдаты, лошади и пушки, ѣдущія по «живому мосту»,—все до того мизерно и странно разставлено, нарисовано до того сѣро и тускло, что ничего, кромѣ улыбки, эта «картина» не вызываетъ. Можно только подивиться, какими путями додумался художникъ до своей потѣшной композиціи? «Тщится къ славѣ, а вышло къ стыду»—самая вѣрная оцѣнка этой картины, какъ оказывается, невѣрной и исторически.

Пріятнымъ отличіемъ академической выставки является всегда ея скульптурный отдѣлъ, въ этомъ году весьма небогатый. Скульптура у насъ, вообще, не блещетъ обиліемъ талантовъ и какъ бы въ пренебреженіи находится. По крайней мѣрѣ, на текущей выставкѣ эта бѣдность прямо поразительна, особенно по сравненію съ предшествующей выставкой. Двѣ жанровыхъ вещицы г. Гинсбурга, большая въ сидячей позѣ статуя Чайковскаго г. Беклемишева, маленькая статуэтка графа Л. Н. Толстого того же г. Гинсбурга, какъ водится—«вакханки», чьи-то бюсты, ничего не говорящіе уму и сердцу—вотъ все. Значительнаго ничего, о чемъ стоило бы упомянуть въ отдѣльности.

Передвижниковъ мы приберегли къ концу. Къ нимъ публика идетъ съ наибольшимъ ожиданіемъ, съ бо́льшей вѣрой и, несомнѣнно, съ огромнымъ запасомъ симпатіи и снисходительности. Они любимцы, которымъ готовы многое простить за многое, что они давали всегда. Но на первомъ же шагу текущая выставка поражаетъ пустотой: тамъ, гдѣ, бывало, толпа еле двигается плотной стѣной, нынѣ одинокія группы, шаги которыхъ гулко раздаются подъ сводами большой залы. Та же пустота и на стѣнахъ,—меньше двухсотъ картинъ и этюдовъ, среди которыхъ выдѣляется нѣсколько превосходныхъ пейзажей гг. Дубовскаго, Левитана, Шишкина, Ярошенко. Гвоздемъ выставки служитъ, безспорно, «Корабельная роща» Шишкина, явившаяся послѣднимъ законченнымъ твореніемъ его. Въ лицѣ Шишкина русское искусство понесло незамѣнимую утрату, тѣмъ болѣе, что художникъ не оставилъ послѣ себя наслѣдника, который могъ бы замѣнить его въ чудномъ изображеніи поэзіи лѣса. Такъ понимать и прочувствовать эту поэзію, какъ покойный, не могъ ни одинъ художникъ до него. Красоту природы составляютъ вода, горы и лѣсъ,—и Шишкинъ проникъ въ тайну лѣсного царства, открывъ въ немъ безконечный источникъ красоты, разнообразія типовъ деревьевъ, чудныхъ эффектовъ освѣщенія листвы. Величавый покой дремучаго бора, таинственность лѣсной сѣни, стройность лѣсныхъ гигантовъ нашли въ немъ несравненнаго художника-поэта. Художникъ скончался внезапно во время выставки, и очень кстати является теперь превосходный портретъ его работы г. Ярошенко. Это лучшій портретъ на выставкахъ текущаго года: Шишкинъ представленъ за работой, въ свободной позѣ, съ кистями въ рукѣ, мечтательно задумчивый, какъ бы уловляя въ воспоминаніяхъ нужный ему тонъ освѣщенія. Непринужденность позы, живость въ опущенной рукѣ, чудно написанные глаза придаютъ этому портрету необыкновенную жизненность. Кажется, что художникъ сейчасъ встанетъ, стряхнетъ мечты и примется за прерванную работу. Хорошъ также другой портретъ г. Ярошенко—извѣстнаго учителя Аврамова: съ полотна такъ и выдѣляется нѣсколько подтянутая, строгая фигура человѣка, привыкшаго постоянно быть готовымъ «къ дѣлу», требующему вниманія и строгаго отношенія къ себѣ и другимъ. Предъ нами типичный учитель въ лучшемъ значеніи слова. Въ портретной галлереѣ г. Ярошенко эти два портрета по праву займутъ видное мѣсто, на

ряду съ его Л. Н. Толстымъ, бывшемъ на выставкѣ три года тому назадъ. Пейзажи г. Дубовскаго—«Тихій вечеръ» и «Туманъ въ горахъ»—лучшее украшеніе выставки, вообще изобилующей пейзажами, составляющими двѣ трети ея содержанія. Пейзажъ, можно сказать, подавилъ передвижниковъ, и на фонѣ его не выдѣляется ни одной замѣчательной вещи.

Упадокъ передвижниковъ — явленіе не только текущаго года. Онъ замѣчается на всѣхъ послѣднихъ выставкахъ, гдѣ преобладаніе пейзажа стало заурядныжъ вмѣстѣ съ безконечнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же мотивовъ. Предъ нами все тѣ же пріѣвшіеся, намозолившіе глаза «Проводы новобранца», возвратъ солдата домой, гдѣ его ожидаетъ сюрпризъ, въ видѣ ребенка, ярмарка съ пьяными хохлами, жниво, сѣвъ и т. п. Въ пейзажахъ тоже однообразіе—лѣто съ хмурыми облаками, плачущая осень, сумерки зимою—и такъ до безконечности. Какъ будто истощилось воображеніе художниковъ и ослабла наблюдательность, до того они повторяютъ другъ друга, заимствуя сюжеты и даже манеру письма. У всѣхъ передвижниковъ теперь какъ бы одно лицо, и нельзя сказать, чтобы оно внушало большой интересъ.

Нѣкоторое разнообразіе вноситъ г. Нестеровъ. Его «Великій постригъ» и «Благовѣщеніе» рѣзко выдѣляются среди шаблонныхъ картинъ его товарищей по выставкѣ, но эта оригинальность не отличается ни силой, ни вдохновеніемъ. Въ его картинахъ есть какое-то худосочіе, его идеализмъ, къ которому онъ усиленно стремится, манеренъ и безплотенъ, сверхъ того въ немъ много подражательности. Такъ, его «Благовѣщеніе» неудачная попытка подражанія средневѣковой живописи съ ея наивнымъ воспроизведеніемъ окружающей обстановки, среди которой дѣйствуютъ святые и изображаются евангельскія событія. Богородица у г. Нестерова сидитъ на диванѣ, покрытомъ ковромъ, передъ аналоемъ, какъ бы заимствованнымъ изъ русской деревенской церкви. Лица Богородицы и ангела красивы, но конфектной красотой, безжизненны и не выразительны, напоминая своей деревянностью изображенія византійскихъ иконъ. «Великій постригъ» лучше, лица очень выразительны, но сухая манера письма, нарочито небрежный пейзажъ, какъ на суздальскихъ иконахъ съ ихъ барашками вмѣсто облаковъ,—сильно портятъ картину. И все же г. Нестеровъ невольно влечетъ къ себѣ этимъ стремленіемъ къ идеальному, не будничному и повседневному, что такъ рѣжетъ глаза на картинахъ передвижниковъ и въ ихъ пейзажахъ, и въ жанрахъ. Эта черта сближаетъ его съ г. Котарбинскимъ, хотя между ними огромная разница и въ силѣ таланта, и въ манерѣ письма. Но оба художника ищутъ новыхъ путей, избѣгая повторенія, стараясь и въ старыхъ темахъ найти новыя красоты, изобразить ихъ глубже, проникнуть дальше, не довольствуясь наружной стороной жизни, одними ея внѣшними проявленіями.

Можетъ быть, постепенное паденіе передвижниковъ и на ряду съ нимъ робкія пока попытки дать нѣчто новое знаменуютъ канунъ новой жизни для русскаго искусства. Импрессіонизмъ и декадентская символика гг. Ціонглинскаго и Врубеля не привились къ русской живописи и не оставили въ ней никакого слѣда. Очевидно, здоровыя начала, привитыя ей передвижниками, не дали развиться болѣзненной манерности и не эстетической разнузданности декадентства и импрессіонизма. Но тѣ же здоровыя начала, углубленныя и расширенныя идеализмомъ, могутъ ожить и расцвѣсть и дать новый роскошный плодъ, котораго такъ нетерпѣливо ждетъ русская публика, утомленная обыденностью темъ и повтореніями реализма. «Проводы новобранца» г. Богданова-Бѣльскаго, конечно, хорошая вещь, но что она даетъ зрителю? Что новобранцы любятъ выпить передъ отправкой и покутить, а ихъ родные грустятъ при этомъ? Или картина г. Касаткина «Кто?»—изображающая разсвирѣпѣвшаго кавалергарда, допрашивающаго жену? Старо все это, и послѣ картинъ на тѣ же темы Рѣпина, Перова, Крамского, Максимова и другихъ первыхъ передвижни-

ковъ, является рабскимъ повтореніемъ, къ тому же несравненно болѣе слабымъ, что безусловно есть уже шагъ назадъ.

А жизнь, между тѣмъ, не стоитъ на мѣстѣ. Она развивается, какъ всегда, своеобразно, помимо всякихъ теорій и направленій, и предъявляетъ къ искусству иныя требованія, чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Тогда передвижники выступили съ блестящимъ отвѣтомъ на запросы своего времени и увѣковѣчили свое имя въ исторіи русскаго искусства. Кому теперь суждено занять ихъ мѣсто, трудно предвидѣть, не смотря на обиліе выставокъ. Какъ мы видимъ, среди массы произведеній можно найти развѣ намеки на что-то новое. Искусство переживаетъ свою переходную стадію, какъ наша литература и наша общественная жизнь. Сумерки ли это, или заря новой жизни въ искусствѣ, кто рѣшится сказать? А голоса, раздающіеся за и противъ современнаго искусства, скорѣе усиливаютъ, чѣмъ разгоняютъ тьму, мѣшающую провидѣть будущее.

Къ такимъ голосамъ, усиливающимъ тьму, несомнѣнно, принадлежитъ и голосъ графа Л. Н. Толстого, посвятившаго этому вопросу статью въ январьской книжкѣ «Вопросовъ философіи и психологіи»—«Что такое искусство?»

Какъ и всѣ произведенія графа, заключающія его философскіе взгляды, статья написана хаотично, разбросанно, велерѣчиво, съ массой отступленій, до того запутывающихъ вопросъ. что вначалѣ кажется, будто авторъ противъ искусства. Онъ начинаетъ съ неожиданнаго нападенія на излишнія затраты на искусство, пропадающія зря, тогда какъ силы, занятыя искусствомъ, могли бы утилизироваться лучше и съ большей пользой.

«На поддержаніе искусства,—пишетъ графъ,—тамъ, гдѣ на народное образованіе тратится только одна сотая того, что нужно для доставленія всему народу средствъ обученія, даются милліонныя субсидіи отъ правительства на академіи, консерваторіи, театры. Въ каждомъ большомъ городѣ строятся огромныя зданія, для музеевъ, академій, консерваторій, драматическихъ школъ, для концертовъ и представленій. Сотни тысячъ рабочихъ—плотники, каменьщики, красильщики, столяры, обойщики, портные, парикмахеры, ювелиры, бронзовщики, наборщики—цѣлыя жизни проводятъ въ тяжеломъ трудѣ для удовлетворенія требованій искусства, такъ что едва ли есть какая-нибудь другая дѣятельность человѣческая, кромѣ военной, которая поглощала бы столько силъ, сколько эта. Но мало того, что такіе огромные труды тратятся на эту дѣятельность,—на нее, также какъ на войну, тратятся прямо жизни человѣческія: сотни тысячъ людей съ молодыхъ лѣтъ посвящаютъ всѣ свои жизни на то, чтобы выучиться очень быстро вертѣть ногами (танцоры), другіе (музыканты) на то, чтобы выучиться очень быстро перебирать клавиши или струны; третьи (живописцы) на то, чтобы умѣть рисовать красками и писать все, что они увидятъ; четвертые на то, чтобы умѣть перевернуть всякую фразу на всякіе лады и ко всякому слову подобрать риѳму. И такіе люди, часто очень добрые и умные, способные на всякій полезный трудъ, дичаютъ въ этихъ исключительныхъ, одуряющихъ занятіяхъ и становятся тупыми ко всѣмъ серьезнымъ явленіямъ жизни, односторонними и довольными собой спеціалистами, умѣющими только вертѣть ногами, языкомъ или пальцами». Затѣмъ, описавъ репетицію какой-то оперы, авторъ негодуетъ: «Невольно приходитъ въ голову вопросъ,—для кого это дѣлается? Кому это можетъ нравиться? Если и есть въ этой оперѣ изрѣдка хорошенькіе мотивы, которые было бы пріятно послушать, то ихъ можно бы было спѣть просто безъ этихъ глупыхъ костюмовъ и шествій, и речитативовъ, и маханій руками. Балетъ же, въ которомъ полуобнаженныя женщины дѣлаютъ сладострастныя движенія, переплетаются въ разныя чувственныя гирлянды, есть прямо развратное представленіе. Такъ что никакъ не поймешь, на кого это разсчитано. Образованному человѣку это несносно, на-

доѣло, настоящему рабочему человѣку это совершенно непонятно. Нравиться это можетъ, и то едва ли, набравшимся господскаго духа, но не пресыщеннымъ еще господскими удовольствіями, развращеннымъ мастеровымъ, желающимъ засвидѣтельствовать свою цивилизацію, да молодымъ лакеямъ».

Авторъ негодуетъ, съ нимъ начинаетъ негодовать и читатель. Но стоитъ нѣсколько разобраться въ этомъ негодованіи, чтобы увидѣть, что искусство рѣшительно тутъ не причемъ. Въ наше время нѣтъ такой отрасли самаго «полезнаго труда», въ которой милліоны людей не эксплуатировались бы и не страдали, что зависитъ отъ тѣхъ общественныхъ условій, при которыхъ намъ приходится жить и работать. Намъ припоминается одно изъ лучшихъ произведеній Некрасова «Желѣзная дорога», въ которомъ поэтъ описываетъ жертвы, павшія на ея постройкѣ. Но ни у него, ни у читателя и мысли нѣтъ, что виновата желѣзная дорога и что она не нужна или что ее надо замѣнить чѣмъ-то менѣе стоющимъ, болѣе легкимъ и т. п. Если мы станемъ оцѣнивать ту или иную отрасль труда съ точки зрѣнія ея тяготъ, то работа для искусства окажется и легче, и лучше оплачиваемой. Да, отвѣтятъ намъ, но здѣсь работникъ понимаетъ пользу желѣзной дороги и это сознаніе скрашиваетъ до извѣстной степени тяжесть его труда, тогда какъ, работая для искусства, онъ не видитъ, въ чемъ польза и смыслъ его труда. Но и каменьщикъ, строющій театръ, и плотникъ, строющій кулисы и подмостки, знаютъ превосходно, что для какой бы цѣли ни предназначались этотъ домъ и эти подмостки, имъ отъ этого ни мало не легче: будетъ тутъ школа или театръ, онъ не станетъ работать отъ этого меньше часовъ и не получитъ бо́льшей заработной платы. Авторъ тогда былъ бы правъ, если бы доказалъ, что всякій трудъ и легче, и лучше оплачивается, чѣмъ трудъ для искусства, а такъ какъ это нелѣпость, то и его нападеніе на искусство съ точки зрчнія трудовой не имѣетъ никакого значенія въ вопросѣ, что такое искусство. Не правъ, конечно, авторъ и въ своихъ вычисленіяхъ затратъ на искусство, потому что всѣ театры, музеи, консерваторіи и все, что съ ними связано, занимаютъ въ бюджетѣ государства и общества ничтожное по денежной стоимости мѣсто, а количество людей, непосредственно занятыхъ искусствомъ, исчисляется нѣсколькими тысячами, и то, если взять въ разсчетъ всѣхъ, прикосновенныхъ къ искусствамъ. Творцовъ же искусства, конечно, такъ мало, что при общемъ подсчетѣ трудящагося человѣчества ихъ и усчитать трудно. Жалобы автора на тягости, которыя несетъ это бѣдное человѣчество, благодаря искусству, напоминаютъ гнѣвъ мельника противъ курицъ, пьющихъ у него воду, когда прорвало плотину.

Въ этой вылазкѣ графа Л. Н. Толстого противъ искусства видна его обычная ошибка,—отсутствіе соціологической точки зрѣнія на данное явленіе. Всегда и все онъ разсматриваетъ внѣ времени и пространства, съ абсолютной точки зрѣнія, ни съ чѣмъ не считающейся. Критика такого рода чрезвычайно проста и легка, но и безплодна въ то же время, потому что, ничего не выясняя, она только запутываетъ вопросы.

Такъ и въ данномъ случаѣ, что авторъ, конечно, понимаетъ, почему и не останавливается на упрекахъ трудового, такъ сказать, порядка и дѣлаетъ скачекъ въ сторону критики искусства. Вы служите искусству,—говоритъ онъ, а между тѣмъ не опредѣлили до сихъ поръ, что оно такое,—и начинаетъ съ утомительной подробностью приводить разнорѣчивыя мнѣнія всѣхъ временъ и народовъ по этому предмету. «Какъ богословы разныхъ толковъ, такъ художники разныхъ толковъ исключаютъ и уничтожаютъ сами себя. Послушайте художниковъ теперешнихъ школъ, и вы увидите во всѣхъ отрасляхъ однихъ художниковъ, отрицающихъ другихъ: въ поэзіи—старыхъ романтиковъ, отрицающихъ парнасцевъ и декадентовъ, парнасцевъ, отрицающихъ романтиковъ и декадентовъ; декадентовъ, отрицающихъ всѣхъ предшественниковъ и символистовъ; символистовъ, отрицающихъ

всѣхъ предшественниковъ и маговъ, и маговъ, отрицающихъ всѣхъ своихъ предшественниковъ; въ романѣ—натуралистовъ, психологовъ, натуристовъ, отрицающихъ другъ друга. То же въ драмѣ, живописи и музыкѣ. Такъ что искусство, поглощающее огромные труды народа и жизней человѣческихъ и нарушающее любовь между ними, не только не есть нѣчто ясно и твердо опредѣленное, но понимается такъ разнорѣчиво своими любителями, что трудно сказать, что вообще разумѣется подъ искусствомъ и въ особенности хорошимъ, полезнымъ искусствомъ, такимъ, во имя котораго могутъ быть принесены тѣ жертвы, которыя ему приносятся».

Слѣдуетъ отрицательный, до крайности запутанный отвѣтъ, что такъ какъ всѣ опредѣленія искусства, дѣланныя до сихъ поръ, неточны, невѣрны, сбивчивы, противорѣчивы, то и искусства настоящаго, ради котораго стоило бы приносить «жертвы», нѣтъ. Вся вина эстетиковъ въ томъ, что они вводятъ въ опредѣленіе искусствъ понятіе красоты, которая сама по себѣ тоже не опредѣлима, и каждый понимаетъ ее по своему. Выходъ изъ столь затруднительнаго положенія представляется графу одинъ—изгнать красоту изъ искусства. «Надо перестать смотрѣть на него, какъ на средство наслажденія, а разсматривать искусство, какъ одно изъ условій человѣческой жизни. Разсматривая же такъ искусство, мы не можемъ не увидѣть, что искусство есть одно изъ средствъ общенія людей между собою».

Можно сказать, что графъ открылъ Америку, до него мы и не подозрѣвали, что одно изъ свойствъ искусства есть «общеніе людей между собой» и что одной красоты для искусства мало.. Словами люди выражаютъ мысли, продолжаетъ авторъ, «искусствомъ же люди передаютъ другъ другу свои чувства... Чувства, самыя разнообразныя, очень сильныя и очень слабыя, очень значительныя и очень ничтожныя, очень дурныя и очень хорошія, если только они заражаютъ читателя, зрителя, слушателя, составляютъ предметъ искусства. Чувство самоотреченія и покорности судьбѣ или Богу, передаваемое драмой; или восторга влюбленныхъ, описываемое въ романѣ; или чувство сладострастія, изохраженное на картинѣ, или бодрости, передаваемой торжественнымъ маршемъ въ музыкѣ; или веселья, вызываемаго пляской; или комизма, вызываемаго смѣшнымъ анекдотомъ; или чувство тишины, передаваемое вечернимъ пейзажемъ или убаюкивающей пѣснью,—все это искусство. Какъ зрители-слушатели заражаются тѣмъ же чувствомъ, которое испытывалъ сочинитель, это и есть искусство. Вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній, линій, красокъ, звуковъ, образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство такъ, чтобы другіе испытывали тоже чувство,—въ этомъ состоитъ дѣятельность искусства. Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ».

Таково опредѣленіе графа. Но, какъ и столь презираемое имъ опредѣленіе чистыхъ эстетиковъ, оно съ одной стороны—безпредѣльно, съ другой—одностороннe. Въ свое опредѣленіе графъ впихнулъ все—до анекдота включительно, и не далъ самаго существеннаго признака искусства, который заключается въ *творческомъ* началѣ. Безъ *творчества* нѣтъ искусства. Художникъ творитъ, т. е. изъ матеріала жизни, добытаго наблюденіемъ, онъ создаетъ нѣчто новое, чего до него не было. Стремясь въ звукахъ, краскахъ, образахъ передать это новое такъ, чтобы оно стало достояніемъ и другихъ, художникъ занятъ только *своимъ* чувствомъ, своимъ настроеніемъ. Возможно полнѣе и ярче выразить его—такова его цѣль, которая тѣмъ полнѣе достигается, чѣмъ сильнѣе въ немъ эта способность къ творчеству, которую называютъ талантомъ. Графъ Толстой ни однимъ словомъ не обмолвился о талантѣ, онъ даже не упоминяетъ о немъ,

какъ будто талантъ въ искусствѣ не причемъ. Между тѣмъ, присутствіе таланта составляетъ главный признакъ произведенія искусства. Мы всѣ передаемъ другимъ свои чувства или стремимся передать ихъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ, но никто не рѣшится подвести всю эту многообразную дѣятельность подъ понятіе искусства. Только то мы называемъ произведеніемъ искусства, въ чемъ есть *типичное*, что воспроизводитъ типичное въ жизни. Величайшія произведенія даютъ общечеловѣческіе универсальные типы, другія произведенія— типы мѣстные, своего народа и своего времени.

Затѣмъ, отрицая необходимость элемента красоты въ искусствѣ, графъ лишаетъ его души. Мы никогда не были поклонниками теоріи «искусства для искусства», такъ какъ подобное искусство по существу представляется намъ немыслимымъ. По обыкновенію, графъ ни словомъ не обмолвился о русскихъ критикахъ, которые давнымъ давно указали на недостаточность одной красоты. Приводя массу опредѣленій искусствъ, основанныхъ на понятіи о красотѣ, онъ умолчалъ о Бѣлинскомъ *) и всей послѣдующей русской критикѣ, въ которой получили дальнѣйшее развитіе высказанныя Бѣлинскимъ мысли о цѣляхъ и сущности искусства. Эта критика давно уже установила, что *идея*, *направленіе* всегда присутствуетъ въ истинномъ произведеніи искусства, и всѣ величайшія произведенія отличаются полной гармоніей красоты и идеи, которыя такъ слиты въ нихъ, что ихъ нельзя отдалить безъ уничтоженія самого произведенія. Какъ намъ кажется, въ этомъ и заключается идеалъ искусства, и поскольку то или иное произведеніе къ нему приближается, постольку оно и безсмертно. Можно-ли отдѣлить эти два начала въ «Сикстинской Мадоннѣ», Венерѣ Милосской, въ стихахъ Пушкина, въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ», въ «Фаустѣ» Гёте и въ немногихъ другихъ, стоящихъ на одномъ уровнѣ съ ними, произведеніяхъ, признаваемыхъ величайшими образцами человѣческаго творчества? Красота неотдѣлима отъ искусства, и въ нашей оцѣнкѣ произведеній искусства мы сознательно или безсознательно всегда руководствуемся присутствіемъ красоты, которую, конечно, нельзя представлять въ видѣ лишь внѣшней формы, хотя и послѣдняя есть тоже существеннѣйшая часть въ искусствѣ.

Исключительная погоня за внѣшней красотой, формой, безъ сомнѣнія, является величайшимъ грѣхомъ противъ искусства, и нападки графа на декадентовъ и неудачныхъ символистовъ—вполнѣ справедливы. Но и обратно— пренебреженіе къ формѣ, намѣренное или вслѣдствіе неумѣнія, т.-е. отсутствія того, что составляетъ главную черту таланта,—приводитъ къ уродливостямъ, грубости, и какъ бы ни были похвальны намѣренія творца такого урода, онъ не можетъ быть причисленъ къ области искусства и никогда не будетъ имѣть ни успѣха, ни вліянія. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить «произведенія», подражающія послѣднимъ «народнымъ» разсказамъ графа, разныя повѣстушки г.г. Семеновыхъ и Захарьиныхъ. Ихъ грубая и нелѣпая стряпня, не смотря на рекомендацію самого графа и усердное распространеніе «Посредникомъ», не имѣетъ никакого значенія и врядъ ли кому нужна. Самъ графъ—тоже блестящій примѣръ паденія таланта, разъ онъ намѣренно отдѣлывается отъ художественной красоты въ погонѣ за проповѣдью. Всѣ его произведенія послѣдняго времени не имѣютъ и сотой доли того значенія, какъ его «Война и миръ» или «Анна Каренина», и ужъ, конечно, не они увѣковѣчатъ имя и значеніе графа въ исторіи русской литературы.

Графъ, не отрицаетъ искусства, онъ только недоволенъ тѣмъ искусствомъ, какое мы знаемъ, и желалъ бы вернуть искусство къ тому времени, когда оно еще не отдѣлилось отъ религіи. Въ первое время, говоритъ онъ, искус-

---

*) Мы не останавливаемся на этомъ подробнѣе, потому что выше, въ статьѣ г. Иванова, какъ разъ приведено это блестящее мѣсто изъ сочиненій Бѣлинскаго.

ствомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова называлась не всякая дѣятельность людская, передающая чувства, а лишь та часть ея, «которая передавала чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія людей». Продолженіе статьи должно выяснить, какимъ образомъ былъ бы возможенъ возвратъ къ первоначальному искусству и въ какія формы могло бы оно отлиться въ наши дни. Такая постановка вопроса показываетъ то же отсутствіе соціологической точки зрѣнія. Если искусство дѣйствительно было нѣкогда только дополненіемъ религіознаго культа, то затѣмъ оно, по мѣрѣ усложненія общественныхъ отношеній и развитія новыхъ сторонъ общественной жизни, выдѣлилось, заняло самостоятельное мѣсто въ жизни общества и теперь настолько отдалилось отъ первоначальнаго источника, что прослѣдить самую связь съ нимъ трудно. Чтобы вернуть искусство къ его чисто служебной роли религіознаго культа, надо вернуть общественную жизнь къ первымъ временамъ исторической жизни. Искусства,—какъ и все, впрочемъ,—нельзя брать отдѣльно отъ того, что его окружаетъ, внѣ времени и пространства. Каждая эпоха, каждый общественный строй имѣетъ такое искусство, какое возможно и необходимо при данныхъ условіяхъ, и роль критики выяснять эти соотношенія, а не предписывать искусству задачи и цѣли, не отвѣчающія данному времени и обществу. Искусство все равно пойдетъ своей дорогой, опредѣляемой тысячами неуловимыхъ нитей, сплетенныхъ изъ человѣческихъ потребностей, страстей, взглядовъ, условій труда и прочаго, что мы называемъ культурой данной эпохи.

Эти строки уже были написаны, когда появилась вторая статья графа, въ которой онъ доказываетъ, что искусство должно стать христіанскимъ, чтобы выполнить свою задачу, которая, по его словамъ, заключается въ слѣдующемъ:

«Задача искусства огромна: настоящее искусство, съ помощью науки руководимое религіей, должно сдѣлать то, чтобы то мирное сожительство людей, которое соблюдается теперь внѣшними мѣрами, — судами, полиціей, благотворительными учрежденіями, инспекціями работъ и т. п.,—достигалось бы свободной и радостной дѣятельностью людей. Искусство должно устранять насиліе. И только искусство можетъ сдѣлать это... Искусство должно сдѣлать то, чтобы чувства братства и любви къ ближнимъ, доступныя теперь только лучшимъ людямъ общества, стали привычными чувствами, инстинктомъ всѣхъ людей. Вызывая въ людяхъ, при воображаемыхъ условіяхъ, чувства братства и любви, религіозное искусство пріучитъ людей въ дѣйствительности, при тѣхъ же условіяхъ, испытывать тѣ же чувства, проложитъ въ душахъ людей тѣ рельсы, по которымъ естественно пойдутъ поступки жизни людей, воспитанныхъ искусствомъ. Соединяя же всѣхъ самыхъ различныхъ людей въ одномъ чувствѣ и уничтожая раздѣленіе, всенародное искусство воспитаетъ людей къ единенію, покажетъ имъ не разсужденіемъ, но самою жизнью радость всеобщаго единенія внѣ преградъ, поставленныхъ жизнью. Назначеніе искусства въ наше время—въ томъ, чтобы перевести изъ области разсудка въ область чувства истину о томъ, что благо людей въ ихъ единеніи между собою, и установить на мѣсто царствующаго теперь насилія то царство Божіе, т. е. любви, которое представляется всѣмъ намъ высшею цѣлью жизни человѣчества. Можетъ быть, въ будущемъ наука откроетъ искусству еще новые, высшіе идеалы, и искусство будетъ осуществлять ихъ; но въ наше время назначеніе искусства ясно и опредѣленно. Задача христіанскаго искусства—осуществленіе братскаго единенія людей».

Мы думаемъ, что и столь презираемое графомъ современное искусство служитъ той же цѣли и тѣмъ скорѣе поможетъ намъ осуществить ее, чѣмъ оно будетъ свободнѣе, противъ чего такъ возстаетъ графъ.

Ко второй статьѣ его мы еще вернемся въ слѣдующій разъ.

Признавъ современное искусство сбившимся съ истиннаго пути, графъ въ другой небольшой статейкѣ, служащей введеніемъ къ статьѣ Карпентера «Современная наука» въ мартовской книгѣ «Сѣвернаго Вѣстника», обрушивается

на науку, находя, что и она занимается пустяками для удовлетворенія празднаго любопытства праздныхъ людей. Для людей, говоритъ онъ, нужна одна только наука, которая учитъ, «какъ надо жить, какъ обходиться съ семейными, какъ съ ближними, какъ съ иноплеменниками, какъ бороться съ своими страстями, во что надо, во что не надо вѣрить». Но современная наука вовсе не занимается этими вопросами, предоставивъ ихъ всецѣло религіи. «Люди же науки нашего времени, не признавая никакой религіи и потому не имѣя никакого основанія, по которому они могли бы отбирать, по степени ихъ важности, предметы изученія и отдѣлять ихъ отъ предметовъ менѣе важныхъ и, наконецъ, отъ того безконечнаго количества предметовъ, которые всегда останутся, по ограниченности человѣческаго ума и по безконечности количества этихъ предметовъ, не изученными, составили себѣ теорію—«наука для науки», по которой наука изучаетъ не то, что нужно людямъ, а *все*»...

Далѣе графъ нападаетъ на науку за то, что она служитъ немногимъ сильнымъ, помогая имъ угнетать остальныхъ. Больше всего достается политической экономіи. «Не говоря уже о богословіи, философіи и юриспруденціи, поразительна въ этомъ отношеніи самая модная изъ этого рода наукъ—политическая экономія. Политическая экономія наиболѣе распространенная (Марксъ), признавая существующій строй жизни такимъ, какимъ онъ долженъ быть, не только не требуетъ отъ людей перемѣны этого строя, т. е. не указываетъ имъ на то, какъ они должны жить, чтобы ихъ положеніе улучшилось, но, напротивъ, требуетъ продолженія жестокости существующаго порядка для того, чтобы совершились тѣ—болѣе, чѣмъ сомнительныя—предсказанія о томъ, что должно случиться, если люди будутъ продолжать жить такъ же дурно, какъ они живутъ теперь». Всѣ усовершенствованія и открытія техники, гигіена и медицина только усиливаютъ существующее зло. И такъ будетъ продолжаться, пока наука не измѣнитъ своей цѣли и своего метода. «Наша наука для того, чтобы сдѣлаться наукой и дѣйствительно быть полезной, а не вредной человѣчеству, должна прежде всего отречься отъ своего опытнаго метода, по которому она считаетъ своимъ дѣломъ только изученіе того, что есть, а вернуться къ тому единственному разумному и полезному пониманію науки, по которому предметъ ея есть изученіе того, какъ должны жить люди. Въ этомъ цѣль и смыслъ науки».

Уже не первый разъ графъ дѣлаетъ вылазки противъ науки, и приведенныя здѣсь мысли его можно найти разсѣянными во всѣхъ его сочиненіяхъ послѣдняго періода. Ставъ проповѣдникомъ, графъ сначала отрицалъ совсѣмъ науку, теперь онъ желаетъ, чтобы она вернулась вспять, къ эпохѣ среднихъ вѣковъ, когда дѣйствительно наука была нераздѣльна съ религіей, и теологія была наукой всѣхъ наукъ. Не мѣшало бы только вспомнить, каковы были результаты средневѣковой науки, о чемъ можно прочесть въ любомъ учебникѣ. Жилось ли людямъ тогда легче, едва ли усомнится и графъ Толстой, хотя именно тогда его идеалъ науки былъ осуществленъ въ полной мѣрѣ. Наука занималась не тѣмъ, что есть, а лишь искала поученій, какъ надо жить, а жизнь людей съ первой минуты появленія на свѣтъ и до могилы и была опутана правилами поведенія, разъ навсегда предписанными. Всякое нарушеніе ихъ уже было преступленіемъ, потому что предписывались они именно наукой, основанной и истекающей изъ религіи, слѣдовательно, являлись освященными божествомъ. Всякая попытка изслѣдованія того, что есть, разсматривалось, какъ бунтъ именно противъ божества и соотвѣтственно каралось. И долгимъ, тяжкимъ путемъ завоевало человѣчество свою свободу отъ такой науки, отмѣчая каждый шагъ на этомъ пути кровавыми слѣдами. Темницы Галилея, костры Сервета и Джордано Бруно—вотъ этапы на томъ пути, на который графъ желалъ бы повернуть науку, въ добромъ, конечно, намѣреніи облегчить жизнь человѣчеству. Но не затѣмъ завоевало это послѣднее право на свободное изслѣдованіе—и завоевало именно

«опытнымъ методомъ»,—чтобы теперь отказаться отъ этого права и, по «щучьему велѣнью», по графскому хотѣнью, добровольно наложить на себя ярмо. Мало того, оно и не могло бы этого сдѣлать: «на поприщѣ ума нельзя намъ отступать», и разъ пройденная ступень культуры уже не повторяется. А если такъ, то всѣ разсужденія графа не суть ли «пустыя слова»?

Наука, утверждаетъ графъ, служитъ меньшинству для угнетенія большинства. Во-первыхъ, это невѣрно фактически. Современное угнетеніе, въ вѣкъ пара и электричества, неизмѣримо меньше, чѣмъ во времена Торквемады и «Домостроя». А во-вторыхъ, не наука сама по себѣ служитъ къ угнетенію, какъ не виноватъ ножъ, которымъ Равальякъ поразилъ Генриха IV. Мы опять и опять видимъ въ разсужденіяхъ графа полное пренебреженіе къ соціологической точкѣ зрѣнія. Если бы, какъ то полагаетъ графъ, можно было словомъ убѣдить всѣхъ измѣнить существующія общественныя отношенія, тѣ же паръ и электричество служили бы непосредственно всѣмъ, какъ, впрочемъ, и теперь служатъ, хотя косвенно. Какъ несправедливо обвиняетъ графъ служителей искусства, что они увеличиваютъ тяготу народа, такъ еще болѣе несправедливъ онъ въ этихъ обвиненіяхъ противъ людей науки. Ихъ еще меньше, чѣмъ дѣятелей искусствъ, и затраты общества на ихъ содержаніе прямо ничтожны, а по сравненію съ приносимой ими пользой и говорить о нихъ нельзя, даже съ классовой точки зрѣнія. Во всѣхъ представительныхъ правленіяхъ именно представители рабочаго класса стоятъ всегда за ассигновки на науку, такъ какъ они понимаютъ, что каждое новое завоеваніе ея приближаетъ ихъ къ измѣненію общественнаго строя въ выгодномъ для нихъ направленіи.

Наука для науки въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это графъ, есть его измышленіе, но если понимать подъ этимъ свободу въ выборѣ предметовъ изслѣдованія, то это главный базисъ научнаго прогресса. Лишить ученыхъ этой свободы значило бы убить науку. «Духъ идѣ же хощеть—дышетъ», и только при этомъ условіи онъ можетъ дѣйствовать и дѣло его будетъ плодотворно. Всегда и вездѣ попытки къ ограниченію свободы научнаго изслѣдованія вели къ упадку общества, правда, лишь временному, потому что сковать духъ науки нельзя. Это вѣковѣчная борьба Прометея съ Зевсомъ, въ которой послѣдній всякій разъ со стыдомъ уступаетъ.

«Пустыя слова» графа не новы и не интересны. Не разъ и не два приходилось человѣчеству считаться съ нападками на науку, и всегда наука выходила побѣдительницей, въ новомъ блескѣ всесокрушающей правды, торжеству которой она только и служитъ, только его и имѣетъ въ виду. Не сладко жилось людямъ прежде, не сладко имъ живется и теперь, но если впереди мы все же видимъ просвѣтъ, можемъ надѣяться на лучшее будущее, то лишь благодаря наукѣ, которая за краткій сравнительно періодъ исторической жизни человѣчества сдѣлала много и, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ въ будущемъ неизмѣримо больше.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Продовольственное дѣло въ Россіи. 12-го, 13-го и 14-го марта въ вольно-экономическомъ обществѣ происходили засѣданія по вопросу о продовольственномъ дѣлѣ въ Россіи. Оченью этого года, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Россію опять постигъ неурожай и есть основанія опасаться повторенія печальной памяти 1891—1892 года, совѣтъ общества обратился съ письмомъ къ мѣснымъ дѣятелямъ въ земствѣ и сельскохозяйственныхъ обществахъ съ просьбою принять участіе въ трудахъ общества по выясненію продовольственныхъ вопросовъ. На этотъ призывъ откликнулись многіе земскіе дѣятели, пріѣхавшіе въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ засѣданіяхъ вольно-экономическаго общества. На первомъ засѣданіи были прочитаны два доклада: «о размѣрахъ неурожая текущаго года», составленный г-номъ Лосицкимъ, и «о способахъ опредѣленія продовольственной и сѣмянной нужды и мѣрахъ къ ея устраненію въ текущемъ году, преимущественно въ земскихъ губерніяхъ», прочитанный секретаремъ общества г. Кулябко-Корецкимъ. Приведемъ вкратцѣ главныя данныя перваго доклада, пользуясь изложеніемъ его въ «Сынѣ Отечества»:

По оффиціальнымъ подсчетамъ центральнаго статистическаго комитета сборъ хлѣбовъ въ 60 губерніяхъ Россіи въ 1897 г. составляетъ $^4/_5$ сбора ихъ въ предшествующее, вообще говоря, урожайное четырехлѣтіе, и не достигаетъ на $^1/_8$ средняго сбора хлѣбовъ въ періодъ 1889—1892 гг., составившійся, какъ извѣстно, изъ двухъ неурожайныхъ и двухъ средне-урожайныхъ лѣтъ. По отношенію же ко всему послѣднему 8-лѣтію, недоборъ 1897 г. опредѣляется въ 8 проц. средняго сбора. Изъ сказаннаго видно, что постигшее насъ въ этомъ году бѣдствіе, по среднему разсчету, не можетъ сравниться съ бѣдствіемъ 1891 г., но общественное мнѣніе все-таки приравниваетъ неурожай 1897 г. именно къ неурожаю 1891 г. И оно врядъ ли значительно въ этомъ ошибается, несмотря на то, что районъ неурожая распространяется теперь на меньшую площадь, чѣмъ прежде.

Дѣйствительно, недородъ хлѣбовъ въ размѣрѣ болѣе 10 проц. средняго сбора, охватилъ въ 1891 г. 41 губернію, а 1897 г. только 19. Но, чтобы дать правильную оцѣнку обоихъ лѣтъ, необходимо принять во вниманіе различіе районовъ распространенія неурожаевъ 1891 и 1897 гг. Въ обоихъ случаяхъ неурожай посѣтилъ центральныя черноземныя губерніи, но тогда какъ въ 1891 г. районъ недобора распространялся отсюда на сѣверо-востокъ, гдѣ земледѣліе вообще не играетъ первостепенной роли и недоборъ въ 10 проц. не имѣетъ большого значенія, а юго-восточныя губерніи дали баснословный сборъ,—въ 1897 г. послѣдній, обширный хлѣбородный районъ и потерпѣлъ наибольшій ущербъ, а именно: недоборъ около 10 проц. имѣлъ мѣсто въ 1897 г. въ Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Нижегородской, Харьковской, Подольскй и Кіевской губ., а недоборъ выше этого распространился на 4 юго-восточныя области: Астраханскую и Ставропольскую губ., Донскую и Кубанскую области, 5 центральныхъ черноземныхъ губерній: Воронежскую, Курскую, Орловскую, Тульскую, Рязанскую и затѣмъ на

Оренбургскую, Московскую и Калужскую губерніи. Такимъ образомъ, за исключеніемъ 2—3 губерній, неурожаю подверглись именно районы господства земледѣльческаго промысла; при этомъ въ двухъ губерніяхъ урожай опредѣляется въ размѣрѣ 70 проц. обычнаго, въ 4 губ. въ размѣрѣ 60—65 проц., въ 4 губ. 50—60 проц., а въ Донской области не получено и половины, въ Ставропольской же губ. собрана только 1/4 часть обычнаго сбора.

Принимая во вниманіе указанное выше различіе районовъ распространенія неурожая въ 1891 и 1897 гг. и устраняя изъ разсчета перваго года сѣверныя и сѣверо-восточныя нечерноземныя губ., имѣющія болѣе промышленный характеръ, мы получимъ, что главный районъ неурожая въ 1891 г. былъ образованъ 25-ю губерніями, а въ 1897 г.—19-ю. Пострадавшее отъ неурожая населеніе исчислялось въ первомъ случаѣ въ 47 милл., а во второмъ—въ 34 милл.; наконецъ, съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель собрано, за вычетомъ сѣмянъ, въ 1891 году 8,9 пуд. хлѣба на душу, а въ 1897 г.—9,7 пуд. хлѣба. Выдѣляя наиболѣе пострадавшіе районы, т. е. такіе, гдѣ урожай не превосходилъ 70-ти проц. обычнаго,—придется отнести сюда въ 1891 году 16 губерній, съ 30 милл. сельскаго населенія, а въ 1897 г.—12 губерній, съ населеніемъ въ 19 мил. Здѣсь было собрано хлѣбовъ въ среднемъ на душу: въ 1891 г. 19 пудовъ, а въ 1897 г. 20 пуд.; собственно же съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель получено: въ 1891 году 6,4 пуда, а въ 1897 г. 7,9 пуд. на душу. Это значитъ, что крестьянское населеніе особенно пострадавшихъ губерній собрало со своихъ земель количество хлѣба, достаточное для его прокормленія въ 1891 г. въ теченіе 4—5 мѣс., а въ 1897 г.—въ теченіе 5—6 мѣсяцевъ; лишній мѣсяцъ питанія своимъ хлѣбомъ,—слѣдуетъ добавить, уже истекающій—вотъ что имѣетъ крестьянинъ неурожайнаго района въ текущемъ году, сравнительно со своимъ собратомъ 6 лѣтъ тому назадъ. Къ этому слѣдуетъ добавить еще, что цѣны на хлѣбъ въ настоящемъ году не достигли такой высоты, какъ въ 1891 г., чѣмъ отчасти объясняется тотъ фактъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, особенно пораженныхъ неурожаемъ мѣстностей, нужда не имѣетъ такого остраго характера, какъ въ 1897 г.

Докладъ г-на Лосицкого былъ дополненъ членомъ общества Н. Ѳ. Анненскимъ, который выяснилъ, что «несмотря на то, что нынѣшній недородъ охватилъ меньшее число губерній и высота цѣнъ на хлѣбъ и не достигла теперь того, что было въ 1891 г., но, тѣмъ не менѣе, многія мѣстности оказались въ очень тяжкомъ положеніи, въ особенности, если принять въ разсчетъ, что изъ 19 губерній, подвергшихся нынѣ недороду, 13, это—тѣ же губерніи, которыя пострадали и въ 1891 г. Задолженность этихъ 13 губ. значительная. Въ 1891—1892 гг. истрачено было на продовольствіе пострадавшихъ отъ недорода губерній 151 милл. 450 т. р. Изъ этого 123 милл. пошли на 13 пострадавшихъ губерній. Продовольственнаго долга значится всего 110 милл., изъ нихъ 88 милл. приходится на долю 13 злополучныхъ губ. Если и въ урожайные годы не покрывались недоимки, то какъ же теперь? Какія же могли быть сбереженія? На населеніи лежали еще и разные другіе платежи. Мы знаемъ, что были ходатайства о разсрочкѣ уплаты податей, но не знаемъ, какой послѣдовалъ результатъ. Между тѣмъ, цифры намъ показываютъ, что за 11 мѣсяцевъ 1896 года населеніемъ внесено платежей $78^5/_{10}$ милл., а за 11 мѣсяцевъ 1897 года внесено 75 милл.. т. е. и нынѣ какой-либо крупной пріостановки платежей не было. Но въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ главнѣйшіе заработки — земледѣльческіе, между тѣмъ, здѣсь былъ неурожай, и здѣсь-то рабочія руки превышали спросъ; поэтому мы видимъ здѣсь самыя низкія платы за трудъ. Мало этого: оказался пораженнымъ недородомъ районъ, гдѣ искони бывали заработки. На югѣ тоже больше предложеній труда, чѣмъ спроса. Ко всему этому, въ Бессарабіи и въ Херсонской губ., гдѣ нужны были рабочія руки, ихъ во время не было и конкурренцію рабочимъ составляли мѣстныя войска. Мы все еще до сихъ поръ думаемъ, какъ бы упоря-

лечить рабочій вопросъ, какъ бы и куда во-время направить рабочихъ, но додумались только до рабочихъ книжекъ, до штрафовъ съ рабочихъ и т. п. Можетъ быть, крестьянство могло бы спастись продажею лишняго скота? Но этого-то и не было. Въ пострадавшихъ мѣстностяхъ уже давно началась распродажа скота по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ. Смертность особенная, исключительная уже грозитъ и не отъ одного голода. Въ 1891—1892 г., при большей помощи и отъ правительства, и отъ земства, и частной (чего теперь еще нѣтъ), мы расплатились за недородъ 650.000 лишними смертями. Въ 20 губерніяхъ населеніе подвинулось не въ умноженіи, а въ вымираніи. Положимъ, 135.000 унесла холера, но 332.000 лишнихъ смертей пало на болѣзни, связанныя съ питаніемъ. Какже теперь будетъ населеніе? Всего острѣе вопросъ именно теперь съ марта по іюнь. Въ 1891 году 60 проц. всѣхъ продовольственныхъ выдачъ было именно въ эти мѣсяцы, а нынѣ намъ приходится слышать про требованіе, чтобы чуть ли не къ 15 апрѣля всѣ продовольственныя выдачи были прекращены». (Цитировано по «Спб. Вѣдомстямъ»).

Прочитанный затѣмъ докладъ г-на Кулябко-Корецкаго далъ довольно полную картину дѣятельности центральной и мѣстной власти въ продовольственномъ вопросѣ.

Продовольственная кампанія открылась циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ съ предложеніемъ созвать при управахъ особыя мѣстныя совѣщаніи, причемъ имѣлось въ виду опредѣлить количество хлѣба, собраннаго населеніемъ, опредѣлить размѣры продовольственной и сѣмянной нужды и изыскать способы ея удовлетворенія. Земства занялись разработкой всего этого и оказалось, что нужда весьма значительна во многихъ губерніяхъ и требуетъ непремѣннаго и немедленнаго удовлетворенія. Докладъ совѣта, составленный на основаніи присланныхъ земствами матеріаловъ и данныхъ, констатируетъ, между прочимъ, что, несмотря на все несовершенство статистики, земства серьезно принялись за дѣло, имѣя по нѣскольку собраній и высчитали нужду въ крупныхъ размѣрахъ, считая, напр., по 10 ф. въ мѣсяцъ на дѣтей отъ 2—5 лѣтъ, по 15 ф. на 5—10 лѣтъ и по 30 ф. на остальныхъ. Къ сожалѣнію, министерство внутреннихъ дѣлъ въ своихъ циркулярахъ вело рѣчь лишь «о нѣкоторомъ облегченіи нуждъ недостаточнаго населенія» или о помощи «въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ», а это повело къ тому, что большинство земствъ стѣснялось въ полномъ высчитываніи нужды. Затѣмъ, какъ оказывается, министерство, кромѣ того, постоянно возражало противъ сдѣланныхъ подсчетовъ, нерѣдко урѣзывало ихъ, и многія заявленія земствъ сводятся къ тому, что установленный размѣръ ссудъ оказывается далеко недостаточнымъ, въ особенности принимая во вниманіе сокращеніе подсчетовъ на обсѣмененіе, противъ чего было не мало протестовъ земствъ. Относительно неземскихъ губерній, пострадавшихъ отъ недорода, совѣту общества приходилось довольствоваться въ своемъ докладѣ лишь отрывочными газетными свѣдѣніями, причемъ констатируется печальное замалчиваніе мѣстною печатью жизненныхъ свѣдѣній о недородѣ, или идиллическое описаніе дѣла. Между прочимъ, выясняется въ докладѣ, что многія земства ходатайствовали кромѣ того, напр.: о пріостановленіи взысканія податей, о выдачѣ населенію безвозмездно топлива изъ казенныхъ лѣсовъ, объ открытіи общественныхъ работъ, о пониженіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ кормовыхъ средствъ, о запрещеніи вывоза отрубей, о льготной перевозкѣ артелей рабочихъ и т. п. Результаты ходатайствъ неизвѣстны. Въ концѣ своего доклада совѣтъ общества приходитъ къ выводу, что мѣры, принятыя въ неурожайныхъ губерніяхъ, къ разрѣшенію продовольственнаго вопроса и въ частности къ обсѣмененію полей, не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ размѣрамъ нужды, которая становится весьма острою именно теперь—съ марта.

Въ преніяхъ по продовольственному вопросу принимали самое дѣятельное участіе земскіе дѣятели. Представители земства Курской, Орловской и Воронеж-

ской губ. указывали на многія неудобства, сопряженныя съ доставкою хлѣба въ нуждающіяся мѣстности черезъ посредство министерства финансовъ. Такъ, князь Долгорукій, представитель курскаго губернскаго земства, заявилъ, что уполномоченные министерства финансовъ закупали хлѣбъ, по большей части, тутъ же на мѣстахъ и, вслѣдствіе незнакомства съ мѣстными условіями и торопливости, съ которой производились эти операціи, покупали хлѣбъ плохого качества и по дорогой цѣнѣ. Предводитель дворянства Суджанскаго уѣзда, г-нъ Евреиновъ, въ подтвержденіе словъ князя Долгорукаго, обрисовалъ положеніе дѣла въ Суджанскомъ уѣздѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда виды на урожай уже достаточно выяснились, земство ходатайствовало о созывѣ экстреннаго собранія, на которомъ предполагалось принять мѣры для закупки хлѣба на продовольствіе населенія въ теченіе будущаго года. Это ходатайство не было удовлетворено, и только въ ноябрѣ было устроено совѣщаніе у губернатора, на которомъ было постановлено ходатайствовать о ссудѣ для покупки хлѣба. Но за это время цѣна хлѣба, стоявшая въ іюнѣ 40 к. за пудъ, успѣла подняться до 70 коп. Было вычислено, что для помощи населенію требуется 700.000 пудовъ ржи. Министерство финансовъ взялось доставить этотъ хлѣбъ, но, промедливъ еще съ мѣсяцъ, доставило не 700.000 пуд., а всего 100.000 пуд., и притомъ не перваго качества! Представители орловскаго и воронежскаго земства точно также заявили, что въ ихъ губерніи хлѣбъ для нуждающихся былъ доставленъ поздно, когда населеніе уже терпѣло острую нужду, и кромѣ того, былъ закупленъ по дорогой цѣнѣ и плохого качества. Были случаи забракованія цѣлаго вагона хлѣба, оказавшагося со спорыньей. Вообще, всѣ ораторы склонялись къ тому мнѣнію, что операцію покупки хлѣба для голодающихъ мѣстностей лучше всего предоставить самимъ земствамъ, какъ учрежденіямъ, ближе стоящимъ къ населенію и хорошо знакомымъ съ мѣстными условіями.

Переходя къ вопросу о мѣрахъ для борьбы съ голодовками, представители земствъ указывали на новозможность для земства правильно выполнить функціи по продовольствію населенія, какъ и вообще многія другія, по причинѣ отсутствія болѣе мелкой самоуправляющейся единицы, причемъ разногласія возникали только относительно размѣра этой желательной единицы (волость, приходъ, селеніе). Говорили затѣмъ, что для правильнаго разрѣшенія продовольственнаго дѣла вообще необходимо расширеніе состава земскихъ собраній, ослабленіе крестьянскаго малоземелья, большее участіе печати и т. п. Ѳ. И. Родичевъ остановился на вопросѣ о томъ, что неурожай правильно посѣщаетъ почти исключительно черноземный районъ, что зависитъ отъ господства экстенсивнаго хозяйства, обусловливаемаго въ свою очередь, отсутствіемъ накопленія у насъ знаній и капиталовъ, а для перехода къ интенсивному земледѣлію необходима интенсивно-живущая и дѣйствующая личность; главная причина указаннаго выше явленія заключается въ существованіи у насъ условій, стѣсняющихъ дѣятельность личности.

Г-нъ Струве, присоединяясь къ мнѣнію г-на Родичева, замѣтилъ, что затраты на помощь голодающему крестьянству должны ложиться на все населеніе и распредѣляться сообразно съ принципами налоговой справедливости.

Въ засѣданіи 19-го марта были прочтены выработанныя совѣтомъ предложенія, которыя были приняты собраніемъ съ незначительными редакціонными измѣненіями. Относительно мѣропріятій для непосредственной помощи голодающимъ, вольно-экономическое общество постановило: 1) обратиться къ обществу Краснаго Креста съ сообщеніемъ ему имѣющихся у него данныхъ о размѣрахъ переживаемой неурожайнымъ райономъ нужды и съ просьбой придти на помощь голодающему населенію, 2) ассигновать изъ запаснаго капитала общества сумму для той же цѣли помощи пострадавшимъ, 3) открыть среди членовъ вольно-экономическаго общества подписку на тотъ же предметъ, 4) уполномо-

чить совѣтъ общества принимать пожертвованія отъ частныхъ лицъ и учрежденій для спеціальнаго назначенія, или для помощи голодающимъ вообще; стекающіяся такимъ образомъ въ руки общества суммы направлять въ мѣстности, наиболѣе нуждающіяся, отдавая ихъ въ распоряженіе земскихъ управъ, благотворительныхъ учрежденій, членовъ самого общества и другихъ извѣстныхъ обществу лицъ, организовавшихъ въ томъ или другомъ видѣ (столовыя и т. п.) помощь нуждающемуся населенію, и принимая мѣры къ тому, чтобы пособія оказывались преимущественно лицамъ, не получающимъ продовольственныхъ ссудъ.

Переходя затѣмъ къ вопросу о болѣе общихъ мѣрахъ помощи населенію въ текущемъ неурожайномъ году, вольно-экономическое общество пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Извѣстно, что циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ, изданнымъ для регулированія пособія, назначаемаго населенію изъ продовольственныхъ капиталовъ, контингентъ лицъ, имѣющихъ право на ссуду, ограничивается женскимъ, полурабочимъ и дѣтскимъ (до трехлѣтняго возраста) населеніемъ, что норма пособія принята въ 30 фунт. въ мѣсяцъ на человѣка и что выдача ссудъ ограничивается періодомъ времени не дальше 1 мая текущаго года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстно, что пособія выдаются населенію только для пропитанія людей и ничего не дѣлается для поддержанія крестьянскаго скотоводства. Въ своихъ резолюціяхъ вольно-экономическое общество коснулось прежде всего этихъ именно ограниченій.

Исходя изъ того положенія, что исключенное изъ разсчета ссудъ мужское рабочее населеніе въ дѣйствительности будетъ продовольствоваться изъ той же ссуды, такъ какъ съ наступленіемъ времени полевыхъ работъ оно не можетъ обратиться для добычи средствъ пропитанія къ постороннимъ заработкамъ, а должно оставаться дома для занятій въ собственномъ хозяйствѣ; что за недостаточностью ссуды крестьяне обратятъ на продовольствіе яровыя сѣмена, назначенныя для весенняго посѣва, продадутъ скотъ, запродадутъ впередъ свою рабочую силу, войдутъ въ значительные долги и все-таки не добудутъ средствъ для достаточнаго пропитанія, отчего послѣдуетъ физическое ослабленіе и усиленіе болѣзненности; принимая во вниманіе, что тяжелая работа, предстоящая весной и лѣтомъ крестьянину, требуетъ, напротивъ того, сохраненія полной физической силы и самого населенія, и его рабочаго скота,—вольно-экономическое общество приходитъ къ заключенію, что примѣненіе циркуляра, о которомъ идетъ рѣчь, кромѣ указанныхъ послѣдствій, будетъ имѣть еще результатомъ плохую обработку полей и сокращеніе площади яровыхъ посѣвовъ, т. е. сдѣлаетъ весьма вѣроятнымъ повтореніе неурожая и въ текущемъ году. Для предупрежденія этого явленія, вольно-экономическое общество постановило:

1) войти въ подлежащія сферы съ ходатайствомъ о томъ, чтобы ссуды изъ продовольственныхъ капиталовъ исчислялись по болѣе высокой нормѣ, распространились на рабочее мужское населеніе, занятое въ собственномъ хозяйствѣ, и выдавались на время до новаго сбора хлѣба и 2) возбудить ходатайство объ оказаніи земству кредита для снабженія населенія къ началу полевыхъ работъ скотомъ на льготныхъ условіяхъ и объ установленіи пониженнаго тарифа на перевозку скота, пріобрѣтеннаго для этой цѣли.

Получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ лицъ, прибывшихъ изъ неурожайныхъ районовъ, свѣдѣнія о томъ, что подати и недоимки взыскиваются съ пострадавшаго населенія обычнымъ порядкомъ, вольно-экономическое общество положило ходатайствовать передъ министерствомъ финансовъ о пріостановленіи принудительнаго ихъ взысканія въ пострадавшемъ районѣ вообще и въ особенности — взысканія ихъ съ семей, получающихъ продовольственную ссуду.

Вѣсти изъ деревни. Въ видѣ иллюстраціи къ вышеприведеннымъ преніямъ въ вольно-экономическомъ обществѣ, сообщаемъ письмо одного «Козловскаго помѣщика» въ «Новомъ Времени», изъ Козловскаго уѣзда, Тамбовской губ.:

«Получая изъ Козловскаго уѣзда, отъ близко знакомыхъ людей, много писемъ о народномъ бѣдствіи, я считаю важнымъ познакомить публику съ извлеченными изъ нихъ данными. Эти свѣдѣнія вѣрны, такъ какъ давшія ихъ лица хорошо знаютъ бытъ мѣстнаго населенія.

«Картина однообразная—повсюду недостатокъ: 1) въ соломѣ, которою мужики топятъ печи и кормятъ скотину; на солому не оказывается имъ никакой вовсе помощи (ее покупали уже съ осени, даже—помѣщики, и потомъ у мужиковъ оказался полнѣйшій недостатокъ ея; скотину распродали въ огромномъ количествѣ, а оставшуюся нечѣмъ кормить); 2) въ хлѣбѣ (многіе, питающіеся обыкновенно собственнымъ хлѣбомъ до апрѣля, въ этотъ разъ покупали его съ осени, иногда—съ августа); ссуда хлѣбомъ выдавалась изъ общественныхъ магазиновъ въ такомъ количествѣ, что выданнаго на мѣсяцъ хватало часто недѣли на двѣ; послѣ истощенія общественныхъ магазиновъ, должно помогать земство, выдавая въ томъ же размѣрѣ «дополнительную ссуду», но средства у земства гораздо меньше того, что мѣстные дѣятели считаютъ нужнымъ. Итакъ, въ лучшемъ случаѣ, мужикъ живетъ впроголодь и то далеко не дотягиваетъ до новой выдачи и во всякомъ случаѣ мерзнетъ безъ топки. Крестьянскій слой средней зажиточности обратился въ совершенныхъ бѣдняковъ. Ушедшіе въ города, даже въ Ростовъ, возвращаются вслѣдствіе безработицы. Нужны деньги во что бы то ни стало, чтобы «перебиться». И мѣстные люди объясняютъ, что значитъ «перебиваться». «Они забираютъ и забираютъ деньги подъ работы, которыхъ не въ силахъ будутъ исполнить. Имѣя одну лошадь, берутъ у насъ заработки (на будущее лѣто), которыя подъ-силу одной лошади, затѣмъ также нанимаются у другихъ, какъ будто у насъ не нанялись» и т. д. Набирая денегъ у однихъ, у другихъ, у третьихъ, мужики столько надавали обязательствъ на работы будущаго лѣта, что все это исполнить—физически немыслимо. При патріархальности отношеній, никакая регламентація не можетъ остановить этого. Когда имъ съ негодованіемъ указываютъ, что это нечестно, они отвѣчаютъ: «не помирать же голодною смертью». Между тѣмъ, если въ началѣ года мужики могли еще добывать деньги такимъ образомъ, то вѣдь потомъ и этотъ путь закрылся. Иные взяли «заработки съ лошадьми» и продали лошадей. Менѣе бѣдные продаютъ хорошую лошадь, покупаютъ за половину этой цѣны клячу и корма на остальныя деньги. Въ будущемъ году работы будутъ исполняться на плохихъ истощенныхъ лошадяхъ; притомъ всѣ мужики такъ опутаны долгами и условіями на работы, что положеніе ихъ будетъ прямо безвыходное. Въ печати часто доказываютъ, что даровая помощь развращаетъ мужика; но болѣе ли нравственны тѣ пріемы, къ которымъ они принуждены прибѣгать, когда имъ предоставлено «перебиваться»?

«Эти долги поглотили заработную плату будущаго лѣта; до самаго новаго урожая мужики не будутъ въ состояніи прокармливаться сами, потому что получили уже плату за работы; кромѣ того, они будутъ обязаны отдавать полученный хлѣбъ въ общественные магазины; земству же, поскольку оно будетъ въ состояніи помочь дополнительною ссудою, мужики должны будутъ возвратить денежную стоимость этой ссуды—слѣдовательно, если хлѣбъ будетъ вдвое дешевле (что очень возможно), то придется отдавать два пуда за пудъ! Такъ вотъ картина крестьянства будущимъ лѣтамъ и осенью: вмѣсто хорошихъ лошадей, будутъ истощенныя клячи, а у многихъ не будетъ и тѣхъ; за всѣ работы съ избыткомъ деньги взяты и проѣдены, всѣ въ неоплатныхъ долгахъ; подати будутъ брать за 2 года, такъ какъ въ этотъ разъ удалось собрать только часть;

въ магазины будутъ отдавать хлѣбъ, а земству выплачивать деньгами, по нынѣшней двойной цѣнѣ. «Просто подумать страшно,» говорятъ на мѣстѣ.

«Къ посѣтителямъ перваго села начался наплывъ и сосѣднихъ крестьянъ. «Пришли всѣ *** со старостою: мы совсѣмъ добились... Сидимъ въ избахъ въ тулупахъ и безъ хлѣба». Нѣсколько дней спустя они пришли снова: «ѣдимъ черезъ день, топимъ сараями». Служащій изъ другой деревни говоритъ: «въ П** совсѣмъ плохо. хлѣба нѣтъ, соединяются по двѣ семьи въ одну избу, топки совсѣмъ нѣтъ». О такихъ случаяхъ соединенія двухъ семействъ приходилось слышать и изъ другихъ мѣстностей.

«Подворный осмотръ и въ сосѣднихъ деревняхъ вездѣ обнаруживаетъ крайне бѣдственное положеніе; предыдущія свѣдѣнія даютъ о немъ достаточное понятіе. Уничтожаются крыши и постройки; попадаются даже случаи топленія сѣнами!

«Сосѣдніе помѣщики, видѣвшіе болѣе отдаленныя мѣста, другія волости, столь же поражены степенью, какъ и распространенностью бѣдствія. Кромѣ различныхъ случаевъ голодовки, они видѣли въ цѣлыхъ деревняхъ раскрытыя постройки, избы, не топленныя по нѣсколько дней подъ-рядъ; не имѣя соломы, бабы подымятъ сырыми щепками, столбами двора, обрубкомъ ветелки, закроютъ трубу, заткнутъ даже одеждами, чтобы нисколько не пропало тепла, и люди не согрѣются, а угорятъ, такъ что «привыкли другъ друга вытаскивать за ноги изъ избы». Избы такъ пропитаны сыростью, что иногда предметъ, вынутый посѣтителемъ изъ кармана и положенный на столъ, чрезъ нѣсколько минутъ дѣлается совсѣмъ сырой. И въ этой сырости живутъ маленькія дѣти! Такъ «перебивается» народъ.

«Объ описанныхъ деревняхъ уже позаботилась частная помощь, и авторы этихъ писемъ для себя не просятъ ничего; но дальше нѣтъ никого помогающаго, а голодъ и холодъ повсемѣстны въ округѣ. На это мы и хотѣли обратить вниманіе читателей!»

Крестьяне въ земствѣ. Корреспондентъ «Недѣли» сообщаетъ о любопытныхъ дебатахъ, происходившихъ въ новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи при обсужденіи предложенія объ измѣненіи порядка выбора гласныхъ отъ крестьянъ и наложенія на нихъ взысканій земскими начальниками.

«Это предложеніе вызвало среди собранія почти общее негодованіе... Многіе стали доказывать, что это чуть ли не противодѣйствіе намѣреніямъ и цѣлямъ правительства. Естественно, что при господствѣ подобнаго настроенія, не многимъ приходила охота доказывать противное. Рискнули говорить двое гласныхъ: гг. А. М. Тютрюмовъ и И. С. Соколовъ, но ихъ доводы еще болѣе обострили вопросъ. Гл. Тютрюмовъ просто былъ заглушенъ поднявшимся ропотомъ многихъ, шумно поднявшихся и повалившихъ вонъ изъ залы засѣданія, стуча стульями и громко протестуя. Гл. Соколовъ—отъ крестьянъ, единственный представитель крестьянства на всю губернію. Указавъ на свое исключительное положеніе, этотъ гласный сталъ говорить о ненормальности положенія въ земствѣ гласныхъ отъ крестьянъ; по его словамъ, гласные отъ крестьянъ не избираются, а просто назначаются земскими начальниками, дѣлающими представленія объ избранныхъ губернатору, который при утвержденіи, конечно, не можетъ не руководствоваться этими представленіями. Говоря о нынѣшнемъ составѣ земскихъ собраній при полномъ отсутствіи крестьянскаго представительства, г. Соколовъ уподобилъ нынѣшнія собранія «мудрствующимъ консультантамъ при отсутствіи больного». Далѣе гл. Соколовъ замѣтилъ, что его не радуютъ даже слухи о томъ, что число гласныхъ отъ крестьянъ будетъ увеличено; въ этомъ онъ видитъ лишь полное торжество въ будущемъ земскихъ начальниковъ, которые будутъ являться на земскія собранія со штатомъ хорошо дисциплинированныхъ своихъ же ставленниковъ.

Послѣ всего этого надо удивляться, что собраніе довольно дружно приняло предложеніе о нѣкоторой «неприкосновенности» гласныхъ отъ крестьянъ со стороны земскихъ начальниковъ. По предложенію одного гласнаго, поддержанняго гл. Соколовымъ, собраніе нашло желательнымъ, чтобы гласные отъ крестьянъ, во время пребыванія ихъ въ этой должности, подлежали бы усмотрѣнію общаго суда, а не единоличной власти земскихъ начальниковъ или даже съѣздовъ. Ходатайство это вызвано тѣмъ, что нѣкоторые земскіе начальники (въ Новг. губ.), налагая дисциплинарныя взысканія въ отношеніи къ гласнымъ отъ крестьянъ, сажали ихъ подъ арестъ какъ разъ во время сессіи земскаго собранія».

Городское населеніе Европейской Россіи. «Русскія Вѣдомости» приводятъ слѣдующія свѣдѣнія о городскомъ населеніи Европейской Россіи по даннымъ переписи 1897 г., опубликованнымъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ: Городское населеніе составляетъ въ общемъ итогѣ, по сдѣланному теперь подсчету, 16.289.181 чел. или 12,8% всего населенія Россіи. Въ городахъ Европейской Россіи записано 11.830.546 чел., что составляетъ по отношенію къ общему числу жителей этихъ 50-ти губерній 12,5%; въ Привислянскомъ краѣ городское населеніе опредѣляется въ 2.059.340 или 21,7%, на Кавказѣ—996.248 или 10,7%, въ Сибири—462.182 или 8%, въ Средней Азіи—932.662 или 12%. Кромѣ того, имѣются русскія городскія поселенія въ Бухарѣ съ 8.203 жит. Такимъ образомъ, на долю Европейской Россіи приходится болѣе двухъ третей общаго числа городскихъ жителей, зарегистрованныхъ 28-го января 1897 г. По высотѣ процента городского населенія эти 50 губерній, взятыя вмѣстѣ, уступаютъ лишь западной окраинѣ, оставляя за собою три остальныя (Среднюю Азію, Кавказъ и Сибирь). Но нѣкоторыя губерніи Европейской Россіи рѣзко выдѣляются надъ среднимъ уровнемъ какъ по абсолютному числу городскихъ жителей, такъ и по относительному. Въ Петербургской губерніи считается 1.395 тыс. городскихъ жителей, что составляетъ 66% постояннаго населенія этой губерніи; въ Московской губерніи городское населеніе опредѣлено въ 1.099 тыс. (45% общаго числа ея жителей). Слѣдовательно, даже Варшавская губ., занимающая по численности и проценту городского населенія первое мѣсто въ Привислянскомъ краѣ, отстаетъ въ томъ и другомъ отношеніи отъ обѣихъ столичныхъ губерній, такъ какъ число городскихъ жителей въ Варшавской губ. равняется 791 тыс., а отношеніе къ общему постоянному населенію составляетъ 40%.

Общее число губерній съ процентомъ городского населенія выше средняго—15, въ городахъ остальныхъ 35 губерній Европейской Россіи сосредоточено менѣе восьмой части всего ихъ населенія.

По абсолютному числу городскихъ жителей за столичными губерніями въ предѣлахъ Европейской Россіи слѣдуютъ:

Херсонская—785 тыс. гор. жит., Кіевская—449 т., Лифляндская—376 т., Харьковская—367 т., Саратовская—312 т., Бессарабская—302 т., Таврическая—283 т., Полтавская—271 т.

Городское населеніе Россіи увеличивается быстрѣе, чѣмъ сельское. По переписи 1897 г. процентъ городского населенія опредѣляется въ 12,5%; по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, въ 1885 году онъ составлялъ 12,2%. За двѣнадцать лѣтъ общій приростъ населенія тѣхъ же 50-ти губерній равняется 15,2%, причемъ сельское населеніе увеличилось на 14%, а городское на 18,7%. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что приростъ городского населенія распредѣлялся далеко не равномѣрно по всѣмъ губерніямъ Европейской Россіи. Любопытно, что первыя мѣста по относительной высотѣ прироста городского населенія за послѣднія двѣнадцать лѣтъ принадлежатъ какъ губерніямъ,

гдѣ уже сложились крупные городскіе центры, такъ и тѣмъ, въ которыхъ городское населеніе пока не особенно значительно. Наибольшій процентъ прироста за 1885—1897 гг. замѣчается въ городахъ губерній: Воронежской—80%, Лифляндской—53%, Воронежской—50%, Донской и Екатеринославской—46%, Астраханской—45%, Уфимской—44%. Петербургской—41%, Курляндской—38%, Виленской—37%, Тульской—35%, Владимірской 31%, Пермской—31%, Тамбовской—31%, Херсонской—29%, Вологодской—28%, Таврической—27%.

Большое значеніе имѣетъ, конечно, высокій процентъ прироста городского населенія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ и абсолютная цифра прироста значительна. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена Петербургская губернія, въ предѣлахъ которой городское населеніе увеличилось за двѣнадцать лѣтъ на 409 тыс. Затѣмъ, идетъ Московская губ. съ 204 тыс. Въ процентахъ къ цифрѣ городского населенія въ 1885 году ростъ его въ этой губерніи за разсматриваемый періодъ шелъ не такъ быстро, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ, но все-таки онъ значительно выше средняго (23%). Третье мѣсто по величинѣ прироста городскаго населенія принадлежитъ Херсонской губерніи—176.000 человѣкъ, а четвертое—Екатеринославской губ. съ Донской областью, гдѣ приростъ городского населенія выразился въ цифрѣ—163.000. Данныя послѣдней переписи свидѣтельствуютъ о томъ, что губерніи съ растущимъ городскимъ населеніемъ могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: въ однѣхъ губерніяхъ продолжаютъ рости старые городскіе центры, въ другихъ образуются новые. Къ первой категоріи надо отнести Петербургскую, Московскую, Лифляндскую, Херсонскую и, пожалуй, Кіевскую. Въ названныхъ губерніяхъ находятся самыя большія средоточія городской жизни въ Европейской Россіи. Изъ данныхъ слѣдующей таблицы можно видѣть, какой степени развитія достигла здѣсь она.

Губерніи:	Гор. нас. сост. % вс. нас. губ.	Главные города.	Ихъ населеніе въ тысяч.	Прир. ихъ нас. за 12 л. въ %.	Насел. тѣхъ же гор. сост. % уѣзднаго.
Петербургская	66	Петербургъ	1.234	43	95
Московская	45	Москва	1.009	34	85
Херсонская	28	Одесса	419	74	69
Лифляндская	29	Рига	281	60	70
Кіевская	12,6	Кіевъ	240	45	44

Ко второй группѣ губерній съ быстрымъ ростомъ городского населенія принадлежатъ: Рязанская, Воронежская, Тульская, Владимірская, Пермская, Тамбовская и Курляндская. Въ двухъ изъ этихъ 7-ми губерній, Владимірской и Пермской, параллельно съ быстрымъ увеличеніемъ городского населенія шло возрастаніе, хотя и незначительное, сельскаго населенія; въ одной, Тамбовской, сельское населеніе не увеличилось, но и не уменьшилось; въ остальныхъ четырехъ произошла убыль въ сельскомъ населеніи. Можно еще отмѣтить, что три изъ этихъ четырехъ губерній, какъ и Тамбовская, въ которой численность сельскаго населенія не измѣнилась, входятъ въ центральную черноземну полосу.

Изъ 50 губерній Европейской Россіи, городское населеніе уменьшилось и абсолютно, и относительно, въ 10-ти губерніяхъ. Изъ нихъ самый значительный процентъ убыли городского населенія сравнительно съ 1885 г. падаетъ на Черниговскую губ., гдѣ городское населеніе упало на 30%; затѣмъ идетъ Казанская губ. — 16%, и Калужская губ.—10%. Въ другихъ 7 губерніяхъ убыль городского населенія выражается. Бессарабской 8, Новгородской 7, Орловской 6, Тверской 6, Архангельской 5, Самарской 4, Пензенской 1,5.

Въ Черниговской губерніи убыль городского населенія выражается въ 89 тыс. чел., въ Казанской—36 тыс., Бессарабской—28 тыс., Орловской—15 тыс., Калужской—10 тыс., въ остальныхъ—менѣе десяти (отъ 8 до 1,7 тыс.). При этомъ въ Калужской и Пензенской губ. и цифры сельскаго населенія почти не измѣнились, а въ Орловской, Тверской и Казанской если и возросли, то мало.

Летучая библіотека. Въ Шацкомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., существуетъ «летучая библіотека», о которой корреспондентъ «Сына Отеч.» сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: Пріобрѣтена она на средства уѣзднаго земства, отпускавшіяся въ теченіе трехъ лѣтъ (по 75 рублей въ годъ) и составившія въ общей сложности 225 руб. Въ библіотекѣ 1.075 томовъ книгъ разнообразнаго содержанія. Она раздѣлена на нѣсколько серій, которыя попеременно обходятъ всѣ земскія школы уѣзда. Такъ какъ летучая библіотека была вообще первою библіотекою въ уѣздѣ, то крестьяне, взрослые и дѣти, были весьма заинтересованы этою новинкою. «Что касается настоящихъ и бывшихъ учениковъ земской школы,—пишетъ въ училищный совѣтъ учитель с. Екатериновки г. Ларинъ, — то появленіе библіотеки произвело между ними, можно сказать, нѣкотораго рода переполохъ: выдача книгъ ожидается ими съ нетерпѣніемъ. Интересъ къ библіотекѣ еще болѣе усилился послѣ того, какъ было прочитано нѣсколько статей изъ присланныхъ книгъ. Замѣтно сочувствіе къ этому благодѣтельному дару для простого народа и между взрослыми». Число бравшихъ изъ библіотеки книги во всѣхъ селахъ было довольно велико. Такъ, въ с. Бѣлорѣчьѣ изъ серіи книгъ въ 70 названій брали книги 40 учениковъ земской школы и 18 взрослыхъ, которые въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ сдѣлали 300 чтеній; въ с. Печинахъ—40 учениковъ и 60 взрослыхъ и т. д. Но по числу бравшихъ изъ библіотеки книги еще нельзя судить о количествѣ читавшихъ или слушавшихъ чтеніе. Учитель с. Березова г. И. Молотковъ пишетъ: «съ наступленіемъ вечера многіе крестьяне собираются въ одинъ изъ ближайшихъ домовъ, гдѣ взята книга для чтенія, и остаются тамъ до конца чтенія». «Книжка о грозѣ,—пишетъ учительница с. Печинъ, г-жа Панкратьева,—въ одной семьѣ читалась три раза: въ первый разъ слушали чтеніе только семейные, а въ остальные два раза собирались въ эту избу слушатели и изъ другихъ семействъ». Во многихъ селахъ учителя, принявшіе вообще самое живое участіе въ распространеніи книгъ летучей библіотеки среди крестьянъ, собирали слушателей въ школу и читали имъ то ту, то другую книжку по своему выбору. Больше всего, по отзывамъ учителей, крестьянамъ нравятся книги религіознаго содержанія (житія популярныхъ святыхъ), историческаго, научнаго, касающіяся сельскаго хозяйства и общественнаго положенія крестьянъ. Многіе учителя свидѣтельствуютъ, что въ читателяхъ замѣчалось настойчивое стремленіе понять то, что читалось, что читаемая книжка вызывала слушателей на размышленія, на замѣчанія и даже на споры. Такъ, хозяйка одной избы, въ которой крестьяне собирались послушать чтеніе, разсказывала потомъ учительницѣ: «какъ про Евдокею, да про Марфу читали, я все плакала, и все я поняла до капельки. А вотъ про грозу ребята три ночи читали до самыхъ кочетовъ, и я тоже слушала; ну, въ этой книжкѣ я, грѣшница, ничего не поняла; да и читали-то они какъ то непутемъ: строчку прочтутъ, да думаютъ, да толкуютъ»... Въ другой избѣ читалась книга: «Разсказы о природѣ». Нѣкоторыя мѣста этой книги были непонятны для читателей, и вотъ они просятъ учительницу придти къ нимъ и разъяснить. Когда учительница разъяснила, почему черезъ три года набѣгаетъ одинъ лишній день, то одинъ изъ слушателй воскликнулъ: «какъ просто-то! А мы всю прошлую зиму собирались и все толковали, откуда это лишній день берется, такъ и не додумались». Чтеніе книгъ сельскохозяйственнаго

содержанія постоянно прерывается замѣчаніями и разсужденіями слушателей. Польза, приносимая населенію библіотекою, несомнѣнна. «Ужъ одно то хорошо,— пишетъ учитель с. Бѣлорѣчья, г. Петропавловскій,—что вмѣсто того, чтобы проводить вечера гдѣ-либо по лавкамъ или въ пустыхъ разговорахъ, семья вся дома и проводитъ время за благимъ дѣломъ». Другой учитель пишетъ: «Замѣтна стала на читавшихъ нѣкоторая живость ума, нѣкоторая прибавка знанія или пріобрѣтеніе его вновь; механизмъ чтенія также крѣпнетъ!»

Въ настоящее время, благодаря дѣятельности тамбовскаго общества по устройству народныхъ чтеній, при многихъ земскихъ школахъ Шацкаго уѣзда заводятся уже постоянныя библіотеки.

Въ колоніи «толстовцевъ». Въ «Таганрогскомъ Вѣстникѣ» описывается внѣшній бытъ колоніи «толстовцевъ» на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. Колонія состоитъ изъ 50 человѣкъ, включая и дѣтей, т. к среди членовъ ея есть люди семейные.

Живутъ преимущественно винодѣліемъ и подвалъ, вырытый колонистами, обошелся имъ въ 10.000 руб.; въ немъ сохраняются натуральныя вина; кромѣ этого есть еще и другіе подвалы—одинъ, гдѣ хранятся вина мѣстныхъ жителей, а другой для храненія полувина или петіо. Въ подвалахъ я пробовалъ вина, лучшія изъ нихъ—«сотернъ» и «бургонское». Мнѣ передавали, что въ 1894 году на мѣстной сельскохозяйственной выставкѣ толстовцы получили серебряную медаль за починъ введенія виноградниковъ и винодѣлія въ ст. Береговой. Вино продается, а «петіо» расходуется на мѣстѣ. Послѣ тщательнаго осмотра виноградниковъ, винодѣльни, подваловъ и проч., мы отправились осматривать жилыя помѣщенія и хозяйство колоніи. Сама усадьба представляетъ разбросанные чистенькіе домики разнообразнѣйшей архитектуры. Въ маленькихъ домикахъ живутъ отдѣльныя семьи; лица, не имѣющія никакой семьи, живутъ въ общихъ помѣщеніяхъ. Другія помѣщенія предназначены для школы и всевозможныхъ мастерскихъ (сапожной, слесарной, кузнечной, столярной, переплетной, портняжной, прачечной и пр.), въ которыхъ работаютъ сами колонисты, нѣкоторыя помѣщенія отведены для конюшенъ, для храненія инструментовъ и проч.

Всѣ помѣщенія построены изъ камня, лучшаго матеріала; нѣкоторыя выстроены сами толстовцами, другія—съ помощью наемныхъ рабочихъ.

Убранство жилищъ очень просто—самодѣльныя деревянныя лавки, столы, стулья и кровати; есть библіотека, гдѣ имѣется до 1.000 томовъ на разныхъ языкахъ, есть маленькая аптечка, есть даже рояль. Обѣдаютъ всѣ въ общественной столовой, она же общая пріемная и гостиная. Когда мы пошли въ столовую, въ ней уже собрались толстовцы; здѣсь были и молодыя дѣвицы, пожилыя и среднихъ лѣтъ женщины, всѣхъ возрастовъ мужчины и дѣти. Дѣтей было много: кромѣ дѣтей толстовцевъ, здѣсь были пріемныя и учащіяся у нихъ дѣти. Въ столовой насъ ожидали шумъ отъ разговоровъ и паръ отъ горячаго супа, разлитаго въ деревянныя миски, разставленныя въ рядъ такимъ образомъ, что одна миска приходилась на 6 человѣкъ; тарелокъ не было; ѣдятъ всѣ изъ общей миски; у каждаго деревянная самодѣлка-ложка, ножъ, вилка, соль въ деревянныхъ солонкахъ и два-три полотенца на всѣхъ; на столѣ лежали цѣлые хлѣбы житняка, стояли кружки съ водою и нѣсколько бутылокъ вина; за этимъ столомъ садились взрослые; другой столъ былъ для дѣтей. Передъ обѣдомъ была прочтена общая молитва, и затѣмъ всѣ усѣлись по мѣстамъ. Обѣдъ былъ постный: картофельный супъ и гречневая каша съ постнымъ масломъ—простой, но очень вкусный.

Столъ простой, деревянный, некрашенный, даже не обтесанный; вокругъ него такія же длинныя лавки; какъ столъ, такъ и скамьи сдѣланы самими же

толстовцами. На стѣнахъ—часы, лампа, да портретъ Льва Н. Толстого. Одежда женщинъ—синія, гладкія недлинныя юбки, да широкія ситцевыя кофточки съ короткими рукавами; у нѣкоторыхъ на головѣ ситцевые платки, у другихъ простыя соломенныя шляпы: въ общемъ—просто, но мило.

Духоборы въ Якутской области. Въ «Сибирской Жизни» сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о положеніи сосланныхъ въ Якутскъ духоборовъ. Крестьяне-духоборы отдѣльною партіей изъ Якутска отправлены были, немедленно по прибытіи, на рѣку Алданъ, гдѣ имъ отведены земельные надѣлы по 15 десятинъ на душу и они должны будуть образовать отдѣльное селеніе, расположенное въ верстахъ 150 отъ устья рѣки Маи,—вдали отъ какихъ бы тн ни было жилыхъ мѣстъ; ближе, какъ на 50 верстъ, около нихъ нѣтъ никакого жилья.

Какъ извѣстно, противъ духоборцевъ Тифлиской губерніи были приняты строгія мѣры послѣ того, когда они рѣшились во всей полнотѣ провести въ жизнь принципъ несопротивленія злу насиліемъ, не соглашаясь отбывать воинскую повинность, отказываясь отъ присяги, и сожгли все свое оружіе. Болѣе 4.000 духоборцевъ были разселены по татарскимъ улусамъ Тифлисской губерніи, около 300 человѣкъ были посажены въ тюрьму. Присла́нные къ намъ «духоборцы» представляютъ собою часть этихъ самыхъ кавказскихъ духоборцевъ. Бѣдственное положеніе тѣхъ духоборцевъ, которые были разселены по улусамъ Тифлисской губерніи, вызвало общественное сочувствіе къ нимъ, и для нихъ былъ организованъ сборъ помощи даже при редакціяхъ газетъ.

Въ неменьшей помощи нуждаются, по словамъ «Сиб. Жизни», и тѣ духоборцы, которые сосланы въ Якутскую область. «Имъ отведены земельные надѣлы, но у нихъ нѣтъ ни орудій земледѣлія, ни сѣмянъ, ни даже средствъ для пріобрѣтенія того и другого. На мѣсто поселенія они прибыли осенью; на первое время всѣ они помѣстились въ маленькой избѣ,—тепло при тѣснотѣ на зиму обезпечено,—но пищи мало. Имъ выдали казенное пособіе по 1 января 1898 года по 3 р. 30 к. въ мѣсяцъ на душу—всего около 500 р.,—но что они могутъ купить на эти деньги въ глуши и если у нихъ нѣтъ рѣшительно ничего,—ни пищи, ни одежды, ни рабочаго скота, ни орудій? Ихъ положеніе ухудшается еще и тѣмъ, что они, по принципамъ своего ученія, не употребляютъ никакой животной пищи: ни мяса, ни рыбы,—тогда какъ такого рода пищей и богатъ Алданъ. Земля, отведенная имъ, считается хорошею, но качество ея опредѣлялось людьми далеко не компетентными. Между тѣмъ для духоборовъ вопросъ объ урожайности ихъ земли является вопросомъ жизни или смерти. Кромѣ указанныхъ выше 33 духоборцевъ, имѣется въ виду переселить къ нимъ еще около 90 душъ духоборовъ, ожидаемыхъ въ Якутскъ со слѣдующею навигаціей».

Газета высказываетъ опасенія за надѣльный выборъ мѣста поселенія. «Исторія разселенія скопцовъ въ Якутской области полна примѣрами самыхъ грубыхъ ошибокъ такого рода. Не узнавши мѣста, селятъ цѣлые десятки душъ скопцовъ на одномъ мѣстѣ; тѣ бьются года три-четыре, не получая никакого урожая, и затѣмъ ихъ заставляютъ бросать пашню и дома, «перегоняютъ» на другое и опять не узнавши качества той земли, куда гонятъ народъ».

Быть можетъ, конечно, русское «авось» и здѣсь выручитъ. Замѣчательное единодушіе встрѣчаемъ мы, говоритъ газета, въ отзывахъ объ этихъ молодыхъ духоборцахъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ случай сталкиваться съ ними. Это тихій, кроткій, дружный и трудолюбивый народъ, никогда и ни на что не выражающій недовольства и безропотство выполняющій все, что отъ нихъ требуютъ. Глядя на нихъ, слыша о нихъ самые лучшіе отзывы, невольно вспоминалось намъ пожеланіе, высказанное на страницахъ «Вѣстника Европы», чтобы «сектанты, считающіе грѣхомъ носить оружіе, привлекались, безъ обремененія ихъ

совѣсти и съ пользою для государства, къ исполненію другихъ служебныхъ дѣйствій, эквивалентныхъ воинской повинности».

Въ нашемъ суровомъ краѣ трудно жить такимъ миролюбивымъ людямъ. Здѣсь нужна энергія и хищническая жадность къ наживѣ скопца, а не голубиная кротость и несопротовленіе злу духоборца.

Шевченко какъ живописецъ и граверъ. «Биржевыя Вѣдомости» приводятъ интересныя выдержки изъ статьи г. Горленко о Шевченкѣ (напечатанной въ его книгѣ «Южно-русскіе очерки и портреты»).

Изъ біографіи Т. Г. Шевченко и воспоминанній о немъ всѣ знаютъ, что наряду съ поэзіей украинскій писатель посвящалъ свои труды и способности занятіямъ живописью и гравированіемъ, пишетъ В. П. Горленко. Разбросанность картинъ и рисунковъ Шевченка въ частныхъ рукахъ, чему особенно способствовала превратность его жизни, рѣдкость его гравюръ, почти исчезнувшихъ изъ обращенія,— все это мѣшало, однако высказаться сколько-нибудь опредѣленно о немъ, какъ о художникѣ. Усиліями нѣсколькихъ любителей теперь собрано кое-что изъ работъ его масляными красками, не мало альбомовъ рисунковъ съ натуры и композицій, и приведены въ извѣстность всѣ исполненныя имъ гравюры. Такимъ образомъ, является возможность подвести итогъ его дѣятельности, какъ живописца и гравера, выдѣлить въ ней то, что имѣетъ значеніе съ точки зрѣнія искусства, разсмотрѣвъ остальное, какъ фактъ біографіи человѣка замѣчательнаго.

Пребываніе Шевченко въ академіи подробно описано имъ самъ въ русской повѣсти «Художникъ». Изъ этой повѣсти видно, между прочимъ, что послѣ выкупа Шевченко, повидимому, сдѣлался пенсіонеромъ общества поощренія художествъ. Въ академіи онъ былъ вольноприходящимъ ученикомъ, зонимаясь живописью подъ руководствомъ Брюлова до 1845 года. Такое положеніе давало ему значительную свободу, такъ что большую часть 1843 и 1844 годовъ онъ провелъ въ Малороссіи.

Изъ картинъ Шевченка масляными красками, которыхъ вообще немного, извѣстны портреты: писателя П. А. Кулиша, собственный у В. М. Лазаревскаго и нѣсколько фамильныхъ, и жанровыя сцены: «Пасѣчникъ», «Катерина» и «Пожилой малороссъ». Объ одной изъ названныхъ работъ—«Пожиломъ малороссѣ»— сохранилось забавное преданіе. Первоначально это былъ заказной портретъ, долженствовавшій изображать, обличившаго Мазепу и погибшаго на плахѣ, Василія Кочубея. Шевченко рисовалъ его съ фамильнаго портрета, но ужасно тяготился этимъ заказомъ. Некрасивое лицо Кочубея было ему въ высшей степени антипатично и, рисуя его, онъ говорилъ: «Така пыка (лицо), що за саму пыку треба-бъ повисыты!» Въ концѣ концовъ онъ уничтожилъ сдѣланный набросокъ и передѣлалъ Кочубея въ обыкновенный малороссійскій типъ.

Сохранилось нѣсколько альбомовъ Шевченки той поры. Въ нихъ встрѣчаются виды Кіева, Переяслава, Чигирина, родины Хмельницкаго села Субботова, изображенія построенныхъ казаками монастырей, типы стариковъ, молодицъ, сватовъ въ ихъ обычномъ уборѣ и т. п. Матеріалъ, собранный имъ тогда, и свои собственныя композиціи, навѣянныя исторіей и поэтическими мотивами Малороссіи, поэтъ задумалъ въ то время сдѣлать достояніемъ общества посредствомъ гравюры, склонность къ которой у него проявилась уже тогда. Плодомъ этой мысли былъ художественный сборникъ «Живописная Украйна», котораго вышелъ одинъ лишь выпускъ въ 1844 году.

Всѣ художественные наброски Шевченки, не имѣющіе особаго значенія съ точки зрѣнія искусства, во многомъ дополняютъ представленія наши о его внутреннемъ мірѣ въ эту важнѣйшую эпоху его жизни. Вмѣстѣ съ его письмами, его прозой они вводятъ насъ въ ту таинственную лабораторію, гдѣ зрѣли его мысли и чувства и откуда выходили созданія его слова. Онъ не только описываетъ сель-

скую жизнь, ея печали и радости, страданія тогдашней неволи, образы, созданные фантазіей народа, но старается запечатлѣть и внѣшній обликъ сельскаго люда, природу края, памятники его былого. Въ стихахъ и рисункахъ его можно найти множество аналогій. Во время обдумыванія картины, говорилъ Шевченко, «хто его зна, видкиль, несетьця, несетьця писня, складаютьця стыхы, дывысь—уже и забувъ про що думавъ, а мерщій запышешъ те, що навіялось».

Въ «Дневникѣ» своемъ Шевченко пишетъ: «Я хорошо зналъ, что живопись—моя будущая профессія, мой насущный хлѣбъ. И вмѣсто того, чтобы изучать ея глубокія таинства и еще подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюловъ, я сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто гроша не заплатилъ... и которые я все-таки втихомолку кропаю». Сознаніе своего настоящаго призванія вліяло и на занятія Шевченка живописью, дѣлая ихъ менѣе постоянными и усидчивыми.

Въ 1847 г. судьба Шевченки круто измѣнилась.

Тѣмъ не менѣе, отъ того времени осталось не малое количество рисунковъ, разсѣянныхъ въ частныхъ рукахъ, и альбомовъ Шевченка, мотивами для которыхъ служатъ жизнь и природа прикаспійскихъ степей, киргизскіе типы и казарменныя сцены. Писанные то акварелью на отдѣльныхъ листахъ, то карандашемъ, они переносятъ насъ въ этотъ далекій, негостепріимный край и воспроизводятъ все то, что окружало поэта въ эту грустную пору его жизни. Панорамы степей, развалины городовъ, виды фортовъ и укрѣпленій — таковы мотивы ихъ по части пейзажа. Кибитки киргизовъ, киргизы съ верблюдами у колодца, киргизы на коняхъ—вотъ сцены изъ жизни обитателей этихъ стеией. Но интереснѣе всего сцены въ казармахъ, гдѣ невольный ихъ обитатель, Шевченко, часто изображаетъ и себя самого.

На одномъ изъ этихъ рисунковъ мы видимъ громадный балаганъ-казармы, занятый рядами наръ, на которыхъ въ разныхъ положеніяхъ размѣщены солдаты. Среди нихъ въ тѣни сидитъ Шевченко и усердно тачаетъ сапоги. Вотъ листокъ, гдѣ онъ изображенъ читающимъ псалтырь надъ покойникомъ. Еще—внутренность казармы, въ которой художникъ сидитъ за столомъ и рисуетъ кого-то изъ товарищей. Одинъ изъ рисунковъ тушью изображаетъ казарму ночью, во время солдатской попойки. Шевченко угощаетъ кренделемъ маленькаго киргизенка, и т. п. Исполненные въ ссылкѣ рисунки иногда высылались имъ своимъ друзьямъ для продажи или въ подарокъ. Многіе попадали въ руки людямъ, не дававшимъ имъ цѣны, и нынѣ утеряны.

Въ этой серіи набросковъ съ натуры поэтъ оставилъ намъ лучшія иллюстраціи къ будущей подробной исторіи его жизни въ годы десятилѣтней ссылки.

Къ этому же времени, если не по исполненію, то по вынесеннымъ изъ изгнанія воспоминаніямъ, относится интересная серія рисунковъ сепіей, носящихъ общее названіе «Похожденія блуднаго сына». Кажется, герой этой серіи, «блудный сынъ», взятъ изъ русскаго купечества. Это глубоко несчастный человѣкъ, безумно увлекавшійся и жестоко наказанный судьбой. Въ рядѣ картинъ удары судьбы ведутъ эту безпокойную натуру, эту отчаянную голову отъ неистовой оргіи къ цѣпямъ каторжника и къ ужасной сценѣ наказанія шпицрутенами. Такихъ «несчастныхъ» поэтъ не разъ встрѣчалъ въ своемъ изгнаніи, и судьбу одного изъ нихъ изобразилъ въ прозаической своей повѣсти подъ такимъ же названіемъ.

Изъ напечатаннаго «Дневника» Шевченка мы знаемъ въ подробностяхъ радостныя минуты его освобожденія въ 1857 году. По пути онъ зарисовываетъ виды волжскихъ мѣстностей и нижегородскія древности и довольно часто рисуетъ портреты.

Вскорѣ послѣ того, какъ прошли первая радость пользованія свободой, встрѣчи со старыми друзьями и привѣтствія народившейся толпы почитателей.

Шевченко принимается за граверную работу съ жаждой усовершенствованія. Нѣкоторыми полезными совѣтами помогъ ему въ то время извѣстный граверъ Іорданъ.

Званіе академика было дано ему, однако, лишь въ слѣдующемъ году за гравюру, исполненную по заданной отъ академіи программѣ, и за другіе извѣстные труды. Около того же времени ему дана была мастерская въ зданіи академіи, гдѣ онъ и скончался.

Въ теченіе послѣдняго пребыванія своего въ Петербургѣ Шевченко, какъ художникъ, занимался почти исключительно однимъ гравированіемъ и оставилъ десятка три офортовъ, которые очень цѣнятся теперь не только почитателями поэта, но всѣми собирателями русскихъ художественныхъ произведеній. Офортъ требуетъ быстраго рисунка и не допускаетъ исправленій. Въ немъ поэтому особенно замѣтно отражаются индивидуальныя черты артиста, его настроеніе и пріемы. Изъ работавшихъ въ Россіи офортомъ цѣнители отводятъ Шевченку одно изъ первыхъ мѣстъ.

Сюжетами гравюръ Шевченка служатъ картины старинныхъ мастеровъ и русскихъ живописцевъ (Рембрандта, Мурильо, Брюлова, Лебедева, Соколова, Мещерскаго), портреты съ натуры (Бруни, гр. Толстого, бар. Клодта, Горностаева), сцены къ произведеніямъ поэтовъ («Цыгане» Пушкина, «Король Лиръ») и нѣсколько пейзажныхъ и жанровыхъ набросковъ своего сочиненія. Въ числѣ его офортовъ находятся и семь собственныхъ портретовъ разнаго рода.

За границей.

Новое университетское поселеніе. Въ прошломъ мѣсяцѣ въ Лондонѣ, въ одномъ изъ хорошихъ кварталовъ, состоялось торжественное открытіе новаго университетскаго поселенія, устроеннаго стараніями извѣстной англійской писательницы мистрисъ Гемфри Уордъ и благодаря капиталу въ 12.000 ф. стер. пожертвованному мистеромъ Пасеморъ Эдвардсомъ. Но эта сумма была бы недостаточна, если бы примѣръ Пасемора Эдвардса, именемъ котораго названо поселеніе, не вызвалъ тотчасъ же подражанія въ англійскомъ обществѣ, и первоначальная сумма пожертвованія настолько быстро возросла, что капиталъ увеличился больше чѣмъ вдвое. Тотчасъ же былъ образованъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ мистриссъ Гемфри Уордъ, и черезъ годъ всѣ зданія новаго университетскаго поселенія были уже готовы къ принятію гостей и снабжены всѣмъ необходимымъ. Прекрасныя свѣтлыя комнаты, большой залъ для публичныхъ чтеній, концертовъ и собраній, прекрасная читальня и библіотека, гимнастическій залъ, столовая, хорошая свѣтлая кухня, гдѣ желающіе могутъ обучаться поварскому искусству, портняжная мастерская и классы для преподаванія предметовъ элементарнаго образованія—все это было вполнѣ устроено къ открытію поселенія, теперь уже начавшаго свою дѣятельность.

Выборъ мѣста для устрройства университетскаго поселенія многимъ показался несовсѣмъ удачнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, кварталъ Блумсбери принадлежитъ къ числу благоустроенныхъ, носящихъ преимущественно буржуазный характеръ и состоящихъ главнымъ образомъ изъ такъ называемыхъ «lodging houses»—меблированныхъ домовъ, въ которыхъ обитаетъ дѣловое и оборотливое населеніе. Казалось бы, въ такомъ кварталѣ университетское поселеніе будетъ совсѣмъ не умѣста, такъ какъ нѣтъ подходящаго матеріала для его дѣятельности. Но дѣло въ томъ, что къ Блумсбери непосредственно прилегаетъ часть города, называемая Истонъ-Родъ и составляющая разительный контрастъ съ благоустройствомъ сосѣднихъ кварталовъ. Цѣлый лабиринтъ узкихъ, темныхъ

кривыхъ и грязныхъ переулковъ граничитъ съ широкими, хорошо освѣщенными и вымощенными улицами буржуазнаго квартала. Въ этихъ переулкахъ нищета и порокъ свили себѣ постоянныя гнѣзда. Въ полуразвалившихся домахъ, въ грязныхъ подозрительныхъ вертепахъ ютится цѣлое населеніе, преимущественно рабочихъ. Въ грязи улицъ копошатся полунагіе ребятишки, блѣдные и истощенные, часто совсѣмъ больные, и случайно попавшій сюда посѣтитель долженъ встрѣчать тутъ такія картины нищеты, отъ которыхъ не можетъ не обливаться кровью сердце каждаго сострадательнаго человѣка. Однимъ словомъ, такіе кварталы, какъ Блумсбери, безспорно, составляютъ пятно цивилизаціи большихъ городовъ и соціальнымъ дѣятелямъ тутъ найдется надъ чѣмъ поработать. Мѣсто для новаго университетскаго поселенія выбрано такимъ образомъ вполнѣ удачно и надо надѣяться, что результаты его дѣятельности окажутся столь же плодотворными, какъ и результаты дѣятельности перваго изъ этихъ поселеній— «Тойнби-Голлъ», положившаго начало этой новаго рода соціальной дѣятельности лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Благодаря Тойнби-Голлу, въ Лондонѣ, въ бѣднѣйшихъ кварталахъ или по близости ихъ стали возникать одно за другимъ учрежденія, поставившія себѣ цѣлью удовлетворять не только матеріальнымъ нуждамъ и облегчать существованіе бѣднѣйшихъ классовъ, но и идти на встрѣчу ихъ нравственнымъ, соціальнымъ и интеллектуальнымъ потребностямъ.

Торжественное открытіе поселенія Пасеморъ Эдвардсъ ознаменовалось прекрасною рѣчью Джона Морлея, въ краткихъ словахъ очертившаго соціальную дѣятельность университетскихъ поселеній и ихъ значеніе. По мнѣнію Джона Морлея, такого рода учрежденія должны быть устроены въ каждомъ кварталѣ съ 20.000 населенія. «Мы всѣ говоримъ о соціальномъ вопросѣ,— сказалъ Морлей,—но на самомъ дѣлѣ существуетъ не одинъ соціальный вопросъ, а 40—50 или сто соціальныхъ вопросовъ, одинаково важныхъ. Въ одномъ только Лондонѣ намъ надо заботиться о томъ, чтобы не только обезпечить существованіе безчисленнаго множества мужчинъ, женщинъ и дѣтей, доставить имъ здоровую пищу и жилище, но мы должны подумать и объ умственной пищѣ, о воспитаніи и образованіи, полезныхъ и хорошихъ развлеченіяхъ, о помощи больнымъ и увѣчнымъ, о спасеніи дѣтей и сиротъ и т. д. и т. д. Область всѣхъ этихъ соціальныхъ вопросовъ безконечно велика, университетскія поселенія именно и представляютъ попытку болѣе или менѣе одновременнаго разрѣшенія нѣсколькихъ соціальныхъ вопросовъ и въ этомъ отношеніи успѣхъ и распространеніе этихъ учрежденій составляютъ одинъ изъ характерныхъ и симпатичныхъ симптомовъ нашего времени. Вспомните тѣ дни особеннаго взрыва соціальнаго энтузіазма, когда Кольриджъ и Соузсей проектировали переселеніе на берега Сосквеганны (я думаю, они выбрали это мѣсто лишь ради его звучнаго названія) и устройство новой общины, гдѣ не было бы частной собственности и трехчасового дневного труда было бы вполнѣ достаточно для обезпеченія существованія? Вспомните Берклея, который также мечталъ объ устройствѣ колоній по ту сторону Антлантики, гдѣ долженъ былъ воцариться золотой вѣкъ! Вамъ извѣстенъ, конечно, разсказъ о томъ, какъ нѣсколько шутниковъ, желая посмѣяться надъ Берклеемъ и его восторженными проектами, устроили въ честь его обѣдъ и что изъ этого вышло. Пламенная, убѣжденная рѣчь Берклея такъ на нихъ подѣйствовала, что они, вмѣсто того, чтобы смѣяться, были глубоко потрясены и воскликнули: «Возьмите насъ съ собой!..» Другимъ примѣромъ такого воздѣйствія убѣжденной рѣчи могутъ служить Вальтеръ Безантъ и мистриссъ Гемфри Уордъ. Эти писатели воспользовались литературой для своихъ цѣлей. Свои идеи они распространили подъ видомъ романа и точно по мановенію волшебнаго жезла изъ земли выросли дворцы и то, что было фантазіей, превратилось въ дѣйствительность, благодаря именно тому что эти писатели открыли глаза тѣмъ, кто хочетъ видѣть, и указали тѣмъ изъ лондонскаго

общества, чье сердце открыто для состраданія и кто желаетъ принять участіе въ великой соціальной работѣ, что тутъ, рядомъ съ ними, существуетъ обширное поле для соціальной дѣятельности, для проведенія въ жизнь тѣхъ идей, которыя должны быть положены въ основу всякой подобной дѣятельности...«

Рѣчь Морлея была покрыта оглушительными апплодисментами и послѣ краткой рѣчи мистриссъ Гемфри Уордъ новое университетское поселеніе объявлено открытымъ.

Англійскіе политическіе клубы. Въ «Revue politique et parlamentaire» напечатана интересная монографія объ англійскихъ политическихъ клубахъ. Авторъ статьи говоритъ, что одинъ изъ лондонскихъ кварталовъ до такой степени монополизированъ клубами, что даже сами англичане называютъ его «Clobland» (страна клубовъ). Кварталъ этотъ — одинъ изъ самыхъ центральныхъ и богатѣйшихъ въ Лондонѣ. Каждый изъ клубовъ непремѣнно имѣетъ свой собственный отель, такъ какъ англичане считаютъ несовмѣстимымъ съ достоинствомъ болѣе или менѣе значительнаго клуба нанимать помѣщеніе, или, если клубъ вынужденъ довольствоваться наемною квартирой, то обыкновенно нанимается или берется въ аренду цѣлый домъ, такъ чтобы клубъ все таки и въ подобномъ случаѣ имѣлъ свой собственный отель. Въ Сентъ-Джемсъ-Стритѣ, гдѣ находится дворецъ, оффиціальная резиденція англійскихъ монарховъ, никакихъ другихъ домовъ нѣтъ, кромѣ отелей клубовъ. Нѣкоторые изъ этихъ отелей поражаютъ своею оригинальною архитектурой, напримѣръ «New University Club», главный входъ котораго напоминаетъ церковный порталъ. Тутъ же, въ этой улицѣ помѣщается въ прекрасномъ отелѣ «White's Club», одинъ изъ старѣйшихъ консервативныхъ клубовъ Англіи и самый чопорный. Нѣсколько дальше находится отель старѣйшаго либеральнаго клуба «Brook's Club» и др. Всѣхъ клубныхъ отелей въ этой улицѣ девять. Въ прилегающихъ къ ней—«Pall Mall Street» и площади Трафальгарскаго сквера сосредоточено еще больше клубовъ и рядъ клубныхъ отелей прерывается лишь мрачнымъ и внушительнымъ фасадомъ зданія военнаго министерства. Въ сторонѣ отъ всѣхъ другихъ клубныхъ отелей находится отель Карльтонъ - клуба, самаго высокомѣрнаго, консервативнаго и исключительнаго изъ всѣхъ лондонскихъ клубовъ, и его изолированное уединенное положеніе точно служитъ подтвержденіемъ исключительности его членовъ. Зданіе этого клуба построено по образцу зданія библіотеки Сансовино св. Марка въ Венеціи. Колонны изъ краснаго гранита украшаютъ фасадъ этого зданія. Какъ разъ противъ этого клуба помѣщается отель самаго значительнаго и вліятельнаго изъ либеральныхъ клубовъ—«Reform Club». Такимъ образомъ главный штабъ двухъ могущественныхъ армій, оспаривающихъ другъ у друга политическую власть въ Англіи, помѣщаются въ одной и той же улицѣ. Разсказываютъ, что порою пріѣзжіе изъ провинціи члены одного изъ этихъ клубовъ, не успѣвшіе оріентироваться въ странѣ клубовъ, попадаютъ вмѣсто своего въ непріятельскій лагерь, и иногда изъ этого проистекаютъ забавныя недоразумѣнія.

Англичане находятъ, что комфортабельное устройство клуба составляетъ одно изъ главныхъ условій его существованія; клубъ не только долженъ служить мѣстомъ собраній членовъ извѣстной партіи, но каждый изъ этихъ членовъ долженъ чувствовать себя въ клубѣ какъ дома, клубъ — это настоящій «Home» англичанина, который приходитъ туда не только для обсужденія политическихъ вопросовъ или свиданія съ членами своей партіи, но и для того, чтобы написать письма, пробѣжать газеты съ сигарою въ зубахъ, въ комфортабельно устроенной «Smcking-room» (курительная комната), въ которой на столѣ всегда разложены важнѣйшія газеты и журналы. Въ каждомъ клубѣ посѣтитель прежде всего входитъ въ пріемную для постороннихъ гостей. Рядомъ съ этою комнатою помѣщаются телефонъ и телеграфъ одного агентства, «Ex-

change Telegraph Company», всегда передающаго немедленно по телеграфу всѣ важнѣйшія новости политическаго и финансоваго характера, биржевой бюллетень и т. п., такъ что члены клуба по желанію могутъ получить какія угодно свѣдѣнія, скорѣе чѣмъ изъ газетъ; изъ пріемной дверь ведетъ въ залу для совѣщаній. Въ эту залу есть всегда другой входъ, съ улицы, въ который впускается публика, когда устраиваются публичные митинги и конференціи. Въ этомъ же этажѣ помѣщается и курительная комната. Обширная столовая, украшенная обыкновенно портретами вождей партіи, къ которой принадлежитъ клубъ, находится большею частью во второмъ этажѣ. Рядомъ съ этой столовой—помѣщается «Grill-room» — чисто англійское учрежденіе, гдѣ члены клуба сами выбираютъ себѣ по вкусу куски мяса, которые тутъ же жарятся на угольяхъ. Непремѣнную принадлежность каждаго англійскаго клуба составляетъ также громадная читальня и библіотека, въ которой получаются всѣ главнѣйшія мѣстныя и иностранныя газеты и журналы. Тутъ-же всегда къ услугамъ посѣтителей находятся всевозможныя справочныя книги. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этой комнатѣ не допускаются никакіе разговоры, даже вполголоса, и эти правила строго соблюдаются всѣми посѣтителями. Впрочемъ, надо сказать, что англичане вообще не отличаются болтливостью и поэтому въ англійскихъ клубахъ, даже тогда, когда тамъ находится много посѣтителей, всегда бываетъ довольно тихо и рѣдко можно услышать какой-нибудь громкій разговоръ. Даже споры о какомъ-нибудь принципіальномъ политическомъ вопросѣ никогда не достигаютъ такихъ предѣловъ, чтобы мѣшать присутствующимъ и нарушать благопристойность клуба; болѣе или менѣе громкіе разговоры бываютъ только въ курительной комнатѣ, въ читальной-же всегда царитъ тишина словно въ храмѣ. Національ-либеральный клубъ имѣетъ, библіотеку, называемую гладстоновской, число томовъ которой достигаетъ 12,000.

Во многихъ клубахъ, въ верхнемъ этажѣ, помѣщаются спальни; въ національ-либеральномъ клубѣ такихъ спаленъ 120. Устроены онѣ для того, чтобы провинціальные члены клуба, пріѣзжающіе, напримѣръ, для участія въ собраніяхъ партіи, не имѣли надобности останавливаться въ гостинницѣ. За ночлегъ члены клуба платятъ не особенно дорого, напримѣръ въ національ-либеральномъ клубѣ отъ 4 до 7 шиллинговъ въ день, и имѣютъ удобное и комфортабельное помѣщеніе. Такимъ образомъ членъ клуба не безъ основанія смотритъ на клубъ, какъ на свой домъ. Несмотря на это, каждый изъ останавливающихся въ клубѣ членовъ строго соблюдаетъ правила и никогда не позволитъ себѣ нарушить уставъ, допускающій, напримѣръ, куреніе лишь въ извѣстныхъ комнатахъ клуба. Ни одинъ изъ членовъ клуба не позволитъ себѣ выйти изъ своей комнаты иначе, какъ въ строго приличномъ костюмѣ. Въ нѣкоторыхъ клубахъ даже считается неприличнымъ входить или выходить изъ клуба съ сигарой въ зубахъ. Всѣ эти мелочи строго соблюдаются всѣми членами, при чемъ каждый изъ нихъ считаетъ своимъ долгомъ оберегать достоинство и репутацію клуба. Въ политической и общественной жизни Англіи эти клубы играютъ очень большую роль.

У Генриха Ибсена. Въ прошломъ мѣсяцѣ европейскій литературный міръ и многочисленные почитатели таланта знаменитаго норвежскаго писателя Генриха Ибсена праздновали семидесятилѣтнюю годовщину его рожденія. Маститый писатель, вліяніе котораго такъ замѣтно отразилось на всей европейской литературѣ, и слава котораго такъ быстро возрасла, получилъ въ день своего рожденія телеграммы и адресы рѣшительно изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ и могъ убѣдиться, что имя его извѣстно и произведенія его читаются даже въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ земного шара. Но несмотря на такую огромную популярность, Ибсенъ все больше и больше сторонится отъ людей и ведетъ необыкновенно уединенный образъ жизни; говорятъ, впрочемъ, что онъ рабо-

таетъ теперь надъ какимъ-то очень серьезнымъ и крупнымъ произведеніемъ, и это еще больше заставляетъ его искать уединенія. Впрочемъ, онъ всегда питалъ къ нему склонность и не даромъ онъ вложилъ въ уста одному изъ своихъ героевъ, Штокману (комедіи «Врагъ народа»), слѣдующія слова: «самый сильный человѣкъ въ этомъ мірѣ тотъ, кто остается одинокимъ!» Одинъ изъ современныхъ нѣмецкихъ писателей назвалъ Ибсена «одинокимъ изъ одинокихъ». Ибсенъ не принадлежитъ ни къ какой литературной партіи; онъ стоитъ совершенно особнякомъ. Это непреклонная натура борца, всегда остающагося вѣрнымъ себѣ, своимъ идеямъ.

Ибсенъ происходитъ изъ датской семьи судостроителей, переселившейся въ Норвегію въ XVIII вѣкѣ. Онъ родился въ Скьенѣ въ 1828 году, на берегу залива Христіаніи. Первые годы дѣтства Ибсена протекли среди полнаго довольства и даже роскоши, такъ какъ отецъ его слылъ за богатаго человѣка, но вскорѣ все измѣнилось. Ибсену было восемь лѣтъ, когда отецъ его обанкрутился и семьѣ пришлось переселиться изъ просторнаго дома въ маленькое, тѣсное жилище. Обстоятельства круто измѣнились и отъ впечатлительнаго мальчика не ускользнула и перемѣна въ отношеніяхъ людей къ его семьѣ. Онъ видѣлъ, что знакомые и друзья стали отдаляться, что съ нимъ и его родными обращаются пренебрежительно. Эта людская низость и жестокость оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ мальчугана. Отъ природы несообщительный и дикій, онъ сталъ еще болѣе искать уединенія и какъ-то еще болѣе ожесточился. Учился онъ хорошо и даже поражалъ учителей своими успѣхами и своими превосходными сочиненіями, но у отца его не было средствъ, чтобы докончить его образованіе. На шестнадцатомъ году Ибсену пришлось поступить ученикомъ въ аптеку, въ маленькій городъ, по сосѣдству Скьена. Ибсенъ уѣхалъ изъ Скьена и никогда уже больше не возвращался въ свой родной городъ, гдѣ ему такъ рано пришлось испытать что значитъ власть и деньги. Ибсенъ прослужилъ въ аптекѣ пять лѣтъ, употребляя свои деньги на пополненіе своего образованія и втихомолку мечтая о полученіи докторскаго диплома. Но это не удалось ему. Наступилъ 1848 годъ и Ибсенъ былъ увлеченъ всеобщимъ движеніемъ, такъ что жизнь въ маленькомъ городкѣ становилась для него все болѣе и болѣе невыносимой; притомъ же онъ возбудилъ противъ себя все тамошнее общество своею рѣзкостью и революціонными идеями. Тогда Ибсенъ рѣшилъ бросить аптеку и переселиться въ Христіанію. Тамъ онъ велъ жизнь, полную самыхъ тяжелыхъ лишеній. Онъ началъ писать стихи и драмы, но доходы, получаемые имъ отъ его произведеній, были очень скудны. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не познакомился съ основателемъ народнаго театра въ Бергенѣ, который и предоставилъ ему мѣсто директора и режиссера этого театра; съ этой поры карьера Ибсена была уже сдѣлана, и онъ быстро пріобрѣлъ славу на своей родинѣ. Въ европейской литературѣ пьесы Ибсена сдѣлались извѣстны сравнительно недавно, но зато сразу пріобрѣли огромное значеніе и вліяніе, и имя Ибсена прогремѣло по всему свѣту.

Недавно Ибсена посѣтилъ корреспондентъ англійской газеты «Daily News». Несмотря на свою любовь къ уединенію и свою нелюдимость, Ибсенъ все-таки никогда не отказываетъ посѣтителямъ, и журналисты всегда могутъ разсчитывать на любезный пріемъ. Такъ было и съ англійскимъ журналистомъ. По его словамъ, Ибсенъ выглядитъ очень бодрымъ и здоровымъ для своихъ 70-ти лѣтъ. «Я въ жизнь свою никогда не былъ боленъ,—сказалъ Ибсенъ журналисту,—и ни разу не обращался къ доктору. Никогда также не употреблялъ никакого лѣкарства».

— Что же вы теперь собираетесь писать? — спросилъ журналистъ Ибсена, сказавшаго ему, что онъ теперь занятъ серьезною работой.

— Я хочу написать книгу обо всѣхъ своихъ произведеніяхъ, — отвѣчалъ

Ибсенъ.—Это будетъ нѣчто вродѣ біографіи, описанія того, что я испыталъ и пережилъ, и въ этой книгѣ я постараюсь доказать, что всѣ мои драмы находятся въ тѣсной связи между собой и что всѣ онѣ написаны по одному опредѣленному плану.

О своихъ критикахъ Ибсенъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Я увѣренъ, что всѣ критики, писавшіе когда-либо о моихъ произведеніяхъ, были воодушевлены всегда самыми лучшими намѣреніями, но, къ сожалѣнію, не всегда я былъ понятъ ими»...

Заговоривъ о французской и русской литературѣ, Ибсенъ сказалъ: «Не такъ легко составитъ себѣ вполнѣ опредѣленное сужденіе о французской литературѣ. Эта литература слишкомъ разнообразна и слишкомъ поддается всякимъ иностраннымъ вліяніямъ. Но я очень люблю русскую литературу. Въ особенности мнѣ нравятся образы Достоевскаго и преимущественно Раскольниковъ. Потомъ я люблю «Анну Каренину», это замѣчательное произведеніе. Да, да, Толстой великій писатель, тогда, когда онъ не подпадаетъ подъ вліяніе своихъ новыхъ идей».

Въ Берлинѣ, въ годовщину рожденія Ибсена, почти во всѣхъ театрахъ были представлены его пьесы и между прочимъ его драматическая поэма «Брандъ», написанная имъ въ Италіи въ 1865 году и присланная оттуда въ Норвегію. Драма эта поставлена въ Германіи въ первый разъ.

Банкетъ въ память Вашингтона въ Парижѣ. Въ Парижѣ существуетъ американскій университетскій кружокъ, который устроилъ въ день чествованія памяти Вашингтона большой блестящій банкетъ. На банкетѣ присутствовали, кромѣ членовъ американскаго кружка, еще разные выдающіеся ученые, профессора и литераторы Франціи. Были произнесены, какъ водится, торжественныя рѣчи, въ которыхъ ораторы стремились очертить личность и дѣятельность Вашингтона. По обычаю, установленному американскимъ кружкомъ, на каждомъ изъ такихъ устраиваемыхъ имъ банкетовъ рѣчь отъ имени американскихъ университетовъ произносилась обыкновенно не американцемъ, а французомъ, но хорошо знакомымъ съ Америкой. Предыдущій разъ эта обязанность выпала на долю Брюнетьера, недавно вернувшагося изъ Америки, а на послѣднемъ банкетѣ эту роль выполнилъ Левассеръ, посѣтившій Соединенные Штаты два раза, въ 1876 и 1893 г. Левассеръ сказалъ прекрасную рѣчь о значеніи и роли американскихъ университетовъ и въ краткихъ словахъ очертилъ исторію ихъ развитія. Послѣ него говорилъ отъ имени франко-американскаго комитета Бреаль, сказавшій между прочимъ, что комитетъ очень поощряетъ и всячески старается облегчить путешествія молодыхъ французовъ въ Америку, такъ какъ очень важно, чтобы сношенія между обѣими республиками были самыя тѣсныя, и французы ближе ознакомились съ учрежденіями и характеромъ американской республики. Между прочимъ, Бреаль напомнилъ, что «первымъ французскимъ студентомъ, отправившимся учиться у великой Заокеанской республики, былъ Шатобріанъ». О своемъ посѣщеніи Вашингтона Шатобріанъ разсказывалъ слѣдующее: «Маленькій домикъ, похожій на сосѣдніе дома, это дворецъ президента Соединенныхъ Штатовъ. Ни стражи, ни даже лакеевъ. Я постучалъ; молодая служанка отперла дверь. Она спросила мое имя, но такъ какъ его трудно было выговорить по англійски и запомнить, то она просто сказала мнѣ: «Walkin, sir...» (входите). Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ самъ генералъ; онъ очень похожъ на гравюры, изображающія его... Я кое-какъ объяснилъ ему цѣль своего визита».

Молодой Шатобріанъ носился тогда съ очень грандіозными проектами разныхъ открытій и въ Америку онъ пріѣхалъ собственно за тѣмъ, чтобы изслѣдовать сѣверо-западный проходъ, тотъ самый, который былъ изслѣдованъ впо-

слѣдствіи Россомъ. Вашингтонъ слушалъ съ изумленіемъ молодого француза, излагавшаго ему свой проектъ. Да и было чему удивиться конечно; этотъ странный путешественникъ собирался, повидимому, привести въ исполненіе свой планъ исключительно только собственными силами, не имѣя съ собою ни людей, ни денегъ. Замѣтивъ, однако, что Вашингтонъ смотритъ на него съ изумленнымъ недовѣріемъ, молодой Шатобріанъ воскликнулъ съ оттѣнкомъ досады: «Да, но вѣдь гораздо легче открыть сѣверо-западный проходъ, чѣмъ создать націю, какъ вы это сдѣлали!»—«Well, well, young man! (хорошо! хорошо! юноша) вскричалъ Вашингтонъ, которому видимо понравился этотъ отвѣтъ и, взявъ руку Шатобріана, онъ сильно потрясъ ее.

Въ заключеніе Бреаль распространился о пользѣ, приносимой болѣе близкимъ знакомствомъ и общеніемъ съ другими странами и указалъ на американцевъ, которые, не смотря на то, что имѣютъ въ своемъ отечествѣ всѣ средства для своего образованія, такія же, какія имъ можетъ предложить Европа, все-таки отправляются въ Европу и, благодаря этой любви къ путешествіямъ, усвоиваютъ себѣ болѣе широкій умственный кругозоръ.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ ораторовъ, говорили еще многіе другіе, указывавшіе на значеніе чествованія памяти такихъ людей, какъ Вашингтонъ. «Не мѣшаетъ почаще напоминать о нихъ современному обществу!»,—сказалъ одинъ изъ ораторовъ.

Праздникъ имѣлъ большой успѣхъ и завершился, какъ и слѣдовало ожидать, пѣніемъ національныхъ гимновъ, американскихъ «Star Spangled Banner» и «America» и французскаго—«Марсельезы».

Нью-іоркскій король. Въ демократической Сѣверной Америкѣ короли представляютъ гораздо болѣе частое явленіе, чѣмъ въ монархической Европѣ. Но американскіе короли совершенно другого рода; это все короли промышленности; тутъ есть желѣзнодорожные короли, нефтяные, каменноугольные, хлѣбные и др. Каждый изъ такихъ королей ворочаетъ какою-нибудь значительною отраслью промышленности. Но въ Нью-Іоркѣ есть свой король, не стоящій во главѣ какого-либо промышленнаго предпріятія, и тѣмъ не менѣе пользующійся громаднымъ престижемъ и вліяніемъ. Это Ричардъ Крукеръ, предсѣдатель знаменитаго «Тамани-Голла».

Въ 14-й улицѣ Нью-Іорка возвышается зданіе извѣстное подъ названіемъ Тамани-Голла. Въ первые дни мая, въ 1789 году, тогда, когда Нью-Іоркъ насчитывалъ едва 30.000 жителей, нѣсколько пламенныхъ патріотовъ основали патріотическое общество, названное ими: «Общество Тамани-Голла и колумбійскаго ордена». Тамани былъ индійскій вождь, подвиги котораго, носившіе почти легендарный характеръ, производили на колонистовъ очень глубокое впечатлѣніе. Такъ какъ общество не обладало большими средствами, то оно рѣшило уступить часть своего помѣщенія, Тамани-Голла, генаральному республиканско-демократическому комитету Нью-Іорка, который, водворившись въ этомъ зданіи, мало-по-малу захватилъ его и постепенно переманилъ большинство членовъ прежняго патріотическаго общества. Въ концѣ-концовъ это общество исчезло и вмѣсто него водворился комитетъ, даже присвоившій себѣ и самое названіе Тамани-Голла.

Въ настоящее время Тамани-Голлъ представляетъ центръ, вокругъ котораго вращается вся политическая жизнь Нью-Іорка и откуда исходятъ всѣ приказанія, формулируются и составляются программы, заключаются соглашенія и устраиваются коалиціи. Въ Тамани-Голлѣ находится постоянный комитетъ, всегда превосходно освѣдомленный и требующій безусловнаго повиновенія своимъ рѣшеніямъ. Кромѣ этого комитета, состоящаго изъ 60-ти членовъ и предсѣдателемъ котораго состоитъ Ричардъ Крукеръ, находится еще нѣсколько вспо-

могательныхъ комитетовъ и подкомитетовъ. Механизмъ дѣйствія этихъ комитетовъ слѣдующій: при предложеніи выборовъ организаціонный комитетъ представляетъ докладъ генеральному комитету и сообщаетъ ему списокъ кандидатовъ и всѣ относящіяся къ нимъ подробности. Предсѣдатель, разсмотрѣвъ докладъ, составляетъ свой списокъ кандидатовъ и назначаетъ «капитановъ округа», числомъ 1.100, т.-е. столько, сколько существуетъ избирательныхъ бюро въ большомъ городѣ. Каждый изъ этихъ кандидатовъ отвѣчаетъ за то, чтобы число бюллетеней партій (демократическихъ), не только не уменьшилось, но еще и возрасло, комитетъ знаетъ приблизительно, какимъ числомъ бюллетеней онъ можетъ располагать въ томъ или иномъ округѣ и на какія прибыли или потери онъ можетъ разсчитывать. Если результаты выборовъ не оправдаютъ его ожиданій и объясненія капитана, назначеннаго въ данный округъ, будутъ признаны недостаточными, то его немедленно отставляютъ отъ должности, и политическая будущность такого капитана окончательно скомпрометирована. Въ противоположномъ случаѣ капитанъ будетъ на хорошемъ счету и получаетъ награду. Понятно поэтому, что капитаны обнаруживаютъ энергичную дѣятельность и зорко слѣдятъ за избирателями въ своемъ округѣ. Сами они находятся въ полной зависимости отъ Тамани-Голла и его директора, который можетъ во всякое время отнять у нихъ средства къ жизни, сгубить ихъ репутацію и лишить кліентовъ, поэтому-то они такъ и стараются угодить ему, и нѣтъ такой индѣйской хитрости, къ которой бы они не прибѣгали, чтобы только доставить своей партіи нѣсколько лишнихъ избирательныхъ бюллетеней.

Болѣе 50 лѣтъ Тамани-Голлъ царствовалъ въ Нью-Іоркѣ безгранично и только между 1893—1897 годами Нью-Іоркъ могучимъ усиліемъ стряхнулъ съ себя иго этого учрежденія, которое распоряжалось всѣмъ въ городѣ, всѣми назначеніями, мѣстнымъ законодательствомъ и т. д. Тамани-Голлъ представлялъ настоящее министерство и съ такимъ же большимъ бюджетомъ, цифра котораго въ точности никому не была извѣстна, какъ неизвѣстны были и источники, откуда, онъ черпалъ свои доходы. Дѣло въ томъ, что всѣ городскія законодательныя учрежденія платятъ дань Тамани-Голлу и цѣны колеблются, смотря по значенію оказанной услуги. Особенно дорого уплачивается за вотированіе какого-нибудь закона, въ которомъ заинтересовано данное учрежденіе; одинъ промышленный синдикатъ, добивавшійся вотированія закона, благопріятствующаго той отрасли промышленности, въ которой онъ былъ заинтересованъ, вступалъ въ соглашеніе съ Тамани-Голломъ, потребовавшимъ за это 300.000 фр. На другой же день сумма эта была внесена и черезъ три мѣсяца законъ вотированъ. Тамани-Голлъ выполняетъ свои обязательства очень добросовѣстно и въ рѣдкихъ случаяхъ неудачи, полученныя деньги всегда возвращаются кліенту. Слѣдуетъ прибавить, что къ поддержкѣ Тамани-Голла прибѣгаютъ не однѣ сомнительныя промышленныя общества, но могущественныя коммерческія компаніи и съ нимъ даже вступаютъ въ переговоры лица, весьма почтенныя. Тамани-Голлъ облагаетъ данью рѣшительно всѣ публичныя должности, промышленныя предпріятія. Всѣ кабаки и различные притоны уплачиваютъ ему дань, такъ какъ муниципалитетъ находится всецѣло въ рукахъ Тамани-Голла и, заручившись его покровительствомъ, имъ нечего опасаться полиціи.

Благодаря такой системѣ, Тамани-Голлъ замѣняетъ въ Нью-Іоркѣ не только прочное и могущественное правительство, но притомъ такое, которое обладаетъ абсолютною властью. Начиная отъ продавца овощей на улицахъ города до какого-нибудь богатѣйшаго негоціанта, всѣ сознаютъ, что въ ихъ интересахъ платить дань учрежденію, которое ложится всею своею тяжестью на политическую жизнь штата, Нью-Іоркъ. Избавить Нью-Іоркъ отъ этой тираніи почти невозможно, тѣмъ болѣе что Тамани-Голлъ составляетъ могущественное орудіе въ рукахъ демократовъ, помогающее имъ одерживать побѣду на выборахъ. Притомъ

же и весь служебный штатъ Тамани-Голла, члены комитетовъ и капитаны округовъ, отличается необыкновенною преданностью, и между персоналомъ Тамани-Голла никогда не бывало ни перебѣжчиковъ, ни измѣнниковъ. Въ теченіе трехъ - четырехъ послѣднихъ лѣтъ власть Тамани-Голла какъ будто начала нѣсколько ослабѣвать и на выборахъ ему случалось терпѣть пораженіе. Но теперь эта власть и престижъ Тамани-Голла снова возстановилась. На недавнихъ выборахъ мэра города Нью-Іорка Тамани Голлъ одержалъ блестящую побѣду, такъ какъ прошелъ кандидатъ, намѣченный Ричардомъ Крукеромъ, и теперь снова Ньюіоркскій муниципалитетъ и весь городъ находятся въ полной и безконтрольной власти Тамани Голла и его главы, Ричарда Крукера.

Что касается Ричарда Крукера, то это спеціальный продуктъ американской жизни. Ирландецъ по происхожденію, Ричардъ Крукеръ осиротѣлъ очень рано и очутился на улицѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію. Долгое время онъ велъ жизнь «уличнаго араба» (Street arab), какъ называютъ дѣтей-бродягъ, наполняющихъ улицы большихъ городовъ. Ричардъ былъ попеременно и чистильщикомъ сапогъ, и разносчикомъ, и посыльнымъ и т. д. Изрѣдка посѣщая школу, онъ успѣлъ выучиться грамотѣ и пристрастился къ чтенію газетъ. Благодаря своему атлетическому тѣлосложенію и образу жизни, при которомъ ему часто приходилось пользоваться своею физическою силой, Ричардъ Крукеръ вскорѣ сдѣлался извѣстенъ, какъ первый боксёръ Нью-Іорка; съ этого можно сказать начиналась его карьера. Скопивъ небольшую сумму и найдя высокихъ покровителей среди американскихъ спортсменовъ, любителей бокса, Крукеръ открылъ кабачекъ и сразу уже сдѣлался такимъ лицомъ въ городѣ, съ которымъ слѣдовало считаться, такъ какъ его заведеніе пріобрѣло извѣстность. Обладая организаторскимъ талантомъ, Ричардъ Крукеръ устроилъ нѣчто вродѣ избирательнаго агентства, конечно негласнаго. Съ этого момента началась и его слава, его поддержки на выборахъ стали добиваться различныя партіи. Онъ открыто сталъ на сторону демократовъ и выборъ его въ президенты Тамани-Голла, послѣ того какъ прежній президентъ этого учрежденія Твидъ, былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, вполнѣ естественное явленіе, такъ какъ никто въ Нью-Іоркѣ не могъ бы соперничать съ Ричардомъ Крукеромъ ни въ отношеніи вліянія, ни въ отношеніи организаторскаго таланта.

Бывшій уличный бродяга, которому теперь 58 лѣтъ, Ричардъ Крукеръ, живетъ въ настоящее время какъ набабъ. Онъ имѣетъ чрезвычайно внушительный и степенный видъ и черты лица обнаруживаютъ непреклоную волю. Власть его и вліяніе безграничны въ городѣ; онъ настоящій король Нью-Іорка. Каждый мальчикъ въ Нью-Іоркѣ знаетъ его и смотритъ на него съ почтеніемъ. Онъ—президентъ могущественнаго Тамани-Голла и этимъ все сказано.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«Revue des deux Mondes».—«Nineteenth Century».— «Revue des revues».

Сынъ умершаго французскаго писателя Альфонса Додэ, Леонъ Додэ, помѣщаетъ въ «Revue de Paris» воспоминанія о своемъ отцѣ. Въ этихъ воспоминаніяхъ напрасно было бы искать какихъ-нибудь хронологическихъ данныхъ или біографическихъ подробностей, авторъ ихъ больше всего заботится о томъ, чтобъ выдѣлить нравственный обликъ своего отца, очертить его умъ и характеръ. Леонъ Додэ передаетъ свои разговоры съ отцомъ, разные мелкіе случаи, обрисовывающіе душевныя свойства великаго писателя, его необыкновенное добродушіе, сообщительность, чисто южную впечатлительность, кротость и ве-

селый нравъ. Несмотря на страданія послѣднихъ лѣтъ, Альфонсъ Додэ не потерялъ ни одного изъ этихъ свойствъ; онъ оставался душой маленькаго кружка, который собирался въ его загородномъ домѣ и часто его заразительная веселость сообщалась окружающимъ, забывавшимъ даже порою, что передъ ними неизлѣчимо больной человѣкъ, дни котораго сочтены...

Альфонсъ Додэ самъ руководилъ воспитаніемъ своего сына, былъ не только его учителемъ, но и товарищемъ его дѣтскихъ игръ и повѣреннымъ его юныхъ лѣтъ. Отецъ читалъ въ душѣ своего сына, какъ въ открытой книгѣ, и Леонъ Додэ привыкъ дѣлиться съ нимъ всѣми своими думами, планами и надеждами. Изъ разсказовъ Леона Додэ видно, что отецъ его никогда не могъ отдѣлаться отъ воспоминаній, оставленныхъ въ немъ страшною бойней 1870 года. Онъ часто говорилъ, что война эта сдѣлала его человѣкомъ. Онъ разсказывалъ, что часто, стоя на часахъ подъ снѣгомъ, онъ испытывалъ сильныя угрызенія совѣсти, припоминая свое веселое, безпечное существованіе. Потоки крови сверкали и переливались передъ его глазами; онъ видѣлъ чужія страданія, слышалъ крики побѣдителей и стонъ побѣжденныхъ, сердце его судорожно сжималось и онъ чувствовалъ глубокую жалость къ человѣчеству... Тамъ же, во время этой ужасной войны, онъ почувствовалъ первые симптомы болѣзни, которая впослѣдствіи свела его въ могилу. Но тогда онъ не обратилъ на это вниманія; онъ былъ весь поглощенъ тѣмъ, что совершалось вокругъ него, и не могъ думать ни о чемъ другомъ. Эта война внушила ему чувство горячаго восхищенія къ арміи и военнымъ и онъ возвелъ армію въ святыню. «Тѣ, кто жертвуетъ своею жизнью—должны быть выше другихъ людей!» всегда говаривалъ Альфонсъ Додэ и этимъ можно объяснить его письмо по дѣлу Дрейфуса, въ которомъ онъ вступается за неприкосновенность военныхъ судей или, вѣрнѣе, за ихъ непогрѣшимость. Уваженіе къ военному сословію, къ военному мундиру, доходило у него до степени культа. «L'année terrible» (Ужасный годъ)—такъ онъ называлъ 1870 г.—являлся поворотнымъ пунктомъ не только въ его жизни, но и въ жизни цѣлой націи, въ нравахъ, предразсудкахъ и культурѣ. Франція до 1870 года и послѣ—о какая разница! Если случалось его сыну хвалить при немъ какого-нибудь нѣмца, то онъ всегда какъ-то насупливался и бормоталъ: «Да, да, эти ничтожные побѣдители!» На немъ, какъ будто, болѣе чѣмъ на комъ-нибудь другомъ отразилось смятеніе, вызванное этою трагической эпохой. Онъ постоянно разсказывалъ своимъ дѣтямъ объ этой эпохѣ и сильно желалъ, чтобы они прониклись его взглядами и чувствами. У него въ библіотекѣ можно было найти все, что только было напечатано о войнѣ 1870—1871 г. и онъ переживалъ ее, читая эти книги. Ничто не могло вызвать въ немъ такого волненія и гнѣва, какъ то, что онъ называлъ «легкомысленнымъ отношеніемъ къ великому погрому», Добродушный Альфонсъ Додэ выходилъ изъ себя и сердился, когда ему говорили о гораздо болѣе важномъ значеніи многихъ современныхъ вопросовъ. «Развѣ можно забыть то, что было пережито въ эту памятную эпоху!» восклицалъ онъ. За четыре дня до смерти, онъ пришелъ въ совершенно такое же волненіе по поводу одного разговора о злобахъ дня, волнующихъ современное общество. «Но я видѣлъ и пережилъ 71-й годъ!—воскликнулъ онъ, ударяя по столу своею исхудалою рукой.—Еслибъ они видѣли, выстрадали этотъ погромъ, такъ какъ я!..» Леонъ Додэ всячески старался его успокоить,—«Папа, папа,—говорилъ онъ,—не волнуйся... Вѣдь мы всѣ раздѣляемъ твои взгляды, думаемъ такъ же, какъ и ты... Ну, будь же спокойнѣе!»

Домашніе Альфонса Додэ, зная его чувствительность въ этомъ отношеніи, старались избѣгать и не затрогивать болѣе или менѣе жгучіе вопросы въ его присутствіи и тщательно оберегали его отъ всякихъ волненій. Ясность духа Альфонсъ Додэ сохранилъ до самой своей смерти, Леонъ Додэ говоритъ, между прочимъ, что его отецъ никогда не могъ отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ суевѣрій

и вызваннаго ими боязливаго чувства. Переѣздъ въ новый домъ, устройство на новомъ мѣстѣ особенно содѣйствовали появленію этого чувства, и онъ даже записалъ въ своей памятной книжкѣ свои боязливыя предчувствія; ему казалось, что вслѣдъ за окончаніемъ новаго дома и водвореніемъ въ немъ непремѣнно должны послѣдовать болѣзнь и смерть.

Въ «Revue des deux Mondes» обращаетъ на себя вниманіе блестящая статья Эдуарда Рода о послѣдней драмѣ Зудермана: «Iohannes» (Іоаннъ Креститель). Родъ находитъ эту драму не только однимъ изъ лучшихъ произведеній Зудермана, но и безусловно самымъ выдающимся среди всѣхъ, написанныхъ за послѣдніе годы на тему евангельской легенды. Величавый образъ загадочнаго человѣка, о которомъ Іисусъ говорилъ: «Изъ рожденныхъ женами не возставалъ большій Іоанна Крестителя», и о которомъ мы знаемъ однакожъ изъ Евангелія лишь внѣшніе факты его жизни,—въ драмѣ становится намъ понятнымъ и близкимъ. Это послѣдній представитель славнаго ряда пророковъ народа израильскаго, возставшій въ часъ сумерекъ, наканунѣ окончательной гибели еврейской цивилизаціи. Онъ не обладаетъ ни ученостью, ни авторитетомъ своихъ грозныхъ предшественниковъ; вотъ почему онъ бѣжитъ въ пустыню; остатки вѣрованій и традицій, отголоски героическаго прошлаго еврейскаго народа, смутная тоска и предчувствіе близости новой эры приводятъ къ нему учениковъ. Но Іоаннъ не можетъ дать имъ свѣта, онъ самъ ищетъ его. Душа его полна сомнѣній и тревоги, онъ самъ не знаетъ, то ли онъ говоритъ, что надо; въ немъ нѣтъ увѣренности древнихъ пророковъ; онъ истый сынъ своего вѣка, и, какъ лучшій сынъ его, больнѣе всѣхъ переживаетъ его агонію. Единственная свѣтлая точка въ его душѣ—воспоминаніе о молодомъ человѣкѣ, котораго онъ крестилъ однажды въ водахъ Іордана, и о томъ, какъ, въ моментъ, когда съ неба раздался голосъ: «Сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же все мое благоволѣніе!»—сомнѣнія, терзавшія его, разсѣялись, и миръ воцарился въ душѣ его. Онъ слыхалъ, что на берегахъ Генисаретскаго озера проявился новый проповѣдникъ, который учитъ любить даже враговъ, окружаетъ себя бѣдными и смиренными и гонитъ прочь фарисеевъ, но онъ не знаетъ, что думать о немъ. По традиціи, онъ рисуетъ «того, кто долженъ придти», великимъ и могущественнымъ царемъ, повергнувшимъ въ прахъ своихъ враговъ и возсѣвшимъ на царство при кликахъ «Осанна!» народа израильскаго, но самъ не вѣритъ своему описанію. Сомнѣніе парализуетъ его. Вотъ онъ на ступеняхъ храма, готовый первый бросить камнемъ въ Ирода съ Иродіадой, позволившихъ себѣ явиться въ храмъ и осквернить святыню. Народъ ждетъ только сигнала, ученики шепчутъ ему: «Брось! брось камень!» Онъ уже поднялъ руку и начинаетъ: «Во имя того, кто...»—но языкъ не повинуется ему; онъ вспоминаетъ о странномъ, непонятномъ ученіи назареянина и, противъ воли бормоча: «...кто велитъ мнѣ... любить... тебя...»—роняетъ камень.

До послѣдней минуты сомнѣніе мучитъ Іоанна. Иродъ ввергнулъ его въ темницу, но онъ не страшится смерти; онъ презираетъ любовь красавицы Саломеи; онъ весь ушелъ въ ожиданіе возвращенія пословъ, которыхъ онъ отправилъ къ учителю спросить: «Ты-ли тотъ, который долженъ придти, или ожидать намъ другого?» На пиру, когда оскорбленная и отвергнутая Саломея, требуетъ, въ награду за свою пляску, головы Іоанна Крестителя, узника приводятъ въ залу пиршества, для потѣхи гостей. Сюда же вводятъ возвратившихся пословъ, которые передаютъ ему отвѣтъ Іисуса: «Скажите Іоанну, что слышите и видите: слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ; мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ. И блаженъ, кто не соблазнится о мнѣ!»—Этотъ отвѣтъ разсѣялъ послѣднія сомнѣнія Іоанна; свѣтъ осіялъ его; онъ понялъ, что Іисусъ и есть ожидаемый мессія и что онъ несетъ міру новый завѣтъ и новую силу: любовь. Онъ, Іоаннъ, посланный лишь уготовать путь «тому,

кто долженъ придти», не имѣлъ этой любви; онъ хотѣлъ управлять жестокостью, и потому сила его сгибла и голосъ умолкъ. Но ему не жаль себя: «Я слышу: все затрепетало кругомъ, вижу ослѣпительный, неземной свѣтъ... Поддерживаемый огненными столбами, тронъ спускается съ неба. На немъ—князь мира въ бѣлыхъ одеждахъ. И мечъ егозовется «любовью» и боевой кличъ его «милосердіе»...

Іоаннъ, преображенный, въ экстазѣ поднимаетъ руки къ небу; послы падаютъ къ его ногамъ. Смущенный Иродъ приказываетъ увести его и казнить; въ то время, какъ окровавлонная голова его циркулируетъ между гостями, вдали показывается фигура Спасителя, окруженная учениками. Одна эра отошла въ вѣчность; занимается заря новой эры.

Въ мартовской книжкѣ журнала «The Nineteenth Century» помѣщена интересная статья В. С. Лилли (Lilly): «Методы инквизиціи». Рѣчь идетъ не о средневѣковой инквизиціи, но о новѣйшей и болѣе близкой намъ, объ инквизиціи, которая свирѣпствовала въ южной Европѣ до половины XVIII вѣка,—въ Испаніи, въ царствованіе Филиппа V-го (1700—1745 г:) было сожжено 1.500 еретиковъ, а въ Римѣ была уничтожена только въ 1870 г., вмѣстѣ съ паденіемъ свѣтской власти папъ. Матеріаломъ для статьи послужила небольшая, но весьма поучительная книжечка «Sacro Arsenale» (священный арсеналъ)—нѣчто вродѣ спутника и практическаго руководства для инквизитора, соч. отца Елисея Мазини, знаменитаго болонскаго инквизитора, съ авторитетными примѣчаніями д-ра Джіованни Паскуалоне, фискала верховнаго римскаго инквизиціоннаго трибунала.

Въ этой книжечкѣ, раздѣленной на 10 частей, подробно изложена вся процедура инквизиціоннаго допроса и слѣдствія, всѣ поводы къ обвиненію, всѣ формы и виды наказаній; кромѣ того, она заключаетъ въ себѣ весьма наивную апологію инквизиціи и пытки, которую авторъ передаетъ съ неподражаемымъ юморомъ.

«Высокимъ саномъ и верхновной властью облеченъ инквизиторъ; призваніе его высшее изъ всѣхъ!»—восклицаетъ отецъ Мазини, и тутъ же объясняетъ, почему. Во-первыхъ, инквизиторъ посланъ папой судить и вѣдать дѣла вѣры и религіи, слѣдовательно, представляетъ собой особу его святѣйшества. Во-вторыхъ, по причинѣ высокихъ достоинствъ, величія и большого количества лицъ, которыя, отъ начала міра и до нашихъ временъ, слѣдовали этому призванію; первое между ними—самъ Всемогущій Богъ, удивительный и чудесный инквизиторъ, какъ то испытали на себѣ Адамъ и Ева, народъ израильскій и многіе другіе. Наконецъ, вслѣдствіе обширной власти, предоставленной инквизиціи надъ людьми всѣхъ сословій, живыми и мертвыми, власти приказывать, запрещать, вызывать въ судъ, допрашивать, пытать, разрѣшать, осуждать и т. д., на страхъ злымъ и въ неоцѣненное утѣшеніе добрымъ. «Священный арсеналъ» различаетъ пять категорій лицъ, которыя подлежатъ суду св. инквизиціи: 1) еретики и заподозрѣнные въ ереси, 2) укрыватели ереси, 3) чародѣи, колдуны и чернокнижники, 4) богохульники и 5) оказывающіе сопротивленіе ср. трибуналу или членамъ его. Настоящій еретикъ тотъ, кто оскорбилъ словомъ, дѣломъ или знакомъ одинъ изъ догматовъ католицизма, или же отрекся отъ св. вѣры и перешелъ въ другую. Заподозрѣнъ въ ереси можетъ быть всякій, кто, словомъ или дѣломъ, далъ поводъ думать, что онъ плохой католикъ; кто, напримѣръ, непочтительно отзывается о вѣрѣ или злоупотребляетъ освященными предметами, святой водой, церковными свѣчами, кто читаетъ или даетъ другимъ читать запрещенныя книги, не соблюдаетъ постовъ, ходитъ слушать еретическія проповѣди, дружитъ съ еретиками, и т. д. Инквизиціонный трибуналъ могъ вчинать дѣло по собственной иниціативѣ, на основаніи слуховъ, но по большей части поводомъ къ суду служитъ доносъ. До-

носчикомъ нерѣдко руководилъ страхъ, чтобъ его не заподозрили въ укрывательствѣ, или приказаніе духовника. Какъ его, такъ и указанныхъ имъ свидѣтелей допрашивали подъ присягой, а если свидѣтели упорствовали, не хотѣли или не могли припомнить фактовъ и словъ, сообщенныхъ доносчикомъ, прибѣгали къ пыткѣ. Въ «священномъ арсеналѣ» приведенъ такой примѣръ: сапожникъ, Бельтрамо Агости, привлеченъ къ суду инквизиціи за то, что онъ, во время игры въ кости съ товарищами, проигравшись, съ досады нѣсколько разъ произнесъ: «*Puttano di Dio!*» Донесъ человѣкъ, случайно слышавшій его слова, по приказанію духовника, свидѣтели, участники игръ, подъ угрозой пытки, сознались; ихъ допрашивали, конечно, не въ присутствіи обвиняемаго, ибо «сіе не подобаетъ столь святому трибуналу». Обвиняемаго посадили въ тюрьму и подвергли допросу подъ присягой, взявъ съ него предварительно клятву молчать обо всемъ (такъ же какъ съ доносчика и свидѣтелей). Онъ запирается. Оказывается, необходимымъ подвергнуть его допросу «съ пристрастіемъ», какъ говаривали у насъ въ доброе старое время, т. е. попросту пыткѣ, которую св. инквизиція считаетъ, не наказаніемъ, но лишь средствомъ добиться истины. По мнѣнію отца Мазини, это средство «вовсе не несовмѣстно съ кротостью и добросердечіемъ, подобающимъ лицамъ духовнаго званія. Если даже доказательства законны, ясны и, какъ говорится, убѣдительны *in suo genere*, инквизиторъ можетъ и долженъ, никоимъ образомъ не заслуживая порицанія, прибѣгать къ пыткѣ, дабы обвиняемые, сознавшись въ своихъ преступленіяхъ, обратились къ Господу и черезъ наказаніе спасли души свои». По приведеніи на мѣсто пытки судьямъ предписывается «ласково увѣщевать обвиняемаго, совѣтуя ему имѣть страхъ Божій передъ очами и говорить лишь чистую и святую правду, и не клепать напрасно ни на кого, ибо за это ему придется отвѣчать и въ сей жизни и въ будущей». Послѣ этого кроткаго увѣщанія, бѣдняка вздергивали на дыбу. Эта пытка была самая употребительная въ прошломъ вѣкѣ и называлась *strappado*. Она состояла въ слѣдующемъ: обвиняемому связывали руки за спиной, кисти обвязывали веревкой, подымали его на блокѣ подъ самую крышу застѣнка, и потомъ онъ съ размаху падалъ внизъ, почти касаясь пола. Иные инквизиторы предпочитали поджаривать подошвы ногъ на медленномъ огнѣ; но этотъ родъ пытки, какъ вредный для здоровья и не подобающій милосердному духовному суду, не рекомендовался. Были въ употребленіи также винтовой сапогъ и наперстокъ, постепенно сдавливающіе ногу и пальцы руки. Мудрый отецъ Мазини предусмотрительно совѣтуетъ подвергать пыткѣ обвиняемаго не иначе, какъ 9—10 часовъ спустя послѣ принятія пищи, и не придавать одинаковой вѣры всѣмъ словамъ пытаемаго. Если онъ, напримѣръ, подъ вліяніемъ боли, начнетъ взводить на себя небылицы—добросовѣстный инквизиторъ долженъ относиться къ такому показанію скептически. Пытку предписывается отъ времени до времени прерывать, чтобы еще разъ предложить обвиняемому сознаться; кромѣ того, рекомендуется тщательно записывать не только рѣчи и жесты пытаемаго, но также всѣ его вздохи, крики, жалобы и слезы.

Св. инквизиція признавала за обвиняемымъ право защищаться и назначала ему отъ себя адвоката, если только онъ не предпочиталъ самъ себѣ выбрать защитника. Но положеніе этого защитника было довольно щекотливое. Слишкомъ горячая защита могла навлечь на него обвиненіе въ укрывательствѣ ереси, поэтому онъ старался главнымъ образомъ доказать, что обвиненіе ложно, что оно взведено по злобѣ и что кліентъ его добрый католикъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ судъ оканчивался оправданіемъ. Если обвиняемый, даже и подъ пыткой, не сознавался въ еретическомъ намѣреніи, онъ оставался подъ подозрѣніемъ, легкимъ, сильнымъ или чрезвычайнымъ; второе влекло за собой семь лѣтъ галеръ, третье пожизненное тюремное заключеніе.

По поводу надѣлавшаго шуму открытія д-ра Шенка, въ Европѣ заговорили о его предшественникѣ, нашемъ соотечественникѣ, профессорѣ харьковскаго университета, Оршанскомъ. Оршанскій, двадцать лѣтъ работая надъ вопросомъ наслѣдствености въ нормальныхъ и больныхъ семьяхъ, зашелъ гораздо дальше Шенка въ своихъ изслѣдованіяхъ и получилъ не мало цѣнныхъ выводовъ. Къ сожалѣнію, мало у кого, даже изъ спеціалистовъ, хватитъ терпѣнія одолѣть его объемистую книгу, изобилующую цифрами и таблицами.

Паула Ломброзо, недавно выступившая въ печати съ нѣсколькими научно популярными статьями и, очевидно, идущая по стопамъ своего знаменитаго отца, отзывается о трудѣ профессора Оршанскаго съ глубокимъ уваженіемъ (*Revue des Revues*, 15 *Février*). Приводимъ нѣкоторые изъ любопытныхъ выводовъ, заимствованныхъ ею изъ его книги: «Наслѣдственность въ нормальныхъ и больныхъ семьяхъ».

Оршанскій находитъ, что рожденіе дѣвочки или мальчика зависитъ не только отъ питанія и физическаго здоровья матери, но и отъ того, кто изъ родителей ближе къ maximum'у своего физическаго развитія. Такъ, напримѣръ, если матери 23 года, а полнаго физическаго развитія она достигла 20 лѣтъ, тогда какъ отцу 35 лѣтъ, а предѣльнаго развитія онъ достикъ 26,—больше шансовъ, что родится дѣвочка; и обратно, если отецъ ближе къ эпохѣ своей зрѣлости, чѣмъ мать, больше вѣроятія, что родится мальчикъ. Согласно этому, въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ первый ребенокъ былъ мальчикъ, рождается больше сыновей, чѣмъ дочерей; въ тѣхъ-же, гдѣ первой родилась дѣвочка, будетъ больше дочерей. Сыновья по большей части походятъ на отца, дочери на мать; чѣмъ моложе родители, тѣмъ рѣзче передается сходство.

Рожденіе дочери есть признакъ не только исключительно хорошаго питанія и здоровья матери, но также хорошаго физическаго состоянія и жизнеспособности обоихъ родителей. Это подверждается многими фактами: новорожденная дѣвочка вѣситъ всегда больше новорожденнаго мальчика; большинство мертворожденныхъ дѣтей—мальчики; близнецы по большей части бываютъ также мальчики. Соціологія показываетъ, что въ эпохи упадка расы рождается больше дѣтей мужскаго пола; то же наблюдается послѣ войнъ и періодовъ голода, т. е. при ухудшенныхъ физіологическихъ условіяхъ населенія. Въ семьяхъ бѣдняковъ рѣдко встрѣчается изобиліе дочерей; въ богатыхъ семьяхъ видимъ обратное. Такимъ образомъ, наперекоръ общепринятому мнѣнію, родителямъ слѣдовало бы больше радоваться рожденію дочери, чѣмъ сына. А между тѣмъ, предразсудокъ такъ укоренился, что многіе, узнавъ объ открытіи д-ра Шенка, восклицали: «Но вѣдь если выборъ возможенъ, всѣ захотятъ имѣть мальчиковъ!»

Еще болѣе любопытны и цѣнны выводы Оршанскаго относительно наслѣдственной передачи болѣзней. Если у чахоточнаго отца и здоровой матери родился ребенокъ мужскаго пола, шансы его на то, что и онъ будетъ чахоточный, выражаются отношеніемъ 4 : 5; если же родилась дѣвочка, ея шансы на полученіе болѣзни минамальны — 1 : 5. У здороваго отца и чахоточной матери вѣроятіе полученія чахотки путемъ наслѣдственной передачи выражается, для сыновей — 3 : 5, для дочерей — 2 : 5. Отецъ обнаруживаетъ склонность передавать болѣе тяжелую форму болѣзни, мать—смягченную; дочери въ этомъ отношеніи менѣе воспріимчивы, чѣмъ сыновья. То же наблюдается при наслѣдственной передачѣ алкоголизма, безумія и т. д. Женщина, созданная природой для того, чтобы быть матерью, не только физіологически приспособлена къ своей функціи, но и одарена способностью защищать своихъ дѣтей, даже еще не родившихся, отвращая отъ нихъ страшную угрозу наслѣдственной передачи болѣзней. Молодые родители, 20 — 30 лѣтъ, передаютъ болѣзни чаще и въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ родители въ зрѣломъ возрастѣ. У больныхъ родителей больше дѣтей, чѣмъ у нормальныхъ.

Низкій процентъ рождаемости въ связи съ общественнымъ движеніемъ во Франціи.

(Письмо изъ Парижа).

Однимъ изъ характерныхъ общественныхъ явленій современной Франціи слѣдуетъ признать ея ничтожный приростъ населенія, почти полную неподвижность ея численнаго состава. Извѣстно, что этотъ вопросъ сильно занимаетъ и даже безпокоитъ самихъ французовъ; ему посвящена цѣлая литература; изслѣдуются причины слабой рождаемости, высказываются опасенія за будущее Франціи, предлагаются законодательныя мѣры. Въ изученіи вопроса принимали и принимаютъ участіе не только статистики по профессіи и патентованные патріоты, въ родѣ Жана Бертильона, но и такіе крупные люди, какъ Левассеръ, Тардъ, Гюйо, Фулье. Франціи, по словамъ Рише, грозятъ въ настоящее время не многія опасности, а лишь одна: исчезнуть отъ бездѣтности. Бертильона болѣе всего безпокоитъ убывающая относительная численность французскаго народа въ ряду другихъ европейскихъ націй и вытекающія отсюда неудобства международнаго характера. Гюйо глубже и шире ставитъ вопросъ: «Жизнь,—говоритъ онъ,—гораздо интенсивнѣе у народа, въ которомъ численно преобладаютъ молодыя поколѣнія, жаждущія жить и найти для себя мѣсто подъ солнцемъ; борьба за существованіе гораздо плодотворнѣе, когда она ведется не усталыми людьми, потерявшими энтузіазмъ къ труду, а молодыми; нація съ бо́льшимъ процентомъ молодого поколѣнія представляетъ собою болѣе богатый и устойчивый организмъ; это какъ бы паровая машина подъ болѣе высокимъ давленіемъ. Половина, а быть можетъ, и три четверти выдающихся людей принадлежатъ къ многочисленнымъ семьямъ; нѣкоторые изъ нихъ родились десятыми и даже двѣнадцатыми; такимъ образомъ, уменьшать семьи значитъ—понижать талантливость націи... Единственный ребенокъ имѣетъ, въ среднемъ, менѣе шансовъ сдѣлаться замѣчательнымъ человѣкомъ... Всякій ребенокъ, надѣющійся быть единственнымъ наслѣдникомъ небольшого состоянія, неизбѣжно проявитъ менѣе энергіи въ борьбѣ за жизнь. Наконецъ, это—физіологическій фактъ, что перворожденные—часто оказываются менѣе сильными и умственно одаренными» *). Гюйо занимаетъ также и вопросъ объ абсолютной численности французскаго народа, но онъ имѣетъ въ виду будущее всего человѣчества, уровень котораго можетъ понизиться, если, при сліяніи расъ, наиболѣе численными окажутся наименѣе одаренныя.

Мы не будемъ однако останавливаться на обсужденіи мѣръ, предлагаемыхъ съ цѣлью увеличенія народонаселенія Франціи, такъ какъ онѣ не представляютъ общаго интереса. Явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, врядъ ли можетъ быть разсматриваемо, какъ общественный вопросъ: оно служитъ скорѣе симптомомъ извѣстныхъ внутреннихъ процессовъ національной жизни и, взятое отдѣльно, едва-ли доступно какимъ бы то ни было общественнымъ мѣропріятіямъ. Но какъ симптому и стихійному соціальному фактору, ему нельзя отказать въ огромномъ значеніи. Въ самомъ дѣлѣ, приростъ населенія признается за одну изъ главныхъ движущихъ силъ въ процессѣ общественной эволюціи. «Автоматическое возростаніе населенія,—говоритъ авторъ *Очерковъ по исторіи русской культуры*,—является главнымъ толчкомъ, заставляющимъ людей увеличивать количество труда, необходимаго для поддержанія жизни, и измѣнять его форму» **). Съ другой стороны, установлена зависимость самого прироста на-

*) M. Guyau, *L'Irréligion de l'Avenir*, стр. 268.
**) П. Милюковъ, часть первая, стр. 22.

селенія отъ данныхъ экономическихъ и общественныхъ условій страны. Каждому фазису экономическаго развитія соотвѣтствуетъ свой законъ народонаселенія; вмѣстѣ съ измѣненіемъ экономическихъ и общественныхъ условій измѣняется быстрота прироста населенія. Въ настоящее время Франція представляетъ въ этомъ отношеніи нѣчто совершенно исключительное: ростъ ея населенія прекратился; ея численный составъ стоитъ на неподвижной точкѣ; въ пятилѣтній періодъ съ 1890 по 1894 г., число родившихся во Франціи равнялось 4.312.000, а число умершихъ—4.300.000, что составляетъ на 39 милліоновъ жителей совершенно ничтожный ежегодный приростъ; въ 1896 году въ 61 изъ 87 департаментовъ число умершихъ даже превысило число родившихся *).

Чрезвычайно интересно поэтому познакомиться съ причинами, которыми объясняется этотъ крупный соціальный фактъ, и съ другой стороны, обратить вниманіе на неизбѣжныя послѣдствія, какія должны быть вызваны во Франціи отсутствіемъ одного изъ главныхъ импульсовъ общественной эволюціи. Мы думаемъ, что это поможетъ намъ понять нѣкоторыя особенности французской общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ представитъ извѣстный историческій интересъ.

Прежде всего необходимо установить фактическую сторону дѣла. Съ конца тридцатыхъ годовъ этого вѣка рождаемость во Франціи начало замѣтно уменьшаться и съ неизмѣннымъ постоянствомъ падала въ теченіе всѣхъ остальныхъ десятилѣтій. Съ 1801 по 1836 г. во Франціи насчитывалось ежегодно болѣе 30 рожденій на каждую тюсячу жителей; въ періодъ іюльской монархіи эта цифра понизилась до 27; при второй имперіи — до 26; въ 1870 году было 25,5 рожденій на 1.000 жителей; въ теченіе пяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за войною, число рожденій повысилось до 26, но затѣмъ снова стало непрерывно падать и къ 1890 году упало до 21,9; въ 1893 году оно равнялось 23,1; въ 1894—22,3.

Чтобы понять все значеніе этихъ цифръ необходимо сравнить ихъ съ соотвѣтствующими цифрами другихъ странъ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ указано среднее число рожденій на 1.000 жителей въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ за послѣдніе годы **).

Россія	48—50	Голландія	33.
Венгрія	40—42	Швеція, Норвегія	31
Италія, Испанія	37—38	Великобританія	30,5
Цислейтанія	36,5	Бельгія	29
Германія	36	Швейцарія	28

Непосредственные результаты столь значительной разницы въ быстротѣ роста населенія Франціи и другихъ странъ хорошо обнаруживаются при сопоставленіи общаго числа ихъ жителей въ болѣе или менѣе отдаленныя одна отъ другой эпохи. Такъ, въ 1801 году въ Великобританіи было 16.250.000 жителей, а во Франціи 27.400.000; въ 1890 же году въ Великобританіи оказывается почти столько же жителей, какъ и во Франціи. Около 1850 г. Германія и Франція (предполагая у нихъ тѣ же границы, что и въ настоящее время) имѣли почти одинаковое число жителей; нынѣ число германцевъ 15 милліонами превышаетъ число французовъ. Каждые три года Германія выигрываетъ эквивалентъ Эльзаса-Лотарингіи... Рожденію одного француза соотвѣтствуетъ рожденіе немного болѣе двухъ нѣмцевъ. Французы каждый день теряютъ одно сраженіе, гово-

*) Levasseur, *La dépopulation de la France* (*Revue politique et parlementaire*. октябрь 1897 г.).

**) Эти цифры собраны въ статьѣ Поля Леруа-Больё въ октябрьской книжкѣ *Revue des Deux Mondes* за 1897 г.

рилъ маршалъ Мольтке *). Если взять для сравненія два государства съ почти одинаковымъ числомъ жителей, Англію съ 38 милліонами населенія и Францію съ 39 милліонами, то легко видѣть что въ первой на ея общественной сценѣ оказывается ежегодно 437 тысячами болѣе дѣйствующихъ лицъ, между тѣмъ какъ во второй, при меньшей рождаемости и большей смертности **), число дѣйствующихъ лицъ остается почти неизмѣннымъ.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, факты. Посмотримъ теперь, какими причинами объясняетъ ихъ большинство французскихъ изслѣдователей.

Что касается чисто физіологическихъ причинъ, то по общему признанію онѣ не могутъ играть значительной роли. Возможно, что чрезмѣрное развитіе нервозности и усиленный умственный трудъ имѣютъ вліяніе на пониженіе рождаемости, но дѣйствіе этихъ причинъ не распространяется пока на массы населенія. Кромѣ того, значительныя колебанія въ ту и другую сторону, наблюдаемыя въ ростѣ населенія одной и той же страны, въ теченіе сравнительно короткаго времени, исключаютъ возможность объясненія ихъ физіологическими причинами; человѣческая природа не мѣняется такъ быстро въ своихъ основныхъ органическихъ функціяхъ. По вычисленіямъ Левассера, въ Англіи (безъ Шотландіи и Ирландіи) въ концѣ XVI вѣка насчитывалось около 5.000.000 жителей; въ концѣ XVII — около 6.000.000, т. е. ея населеніе въ теченіе одного вѣка увеличилось на 20%; затѣмъ въ XVIII вѣкѣ, особенно во второй его половинѣ, послѣ 1760 г., вслѣдъ за начавшейся экономической революціей, оно стало возростать гораздо быстрѣе и къ 1801 году достигло 8.800.000, т. е. въ тотъ же промежутокъ времени возрасло на 46%; но особенно быстро оно возростало въ первую половину XIX в., въ періодъ необычайнаго развитія англійской фабричной промышленности: къ 1896 году населеніе Англіи равнялось уже 30.730.000 жителей, т. е. увеличилось за текущее столѣтіе болѣе чѣмъ на 250%. Населеніе всей Великобританіи съ 1801 по 1888 годъ возрасло съ $16^{1}/_{4}$ милліоновъ до 37. Но во второй половинѣ XIX вѣка ростъ англійскаго населенія замедляется, вслѣдствіе начавшагося уменьшенія рождаемости: въ 1874—1876 гг. число рожденій равнялось 36,4 на каждую тысячу жителей: въ настоящее время оно упало до 30,5. Такого же рода болѣе или менѣе значительныя колебанія въ ежегодномъ числѣ рожденій замѣчаются и во всѣхъ другихъ странахъ. Очевидно, что эти колебанія не могутъ быть объяснены соотвѣтствующими физіологическими измѣненіями въ человѣческомъ организмѣ ***). Каковы бы ни были основныя причины, вызывающія повышеніе или пониженіе рождаемости въ данномъ обществѣ, онѣ дѣйствуютъ не непосредственно на воспроизводительную способность людей, а болѣе сложнымъ путемъ, вліяя на количество браковъ и на возрастъ вступающихъ въ бракъ, а главнымъ образомъ — на число рождаемыхъ дѣтей, опредѣляемое болѣе или менѣе сильнымъ нежеланіемъ родителей имѣть ихъ. Къ этому послѣднему пункту и сводится вопросъ о прекращеніи роста французской націи. Въ самомъ дѣлѣ, ни по количеству безбрачныхъ, ни по возрасту вступающихъ въ бракъ Франція не представляетъ чего-либо исключительнаго среди другихъ европейскихъ народовъ. Число совершающихся въ ней ежегодно браковъ (7,5 на 1.000 жителей) то же, что и въ Италіи, и почти одинаково съ соотвѣтствующими числами Англіи и Германіи (7,7); кромѣ того, это число вообще очень мало измѣняется: въ періо-

*) Alfred Foullée, *Dépopulation et réformes sociales* (*Revue Bleue*, 1898, № 9).

**) Изъ 1.000 англичанъ ежегодно умираютъ 19; изъ 1.000 французовъ—22.

***) Доказательствомъ того, что малорождаемость во Франціи не зависитъ отъ какихъ-либо физіологическихъ свойствъ французской расы, служитъ тотъ фактъ, что та же самая раса очень быстро размножается въ Канадѣ; въ Алжирѣ также процентъ рождаемости среди французовъ (отъ 30 до 35 на 1.000) гораздо значительнѣе, чѣмъ, напримѣръ въ Нормандіи (20 на 1.000).

одъ отъ 1801 до 1810 г. во Франціи совершалось ежегодно только очень немногимъ болѣе браковъ на каждую тысячу жителей (7,8). Возростъ вступающихъ въ бракъ хотя и обнаруживаетъ стремленіе къ повышенію, но то же самое явленіе наблюдается и въ другихъ странахъ, а въ Англіи—даже въ нѣсколько большей степени. Число бездѣтныхъ браковъ во Франціи также не превышаетъ средней цифры, установленной статистиками для главнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Такимъ образомъ, вопросъ значительно упрощается и сосредоточивается исключительно на маломъ количествѣ дѣтей, воспитываемыхъ французскими семьями *).

Каковы же причины этого интереснаго явленія? Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что оно не составляетъ исключительной принадлежности Франціи: болѣе или менѣе значительное замедленіе роста населенія наблюдается во всѣхъ передовыхъ и демократическихъ государствахъ Европы **); но во Франціи оно ранѣе началось и приняло особенно интенсивный характеръ.

Мы уже видѣли, что законы, которымъ подчиняется ростъ населенія, не могутъ быть сведены къ физіологическимъ; слѣдовательно, они дѣйствуютъ въ области человѣческой психики, т.-е. черезъ посредство болѣе или менѣе элементарныхъ или сложныхъ эмоцій, вызываемыхъ въ массахъ поселенія окружающими общественными условіями. Очевидно, что эти эмоціи не могутъ быть одинаковы ни въ различныхъ общественныхъ классахъ одной и той же страны и эпохи, ни въ одномъ и томъ же классѣ населенія въ различные историческіе періоды. Мы не можемъ, слѣдовательно, надѣяться, что встрѣтимся въ данномъ случаѣ съ универсальными рѣшеніями, хотя, какъ увидимъ, нѣкоторые изъ факторовъ, выдвигаемыхъ изслѣдователями на видное мѣсто, тѣсно связаны съ обще-исторической эволюціей.

Извѣстенъ тотъ фактъ, что рождаемость бываетъ особенно велика среди наиболѣе бѣдныхъ и общественно-неразвитыхъ слоевъ населенія; это явленіе настолько установлено статистикой, что не нуждается въ подтвержденіяхъ. Артуръ Юнгъ въ концѣ XVIII в. предвѣщалъ, что Франція, благодаря мелкой крестьянской собственности, должна превратиться въ «кроличій разсадникъ»; но оказалось, что такимъ разсадникомъ могла быть названа скорѣе Ирландія съ ея бѣдствующимъ и безземельнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Въ настоящее время рождаемость во Франціи всего менѣе именно въ наиболѣе богатыхъ департаментахъ: въ Нормандіи, въ долинѣ Гаронны и въ Бургундію; напротивъ того, она всего значительнѣе въ бѣдныхъ департаментахъ: въ Бретани, въ Лозерѣ и Авейронѣ; въ большихъ городахъ, Брюсселѣ, Лондонѣ, Парижѣ, наибольшее число рожденій насчитывается въ рабочихъ кварталахъ.

Обиліе дѣтей среди угнетеннаго матеріально и соціально населенія объясняется низкимъ уровнемъ личной жизни, отсутствіемъ представленія о лучшемъ будущемъ, крайне слабымъ развитіемъ индивидуальности, или слабою индивидуализаціей, какъ выражается Спенсеръ. Въ этомъ случаѣ отсутствуютъ тѣ задерживающіе психическіе факторы, которыми обусловливается малое число дѣтей во французскихъ семьяхъ. Если мы сдѣлаемъ отсюда тотъ непосредственный выводъ, что съ улучшеніемъ матеріальнаго положенія даннаго класса число рождаемыхъ имъ дѣтей должно уменьшиться, то въ такой общей формѣ этотъ

---

*) Число рожденій, приходящихся на каждый бракъ, равнялось во Франціи, въ періодъ отъ 1800 до 1815 г. 3,93; въ настоящее время эта цифра упала до 2,96.

**) Вотъ сравнительная таблица числа рожденій на 1.000 жителей въ четырехъ европейскихъ государствахъ въ различныя эпохи:

Голландія..	1874—79 г.	36¼	Бельгія....	1831—40 г.	33
	1889—94 »	33		1890—94 »	29
Англія	1874—76 »	36,4	Швейцарія.	1874—79 »	31
	1894—97 »	30,5		1889—94 »	28

выводъ будетъ невѣренъ. Число браковъ и рожденій въ Англіи было особенно велико и ея населеніе возрастало въ необычайной пропорціи именно въ то время, когда быстрое развитіе промышленности обусловливало въ ней повышеніе рабочей платы и улучшеніе матеріальнаго положенія наиболѣе многочисленнаго класса ея жителей. Слѣдовательно, зависимость числа рождаемыхъ дѣтей отъ уровня благосостоянія болѣе сложнаго характера. Въ данномъ случаѣ огромное значеніе имѣло то обстоятельство, что самое количество дѣтей служило средствомъ улучшенія матеріальнаго положенія семьи, такъ какъ заработокъ семилѣтняго ребенка уже оплачивалъ его содержаніе, а дѣти старше двѣнадцати лѣтъ, работая на фабрикахъ, доставляли прямой доходъ родителямъ. Но затѣмъ появляются ограничительные фабричные законы и, наконецъ, обязательное первоначальное образованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ многомилліонной рабочей массы выдѣляются тѣсно сплоченная организація искусныхъ рабочихъ, механиковъ, столяровъ, литейщиковъ и т. д., которые завоевываютъ себѣ сравнительное лучшее положеніе и добиваются болѣе устойчиваго уровня личнаго существованія, менѣе зависимаго отъ чисто стихійныхъ условій рынка. При значительномъ повышеніи уровня личной жизни измѣняется самое отношеніе къ дѣтямъ. Превращеніе ихъ въ доходную статью для семьи становится невозможнымъ психически; возникаетъ даже вопросъ о доставленіи ребенку лучшаго общественнаго положенія, чѣмъ какое занимаютъ его родители. Англійскій экономистъ Маршаллъ,—котораго цитируетъ Поль Леруа-Больё,—констатировавши тотъ фактъ, что перепись 1891 года обнаружила замѣтное пониженіе процента рождаемости въ Англіи, приписываетъ это явленіе, главнымъ образомъ, измѣнившемуся отношенію къ своей жизни въ средѣ британскихъ рабочихъ ассоціаціи (*trades-unions*); аналогичное же явленіе наблюдается и въ Соединенныхъ Штатахъ. Англо-саксонскій рабочій стремится избавиться отъ матеріальныхъ заботъ, связанныхъ съ содержаніемъ многочисленной семьи.

Подобное же стремленіе, очевидно, господствуетъ и въ средѣ французскаго населенія, какъ крестьянскаго, такъ и городского. Такъ какъ оно обнаруживается всего замѣтнѣе въ наиболѣе богатыхъ департаментахъ, то его нельзя объяснить матеріальною невозможностью для крестьянъ прокормить большее количество дѣтей или республиканскими школьными законами, въ силу которыхъ ребенокъ до 13 лѣтъ отрывается отъ полевыхъ работъ. Необходимо предположить, что однимъ изъ главныхъ побужденій, руководящихъ родителями, является стремленіе къ поддержанію и возвышенію общественнаго положенія семьи. «Населеніе, достигнувшее извѣстной степени благосостоянія, не желаетъ ни уменьшать своихъ собственныхъ матеріальныхъ рессурсовъ, подвергая себя новымъ издержкамъ, ни обрекать своихъ дѣтей на низшее положеніе». Этими словами Фулье резюмируетъ сущность того вывода, къ которому приходятъ по данному вопросу Гюйо, Тардъ, Дюмонъ, Левассеръ, Поль Леруа-Болье и др. Одни называютъ это настроеніе «мудрою предусмотрительностью»; другіе приписываютъ его исчезновенію религіознаго чувства или развитію демократическаго духа. Связи роста населенія съ религіознымъ вопросомъ посвящена цѣлая глава въ извѣстной книгѣ Гюйо: *Irréligion de l'Avenir*; что касается демократизаціи общества, какъ причины малорождаемости или *олигантропіи*, какъ выражается Дюмонъ, то на этой идеѣ имъ построена цѣлая теорія *соціальной капиллярности*, не лишенная интереса *).

«Такъ какъ всѣ религіи,—говоритъ Гюйо,—дѣйствительно придавали огромное значеніе быстрому размноженію семействъ и расъ, то съ ослабленіемъ вліянія религіи у наиболѣе передовыхъ народовъ исчезаетъ важный факторъ ихъ вос-

---

*) Arsène Dumon, *Dépopulation et Civilisation*, Paris, 1890.

произведенія и роста... Христіанская, индусская или магометанская религіи соотвѣтствовали при ихъ возникновеніи тому общественному состоянію, когда численность составляла великую силу и когда польза многочисленныхъ семей была непосредственна и очевидна... По законамъ Ману, многочисленное мужское потомство признавалось однимъ изъ условій спасенія; извѣстны также религіозныя и національныя традиціи еврейскаго народа» *).

«Вліяніе религіи на рождаемость,—говоритъ съ своей стороны Нитти **),— не менѣе очевидно и входитъ въ большую и сложную категорію психическихъ и моральныхъ причинъ. Задача всякой религіи — направить умъ и стремленія на отдаленныя цѣли и на личное спасеніе... Съ другой стороны религія влечетъ за собою вѣру во вмѣшательство Провидѣнія и прямо предписываетъ народамъ плодиться».

Но, признавая вліяніе религіознаго чувства на процентъ рождаемости, Гюйо не считаетъ, конечно, возможнымъ возвращеніе Франціи къ искреннему католицизму XVII вѣка. «Основа невѣрія,—говоритъ онъ,—лежитъ въ практическомъ и логическомъ характерѣ французскаго народа: въ 1789 г. онъ возсталъ противъ духовенства. чтобы добиться свободы; въ настоящее время, ради личнаго благополучія, онъ будетъ съ такимъ же упорствомъ бороться противъ религіозныхъ предписаній, противъ самого инстинкта, чтобы быть богатымъ, не отягощая себя чрезмѣрнымъ трудомъ» ***).

Гюйо только констатируетъ фактъ зависимости малорождаемости отъ упадка религіознаго чувства.

«Утверждаютъ,—говоритъ онъ,—что существенной причиной большей или меньшей ограниченности рожденій является не большая или меньшая религіозность націй, а просто ихъ большая или меньшая предусмотрительность: всякій живущій не только настоящей минутой, но и усчитывающій будущее, всегда будетъ склоненъ ограничивать число своихъ дѣтей въ зависимости отъ цифры своего дохода. Въ этомъ замѣчаніи много справедливаго. Однако тамъ, гдѣ вѣра искренняя, она не ослабѣваетъ подъ напоромъ экономическихъ соображеній. Мы видимъ, что въ Бретани самая заботливая предусмотрительность не вредитъ ни религіи, ни плодовитости. Обрученные ограничиваются тѣмъ, что откладываютъ бракъ до того времени, когда сберегутъ деньги, купятъ домъ или клочекъ земли. Въ департаментѣ Илль-и-Виллэнъ мужчины, въ среднемъ, вступаютъ въ бракъ не ранѣе 34 лѣтъ, а женщины—не ранѣе двадцати девяти. Такимъ образомъ въ Бретани болѣе поздніе браки продолжаются меньшее время, чѣмъ, напр., въ Нормандіи... тѣмъ не менѣе плодовитость бретонки относится къ плодовитости нормандки, какъ 100 къ 60. Въ Бретани результатомъ религіозности и добрачной предусмотрительности является постоянный приростъ населенія; въ Нормандіи безвѣріе и послѣбрачная предусмотрительность ведутъ къ постоянному уменьшенію населенія, хотя болѣе сильнаго физически и болѣе плодовитаго; послѣднее доказывается болѣе частымъ рожденіемъ въ Нормандіи близнецовъ ****).

Это мнѣніе о вліяніи католической религіи на рождаемость горячо оспаривается Дюмономъ: «Безспорно,—говоритъ онъ,—что департаменты, очень преданные католицизму и вмѣстѣ съ тѣмъ очень отсталые, сохранили очень высокій процентъ рождаемости и что, съ другой стороны, духовенство рекомендуетъ населенію плодиться и множиться. Но его предписанія имѣютъ въ данномъ случаѣ не болѣе значенія, чѣмъ во многихъ другихъ, когда ихъ полная недѣйствитель-

---

*) M. Guyau, *L'Irréligion de l'Avenir*, стр. 266, 267.
**) Nitti, *La Population et le Système Social* (французскій переводъ).
***) *L'Irréligion de l'Avenir*, стр. 277.
****) *L'Irréligion de l'Avenir*, стр. 275.

ность достаточно извѣстна... Въ странахъ, гдѣ религіозность и плодовитость наблюдаются одновременно, онѣ не являются результатомъ одна другой; это—два параллельныхъ слѣдствія одной и той же причины: бѣдности, невѣжества, отсталости населенія, отсутствія какого бы то ни было стремленія къ личному развитію. Нижне-бретонскіе крестьяне, которыхъ считаютъ очень привязанными къ католической религіи, сохранили высокій процентъ рождаемости; но его сохранили также и бѣдные рабочіе мануфактурныхъ городовъ, въ значительной степени эмансипировавшіеся отъ вліянія духовенства» *). Извѣстно, что крестьяне Нижней Бретани отличаются своею бѣдностью.

Изъ сравненія различныхъ департаментовъ выясняется тотъ общій фактъ, что число рожденій въ нихъ обратно пропорціонально состоятельности жителей. Даже болѣе: если въ одномъ и томъ же кантонѣ существуетъ богатый округъ, то рождаемость въ немъ оказывается слабѣе. Департаментъ Котъ-дю-Норъ въ общемъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ во Франціи; но въ округѣ Динана, самомъ богатомъ, число рожденій довольно незначительно; на островѣ же Бреа, отличающемся всеобщимъ благосостояніемъ, оно падаетъ до 20,8 на тысячу жителей; между тѣмъ въ самыхъ злосчастныхъ коммунахъ кантоновъ Callac и Belle-Ile-en-Terre оно часто достигаетъ 40.

Съ другой стороны, изъ изслѣдованій относительно грамотности вступающихъ въ бракъ оказывается, что число супруговъ, которые могли подписать брачный контрактъ только поставивъ на немъ крестъ, очень велико въ департаментахъ съ высокимъ процентомъ рождаемости и очень незначительно съ низкимъ. Такъ, въ періодъ отъ 1877 до 1886 г. въ нормандскихъ департаментахъ, отличающихся наимечьшею плодовитостью,—въ Ламаншѣ изъ 100 новобрачныхъ крестомъ подписалось 2,7; въ Кальвадосѣ—3,7; въ Орнѣ—6; въ департаментѣ Eure—7,8; въ Жерсѣ и Тарнъ-и-Гароннѣ, департаментахъ Гаскони, отличающихся малою рождаемостью,—отъ 17 до 17,5; послѣдняя цифра, хотя и выше нормандскихъ, но ниже соотвѣтствующихъ цифръ въ окружающихъ департаментахъ. Напротивъ того, департаменты съ высокимъ процентомъ рождаемости даютъ значительную цифру неграмотныхъ супруговъ: въ Морбиганѣ ихъ насчитывается 44%, въ Финистерѣ — 42, въ Котъ-дю-Норѣ — 37, въ Илль-и-Виллэнѣ—23,9, въ Вандсѣ—28,7, въ Коррезѣ—38,2. Въ Финистерѣ существуетъ кантонъ Fouesnant, гдѣ число рожденій колеблется, смотря по коммунамъ, отъ 40 до 47 на 1.000 жителей и гдѣ еще недавно отъ половины до двухъ третей супруговъ не умѣли подписать своего имени. Въ томъ же самомъ Фуэнанѣ одиннадцать муниципальныхъ совѣтниковъ не знаютъ французскаго языка и говорятъ только на бретонскомъ нарѣчіи.

«Итакъ,—заканчиваетъ авторъ,—бѣдность, темное невѣжество, отсталые обычаи и нравы, грубость и легковѣріе почти всегда совпадаютъ, по крайней мѣрѣ, во Франціи, съ сильною рождаемостью; напротивъ того, общественными явленіями, сопровождающими олигантропію, оказываются богатство, просвѣщеніе, художественное и литературное развитіе, исчезновеніе суевѣрій, словомъ—все то, что составляетъ цивилизацію **).

Но богатство, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ собою во Франціи въ большинствѣ случаевъ лишь простую крестьянскую зажиточность. На островѣ Бреа самыя крупныя состоянія не превышаютъ 2.000 франковъ ежегоднаго дохода; чаще всего средній доходъ колеблется между 1.000 и 1.500 франковъ. На островѣ Ре, гдѣ рождаемость также очень слабая, уровень зажиточности еще ниже. Дѣло идетъ собственно объ отсутствіи крайней бѣдности и связаннаго съ нею подавленія личности.

---

*) Arsène Dumont. *Dépopulation et Civilisation*, стр. 346.

**) *Dépopulation et Civilisation*, стр. 339.

Теорія соціальной капиллярности Дюмона связана съ твердо установленнымъ фактомъ зависимости процента рождаемости во Франціи отъ степени благосостоянія. Въ современномъ обществѣ съ его іерархической организаціей всякій, достигнувшій извѣстной ступени благосостоянія, неудержимо стремится перейти на высшую ступень. Это стремленіе можетъ встрѣтить матеріальныя или другія препятствія, и человѣкъ останется въ неподвижномъ положеніи; «но само стремленіе не можетъ быть оспариваемо. Руководимая неминуемымъ и роковымъ инстинктомъ, всякая соціальная молекула, разъ ея существованіе обезпечено, стремится непрерывно, съ единственною мыслью опередить себѣ подобныхъ, къ блестящему и обаятельному идеалу, который притягиваетъ ее, подобно тому, какъ масло поднимается по фитилю лампы. Чѣмъ ярче горитъ огонь, тѣмъ энергичнѣе дѣйствуетъ эта соціальная капиллярность» *).

Какова именно та свѣтящаяся точка, къ которой направлены стремленія людей, это—другой вопросъ. Авторъ желаетъ придать своей теоріи универсальное значеніе и видитъ въ ней открытый имъ законъ общественной эволюціи, принципъ общественнаго прогресса. Но въ такой формѣ эта теорія получаетъ слишкомъ неопредѣленный характеръ. Очевидно, ею не разрѣшается вопросъ о самой свѣтящейся точкѣ, о направленіи, какое получаетъ общественная капиллярность, а слѣдовательно, и о причинахъ, какими обусловлена соціальная эволюція. Но какъ продуктъ долгаго и внимательнаго изученія французскаго общества, эта теорія, въ ея приложеніи къ данному моменту, представляетъ значительный интересъ. Книга оригинальнаго и талантливаго автора наполнена множествомъ наблюденій и фактовъ, иллюстрирующихъ современную провинціальную жизнь французской мелкой буржуазіи и французскаго крестьянства.

Связь общественной капиллярности съ низкимъ процентомъ рождаемости во Франціи самая непосредственная.

Современная демократическая Франція, уничтоживъ сословныя преграды, закрывавшія доступъ къ почестямъ и богатству низшимъ слоямъ населенія, вызвала въ нихъ неудержимое влеченіе къ высшему положенію. Но при данномъ состояніи общества высота положенія измѣряется и обусловливается матеріальнымъ достаткомъ. «Между тѣмъ, если удачный бракъ, благодаря приданому и выгоднымъ связямъ, можетъ способствовать честолюбивымъ стремленіямъ, то дѣти, особенно когда они многочисленны, несомнѣнно составляютъ препятствіе» **). Въ этомъ и заключается суть дѣла. Вся мелкая городская и крестьянская буржуазія, охваченная «демократическимъ духомъ», какъ неправильно выражаются французскіе писатели, и съ присущимъ ей индивидуалистическимъ настроеніемъ, стремится подняться на доступныя ея матеріальному положенію и умственному кругозору общественныя высоты, притягивается свѣтящимся для нея вдали идеаломъ. Въ современной Франціи такимъ притягательнымъ фокусомъ для честолюбія провинціальной буржуазіи и зажиточнаго крестьянства является провинціальное чиновничество. Франція—централизованное и бюрократическое государство въ его наиболѣе полномъ и усовершенствованномъ видѣ. Французская административная централизація—дѣло не шуточное; это—цѣлая государственная система, поддерживаемая всѣми правительствами и получившая огромное развитіе. Въ 1880 г. расходъ на жалованье гражданскимъ чиновникамъ былъ увеличенъ на 54 милліона франковъ противъ бюджета 1871 года. Въ 1881 году было создано новыхъ мѣстъ на 6.440.000 франковъ; въ 1882 г.—на 17.200.000; въ 1883 г.—на 9.380.000; въ 1884 г.—на 13.260.000. Въ 13 лѣтъ расходъ на жалованье гражданскимъ чиновникамъ возросъ на 100 мил-

*) *Dépopulation et Civilisation*, стр. 106.
**) *Dépopulation et Civilisation*, стр. 110.

ліоновъ. Весь главный административный персоналъ въ провинціи получаетъ особыя суммы на представительство, что позволяетъ ему стоять на равной ногѣ съ наиболѣе состоятельными жителями; онъ обязанъ вести извѣстный образъ жизни. «Трудно представить себѣ,—говоритъ Дюмонъ,—какое огромное мѣсто занимаетъ чиновничество въ главныхъ городахъ департаментовъ, не только такихъ маленькихъ, какъ Монтобанъ, но и во всѣхъ, населеніе которыхъ не превышаетъ ста тысячъ». Во всѣхъ французскихъ провинціяхъ, не захваченныхъ крупною промышленностью, съ мелкою торговлею и преобладаніемъ средняго сельскаго хозяйства, не позволяющими быстраго роста и сосредоточенія капитала, все честолюбіе мѣстной буржуазіи и зажиточнаго крестьянства сосредоточено на томъ, чтобы обезпечить своимъ сыновьямъ чиновничью карьеру; но подготовка къ ней одного ребенка стоитъ семьѣ отъ 30 до 40.000 франковъ; отсюда крайне низкій процентъ рождаемости среди наиболѣе состоятельныхъ жителей французскихъ департаментовъ. Съ другой стороны, «если идеалъ всякаго француза сдѣлаться чиновникомъ, то идеалъ всякаго чиновника повышеніе; но повышеніе почти всегда предполагаетъ переѣздъ въ другой городъ. Неженатый или не имѣющій дѣтей имѣетъ въ этомъ случаѣ всѣ преимущества надъ обремененнымъ многочисленнымъ семействомъ... Честолюбивый чиновникъ не будетъ имѣть дѣтей» *).

Что касается высшихъ круговъ буржуазіи, то извѣстно, что среди нея рождаемость замедляется погонею за непосредственными личными наслажденіями. «Естественно,—говоритъ Гюйо,—что въ извѣстной средѣ женщины не любятъ быть матерями: дѣйствительно, это—единственный трудъ, какой имъ еще приходится выполнять, и эта послѣдняя задача тѣмъ тяжелѣе для нихъ, что богатство освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ остальныхъ» **).

Таково, въ общихъ чертахъ, объясненіе, даваемое французскими писателями занимающему насъ характерному явленію французской общественной жизни. Мы видимъ, что главная его причина заключается въ нежеланіи населенія, пользующагося извѣстнымъ достаткомъ, имѣть многочисленное потомство, въ стремленіи улучшить или, по крайней мѣрѣ, поддержать свое матеріальное положеніе путемъ уменьшенія семейныхъ расходовъ. Такъ именно должно быть формулировано то политическое настроеніе, которое является посредствующимъ факторомъ, задерживающимъ ростъ населенія Франціи.

Чтобы эта финансовая политика могла оказывать рѣшающее вліяніе на процентъ рождаемости всей страны, необходимо, чтобы ей слѣдовала значительная часть населенія. Слѣдовательно, необходимо признать, что значительная часть французскаго населенія пользуется матеріальнымъ положеніемъ, болѣе или менѣе удовлетворяющимъ его индивидуальнымъ запросамъ,—положеніемъ, которое отстаивается цѣною подавленія одной изъ самыхъ сильныхъ человѣческихъ страстей. Мы знаемъ, что и въ другихъ странахъ, въ Англіи, Америкѣ, Бельгіи замѣчается пониженіе рождаемости, связанное съ развитіемъ промышленности и повышеніемъ уровня жизни городскихъ рабочихъ. Во Франціи пониженіе процента рождаемости стало обнаруживаться гораздо ранѣе и происходило интенсивнѣе; между тѣмъ въ положеніи французскаго городского рабочаго не замѣчается никакихъ преимуществъ по отношенію, напримѣръ, къ англійскому рабочему; напротивъ того, послѣдній лучше организованъ и его *standard of life* выше французскаго. Слѣдовательно, всѣ особенности, несомнѣнно отличающія Францію въ этомъ отношеніи отъ другихъ приближающихся къ ней странъ, должны быть объяснены преобладающею въ ней численностью

*) *Dépopulation et Civilisation*, стр. 223.
**) *Irréligion de l'Avenir*, стр. 282.

мелкой буржуазіи и сравнительно зажиточнаго крестьянства. Въ 1891 году сельское населеніе еще составляло во Франціи около 60%, а его рождаемость всегда была нѣсколько ниже городской.

Итакъ, разсматриваемое нами явленіе служитъ очень важнымъ показателемъ современнаго состоянія Франціи. Поль Леруа-Больё доказываетъ статистическими цифрами, что пониженіе рождаемости замѣчается во всѣхъ демократическихъ странахъ и что Франція только опередила своихъ сосѣдей на пути демократической эволюціи. Но важно знать, при какихъ условіяхъ происходитъ это пониженіе рождаемости и составляетъ ли оно дѣйствительно результатъ демократическаго развитія. Въ Англіи повышеніе уровня личной жизни рабочаго тѣсно связано съ извѣстнымъ теченіемъ, обезпечивающимъ все бо̀льшую и бо̀льшую демократизацію англійскаго общества; при такомъ условіи пониженіе процента рождаемости является результатомъ общественнаго движенія и не только не замедляетъ его, но, напротивъ того, по всей вѣроятности содѣйствуетъ его упроченію, поддерживая на извѣстной высотѣ уровень передового руководящаго элемента движенія. Во Франціи почти полное прекращеніе роста населенія является результатомъ извѣстнаго историческаго *statu quo* и служитъ къ его поддержанію. Это историческое *statu quo* — продуктъ общественнаго завоеванія прошлаго вѣка; но въ немъ самомъ нѣтъ идеи дальнѣйшаго движенія, и все политическое развитіе Франціи за настоящее столѣтіе произошло безъ участія и даже въ значительной степени вопреки носителямъ этого *statu quo*.

Съ появленіемъ третьей республики, подъ вліяніемъ страшнаго историческаго опыта, французская деревня начала довольно медленно усваивать продукты политическихъ завоеваній городской Франціи за текущій вѣкъ и даже отчасти за прошлый, такъ какъ монархическія партіи только недавно окончательно потеряли во Франціи почву. Такимъ образомъ установилось извѣстное устойчивое политическое равновѣсіе, и французская парламентская республика опирается въ настоящее время на большинство провинціальныхъ избирателей. Но этотъ политическій союзъ не достался даромъ городской Франціи: провинція тяготѣетъ надъ нею своею сравнительною отсталостью и подавляетъ ее своею численностью. Въ послѣднее время обнаруживается, даже попытки какъ бы попятнаго движенія, опирающіяся главнымъ образомъ на провинціальныхъ избирателей. Очевидно, что провинціальная, деревенская Франція не имѣетъ значенія руководящаго элемента общественнаго движенія.

При такихъ условіяхъ все то, что удерживаетъ жизнь провинціальной Франціи и особенно французскаго крестьянства въ старыхъ рамкахъ, задерживаетъ демократическое развитіе страны. Жизнь французскаго крестьянина построена на индивидуалистическомъ принципѣ. Отстаивая условія своего существованія путемъ искусственнаго прекращенія роста населенія, онъ, очевидно, не разрѣшаетъ основного общественнаго вопроса и даже не ставитъ его; онъ замыкается въ узкій кругъ личныхъ интересовъ въ этомъ узкомъ кругѣ ищетъ спасенія. Низкій процентъ рождаемости является въ такомъ случаѣ средствомъ замедленія неизбѣжнаго перенесенія вопроса на общественную почву, на которой одной возможно его разрѣшеніе. Если бы на сцену французской общественной жизни выбрасывалось ежегодно лишнихъ 400 или пятьсотъ тысячъ человѣкъ, существованіе которыхъ уже не могло бы быть заранѣе вогнано въ извѣстную колею предусмотрительными родителями, то этимъ нарушалось бы мертвое равновѣсіе, царящее въ настоящее время въ нѣкоторыхъ сферахъ французскаго общества и обусловленное неподвижностью народонаселенія. Безъ сомнѣнія, тогда возникли бы новые сложные и трудные вопросы, и для многихъ жизнь стала бы тяжелѣе, но эти вопросы неизбѣжны; они должны быть поставлены и рѣшены, а политическій строй

Франціи настолько демократиченъ, что допускаетъ ихъ разрѣшеніе не въ частныхъ, а въ общественныхъ интересахъ.

Среди западно европейскихъ государевъ, развивающихся по извѣстному однообразному типу, Франція занимаетъ въ настоящее время анормальное положеніе: ея политическія формы во многихъ отношеніяхъ опередили соотвѣтствующія учрежденія сосѣдей (за исключеніемъ Швейцаріи), но ея общественная жизнь, несомнѣнно, поражена какимъ то роковымъ безсиліемъ, приводящимъ почти въ отчаяніе однихъ и заставляющимъ другихъ даже сомнѣваться въ значеніи самихъ политическихъ формъ. Но это только доказываетъ, что политическія формы могутъ опережать экономическое развитіе страны, почти также какъ экономическое развитіе страны можетъ задерживаться политическими формами. Въ настоящее время экономическое развитіе Франціи несомнѣнно задерживается искусственнымъ прекращеніемъ роста населенія среди наиболѣе отсталой его части. Это производитъ извѣстный застой въ обще-національной жизни. Демократическія учрежденія перестаютъ служить для разрѣшенія насущныхъ государственныхъ вопросовъ, вслѣдствіе ихъ неполной, недостаточно интенсивной постановки, и обращаются въ орудіе политической биржевой игры.

Застой французской общественной жизни сказывается не только въ области политики: онъ обнаруживается даже въ сферѣ промышленности и торговли, въ сферѣ колонизаціи, въ упадкѣ иниціативы и предпріимчивости французскихъ капиталистовъ, на что такъ горько жалуется даже такой поклонникъ теоріи «все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ», какъ Поль Леруа-Больё. Всюду чувствуется отсутствіе того толчка, какой дается обществу приростомъ молодыхъ силъ.

П. Б.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Музыка и вліяніе ея на человѣка.

(Психо-физіологическій очеркъ).

Музыку называютъ божественной, волшебной, нѣжной, пламенной, жгучей, ласкающей. Человѣчество, съ самой глубокой древности и въ самыхъ различныхъ уголкахъ земного шара, замѣчало особенное, могучее дѣйствіе звуковыхъ впечатлѣній на весь организмъ, на всѣ главнѣйшія функціи человѣка. За эту чудодѣйственную силу и цѣнитъ ее человѣчество — дикія, первобытныя племена, у которыхъ музыка сводится на оглушительный, ритмически производимый шумъ,—наравнѣ съ самыми художественными народами, у которыхъ музыкальное искусство достигло необычайно высокой степени.

Въ настоящее время намъ хорошо извѣстно дѣйствіе музыки на животныхъ, прежде всего на слона, который предъявляетъ къ музыкѣ такую глубокую чувствительность, далѣе на птицъ, на собакъ, кошекъ, лошадей, ящерицъ, змѣй, пауковъ, и древніе народы знали, что вліянію музыки подчиняются не только люди, но и животныя. По мнѣнію индійцевъ, даже неодушевленная природа не свободна отъ этого вліянія. Нѣкоторыя мелодіи, говорятъ они, до такой степени страстны, что поющему ихъ грозитъ опасность сгорѣть въ пламени ихъ пылкой экспрессіи; даже самимъ богамъ нѣтъ ничего пріятнѣе пѣнія *). У грековъ, Орфею, благодаря игрѣ на лирѣ, удается вымолить возвращеніе своей умершей жены Эвридики у властителя ада—Плутона, укротить Цербера и успокоить фурій. Подъ звуки лиры Амфіона сами собой строились ѳиванскія стѣны. Арабы знали, что музыка обладаетъ силой измѣнять настроеніе человѣка: успокоивать гнѣвъ, возбуждать радость и печаль, сообщать и отнимать энергію. При взятіи Багдада тридцать тысячъ плѣнныхъ были избавлены отъ казни, благодаря дѣйствію музыки. Музыка укрощаетъ дикихъ животныхъ и излѣчиваетъ болѣзни; она связана съ четырьмя стихіями природы—съ воздухомъ, огнемъ, водою и землею—этими основами человѣческихъ темпераментовъ, и потому она способна предохранять человѣка отъ крайностей темперамента. «Кто не содрогается отъ музыки, тотъ—не человѣкъ», говорятъ арабы **).

Музыка оказываетъ на человѣка облагораживающее вліяніе. Изреченіе арабскихъ мудрецовъ гласитъ: «Душа, приведенная въ восторгъ музыкой, стремится къ созерцанію высшихъ существъ, къ общенію съ чистѣйшимъ міромъ». Аристотель пишетъ: «Посредствомъ музыки мы можемъ развить въ себѣ тѣ или другія нравственныя наклонности» ***).

---

*) Саккети. «Очеркъ всеобщей исторіи музыки». 1891, стр. 14.
**) Тамъ же, стр. 20.
***) «Политика». Пер. съ греч. Н. Соколова, стр. 236—237.

По убѣжденію китайцевъ, музыка у отдѣльнаго человѣка есть выраженіе его душевнаго состоянія, а у цѣлаго народа—показатель его нравственнаго уровня. Такъ, Конфуцій говоритъ: «Если хотите знать, какъ страна управляется и какова ея нравственность, прислушайтесь къ ея музыкѣ» [1]. Платонъ утверждалъ, что съ измѣненіемъ музыки измѣняются въ странѣ самыя основы государственнаго устройства [2].

Если, какъ видитъ читатель, на долю музыки выпадаютъ такія могучія чары, такая, всѣми сознаваемая, интимная связь съ сокровеннѣйшими свойствами человѣческаго существа, то основанія для этого необходимо искать въ томъ исключительномъ положеніи, какое занимаетъ наше слуховое чувство, и далѣе, вообще область звуковыхъ впечатлѣній среди впечатлѣній иного характера [3]. Именно, въ то время, какъ зрительныя ощущенія, подобно вкусовымъ и обонятельнымъ, получаются путемъ *преобразованія* внѣшнихъ впечатлѣній черезъ посредство *химическаго* процесса, мы, по отношенію къ слуховымъ ощущеніямъ, замѣчаемъ нѣчто иное, аналогичное ощущенію давленія, исходящему со стороны внѣшняго покрова тѣла, который представляетъ собою *первичный органъ ощущеній* (какъ извѣстно, путемъ дифференціаціи этого покрова позднѣе уже возникаютъ органы вкуса, запаха, слуха и зрѣнія). Здѣсь, при ощущеніяхъ слуховыхъ и ощущеніяхъ давленія, задача воспринимающаго аппарата—этого перваго этапа психической жизни,—сводится лишь къ возможно совершенному *переносу* физическаго раздраженія на чувствующій нервъ, но отнюдь не къ преобразованію этого раздраженія, и замѣчательно, что у тѣхъ животныхъ, у которыхъ, какъ, напр., у птицъ, условія такого переноса особенно благопріятны, звуковыя колебанія преносятся на слуховые нервы даже и въ томъ случаѣ, когда слуховой органъ удаленъ вмѣстѣ съ его специфическими воспринимающими аппаратами. То же самое слѣдуетъ сказать и объ ощущеніяхъ давленія, которыя могутъ быть воспринимаемы даже мѣстами кожи, лишенными воспринимающихъ аппаратовъ [4]. Такимъ образомъ, слуховыя ощущенія, какъ и ощущенія давленія, должны быть названы *механическими* въ отличіе отъ ощущеній зрительныхъ, вкусовыхъ и обонятельныхъ, носящихъ *химическій* характеръ.

Таковы особенности слухового чувства, къ сферѣ котораго принадлежитъ основаніе музыкальнаго чувства—ритмическое чувство,—это элементарнѣйшее изъ эстетическихъ чувствъ. Музыкальное волненіе, говоритъ Бокье [5], есть не что иное, какъ особый способъ воспріятія того волненія, того волнообразнаго движенія, которое развито во всей вселенной. Музыкѣ по справедливости принадлежитъ право на названіе искусства чувствительности: она управляетъ тѣмъ великимъ явленіемъ колебанія, къ которому, въ сущности, сводятся всѣ внѣшнія воспріятія; изъ сферы безсознательнаго, изъ скрытаго состоянія это колебаніе, при помощи музыки, переносится въ сферу нашего сознанія.

Ритмъ—къ которому, главнымъ образомъ, и сводится музыка дикаря, имѣетъ здѣсь своей задачей—путемъ глубокаго сотрясенія повысить возбужденіе нервной системы. При всей своей немелодичности, размѣренные, ритмическіе звуки, которые дикарь извлекаетъ изъ своихъ оглушительно шумныхъ, примитивныхъ инструментовъ, всегда вызываютъ у него, при сколько-нибудь продолжительномъ дѣйствіи, нѣчто въ родѣ истиннаго опьяненія; у многихъ народовъ, прорицатели

---

1) Саккети, назв. сочин., стр. 13.
2) Тамъ же, стр. 43.
3) В. Вундтъ. «Очеркъ психологіи». Пер. подъ ред. пр. Н. Грота. 1897, стр. 47.
4) Тамъ же, стр. 51.
5) Bauquier. «Philosophie de la musique» стр. 56.

и колдуны вызываютъ у себя при помощи барабаннаго боя особый родъ экстаза [1]). Здѣсь мы видимъ яркій примѣръ того, какъ изъ внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній зарождается непосредственно душевное волненіе, эмоція, аффективное состояніе, столь напоминающее настоящее отравленіе—звуками и движеніями. Эта близость ритмическихъ чувствъ къ аффекту особенно наглядно рисуется въ томъ явленіи, гдѣ наше дыханіе, при ударахъ въ тактъ метронома, стремится подражать частотѣ ударовъ этого инструмента, замедляясь и учащаясь вмѣстѣ съ ритмомъ послѣдняго [2]). Въ этомъ колебаніи дыхательной функціи, въ этомъ нарушеніи правильности ея уже заключается первый шагъ къ тому, что мы называемъ аффектомъ, эмоціей, душевнымъ волненіемъ. Но въ то время, какъ здѣсь, въ случаѣ метронома, зарождающійся аффектъ носитъ еще совершенно неопредѣленный характеръ, дѣло рѣзко измѣняется, какъ только мы замѣнимъ метрономъ исполненіемъ какой-либо музыкальной пьесы: благодаря звуковому содержанію, вложенному въ пьесу, благодаря появленію качественной окраски ритмическаго чувства, это послѣднее превращается въ истинный аффектъ [3]). Отсюда понятно, почему ритмическія чувства составляютъ въ музыкѣ столь важныя вспомогательныя средства для изображенія аффектовъ и для вызыванія ихъ въ слушателѣ [4]). Такимъ образомъ, вліяніе музыки сводится почти всегда къ произведенію аффекта.

Связь между аффектами и измѣненіями нашихъ главнѣйшихъ жизненныхъ отправленій—дыханія, кровообращенія и обмѣна веществъ въ нашемъ организмѣ—есть фактъ, твердо установленный въ наукѣ. Прежде всего, необходимо замѣтить, что уже всѣ умѣренныя ощущенія, откуда бы они ни исходили, — изъ органовъ-ли зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія, со стороны-ли кожи или даже мышцъ,— всѣ они дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ: они повышаютъ силу какъ двигательныхъ, такъ и чувственныхъ отправленій головного мозга. По наблюденіямъ Моссо [5]), при этомъ увеличивается сила произвольныхъ мышцъ; далѣе, доказано, что, напр., при свѣтовомъ раздраженіи повышается способность уха опредѣлять малѣйшіе звуки, коротко, самая работа головного мозга возвышаетъ его рабочую силу.

Но если таково дѣйствіе умѣренныхъ ощущеній, то вліянія аффекта, который, по опредѣленію Вундта, есть «преемство чувствъ, связанныхъ въ единообразное цѣлое», представляются чрезвычайно различными, въ зависимости отъ свойствъ самаго аффекта. Прежде всего, здѣсь играетъ громадную роль, такъ сказать, темпъ аффекта; далѣе, при аффектахъ спокойныхъ, при медленномъ преемствѣ чувствъ, необходимо различать между смѣной пріятныхъ и смѣной непріятныхъ чувствъ: въ случаѣ пріятнаго аффекта дѣятельность сердца, какъ обыкновенно полагаютъ, замедляется, при непріятномъ же аффектѣ, принято думать, происходитъ, наоборотъ, учащеніе какъ пульса, такъ и дыханія. Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ столь интересный вопросъ о природѣ эмоцій радости и печали, какъ особыхъ состояній нашего организма,—интересующихся этимъ вопросомъ читателей мы отсылаемъ къ работѣ Ж. Дюма [6]), представляющей экспериментальное изслѣдованіе радости и печали; замѣтимъ только, что названныя эмоціи всегда бываютъ связаны съ измѣненіями въ кровообращеніи и дыханіи,

---

[1]) Ribot, «Psychologie des sentiments», стр. 105.

[2]) См. ниже—о дыхательномъ внушеніи.

[3]) Вундтъ, тамъ же, стр. 208.

[4]) Тамъ же, стр. 201.

[5]) Проф. И. А. Сикорскаго, «Курсъ общей симптоматологіи и терапіи нервн. бол. Вопросы нервно-психич. мед.», 1896 г., стр. 347.

[6]) «Revue philosophique», 1896, №№ 6, 7, 8. См. «Вопросы философіи и псих.», 1897 г., III (кн. 38), стр. 553.

чѣмъ такъ наглядно подтверждается физіологическая теорія чувствованій, представителями которой являются въ особенности Ланге, Джемсъ и Рибо.

Если мы обратимся теперь къ категоріи неспокойныхъ аффектовъ, то здѣсь опять необходимо отличать двѣ противоположныя группы. Въ первой группѣ (такъ назыв. стеническіе аффекты) быстрота въ преемствѣ чувствъ не превышаетъ умѣренныхъ степеней; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ усиленной иннерваціей сердца и произвольныхъ мышцъ: біенія сердца усиливаются, въ то же время замедляясь, тоническое напряженіе произвольныхъ мышцъ повышается. Во второй группѣ (такъ назыв. астеническіе аффекты) мы находимъ уже бурную смѣну чувствъ. Здѣсь, благодаря крайнему истощенію нервной системы, получается, наоборотъ, ослабленіе иннерваціи сердца и произвольныхъ мускуловъ, въ особенности грудобрюшной преграды, діафрагмы—этой столь важной дыхательной мышцы, а также дѣйствующихъ совмѣстно съ ними личныхъ (мимическихъ) мускуловъ. По этой-то причинѣ, въ подобныхъ случаяхъ сердцебіеніе и дыханіе рѣзко учащаются, ослабѣвая въ своей силѣ, и въ то же время слабѣютъ всѣ мышцы произвольнаго движенія.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, дѣйствія, оказываемыя на кровообращеніе и дыханіе аффектами. Какъ же, въ частности, дѣйствуетъ на названныя кардинальныя функціи то искусство, которое, какъ мы видѣли, чаще всего служитъ для вызыванія самыхъ разнородныхъ аффективныхъ состояній. Однако, несмотря на то, что музыка во всѣ времена и у всѣхъ народовъ была такъ тѣсно связана съ существованіемъ человѣка, несмотря на то, что она во всѣ моменты его жизни служила ему вѣрной спутницей, точныхъ научныхъ наблюденій, касающихся интересующаго насъ вліянія музыки, до сихъ поръ имѣется еще очень мало, и это относится вообще ко всѣмъ психо-физіологическимъ наблюденіямъ надъ столь богатымъ и столь близкимъ намъ міромъ звуковъ. Замѣчательно, что изъ 45 работъ, произведенныхъ въ кабинетѣ экспериментальной психологіи Вундта съ 1878 до 1892 года, относительно звука имѣются всего двѣ психологическія работы: одна о памяти высоты звука, другая—о воспріятіи интерваловъ между звуками *).

Въ виду подобной бѣдности относящейся сюда литературы, статья извѣстныхъ французскихъ психо-физіологовъ Бинэ и Куртье **), представляющая собой отчетъ о довольно большомъ числѣ (34) экспрıментальныхъ наблюденій относительно вліянія музыки на дыханіе, сердечную дѣятельность и кровонаполненіе конечностей, является очень кстати и вноситъ много опредѣленнаго въ эту до сихъ поръ еще столь мало изученную область, и это тѣмъ болѣе, что эксперименты были обставлены всей точностью, какая вообще возможна при подобныхъ наблюденіяхъ.

Оставляя въ сторонѣ наблюденія старыхъ авторовъ, лишенныя всякой точной научной подкладки, какъ, напр., встрѣчающіеся еще у Галлера (XVIII в.) указаніе на то, что барабанная дробь усиливаетъ струю крови, вытекающую изъ вскрытой вены, авторы останавливаются лишь на недавнихъ экспериментахъ, произведенныхъ по правиламъ науки. Въ интересахъ большей ясности дальнѣйшаго изложенія, мы напомнимъ здѣсь вкратцѣ о трехъ инструментахъ, которые обычно употребляются при подобныхъ опытахъ, а также скажемъ два слова о нормальныхъ свойствахъ пульса и дыханія.

По какому бы принципу ни были устроены интересующіе насъ здѣсь инструменты—*пневмографъ*—для записыванія дыхательной функціи, *сфигмографъ*—

*) Бинэ, В. Андри, Куртье, Филиппъ. «Введеніе въ эксприм. псих.». Пер. подъ ред. проф. Введенскаго, стр. 55.

**) A. Binet et J. Courtier. «Influence de la Musique sur la respiration, le coeur et la circulation capillaire». «Rev. Scientifique», 1897, № 9.

для регистрированія артеріальнаго пульса, и *плетизмографъ* для изученія кровонаполненія конечностей,—всегда суть остается та, что на двухъ крайнихъ пунктахъ приложенія названныхъ инструментовъ находятся: съ одной стороны—изслѣдуемый органъ, напр., грудная клѣтка, артерія, конечность, а съ другой—легкое перо, остріе, штифтъ, прикасающійся къ закопченной поверхности, причемъ этой поверхности сообщаютъ движеніе желаемой скорости. Такимъ образомъ, на закопченной поверхности, обыкновенно на бумагѣ, навернутой на вращающійся цилиндръ или барабанъ, получается запись изслѣдуемой функціи въ данный моментъ или рядъ моментовъ, получается, какъ выражаются, *кривая*—дыханія, пульса, кровонаполненія конечности.

Біеніе артрій, которое мы обыкновенно называемъ *пульсомъ* и которое всякій можетъ наблюдать на самомъ себѣ, приложивъ палецъ одной руки къ нижней части лучевой артеріи другой руки тамъ, гдѣ эта послѣдняя лежитъ сейчасъ подъ кожей, это біеніе есть не что иное, какъ результатъ быстраго расширенія артріи въ данномъ мѣстѣ, въ тотъ моментъ, когда, вслѣдствіе сокращенія лѣваго желудочка сердца, въ артеріальную систему вгоняется новая порція крови (у взрослаго человѣка около 200 граммовъ, что равно, приблизительно, полуфунту), благодаря чему напряженіе въ артеріяхъ или, какъ говорятъ, давленіе въ нихъ повышается. Это наростаніе давленія, передаваясь волнообразно по всему протяженію артеріальнаго пути, въ извѣстный моментъ достигаетъ взятой для примѣра извѣстной части лучевой артеріи и здѣсь выражается растяженіемъ артеріальной стѣнки, біеніемъ сосуда. Вслѣдъ затѣмъ волна передается дальше, и данная часть артеріи спадается, но спаденіе это совершается, однако, не равномѣрно, а прерывается на своемъ пути цѣлымъ рядомъ мелкихъ, вторичныхъ поднятій, зависящихъ отъ высокой эластичности артеріальной стѣнки; это—такъ называемыя катакротическія пульсовыя волны. Изъ нихъ одна бываетъ особенно значительной, иногда же она достигаетъ такой величины, что пульсъ какъ-бы раздваивается. Это явленіе называютъ *дикротизмомъ* пульса. Не трудно понять, что чѣмъ меньше напряженіе въ артеріальной системѣ, чѣмъ меньше кровяное давленіе, тѣмъ свободнѣе должна проявляться эта эластичность артерій, тѣмъ рѣзче должно быть выражено явленіе дикротизма. Замѣтимъ еще, что давленіе крови, и вмѣстѣ съ тѣмъ напряженіе артерій увеличиваются при усиленіи сердечной дѣятельности или при съуженіи сосудовъ и, наоборотъ, уменьшаются — при ослабленіи дѣятельности сердца или при расширеніи мелкихъ артерій и капилляровъ (волосныхъ сосудовъ).

Число сердцебіеній, которое въ нормальномъ состояніи равно, приблизительно, 72-мъ для мужчины и 80-ти для женщины, подлежитъ значительнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ очень многихъ причинъ, особенно же—давленія крови, состоянія дыхательной функціи, произвольныхъ мышцъ и температуры тѣла.

Аппараты, служащіе для наблюденія пульсовыхъ кривыхъ, какъ уже было указано выше, суть сфигмографъ и плетизмографъ; первый записываетъ пульсъ отдѣльной артеріи, второй—регистрируетъ пульсовыя колебанія цѣлой конечности, изображая этимъ самымъ измѣняющееся кровонаполненіе органовъ, или, какъ иногда выражаются, капиллярное кровообращеніе въ нихъ.

Устройство сфигмографовъ сводится къ тому, что на артерію накладывается пелотъ (подушечка), укрѣпленный на пружинѣ и соединенный съ пишущимъ рычагомъ. Въ настоящее время употребляются обыкновенно сложные сфигмографы Марэ (называемые сфигмографами съ передачей), гдѣ въ аппаратъ введены два полыхъ барабанчика, обтянутыхъ упругими пластинками и соединенныхъ между собою каучуковой трубкой. Благодаря крайней чувствительности этихъ пластинокъ, соединяемыхъ одна съ пелотомъ, другая — съ перомъ, и находящейся между этими пластинками воздушной массы, всякое малѣйшее

движеніе пелота съ чрезвычайной точностью передается легкому штифту, который и записываетъ всѣ эти колебанія на вращающемся (при по мощи часового механизма) цилиндрѣ.

Въ плетизмографѣ, вмѣсто пелота, который мы видѣли у сфигмографа, мы пользуемся водою, наполняющей герметически закрытый сосудъ: благодаря тому, что кровь, при каждой пульсовой волнѣ, прибываетъ ко всѣмъ органамъ, объемъ конечности, напр., руки, погруженной въ этотъ сосудъ, долженъ увеличиваться. Если теперь мы представимъ себѣ, что сосудъ соединенъ съ двухколѣнной, изогнутой трубкой, которая также наполнена водой, то при каждой пульсовой волнѣ уровень воды въ трубкѣ будетъ подниматься, такъ какъ, благодаря увеличенію объема конечности, часть воды изъ сосуда, охватывающаго эту конечность, должна вытѣсняться въ трубку. Этотъ подъемъ уровня воды въ трубкѣ будетъ передаваться перу, которое и будетъ чертить на вращающемся барабанчикѣ кривую кровонаполненія, подобную пульсовой, сфигмографической кривой.

Что касается дыхательной функціи, то мы ограничимся здѣсь самыми краткими замѣчаніями. Дыхательныя движенія, которыя совершаются ритмически отъ 16 до 20 разъ въ минуту, у взрослаго, нерѣдко являются, въ отличіе отъ сердцебіеній, произвольными, т. е. ритмъ ихъ можетъ быть измѣняемъ волею, въ зависимости отъ многихъ причинъ. Частота и глубина дыхательныхъ движеній отлично регистрируется при помощи усовершенствованнаго пневмографа Марэ. Въ существенныхъ чертахъ, этотъ инструментъ состоитъ изъ нерастяжимой ленты, обхватывающей грудную клѣтку и соединенной съ пишущимъ барабанчикомъ. При вдыханіи, въ зависимости отъ большей или меньшей глубины, съ какою оно совершается, грудная клѣтка расширяется, и лента, которая сама неспособна растягиваться, должна приводить въ движеніе два металлическихъ стержня, подвижно соединенныхъ съ обоими концами ея, движенія же этихъ металлическихъ продолженій ленты, въ свою очередь, передаются, при посредствѣ пружины и каучуковой трубки, пишущему барабанчику. При выдыханіи, объемъ грудной клѣтки уменьшается и вслѣдствіе этого происходитъ обратное движеніе подвижныхъ продолженій ленты, и это движеніе точно такъ же записывается на вращающемся цилиндрѣ.

Честь научной постановки опытовъ надъ вліяніемъ музыки на кровообращеніе у людей и животныхъ принадлежитъ русскому ученому Догелю *), который пользовался для своихъ экспериментовъ плетизмографомъ. Опыты нашего соотечественника показали, что звуки, извлекаемые изъ металлическихъ предметовъ, всегда вызываютъ у животныхъ повышеніе кровяного давленія вмѣстѣ съ наростаніемъ силы и частоты артеріальнаго пульса. Что касается опытовъ, произведенныхъ надъ людьми, то получившіеся результаты,—въ однихъ случаяхъ повышеніе, въ другихъ—пониженіе кровяного давленія, подъ вліяніемъ звучанія камертона или исполненія мелодій,—приходится вообще считать ненадежными, въ виду того, что Догель не имѣлъ въ своемъ распоряженія достаточно точныхъ инструментовъ **). Изъ немногихъ плетизмографическихъ опытовъ, произведенныхъ французскимъ ученымъ Ферэ, можно было сдѣлать лишь тотъ выводъ, что подъ вліяніемъ веселыхъ мелодій происходитъ расширеніе сосудовъ, между тѣмъ какъ при мелодіяхъ печальнаго характера наблюдается съуженіе сосудовъ. Указанное расширеніе сосудовъ, сопровождаемое приливомъ

---

*) «Ueber den Einfluss der Musik auf d. Blutkreislauf». «Arch. f. Anatomie u. Physiol.», 1880, p. 416—428.

**) Shields, «The Effects of Odour, Irrisant Vapeurs and mental Work upon the Blood Filow», p. 2 1896.

крови къ органамъ, и въ томъ числѣ къ мускуламъ, повышаетъ силу послѣднихъ, оно производитъ, какъ выражаются тоническое, укрѣпляющее дѣйствіе. Ферэ убѣждался въ подобномъ эффектѣ веселыхъ мелодій, производя непосредственныя измѣренія помощью весьма простого инструмента—пружинныхъ вѣсовъ, или, такъ назыв., динамометра. Обратное вліяніе оказываетъ музыка, исполняемая въ медленномъ темпѣ, и музыка минорная. Къ выводамъ Ферэ присоединился и нашъ извѣстный физіологъ, проф. Тархановъ въ своемъ интересномъ докладѣ XI международному съѣзду врачей въ Римѣ *). Еще ранѣе Скрипчеръ **) наблюдалъ тоническое дѣйствіе музыки на самомъ себѣ. Итальянскій ученый Патрици, авторъ многихъ остроумныхъ работъ въ области физіологической психологіи, доказалъ въ самое недавнее время ***), что всякіе музыкальные звуки, будь то звучаніе камертона, или инструментальная музыка, постоянно вызываютъ увеличеніе объема головного мозга (названный ученый производилъ свои интересные опыты на 13-ти-лѣтнемъ мальчикѣ, у котораго, благодаря поврежденію черепныхъ костей, былъ совершенно обнаженъ небольшой участокъ мозга). Изъ своихъ плетизмографическихъ опытовъ надъ конечностями Патрици, однакоже, не могъ придти къ опредѣленному заключенію о разницѣ въ дѣйствіи между веселыми и печальными мелодіями, и вообще относительно кровообращенія въ конечностяхъ получились чрезвычайно непостоянныя данныя: сосуды оказывались то расширенными, то съуженными, то, наконецъ, на нихъ не обнаруживалось никакого замѣтнаго эффекта. Необходимо упомянуть еще о добросовѣстной и обстоятельной работѣ Ментца, который нашелъ, что громадную роль въ дѣйствіи музыки на организмъ играетъ состояніе вниманія или невниманія субъекта къ исполняемому произведенію. Оказалось, именно, что при внимательномъ отношеніи субъекта пульсъ его учащается; такой же эффектъ обнаруживаютъ тѣ музыкальные звуки, которые вызываютъ непріятное чувство, между тѣмъ какъ отсутствіе вниманія, а также удовольствіе, доставляемое музыкальной піесой, производятъ замедленіе пульса.

Собственные опыты Бинэ и Куртье производили на субъектѣ, особенно пригодномъ для подобной цѣли; это былъ 35-лѣтній мужчина съ хорошимъ музыкальнымъ развитіемъ (самъ играетъ на скрипкѣ), человѣкъ образованный, умѣющій отдавать себѣ ясный отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ и вполнѣ владѣющій собой, что такъ важно для умѣнья сохранятъ необходимое для эксперимента положеніе. Къ тому же опыты производились въ нѣсколько сеансовъ, въ собственной квартирѣ субъекта, при содѣйствіи композитора г-жи Рено-Мори. Сеансы производились въ промежутокъ времени отъ 2-хъ до 5-ти часовъ пополудни, причемъ каждый музыкальный экспериментъ длился около 3-хъ минутъ. Дыханіе, частота пульса и кровонаполненіе опредѣлялось предъ опытомъ, въ теченіе опыта, а также послѣ него, но для цѣлей сравненія принималось во вниманіе состояніе названныхъ функцій только до опыта и во время его. При изученіи полученныхъ такимъ способомъ кривыхъ, экспериментаторы, старались опредѣлить величину общей тенденціи къ учащенію или замедленію, на протяженіи всей піесы и совершенно не принимали въ разсчетъ частныхъ разницъ между отдѣльными пульсовыми ударами, на которыя обращалъ такое вниманіе Ментцъ. Такимъ образомъ, цифра 7, для пульса, напр., означаетъ, что на протяженіи цѣлой минуты, въ теченіе опыта, пульсъ обнаруживалъ наклонность къ учащенію на

*) «Influence de la musique sur l'homme et les animaux». Atti dell' XI Congresso medico internazionale, II, 153.

**) Scripture. «Feeling, Thinking, Doing».

***) «Primi esperimenti intorno all' influenza della musica sulla circolazione del sangue nel cervello dell' uomo». Torino, 1896.

*) «Die Wirkung akustischer Sinnesreize auf Puls u. Athmung». Philos. Stud., XI.

7 ударовъ. Дыханіе записывалось при помощи двойного пневмографа. При нормальныхъ условіяхъ, дыханіе у изучавшагося субъекта отличалось своей правильностью и глубиной, а также своеобразнымъ, значительно замедленнымъ ритмомъ; въ среднемъ, оно было около 10 въ минуту. Подъ вліяніемъ музыки измѣнялась какъ частота, такъ и правильность дыханія и самая форма дыхательной волны.

Въ предъидущемъ мы говорили уже о томъ, что сочетанія музыкальныхъ звуковъ дѣйствуютъ совершенно различно, вложено ли въ нихъ извѣстное содержаніе, идея, или нѣтъ; въ первомъ случаѣ они пріобрѣтаютъ характеръ настоящаго аффекта, эмоціи, во второмъ же—они сохраняютъ неопредѣленный характеръ, остаются свободными отъ того безконечнаго множества усложненій, которыя вносятся въ дѣйствіе изучаемаго ряда музыкальныхъ сочетаній смѣной чувствъ, слагающихся въ явленіе аффекта. Въ виду этого Бинэ и Куртье, при своихъ наблюденіяхъ, строго отдѣляли исполненіе отдѣльныхъ нотъ, аккордовъ, упражненій, словомъ, звуковыя сочетанія, неспособныя внушить какую-либо опредѣленную идею или вызвать сколько-нибудь замѣтное душевное волненіе, эмоціи,—отъ исполненія такихъ пьесъ, которыя, благодаря своему музыкальному содержанію, неминуемо должны вызывать у субъекта извѣстное аффективное состояніе, какъ, напримѣръ, всѣ отрывки изъ оперъ, пѣсни и т. п.

Первый разрядъ звуковыхъ сочетаній (10 опытовъ—исполненіе отдѣльныхъ нотъ или аккордовъ различнаго характера) производилъ либо простое удовлетвореніе слухового аппарата, какъ, напримѣръ, пріятные, консонирующіе, совершенные аккорды, или непріятное впечатлѣніе, какъ, напримѣръ, диссонирующіе, нестройные аккорды, либо, какъ аккорды мажорные или минорные, особый родъ возбужденія, лишенный, однако же, свойствъ настоящей эмоціи.

Необходимо, впрочемъ, оговориться, что все сказанное вѣрно лишь для звуковъ умѣренной силы, но отнюдь не для очень интенсивныхъ и неожиданныхъ, какъ, напримѣръ, ударъ въ литавры или выстрѣлъ изъ револьвера.

Обращаясь къ изученію этой не эмоціональной, такъ сказать, чисто чувственной категоріи звуковъ, мы видимъ, прежде всего, что правильность движенія остается, въ этомъ случаѣ, всегда ненарушенной, глубина дыханій нерѣдко (въ половинѣ всѣхъ наблюденій) нѣсколько уменьшается, между тѣмъ какъ частота наростаетъ, въ среднемъ, на 2 дыханія въ минуту (предѣлы колебаній—отъ 0,5 до 3,5), причемъ здѣсь важны: быстрота, съ какой аккорды слѣдуютъ другъ за другомъ, ладъ ихъ, стройность и степень рѣзкости въ исполненіи; именно, учащеніе дыханія наростаетъ при быстромъ слѣдованіи аккордовъ, при мажорномъ ладѣ, при аккордахъ диссонирующихъ и рѣзкихъ. Особенно необходимо подчеркнуть здѣсь то обстоятельство, что аккорды непріятнаго характера дѣйствуютъ на наше дыханіе не такъ, какъ печальные, минорные звуки, а подобно аккордамъ мажорнымъ и быстро слѣдующимъ другъ за другомъ.

Что касается сердечной дѣятельности, изображаемой сфигмографическими записями, то она представляетъ поразительную аналогію съ дыханіемъ: всегда, параллельно съ учащеніемъ дыхательныхъ движеній мы замѣчаемъ и соотвѣтствующее учащеніе пульса (вообще, въ физіологіи принято, что каждому дыханію соотвѣтствуютъ, приблизительно, 4 удара пульса). Такимъ образомъ, во всѣхъ наблюденіяхъ ни разу не было замедленія пульса, а всегда получалось учащеніе его.

Для экспериментовъ надъ дѣйствіемъ экспрессивной музыки были выбраны пьесы, въ большинствѣ, хорошо извѣстныя субъекту и вообще наиболѣе популярныя. Исполнялось всего 20 пьесъ, причемъ для нѣкоторыхъ изучалось отдѣльно инструментальное (фортепіано) и вокальное исполненіе, такъ что опы-

товъ этого разряда было 24. Здѣсь, въ противоположность тому, что мы видѣли при не-эмоціональной музыкѣ, очень часто наблюдалось нарушеніе правильности дыхательныхъ движеній (16 разъ на 22 наблюденія), а также—довольно часто—уменьшеніе глубины вздоха (13 разъ), учащеніе же дыханія можетъ достигать здѣсь уже 5,5, т. е. втрое большей величины, чѣмъ въ случаѣ неэкспрессивной музыки; въ среднемъ же, на 24 наблюденія, это учащеніе равнялось 3,5, причемъ замѣчательно, что печальныя мелодіи (10 опытовъ) обыкновенно вызывали менѣе значительное учащеніе, всего на 2,6, но зато чаще уменьшали глубину его, нежели веселыя, при которыхъ учащеніе дыханія нерѣдко доходило до 3,8.

Но независимо отъ радостнаго или печальнаго настроенія пьесы, самое содержаніе ея, вызывая цѣлый рядъ сильно выраженныхъ душевныхъ волненій, можетъ производить весьма замѣтное учащеніе дыхательныхъ движеній — на 3,3—наряду съ *увеличеніемъ глубины* дыханія; такой эффектъ, напр., производило исполненіе сценъ «Весна» или «Мечъ» изъ «Валкирій» Рихарда Вагнера. Это не должно казаться удивительнымъ, если вспомнить, что именно здѣсь, въ этихъ отрывкахъ изъ тетралогіи «Кольцо Новбелунговъ», проявляется, какъ говоритъ проф. Кашкинъ, «неистощимое обиліе гармоніи вагнеровской музыки, всегда богатой, чувственно красивой, и вся роскошь оркестровыхъ красокъ, поражающихъ своей прелестью и разнообразіемъ».

Необходимо обратить вниманіе еще на то, что во время вокальнаго исполненія г-жею Рено-Мори отрывковъ, особенно знакомыхъ субъекту, производившихъ на него глубокое, трогательное впечатлѣніе, и въ тѣ моменты, когда вниманіе его особенно сосредоточивалось на пѣніи, ритмъ его дыханія, безсознательно для субъекта, согласовался съ дыханіемъ исполнительницы. Объ этомъ подражательномъ дыханіи, которое, по справедливости, можно было бы назвать дыхательнымъ внушеніемъ, мы, какъ помнитъ читатель, уже имѣли случай упомянуть выше, когда приводили наблюденія надъ дыханіемъ, подражающимъ ритму отбивающаго тактъ метронома. Въ этомъ явленіи должны, безъ сомнѣній, играть важную роль такіе моменты, какъ степень выразительности голоса, его тэмбръ и самая природа музыкальныхъ эффектовъ; такъ, напр., въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ звуки голоса тихо замираютъ, должно происходить нѣкоторое удлиненіе вдыхательной фазы какъ у исполнителя, такъ и у слушателя.

Все, чтó было сказано здѣсь о вліяніи экспрессивной музыки на дыханіе, относится также и къ сердечной дѣятельности, къ измѣненіямъ со стороны пульса: учащеніе его, равное, при болѣе спокойной эмоціи, 6 ударамъ въ минуту, можетъ достигать, при бурномъ музыкальномъ волненіи, 10,7 ударовъ. Точно также относительно разницы между веселымъ и печальныхъ характеромъ пьесы необходимо сослаться на то, что было сказано по поводу измѣненія дыхательной функціи при подобныхъ условіяхъ.

Не менѣе любопытныя данныя представляютъ намъ кривыя кровонаполненія конечностей (въ данномъ случаѣ, правой руки субъекта). Здѣсь чаще всего приходилось наблюдать уменьшеніе волны—19 разъ изъ 34-хъ. Это уменьшеніе, не превышавшее, въ случаѣ безразличной или пріятной не эмоціональной музыки, $^1/_7$—$^1/_6$ первоначальной высоты, становилось болѣе замѣтнымъ при диссонирующихъ аккордахъ и мелодіяхъ веселаго характера, особенно же рѣзкимъ являлось оно при исполненіи бурныхъ, богатыхъ музыкальными эффектами, пьесъ, какъ, напр., сцена «Мечъ» изъ «Валкирій»: въ подобные моменты уменьшеніе волны было громадно—оно доходило до $^1/_2$.

Рядомъ съ пониженіемъ плетизмографической волны шло *усиленіе дикротизма*. Это явленіе станетъ вполнѣ понятнымъ, если припомнить ту связь, которая существуетъ между величиной кровяного давленія въ артеріяхъ и сте-

пенью дикротизма. Какъ помнитъ читатель, величина дикротизма находится въ обратномъ отношеніи къ высотѣ кровяного давленія: первая тѣмъ значительнѣе, тѣмъ ниже послѣдняя, независимо отъ того, чѣмъ обусловливается въ томъ или иномъ случаѣ уменьшеніе кровяного давленія —ослабленіемъ ли работы сердца, или расширеніемъ сосудовъ. Замѣчательно при этомъ, что мелодіи, печально настроенныя, почти не вызывали ни уменьшенія плетизмографической волны, ни увеличенія дикротизма, что, однако, также понятно, если принять во вниманіе, что вообще минорная экспрессивная музыка оказываетъ наименѣее возбуждающее дѣйствіе. Прибавимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнінія со стороны дикротизма происходили, однако же, независимо отъ измѣнен й плетизмографической волны.

Приведенными данными исчерпываются точныя свѣдѣнія, добытыя экспериментальнымъ путемъ надъ вліяніемъ музыки на интересующія насъ важнѣйшія функціи человѣческаго организма. Но, если вспомнить, сколько противорѣчій по этому поводу заключается въ сочиненіяхъ прежнихъ авторовъ, какъ неточно и неполно обставлялись прежніе эксперименты, то необходимо будетъ признать, что только-что описанные опыты могутъ разсчитывать на полное вниманіе къ себѣ: благодаря имъ, мы впервые получаемъ вполнѣ точныя физіологическія свѣдѣнія,—по крайней мѣрѣ, по вопросу дѣйствія простѣйшихъ музыкальныхъ явленій.

Врачъ С. Бродскій.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Астрономія: 1) Новая луна. 2) О важности нормальнаго зрѣнія для астрономовъ. **Физика и метеорологія:** 1) Опыты съ жидкимъ воздухомъ. 2) Суточныя колебанія барометра. **Біологія:** 1) Къ вопросу о движеніи діатомовыхъ водорослей. 2) Роль энцимовъ въ жизни растеній. 3) Новое каучуковое и новое хлопчато-бумажное растеніе. 4) Вліяніе цвѣтныхъ лучей на амёбу. 5) О паразитахъ и сожителяхъ муравьевъ. **Географія и научныя экспедиціи:** 1) Новѣйшія изслѣдованія материковъ Азіи, Австраліи и Америки. 2) Огонь изъ подо льда. **Техника и изобрѣтенія:** 1) Успѣхи аэронавтики. 2) Искусственный шелкъ.

Астрономія. 1) *Новая луна.* Нѣмецкій астрономъ гамбургской обсерваторіи *Георгъ Вальтематъ* сдѣлалъ недавно крайне интересное сообщеніе; оказывается, что земля наша имѣетъ не одну, какъ мы привыкли думать, а двѣ луны. Открытая или, лучше сказать, предполагаемая Вальтематомъ луна весьма небольшихъ размѣровъ и по виду похожа на черный метеоритъ; вѣроятно она вращается вокругъ всѣмъ намъ извѣстной луны и видима съ земли только 3-го февраля и 30-го іюля. Вотъ элементы этого новаго свѣтила:

Средняя долгота въ полдень (берлинское время) 1-го января 1898 г.	214°73
Синодическое время обращенія	177 дн., 00593
Сидерическое » »	119 дн., 227434
Среднее дневное перемѣщеніе	3°019439012
Прохожденіе черезъ перигелій (среднее время Гринвича) 8-го апрѣля	00
Эксцентрицитетъ	0,1587
Среднее разстояніе отъ земли (въ земныхъ радіусахъ)	161
Діаметръ (въ километрахъ)	700
Масса (по отношенію къ лунѣ)	$^1/_{80}$

Почти одновременно съ замѣткой Вальтемата въ «Astronomische Nachrichtungen» появилось слѣдующее интересное сообщеніе г-на Бренделя изъ Грифсвальда (Померанія): «Почтовый чиновникъ Циглеръ и многія другія лица видѣли 4-го февраля, отъ 1 ч. 10 м. до 2 ч. 10 м. (по берлинскому времени), какъ черезъ солнечный дискъ проходило какое-то черное тѣло. Это свѣтило направлялось къ N. W., имѣло видимый діаметръ въ 6′ и могло быть наблюдаемымъ въ теченіи четверти часа до своего нахожденія на солнечный дискъ и въ теченіи цѣлаго часа послѣ этого». Пока, конечно, трудно высказаться за или противъ существованія этой «новой луны Вальтемата», нужно ждать дальнѣйшихъ наблюденій, а также и мнѣнія по данному вопросу выдающихся астрономовъ.

2) *О важности нормальнаго зрѣнія для астрономовъ.* Въ январѣ текущаго года обсерваторію Манора (въ Истріи) посѣтилъ астрономъ-любитель, окулистъ вѣнскаго госпиталя. Онъ осмотрѣлъ глаза директора этого обсерваторіи, извѣстнаго астронома Лео Бреннера и нашелъ, что правый глазъ, употребляемый

астрономомъ исключительно при наблюденіяхъ, очень близорукъ, но превосходенъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Лѣвый же, менѣе близорукъ, но астигматиченъ, слѣдовательно, имъ можно сдѣлать только ошибочныя измѣренія. Нельзя полагать, какъ то думаютъ нѣкоторые ученые, что можно дѣлать вѣрныя измѣренія ненормальнымъ глазамъ, поправляя ненормальность тѣмъ, что помѣщаютъ глаза сначала параллельно нитямъ микрометра, а затѣмъ поворачиваютъ голову подъ прямымъ угломъ. Большая часть противорѣчащихъ или даже странныхъ результатовъ, опубликованныхъ астрономами (діаметры планетъ слишкомъ большіе или слишкомъ маленькіе, каналы Меркурія и Венеры, тѣни на внѣшнемъ кольцѣ А Сатурна и пр.) являются, по мнѣнію окулиста, прямымъ слѣдствіемъ несовершенства глазъ. Если нѣкоторые астрономы нашли, что пятна Юпитера гранатоваго цвѣта и что главныя полосы этой планеты чернаго цвѣта, то только потому, что ихъ глаза страдаютъ дальтонизмомъ,—недостатокъ встрѣчающійся довольно часто среди астрономовъ. Точно также ненормальное расположеніе частей глаза приводитъ къ тому, что разстоянія двойныхъ звѣздъ принимаются или слишкомъ большими, или слишкомъ маленькими, такъ, напр., измѣренія Скіапарелли всегда меньше, чѣмъ измѣренія его коллегъ. Такъ какъ Бреннеръ, измѣряя діаметры Юпитера, нашелъ болѣе значительное сплющиваніе у полюсовъ, чѣмъ другіе астрономы, то онъ просилъ окулиста осмотрѣть его глаза самымъ тщательнымъ образомъ. Оказалось, что правый глазъ Бреннера измѣряетъ съ одинаковою точностью, какъ діаметры полярные, такъ и экваторіальные, что онъ очень чувствителенъ къ малѣйшимъ измѣненіямъ цвѣтовъ, и что у него нѣтъ предрасположенія къ дальтонизму.

Астрономы, требуя громадной точности отъ своихъ телескоповъ, экваторіаловъ, геліостатовъ и другихъ сложныхъ приборовъ, забыли несмотря на предупрежденія Гельмгольца, о возможности несовершенства того маленькаго, но всегда всѣмъ нужнаго инструмента, который зовется глазомъ. Будемъ надѣяться, что въ концѣ-концовъ и астрономы будутъ предъявлять къ своимъ глазамъ такія же, и даже болѣе строгія, требованія, какъ и желѣзнодорожная администрація къ стрѣлочникамъ, требующая отъ кандидатовъ на эту должность хорошаго нормальнаго зрѣнія и отказывающая, напр., лицамъ, страдающимъ дальтонизмомъ.

Физика и метеорологія. 1) *Опыты съ жидкимъ воздухомъ.* «American Scientific» помѣстилъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ описаніе опытовъ нью-іоркскаго профессора *Триплера*, которому, по словамъ этого журнала, «удалось получить большое количество жидкаго воздуха сравнительно съ небольшими затратами». Насколько можно судить по статьѣ «American Scientific», опыты Триплера ничего новаго не представляютъ и аппаратъ его является слабымъ видоизмѣненіемъ прибора нѣмецкаго ученаго Линде, построеннаго послѣднимъ еще въ 1896 году; принципъ въ обоихъ случаяхъ совершенно одинъ и тотъ же: это многократное продавливаніе сильно сжатаго воздуха черезъ изогнутыя трубки съ узкими выходными отверстіями; благодаря тому, что воздухъ, выходя наружу изъ такой трубки, сильно расширяется, температура его сильно падаетъ, и послѣ цѣлаго ряда такихъ послѣдовательныхъ расширеній (у *Триплера* 3 трубки) становится достаточно низкой (—311,8° по Ф.) для того, чтобы превратить воздухъ въ жидкость. Если налить въ стаканъ жидкаго воздуха, то онъ, конечно, кипитъ, а снаружи образуется иней изъ влаги окружающаго атмосфернаго воздуха. Кусокъ олова также заставляетъ жидкій воздухъ кипѣть, а само олово дѣлается хрупкимъ, какъ стекло, что, впрочемъ и слѣдовало ожидать, такъ какъ давно уже было извѣстно, что сильный холодъ превращаетъ въ концѣ концовъ куски олова въ порошокъ. Если жидкій воздухъ нагрѣвать, то онъ начинаетъ энергично кипѣть, а часть его моментально затвердѣваетъ. Такъ какъ точка ожижженія составныхъ частей воздуха различна—у кислорода, при одномъ и

томъ же давленіи, она выше, чѣмъ у азота,—то ясно, что при повышеніи температуры жидкаго воздуха, азотъ начинаетъ испаряться раньше и остается жидкость, весьма богатая кислородомъ.

2) *Суточныя колебанія барометра.* Въ концѣ января текущаго года г. *Ганнъ* сдѣлалъ сообщеніе на эту тему вѣнской академіи наукъ. Свои наблюденія авторъ производилъ или въ открытомъ морѣ, или на островахъ, удаленныхъ отъ континентовъ, чтобы насколько возможно избѣжать возмущающихъ вліяній. Благодаря этимъ предосторожностямъ, ему удалось констатировать слѣдующія законности. Около экватора крайнія точки суточнаго колебанія барометра приходятся на 5 ч. 30 м. утра (максимумъ давленія) и на 5 ч. 30 м. вечера (минимумъ давленія); по мѣрѣ удаленія отъ экватора, эти крайнія точки передвигаются все ближе и ближе къ вечеру.

Біологія. 1) *Къ вопросу о движеніи діатомовыхъ водорослей.* Со времени классическихъ работъ *Нитцша* и *Эренберга* діатомовыя водоросли или Bacillariaceae, какъ ихъ снова теперь называютъ, долгое время были излюбленнымъ предметомъ для микроскопическихъ наблюденій. Всякаго, кто не ограничивался только разсматриваніемъ кремнеземистой скорлупы діатомовыхъ, поражало своеобразное движеніе протоплазмы этихъ организмовъ, когда они, то плавно скользя, то толчками, движутся сначала въ одну сторону, въ направленіи своего наибольшаго діаметра, а затѣмъ, послѣ короткой паузы, совершаютъ такое же поступательное движеніе, но только въ діаметрально противоположномъ направленіи. Эренбергъ (1838) объяснялъ это движеніе существованіемъ у нѣкоторыхъ діатомовыхъ органа, аналогичнаго ногѣ улитки, у другихъ же видовъ присутствіемъ длинныхъ, тонкихъ нитей, выходящихъ изъ отверстій панцыря. Но работы другихъ ученыхъ не подтвердили этихъ наблюденій.

Съ тѣхъ поръ, какъ было доказано, что діатомовыя не сложные, какъ думалъ Эренбергъ, а одноклѣточные организмы, для объясненія ихъ движенія стали прибѣгать къ новыхъ разнообразнымъ теоріямъ, которыя въ сущности сводятся къ двумъ основнымъ мыслямъ. Предложенная *Негели* (1849 году) *осмотическая* теорія, объясняетъ движеніе діатомовыхъ осмотическимъ токомъ, который образуется отъ впитыванія воды въ одномъ концѣ клѣточки и выдѣленіи воды въ другомъ. Другая, такъ-называемая *протоплазмическая* теорія была основана *Максомъ Шульце*. По этой теоріи движеніе діатомовыхъ производится протоплазмой самой клѣточки, выступающей чрезъ мельчайшія, точечныя отверстія оболочки. Съ помощью этихъ временныхъ отростковъ протоплазмы діатомовыя могутъ ползать или же, сами оставаясь въ покоѣ, двигать находящіяся вблизи ихъ постороннія тѣла.

Противъ протоплазмической теоріи говоритъ, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что до сихъ поръ никѣмъ и никогда не наблюдалось ни выхода протоплазмы чрезъ оболочку клѣточки, ни какихъ-либо отверстій въ оболочкѣ. Противъ осмотической же теоріи возражаютъ, что она покоится на ни чѣмъ не основанномъ допущеніи и не объясняетъ движенія въ опредѣленномъ направленіи вдоль оболочки постороннихъ тѣлъ, находящихся вблизи діатомовой водоросли.

Въ 1889 году *Отто Мюллеръ* опубликовалъ свои изслѣдованія, которыя не оставляютъ болѣе сомнѣнія, что въ оболочкѣ діатомей существуютъ отверстія и что допустить проникновеніе протоплазмы изъ этой оболочки наружу не только возможно, но и необходимо. Авторъ рѣшительно склоняется на сторону протоплазмической теоріи.

Мюллеръ изслѣдовалъ родъ Navicula изъ группы Pinnulariae. Какъ всѣ діатомовыя, они имѣютъ двустворчатую кремнеземистую оболочку. Эта оболочка состоитъ изъ двухъ плоскихъ, узкихъ эластическихъ коробочекъ, изъ которыхъ

одна, служащая крышкою, нѣсколько больше другой и потому края ея заходятъ за края послѣдней. Эта эластическая коробочка, разсматриваемая въ профиль, имѣетъ видъ удлиненнаго узкаго прямоугольника (см. схем. рис. 1). По длинѣ каждой створки проходитъ аппаратъ, названный Мюллеромъ «швовъ» (rhaphe) (на рис. ee_1), Аппаратъ этотъ представляетъ своеобразную систему щелей и каналовъ, которые проходятъ въ створкахъ въ различныхъ мѣстахъ и подъ различными углами.

Каждая половина шва начинается въ центральномъ узлѣ (c. c_1.) въ видѣ канала, который направляется кнаружи и достигаетъ щели, ведущей въ конечному узлу (e. e_1.) и здѣсь снова переходитъ въ каналъ, который проникаетъ внутрь. Створки имѣютъ отверстія только въ этихъ узловыхъ пунктахъ и только тутъ протоплазма можетъ проникнуть чрезъ нихъ. По щели шва протоплазма можетъ течь только вдоль створки.

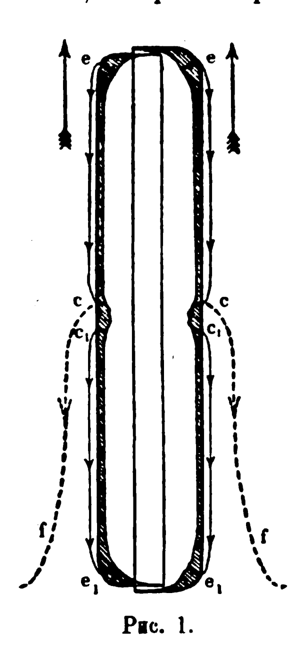

Рис. 1.

Кромѣ того, оказалось, что весьма слабые растворы селитры и поваренной соли немедленно прекращаютъ движеніе діатомовыхъ. Фактъ этотъ говоритъ скорѣе противъ осмотической теоріи, такъ какъ растворы солей, увеличивающіе вообще осмотическіе процессы, не только не должны были бы дѣйствовать парализующимъ образомъ, а напротивъ, усиливать движеніе. Опыты Мюллера обнаружили также, что разъ движеніе парализовано, оно не возстановляется даже и послѣ устраненія раствора. Давленіе протоплазмы діатомовыхъ (тургесценція) равняется, по вычисленіямъ Мюллера, 4 или 5 атмосферамъ. Вслѣдствіе этого давленія протоплазма и выдавливается чрезъ отверстія стѣнки клѣточки наружу и еслибъ каналы были бы простыми, то большая часть протоплазмы вытекла бы наружу. Но такъ какъ швы представляютъ собою запутанную систему капилярныхъ каналовъ которая должна оказывать значительное сопротивленіе движенію по ней протоплазмы, то это сопротивленіе, при тягучести протоплазмы, можетъ уравновѣсить высокое давленіе. Такую именно роль и приписываетъ Мюллеръ открытому имъ аппарату «шву» и полагаетъ возможнымъ объяснить всѣ упомянутыя выше движенія какъ самихъ діатомовыхъ, такъ и постороннихъ, вблизи нихъ находящихся, тѣлъ, двигательною силою протоплазмы, текущей по системѣ шва. Когда протоплазма течетъ одновременно по всѣмъ четыремъ направленіямъ отъ каждаго центральнаго узла къ узламъ, лежащимъ на оконечностяхъ діатомовой водоросли или обратно, то всѣ эти теченія взаимно уравновѣшиваются и данный индивидъ не двинется съ мѣста. Постороннія же тѣла, прилежащія къ системѣ каналовъ «шва», могутъ быть увекаемы протоплазмой въ направленіи ея теченія, что вполнѣ согласуется и съ наблюденіемъ. Но всякій разъ, какъ это равновѣсіе нарушается или вслѣдствіе направленнаго въ одну сторону тока протоплазмы по всѣмъ четыремъ системамъ, или вслѣдствіе неодинаковой движущей силы въ отдѣльныхъ каналахъ, тотчасъ же происходитъ перемѣщеніе протоплазмы въ сторону наибольшей слагающей. если только эта сила способна побѣдить сопротивленіе окружающей среды. Движеніе же постороннихъ тѣлъ то въ направленіи движенія діатомовой водоросли, то въ обратную сторону, объясняется тѣмъ, что въ различныхъ каналахъ движеніе протоплазмы можетъ совершаться въ прямо противоположныхъ направленіяхъ; перемѣщеніе діатомовыхъ въ извѣстномъ направленіи есть результатъ движенія протоплазмы по всѣмъ

системамъ каналовъ, посторонniя же тѣла движутся увлекаемые протоплазмой по какой-нибудь одной изъ этихъ системъ.

Подобные описанному аппараты, съ небольшими водоизмѣненіями, встрѣчаются у большинства діатомовыхъ водорослей, даже у тѣхъ изъ нихъ, которые никогда не живутъ въ свободномъ состояніи. Поэтому Мюллеръ полагаетъ, что аппаратъ этотъ только случайно, такъ сказать, явился органомъ движенія, возможно, что его главное назначеніе—служить для цѣлей дыханія.

Нѣсколько лѣтъ позже, Бючли и Лаутерборнъ дали для объясненія движенія діатомовыхъ водорослей теорію, существенно отличную отъ только что описанной. Чтобы точнѣе прослѣдить протоплазмическія теченія вдоль «шва», эти изслѣдователи разсматривали экземпляры Pinnularia nobilis въ водѣ, въ которой была разведена тушь. При этомъ наблюдалось такое явленіе: зернышки туши устремлялись потокомъ, начиная съ передняго конца къ переднему узлу. Здѣсь они какъ бы склеивались какимъ-то невидимымъ цементомъ въ непрерывную нить и двигались такимъ образомъ по направленію взади. Нить эта была обыкновенно настолько длинна, что заходила нѣсколько далѣе задняго конца діатомовой водоросли, иногда даже довольно далеко. (См. на рис. линію, обознач. пунктиромъ). Получалось впечатлѣніе, какъ будто эта нить выталкивалась изъ условнаго пункта. Изслѣдователи полагали поэтому, что причина движенія діатомовой заключается въ обратномъ толчкѣ, производимомъ быстрымъ образованіемъ клейкой студенистой массы, которая быстро и съ силой выбрасывается изъ узловаго пункта «шва» въ видѣ тонкой нити. Къ сожалѣнію, авторы не всегда могли видѣть образованіе нити и у Pinnularia, а у другихъ родовъ и совсѣмъ ея не видали. Можетъ быть, у этихъ послѣднихъ студенистая масса очень быстро растворялась и нить не успѣвала образоваться.

Отто Мюллеръ, повторивъ наблюденія Бючли и Лаутенборна и подтвердивъ ихъ точность, сдѣлалъ слѣдующія дополненія. Зерна туши увлекаютси движеніемъ протоплазмы и уносятся къ центральному узлу (c), здѣсь протоплазма, входя въ узкій каналъ, сгруппировывается и на время перестаетъ увлекать частицы туши. Послѣднія собираются, склеиваются и затѣмъ вытягиваются въ нить, слѣдуя теченію проплазмы, направляющагося отъ центральнаго узла назадъ. По мнѣнію Мюллера, эти явленія вполнѣ подтверждають его теорію и для движенія діатомовой нѣтъ нужды въ какой либо опорѣ, иначе перемѣщеніе ея было бы невозможно при ея поясномъ положеніи.

Лаутенборнъ возражалъ Мюллеру, что никто до сихъ поръ не наблюдалъ истеченія протоплазмы изъ шва и что такая потеря жизненной протоплазмы при продолжительномъ движеніи, едва ли совмѣстима съ принципомъ экономіи. Кромѣ того, ни въ растительномъ, ни въ животномъ царствѣ не встрѣчается аналогичныхъ примѣровъ поступательнаго движенія посредствомъ токовъ протоплазмы. Наконецъ, онъ сомнѣвается, чтобы предполагаемый Мюллеромъ аппаратъ способенъ былъ обусловить движеніе діатомовой водоросли. Въ пользу же его, Лаутенборна, теоріи говорятъ многіе аналогичные факты. Къ тому же, путемъ окраски удалось сдѣлать очевиднымъ выдѣленіе студенистаго вещества у Pinnularia. Въ слѣдующихъ опубликованныхъ работахъ Мюллеръ соглашается, что у нѣкоторыхъ Pinnularia происходитъ выдѣленіе подобнаго вещества, но онъ не согласенъ съ тѣмъ, что движеніе діатомовыхъ производится нитями послѣдняго, такъ какъ движеніе также происходитъ у тѣхъ изъ діатомовыхъ, у которыхъ не образуется ни студенистаго вещества, ни нитей. Нѣсколько позднѣе Мюллеръ дѣлаетъ уже большія уступки въ этомъ направленіи. Онъ признаетъ, что образованіе студенистой слизи образуется у большей части Pinnularia. Слизь эта образуетъ сплошной слой надъ протоплазмическимъ потокомъ. Онъ, однако, сомнѣвается, что при этомъ происходитъ образованіе нити. Нить, по его

мнѣнію, частички туши, расположенныя по одной линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ даетъ новыя вычисленія, изъ которыхъ явствуетъ, что предполагаемый имъ аппаратъ способенъ сообщить движеніе діатомовой водоросли въ водѣ.

Лаутерборнъ, съ своей стороны, послѣ ряда новыхъ наблюденій (1897 г.), нѣсколько отступаетъ отъ своихъ первоначальныхъ взглядовъ. Онъ также на первомъ планѣ ставитъ систему каналовъ шва и отводитъ второстепенное значеніе нитямъ и согласенъ съ Мюллеромъ во всемъ, что касается распредѣленія и дѣйствія протоплазмическихъ токовъ діатомовыхъ, но вещество этихъ токовъ, по его мнѣнію, прозрачное, студенистое.

Мюллеръ же продолжаетъ утверждать, что хотя ему постоянно удавалось отличать слой протоплазмы отъ болѣе значительнаго слоя студенистой массы, но ему не удалось доказать, что въ системѣ каналовъ шва течетъ протоплазма, такъ же, какъ и Лаутерборнъ, съ своей стороны, не доказалъ ея студенистой природы.

Читатель видитъ, что наши знанія относительно движенія діатомовыхъ не лишены до сихъ поръ еще нѣкоторыхъ гипотетическихъ предположеній. Но работы Мюллера и Лаутенборна въ теченіе послѣдняго десятилѣтія много способствовали выясненію этого труднаго вопроса. (Naturwischschaftl. Rundschau. 1898).

2) *Роль «энцимовъ» въ жизни растеній.* Энцимами называются особыя *химическія* соединенія, которыя, подобно ферментамъ, вызываютъ броженіе; но многіе *организованные* ферменты—бродильные грибы и бактеріи—выдѣляютъ во время своего развитія такіе же энцимы, т. е. *неорганизованные*, растворимые ферменты, могущіе вызывать различныя превращенія вещества. Къ энцимамъ принадлежатъ, наприм., діастазъ, пепсинъ, птіалинъ. Энцимы, аналогичные имъ, существуютъ и въ растеніяхъ; по Саксу, они играютъ не малую роль въ явленіяхъ питанія и роста и содержатся, главнымъ образомъ, въ луковицахъ, почкахъ, сѣменахъ и т. д. Къ концу осени въ растеніяхъ находится большое количество питательныхъ запасовъ—въ видѣ крахмала, наприм.; эти запасы израсходуются весной, во время интенсивнаго проростанія, когда корни только что возобновили свою дѣятельность и когда листьевъ еще не существуетъ. Расходованіе этихъ питательныхъ запасовъ не можетъ совершаться безъ помощи энцимовъ, которые служатъ для ихъ перевариванія и ассимиляціи. Наилучшимъ примѣромъ, показывающимъ значеніе питательныхъ запасовъ, можетъ служить луковица, не получающая ничего, кромѣ дестиллированной воды и развивающая, несмотря на это, листья, корни, цвѣты на счетъ питательныхъ веществъ, составляющихъ главную ея массу. Такимъ же примѣромъ служитъ и сѣмя, въ сѣмянодоляхъ котораго заключается обильный запасъ питательныхъ веществъ, предназначенныхъ для періода проростанія, но все же черезъ два, три, десять, наконецъ, двадцать лѣтъ послѣ сбора, смотря по виду, сѣмена теряютъ способность проростать.

Waugh объясняетъ эту потерю способности проростанія уменьшеніемъ энцимовъ, находящихся въ сѣменахъ. Изъ его опытовъ, поставленныхъ съ цѣлью опредѣлить дѣйствіе растворовъ, содержащихъ энцимы, на воспроизводительную силу старыхъ сѣмянъ, отчасти уже потерявшихъ способность проростать, видно, что въ 1-мъ случаѣ, когда взяты были 12-лѣтнія сѣмена помидоръ, то:

въ чистой водѣ они дали всего	28%	проросшихъ сѣмянъ.
» растворѣ трипсина	56%	»
» экстрактѣ поджелудочной железы . .	36%	»
» растворѣ энцимола	52%	»

Во второмъ, тоже съ 12-лѣтними сѣменами помидоръ, онъ получилъ:

въ чистой водѣ	34%
» діастазированной водѣ	70%

3-й опытъ далъ слѣдующіе результаты:

въ чистой водѣ	12%
› растворѣ пепсина	80%
› › діастаза	85%

Съ другими сѣменами и другими энцимами Waugh получилъ подобные же результаты. Опыты Waugh'а интересны не только съ практической стороны, но и съ научной. Желательно было, чтобы опыты эти умножились и выяснили бы, какой энцимъ лучше всего употреблять въ данномъ случаѣ для даннаго вида сѣмянъ.

3) *Новое каучуковое и новое хлопчатобумажное растенія.* Новое каучуковое растеніе въ изобиліи встрѣчается въ Конго, въ песчаныхъ мѣстностяхъ Stanley-Pool. Сокъ ствола этого дерева употребляется туземцами для приготовленія каучука довольно хорошаго качества. Это растеніе родственно ліанамъ рода Landolphia, хорошо извѣстнаго на восточномъ берегу Африки, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что стебель каучуковаго растенія не вьющійся, а подземный, ползущій, онъ выпускаетъ воздушныя вѣтви, достигающія отъ $0^m,20$ до $0^m,60$ высоты.

Новое хлопчатное растеніе было открыто однимъ англичаниномъ также въ Конго въ 1893 г.; оно достигаетъ 6 метровъ вышины, лишено вѣтвей; сѣмена находятся въ мѣстѣ прикрѣпленія листьевъ; послѣдніе широки и похожи на фиговые, цвѣты цилиндрическіе и открываются ночью. Достовѣрно неизвѣстно, совершенно ли отлично это растеніе отъ хлопчатника или принадлежитъ къ виду, родственному этому послѣднему. Сѣмена дали одному американскому фермеру превосходный сборъ, который оказался на столько больше сбора съ обыкновеннаго хлопчатника, что, думаютъ, можно будетъ сократить площадь теперешняго воздѣлыванія хлопка на 60% и все же получать прежнее его количество.

4) *Вліяніе цвѣтныхъ лучей на амебу.* Гаррингтонъ и Лемингъ наблюдали движенія амебы подъ вліяніемъ различныхъ монохроматическихъ лучей; кстати замѣтимъ, что рентгеновскіе лучи не оказываютъ въ данномъ случаѣ никакого дѣйствія. Какъ и слѣдовало ожидать, различные лучи различно вліяютъ на движенія амебы. Въ фіолетовомъ свѣтѣ амеба дѣлаетъ спазматическія усилія, тщетно пытаясь выпустить ложноножки; въ красномъ же и зеленомъ ей это превосходно удается. Если амебу помѣстить подъ стекло, которое пропускаетъ только красные лучи, то ужъ черезъ 10, 25 секундъ начинаютъ образовываться ложноножки и движеніе протоплазмы въ нихъ такъ быстро, что фотографія съ позой въ 1/50 сек. не успѣваетъ ихъ запечатлѣть. При замѣнѣ краснаго стекла фіолетовымъ движеніе протоплазмы тотчасъ же останавливается, иногда даже начинаетъ совершаться въ обратную сторону, т. е. происходитъ втягиваніе ложноножекъ. Если замѣнить фіолетовое стекло желтымъ, зеленымъ или краснымъ черезъ, то 1—10 сек. снова возобновляется образованіе ложноножекъ. Лучи спектра оказываютъ аналогичное дѣйствіе: красная часть спектра ускоряетъ движенія, фіолетовый же свѣтъ замедляетъ и останавливаетъ.

5) *О паразитахъ и сожителяхъ муравьевъ.* Шарль Жанэ, неутомимый наблюдатель жизни пчелъ, осъ и муравьевъ, издалъ недавно брошюру, въ которой говоритъ объ отношеніяхъ животныхъ Myrmecophila къ муравьямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ (Myrmecophila) являются паразитами, причемъ Жанэ подъ паразитами понимаетъ только такихъ животныхъ, которые живутъ на тѣлѣ муравьевъ, какъ взрослыхъ, такъ и ихъ личинокъ. Къ этой категоріи принадлежатъ *внѣшніе* паразиты; иные изъ нихъ, какъ, напр., *Antennophorus Uhlmanni* схватываютъ тѣ капли питательнаго вещества, которыя муравей передаетъ товарищамъ или самъ ихъ получаетъ; Antenophorus даже пріучаетъ

вышаетъ 4 футовъ 8 дюймовъ, женщины же еще меньше. Всѣ они ужасно безобразны, съ громаднымъ животомъ, тонкими и длинными ногами. По мнѣнію Сюлливана, эти карлики обитаютъ главнымъ образомъ по берегамъ рѣки Ореноко, въ Венецуэлѣ на границахъ ея съ Бразиліей. Этотъ въ высшей степени интересный фактъ требуетъ, конечно, дальнѣйшихъ подтвержденій.

3) *Огонь изъ подо льда*. Въ Сѣверной Америкѣ на покрытой льдомъ поверхности озера Канзасъ можно зажечь огонь, пробивъ ледъ и приложивъ спичку къ отверстію. Пламя достигаетъ высоты человѣческаго роста и ярко горитъ въ продолженіи одной, двухъ минутъ. Тотъ же опытъ можно продѣлать на озерѣ Донифанъ и на рѣкахъ, впадающихъ въ это озеро. Этотъ газъ поднимается изъ воды въ теченіе круглаго года, но въ особенно холодныя зимнія ночи онъ собирается въ большомъ количествѣ на протяженіи 10—20 кв. ярдовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ газа этого выдѣляется такъ много, что ледъ можетъ образоваться только въ очень холодныя ночи и то мѣста эти остаются подо льдомъ всего нѣсколько дней, потому что газъ, поднимаясь съ значительныхъ глубинъ, имѣетъ такую высокую температуру, что легко прокладываетъ себѣ дорогу сквозь ледъ. Въ текущемъ году ледъ достигалъ 15 дюймовъ толщины и все же на озерѣ образовались многочисленныя полыньи. Въ одномъ изъ неглубокихъ заливчиковъ озера видно дно; здѣсь можно наблюдать, какъ со дна, почти непрерывно, поднимаются пузыри газа. Донифанъ—озеро рѣчного и очень недавняго происхожденія; рѣка Миссури на одномъ изгибѣ покинула свое старое русло, которое и превратилось въ прекрасное озеро въ 5 миль длины. Это случилось во время половодья, весной въ 1891 г. Въ виду того, что озеро Донифанъ недавняго происхожденія, нѣкоторые ученые полагаютъ, что выдѣляющійся газъ просто болотный; но газа чересчуръ много для этого; кромѣ того, будь это болотный газъ, онъ распредѣлялся бы болѣе равномѣрно по всему пространству, такъ какъ дно повсюду одинаковое. Но тутъ какъ разъ наоборотъ, газъ собирается только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; такъ, восточная часть озера свободна отъ него, да и выдѣленіе газа идетъ круглый годъ равномѣрно, кромѣ того, вдоль Миссури есть еще три озера такого же рѣчного, недавняго происхожденія. но въ нихъ никогда не бываетъ подобнаго выдѣленія газа.

Техника и изобрѣтенія. 1) *Успѣхи аэронавтики*. За послѣднія 20 лѣтъ среди ученыхъ и изобрѣтателей, занимающихся вопросами воздухоплаванія, замѣчается новое теченіе: они какъ будто разочаровались въ возможности создать аэростаты, подчиняющіеся рулю и волѣ человѣка, и обратились къ мечтѣ миѳологическаго Дедала: во всѣхъ странахъ—въ Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Америкѣ появились различныя «летательныя машины»—воздушные корабли, аэропланы и т. п., однимъ словомъ, аппараты, предназначенные для летанья и *построенные изъ матеріаловъ болѣе тяжелыхъ, чѣмъ воздухъ*. Многимъ изъ этихъ аппаратовъ никогда и не удалось покинуть земли, но нѣкоторыя попытки увѣнчались успѣхомъ и, по мнѣнію такихъ ученыхъ, какъ Ланглей, Белль, Ришэ и др , въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ аэропланы рѣшатъ вѣковую задачу и позволятъ людямъ парить въ небесахъ не только мечтой, но и въ дѣйствительности. Отцомъ аэроплана нужно считать нѣмца *Отто Лиліенталя*. Его аппаратъ былъ снабженъ громадными крыльями, похожими на крылья летучей мыши; крылья эти были образованы выгнутыми поверхностями При помощи этого аппарата, все же *нельзя подняться* на воздухъ, на нихъ можно только летать, спустившись съ болѣе или менѣе высокаго пункта. Снарядъ Лиліенталя былъ устроенъ такимъ образомъ, что летать можно было благодаря безпрерывному перемѣщенію центра тяжести; такое перемѣщеніе долженъ былъ совершать самъ аэронавтъ и въ то же время управлять рулемъ. Понятно, что такія сложныя движенія и притомъ въ крайне неудобномъ и опасномъ

на всѣ лишенія, Грдинъ продолжалъ идти, или, вѣрнѣе, плестись,—такъ его силы были ослаблены. Но, наконецъ, вода была найдена, жажда утолена и Гединъ, за неимѣніемъ другого сосуда, принесъ въ сапогѣ умирающему Казиму живительной влаги и спасъ тѣмъ жизнь своего вѣрнаго слуги. По словамъ Гедина, часть Гоби, пройденная имъ, не вездѣ сплошная пустыня, какъ думали это до сихъ поръ; онъ находилъ тамъ даже небольшія деревни, окруженныя плантаціями.

Въ этомъ же—1895 году Гединъ констатировалъ существованіе горъ, только упомянутыхъ Пржевальскимъ, а именно массива Мазеръ-Тагъ, раздѣленнаго на 2 части, между которыми находится громадное озеро, открытое Гедингомъ же.

Въ 1896 году, прозимовавъ въ Хотанѣ, шведскій путешественникъ двинулся на западъ. Онъ открылъ тамъ развалины многихъ древнихъ городовъ, погребенные подъ песками ужъ цѣлое тысячелѣтіе; среди этихъ развалинъ имъ были найдены манускрипты, интересная живопись, постройки изъ тополя, цементированныя твердымъ известнякомъ.

Во время этого же путешествія Гединъ рѣшилъ спорный вопросъ о положеніи озера Лобъ-Норъ. Онъ констатировалъ, что оно перемѣщается и что со времени экспедиціи Бонвало озеро подвинулось ближе къ сѣверу. Всѣ эти открытія были сдѣланы весной; вернувшись снова въ Хотанъ, Гединъ отправился оттуда въ сѣверный Тибетъ и Китай. Пройдя Куэнь-Лунь, Арка-Тагъ, и идя все время на западъ, онъ достигъ громаднаго плато, покрытаго маленькими соляными озерами; онъ насчиталъ до 33-хъ такихъ озеръ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Гединъ не встрѣтилъ здѣсь ни одного человѣческаго существа. Наконецъ, черезъ Куку-Норъ и Ланпъ-тшеу онъ проникъ въ Китай и 2-го марта прибылъ въ Пекинъ.

Читатели «Міра Божія», вѣроятно, знаютъ изъ газетъ, какъ чествовало французское географическое общество Свена Гедина, сдѣлавшаго тамъ сообщеніе о своемъ путешествіи. Какъ этимъ обществомъ, такъ и русскимъ географическимъ обществомъ, знаменитому шведскому путешественнику присуждены высшія награды—большія золотыя медали.

Какъ читатель увидитъ ниже, въ маленькой Австраліи имѣются пустыни, не менѣе страшныя для путешественниковъ, чѣмъ громадныя Гоби и Сахара. 9-го іюля 1896 г. Carnegie съ тремя товарищами отправился въ глубь восточной Австраліи, захвативъ съ собой 9 верблюдовъ и провизіи на 5 мѣсяцевъ. Путешествіе ихъ продолжалось 13 мѣсяцевъ. Carnegie углубился въ песчаную пустыню, гдѣ верблюды лишены были воды въ теченіе $13^1/_2$ дней. Въ этой пустынѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько племенъ номадовъ, питающихся крысами и ящерицами, которыхъ дикари заставляютъ выходить изъ норъ, зажигая рѣдкіе кустарники. Разъ ящерицы и крысы всѣ съѣдены номады отправляются дальше. Эти обитатели пустыни очень черны и дѣлаютъ себя еще болѣе черными, намазываясь смѣсью жира и пепла. Они небольшого роста, очень некрасивы, но не злы; ни деревень, ни домовъ у нихъ не существуетъ; помѣщаются же они въ углубленіяхъ, вырытыхъ въ почвѣ. По мнѣнію Carnegie, внутренняя часть Австраліи между Coolgardie и копями Кимберлея не можетъ быть утилизирована ни человѣкомъ, ни животными; часть эта—необитаемая пустыня.

Мы уже привыкли за послѣднія 30 лѣтъ, что Австралія и Африка дарятъ насъ этнографическими новинками, воскрешающими разсказы Геродота. Теперь, кажется, наступаетъ очередь Америки. Американскій путешественникъ Сюлливанъ открылъ на берегахъ Ріо-Негро, одномъ изъ притоковъ Амазонки, племена карликовъ, напоминающихъ тѣхъ, съ которыми насъ познакомилъ Стэнли. Сюлливанъ полагаетъ, что карлики Ріо-Негро индѣйскаго происхожденія, насколько могъ онъ судить объ этомъ по ихъ волосамъ и желто-красной кожѣ. Ростъ ихъ не пре-

сотою въ 30 футъ. Наклоняя извѣстнымъ образомъ крылья снаряда къ дующему въ данный моментъ вѣтру, можно привести снарядъ въ положеніе равновѣсія, послѣ чего аэронавтъ, держась руками за перекладину и не измѣняя положенія снаряда, дѣлаетъ разбѣгъ въ нѣсколько шаговъ и прыжокъ въ воздухъ—аэропланъ тотчасъ же поднимается въ воздухъ (см. рис. № 4). Спускъ совершается когда угодно, для этого нужно только постепенно наклонять крылья такимъ образомъ, чтобы вѣтеръ ударялъ перпендикулярно ихъ поверхности.

Съ этимъ снарядомъ Чанутъ и Герингъ совершили сотни полетовъ, опытъ показалъ, что для этого не нужно ни особеннаго навыка, ни ловкости. Изобрѣтатели утверждаютъ, что полеты не представляютъ никакой опасности. Высота полета колебалась отъ 40 до 80 футовъ, длина же пробѣга по прямой линіи— отъ 250 до 300 футовъ, при чемъ средняя скорость вѣтра отъ 20—25 миль

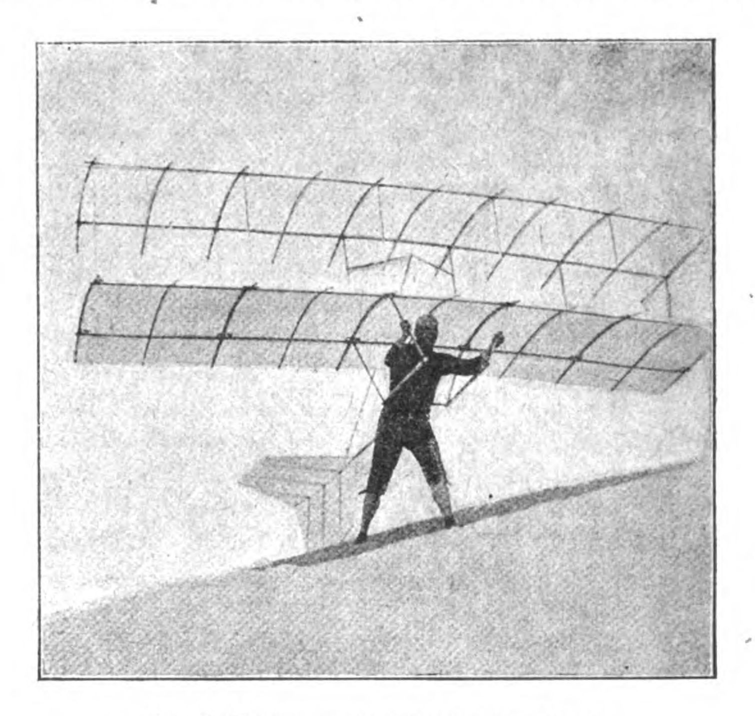

Рис. 3. Чанутъ приготовляется къ полету.

въ часъ, но иногда достигала и 31 мили. Обратимся теперь къ летательнымъ машинамъ, которыя приводятся въ движеніе уже не самимъ эспериментаторомъ, а какимъ-нибудь механическимъ двигателемъ. Знаменитый американскій физикъ и астрономъ *Ланглей* давно уже занимается вопросами воздухоплаванія; онъ также изобрѣлъ летательную машину, которую назвалъ *аеродромъ*. Аеродромъ построенъ, главнымъ образомъ, изъ стали и снабженъ шелковыми крыльями, въ длину онъ имѣетъ 4,60 метра, разстояніе между крайними точками крыльевъ только 4,30 метра. Крылья неподвижны, полетъ же совершается при помощи двухъ винтовъ, находящихся съ боковъ и имѣющихъ каждый 1,22 метра въ діаметрѣ; паровой двигатель (сила нѣсколько больше одной паровой лошади) вращаетъ эти винты со скоростью 1.000 оборотовъ въ минуту. Этотъ двигатель вѣситъ всего 13,6 килограмма, его паровикъ заключаетъ въ себѣ всего 2 литра воды; топливомъ служитъ газоленъ, превращаемый въ газъ до сжиганія.

Но не смотря на такой малый вѣсъ, аеродромъ можетъ летѣть только тогда, если ему сообщена начальная скорость. Аеродромъ спускался съ особаго высокаго приспособленія, возведеннаго на палубѣ корабля, стоявшаго на рѣкѣ Потомакъ, въ 50 километрахъ внизъ отъ Уашингтона; въ воздухѣ онъ описывалъ громадныя дуги, имѣвшія радіусъ около 100 метровъ и поднимался иногда выше деревьевъ, въ горизонтальномъ направленіи аеродромъ пролеталъ до 1.500 метровъ. Физикъ *Белль*, присутствовавшій при этихъ опытахъ, говоритъ, что они всѣхъ убѣдили «въ возможности летать въ воздухѣ при помощи механическихъ приспособленій». Къ такому же заключенію приходятъ и *Ш. Ришэ* и *В. Татэнъ* послѣ опытовъ, произведенныхъ ими надъ аэропланами, близкими по конструкціи къ аэродрому Ланглея. «Какъ въ этомъ опытѣ, такъ и въ предъидущихъ,—пишутъ они въ «Revue Scientifique» 19-го марта 1898 г.,—не хватало

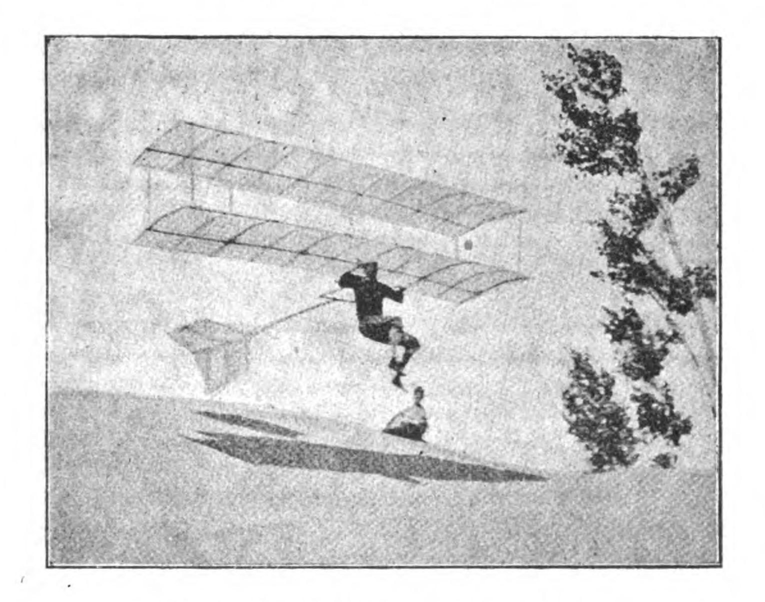

Рис. Начало полета на снарядѣ Чанута.

только направляющей силы, двигательной силы было достаточно, равновѣсіе прекрасно». Нужно найти средство управлять такимъ аэропланомъ и тогда онъ будетъ летѣть сколько угодно и куда угодно;—но въ томъ и дѣло, что механики еще не въ силахъ сдѣлать шкипера-автомата, а живому человѣку пускаться въ путь на такой птицѣ, даже по мнѣнію самихъ изобрѣтателей, пока еще опасно.

Изготовленіе искусственнаго шелка въ Безансонѣ, во Франціи. Искусственный шелкъ такъ же красивъ и блестящъ, какъ и настоящій, но менѣе проченъ и потому идетъ въ дѣло только при основѣ или изъ настоящаго шелка, или же хлопчатобумажной. Приготовляется искусственный шелкъ изъ очень страшнаго матеріала—изъ пироксилина. Пироксилинъ получается обычнымъ путемъ—дѣйствіемъ сѣрной и азотной кислотъ на хорошо высушенную и расчесанную хлопчатую бумагу; вмѣсто послѣдней можно брать и бумажную массу. Затѣмъ пироксилинъ растворяютъ въ смѣси спирта и эѳира при давленіи въ 40—50 атмосферъ и получаютъ такимъ образомъ коллодіумъ, болѣе густой, чѣмъ тотъ, который употребляется въ фотографіи. Коллодіумъ фильтруютъ весьма старательно,

такъ, чтобы не осталось нерастворимыхъ волоконъ, и очищенную клейкую массу пропускаютъ сквозь трубки, діаметромъ въ 0,01 миллиметра.

Приготовленныя такимъ образомъ нити спускаются въ холодную воду, гдѣ онѣ быстро затвердѣваютъ. Лучшіе результаты получаются при *сухомъ* способѣ производства искусственнаго шелка, когда спиртъ и эѳиръ удаляютъ не водою, а заставляютъ испаряться; получающаяся при этомъ нитка такъ суха, что не склеивается, будучи даже намотана на катушки. Но если приготовленный такимъ образомъ шелкъ не подвергнутъ еще одной операціи, то онъ все же сохраняетъ слѣды своего опаснаго происхожденія, легко воспламеняется и даже взрываетъ; для устраненія этого неудобства, его кладутъ на нѣкоторое время въ растворъ азотнокислаго аммонія, который отнимаетъ отъ хлопчатой бумаги почти всю азотную кислоту. Изъ этого искусственнаго шелка фабрикуютъ дешевыя ленты, театральные костюмы, шелковую солому для лѣтнихъ шляпъ и другой дешевый товаръ.

В. Агафоновъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Отвѣтъ проф. **Н. А. Карышеву**).

Мой докладъ въ Вольно-экономическомъ обществѣ «Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи» вызвалъ много возраженій, какъ устныхъ, такъ и печатныхъ. Отвѣчать на нихъ въ печати я считаю преждевременнымъ до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ стенографическій отчетъ преній въ Вольно-экономическомъ обществѣ, такъ какъ публика знаетъ объ этихъ преніяхъ лишь по газетнымъ отчетамъ, крайне тенденціознымъ и нерѣдко совершенно искажавшимъ смыслъ моихъ заявленій. Мнѣ пришлось бы для отвѣта возстановлять сказанное мною и моими оппонентами, а это было бы, во многихъ отношеніяхъ, хлопотливо и неудобно.

На одно возраженіе я, однако, могу отвѣтить и теперь. Въ своемъ докладѣ я отвожу довольно много мѣста критикѣ статистическихъ пріемовъ г-на Николая —она и проф. Карышева. Къ моему крайнему сожалѣнію, оба названныя лица не приняли участія въ обсужденіи моего доклада въ стѣнахъ Вольно-экономическаго общества. Проф. Карышевъ, однако, отвѣтилъ печатно — въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства». Съ большимъ интересомъ ожидаю отвѣта и г. Николая —она, а пока отвѣчу г. Карышеву.

Г. Карышевъ возражаетъ мнѣ по двумъ пунктамъ. Я признаю крупной статистической ошибкой утвержденіе г. —она, что число фабричныхъ рабочихъ въ Россіи за время 1865(6)—1890 г. возрастало слабѣе населенія. Проф. Карышевъ беретъ это утвержденіе подъ свою защиту. Затѣмъ, я считаю совершенно неправильнымъ заключеніе г. Карышева, что въ періодъ 1885—1890 г. средніе размѣры нашей фабрики сокращались и производство мельчало. По этому пункту мой оппонентъ «виновнымъ себя не признаетъ».

Остановимся же прежде всего на первомъ пунктѣ. Мое разногласіе съ г. —ономъ основывается на слѣдующемъ: для опредѣленія цифры фабричныхъ рабочихъ въ Россіи въ 1865(6) года —онъ пользуется данными статистическаго изданія начала 70-хъ годовъ — «Военно Статистическаго Сборника». Съ этими данными г. —онъ сравниваетъ, для 1890 г., данныя фабрично-заводской статистики министерства финансовъ. Я утверждаю, что данныя «Военно-Статистическаго Сборника» не сравнимы съ данными послѣдняго рода и что для опредѣленія измѣненія числа нашихъ фабричныхъ рабочихъ за время 1865—1890 г. слѣдуетъ пользоваться, какъ для 1865 г., такъ и для 1890 г., однородными статистическими изданіями министерства финансовъ. Въ этомъ и заключается нашъ споръ. Если принять для 1865(6) года, цифры «Военно-Статистическаго Сборника», то окажется, что относительное число фабричныхъ рабочихъ въ Россіи значительно упало; если исходить изъ статистическихъ данныхъ министерства финансовъ, то относительное число нашихъ фабричныхъ окажется сильно возросшимъ.

Итакъ, споръ идетъ о томъ, какія цифры заслуживаютъ большаго довѣрія. Я привелъ въ своемъ докладѣ основанія, почему данныя «Военно-Статистическаго Сборника» считаю совершенно непригодными для какихъ бы то ни было сравненій. Что же возражаетъ мнѣ на это г. Карышевъ? Онъ заявляетъ, что «данныя («Военно-Статистическаго Сборника») служатъ исходнымъ пунктомъ нашихъ свѣдѣній о русской индустріи, такъ какъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, нѣтъ». Объ этомъ то, именно, мы и споримъ. Какія же доказательства приводятся проф. Карышевымъ въ пользу его утвержденія? Я внимательно перечиталъ его «Письмо въ редакцію» и могъ найти только одинъ аргументъ: цифры «Военно-Статистическаго Сборника» заслуживаютъ довѣрія потому, что, по заявленію составителей «Сборника», онѣ «несравненно лучше охватываютъ нашу обрабатывающую промышленность, чѣмъ всѣ предшествовавшія изслѣдованія».

Итакъ, цифры «Сборника» заслуживаютъ довѣрія потому, что онѣ признаются таковыми въ «Сборникѣ». Аргументъ нѣсколько странный. Никто не судья въ своемъ дѣлѣ. Если признавать авторитетъ составителей «Сборника», офицеровъ генеральнаго штаба, отнюдь не спеціалистовъ по статистикѣ или политической экономіи, непогрѣшимымъ, то тогда, разумѣется, и спорить не о чемъ. Но я именно авторитета этого не признаю. А г. Карышевъ побѣдоносно ссылается на заявленія авторовъ «Сборника» и считаетъ дѣло поконченнымъ!

Однако, оставимъ даже это соображеніе въ сторонѣ. Что, собственно, утверждаютъ составители «Сборника»? Приводимые цифры, по ихъ мнѣнію «лучше охватываютъ нашу обрабатывающую промышленность», чѣмъ всѣ другія. Но вѣдь насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ не вся «обрабатывающая промышленность», а только часть ея — *крупная* обрабатывающая промышленность, фабричная: «обрабатывающая промышленность» и «фабричная промышленность»—не синонимы. Кромѣ фабричнаго, есть еще и мелкое производство—ремесленное, кустарное. Я именно и утверждаю, что въ итогъ фабричныхъ рабочихъ составители «Сборника» включаютъ мелкихъ производителей, кустарей. На это указывается въ самомъ «Сборникѣ»: «приведенныя цифры (читаемъ въ «Сборникѣ») имѣютъ тотъ недостатокъ, что въ число фабрикъ нѣкоторые губернскіе статистическіе комитеты включали весьма часто крайне мелкія заведенія, которыя скорѣе относятся къ ремесленной, а нефабричной промышленности» («Сборникъ», стр. 319). Но и помимо этой оговорки, уже одна цифра насчитываемыхъ «Сборникомъ» «фабрикъ» (70.631 въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи), въ то время, какъ въ 1890 г. ихъ считалось 21.124, дѣлаетъ очевиднымъ, что въ число фабрикъ вошли многія мелкія кустарныя и ремесленныя заведенія. Правда, составители «Сборника» оговариваются нѣсколькими страницами дальше, въ полномъ противорѣчіи съ своимъ предъидущимъ заявленіемъ, что въ ихъ таблицы «не вошли ни кустарныя, ни ремесленныя производства». Это противорѣчіе только доказываетъ, что къ заявленіямъ «Сборника» нужно относиться съ большой осторожностью, критически, а не съ полнымъ и безусловнымъ довѣріемъ, котораго удостоиваетъ ихъ проф. Карышевъ.

Разберемъ же цифры «Военно-Статистическаго Сборника». На стр. 318 приводятся цифры фабрикъ и рабочихъ въ Россійской Имперіи. Вотъ онѣ, начиная съ 1863 г.

Года.	Число фабрикъ.	Рабочихъ на нихъ.
1863	16.695	419.517
1864	14.839	364.320
1865	23.050	459.190
1866	84.944	919.025

Читатель видитъ, что въ 1866 г. число фабрикъ, по даннымъ «Сборника», увеличивается въ $3^1/_2$ раза, а число рабочихъ удваивается. Ничего чрезвычай-

наго въ нашей фабричной промышленности въ 1866 г. не произошло, что могло бы сколько-нибудь оправдать предположеніе о дѣйствительномъ утроеніи числа фабрикъ въ этомъ году. Очевидно, произошла перемѣна въ способахъ подсчета фабрикъ. И дѣйствительно, цифры за всѣ приведенные годы заимствованы изъ разныхъ источниковъ. Цифры 1865 г. извлечены изъ данныхъ министерства финансовъ, а для 1866 г., какъ заявляютъ составители «Сборника», цифры приводятся «по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета».

Прежде всего, что выражаютъ собой цифры 1866 года? Составители «Сборника» говорятъ о фабрикахъ. Но какія промышленныя заведенія именуются въ данномъ случаѣ фабриками? Прямого указанія на это въ Сборникѣ нѣтъ, но косвенное указаніе имѣется, и довольно опредѣленное. А именно, составители Сборника съ похвалой отзываются о статистикѣ *крупныхъ* промышленныхъ заведеній въ «Ежегодникѣ министерства финансовъ». («Когда общія таблицы уже были нами составлены и отданы въ печать—читаемъ въ «Сборникѣ»—появился 1 выпускъ «Ежегодника министерства финансовъ», изданный подъ редакціей г. Бушена. Онъ не обнимаетъ всѣхъ производствъ и не даетъ общаго свода нашей промышленности; тѣмъ не менѣе, по обработкѣ отдѣльныхъ ея отраслей и тщательности, съ какою составлена имъ статистика *крупныхъ* нашихъ заведеній, трудъ г. Бушена заслуживаетъ полнаго вниманія». «Сборникъ», стр. 319). Именно этимъ источникомъ—«Ежегодникомъ министерства финансовъ»—пользовался и я; такъ какъ въ «Ежегодникѣ» помѣщались данныя не о всѣхъ родахъ производствъ, а лишь о болѣе важныхъ и имѣвшихъ вполнѣ фабричный характеръ, то точной цифры всѣхъ рабочихъ за 1866 г. по «Ежегоднику» установить нельзя. Для 1865 г. эта общая цифра можетъ быть установлена, по аналогичному изданію министерства финансовъ — «Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ»—и приведена въ моемъ докладѣ.

Итакъ, цифры «Ежегодника», признаются составителями «Сборника» вполнѣ надежнымъ источникомъ для характеристики *крупной* промышленности.

О каждой же *крупной* промышленности говорится въ «Ежегодникѣ»? Въ немъ приводятся, за немногими исключеніями, поименные списки всѣхъ фабрикъ и заводовъ, *производящихъ на сумму свыше 1.000 рублей въ годъ* *). Отсюда ясно, что подъ крупной промышленностью, которая, по словамъ составителей «Сборника», лучше выражается цифрами «Ежегодника министерства финансовъ», чѣмъ ихъ собственными, слѣдуетъ понимать заведенія, производящія на сумму свыше 1.000 р. въ годъ, т.-е., какъ разъ то, что именуется «фабрикой» и «заводомъ» въ позднѣйшей фабрично-заводской статистикѣ министерства финансовъ. Иными словами, съ цифрой рабочихъ 1890 г. (относящейся къ фабрикамъ и заводамъ, производящимъ на сумму не менѣе 1.000 р. въ годъ) могутъ быть сравниваемы лишь цифры въ «Сборникахъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ» и въ «Ежегодникѣ министерства финансовъ», которыми я и пользовался, но отнюдь не цифры «Военно-Статистическаго Сборника», включающія въ себя и заведенія, производящія на сумму менѣе 1.000 р. въ годъ **).

Хотя этимъ нашъ споръ съ г. Карышевымъ вполнѣ рѣшается, тѣмъ не менѣе, для окончательнаго выясненія дѣла я сопоставлю цифры «Ежегодника» за 1866 годъ и «Военно-Статистическаго Сборника» по нѣкоторымъ отраслямъ производства. Изъ этого сопоставленія съ наглядностью обнаружится, какимъ образомъ составилась преувеличенная цифра фабричныхъ рабочихъ въ «Сборникѣ».

*) «Ежегодникъ». Вып. I, стр. 140.

**) Оговорюсь, что даже въ общіе итоги «Сборника свѣдѣній» и «Ежегодника» отчасти входятъ заведенія, производящія на сумму менѣе 1.000 р. въ годъ, такъ что и эти итоги должны быть нѣсколько уменьшены, хотя, впрочемъ, очень незначительно.

Число рабочихъ въ Европейской Россіи.

Роды фабрикъ и заводовъ.	По «Ежегоднику». Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	По «Военно-Стат. Сборнику». Число фабрикъ.	Число рабочихъ.
Суконныя	403	73.136	483	78.545
Полотняныя	88	17.171	116	17.529
Бумагопрядильныя	54	40.085	106	43.885 *)
Бумаготкацкія	436	59.136	1.548	59.949
Ситценаб., красильныя и отдѣлочныя	453	28.390	555	30.809
Кожевенн. заводы (дубильные)	2.166	11.419	3.890	17.982
Чугунолитейные	95	2.326	247	40.306
Желѣзодѣлательные	—	—	236	33.527
Машиностроит., слесарные, проволочн. и проч	151	17.649	322	30.968
Мѣднолитейные и бронзовые	156	3.626	264	17.643
Мукомольныя мельницы	2.176	7.707	18.426	71.978

Изъ этой таблицы видно, что число рабочихъ на суконныхъ фабрикахъ, полотняныхъ, бумагопрядильныхъ, бумаготкацкихъ, ситценабивныхъ показывается почти одинаковымъ въ обоихъ источникахъ. Зато на кожевенныхъ заводахъ (мелкихъ заведеніяхъ) число рабочихъ оказывается увеличеннымъ болѣе, чѣмъ на 50%—на 6 тыс. слишкомъ, на мукомольныхъ мельницахъ число рабочихъ увеличено почти въ 10 разъ—на 64 тысячи; на чугунолитейныхъ заводахъ число рабочихъ увеличено въ 20 разъ—на 38 тысячъ, на мѣднолитейныхъ—въ 5 разъ—на 14 тысячъ. Желѣзодѣлательные рабочіе совсѣмъ не регистрируются въ статистикѣ министерства финансовъ, какъ относящіеся къ горнозаводской промышленности; въ «Сборникѣ» ихъ показано 33 тысячи. Точно также сильно увеличено и число машиностроительныхъ рабочихъ и занятыхъ обработкой желѣза.

Отсюда ясно, какъ получалась сумма рабочихъ въ «Сборникѣ»: во-первыхъ, въ нее были включены рабочіе на горныхъ заводахъ (желѣзодѣлательные и другіе), а во-вторыхъ, подсчитаны мелкія заведенія, которыя не входятъ въ обычную фабрично-заводскую статистику, или входятъ въ меньшихъ размѣрахъ. Очевидно, цифры «Сборника» несравнимы съ послѣдующей фабрично-заводской статистикой министерства финансовъ

Но этого мало: есть основаніе думать, что цифры «Сборника» вообще не пригодны для какихъ бы то ни было сравненій и заключеній. Дѣло вотъ въ чемъ. Составители «Сборника» заявляютъ, что цифры фабричныхъ рабочихъ, приводимыя въ «Сборникѣ», получены центральнымъ статистическимъ комитетомъ: «только за 1866 г., благодаря стараніямъ Центральнаго статистическаго комитета, получается, наконецъ, болѣе точная и болѣе полная цифра. Не довольствуясь прежними пріемами, Центральный статистическій комитетъ въ 1864 г. возложилъ на обязанность мѣстныхъ губернскихъ комитетовъ доставлять ему ежегодныя вѣдомости о числѣ фабрикъ, рабочихъ, о суммѣ ихъ производства, а также о числѣ ремесленниковъ по каждой губерніи» **). Между тѣмъ, *ни въ одномъ изданіи Центральнаго статистическаго комитета не содержится тѣхъ цифръ, которыя приводятся въ «Сборникѣ»*. Относительно числа фабрикъ и рабочихъ въ 60-хъ годахъ имѣются только два изданія Центральнаго статистическаго комитета: «Статистическій Временникъ Россійской Имперіи», выпускъ I, серія I (Спб. 1866) и «Матеріалы для статистики за-

*) Въ «Сборникѣ» опечатка—напечатано 13.885. Но если сложить цифры по отдѣльнымъ губерніямъ, получится цифра, приводимая въ текстѣ—43.885.

**) «Военно-Статистическій Сборникъ». вып. IV, стр. 319.

водско-фабричной промышленности въ Европейской Россіи за 1868 г.» («Статистическій Временникъ», серія II, вып. 6, Спб. 1872 г.). Въ первомъ изданіи приводятся подробныя свѣдѣнія о числѣ фабрикъ и заводовъ, не обложенныхъ акцизомъ и рабочихъ на нихъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи за 1863 г. Число рабочихъ на этихъ фабрикахъ *опредѣляется Центральнымъ статистическимъ комитетомъ совершенно сходно съ принимаемымъ мною: а именно всѣхъ рабочихъ Центральный статистическій комитетъ насчитываетъ 357.835.* (Отдѣлъ II, стр. 55). (У меня въ таблицѣ показано 358 тысячъ рабочихъ). Во второмъ изданіи приводится число фабрикъ (не обложенныхъ акцизомъ) и рабочихъ на нихъ для 1868 г., но не по всѣмъ производствамъ, а лишь по главнѣйшимъ. Поэтому общій итогъ этихъ рабочихъ *ниже (но никакъ не выше) приводимаго у меня.*

Изъ какого же изданія Центральнаго статистическаго комитета составители «Сборника» заимствовали свою цифру? На это я съ полной увѣренностью отвѣчаю— ни изъ какого. Такого изданія не существуетъ. Откуда же взялись цифры рабочихъ, приводимыя въ «Сборникѣ»? Этого я не знаю; но *фактъ, что ни въ одномъ изданіи Центральнаго статистическаго комитета, собравшаго, по словамъ составителей «Сборника», цифры, которыми они воспользовались, ничего подобнаго этимъ цифрамъ нѣтъ..*

Какъ же все это объяснить? Центральный статистическій комитетъ, вѣроятно, дѣйствительно собиралъ свѣдѣнія о числѣ фабрикъ и рабочихъ и составители «Военно-Статистическаго Сборника» пользовались данными, собранными комитетомъ, хотя они не были опубликованы. Но комитетъ, убѣдившись въ негодности полученнаго статистическаго матеріала, совсѣмъ его не опубликовалъ, а обработалъ вмѣсто этого, какъ болѣе точныя, данныя, собранныя департаментомъ торговли и мануфактуръ. Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что въ изданіяхъ Центральнаго статистическаго комитета приводятся тѣ же цифры, которыя привожу и я, и совершенно отсутствуютъ цифры «Военно-Статистическаго Сборника» (хотя составители Сборника ссылаются именно на свѣдѣнія, собранныя комитетомъ), вполнѣ рѣшаетъ, на мой взглядъ, интересующій насъ вопросъ. Цифры «Военно-Статистическаго Сборника» — «происхожденія неизвѣстнаго» и, сверхъ того, отвергаются тѣмъ источникомъ, откуда онѣ якобы заимствованы. Какъ же можно этимъ цифрамъ довѣрять?

И вотъ на такомъ-то вполнѣ негодномъ фундаментѣ построено все зданіе народнической критики нашего капитализма! Весь этотъ инцидентъ весьма любопытенъ, какъ рѣдкій примѣръ фактической ошибки, легшей въ основаніе цѣлой теоріи и принятой чуть ли не за открытіе цѣлымъ рядомъ спеціалистовъ, не говоря уже объ обывательской публикѣ.

Перехожу къ другому пункту, по которому г. Карышевъ «виновнымъ себя не признаетъ». Г. Карышевъ заявляетъ, что и не думалъ говорить, будто фабрики у насъ становятся мельче. Онъ только говорилъ, что въ концентраціи производства «произошла заминка». И дѣйствительно, г. Карышевъ *теперь* ограничивается утвержденіемъ, что «во второй половинѣ 80-хъ годовъ наше крупное производство какъ бы нѣсколько сократило темпъ своего развитія» (Письмо въ редакцію, стр. 231). Это очень скромно — «какъ бы нѣсколько»—можетъ быть, значитъ, и совсѣмъ не сократило. Но въ 1894 г. г. Карышевъ выражался гораздо рѣшительнѣе и опредѣленнѣе. По его вычисленіямъ выходило, что среднее число рабочихъ на одну фабрику понизилось за 1885—1890 г. съ 12,8 до 8,1 рабочаго— иными словами размѣръ фабрики сократился за 6 лѣтъ на 50%. Произошло чрезвычайно энергичное раздробленіе производства. Почему же теперь г. Карышевъ отказывается отъ своего вывода, который онъ съ такимъ торжествомъ провозгласилъ въ 1894 г., какъ «выводъ довольно неожиданный»? Это его дѣло;

я же могу только привѣтствовать признаніе г. Карышевымъ неосновательности его «неожиданнаго вывода». Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Я не хочу утруждать вниманіе читателей «Міра Божьяго» разборомъ другихъ замѣчаній г. Карышева и остановлюсь только на одномъ. Въ моемъ докладѣ приводятся цифры средняго размѣра нашихъ фабрикъ за различные годы и я заявляю, что онѣ расходятся съ цифрами проф. Карышева. Мой почтенный оппонентъ желаетъ уличить меня въ недобросовѣстномъ пріемѣ полемики и говоритъ: «вотъ фактъ: цифры г. Тугана Барановскаго 1885 г.—36, 1891 г.—44; цифры мои—1885 г.—36,2, 1891 г.—44,0». Цифры совершенно схожи, а я говорю, что онѣ различны.

Да, это фактъ, что и у меня, и у г. Карышева встрѣчаются цифры 36 и 44. Но только относятся-то эти цифры къ разнымъ вещамъ. Я отношу эти цифры ко всѣмъ фабрикамъ, какъ крупнымъ, такъ и мелкимъ (ибо заведенія, имѣющія въ среднемъ менѣе 1½ рабочихъ, совсѣмъ не считаю фабриками). Мой же оппонентъ относитъ эти цифры лишь къ части фабрикъ—именно крупнымъ, для всѣхъ же фабрикъ, крупныхъ и мелкихъ, принимаетъ совершенно иныя цифры: для 1885 г.—12,8, для 1890—8,1. Что же, мы говоримъ одно и то же, или разное? Одно ли тоже 40 пудовъ, или 40 фунтовъ—а вѣдь цифра 40 повторяется оба раза?

Въ заключеніе еще два слова. Г. Карышевъ усматриваетъ въ моей фразѣ «кого хотятъ эти публицисты обмануть?» заподозрѣваніе чистоты его намѣреній. Г. Карышевъ обижается совершенно напрасно; онъ ввелъ, быть можетъ, въ заблужденіе другихъ, но прежде всего обманулъ самого себя—и никакого сознательнаго обмана съ его стороны я не предполагалъ и не предполагаю.

М. Туганъ-Барановскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Апрѣль. 1898 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя сочиненія.* Беллетристика. — Публицистика. — Исторія литературы и искусствъ. — Политическая экономія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. *Иностранная литература.*—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Д. Н. Маминъ (Сибирякъ). «Въ глуши». «Въ дорогѣ». — *И. А. Саловъ.* «Забытыя картинки».—*Н. Головановъ.* «Фаустъ».

Д. Н. Маминъ (Сибирякъ). Въ глуши. Повѣсти и разсказы. Москва. 1898 г. Изд. Д. П. Ефимова и М. Клюкина. Ц. 1 р. 25 к. — Въ дорогѣ. 1898 г. Москва. Ц. 1 р. Двѣ новыя книги разсказовъ г. Мамина даютъ живые и интересные очерки изъ жизни преимущественно Урала. Въ этой области, какъ извѣстно, авторъ особенно художественъ, и лучшія его произведенія посвящены уральскому быту и природѣ. «Въ камняхъ»—изъ путешествія по р. Чусовой — превосходный очеркъ сплава, нѣсколько напоминающій прежній разсказъ г. Мамина «Бойцы» на туже тему, помѣщенный въ «Отеч. Запискахъ». По достоинствамъ «Въ камняхъ» не уступаетъ упомянутому разсказу, онъ нѣсколько меньше, написанъ болѣе сжато, отчего оригинальныя фигуры чусовскихъ героевъ выступаютъ рѣзче и рельефнѣе, съ ихъ сильными характерами, простыми, но яркими душевными чертами. Г. Маминъ изображаетъ неподражаемо своихъ уральскихъ героевъ, оставаясь всегда объективнымъ, ни мало не стараясь ихъ пріукрасить или превознести, что, по нашему мнѣнію, составляетъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ сторонъ его выдающагося художественнаго таланта. Благодаря именно этой особенности, его разсказы производятъ впечатлѣніе необыкновенной свѣжести и цѣльности, чего-то здороваго и живительнаго, какъ природа Урала, которую онъ умѣетъ изображать, какъ никто.

Не сложна жизнь въ глуши, которой посвящена вся книга, но и въ этой несложности, почти примитивности описываемой имъ жизни авторъ умѣетъ открыть неисчерпаемый запасъ живыхъ, оригинальныхъ и разнообразныхъ личностей, знакомство съ которыми увлекаетъ читателя. Въ разсказѣ «Всѣ мы хлѣбъ ѣдимъ» цѣлая коллекція такихъ типичныхъ фигуръ, какъ недоучившійся студентъ, мечтающій о простой жизни «трудами рукъ своихъ», его «предметъ», только что раскрывающій свои наивные глаза на міръ Божій, отецъ студента—сельскій попъ, веселый, добродушный и по своему мудрецъ, его пріятели—помѣщикъ-кулакъ, неудачникъ-прожектеръ, затѣвающій удивительное мѣстное производство консервовъ изъ дичи, которые поѣдаютъ его пріятели, мѣстный крестьянинъ-старикъ, шептунъ и хитрецъ, и другіе. Подъ перомъ художника всѣ они укладываются въ полную жизни, благодушную картину идилліи глухого уголка, гдѣ самая борьба за существованіе теряетъ свою остроту. Большой очеркъ «Въ горахъ» еще разнобразнѣе по содержанію, напоминая большія произведенія того же автора, какъ, напр., его романъ «Хлѣбъ». Только въ очеркѣ нѣтъ той полноты и закругленности, какъ въ романѣ. Это

какъ бы рядъ эскизовъ, послужившихъ въ свое время художнику для богатой бытовой картины, какими являются обыкновенно большія произведенія г. Мамина. Но какъ по эскизамъ можно наблюдать процессъ творчества художника-живописца, такъ и въ этомъ очеркѣ мы видимъ тотъ путь, по которому идетъ работа беллетриста, и тѣ средства, которыми онъ располагаетъ. Въ очеркѣ нѣтъ еще настоящей законченности, нѣтъ центра, вокругъ котораго группировались бы всѣ выведенныя лица. Предъ нами рядъ набросковъ, изъ которыхъ каждый отдѣланъ вполнѣ, и можетъ служить готовой картиной. Таковы фигуры раскольнической начетчицы, богатаго старателя, поторговывающаго золотомъ, пролетарія Калины Калиныча, живущаго яко птицы небесныя, «иже не сѣютъ и не жнутъ, а сыты бываютъ», и, въ особенности дочери его Евменіи, страстной, неуравновѣшенной дѣвушки, которая не можетъ найти выхода своимъ природнымъ дарованіямъ, мечется отъ одного дѣла къ другому и кончаетъ скитницей, поступающей подъ «началъ» упомянутой начетчицы.

Сборникъ разсказовъ «Въ дорогѣ» нѣсколько иного типа. Это—рядъ миніатюръ, превосходныхъ по живости и отдѣлкѣ. Особенно хороши разсказы «Худой человѣкъ», «Хозяинъ», «Могилки» и «Мастерица», темой и главнымъ содержаніемъ которыхъ служатъ тѣ же Уральскіе горы и уральская природа. Остальные очерки, интересные сами по себѣ и хорошо задуманные, не даютъ такой цѣльности впечатлѣнія, хотя зависитъ это отчасти и отъ самой манеры письма: это именно мелькомъ схваченныя впечатлѣнія, занесенныя художникомъ мимоходомъ въ свой альбомъ—«въ дорогѣ».

И. А. Саловъ. Забытыя картинки. Повѣсти и разсказы. Москва 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. «Забытыя картинки»—не правда ли, какое интригующее названіе? Съ невольнымъ вздохомъ, если не всѣ, то многіе изъ читателей, раскрывая книгу г. Салова, готовы сказать: «Мы такъ много успѣли забыть и такъ мало чему научились! И какъ благодарны мы были бы автору, если бы онъ напомнилъ намъ это многое, что мы позабыли, и научилъ хоть чему-нибудь». И вотъ книга съ нетерпѣніемъ раскрывается, и предъ нами на первыхъ страницахъ... «Лѣшій». Вѣроятно, иносказаніе, что нибудь сатирическое или въ юмористическомъ тонѣ какая-нибудь важная матерія. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вытягивается лицо у недоумѣвающаго читателя. «Лѣшій» — ни больше, ни меньше, какъ пошлѣйшій анекдотъ о семинаристѣ, пріѣхавшемъ къ отцу на каникулы, гдѣ раздобрѣвшій на сытныхъ харчахъ герой почувствовалъ, «что ему жениться надо». И далѣе идутъ похожденія семинариста по амурной части съ солдаткой Дарьей. Такова первая «забытая картинка», нарисованная слѣдующими «красками»: «Но въ этотъ самый мигъ руки Короната (героя разсказа, онъ же «Лѣшій») сжали ее съ свои объятья, и пылавшія губы страстно прильнули къ ея розовымъ губамъ. Оба они были такъ молоды, такъ свѣжи, такъ цвѣтущи, что если бы поцѣлуй этотъ былъ замѣченъ самимъ вѣчно брюзжавшимъ дьячкомъ, такъ и тотъ даже весело улыбнулся бы, а, можетъ быть, и подосадовалъ на покинувшую его молодость»... Такъ вотъ о чемъ мечтаетъ нашъ авторъ и какія «забытыя картинки» вспоминаются ему!—съ сокрушеніемъ готовъ подумать читатель и вслѣдъ затѣмъ натыкается на новую «картинку», сущность которой до того нелѣпа, что читателя беретъ оторопь, не случилось ли «чего-эдакаго» съ почтеннымъ авторомъ? Его «Иванъ Огородниковъ»,—такъ называется второй разсказъ,—нѣкое чудище «обло, озорно и лаяй», мечтающее разбогатѣть на рѣпейномъ маслѣ, чему мѣшаетъ судьба, за глупость давно уже прозванная остряками въ родѣ нашего автора—«индѣйкой». Если «Лѣшій» заставляетъ насъ нѣсколько сконфузиться за автора, въ виду его пикантныхъ мечтаній, то «Иванъ Огородниковъ» прямо смущаетъ своей безсвязной исторіей, въ которой, что называется, «ни ладу, ни складу». Наконецъ, послѣдній разсказъ «Практика жизни» до-

вершаетъ разочарованіе читателя, потому что въ этой исторіи нѣтъ ни практики, ни жизни, ни забытыхъ картинокъ, а просто какое-то сонное бормотаніе о баринѣ, желающемъ жениться и спивающемся съ круга, о барышнѣ, которая и не прочь бы выйти замужъ за барина, но по щучьему велѣнью, по авторскому хотѣнью выходитъ замужъ за другого, о старой княгинѣ, о нѣмцѣ, о... Всего не пересказать,—до того вся эта исторія нескладна и чепушиста.

Вотъ и всѣ «забытыя картинки». Что въ нихъ забыто авторомъ, что онъ хотѣлъ ими напомнить, такъ и остается его тайной. Не разъясняетъ ея и наше прежнее знакомство съ г. Саловымъ, котораго мы знали всегда за беллетриста-фотографа, безпечно снимающаго своимъ немудрымъ аппаратомъ все, что на глаза навернется, не давая себѣ отчета, что изъ сего воспослѣдуетъ. «Дѣла житейскія», «Грезы», «Суета мірская», «Уютный уголокъ», «Съ натуры»,—все это были снимки любителя фотографа, отъ бездѣлья балующаго фотографіей и разгоняющаго ею сплинъ, нагоняемый его занятіями по должности земскаго начальника (Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи). Въ этихъ снимкахъ, не смотря на бьющія въ носъ заглавія, было такъ же мало смысла и содержанія, какъ и въ только-что описанныхъ нами «забытыхъ картинкахъ». Если бы эта безсодержательность еще окупалась формой разсказа, яркой, искристой, блестящей, въ которой каждый штрихъ говоритъ за себя и тѣмъ покупаетъ себѣ право на существованіе,—мы готовы были бы примириться съ писаніями гг. Саловыхъ. Но въ томъ и дѣло, что манера его письма такъ же тускла, сѣра и скучна, какъ и содержаніе. Слогъ его вялъ, языкъ героевъ—не живая, разговорная рѣчь, а безжизненное, тягучее переливаніе, которое повергаетъ читателя въ удручающую тоску. И такъ безвкусно пишетъ г. Саловъ уже чуть не двадцать пять лѣтъ, заслуживъ своимъ постоянствомъ почетный титулъ «нашего извѣстнаго беллетриста». Странныя, по истинѣ, бываютъ репутаціи не только «въ свѣтѣ», но и въ литературѣ.

Гёте. Фаустъ. Часть I. Переводъ Н. Голованова. Изданіе второе, исправленное. М. 1898. Намъ приходится отмѣтить еще одинъ переводъ «Фауста». Мы дѣлаемъ это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что трудъ г. Голованова во многихъ отношеніяхъ можетъ конкуррировать съ лучшими русскими переводами великой трагедіи. Первое изданіе перевода г. Голованова вышло въ 1889 году, но тогда мало обратило на себя вниманіе печати. Настоящее изданіе украшено очень удачными воспроизведеніями извѣстныхъ иллюстрацій Лиценъ-Майера и Цейца и дополнено связнымъ комментаріемъ, скомпилированнымъ по лучшимъ произведеніямъ изъ литературы о «Фаустѣ». Самый текстъ перевода во многихъ мѣстахъ измѣненъ, но, къ сожалѣнію, далеко не всегда къ лучшему. Такъ, напр., посвященіе, переведенное г. Головановымъ совершенно заново, передано въ первомъ изданіи несомнѣнно теплѣе и поэтичнѣе, хотя и не особенно близко къ подлиннику. Надо замѣтить, впрочемъ, что эта чудная элегія до сихъ поръ еще никѣмъ изъ русскихъ переводчиковъ удовлетворительно не переведена, хотя надъ нею работали такіе мастера, какъ Жуковскій, Губеръ и много другихъ поэтовъ. Равнымъ образомъ и первые стихи монолога Фауста, также никому не удававшіеся, измѣнены, но не исправлены во второмъ изданіи г. Голованова.

Пусть читатели судятъ сами. Въ 1-мъ изданіи читаемъ:

Я философію позналъ;
Я врачъ, юристъ и богословъ;
Не мало долгихъ я годовъ
Въ трудѣ усердномъ потерялъ,—
И только время тратилъ зря...

Конечно, тутъ очень неудачно слово «позналъ», совсѣмъ не выражено, что Фаусту особенно жаль времени, потраченнаго на богословіе, и пропущена строчка

Da steh' ich nun, ich armer Thor!

Этихъ словъ недостаетъ и во второмъ изданіи, но другіе вышеуказанные недостатки устранены; зато стихъ сталъ тяжелымъ, расположеніе словъ натянуто и построеніе фразы съ трудомъ понимается:

Ахъ, философію сперва,
Тамъ медицину и права
И богословье, къ сожалѣнью,
Въ горячемъ изучалъ я рвеньи,—
И только время тратилъ зря...

Въ дальнѣйшемъ текстѣ можно было бы указать нѣсколько такихъ измѣненій не къ выгодѣ перевода, но еще чаще попадаются мѣста, гдѣ въ обоихъ изданіяхъ повторяется безъ перемѣны очень неудачный переводъ, который бы долженъ былъ тяготить переводчика и требовалъ бы переработки. Иногда это отдѣльныя строчки, которыя не трудно было бы исправить простой перестановкой словъ или другими незначительными измѣненіями, но попадаются и цѣлые отрывки и даже сцены, которые надо было бы просто-на-просто замѣнить другими. Мы не будемъ пестрить нашей краткой рецензіи примѣрами,—они бросаются въ глаза всякому, знакомому съ нѣмецкимъ оригиналомъ и обладающему сколько-нибудь вѣрнымъ слухомъ,—укажемъ только на безусловно плохой переводъ знаменитаго монолога Гретхенъ передъ образомъ Скорбящей Божіей Матери:

. . . .
Передъ тобой угасъ,—
Во взорахъ скорбныхъ глазъ,—
Перворожденный твой;
И т. д.

Надо удивляться, что переводчикъ могъ допустить такія шероховатости: тѣмъ болѣе, что въ другихъ не менѣе трудныхъ мѣстахъ г. Головановъ доказалъ, что онъ способенъ совладать съ стихотворной формой. Эти неровности придаютъ всему переводу какой-то дилеттантскій характеръ, котораго, по нашему мнѣнію, можно было бы избѣжать, строже процензуровавъ весь переводъ по указаніямъ какого-нибудь компетентнаго руководителя.

Но, отмѣтивъ несовершенства перевода г. Голованова, мы охотно видимъ и его достоинства, а ихъ не мало. Многія сцены, въ томъ числѣ нѣкоторыя изъ лучшихъ, переданы, если и не съ силой подлинника, то, во всякомъ случаѣ, хорошимъ, выразительнымъ языкомъ, иногда не безъ поэтическаго чувства. Какъ у большинства переводчиковъ, такъ и у г. Голованова лучше всего удаются слова самого Фауста. Сюда нужно отнести, напр., второй монологъ Фауста въ кабинетѣ («Опять простился я съ полями...»). Безусловно прекрасно, музыкально и вѣрно переведенъ «хоръ духовъ», вызванныхъ Мефистофелемъ:

Скройся, исчезни,
Душный и тѣсный
Сводъ вѣковой,
Въ синѣющей безднѣ
Лазури небесной,
Въ дали голубой!
Раздайтесь, сѣдые
Туманы ночные!
Ярче гори,
Пламя востока,—
Лучъ недалекой
Новой зари!
И т. д.

Слѣдующая сцена Фауста съ Мефистофелемъ (вторая) также очень хороша, особенно удачно переведены геніальныя реплики Фауста:

Одеждой пестрою терзаній
Безцѣльной жизни не унять,
Я слишкомъ старъ, чтобы играть,
И молодъ, чтобъ не знать желаній!..

Здѣсь все просто, сильно и плавно, какъ и далѣе, гдѣ Фаустъ проклинаетъ эту жизнь и ея жалкія радости. Изъ дальнѣйшихъ сценъ обращаютъ на себя вниманіе сцены въ соборѣ и въ тюрьмѣ. Если бы вся трагедія была переведена такъ превосходно, какъ указанныя мѣста, то можно было бы считать задачу перевода «Фауста» разрѣшенной. Въ скоромъ времени ожидается появленіе 2-й части «Фауста» въ томъ же переводѣ и изданіи.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Луи Рейбо. «Жеромъ Патюро».—*Н. Дружининъ.* «Новое сельское общество».

Луи Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ за общественнымъ положеніемъ. Переводъ съ французскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1898 г. Спб. Ц. 1 р. 25 к. Французы—народъ остроумный, что давно извѣстно, еще со временъ Вольтера, ѣдкихъ насмѣшекъ котораго боялись короли. Но все должно быть въ мѣру, и когда вамъ преподносятъ цѣлый томъ остроумія, да еще изощряющагося на темы, или старыя, какъ міръ, или имѣвшія значеніе во дни нашихъ дѣдовъ,—право, не у всякаго хватитъ терпѣнія одолѣть его. Именно это и представляетъ «Жеромъ Патюро въ поискахъ за общественнымъ положеніемъ». Начать съ того, что дѣйствіе все время вращается въ періодъ послѣ іюльской революціи до 48 го года, и многое, надъ чѣмъ потѣшается остроумный авторъ, такъ устарѣло теперь, что необходимы комментаріи. Очень жаль, что переводчикъ этого не сдѣлалъ, и для большинства читателей ускользнетъ вся соль автора за отдаленностью временъ. Такова ужъ участь политической сатиры, и разъ сама по себѣ сатира не выдѣляется глубиной, силой и язвительностью, ради которыхъ ее стоило бы извлекать изъ забвенія и, «пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ», переводить и переиздавать,—то это трудъ напрасный и безцѣльный. Какое дѣло современному читателю до насмѣшекъ надъ романтической поэзіей, до увлеченія театромъ въ тридцатыхъ годахъ, до ажіотажа того времени, до мелкихъ стычекъ въ политикѣ, до парламентскихъ дѣятелей 30-хъ и 40-хъ годовъ и проч.? Судьбы Жерома Патюро, прошедшаго всю скалу общественной жизни Франціи орлеанистовъ, едва ли могутъ заинтересовать, хотя бы въ остроумной пародіи Луи Рейбо мы и видѣли отраженіе взглядовъ общества того времени. Нужно добавить къ этому еще тотъ пошловатый оттѣнокъ, безъ котораго у француза немыслима и сатира, — это присутствіе «женщины», въ специфическомъ смыслѣ,—и тогда добрыя три четверти книги становятся прямо невыносимыми.

Скучно—вотъ главный недостатокъ книги, хотя мѣстами у автора и попадаются остроумныя характеристики. Но и онѣ слишкомъ ужъ банальны, слишкомъ ходячи, чтобы ради нихъ стоило переводить эту трескотню. Для образчика вотъ оцѣнка чиновника и его дѣятельности: «Жизнь чиновниковъ сводится къ двумъ заботамъ: явиться какъ можно позднѣе и уйти какъ можно раньше, а если прибавить еще стараніе работать, какъ можно меньше, то получаются всѣ три фазиса административнаго существованія». Или, напр., характеристика оффиціозной печати: «Итакъ, я былъ редакторомъ «Свѣточа», газеты, преданной правительству и черпающей всѣ средства существованія изъ годовой субсидіи. Роль эту трудно было выдерживать. Публика не обращаетъ вниманія на прессу,

которая отрекается отъ своей независимости. Въ смыслѣ положенія ничего—ничего общественнаго, ничего прочнаго: капризъ министра легко могъ разрушить то, что было создано другимъ капризомъ. Обыкновенно осуждаютъ оффиціальныхъ писателей—ихъ слѣдовало бы жалѣть. Ихъ задача кажется легкой, а на самомъ дѣлѣ нѣтъ дѣла труднѣе. Лакей, у котораго только одинъ господинъ, хорошо знаетъ, что надо дѣлать: ему слѣдуетъ только изучить вкусы своего барина, подлаживаться подъ его слабости, и услуги его будутъ оцѣнены. Не трудно приспособить свое рвеніе къ требованіямъ хозяина. Но тутъ надо было угодить десяти господамъ, и какимъ господамъ! Вы, конечно, знаете, что во всякой благонамѣренной статьѣ называется единогласіемъ совѣта министровъ. Нѣтъ такой химеры, которая была бы химеричнѣе этой. Вотъ въ общихъ чертахъ, въ чемъ заключается этотъ миѳъ. Единогласіе совѣта составляютъ обыкновенно два главныхъ министра, желающихъ спихнуть другъ друга и нѣсколько второстепенныхъ министровъ, которые живутъ въ вѣчномъ несогласіи... Теперь представьте себѣ положеніе человѣка, обязаннаго, въ силу получекъ, угодить на девять головъ, изъ которыхъ каждая желаетъ имѣть особый колпакъ... Сдѣлаешь что-либо для одного, другой недоволенъ; похвалишь этого—тотъ обидѣлся. Тщеславіе каждаго министра чувствуетъ себя оскорбленнымъ, когда польщено тщеславіе другого» и т. д., десятки страницъ, написанныхъ въ такомъ тонѣ развязной болтовни. А это еще лучшія страницы, изъ которыхъ иной читатель что-нибудь и вынесетъ. Но 300 слишкомъ страницъ убористой печати, на которыхъ съ утомительной подробностью разбираются разныя стороны общественной жизни іюльской монархіи въ такомъ тонѣ, — это слишкомъ. Не понимаемъ, зачѣмъ понадобился переводъ этого старья и для кого оно предназначается.

Н. Дружининъ. Новое сельское общество. 1897 г. Спб. Разсказъ въ шести книжкахъ. Изд. «Читальни народной школы». Сочиненіе Н. Дружинина имѣетъ, повидимому, цѣлью: 1) популяризировать законы, касающіеся крестьянъ и 2) указать на идеалъ крестьянскаго общества,—но какъ истинно народническое произведеніе, оно производитъ впечатлѣніе столичной канцелярской работы, которой позавидовалъ бы самъ г. В. В., сей величайшій изъ народниковъ-бюрократовъ. Законы изложены почти вѣрно,—если исключить маленькія неточности,—но картинки для ихъ иллюстраціи въ высшей степени ходульны и носятъ отпечатокъ схоластической народнической литературы, не имѣющей ничего общаго съ жизнью и правдой. Авторъ описываетъ не ту жизнь, которая была или могла бы быть, а ту, которая создалась бы, если бы осуществились идеалы автора. Въ разсказѣ нѣтъ ни одного жизненно-правдиваго побужденія, ни одного живого лица, отчего и представленная среда является болѣе похожей на какой-то съѣздъ миссіонеровъ, чѣмъ на мужицкіе сходы. При той ужасной некультурности, которую мы наблюдаемъ не въ дружининскихъ пейзажахъ, а въ настоящихъ мужикахъ, крестьянство никогда не представитъ себѣ, что указанные г. Дружининымъ пути предлагаются именно ему, русскому крестьянину, а всегда предположитъ, что описываются какіе-нибудь невиданные сосѣди, которые читателямъ «не указъ».

Ходульность и придуманность лицъ бросаются въ глаза на каждой страницѣ. Отецъ одного изъ героевъ, Константинъ Черновъ, «не пріѣзжалъ изъ города, не купивъ книжки сыну». Побольше бы такихъ мужиковъ, тогда кабатчики стали бы вмѣсто вина торговать книжками, но что-то жизнь показываетъ обратное. Далѣе, въ книгѣ II, ст. 10, опредѣленіе мальчика въ сельскохозяйственную школу съ ассигнованіемъ по 60 руб. въ годъ совершенно не вяжется ни съ мужицкой темнотой, ни съ ихъ понятіемъ объ образованіи, особенно сельскохозяйственномъ, ни съ ихъ вкусомъ къ расходованію мірскихъ суммъ. Рѣчь старосты по поводу опеки дивно хороша и его краснорѣчіемъ не побрезговалъ бы любой

адвокатъ, но старостѣ, надо полагать, это не по уму, да и слушателямъ во время такихъ рѣчей скучно дѣлается отъ полнаго непониманія оратора. Авторъ, какъ средневѣковый алхимикъ, стремится создать новый элементъ, его типы являются какъ бы съ неба свалившимися, не имѣющими ничего общаго съ нами, грѣшными, живущими на землѣ.

Авторъ съ такой настойчивостью протаскиваетъ свою тенденцію, что теряешь понятіе, о какомъ государствѣ онъ пишетъ; въ его якобы русской Аркадіи мужики такъ и лѣзутъ изъ кожи вонъ открывать школы и дополнительные классы.

Одинъ «мужичокъ», напр., на сходѣ говоритъ слѣдующую рѣчь (стр. 82): «Во всякомъ случаѣ изъ дополнительнаго класса (въ сельской школѣ), надѣюсь, выходить будутъ молодые люди съ болѣе опредѣленнымъ стремленіемъ къ самообразованію. Къ возбужденію этого стремленія, главнымъ образомъ, и должно быть направлено преподаваніе въ дополнительномъ классѣ, который я предлагаю. Пусть тамъ обучаются русскому языку, толково знакомятся съ произведеніями лучшихъ писателей, учатся понимать ихъ... Пусть проходятъ ариѳметику, начала геометріи, начатки естествознанія, законовѣдѣнія...» Сходъ кричитъ: «хорошо, очень хорошо!..» Мы тоже скажемъ: «хорошо, браво!» и были бы безконечно рады, если бы всѣ крестьяне говорили на сходахъ такіе умныя слова.

Авторъ, повидимому, имѣетъ очень смутное понятіе о крестьянской бѣдности (это видно во многихъ мѣстахъ) и о той охотѣ, которую крестьяне высказываютъ на назначеніе жалованья своимъ избранникамъ; это ясно видно изъ тѣхъ окладовъ жалованья, которое сходъ назначаетъ 7-ми десятскимъ по 20 р. въ мѣсяцъ и 2-мъ по 95 руб. въ годъ. Это, надо помнить, на 152 домохозяевъ! Такая оцѣнка труда была бы вѣроятна, если бы авторъ предпослалъ, что каждый домохозяинъ въ этомъ году выигралъ по 200 тысячъ на билетъ, купленный у Блокка въ разсрочку, или что деревня владѣетъ золотыми розсыпями, а разъ этого нѣтъ, то не лучше ли открыть дополнительный классъ для популяризаторовъ, съ цѣлью ближайшаго ознакомленія ихъ съ крестьянскими доходами и расходами?

Обезпеченіе населенія медицинской помощью, конечно, очень симпатично и желательно, но авторъ такъ искусно уклоняется отъ вопросовъ о матеріальныхъ средствахъ и влагаетъ въ уста мужичковъ такія умныя рѣчи, что остается только поинтересоваться, гдѣ то общество, для котораго это писано и откуда берутся тѣ бюджеты, которые даютъ возможность выполнять всѣ благіе замыслы «господъ» мужиковъ.

Въ заключеніе, очень милое разсужденіе о міровомъ сельскохозяйственномъ кризисѣ и объ его устраненіи при помощи деревенскаго элеватора,—средство чрезвычайно простое! Видно, что авторъ почитываетъ сельскохозяйственные журналы и можетъ изъ нихъ сдѣлать «компиляцію» по заказу. Только автору не мѣшало бы привести расчетъ устройства элеватора, и цифры заставили бы его самого посмѣяться надъ его проектомъ.

А въ общемъ книжка г. Дружинина можетъ быть рекомендована въ качествѣ назидательнаго и душеполезнаго чтенія, но для кого—вотъ вопросъ. Для народа она непонятна и недоступна, какъ по языку, такъ и по странности содержанія. Мы думаемъ, поэтому, что для гг. В. В. и ихъ присныхъ, мечтающихъ на почвѣ государственной всеобъемлющей монополіи построить «мужицкое царство».—«Новое сельское общество» г. Дружинина—это готовый проектъ, скомпонованный не хуже всякихъ другихъ народническихъ панацей.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. С. Тихонравовъ. «Сочиненія. Томъ второй. Русская литература XVII и XVIII вв.»— *А. фонъ-Фрикенъ.* «Итальянское искусство въ эпоху возрожденія».

Н. С. Тихонравовъ. Томъ второй. Русская литература XVII и XVIII вв. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1898 г. Второй томъ сочиненій знаменитаго московскаго профессора начинается вступительной лекціей, въ которой Тихонравовъ излагаетъ сжато и вкратцѣ рядъ положеній о необходимости начать изученіе новаго періода русской литературы съ памятниковъ XVII вѣка. По его мнѣнію, только «выяснивши себѣ содержаніе литературы этого времени», исторія новой русской литературы «осмыслитъ все историческое развитіе нашей словесности, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія еще державшейся средневѣковыми началами, и, избавившись отъ ложной исключительности, оставитъ за второй половиной столѣтія тотъ богатый литературный запасъ, который удовлетворялъ потребностямъ низшихъ классовъ народа и вызывалъ дѣятельность писателей, отдавшихъ народной массѣ свое полное сочувствіе. Ставши живою картиною *всего* русскаго общества XVIII столѣтія (а не высшаго только слоя его), она поставитъ лицомъ къ лицу нашъ древній и новый бытъ, укажетъ его переливы одинъ въ другой и, сдѣлавши невозможными возгласы о насильственности реформы Петра и ни на чемъ не основанныя похвалы нашей древней жизни, укрѣпитъ и возвыситъ вѣру въ нравственную силу европейскаго просвѣщенія». Этотъ превосходный планъ не былъ выполненъ Тихонравовымъ, и второй томъ представляетъ рядъ прекрасныхъ отдѣльныхъ очерковъ, отчасти не законченныхъ, отчасти только намѣченныхъ, служащихъ подготовленіемъ къ стройной работѣ, имѣвшейся въ виду.

Тѣмъ не менѣе, каждый изъ очерковъ самъ по себѣ уже есть прекрасная работа, интересная по темѣ и превосходно обработанная. Въ первомъ изъ нихъ «Боярыня Морозова» дана яркая картина изъ первой эпохи раскола. Суровая личность Морозовой и ея вдохновеннаго учителя Аввакума очерчены немногими, но сильными штрихами, такъ же какъ и бытъ того времени и условія, среди которыхъ слагались такіе несокрушимые, цѣльные характеры. Ѳедосья Прокопьевна Морозова принадлежала къ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ боярынямъ, была въ большой чести при дворѣ. Рано овдовѣвъ, она мало интересовалась внѣшней, свѣтской жизнью и сильно тяготѣла къ религіознымъ предметамъ. Вѣроятно, она кончила бы монастыремъ, если бы ея не захватила взволновавшая русскій міръ никоніанская реформа. Аввакумъ, только что вернувшійся изъ ссылки, всецѣло завладѣлъ страстной душой боярыни, которая, убѣдившись изъ его проповѣди о «развращеніяхъ», внесенныхъ въ русскую церковь Никономъ, «зѣло о томъ возревновала» и со всѣмъ жаромъ сильной натуры отдалась борьбѣ «за крестъ, что на просвирахъ во всей Руси потребили». Исходъ этой борьбы извѣстенъ. Столкнулись два начала—старое и новое,—которымъ не было примиренія, и, при всемъ сочувствіи, которое возбуждаютъ эти двѣ удивительныя личности—Аввакумъ и его ревностная ученица, представляется до очевидности яснымъ, что побѣда этихъ ревнителей «порушеннаго креста» была бы гибелью для тѣхъ началъ, выразителемъ которыхъ явились реформы Петра. Во второмъ томѣ это лучшій очеркъ, по законченности и яркости изложенія, и читается съ захватывающимъ интересомъ.

Слѣдующій за нимъ очеркъ «Начало русскаго театра» и служащій дополненіемъ къ нему «Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра»—остается до сихъ поръ единственнымъ въ нашей литературѣ краткимъ, но вполнѣ яснымъ изло-

женіемъ возникновенія театра у насъ, начиная съ игръ и свадебныхъ обрядовъ до «комедійныхъ дѣйствій» временъ царя Алексѣя Михайловича, когда учреждена была по повелѣнію царя особая школа «комедійнаго дѣйствія», ученики которой, изъ подьяческихъ дѣтей, жаловались, между прочимъ, на свою горькую долю въ слѣдующей челобитной: «Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, бьютъ челомъ подъячишка Васка Мешалкинъ с товарищи. В нынешнемъ государь во 181 году июня въ день по твоему великаго государя указу отослали насъ, холопей твоихъ, въ немецкую слободу для научения камедѣйнаго дѣла къ магистру къ Ягану Готфрету, а твоего великаго Государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено и ныне мы, холопи твои, по вся дни ходя къ нему магистру и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапожишками обносились, а пить ѣсть нечего и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ! пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, осударь, намъ своего великаго государя жалованье на препитанье поденной кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того камидѣйнаго дѣла, голодною смертію не умереть. Царь государь, смилуйся!» Эта наивная жалоба лучше всего характеризуетъ положеніе первыхъ русскихъ оффиціальныхъ актеровъ, послѣ того, какъ гонимые и преслѣдуемые церковью и законами скоморошники и гудочники были, наконецъ, признаны и допущены къ «дѣйству» въ палатахъ самого царя. Статья «Первое пятидесятилѣтіе театра» излагаетъ судьбу его при Петрѣ, когда театръ уже становится на ноги и расширяетъ свое вліяніе, хотя весь его матеріалъ еще не русскій. «Комедіальной храминѣ Петра Великаго,—говоритъ Тихонравовъ,—не доставало самыхъ жизненныхъ, основныхъ условій существованія; у нея не было того, что составляетъ душу театра—художественной драматической литературы. Она поднялась на Красной площади въ то время, когда преобразованная Россія еще не успѣла создать себѣ литературнаго языка. Почти два вѣка прошло съ того времени. Литературный русскій языкъ созданъ. Развитіе общественной живни, независимости слова и совѣсти, широкій разливъ образованности, уваженіе своей народности, «русскаго поведенія»—выростятъ крѣпкій силами родной литературы народный театръ, этотъ роскошный плодъ цивилизаціи, медленно созрѣвающій на народной нивѣ». Прошло двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были произнесены эти слова, но выраженная въ нихъ надежда еще не осуществилась, по крайней мѣрѣ, въ такихъ размѣрахъ, какъ это было бы желательно. Въ статьѣ «Трагикомедія «Владиміръ» Ѳеофана Прокоповича», относящейся тоже къ исторіи театра, авторъ разбираетъ вліяніе польской школы на русскую и дѣлаетъ характеристику Прокоповича, какъ одного изъ сильнѣйшихъ борцовъ за новыя начала. «Героемъ своей школьной драмы Ѳеофанъ дѣлаетъ великаго реформатора древней Россіи; весь интересъ пьесы сосредоточенъ на борьбѣ новаго просвѣщенія съ старымъ невѣжествомъ. Въ школьной драмѣ молодого монаха образы невѣжественныхъ жрецовъ, которыхъ нельзя сдѣлать пастухами даже «овчему стаду», даютъ ясно видѣть черты современнаго Прокоповичу духовенства». Театръ, такимъ образомъ, становится уже орудіемъ въ борьбѣ общественныхъ направленій, орудіемъ, пока еще несовершеннымъ, но уже чувствительнымъ для противниковъ.

Послѣдніе двѣ статьи второго тома—«Московскіе вольнодумцы» и «Квиринъ Кульманъ»—посвящены первымъ раціоналистамъ на русской почвѣ. Въ первой статьѣ, къ сожалѣнію, не конченной, излагается исторія «вольнодумца» Тверитинова, стремившагося найти основу вѣры въ «разумѣ» и возмущеннаго косностью и невѣжествомъ тѣхъ, кто «мнилъ себя учителями». Эпизодъ съ

Тверитиновымъ принадлежитъ къ самымъ интереснымъ и поучительнымъ въ исторіи русскаго просвѣщенія начала XVIII вѣка. «Перечитывая Тверитинова,— говоритъ авторъ,—знакомимся съ человѣкомъ, глубоко возмущеннымъ низкимъ нравственнымъ уровнемъ современнаго ему общества, его суевѣріемъ, религіознымъ формализмомъ и невѣжествомъ,—съ человѣкомъ, который желаетъ выхода къ лучшему, требуетъ новыхъ наставниковъ и особенно занятъ разъясненіемъ свойствъ и обязанностей истиннаго пастыря и наставника. Увлеченіе Тверитинова, тѣ оригинальные, крайніе выводы, до которыхъ онъ иногда доходилъ, «новая догма» его имѣли своимъ источникомъ рѣшительный протестъ его русской старинѣ, особенно въ дѣлахъ вѣры и церкви». Тверитиновъ попалъ, къ счастью для него, между двумя боровшимися въ то время сторонами—Стефаномъ Яворскимъ, отстаивавшимъ прерогативы церкви, и Петромъ, и потому уцѣлѣлъ, претерпѣвъ немалыя мытарства по тюрьмамъ и застѣнкамъ.

Печальнѣе оказалась судьба Кульмана, бѣднаго фанатическаго анабаптиста и мистика, явившагося въ Россію миссіонеромъ своей вѣры. Вмѣстѣ съ однимъ изъ ближайшихъ учениковъ, Нордерманомъ, онъ былъ сожженъ въ Москвѣ. Въ письмѣ матери Кульмана сохранились о послѣднихъ минутахъ этихъ страдальцевъ и борцовъ за свободу совѣсти слѣдующія подробности: «3-го октября (1691 г.) вечеромъ имъ (Кульману и Нордерману) сказали, чтобъ они приготовились: завтра утромъ они будутъ освобождены. Но на слѣдующій день въ одиннадцать часовъ утра ихъ, какъ ложныхъ пророковъ, привели изъ заключенія на обширную городскую площадь, гдѣ уже приготовленъ былъ изъ смоляныхъ бочекъ и соломы небольшой домикъ. И когда этихъ невинныхъ людей повели на смерть, и не было около нихъ никого, кто подалъ бы имъ утѣшеніе, и не хотѣли дать имъ отсрочки, они оба остановились и стали молиться, обративши глаза къ небу. Когда же подошли они къ домику и уже не видѣли себѣ спасенія, тогда сынъ мой поднялъ руки и воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Ты справедливъ, Великій Боже! и праведны суды твои—Ты вѣдаешь, что мы умираемъ нынѣ безъ вины». И оба, утѣшенные, вошли въ домикъ и тотчасъ же преданы были огню; но больше не слышно было никакого голоса».

Таково содержаніе второго тома. Изъ этого бѣглаго просмотра уже можно видѣть, насколько глубоко-интересны вошедшіе въ него очерки, а также, какимъ высоко-гуманнымъ и истинно-просвѣщеннымъ духомъ вѣетъ отъ ихъ содержанія и направленія. Въ высшей степени освѣжающее впечатлѣніе производитъ это стремленіе автора къ свободѣ и истинѣ, вытекающее изъ глубокой эрудиціи его и проникновеннаго пониманія описываемой имъ эпохи.

А. фонъ-Фрикенъ. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Часть третья. М. 1898 г. Настоящій томъ своего изслѣдованія г. фонъ-Фрикенъ посвящаетъ самой блестящей порѣ итальянскаго искусства. Пристальное изученіе памятниковъ и любовь къ предмету, обнаруживающіяся въ этомъ трудѣ, обязываютъ критика отнестись къ нему съ серьезнымъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что въ русской литературѣ существуетъ такъ мало самостоятельныхъ изслѣдованій по исторіи пластическихъ искусствъ. Но это обстоятельство, съ другой стороны, заставляетъ предъявлять къ каждому сочиненію по вопросамъ искусства извѣстныя требованія. Русскій читатель до очень недавняго времени относился къ этимъ вопросамъ съ чисто варварскимъ равнодушіемъ, и всякій, кто хочетъ способствовать развитію вкуса и знаній русской публики въ области художествъ, долженъ считаться съ полной неподготовленностью ея въ этомъ отношеніи. Особенное предубѣжденіе почему-то сложилось у насъ именно къ искусству итальянскаго возрожденія. Средній русскій интеллигентъ не вѣритъ восторгамъ знатоковъ предъ картинами Рафаэля и считаетъ всѣ похвалы имъ

ничего незначущими общими мѣстами. Поэтому задача историка искусства заключается въ томъ, чтобы показать, насколько живъ и законенъ интересъ къ классическому искусству и въ наше время. Самое талантливое спеціальное изслѣдованіе по исторіи искусства останется незамѣченнымъ, если въ немъ не будетъ установлено самой тѣсной связи съ общей культурной исторіей, если читатель не будетъ чувствовать на каждомъ шагу близость точки зрѣнія изслѣдователя къ современности. Сочиненіе г. фонъ-Фрикена очень далеко отъ этихъ требованій. Чтеніе его затрудняется прежде всего неблагопріятными внѣшними качествами. Языкъ г. фонъ-Фрикена, какъ и въ первыхъ частяхъ, мало выразителенъ, а мѣстами такъ тяжелъ, что напоминаетъ плохой переводъ съ иностраннаго языка. Соотношеніе частей книги и расположеніе матеріала очень неравномѣрное и мало логичное. Въ то время, какъ Рафаэлю посвящено 200 страницъ, Леонардо да Винчи долженъ довольствоваться всего тридцатью. Но главное, самое изложеніе не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которое мы привыкли предъявлять къ историческимъ произведеніямъ. Относительно каждаго художника излагаются краткія свѣдѣнія о его происхожденіи и семейныхъ условіяхъ, затѣмъ слѣдуетъ подробный разсказъ о ходѣ его художественныхъ работъ, съ точнымъ, но мало говорящимъ описаніемъ всѣхъ главнѣйшихъ картинъ или статуй, а въ концѣ на нѣсколькихъ страничкахъ характеристика личности и таланта каждаго. Никакой причинной связи событій, никакой попытки изобразить ту среду и тѣ историческія условія, въ которыхъ развивались и дѣйствовали эти великіе люди. Наконецъ, почти не затронута ихъ психологія и личная жизнь. Едва ли многіе изъ неспеціалистовъ прочтутъ книгу г. фонъ-Фрикена до конца и въ состояніи будутъ въ массѣ описательнаго матеріала уловить основную идею автора, которую онъ высказалъ еще въ первой части своего изслѣдованія (Москва, 1891) и теперь старается подтвердить новыми доводами. По мнѣнію г. фонъ-Фрикена исторія показываетъ намъ борьбу двухъ кардинально различныхъ культуръ, европейской арійской и азіатской семитической. Характерныя черты первой—склонность ума къ свободному философствованію; антропоморфическія, свѣтлыя представленія о божествѣ, равенство и свобода, какъ идеалъ государственнаго устройства, этика, основанная на человѣколюбіи и гуманности. Съ другой стороны, семитическая культура характеризуется подавляющимъ вліяніемъ теологіи на мысль человѣческую; божество семитическихъ религій является всегда безформеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грознымъ и мрачнымъ мстителемъ, а не покровителемъ людей; въ людскихъ отношеніяхъ у семитическихъ народовъ преобладаетъ постоянная вражда между отдѣльными личностями, стремленіе одной воли подчинить себѣ волю другихъ, рабство и деспотизмъ; въ морали принципъ—око за око, зубъ за зубъ. Наиболѣе яркое выраженіе арійская культура получила у грековъ классическаго періода, а семитическая культура у библейскихъ евреевъ. Одно время семитическія начала одерживаютъ верхъ надъ арійскими и выливаются въ формахъ византійскаго государства, средневѣковаго католицизма, въ отвлеченной мистикѣ и въ вырожденіи искусства. Но эпоха итальянскаго возрожденія знаменуетъ новый поворотъ въ этой исконной борьбѣ. Арійскій умъ воскресаетъ, возвращаясь къ покинутымъ путямъ классической философіи, классическаго искусства, возстановляя въ людскихъ отношеніяхъ принципъ любви и гуманности. Нечего и говорить, что теорія «культурныхъ типовъ», особенно въ такой упрощенной формѣ, къ которой сводитъ ее г. фонъ-Фрикенъ, не выдерживаетъ научной критики. Всякая схематизація въ историческомъ изслѣдованіи приводитъ къ натяжкамъ и произвольнымъ выводамъ. Такъ, принятая г. фонъ-Фрикеномъ точка зрѣнія заставляетъ его совершенно неправильно оцѣнить дѣятельность такого великаго художника, какъ Микель-Анджело. Видя въ Леонардо да

Винчи и особенно въ Рафаэлѣ самыхъ геніальныхъ представителей «арійскаго христіанства», авторъ противополагаетъ имъ Микель-Анджело, какъ великаго представителя умирающаго средневѣкового «семитическаго христіанства». Его грандіозные, титаническіе образы, его суроваго, могучаго Бога-Отца и потрясающую картину страшнаго судилища онъ приводитъ въ связь съ ветхозавѣтнымъ міровоззрѣніемъ, тогда какъ правильнѣе было бы видѣть въ нихъ выраженіе могучей личности художника, подавленной невыносимыми условіями современной ему дѣйствительности. Въ характеристикѣ личности Микель-Анджело г. фонъ-Фрикенъ слишкомъ упираетъ на его неуживчивость, завистливость, тщеславіе, эгоизмъ и мало оттѣняетъ глубоко трагическій характеръ мизантропіи великаго флорентійца. Эта мизантропія соединялась съ горячею любовью къ раздираемой на части несчастной родинѣ и съ неутолимой жаждой совершенства и истины. Поэтому справедливѣе было бы видѣть въ его произведеніяхъ не отраженіе архаическаго стихійно-мрачнаго міросозерцанія, а признаки міровой скорби новаго времени. Правильнѣе смотритъ авторъ на значеніе искусства Рафаэля, но и его характеристика не оставляетъ въ читателѣ никакого живого, цѣльнаго впечатлѣнія, и за безконечными описаніями фресокъ и картинъ не чувствуется конкретной личности ихъ автора. Такимъ образомъ для широкаго круга читателей мы считаемъ работу г. фонъ-Фрикена мало интересной и неприспособленной для пониманія, но для лицъ, болѣе или менѣе спеціально изучающихъ исторію итальянскаго искусства, въ ряду другихъ, болѣе научныхъ пособій, какихъ много на иностранныхъ языкахъ, и книга г. фонъ-Фрикена можетъ оказать свою пользу, какъ добросовѣстный и полный обзоръ произведеній великихъ мастеровъ возрожденія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Джонъ Кельсъ Ингрэмъ. «Исторія политической экономіи».—*А. Богдановъ.* «Краткій курсъ экономической науки».

Джонъ Кельсъ Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. Изд второе. (К. Т. Солдатенкова). Перев. съ англ. Александра Миклашевскаго. (VII+352+VIII стр.). Москва 1897 г. Научная исторія политической экономіи не можетъ быть просто исторіей воззрѣній и идей и еще менѣе—исторіей книгъ и авторовъ. Развитіе экономическихъ идей нельзя понимать внѣ исторіи хозяйственнаго быта и классовыхъ отношеній. Процессъ развитія хозяйства и образованія общественныхъ классовъ представляетъ ту основу, на которой и вмѣстѣ съ которой эволюціонируютъ идеи. Съ другой стороны задача выведенія экономическихъ идеологій изъ реальныхъ условій экономической жизни и изъ производственныхъ отношеній—очень трудная и, если можно такъ выразиться, деликатная задача. Въ классовыхъ отношеніяхъ несомнѣнно лежитъ ключъ къ объясненію *содержанія* экономическихъ построеній, но механически-шаблонное сведеніе всѣхъ, и въ томъ числѣ экономическихъ, идей къ классовымъ интересамъ большей частью ничего не объясняетъ. Здѣсь весьма легко впасть въ ошибки, натяжки и даже пустословіе, если стремиться къ насильственному упрощенію задачи. Такимъ образомъ неудивительно, что дѣйствительная соціологическая исторія политической экономіи представляетъ собою еще совершенно некультивированную область. Активъ научной работы въ этой области таковъ: Марксомъ дано общее руководящее начало и нѣсколько геніальныхъ указаній и намековъ, другими работниками собрано много матеріала для исторіи, но это—кирпичи, которые еще долго придется перебирать и сортировать, пока какой-

нибудь смѣлый и даровитый писатель сможетъ, съ разсчетомъ на нѣкоторый успѣхъ, приступить къ сооруженію зданія.

Книга Ингрэма не представляетъ ни научной исторіи, ни сколько-нибудь цѣннаго свода главнѣйшихъ матеріаловъ. «Успѣхъ перваго изданія,—заявляетъ намъ переводчикъ,—свидѣтельствуетъ о томъ, что трудъ Ингрэма переведенный, замѣтимъ кстати, почти на всѣ (?) европейскіе языки, не нуждается въ рекомендаціяхъ» (стр. VI). Мы, къ сожалѣнію, не можемъ согласиться съ проф. Миклашевскимъ. Успѣхъ книги Ингрэма, на нашъ взглядъ, возлагаетъ на безпристрастныхъ рецензентовъ обязанность довести до свѣдѣнія публики, что книга Ингрэма—*плохая и дилеттантская компиляція*, написанная безъ достаточнаго знанія дѣла, но зато съ огромными претензіями.

Прежде всего Ингрэмъ не пытается отдѣлить въ общей совокупности экономическихъ идей вопросы экономической теоріи отъ вопросовъ экономической политики. Это необходимое и элементарное различеніе и разграниченіе, которое должно предшествовать всякой методологіи, ему, повидимому, чуждо. Недаромъ онъ—представитель «этической» школы, которая не отличается логичностью и философской продуманностью своихъ положеній и утвержденій. Въ частности Ингрэмъ—большой путаникъ. Какъ послѣдователь контовскаго позитивизма, онъ, конечно, знаетъ, что «возникновеніе и форма экономическихъ ученій въ сильной степени обусловливались жизненной обстановкой, нуждами и стремленіями соотвѣтствующихъ ихъ появленію эпохъ. Каждая соціальная перемѣна создавала и новые экономическіе вопросы...» (стр. 7). Но въ то же время онъ глубокомысленно замѣчаетъ: «Часто спрашиваютъ, подъ чьимъ вліяніемъ возникла меркантильная система: вызвано ли ея существованіе практической жизнью, или теоретическимъ мышленіемъ? *На такой вопросъ дать положительный отвѣтъ невозможно*». (Курсивъ нашъ, стр. 57). Между тѣмъ, съ научной точки зрѣнія, тутъ не можетъ быть никакого вопроса, тѣмъ болѣе, что меркантилизмъ не былъ ни системой, ни ученіемъ, ни школой въ теоретическомъ смыслѣ—подъ названіемъ меркантилизма объединяются лишь разнообразныя выраженія свойственнаго опредѣленной эпохѣ духа *экономической политики*. Ингрэмъ вовсе не задалъ бы своего вздорнаго вопроса, если бы онъ былъ знакомъ, напр., съ вступительнымъ очеркомъ Шмоллера къ серіи его извѣстныхъ «эпизодовъ объ экономической политикѣ Фридриха Великаго» (Schmollers Jahrbuch 1884 и сл.). Но Ингрэмъ заимствовалъ у нѣмецкихъ представителей этической школы лишь фразы, а не цѣльные результаты ихъ научной работы.

Не различая экономической теоріи и экономической политики, Ингрэмъ, книга котораго была первоначально напечатана, какъ статья «Британской энциклопедіи», не разсматриваетъ также писателей, которыхъ принято называть соціалистами, на томъ основаніи, что о соціализмѣ для «Британской энциклопедіи» другимъ авторомъ написана спеціальная статья. Удивительная логика! Почему по этой логикѣ въ исторіи физики не опустить Роберта Майера и другихъ знаменитыхъ физиковъ на томъ основаніи, что они были медиками и могутъ найти себѣ мѣсто въ исторіи медицины?! Почему не умолчать въ исторіи политической экономіи о Листѣ и Кэри, которые могутъ быть охарактеризованы подъ словомъ «протекціонизмъ»? И вотъ, въ наказаніе за то, что нѣкоторые знаменитые соціологи и экономисты были соціалистами, читатель получаетъ исторію политической экономіи, которая претендуетъ на соціологическую точку зрѣнія, но въ которой отсутствуютъ такіе мыслители, какъ Сенъ-Симонъ, Родбертусъ и Марксъ. Между тѣмъ, не говоря о Родбертусѣ и Марксѣ, нельзя объяснить хода развитія экономическихъ идей въ новѣйшее время. Не говоря о соціологическихъ идеяхъ сенъ-симонистовъ, нельзя уяснить замѣчательную и вліятельную въ исторіи общественной науки фигуру Лоренца Штейна. Съ точки зрѣнія исторіи

теоретическихъ идей, Марксъ и Родбертусъ особенно интересны и поучительны. Ученія этихъ писателей, которымъ въ наукѣ политической экономіи за вторую половину XIX вѣка принадлежитъ первое мѣсто, представляютъ и по существу, и съ формально-методологической точки зрѣнія одинаково замѣчательное сочетаніе выводовъ и пріемовъ классической школы съ широкой исторической точкой зрѣнія. Историкъ политической экономіи XIX вѣка необходимо долженъ, трактуя объ «историзмѣ» въ этой наукѣ, поставить на очную ставку историческую школу Рошера и Книса съ исторической школой Маркса и историческими идеями Родбертуса. Говоря о Рикардо и его вліяніи, онъ не можетъ умолчать, какъ это дѣлаетъ Ингрэмъ, о томъ, что сдѣлали въ теоріи политической экономіи наиболѣе замѣчательные продолжатели знаменитаго англичанина—Марксъ и Родбертусъ. Правда, г-нъ Миклашевскій извиняется передъ читателемъ за то, что Ингрэмъ «не даетъ изложенія и критической оцѣнки соціалистическихъ идей» и съ сожалѣніемъ сообщаетъ, что ему «не удалось дополнить книгу въ этомъ отношеніи» (стр. VII предисловія).

Г. Миклашевскій, очевидно, однако, не понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло. Ни Ингрэму, ни его переводчику вовсе не слѣдовало приклеивать къ исторіи политической экономіи исторію соціализма. Соціализмъ они могли, пожалуй, какъ построеніе, относящееся къ области экономической политики, оставить совершенно въ покоѣ. Но куда, спросимъ мы, относятся теоріи цѣнности, капитала, заработной платы, прибыли, ренты, населенія—къ соціализму или къ общей теоріи политической экономіи? Мы думаемъ, что къ послѣдней, и, вѣроятно, не безъ основанія думаемъ также, что нельзя писать исторіи политической экономіи, которая есть не что иное, какъ исторія воззрѣній на указанныя основныя категоріи хозяйственной жизни современнаго человѣчества, не упоминая Маркса и Родбертуса.

Исторія политической экономія Ингрэма, въ которой не говорится о величайшихъ и вліятельнѣйшихъ экономистахъ 2-ой половины XIX вѣка, отличается не «критической смѣлостью», какъ думаетъ г. Миклашевскій, а некритичностью и дилеттантской безцеремонностью. И, дѣйствительно, Ингрэмъ вовсе не спеціалистъ: онъ филологъ, попутно per il diletto занимавшійся политической экономіей и написавшій по этому предмету нѣсколько брошюръ и двѣ плохія книги, которыя обѣ удостоились чести быть переведенными на русскій языкъ (другая книга «Исторія рабства»). Есть два типа англійскихъ писателей (тѣ же два типа можно встрѣтить и среди англійскихъ ораторовъ): глубокіе и оригинальные изслѣдователи, напр., Рикардо, Дарвинъ, Спенсеръ, и болтуны, претенціозные глашатаи общихъ мѣстъ, характерный образецъ которыхъ является Ингрэмъ.

Буквально жалкое впечатлѣніе производитъ то, какъ этотъ напыщенный дилеттантъ лягаетъ великаго ученаго Рикардо и дѣлаетъ снисходительные выговоры честному мыслителю Дж. Ст. Миллю, за котораго можно было бы отдать нѣсколько дюжинъ Ингрэмовъ. Вотъ образчикъ этихъ сужденій:

«.... при всѣхъ своихъ замѣчательныхъ талантахъ онъ (Рикардо) не обладалъ такими способностями, которыя необходимы для соціологическихъ изслѣдованій. Природа предназначала его скорѣе быть математикомъ 2-го ранга, чѣмъ общественнымъ философомъ. Для занятій общественными науками Рикардо былъ совсѣмъ не подготовленъ» (стр. 192).

«... Успѣшно разрѣшивъ спеціальные вопросы, онъ не далъ міру ни солиднаго теоретическаго ученія, ни цѣннаго практическаго руководства, а между тѣмъ внесъ не мало путаницы во многія важнѣйшія проблемы» (стр. 193).

«Милль имѣлъ странныя, даже извращенныя понятія о «подчиненности женщинъ», о ихъ способностяхъ и правахъ. Онъ старался возбудить среди рабочаго люда духъ возстанія (sic!) противъ вѣчнаго проклятія жить только на

счетъ рабочей платы, не представляя достаточныхъ доказательствъ для возможности измѣненія этого порядка вещей. Въ то же время онъ не доказалъ, что такая судьба (т. е. жизнь за счетъ одной рабочей платы), надлежащимъ образомъ регулированная закономъ и нравственностью, не согласуется съ истиннымъ счастьемъ рабочихъ. Онъ настаиваетъ также на «независимости» рабочихъ классовъ, которые, по его мнѣнію, должны сами о себѣ заботиться (farà da se); такимъ образомъ онъ затемняетъ, если даже не извращаетъ ту истину, что высшіе и богатые классы общества по самому своему положенію обладаютъ значительными соціальными силами и должны по справедливости употреблять ихъ на благо всего общества и въ особенности наименѣе счастливыхъ ея сочленовъ. Наконецъ, Милль придаетъ совершенно несоотвѣтственное значеніе чисто внѣшнимъ или фантастичнымъ средствамъ, съ помощью которыхъ онъ надѣется улучшить существующій экономическій порядокъ, каковы, напримѣръ ограниченіе въ правѣ завѣщанія и конфискаціи «незаработаннаго своимъ трудомъ избытка» (un carned increment) земельной ренты» (стр. 217—218).

Но Ингрэмъ, конечно, считаетъ себя замѣчательнымъ мыслителемъ и съ сознаніемъ собственнаго превосходства говоритъ: «Экономическія изслѣдованія находились до настоящаго времени преимущественно въ рукахъ юристовъ и публицистовъ, а не въ рукахъ, какъ бы слѣдовало, истинно ученаго класса, Занимавшіеся политической экономіей не имѣли, по общему правилу, достаточной подготовки въ наукахъ, изучающихъ явленія органическаго и неорганическаго міра, а между тѣмъ такая подготовка необходима, ибо она даетъ нужные теоретическіе принципы и правильное представленіе о методѣ. Воспитаніе прежнихъ экономистовъ имѣло метафизическій характеръ. Благодаря этому, политическая экономія, и по внѣшней формѣ, и по духу, сохранила многое такое, что напоминаетъ собой идеи XVII и XVIII вѣковъ; она съ теченіемъ времени мало подвинулась впередъ и не пріобрѣла политическаго характера» (344 стр.).

Это разсужденіе показываетъ, на какомъ низкомъ философскомъ уровнѣ стоитъ самодовольный позитивистъ Ингремъ, который въ довершеніе всего своеобразный клерикалъ *). О метафизикѣ въ наукѣ политической экономіи нельзя серьезно говорить: эти двѣ области дѣятельности человѣческаго духа лежатъ въ совершенно различныхъ плоскостяхъ. Между тѣмъ Ингрэмъ даже осторожнаго Смита упрекаетъ въ «метафизическомъ способѣ мышленія» (стр. 130), такъ же точно какъ нѣкоторые протекціонисты до сихъ поръ упрекаютъ сторонниковъ свободы торговли «въ метафизичности». Послѣ этого все, что намъ кажется неправильнымъ или непонятнымъ или просто не нравится, можно сваливать на «метафизическій способъ мышленія». Такое вольное употребленіе понятій «метафизика» и «метафизическій» совершенно чуждо истинной философіи и производитъ впечатлѣніе ребяческой болтовни.

Въ книгѣ, столь безсодержательной, какъ трактатъ Ингрэма, не можетъ быть много ошибокъ, если не считать ошибками множество неосновательныхъ и поверхностныхъ оцѣнокъ, которыя дѣлаетъ авторъ. Но даже г. Миклашевскій въ своихъ примѣчаніяхъ принужденъ иногда замѣчать, что Ингрэмъ не знаетъ нѣкоторыхъ, прямо-таки элементарныхъ фактовъ, напр. размѣровъ

---

*) ... «Духовная, а не свѣтская власть должна явиться естественнымъ учителемъ для устраненія или ослабленія соціальныхъ бѣдствій, связанныхъ съ промышленною жизнію» (стр. 350)—«...Только тѣ изъ современныхъ партій понимаютъ и правильно оцѣниваютъ потребности настоящаго положенія, стремленія которыхъ клонятся къ возстановленію старой или къ установленію новой духовной власти» (стр. 351).

вліянія физіократовъ (стр. 97); неправильна также у него характеристика Р. Кантильона, какъ физіократа. Очевидно, Ингрэмъ самого Кантильона не читалъ и упоминая его, не справился даже съ Каутцомъ, а положился на Джевонса (г. Миклашевскому слѣдовало бы указать, что Кантильоновскій «Essai sur la nature du commerce» переизданъ въ 1892 г. Г. Гигсомъ, который написалъ о Кантильонѣ дѣльную статью въ «Quarterly Journal of Economes». Лоренца Ф. Штейна (въ указателѣ г. Миклашевскаго онъ ошибочно названъ Людвигомъ) Ингрэмъ только называетъ, очевидно не подозрѣвая о его крупномъ вліяніи на такъ называемый «катедерсоціализмъ».

Бемъ-Баверка Ингрэмъ упоминаетъ не рядомъ съ другими представителями австрійской школы, Менгеромъ и Заксомъ, а вмѣстѣ съ цѣлымъ сонмомъ писателей, которые, какъ теоретики, не имѣютъ съ австрійцами ничего общаго и въ числѣ которыхъ на послѣднемъ (sic!) мѣстѣ названы Л. ф. Штейнъ и Дюрингъ. Такихъ промаховъ, въ совокупности своей очень характерныхъ, такъ какъ они указываютъ на слабое знакомство Ингрэма съ предметомъ, не мало. Несомнѣнно также, что во многихъ своихъ взглядахъ Ингрэмъ просто повторяетъ Рошера, развязностью тона прикрывая несамостоятельность сужденія.

Лестная рекомендація, которой профессора Янжулъ (подъ его редакціей вышло 1-е изданіе) и Миклашевскій снабдили книгу Ингрэма, не дѣлаетъ чести ихъ литературно-научному вкусу. А нѣкоторый успѣхъ, который Ингрэмъ имѣлъ въ Германіи, очень просто объясняется тѣмъ, что господствующая тамъ экономическая школа пріобрѣла въ лицѣ Ингрэма желаннаго *англійскаго* союзника. Въ такихъ случаяхъ бываютъ не слишкомъ требовательны. Г. Миклашевскому мы можемъ дать такой совѣтъ: какъ бы скоро книжный рынокъ ни поглотилъ второе изданіе Ингрэма, третьяго не выпускать; если же господинъ профессоръ считаетъ безусловно необходимымъ дать на русскомъ языкѣ трактатъ по исторіи политической экономіи, то пусть самъ напишетъ таковой, по возможности, не подражая Ингрэму въ безсодержательности и.... «критической смѣлости». Знаній у г. Миклашевскаго, конечно, въ десять разъ больше, чѣмъ у Ингрэма, хотя послѣдній и считаетъ себя «представителемъ истинно ученаго класса».

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки. Москва. 1898. Изд. кн. склада А. Муриновой. Стр. 290. Ц. 2 р. Книга г-на Богданова представляетъ замѣчательное явленіе въ нашей экономической литературѣ; это не только «не лишнее» руководство въ ряду другихъ (какъ «надѣется» авторъ въ предисловіи), но положительно лучшее изъ нихъ. Мы намѣрены поэтому въ настоящей замѣткѣ обратить вниманіе читателей на выдающіяся достоинства этого сочиненія и отмѣтить нѣкоторые незначительные пункты, въ которыхъ могли бы быть сдѣланы, по нашему мнѣнію, улучшенія при слѣдующихъ изданіяхъ; слѣдуетъ думать, что при живомъ интересѣ читающей публики къ экономическимъ вопросамъ, слѣдующія изданія этой полезной книги не заставятъ себя долго ждать.

Главное достоинство «курса» г-на Богданова—полная выдержанность направленія отъ первой до послѣдней страницы книги, трактующей о весьма многихъ и весьма широкихъ вопросахъ. Авторъ съ самого начала даетъ ясное и точное опредѣленіе политической экономіи, какъ «науки, изучающей общественныя отношенія производства и распредѣленія въ ихъ развитіи» (3), и нигдѣ не отступаетъ отъ такого взгляда, нерѣдко весьма плохо понимаемаго учеными профессорами политической экономіи, сбивающимися съ «общественныхъ отношеній производства» на производство вообще и наполняющими свои толстые курсы грудой безсодержательныхъ и не относящихся вовсе къ общественной наукѣ

банальностей и примѣровъ. Авторъ чуждъ той схоластики, которая побуждаетъ часто составителей учебниковъ изощряться въ «дефиниціяхъ» и въ разборѣ отдѣльныхъ признаковъ каждой дефиниціи, причемъ ясность изложенія не только не теряетъ у него отъ этого, а прямо выигрываетъ, и читатель, напр., получитъ отчетливое представленіе о такой категоріи, какъ *капиталъ*, и въ его общественномъ, и въ его историческомъ значеніи. Воззрѣніе на политическую экономію, какъ на науку о развивающихся исторически укладахъ общественнаго производства, положено въ основу порядка изложенія этой науки въ «курсѣ» г на Богданова. Изложивъ въ началѣ краткія «общія понятія» о наукѣ (стр. 1—19), а въ концѣ краткую «исторію экономическихъ воззрѣній» (стр. 235—290), авторъ излагаетъ содержаніе науки въ отдѣлѣ «В. Процессъ экономическаго развитія», излагаетъ не догматически (какъ это принято въ большинствѣ учебниковъ), а въ формѣ характеристики послѣдовательныхъ періодовъ экономическаго развитія, именно: періода первобытнаго родового коммунизма, періода рабства, періода феодализма и цеховъ и, наконецъ, капитализма. Именно такъ и слѣдуетъ излагать политическую экономію. Возразятъ, пожалуй, что такимъ образомъ автору неизбѣжно приходится дробить одинъ и тотъ же теоретическій отдѣлъ (напр., о деньгахъ) между разными періодами и впадать въ повторенія. Но этотъ чисто формальный недостатокъ вполнѣ искупается основными достоинствами историческаго изложенія. Да и недостатокъ ли это? Повторенія получаются весьма незначительныя, полезныя для начинающаго, потому что онъ тверже усваиваетъ себѣ особенно важныя положенія. Отнесеніе, напр., различныхъ функцій денегъ къ различнымъ періодамъ экономическаго развитія наглядно показываетъ учащемуся, что теоретическій анализъ этихъ функцій основанъ не на абстрактной спекуляціи, а на точномъ изученіи того, что дѣйствительно происходило въ историческомъ развитіи человѣчества. Представленіе объ отдѣльныхъ, исторически-опредѣленныхъ, укладахъ общественнаго хозяйства получается болѣе цѣльное. А вѣдь вся задача руководства къ политической экономіи состоитъ въ томъ, чтобы дать изучающему эту науку основныя понятія о различныхъ системахъ общественнаго хозяйства и о коренныхъ чертахъ каждой системы; вся задача состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, усвоившій себѣ начальное руководство, имѣлъ въ рукахъ надежную путеводную нить для дальнѣйшаго изученія этого предмета, чтобы онъ получилъ интересъ къ такому изученію, понявъ, что съ вопросами экономической науки самымъ непосредственнымъ образомъ связаны важнѣйшіе вопросы современной общественной жизни. Въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста именно этого-то и недостаетъ руководствамъ по политической экономіи. Не столько еще въ томъ ихъ недостатокъ, что они ограничиваются обыкновенно одной системой общественнаго хозяйства (именно капитализмомъ), сколько въ томъ, что они не умѣютъ концентрировать вниманіе читателя на коренныхъ чертахъ этой системы; не умѣютъ отчетливо опредѣлить ея историческое значеніе, показать процессъ (и условія) ея возникновенія, съ одной стороны, тенденціи ея дальнѣйшаго развитія, съ другой; не умѣютъ представить отдѣльныя стороны и отдѣльныя явленія современной хозяйственной жизни, какъ составныя части опредѣленной системы общественнаго хозяйства, какъ проявленія коренныхъ чертъ этой системы; не умѣютъ дать читателю надежнаго руководства, потому что не придерживаются обыкновенно со всей послѣдовательностью одного направленія; не умѣютъ, наконецъ, заинтересовать учащагося, потому что крайне узко и безсвязно понимаютъ значеніе экономическихъ вопросовъ, размѣщая «въ поэтическомъ безпорядкѣ» «факторы» экономическій, политическій, моральный и т. д. Только *матеріалистическое пониманіе исторіи* вноситъ свѣтъ въ этотъ хаосъ и открываетъ возможность широкаго, связнаго и осмысленнаго воззрѣнія на особый укладъ

общественнаго хозяйства, какъ на фундаментъ особаго уклада всей общественной жизни человѣка.

Выдающееся достоинство «курса» г-на Богданова и состоитъ въ томъ, что авторъ послѣдовательно держится историческаго матеріализма. Характеризуя опредѣленный періодъ экономическаго развитія, онъ даетъ обыкновенно въ «изложеніи» очеркъ политическихъ порядковъ, семейныхъ отношеній, основныхъ теченій общественной мысли *въ связи* съ коренными чертами даннаго экономическаго строя. Выяснивъ, какъ данный экономическій строй порождалъ опредѣленное раздѣленіе общества на классы, авторъ показываетъ, какъ *эти классы* проявляли себя въ политической, семейной, интеллектуальной жизни даннаго историческаго періода, какъ интересы этихъ классовъ отражались въ опредѣленныхъ экономическихъ школахъ, какъ, напр., интересы восходящаго развитія капитализма выразила школа свободной конкурренціи, а интересы того же класса въ позднѣйшій періодъ—школа вульгарныхъ экономистовъ (284), школа апологіи. Совершенно справедливо указываетъ авторъ на связь съ положеніемъ опредѣленныхъ классовъ исторической школы (284) и школы катедеръ-реформеровъ («реалистической» или «историко-этической»), которую должно признать «школой компромисса» (287) съ ея безсодержательнымъ и фальшивымъ представленіемъ о «внѣ-классовомъ» происхожденіи и значеніи юридико-политическихъ учрежденій (288) и т. д. Въ связь съ развитіемъ капитализма ставитъ авторъ и ученія Сисмонди и Прудона, основательно относя ихъ къ мелкобуржуазнымъ экономистамъ,—показывая корни ихъ идей въ интересахъ особаго класса капиталистическаго общества, занимающаго «среднее, переходное мѣсто» (279).—признавая безъ обиняковъ реакціонное значеніе подобныхъ идей (280—281). Благодаря выдержанности своихъ воззрѣній и умѣнью разсматривать отдѣльныя стороны хозяйственной жизни въ связи съ основными чертами даннаго экономическаго строя, авторъ правильно оцѣнилъ значеніе такихъ явленій, какъ участіе рабочихъ въ прибыли предпріятія (одна изъ «формъ заработной платы», которая «слишкомъ рѣдко можетъ оказаться выгодной для предпринимателя», стр 132—3), или производительныя ассоціаціи, которыя, «организуясь среди капиталистическихъ отношеній», «въ сущности только увеличиваютъ мелкую буржуазію» (187).

Мы знаемъ, что именно эти черты «курса» г-на Богданова возбудятъ не мало нареканій. Недовольны останутся, само собою разумѣется, представители и сторонники «этико соціологической» школы въ Россіи. Недовольны будутъ тѣ, кто полагаетъ, что «вопросъ объ экономическомъ пониманіи исторіи есть вопросъ чисто академическій» *), и еще многіе другіе... Но и помимо этого, такъ сказать партійнаго недовольства, будутъ указывать, вѣроятно, на то, что широкая постановка вопросовъ вызвала чрезвычайную конспективность изложенія «краткаго курса», разсказывающаго на 290 страничкахъ и о всѣхъ періодахъ экономическаго развитія, начиная отъ родовой общины и дикарей и кончая капиталистическими картелями и трёстами, и о политической и семейной жизни античнаго міра и среднихъ вѣковъ, и объ исторіи экономическихъ воззрѣній. Изложеніе г. А. Богданова дѣйствительно въ высшей степени сжато, какъ онъ указываетъ и самъ въ предисловіи, называя прямо свою книгу «конспектомъ». Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ конспективныхъ замѣчаній автора, относящихся чаще всего къ фактамъ историческаго характера, а иногда и къ болѣе детальнымъ вопросамъ теоретической экономіи, будутъ непонятны для начинающаго читателя, желающаго ознакомиться съ политической экономіей. Намъ,

---

*) Такъ думаетъ журнальный обозрѣватель «Русской Мысли» (1897 г.; ноябрь, библ. отд., стр. 517). Бываютъ же такіе комики!

кажется однако, что за это нельзя винить автора. Скажемъ даже, не боясь обвиненій въ парадоксальности, что наличность подобныхъ замѣчаній мы склонны считать скорѣе достоинствомъ. а не недостаткомъ разбираемой книги. Въ самомъ дѣлѣ, если бы авторъ вздумалъ подробно излагать, разъяснять и обосновывать каждое такое замѣчаніе, его трудъ разроссяя бы до необъятныхъ предѣловъ, совершенно не соотвѣтствующихъ задачамъ краткаго руководства. Да и немыслимо изложить ни въ какомъ курсѣ, хотя бы и самомъ толстомъ, всѣ данныя современной науки о всѣхъ періодахъ экономическаго развитія и объ исторіи экономическихъ воззрѣній отъ Аристотеля до Вагнера. Если онъ выкинулъ бы всѣ подобныя замѣчанія, тогда его книга положительно проиграла бы отъ съуженія предѣловъ и значенія политической экономіи. Въ настоящемъ же своемъ видѣ эти конспективныя замѣчанія принесутъ, думается намъ, большую пользу и учащимъ, и учащимся по этому конспекту. О первыхъ нечего и говорить. Вторые увидятъ изъ совокупности этихъ замѣчаній. что политическую экономію нельзя изучать такъ себѣ, mir nichts dir nichts *), безъ всякихъ предварительныхъ познаній, безъ ознакомленія съ весьма многими и весьма важными вопросами исторіи, статистики и пр. Учащіеся увидятъ, что съ вопросами общественнаго хозяйства въ его развитіи и его вліяніи на общественную жизнь нельзя ознакомиться по одному или даже по нѣсколькимъ изъ тѣхъ учебниковъ и курсовъ, которые отличаются часто удивительной «легкостью изложенія», но зато и удивительной безсодержательностью, переливаніемъ изъ пустого въ порожнее; что съ вопросами экономическими неразрывно связаны самые животрепещущіе вопросы исторіи и современной дѣйствительности и что корни этихъ послѣднихъ вопросовъ лежатъ въ общественныхъ отношеніяхъ производства. Такова именно главная задача всякаго руководства: дать основныя понятія по излагаемому предмету и указать, въ какомъ направленіи слѣдуетъ изучать его подробнѣе и почему важно такое изученіе.

Обратимся теперь ко второй части нашихъ замѣчаній, къ указанію тѣхъ мѣстъ книги г. Богданова, которыя требуютъ, по нашему мнѣнію, исправленія или дополненія. Надѣемся, что почтенный авторъ не посѣтуетъ на насъ за мелкость и даже придирчивость этихъ замѣчаній: въ конспектѣ отдѣльныя фразы и даже отдѣльныя слова имѣютъ несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ въ обстоятельномъ и подробномъ изложеніи.

Г. Богдановъ придерживается вообще терминологіи той экономической школы, которой онъ слѣдуетъ. Но, говоря о формѣ стоимости, онъ замѣняетъ этотъ терминъ выраженіемъ: «формула обмѣна» (с. 39 и сл.). Это выраженіе кажется намъ неудачнымъ; терминъ «форма стоимости» дѣйствительно неудобенъ въ краткомъ руководствѣ, и вмѣсто него лучше бы, пожалуй, сказать: форма обмѣна или ступень развитія обмѣна, а то получаются даже такія выраженія, какъ «господство 2-ой формулы обмѣна» (43) (?). Говоря, о капиталѣ, авторъ напрасно упустилъ указать на общую формулу капитала, которая помогла бы учащемуся усвоить однородность торговаго и промышленнаго капитала.—Характеризуя капитализмъ, авторъ опустилъ вопросъ о ростѣ торгово-промышленнаго населенія насчетъ земледѣльческаго и о концентраціи населенія въ крупныхъ городахъ; этотъ пробѣлъ тѣмъ ощутительнѣе, что, говоря о среднихъ вѣкахъ, авторъ подробно остановился на отношеніи деревни и города (63—66), а о современномъ городѣ сказалъ всего пару словъ о подчиненіи имъ деревни (174).—Говоря объ исторіи промышленности, авторъ весьма рѣшительно ставитъ «до-

---

*) Какъ мѣтко замѣтилъ Каутскій въ предисловіи къ своей извѣстной книгѣ «Marx'Oekonomische Lehren».

машиною систему капиталистическаго производства» *) «на срединѣ пути отъ ремесла къ мануфактурѣ» (стр. 156, *тезисъ* 6-ой). По данному вопросу такое упрощеніе дѣла представляется намъ не совсѣмъ удобнымъ. Авторъ «Капитала» описываетъ капиталистическую работу на дому въ отдѣлѣ о машинной индустріи, относя ее прямо къ преобразующему дѣйствію этой послѣдней на старыя формы труда. Дѣйствительно, такія формы работы на дому, какія господствуютъ, напр., и въ Европѣ, и въ Россіи въ конфекціонной индустріи, никакъ нельзя поставить «на срединѣ пути отъ ремесла къ мануфактурѣ». Онѣ стоятъ *дальше* мануфактуры въ историческомъ развитіи капитализма, и объ этомъ слѣдовало бы, думается намъ, сказать пару словъ.—Замѣтнымъ пробѣломъ въ главѣ о машинномъ паріодѣ капитализма **) является отсутствіе параграфа о резервной арміи и капиталистическомъ перенаселеніи, о его порожденіи машинною индустріею, о его значеніи въ циклическомъ движеніи промышленности, о его главныхъ формахъ. Тѣ самыя бѣглыя упоминанія автора объ этихъ явленіяхъ, которыя сдѣланы на стр. 205 и 270-ой, безусловно недостаточны.—Утвержденіе автора, что «за послѣдніе полвѣка» «прибыль возростаетъ гораздо быстрѣе ренты» (179), слишкомъ смѣло. Не только Рикардо (противъ котораго дѣлаетъ это замѣчаніе г. Богдановъ), но и Марксъ констатируетъ общую тенденцію ренты къ особенно быстрому росту при всѣхъ и всякихъ условіяхъ (возможенъ даже ростъ ренты при пониженіи цѣны хлѣба). То пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ (и ренты при извѣстныхъ условіяхъ), которое вызвано въ послѣднее время конкурренціей дѣвственныхъ полей Америки, Австраліи и т. п., наступило рѣзко лишь съ 70-хъ годовъ, и примѣчаніе Энгельса въ отдѣлѣ о рентѣ (Das Kapital, III, 2, 259—260), посвященное современному земледѣльческому кризису, формулировано гораздо осторожнѣе. Энгельсъ констатируетъ здѣсь «законъ» роста ренты въ цивилизованныхъ странахъ, объясняющій «удивительную живучесть класса крупныхъ землевладѣльцевъ» и далѣе указываетъ лишь на то, что эта живучесть «постепенно исчерпывается» (allmälig sich erschöpft). — Параграфы, посвященные земледѣлію, отличаются тоже чрезмѣрной краткостью. Въ параграфѣ о (капиталистической) рентѣ лишь самымъ бѣглымъ образомъ указано, что условіе ея есть капиталистическое земледѣліе. («Въ періодѣ капитализма земля продолжаетъ оставаться частною собственностью, и выступаетъ въ роли капитала», 127,—и только!). Объ этомъ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ поподробнѣе, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, о нарожденіи сельской буржуазіи, о положеніи земледѣльческихъ рабочихъ и объ отличіяхъ этого положенія отъ положенія фабричныхъ рабочихъ (болѣе низкій уровень потребностей и жизни; остатки прикрѣпленія къ землѣ или различныхъ Gesindeordnungen и т. д.). Жаль также, что авторъ не коснулся вопроса о генезисѣ капиталистической ренты. Послѣ тѣхъ замѣчаній, которыя онъ сдѣлалъ о колонахъ и зависимыхъ крестьянахъ, далѣе объ арендѣ нашихъ крестьянъ,—слѣдовало бы охарактеризовать вкратцѣ общій ходъ развитія ренты отъ отработочной ренты (Arbeitsrente) къ натуральной рентѣ (Produktenrente), затѣмъ къ денежной рентѣ (Geldrente), и отъ нея уже къ капиталистической рентѣ (Ср. Das Kapital, III., 2, Кар. 47).—Говоря о вытѣсненіи капитализмомъ подсобныхъ промысловъ и о потерѣ вслѣдствіе этого устойчивости крестьянскимъ хозяйствомъ, авторъ выражается такъ: «крестьянское хозяйство становится въ общемъ бѣднѣе, — общая сумма производимыхъ имъ стоимостей уменьшается» (148).

---

*) Стр. 93, 95, 147, 156. Намъ кажется, что этимъ терминомъ авторъ удачно замѣнялъ выраженіе: «домашняя система крупнаго производства», введенное въ нашу литературу Корсакомъ.

**) Строгое раздѣленіе капитализма на мануфактурный и машинный періодъ составляетъ весьма большое достоинство «курса» г-на Богданова.

Это очень неточно. Процессъ разоренія крестьянства капитализмомъ состоитъ въ вытѣсненіи его сельской буржуазіей, образуемой изъ того же крестьянства. Г. Богдановъ едва ли могъ бы, напр., описать упадокъ крестьянскаго хозяйства въ Германіи, не коснувшись Vollbauer'овъ. Въ приведенномъ мѣстѣ авторъ говоритъ о крестьянахъ вообще, но вслѣдъ за этимъ приводитъ примѣръ изъ русской жизни,—ну, а говорить о русскомъ крестьянинѣ «въ общемъ» болѣе чѣмъ рискованно. Авторъ на этой же страницѣ говоритъ: «Крестьянинъ либо занимается однимъ земледѣліемъ, либо идетъ на мануфактуру», то-есть,—добавимъ отъ себя,—либо превращается въ сельскаго буржуа, либо въ пролетарія (съ клочкомъ земли). Объ этомъ двустороннемъ процессѣ слѣдовало бы упомянуть.— Наконецъ, какъ общій недостатокъ книги мы должны отмѣтить отсутствіе примѣровъ изъ русской жизни. По весьма многимъ вопросамъ (хотя бы, напр., объ организаціи производства въ средніе вѣка, о развитіи машиннаго производства и рельсовыхъ путей, о ростѣ городского населенія, о кризисахъ и синдикатахъ, объ отличіи мануфактуры отъ фабрики и т. д.) подобные примѣры изъ нашей экономической литературы были бы очень важны, а то усвоеніе предмета сильно затрудняется для начинающаго отсутствіемъ знакомыхъ ему примѣровъ. Намъ кажется, что пополненіе указанныхъ пробѣловъ очень незначительно увеличило бы книгу и не затруднило бы ея широкаго распространенія, которое во всѣхъ отношеніяхъ является весьма желательнымъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го февраля по 15-е марта 1898 года.

А. А. Черевкова. Очерки современной Японіи. Съ 12 гравюрами. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія. Т. II. Русская литература XVII в. Москва 98 г.

Проф. Холодковскій. Атласъ человѣческихъ глистъ. Вып. I. Цѣна трехъ выпусковъ 6 р. безъ перес. Спб. 98 г.

Блезъ Паскаль. Письма къ провинціалу. Изданіе Пантелѣева. Спб. 98 г. Ц. 2 р.

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Лекціи. Изданіе Пантелѣева. Спб. 98 г. Ц. 75 к.

Левесъ — Женскіе типы Шекспира. Съ предисл. проф. Стороженко. Изданіе Пантелѣева. Спб. 98 г. Ц. 2 р.

Д-ръ Елисѣевъ. По бѣлу-свѣту. Очерки и картины изъ путешествій. Изданіе Сойкина. Т. IV. Спб. 98 г. Ц. 3 р.

Труды Я. К. Грота. Т. I. Изъ скандинавскаго и финскаго міра. (1839 — 1881). Спб. 98 г. Ц. 3 р.

Шарль Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Т. II. Изданіе Поповой. Спб. 98 г. Ц. за оба тома 4 р.

С. Ковнеръ. Исторія средневѣковой медицины. Вып. II. Кіевъ. 97 г. Ц. 2 р. 40 к.

Ѳедоръ Фальковскій. Веселые звуки. Изданіе Маевскаго. Спб. 97 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кенетъ Грэемъ. Золотой возрастъ. Перев. съ англ. Изданіе Пантелѣева. Спб. 98 г. Ц. 75 к.

Каз. Баранцевичъ. Сказки жизни. 13 разсказовъ. Спб. 98 г. Ц. 1 р.

С. Булгаковъ. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Изданіе М. И. Водовозовой. Москва 97 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кузнецова и Кулаковъ. Минусинскіе и Ачинскіе инородцы. (Матеріалы для изученія). Изданіе Енисейскаго губ. стат. комитета. Красноярскъ. 98 г.

Календарь для фельдшеровъ на 1898 годъ. Изд. и ред. д-ра Окса. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 20 к.

Календарь для акушерокъ на 1898 годъ. Изд. и ред. д-ра Окса. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 20 к.

Теодоровичъ. Стихотворенія. Витебскъ. 98 г.

Словарь французско-русскій. Изд. Попова «Серія карманныхъ словарей». Спб. 98 г. Ц. 75 к.

Словарь русско-французскій. Изд. Попова «Серія карманныхъ словарей». Спб. 98 г. Ц. 75 к.

М. А. Протопоповъ. Литературно-критическія характеристики. Изданіе 2-е. Спб 98 г. Ц. 2 р.

Г. Ольденбергъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Изданіе 3-е. Ефимова. Москва. 98 г. Ц. 2 р.

И. Озеровъ. Подоходный налогъ въ Англіи. Москва. 98 г. Ц. 2 р.

А. Газо. Шуты и скоморохи всѣхъ временъ и народовъ. (Съ рис. въ текстѣ). Спб. 98 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ Раммъ. Массажъ и врачебная гимнастика. (Съ 63 рис. въ текстѣ). Изданіе Попова. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія Т. II. 1896—1898 гг.

Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Перев. слушат. высшихъ женскихъ курсовъ. Изданіе 2-е. Спб. 98 г. Ц. 2 р.

Коропчевскій. «Времена года». Изданіе Библіотеки Дѣтск. Чт. Москва 98 г. Ц. 45 к.

Г. Спенсеръ. Цѣломудріе, бракъ и родительство. Перев. и изданіе Золотарева. Москва. 98 г. Ц. 30 к.

Л. А. Золотаревъ. Личная и общественная борьба съ развратомъ. Изданіе автора. Москва 97 г. Ц. 30 к.

Л. А. Золотаревъ. Устои семьи. Москва 98 г. Ц. 30 к.

И. В. Веретенниковъ. Брачность, рождаемость и смертность. Тифлисъ. 98 г.

В. Каллашъ. Бессознательно-юмористическое направленіе въ современной педагогической литературѣ. Москва. 98 г.

В. Каллашъ. Черты дореформеннаго воспитанія. Москва. 98 г.

Р. Випперъ. Школьное преподаваніе новой исторіи и новая историческая наука. Москва. 98 г.

Енисеецъ. Сѣверный морской путь. Спб. 98 г.

Н. В. Десницкій. Руководство для отправляющихся на кавказскія минеральныя воды. Спб. 98 г. Ц. 60 к.

Каллашъ. Новые труды по исторіи школы и просвѣщенія. Москва. 97 г.

Илья Петровичъ Деркачевъ—по поводу тридцатилѣтія его общественно - педагогической и литературной дѣятельности. Москва. 96 г.

В. В. Быховской. Наше законодательство о жестокомъ обращеніи съ животными и желательныя въ немъ измѣненія. Изд. Моск. Отд. Россійск. Общества покровительства животнымъ. Москва. 97 г. Ц. 30 к.

Т. Догуревичъ. Свѣтъ Азіи. Изд. Сойкина. Спб. 98 г. Ц. 25 к.

Н. Соколовъ. Въ дебряхъ Азіи. Изд. Сойкина. Спб. 98 г. Ц. 50 к.

Д. В. Дреперъ. Сонъ и смерть. Спб. 98 г. Ц. 20 к.

Поль Жане. Произвольное зарожденіе и превращеніе видовъ. Перев. съ франц. Спб. 98 г. Ц. 40 к.

О. П. Орлова. Два посѣщенія съ дѣтьми Третьяковской галлереи. Москва. 98 г. Ц. 25 к.

Д-ръ Ѳ. Гольцъ. Сельско-хозяйственное счетоводство. Перев. съ нѣм. В. Э. Брунстъ. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. 98 г. Ц. 50 к.

В. Тюринъ. Живая фотографія. Изд. редакціи журн. «Техническое Образованіе». Спб. 98 г.

Н. Борисовъ. Результатъ выпускныхъ испытаній въ одноклассныхъ земскихъ школахъ Херсонской губ. въ 1897 г. Изд. Херс. губ. земск. управы. Херсонъ. 98 г.

Е. Красногорская. Другъ несчастныхъ. Ѳ. П. Гаазъ. Біограф. очеркъ Изд. ред. «Дѣтскаго чтенія» Москва 98 г. Ц. 6 к.

Н. Зографъ. Іерихонъ, Іорданъ и Мертвое море. Изд. Моск. коммиссіи народн. чтеній. Москва 98 г. Ц. 8 к.

Н. Зографъ. Геннисаретское озеро и путь къ нему. Изданіе Моск. комм. кародн. чтеній. Москва 98 г. Ц. 8 к.

Н. Горовая. Гигіено - Діэтическія основы лѣченія чахотки. Кіевъ 98 г.

Вагнеръ. Школа улицы. Изд. Моск. Отд. Росс. Общества покровительства животныхъ. Москва 96 г.

К. Гофманъ. Ботаническій атласъ. Спб. Изд. Девріена 98 г.

М. Гесдерферъ. Комнатное садоводство. Перев. А. Семенова. Изд. Девріена. Ц. 1 р. одного выпуска.

Н. Лоренцъ. Орнаменты всѣхъ временъ и стилей. Спб. Изданіе Девріена. 98 г. Ц. 10 вып. 15 р.

С. Шашковъ. Собраніе сочиненій въ 2 томахъ. Изд. Поповой. Спб. 98 г. Ц. за 2 тома 4 р.

В. Пландовскій. Народная перепись. Спб. 98 г. Ц. 2 р. 50 к.

Эли Соренъ. Исторія Италіи. Перев. съ франц. Изданіе Поповой. Спб. 98 г. П. 1 р. 50 к.

Ф. Поллокъ. Исторія политическихъ ученій. Перев. съ англ. Изд. Поповой. Спб. 98 г. Ц. 40 к.

Р. Андерсонъ. Исторія вымершихъ цивилизацій востока. Изд. магазина «Книжное дѣло». Москва. 98 г. Ц. 50 к.

М. Круковскій. Самоучитель фотографіи. Изд. Поповой. Спб. 98 г. Ц. 60 к.

Шантепи де - ля - Соссей. Исторія религій. Вып. II. Изданіе магазина «Книжное дѣло». Москва 98 г. Ц. безъ перес. 4 р.

Маминъ-Сибирякъ. Въ глуши. (Повѣсти и разсказы). Изданіе Клюкина. Москва. 98 г. Ц. 1 р. 25 к.

Памятная книжка Енисейской губ. съ адресъ-календаремъ по 1-е января 1898 г. Ц. 2 р. 25 к.

Травосѣяніе вообще и крестьянское въ частности. Кіевъ 98 г.

Годовой отчетъ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго Общества за 1896—1897 гг.

Ежегодникъ Тобольскаго губ. музея. Тобольскъ. 97 г.

Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1895 годъ. Астрахань 97 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«The Story of Gladstone's Life» by Justin M-c Carthy. Prix 7 s. 6 d. (C. Block). (Исторія жизни Гладстона). Очень интересно написанный очеркъ жизни Гладстона, излагающій исторію его политической карьеры рядомъ съ событіями его частной жизни. Къ книгѣ приложено 45 иллюстрацій, большею частью портретовъ, изображающихъ Гладстона въ различные періоды его жизни. (Athaeneum).

«John Bright, by C. A. Venie (Blackie and son). (Джонъ Брайтъ). Небольшая книга, заключающая въ себѣ біографію Брайта и краткій очеркъ его ораторскаго искусства. Написана очень живо и знакомитъ читателей съ политическими условіями, при которыхъ жилъ и дѣйствовалъ знаменитый англійскій ораторъ. (Athaeneum).

«The Development of Australian Literature» by H. G. Turner and Alexander Sutherland. (Развитіе австралійской литературы). Дѣльно написанный очеркъ исторіи развитія австралійской литературы, съ указаніемъ наиболѣе выдающихся произведеній и біографій нѣкоторыхъ изъ главныхъ австралійскихъ писателей. (Athaeneum).

«The Universities of Europe in the Middle Ages» by Hastings Rashdall. With Maps and Illustrations (Clarendon Press). Prix 2 l. 5 s. (Европейскіе университеты въ средніе вѣка). Книгу эту можно назвать классическимъ трудомъ на англійскомъ языкѣ по исторіи университетовъ. Авторъ собралъ громадный историческій матеріалъ, которымъ воспользовался съ большимъ умѣньемъ. (Athaeneum).

«With Peary Neur the Pole» by Eivind Adtrup. Illustrated with sketches and photographs by the Author. (Съ лейтенантомъ Пири вблизи полюса). Prix 10 s. 6 d. Авторъ этой книги—личный другъ извѣстнаго полярнаго путешественника лейтенанта Пири, сопровождалъ его въ обѣихъ его экспедиціяхъ къ сѣверу. Оставляя въ сторонѣ научную сторону этой экспедиціи, такъ какъ она уже извѣстна образованному міру, авторъ ограничился лишь разсказомъ о различныхъ приключеніяхъ во время ихъ путешествія и пребыванія на сѣверѣ, описаніями необычной и странной обстановки, окружавшей ихъ, и народовъ, съ которыми имъ приходилось имѣть общеніе. (Athaeneum).

«Social Hours with Celebrities» by M-rs W. Pitl Byrne. (Ward and Downey). (Въ обществѣ знаменитостей). Интересныя воспоминанія о различныхъ выдающихся лицахъ англійскаго общества, съ которыми автору приходилось вступать въ личныя сношенія. Къ книгѣ приложены иллюстраціи и портреты. (Athaeneum)

«Problems of Modern Industry» by M-r and M-rs Sydney Webb (Longman). (Проблемы современной промышленности). Этотъ новый совмѣстный трудъ написанъ нѣсколько болѣе популярно и живо, чѣмъ два предшествующихъ тома «The History of Trade Unionism» и «Industrial Democracy». Онъ состоитъ изъ десяти отдѣльныхъ очерковъ; каждому изъ авторовъ принадлежатъ пять. Первая глава «The Diary of an Indestigation». (Дневникъ одного изслѣдованія) принадлежитъ перу мистриссъ Веббъ, описывающей свой опытъ пребыванія въ качествѣ поденной работницы-портнихи въ мастерскихъ Истъ энда. Съ этой главой рядомъ долженъ быть поставленъ очеркъ Сидней Вебба о заработкѣ женщинъ. Книга заканчивается тремя главами о трехъ спорныхъ вопросахъ. Первый: «Отношенія коопераціи къ трэдъ-юніонизму» разбирается мистриссъ Веббъ; два другихъ: «Трудности индивидуализма» и «Истинный и ложный соціализмъ» подробно разсматриваются Сидней Веббомъ. Другіе вопросы, обсуждаемые въ этой книгѣ, имѣютъ не менѣе важное современное значеніе. (Athaeneum).

«Junny Memories of an Indian winter» by M-rs Archibald Dunn. (Walter Scott's). (Свѣтлыя воспоминанія объ индійской зимѣ). Новая книга объ Индіи, заключающая въ себѣ описанія путешествія и жизни въ Индіи въ зимнее время. Авторъ хорошо знакомъ съ этой страной, ея населеніемъ и

природой. Несмотря на массу существующихъ уже описаній Индіи, въ этихъ воспоминаніяхъ все-таки можно найти много новаго и интереснаго. Иллюстраціи, приложенныя къ тексту, служатъ очень хорошимъ его дополненіемъ. (Athaeneum).

«The Sultan and his Subjects» by Richard Davey. (Chapman and Hall) Prix 24 s. (Султанъ и его подданные). Это одна изъ лучшихъ книгъ, когда-либо написанныхъ о Турціи. Въ ней не только говорится о далекомъ прошломъ, но и о настоящемъ и даже о будущемъ этой страны. Политики, даже не раздѣляющіе взглядовъ автора, должны все-таки заинтересоваться этою книгой, такъ какъ въ ней заключается масса свѣдѣній о современной Турціи. Люди, не интересующіеся политикой, найдутъ въ этой книгѣ очень увлекательное описаніе восточнаго двора, его жизни, обычаевъ и нравовъ, господствующихъ во дворцѣ, а также описаніе мечетей, тюремъ и восточныхъ монастырей. Многія главы этой книги представляютъ громадный историческій и бытоописательный интересъ. Къ книгѣ приложено множество иллюстрацій.

(Athaenaeum).

«Andrée and His Balloon» by Henri Lachambre and Alexis Machuron. Prix 6 s. (Archibald Constable). (Андре и его шаръ). Въ книгѣ сообщаются различныя подробности, касающіяся экспедиціи Андре и устройства его шара. Оба автора высказываютъ надежды на благополучный исходъ экспедиціи, хотя и не думаютъ, чтобы Андре удалось выполнить свой смѣлый планъ и достигнуть полюса. Но предусмотрительность Андре, его опытность и находчивость заставляютъ все-таки надѣяться на то, что ему удастся выпутаться изъ трудныхъ обстоятельствъ и добраться до обитаемыхъ странъ. Судьба смѣлаго воздухоплавателя настолько интересуетъ весь образованный міръ, что все, что касается его экспедиціи и возможныхъ шансовъ на ея благополучный исходъ, не можетъ не возбуждать вниманія читающей публики. Кромѣ подробностей, спеціально касающихся экспедиціи Андре, въ указанной книгѣ находятся еще весьма любопытныя описанія жизни на Шпицбергенѣ. Къ тексту приложены 44 фотографическихъ снимка.

(Literary World).

«The Romance of Colonisation» by Alfred E. Knight S. W. Partridge and C°) Prix: 2 s. 6 d. par volume. (Романъ колонизаціи). Три вышедшіе тома входятъ въ составъ серіи изданій по исторіи Америки, выходящихъ подъ общимъ заглавіемъ «America from seventeenth century to the present day» (Америка отъ XVII-го вѣка до настоящаго времени). Историческіе очерки, заключающіеся во всѣхъ трехъ томахъ, написаны очень живо и популярно.

(Literary World).

«The Stamp Collector» by W. T. Hardy and E. D. Bacon. London (George Beclway). (Собиратель марокъ). Собираніе марокъ въ настоящее время составляетъ весьма распространенную манію современнаго общества, и литература, касающаяся этой маніи, могла бы наполнить цѣлые полки библіотеки. Безчисленныя общества образовались съ цѣлью распространенія этой маніи и обсужденія цѣнности и достоинствъ различныхъ почтовыхъ марокъ. Коллекціи нѣкоторыхъ любителей оцѣниваются въ нѣсколько сотъ тысячъ. Въ виду такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какіе приняла эта манія, конечно, не безъинтересно было прослѣдить исторію ея развитія съ самаго начала ея возникновенія. Авторъ названной книги именно и задался цѣлью изучить исторію почтовой марки и разгадать хотя бы до нѣкоторой степени причины страннаго увлеченія, которое овладѣло современнымъ обществомъ. Книга написана очень живо и заключаетъ въ себѣ массу любопытныхъ свѣдѣній, касающихся постепеннаго роста и развитія этой маніи, организаціи обществъ и важнѣйшихъ коллекцій. (Daily News).

«Indian Village Folk; their Works and Ways». Being a series of Life in the villages of India. By T. B. Pandian. (Elliot Stock's). Prix 4 s. 6 d. (Сельское населеніе въ Индіи). Авторъ книги самъ индіецъ, но получившій европейское воспитаніе. Тѣмъ не менѣе полученное имъ образованіе не оторвало его отъ родной почвы и онъ сохранилъ связь со своими родичами. Выросшій въ индійской деревушкѣ, авторъ хорошо знакомъ съ сельскою жизнью въ Индіи и съ нравами и особенностями ея сельскаго населенія. Простой и живой разсказъ автора сообщаетъ особенную жизненность всѣмъ его описаніямъ. Для людей, изучающихъ Индію, книга эта представляетъ неоцѣненный матеріалъ.

(Literary World).

«Joseph Arch; the story of his Life told by himself». Second edition. Prix 12 s. (Hutchinson and C°). (Іосифъ Арчъ. Исторія его жизни, разсказанная имъ самимъ). Въ высшей степени интересная и замѣчательная книга, такъ какъ исторія жизни и карьеры героя этой автобіографіи чрезвычайно поучительна. Къ книгѣ приложенъ очень хорошій портретъ. (Literary World).

«The Encyclopaedia of Social Reform» Edited by Wen. D. P. Bliss. Prix 30 s. (Funk and Wagnall's). (Энциклопедія соціальной реформы). Этотъ замѣчательный трудъ заключаетъ въ 1.400 страницахъ компактнаго текста все, что касается всѣхъ соціальныхъ движеній и причины этихъ движеній, въ которыхъ заинтересованъ въ настоящее время каждый цивилизованный народъ. Изложить, хотя бы даже въ краткихъ словахъ, содержаніе этой книги невозможно

и остается только перечислить ея отдѣльныя главы, трактующія объ экономикѣ, политической наукѣ, соціализмѣ, криминологіи, законахъ, протекціонизмѣ, избирательномъ правѣ женщинъ, народномъ образованіи и т. д. Такъ какъ трудъ этотъ американскаго происхожденія, то соціальнымъ движеніямъ Америки отводится болѣе выдающееся мѣсто. Большинство цитируемыхъ авторитетовъ также американскаго происхожденія; во всякомъ случаѣ многіе изъ соціальныхъ вопросовъ разсматриваются преимущественно съ американской точки зрѣнія. Большой интересъ представляетъ статья объ университетскихъ поселеніяхъ въ Англія и Америки.

(Literary World).

«In Sunny Isles» by George Lester (*Charles Kelly*). *Prix 3 s. 6 d.* (*Солнечные острова*). Книга эта представляетъ современный интересъ, такъ какъ въ ней заключается описаніе Кубы — этой «Жемчужины Антильскаго архипелага». Хорошо исполненные рисунки и виды мѣстностей, а также карта служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ тексту.

(Literary World).

«Life and Progress in Australasia» by Michael Davitt With two maps. (*Methnen and C°*). (*Жизнь и прогрессъ въ Австролазіи*). Авторъ этой книги, посвященной австралійскимъ колоніямъ, находитъ, что англійское общество слишкомъ мало интересуется внутреннею жизнью этихъ колоній и преимущественно обращаетъ вниманіе на золотопромышленное дѣло, да на развитіе спорта въ Австраліи. Между тѣмъ для политика и соціальнаго философа Австралія должна представлять громадный интересъ, такъ какъ именно въ этой странѣ производятся многіе соціальные эксперименты и на практикѣ примѣняются такіе принципы, которые въ другихъ странахъ имѣютъ исключительно спекулятивный и теоретическій характеръ. Авторъ называетъ Австралію страною свободныхъ рабочихъ націй, въ которой ни война, ни иностранная политика не производятъ своего деморализующаго вліянія и не препятствуютъ правильному развитію всѣхъ производительныхъ силъ колоній, и свободной, чуждой всякимъ постороннимъ вліяніямъ и соображеніямъ организаціи ихъ правительства. Съ этой точки зрѣнія Австралія не можетъ не обращать на себя вниманія Европы. Авторъ старается прослѣдить всю эволюцію колоній и, кромѣ того, помѣщаетъ цѣлый рядъ очень занимательныхъ очерковъ и анекдотовъ, характеризующихъ австралійскую жизнь.

(Daily News).

«Through China witha Camera» by John Thomson (*Constalband C°*). (*Черезъ Китай съ фотографической камерой*). Авторъ, совершившій путешествіе въ Китай и Формозу, описываетъ не только свои приключенія, но и стремится ознакомить читателя съ истиннымъ характеромъ китайскаго народа и китайскою жизнью въ связи съ современнымъ китайскимъ вопросомъ. Очень любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о различныхъ китайскихъ тайныхъ обществахъ и картинки китайской жизни и нравовъ, причемъ авторъ рисуетъ такія стороны китайской жизни, которыя указываютъ на глубокую и вѣковую испорченность этого народа. Около сотни иллюстрацій, рисунковъ карандашомъ и фотографическихъ снимковъ служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ интересному тексту.

(Daily News).

«Heroines of History» by Frank Mundell (*Sunday School Union*). (*Героини исторіи*). Въ книгѣ заключаются очерки жизни и дѣятельности различныхъ выдающихся женщинъ XVIII и XIX вѣка. Исторія всѣхъ этихъ героинь можетъ служить опорою женскому движенію, но представляетъ интересъ и съ общечеловѣческой точки зрѣнія.

(Bookseller).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

— Онъ, вѣроятно, очень нервенъ?

— Да, но стойкость у него удивительная. Пока онъ непотерялъ совершенно самообладанія отъ боли прошлою ночью, спокойствіе его было истинно поразительное, но къ концу мнѣ съ нимъ трудно приходилось. И какъ бы вы думали, сколько все это продолжается? Цѣлыхъ пять ночей. Ни души около него, кромѣ глупой хозяйки, которая не просыпается, если бы домъ провалился, да и совершенно безполезно, если бы она и проснулась.

— Ну, а его танцовщица?

— Не странно ли это? Онъ не подпускаетъ ее къ себѣ. У него какой-то болѣзненный ужасъ передъ ней. Это вообще одно изъ самыхъ непонятныхъ существъ, которое я когда-либо встрѣчалъ— цѣлый хаосъ противорѣчій.

Онъ вынулъ часы и взглянулъ на нихъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Я опоздаю въ госпиталь, но что же дѣлать? Моему ординатору придется на этотъ разъ начать безъ меня обходъ больныхъ. Какъ жаль, что я не зналъ раньше про болѣзнь Ривареса; нельзя было оставлять его въ такомъ состояніи столько ночей.

— Но почему же онъ не далъ знать, что онъ боленъ?—прервалъ Мартини.— Онъ бы могъ понять, что мы не оставимъ его одного въ такомъ положеніи.

— Какъ жаль, докторъ, — сказала Гемма,—что вы не послали за кѣмъ-нибудь изъ насъ вчера ночью, вмѣсто того, чтобы такъ изводить себя.

— Я хотѣлъ послать къ Галли, но Риваресъ былъ такъ внѣ себя отъ одной мысли объ этомъ, что я не рѣшился. Когда я его спросилъ, нѣтъ ли кого-нибудь, кого бы онъ хотѣлъ имѣть около себя, онъ посмотрѣлъ на меня съ минуту, какъ безумный, закрылъ глаза руками и сказалъ: «Не говорите имъ, они будутъ смѣяться!» Онъ совершенно помѣшанъ на мысли, что кто-то надъ нимъ смѣется. Я не могъ понять, въ чемъ дѣло. Онъ все говоритъ по испански. Но вѣдь больные говорятъ часто въ горячкѣ самыя невѣроятныя вещи.

— Кто же съ нимъ теперь?—спросила Гемма.

— Никого, кромѣ хозяйки и ея дѣвушки.

— Я сейчасъ пойду къ нему,—сказалъ Мартини.

— Спасибо, я зайду туда вечеромъ. Вы найдете бумагу съ инструкціями въ столѣ у большого окна, а опіумъ на полкѣ въ слѣдующей комнатѣ. Если опять начнутся боли, дайте ему еще одинъ пріемъ, но не больше одного. И не оставляйте опіума тамъ, гдѣ онъ можетъ достать его самъ, а то онъ слишкомъ часто будетъ повторять пріемы.

Когда Мартини вошелъ въ комнату съ завѣшанными окнами, Оводъ быстро повернулъ къ нему голову и, протягивая горячую руку, заговорилъ, неумѣло поддѣлываясь подъ свой обычный небрежный тонъ.

— А, Мартини, вы пришли выругать меня за корректуры? Но не сердитесь за то, что я не былъ вчера въ комитетѣ; я не совсѣмъ здоровъ и...

— Богъ съ нимъ, съ комитетомъ. Я только что видѣлъ Рикардо и пришелъ спросить, не могу ли я быть вамъ полезнымъ.

Оводъ постарался придать лицу выраженіе сухости.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ вы любезны. Но не стоитъ безпокоиться. Мнѣ только немножно не по себѣ.

— Такъ мнѣ Рикардо и сказалъ. Онъ пробылъ у васъ всю ночь, кажется.

Оводъ закусилъ губу отъ злости.

— Я чувствую себя отлично, благодарю васъ; мнѣ ничего не нужно.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ я посижу въ другой комнатѣ, если вы предпочитаете остаться одинъ. Я оставлю дверь открытой, чтобы вы могли меня позвать.

— Пожалуйста, не безпокойтесь, мнѣ ничего не нужно. Вы напрасно будете терять время.

— Бросьте эти глупости,—перебилъ Мартини рѣзкимъ голосомъ:—чего вы меня морочите? Глазъ у меня нѣтъ, что ли? Лежите и засните, если можете.

Онъ прошелъ въ смежную комнату и, оставивъ дверь открытой, сѣлъ съ книгой въ рукахъ. Вскорѣ онъ услышалъ, какъ Оводъ нѣсколько разъ безпокойно

зашевелился. Онъ отложилъ книгу и сталъ прислушиваться. Наступило короткое молчаніе, потомъ послышались опять безпокойныя движенія и прерывистое, тяжелое дыханіе человѣка, который стиснулъ губы, чтобы удержать стонъ. Онъ вернулся въ комнату больнаго.

— Чѣмъ бы вамъ помочь теперь, Риваресъ?

Отвѣта не послѣдовало, и онъ подошелъ къ постели. Оводъ посмотрѣлъ на него съ минуту дикимъ помертвѣвшимъ взглядомъ и молча покачалъ головой.

— Хотите опіуму? Рикардо сказалъ, чтобы я далъ вамъ, если боль усилится.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я могу еще немного потерпѣть. Потомъ, можетъ быть, станетъ хуже.

Мартини пожалъ плечами и сѣлъ около постели. Въ теченіе цѣлаго безконечнаго часа онъ молча слѣдилъ за больнымъ. Потомъ онъ всталъ и принесъ опіумъ.

— Риваресъ, такъ не можетъ больше продолжаться. Если вы можете выносить это, то я не могу. Возьмите лѣкарство.

Оводъ принялъ опіумъ, ничего не говоря. Потомъ онъ повернулся къ стѣнѣ и закрылъ глаза. Мартини опять сѣлъ и сталъ прислушиваться къ дыханію, которое становилось постепенно глубокимъ и ровнымъ. Оводъ былъ такъ истощенъ, что спалъ долго. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ лежалъ безъ всякаго движенія. Мартини подходилъ къ нему нѣсколько разъ въ теченіе дня и вечера и глядѣлъ на его неподвижное лицо, на которомъ не было никакихъ признаковъ жизни. Оно было такимъ безцвѣтнымъ и впавшимъ, что на Мартини напалъ внезапный ужасъ; что, если онъ далъ слишкомъ много опіуму? Искривленная лѣвая рука лежала на одѣялѣ, и Мартини слегка потрясъ ее, чтобы разбудить спящаго. Когда онъ это сдѣлалъ, не застегнутый рукавъ рубашки отвернулся, обнаживъ рядъ глубокихъ, страшныхъ шрамовъ, покрывавшихъ руку отъ кисти до локтя.

— Воображаю, въ какомъ состояніи была эта рука, когда шрамы были свѣжіе,—раздался голосъ Рикардо за нимъ.

— А, вотъ вы наконецъ. Посмотрите, Рикардо. Развѣ можно, чтобы онъ такъ долго спалъ. Я далъ ему опій десять часовъ тому назадъ, и онъ съ тѣхъ поръ не двинулъ ни однимъ мускуломъ.

Рикардо наклонился и сталъ прислушиваться.

— Нѣтъ, онъ отлично дышитъ. Онъ спитъ отъ истощенія, и это понятно послѣ такой ночи. Но до утра можетъ быть еще одинъ приступъ. Кто-нибудь, надѣюсь, будетъ дежурить здѣсь ночью,

— Да, Галли. Онъ прислалъ мнѣ сказать, что придетъ въ десять часовъ.

— Теперь уже около того. А вотъ онъ и просыпается. Велите дѣвушкѣ разогрѣть бульонъ. Тише, тише, Риваресъ. Нечего драться со мной, я не епископъ.

Оводъ вскочилъ съ испуганнымъ видомъ.

— Мой выходъ?—спросилъ онъ быстро по-испански. — Займите публику еще одну минуту. Я... Ахъ, я и не замѣтилъ васъ, Рикардо.

Онъ оглянулся вокругъ себя и провелъ рукой по лбу совершенно растерянный.

— Мартини, вы здѣсь! Я думалъ, что вы давно уже ушли. Я, вѣроятно, спалъ.

— Вы спали, подобно красавицѣ въ сказкѣ—десять часовъ, а теперь вамъ дадутъ бульону, и вы засните опять.

— Десять часовъ? Мартини—надѣюсь, вы не были здѣсь все это время?

— Я не уходилъ. Я испугался, что далъ вамъ слишкомъ много опіума.

Оводъ бросилъ на него лукавый взглядъ.

— Вотъ бы счастье было для васъ! Какія бы спокойныя пошли у васъ засѣданія въ комитетѣ. И на кой чортъ я вамъ нуженъ, Рикардо? Оставьте меня въ покоѣ, ради Бога; я ненавижу быть въ лапахъ у докторовъ.

— Ну, хорошо, выпейте это, и я оставлю васъ въ покоѣ. Я зайду дня черезъ два и хорошенько васъ осмотрю. Теперь самое худшее уже, кажется, прошло. Вы уже не имѣете вида мертвеца на пиру.

— Теперь уже все будетъ хорошо, спасибо. А это еще кто—Галли? Кажется, всѣ граціи собрались у меня сегодня.

— Я пришелъ провести у васъ ночь.

— Глупости, мнѣ никого не нужно. Отправляйтесь вы всѣ домой; если даже припадокъ повторится, вы помочь не можете. Не могу же я все время принимать опіумъ. Это хорошо одинъ разъ.

— Къ сожалѣнію, вы правы,—сказалъ Рикардо.—Но такъ трудно держаться этого мудраго рѣшенія.

Оводъ поднялъ глаза съ улыбкой.

— Не безпокойтесь. Если бы я хотѣлъ идти по этому пути, я бы уже давно это сдѣлалъ.

— Во всякомъ случаѣ, васъ теперь нельзя оставить одного,—сухо отвѣтилъ Рикардо.—Пойдемте въ другую комнату на минуту, Галли. Мнѣ нужно поговорить съ вами. Покойной ночи, Риваресъ; я зайду завтра.

Мартини хотѣлъ пойдти за ними, но услышалъ за собой мягкій окликъ. Оводъ протягивалъ ему руку.

— Благодарю васъ.

— Какія глупости. Спите лучше.

Послѣ ухода Рикардо Мартини остался нѣсколько минутъ въ другой комнатѣ, разговаривая съ Галли. Когда онъ потомъ вышелъ изъ дому, онъ услышалъ, какъ остановилась коляска у входа въ садъ и увидѣлъ женскую фигуру, вышедшую оттуда и приближавшуюся къ нему. Это была Зитта, которая, очевидно, возвращалась съ какого-нибудь вечера. Онъ поклонился и посторонился, чтобы дать ей пройти, потомъ вышелъ въ темную аллею, которая вела къ Поджіо Имперіалэ. Вдругъ ворота раскрылись и быстрые шаги приблизились по дорожкѣ.

— Подождите минуту, — сказала Зитта.

Онъ повернулся, чтобы пойти къ ней на встрѣчу; она остановилась и медленно пошла впередъ; одна ея рука все время скользила по забору. Ихъ освѣщалъ фонарь на углу улицы, и онъ увидѣлъ при этомъ свѣтѣ, что она стояла съ опущенной головой, чѣмъ-то смущенная или пристыженная.

— Въ какомъ онъ состояніи?—спросила она, не глядя на Мартини.

— Ему было гораздо лучше утромъ. Онъ спалъ цѣлый день и теперь не такъ истощенъ. Кажется, приступъ проходитъ.

Она все еще не поднимала глазъ.

— А было очень плохо?

— Какъ только можетъ быть плохо.

— Я такъ и думала. Когда онъ не пускаетъ меня къ себѣ, значитъ ему очень нехорошо.

— Съ нимъ часто случаются такіе припадки?

— Какъ приходится — очень неправильно. Прошлымъ лѣтомъ въ Швейцаріи онъ былъ совсѣмъ здоровъ. Но зимой передъ тѣмъ, когда мы были въ Вѣнѣ, было ужасно. Онъ не подпускалъ меня къ себѣ по цѣлымъ днямъ. Онъ не выноситъ моего присутствія, когда онъ боленъ.

Она взглянула на него на минуту и, опустивъ опять глаза, продолжала:

— Онъ всегда отсылаетъ меня куда-нибудь на балъ или на концертъ или подъ какимъ-нибудь другимъ предлогомъ, когда чувствуетъ, что припадокъ приближается. Онъ даже обыкновенно запирается у себя въ комнатѣ. Я иногда тихонько возвращалась и сидѣла за дверью, но онъ приходилъ въ ярость, когда узнавалъ объ этомъ. Онъ бы впустилъ собаку, если бы она визжала, но только не меня. Онъ, кажется, собаку больше любитъ, чѣмъ меня.

Въ ней замѣтно было странное, обиженное недовѣріе.

— Ну, теперь, я думаю, уже будетъ лучше,—ласковымъ тономъ сказалъ Мартини.—Докторъ Рикардо серьезно занялся его здоровьемъ. Можетъ быть, ему удастся поставить его совсѣмъ на ноги. Во всякомъ случаѣ, можно всегда облегчить страданія во время припадка. Въ другой разъ посылайте сразу за нами. Онъ бы меньше страдалъ, если бы мы раньше знали. Покойной ночи!

Онъ протянулъ руку, но она отдернула свою.

— Зачѣмъ вамъ пожимать руку его любовницы?

— Какъ хотите,—сказалъ онъ въ смущеніи.

Она топнула ногой по землѣ.

— Я ненавижу васъ,—крикнула она, глядя на него глазами, горящими, какъ раскаленные угли.—Я ненавижу васъ всѣхъ. Вы приходите сюда говорить съ нимъ о политикѣ, и онъ позволяетъ вамъ дежурить около него по ночамъ и да-

вать ему лѣкарства, а я не смѣю заглянуть въ дверь. Что онъ вамъ? Какое право вы имѣете приходить и отнимать его отъ меня? Я васъ ненавижу, ненавижу!

Она стала громко рыдать, вбѣжала обратно въ садъ и захлопнула калитку передъ нимъ.

— Боже,—сказалъ Мартини про себя, спускаясь по аллеѣ.—Вѣдь эта женщина его въ самомъ дѣлѣ любитъ. Вотъ странно!

VIII.

Выздоровленіе Овода пошло очень быстро. На слѣдующей недѣлѣ Рикардо засталъ его сидящимъ на диванѣ въ турецкомъ халатѣ; онъ разговаривалъ съ Мартини и Галли и даже поговаривалъ о томъ, чтобы пойти внизъ; но Рикардо разсмѣялся надъ этимъ намѣреніемъ и спросилъ, не хочетъ ли онъ для начала отправиться въ Фіезоле.

— Или, быть можетъ, пойдите нанести визитъ Грассини,—прибавилъ онъ коварно.—Я увѣренъ, что мадамъ Грассини будетъ въ восторгѣ, особенно теперь, когда у васъ такой блѣдный и томный видъ.

Оводъ трагически всплеснулъ руками.

— Господи, да я объ этомъ и не подумалъ. Она приметъ меня за итальянскаго мученика и будетъ говорить о патріотизмѣ. Мнѣ придется исполнить свою роль и разсказать ей, что меня изрубили на куски въ подземной тюрьмѣ и довольно плохо потомъ склеили. И ей захочется узнать въ точности, что я при этомъ чувствовалъ. Вы думаете, что она не повѣрила бы, Рикардо? Бьюсь объ закладъ, что ее можно убѣдить въ какой угодно небылицѣ. Принимаете пари? Если я проиграю даю вамъ свой индійскій кинжалъ; отъ васъ же потребую солитера въ спирту изъ вашего кабинета.

— Спасибо, я не люблю смертоносныхъ орудій.

— Но и солитеръ также убиваетъ, только онъ далеко не такъ красивъ.

— Во всякомъ случаѣ, дорогой мой, мнѣ не нуженъ кинжалъ, а нуженъ солитеръ. А теперь я бѣгу. Мартини, до которыхъ поръ вы дежурите у этого капризнаго больного?

— Только до трехъ, Галли, и я должны отправиться въ Санъ-Миньято, и синьора Болла будетъ здѣсь до моего возвращенія.

— Синьора Болла?—повторилъ Оводъ съ тревогой.—Нѣтъ, Мартини, это невозможно. Нельзя, чтобы дама занималась мною и моими болѣзнями. А затѣмъ, гдѣ я ее приму? Не можетъ же она сидѣть здѣсь?

— Съ которыхъ поръ вы стали такимъ церемоннымъ?—спросилъ Рикардо, смѣясь.—Синьора Болла, милый мой, ухаживаетъ за всѣми нами, когда это нужно. Она была сидѣлкой при больныхъ, еще когда ходила въ коротенькихъ юпочкахъ, и умѣетъ ухаживать лучше всякой сестры милосердія. Какъ она придетъ въ вашу комнату? Да вы говорите о ней, какъ о мадамъ Грассини. Мнѣ нечего оставлять инструкцій для нея. Однако уже половина третьяго, мнѣ пора. А теперь, Риваресъ, возьмите лѣкарство до ея прихода,—сказалъ Галли, подходя къ дивану со стаканомъ въ рукахъ.

— Къ чорту лѣкарство!—Оводъ былъ въ раздраженномъ состояніи, свойственномъ выздоравливающимъ, и порядочно мучилъ своихъ преданныхъ врачей.

— З...зачѣмъ мучить м...меня этой дрянью, когда боль прошла?

— Какъ разъ для того, чтобы она не вернулась. Вамъ вѣдь не хочется, чтобы припадокъ случился при синьорѣ Боллѣ, и ей пришлось бы давать вамъ опіумъ.

— Л...любезный д...докторъ, если боль должна вернуться, она вернется; это не зубная боль, которую можно напугать вашими микстурами. Онѣ такъ же помогаютъ, какъ и...г...г...рушечная лейка воды припожарѣ. Но, очевидно, мнѣ все-таки придется уступить.

Онъ взялъ стаканъ лѣвой рукой, и видъ ужасныхъ шрамовъ напомнилъ Галли предметъ прежняго разговора.

— Кстати,—спросилъ онъ:—какъ это вы такъ искалѣчили себя? на войнѣ, вѣроятно?

— Да вѣдь я только что вамъ разсказывалъ о тайныхъ тюрьмахъ и...

— Это версія для синьоры Грассини. Но, серьезно, это вѣдь слѣды Бразильской кампаніи?

— Да, я тамъ нѣсколько пострадалъ, а потомъ еще были несчастія на охотѣ въ дикихъ мѣстностяхъ и разныя другія приключенія.

— Вѣроятно, во время вашей ученой экспедиціи? Вы тогда, кажется, пережили тяжелое время.

— Конечно, нельзя жить въ дикихъ странахъ безъ всякихъ приключеній,— сказалъ Оводъ небрежнымъ тономъ, и не всегда эти приключенія пріятны.

— Все-таки я не понимаю, что могло васъ такъ изувѣчить, кромѣ развѣ борьбы съ дикими звѣрями? Вотъ эти шрамы, напримѣръ, на лѣвой рукѣ.

— Ахъ да, это послѣдствія одной охоты. Видите ли, я выстрѣлилъ...

Раздался стукъ въ дверь.

— Комната въ порядкѣ, Мартини, да? Тогда, пожалуйста, откройте двери. Какъ вы любезны, синьора. Простите, что я не могу встать и пойти вамъ на встрѣчу.

— Ради Бога не вставайте, я пришла не какъ гостья. Я пришла нѣсколько раньше, Чезаре, я думала, что вамъ, можетъ быть, нужно спѣшить.

— Я могу еще остаться здѣсь четверть часа. Дайте, я отнесу вашъ плащъ въ другую комнату. Корзинку тоже туда поставить?

— Осторожно, тамъ свѣжія яйца. Кэтти принесла ихъ сегодня утромъ изъ Монте-Оливетто; тутъ и нѣсколько рождественскихъ розъ для насъ, синьоръ Ривココъ; я знаю, что вы любите цвѣты.

Она сѣла къ столу, стала очищать стебли цвѣтовъ и вставлять ихъ въ вазу.

— Ну, Ривaресъ,—сказалъ Галли:— разскажите намъ конецъ вашего приключенія на охотѣ. Вы остановились на самомъ началѣ.

— Хорошо. Галли разспрашивалъ меня о моей жизни въ Южной Америкѣ, синьора, и я разсказывалъ ему, какъ я тамъ искалѣчилъ лѣвую руку. Это было въ Перу, мы шли бродомъ по рѣкѣ; я спустилъ курокъ, но выстрѣла не послѣдовало; порохъ оказался подмоченнымъ. Конечно, звѣрь не ждалъ, чтобы я исправилъ свою оплошность, и вотъ послѣдствія нашего столкновенія.

— Воображаю, какой это былъ ужасъ.

— Вовсе ужъ не такъ страшно. Конечно, приходилось переживать много дурного вмѣстѣ съ хорошимъ, но въ общемъ это чудная жизнь. Вотъ, напримѣръ, ловля змѣй...

Онъ продолжалъ болтать, разсказывалъ одинъ анекдотъ за другимъ, то объ аргентинской войнѣ, то о бразильской экспедиціи, объ охотничьихъ приключеніяхъ и встрѣчахъ съ дикарями или дикими звѣрями. Галли, слушавшій его разсказы съ напряженіемъ ребенка, которому разсказываютъ волшебныя сказки, прерывалъ его ежеминутно разными вопросами. Онъ былъ впечатлительный неаполитанецъ, любившій все сенсаціонное. Гемма вынула вязанье изъ корзинки и слушала, молча работая и опустивъ глаза. Мартини нахмурился и безпокойно двигался на своемъ стулѣ. Ему не нравился хвастливый, какъ ему казалось, и самодовольный тонъ разсказчика; несмотря на свое невольное изумленіе предъ человѣкомъ, который такъ мужественно выноситъ физическую боль, онъ искренне не любилъ Овода, его слова и манеры.

— Вотъ, должно быть, дивная жизнь,— вздохнулъ Галли съ наивной завистью:— не понимаю, какъ это вы рѣшились покинуть Бразилію! Всѣ другія страны должны казаться потомъ такими скучными.

— Мнѣ кажется, что пріятнѣе всего было жить въ Перу и Экуадорѣ,—сказалъ Оводъ:—вотъ это, въ самомъ дѣлѣ, изумительная страна. Конечно, тамъ очень жарко, въ особенности вдоль морского берега Экуадара, и трудно освоиться съ климатомъ, но красота мѣстъ превосходитъ всякое воображеніе.

— Мнѣ кажется,—сказалъ Галли,— что полная свобода жизни въ дикой странѣ гораздо привлекательнѣе всякихъ красотъ природы. Тамъ человѣкъ долженъ чувствовать свое человѣческое достоинство такъ сильно, какъ нигдѣ въ нашихъ густо населенныхъ городахъ.

— Да,—отвѣтилъ Оводъ:—то есть...

Гемма подняла глаза отъ своего вязанья и посмотрѣла на него. Онъ вдругъ густо покраснѣлъ и остановился на полусловѣ. Наступило короткое молчаніе.

— Неужели опять начинается припадокъ?—съ тревогой спросилъ Галли.

— О, нѣтъ, пустяки. Вы уже уходите, Мартини.

— Да, пойдемъ, Галли. Мы опоздаемъ,

Гемма вышла проводить ихъ и тотчасъ же вернулась, держа въ рукахъ стаканъ молока съ взбитымъ яйцомъ.

— Выпейте это, пожалуйста,—сказала она кротко, но рѣшительно, и опять усѣлась вязать.

Оводъ покорно исполнилъ приказаніе.

Въ теченіе получаса оба молчали. Потомъ Оводъ сказалъ очень тихо:

— Синьора Болла!

Она взглянула на него. Онъ теребилъ бахрому плэда и не поднималъ глазъ.

— Вы не повѣрили тому, что я разсказывалъ?—началъ онъ.

— Я ни на минуту не сомнѣвалась, что все это выдумано,—спокойно сказала она.

— Вы совершенно правы. Я все время вралъ.

— То-есть, когда вы разсказывали о войнѣ?

— Да и обо всемъ другомъ. Я совсѣмъ не былъ на войнѣ, а что касается экспедиціи, то, конечно, у меня были кой-какія приключенія, и многое изъ того, что я разсказывалъ, правда, но не тамъ мнѣ искалѣчили руку. Вы накрыли меня въ одной лжи, такъ ужъ лучше я признаюсь во всемъ.

— Развѣ вамъ не кажется напрасною тратою силъ выдумывать столько лжи?—сказала она.—Мнѣ кажется, что едва ли это стоитъ труда.

— Что же дѣлать? Вы вѣдь знаете англійскую пословицу: «не предлагай вопросовъ, и тебѣ не будутъ лгать въ отвѣтъ». Мнѣ вовсе непріятно обманывать людей такимъ образомъ, но долженъ же я отвѣчать имъ что-нибудь, когда меня спрашиваютъ, гдѣ я сталъ калѣкой, и ужъ если выдумывать, то нужно сдѣлать это, по возможности, интереснѣе. Вы видѣли, какъ мои разсказы понравились Галли.

— Развѣ вы хотите лучше нравиться Галли, чѣмъ говорить правду?

— Правду?—Онъ взглянулъ на нее, держа въ рукахъ оторванный кусокъ бахромы.—Неужели вы хотѣли бы, чтобы я сказала этимъ людямъ правду? Лучше вырвать себѣ языкъ.

Затѣмъ онъ прибавилъ странно робкимъ, отрывистымъ голосомъ:

— Я никому еще не говорилъ правды до сихъ поръ, но я скажу вамъ, если вы хотите выслушать.

Она молча сложила вязанье. Она видѣла нѣчто глубоко трагическое въ этомъ странномъ, непривлекательномъ сухомъ человѣкѣ, который вдругъ хочетъ излить свою душу передъ женщиной, едва ему знакомой и внушающей ему непріязненное чувство.

Послѣдовало долгое молчаніе. Она взглянула на него: онъ оперся о маленькій столикъ, стоявшій около него, прикрылъ глаза изувѣченной рукой, и она замѣтила нервную напряженность пальцевъ и вздувшіеся отъ волненія края шрама на кисти руки. Она подошла къ нему и мягкимъ голосомъ назвала его по имени. Онъ весь вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Я з...забылъ,—сказалъ онъ, заикаясь:—я с...соб...бирался с...сказать вамъ...—О приключеніи, въ которомъ вы пострадали. Но если вамъ непріятно...—О приключеніи? А, это вы про драку. Никакого не было приключенія, а была кочерга.

Она взглянула на него съ изумленіемъ. Онъ откинулъ назадъ волосы дрожащей рукой и глядѣлъ на нее, улыбаясь.

— Не присядете ли вы? Пододвиньте ближе кресло, пожалуйста. Мнѣ такъ жалко, что я не могу услужить вамъ. Право, какъ я объ этомъ подумаю, я вижу, что т...тогдашн...няя ист...т...орія была бы прямо н-находкой для Рикардо, еслибъ ему пришлось лѣчить меня. У него настоящая докторская страсть къ поломаннымъ костямъ, а, кажется, тогда все, что во мнѣ могло ломаться, было сломано, за исключеніемъ шеи.

— И вашего мужества,—прибавила она:—но, можетъ быть, вы это качество причисляете къ тому, что у васъ есть несокрушимаго.

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ:—мужество мое было потомъ кое-какъ подправлено

вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ. Тогда оно было совсѣмъ разбито, какъ разбитая въ дребезги чашка... это-то и самое ужасное. Ну, да я началъ вамъ говорить про исторію съ кочергой.

Это было около тринадцати лѣтъ тому назадъ, въ Лимѣ. Я говорилъ вамъ, что Перу дивная страна, что тамъ пріятно жить; но только для бѣдняковъ, каковымъ я тогда былъ, жизнь эта менѣе пріятна. Я сначала былъ въ Аргентинѣ, потомъ въ Чили; бродилъ по всей странѣ и большею частью голодалъ. Изъ Вальпарайзо я отправился на кораблѣ, везущемъ скотъ; тамъ я служилъ поденщикомъ. Въ самой Лимѣ я не досталъ работы и поэтому отправился въ доки— они расположены въ Каллао—чтобы тамъ попытать счастье. Конечно, во всѣхъ такихъ портахъ есть грязные притоны, куда собираются матросы и путешественники, сошедшіе не берегъ.

Черезъ нѣсколько времени я поступилъ слугой въ одинъ изъ тамошнихъ игорныхъ домовъ. Я долженъ былъ быть поваромъ и билльярднымъ маркеромъ, услуживать матросамъ и ихъ женщинамъ и т. д.—не особенно пріятное это было занятіе, но и ему я былъ радъ: по крайней мѣрѣ, было, что ѣсть и я имѣлъ возможность видѣть человѣческія лица и слышать человѣческіе голоса, какіе бы они ни были. Вы, быть можетъ, думаете, что это не особенная радость, но я какъ разъ тогда только что оправился отъ желтой горячки; послѣ долгаго одинокаго лежанья въ ужасной заброшенной хижинѣ, у меня былъ ужасъ передъ одиночествомъ. Разъ ночью мнѣ велѣли вытолкать за двери пьянаго матроса, который началъ буянить. Онъ въ тотъ день высадился на берегъ, проигралъ всѣ свои деньги и очень разсвирѣпѣлъ. Конечно, я долженъ былъ исполнить приказаніе, чтобы не потерять мѣста и снова не голодать. Но матросъ былъ въ два раза сильнѣе меня—мнѣ тогда было не болѣе двадцати одного года, и, кромѣ того, у него въ рукахъ была кочерга.

Онъ остановился на минуту, робко взглянулъ на нее и потомъ продолжалъ:

— Очевидно, онъ хотѣлъ меня убить на мѣстѣ, но не съумѣлъ выполнить своего намѣренія,—все это удивительно неумѣлый народъ. Онъ оставилъ меня какъ разъ настолько недобитымъ, чтобы я могъ продолжать жить.

— Ну, а другіе не вмѣшались? Неужели всѣ вмѣстѣ испугались одного.

Онъ взглянулъ на нее и расхохотался.

— *Другіе?* Т.-е., игроки и хозяева? Какъ вы ничего не понимаете! Вѣдь это были негры, китайцы и всякій сбродъ, а я былъ ихъ слуга, *ихъ собственность*. Они стояли вокругъ и, конечно, только радовались. Такого рода происшествія считаются тамъ развлеченіемъ; и это въ самомъ дѣлѣ забавно, если вы случайно не оказываетесь объектомъ веселья.

Она вздрогнула.

— И чѣмъ же это кончилось?

— Не могу вамъ сказать въ точности. Обыкновенно, теряешь всякую память на нѣсколько времени послѣ такого приключенія. Но оказался вблизи морской хирургъ, и такъ какъ, очевидно, кому-то показалось, что я еще не совсѣмъ мертвый, то его и позвали. Онъ кое-какъ меня склеилъ—Рикардо полагаетъ, что сдѣлалъ онъ это довольно скверно, но, можетъ быть, онъ говоритъ это изъ профессіональной зависти. Какъ бы то ни было, когда я пришелъ въ себя, какая-то старая туземка взяла меня къ себѣ изъ христіанскаго милосердія— не правда ли, какъ это странно? Она сидѣла обыкновенно скорчившись въ углу своей хижины, курила черную трубку, плевала на полъ и что-то бормотала себѣ въ носъ. Но все-таки она была очень доброй: она сказала, что я могу умереть мирно, и что никто не будетъ меня безпокоить. Но духъ противорѣчія былъ еще очень силенъ во мнѣ. Я рѣшилъ остаться въ живыхъ. Было довольно мудрено выползти снова на свѣтъ Божій. Иногда мнѣ казалось, что игра не стоитъ свѣчей.

Терпѣніе старухи было удивительное. Я лежалъ очень долго, — около четырехъ мѣсяцевъ,—въ ея хижинѣ, безумствовалъ и рычалъ какъ медвѣдь, у котораго болитъ ухо. Боль была порядочная, а у меня остался съ дѣтства испор-

ченный характеръ, — меня избаловали дома.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ я кое-какъ оправился, и выползъ на свѣтъ. Не думайте, что меня смущало то, что я пользовался добротой бѣдной женщины — о такихъ вещахъ я уже не думалъ; просто, мнѣ стало не въ моготу оставаться у нея! Вотъ вы теперь говорите о моемъ мужествѣ. Видѣли бы вы меня тогда. Боль усиливалась обыкновенно къ вечеру, въ сумерки, а въ теченіе дня я лежалъ одинъ и смотрѣлъ, какъ солнце опускается все ниже и ниже... О, вы не можете этого понять! Я и теперь не могу смотрѣть на заходъ солнца безъ ужаса.

Оводъ замолчалъ.

— Ну, такъ вотъ,—началъ онъ нѣсколько времени спустя,—я отправился искать работы въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Я бы съ ума сошелъ, оставаясь въ Лимѣ. Отправился я сначала въ Кузко, а потомъ... право, я не знаю, зачѣмъ я вамъ разсказываю всѣ эти старинныя исторіи. Онѣ даже не занятны.

Она подняла глаза и посмотрѣла на него глубокимъ серьезнымъ взглядомъ.

— *Пожалуйста*, не говорите въ этомъ тонѣ,—сказала она.

Онъ закусилъ губы и сталъ опять обрывать бахрому.

— Продолжать? — спросилъ онъ черезъ минуту.

— Да, если хотите. Но я боюсь, что вамъ тяжело вспоминать все это.

— Вы думаете, я забываю, когда молчу? Тогда еще хуже. Но не думайте, что меня преслѣдуетъ воспоминаніе о томъ, что случилось. Самое страшное то, что я потерялъ власть надъ собой.

— Я не совсѣмъ понимаю.

— Я говорю, что самое страшное было то, что наступилъ конецъ моей храбрости, и что оказался я трусомъ.

— Но вѣдь есть же границы всякому терпѣнію.

— Да, и тотъ, кто переступилъ эту границу, не можетъ знать, когда онъ вернется къ ней.

— Можете вы сказать мнѣ, — сказала она нерѣшительно:—какимъ образомъ вы очутились въ Америкѣ одинъ, въ двадцать лѣтъ?

— Очень просто. На родинѣ моя жизнь обѣщала сложиться прекрасно, а я бросилъ все и убѣжалъ.

— Почему?

Онъ снова засмѣялся рѣзкимъ, отрывистымъ смѣхомъ.

— Почему? Очевидно, потому, что я былъ нелѣпымъ гордымъ мальчишкой. Я выросъ въ очень богатомъ домѣ и былъ такъ окруженъ заботливостью о себѣ, что міръ казался мнѣ сдѣланнымъ изъ розовой ваты и обсахаренныхъ миндалей. Затѣмъ, я разъ открылъ, что человѣкъ, которому я довѣрялъ, обманулъ меня... Что съ вами? Почему вы такъ вздрогнули?

— Ничего, продолжайте.

— Я открылъ, что меня обманываютъ, хотятъ, чтобы я повѣрилъ неправдѣ—открытіе самое простое, какъ видите. Но вѣдь я сказалъ вамъ, что былъ молодъ и гордъ, и думалъ, что лгунамъ мѣсто въ аду. Тогда я убѣжалъ изъ дому и отправился въ Южную Америку, чтобы погибнуть или вынырнуть, какъ придется. Въ карманѣ у меня не было ни гроша, и я не зналъ ни слова по-испански и ничего не имѣлъ для заработка хлѣба, кромѣ бѣлыхъ рукъ и привычекъ къ роскошной жизни. Результатъ былъ тотъ, что мнѣ пришлось окунуться въ настоящій адъ, вмѣсто того, чтобы придумывать поддѣльный. Окунулся я туда довольно глубоко какъ разъ пять лѣтъ передъ тѣмъ, какъ экспедиція Дюпреса вернула меня къ жизни.

— Пять лѣтъ! Какой ужасъ! И у васъ не было друзей?

— Друзей? У меня?—сказалъ онъ съ внезапнымъ раздраженіемъ:—у меня *никогда* не было друзей.

Черезъ минуту онъ, какъ будто устыдился своей рѣзкости, и продолжалъ:

— Не принимайте это слишкомъ въ серьезъ. Въ сущности, я слишкомъ очернилъ свою жизнь на чужбинѣ; первые два года мнѣ вовсе не было такъ скверно. Я былъ молодъ и силенъ и отлично пробивалъ себѣ путь до тѣхъ поръ, пока проклятый матросъ не изувѣчилъ меня. Съ тѣхъ поръ я не могъ достать работы.

Кочерга замѣчательно ловкая штука, если умѣть ею владѣть и, конечно, никто не хотѣлъ дать мѣста калѣкѣ.

— Но чѣмъ же вы стали заниматься тогда?

— Чѣмъ могъ. Нѣсколько времени я жилъ случайной работой для негровъ на сахарныхъ плантаціяхъ, былъ носильщикомъ. Чрезвычайно любопытно, между прочимъ, что рабы всегда стараются имѣть рабовъ въ свою очередь и нѣтъ ничего отраднѣе для негра, чѣмъ глумиться надъ бѣлымъ рабомъ. Но и это не удавалось мнѣ; я не могъ при моей хромотѣ быстро работать, и никакъ не могъ носить очень тяжелыхъ вещей; затѣмъ у меня постоянно бывали припадки горячки или какой-то другой проклятой болѣзни.

Черезъ нѣсколько времени я отправился въ серебряные рудники и старался тамъ найти себѣ работу, но это было ни къ чему.

Хозяева смѣялись при одной мысли о томъ, что меня можно взять на службу, а сами рабочіе страшно меня преслѣдовали.

— Почему же?

— Да такъ уже, по человѣческой природѣ. Они видѣли, что у меня только одна рука для обороны. Тамъ все отвратительный народъ, смѣшанныя расы, большею частью негры и замбосы, ужасные индійскіе кули. Наконецъ, мнѣ все это надоѣло, и я сталъ шататься по странѣ, куда глаза глядятъ, надѣясь, что попадется какая-нибудь работа.

— Пѣшкомъ, съ больной ногой?

Онъ взглянулъ на нее страдальческимъ жалкимъ взглядомъ.

— Я... я былъ голоденъ, — сказалъ онъ.

Она отвернула голову и оперлась на руку подбородкомъ. Черезъ минуту онъ опять началъ говорить, и голосъ его становился все болѣе и болѣе тихимъ.

— Ну, такъ вотъ, я ходилъ, ходилъ, пока чуть не лишился разсудка отъ ходьбы, и ни къ чему это не привело. Я пришелъ въ Экуадоръ, а тамъ было хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Иногда мнѣ попадалась работа жестянника, — я довольно хорошій жестянникъ, или меня посылали куда-нибудь съ порученіями, или давали чистить хлѣвъ. Иногда же... даже ужъ не помню что. И наконецъ, однажды...

Тонкая, смуглая рука Овода сжалась въ кулакъ. Онъ ударилъ по столу, и Гемма, поднявши голову, тревожно взглянула на него. Къ ней обращенъ былъ его профиль и она увидѣла, какъ билась жила у виска быстрымъ неровнымъ движеніемъ.

Она наклонилась къ нему и, прикасаясь къ его рукѣ, сказала ласково:

— Лучше не продолжать — слишкомъ страшно.

Онъ нерѣшительно взглянулъ на нее, покачалъ головой и продолжалъ твердымъ голосомъ.

— Однажды я встрѣтилъ бродячій циркъ. Помните то представленіе, на которомъ мы были вмѣстѣ? Американскій циркъ былъ въ томъ же родѣ, только болѣе грубый и непристойный. Замбосы не похожи на утонченныхъ флорентинцевъ: имъ нравится только грубое и пошлое. Конечно, въ представленіе входилъ и бой быковъ. Цирковая труппа расположилась на ночь у большой дороги, и я подошелъ къ нимъ, прося милостыни. Погода стояла жаркая, я былъ еле живой отъ голода и лишился чувствъ, подойдя къ палаткамъ. У меня въ это время была странная способность падать въ обморокъ при всякомъ случаѣ, какъ затянутая въ корсетъ школьница. Меня подобрали, дали коньяку, накормили, а затѣмъ на слѣдующее утро предложили мнѣ...

Онъ опять замолчалъ на минуту.

— Имъ нуженъ былъ горбунъ или какой-нибудь уродъ для того, чтобы мальчишкамъ было въ кого бросать апельсинами и бананными корками, — какое-нибудь посмѣшище для негровъ. Вы видѣли шута въ тотъ вечеръ? Ну, вотъ, я былъ такимъ шутомъ цѣлыхъ два года. Вы, вѣроятно, питаете всякаго рода гуманныя чувства къ неграмъ и китайцамъ. Подождите, пока вы очутитесь въ ихъ власти.

Я научился всякаго рода штукамъ; я не былъ достаточно изуродованъ, но этому пособили, сдѣлавъ исскуственный горбъ и воспользовавшись какъ можно

лучше этой рукой и ногой. Замбосы не очень требовательны. Они легко довольствуются, если только имъ дать помучить живое существо. Кромѣ того, шутовской нарядъ довершаетъ впечатлѣніе.

Единственное за трудненіе было въ томъ, что я былъ такъ часто боленъ и неспособенъ выходить на сцену. Иногда, когда директоръ цирка былъ сердитъ, онъ настаивалъ на моемъ выходѣ на арену даже тогда, когда у меня были припадки, и кажется, что публика больше всего любила именно такія представленія. Разъ, я помню, я упалъ въ обморокъ отъ боли среди представленія — когда я опять пришелъ въ себя, публика столпилась вокругъ меня, съ крикомъ и гикомъ и забрасывала меня—

— Перестаньте, я больше не могу слушать. Ради Бога, перестаньте!

Она встала, затыкая уши пальцами. Онъ остановился и увидѣлъ, что на глазахъ ея сверкали слезы.

— Чортъ возьми, какой я идіотъ!— сказалъ онъ вполголоса.

Она отошла отъ него и нѣсколько времени стояла у окна. Когда она опять обернулась, Оводъ снова оперся на столъ и закрылъ глаза рукой. Онъ, очевидно, забылъ объ ея присутствіи, и она сѣла рядомъ съ нимъ, не говоря ни слова. Послѣ долгаго молчанія она заговорила, медленно растягивая слова.

— Я хочу предложить вамъ вопросъ.

— Да?—сказалъ онъ, не двигаясь

— Почему вы не зарѣзались въ то время?

Онъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Отъ *васъ* я не ожидалъ такого вопроса,—сказалъ онъ:—ну, а мое дѣло? На кого бы я его оставилъ?

— Ваше дѣло? Да, я понимаю. Вы только что говорили о трусости. Если вы прошли черезъ все это и продолжали идти къ своей цѣли, вы самый храбрый человѣкъ на свѣтѣ.

Онъ снова закрылъ глаза рукой и крѣпко сжалъ ея руку. Молчаніе, которое, казалось, никогда уже не кончится, водворилось вокругъ нихъ.

Вдругъ свѣжее, чистое сопрано прозвучало снизу изъ сада, и раздались звуки веселой французской пѣсенки:

«Eh, Pierrôt! Danse Pierrot!
Danse un peu, mon pauvre Jeannot?
Vive la danse et l'allégresse!
Jouissons de nôtre bell' jeunesse!
Si moi je pleure, ou moi je soupire,
Si moi je fais la triste figure
Monsieur ce n'est que pour rire!
Ha! Ha, ha, ha!
Monsieur, ce n'est que pour rire!»

При первыхъ же словахъ Оводъ откинулся назадъ въ креслѣ съ глухимъ стономъ. Гемма взяла его за руку и крѣпко сжала ее, какъ сжимаютъ руку человѣка во время тяжелой операціи.

Когда пѣсня оборвалась, и изъ сада раздались звуки смѣха и аплодисментовъ, онъ взглянулъ на нее съ видомъ раненаго животнаго.

— Да, это Зитта,—сказалъ онъ медленно, — съ ея друзьями офицерами. Она хотѣла придти въ первый вечеръ до прихода Рикардо. Я съ ума сошелъ бы, еслибъ она дотронулась до меня.

— Но она вѣдь не знаетъ, — возразила мягко Гемма:—и не можетъ подозрѣвать, что доставляетъ вамъ боль.

— Она такая же, какъ всѣ креолки,— отвѣтилъ онъ, содрагаясь.—Помните лицо ея въ тотъ вечеръ, когда мы возились съ нищимъ мальчишкой. Такъ выглядятъ всѣ креолки, когда смѣются.

Новый взрывъ хохота раздался изъ сада. Гемма встала и открыла окно. Зитта стояла посреди дорожки. На голову ея былъ кокетливо накинутъ вышитый золотомъ шарфъ, и она держала высоко въ рукѣ букетъ фіалокъ, за обладаніе которымъ боролись три молодыхъ кавалериста.

— Мадамъ Ренни,—сказала Гемма.

Лицо Зитты потемнѣло, какъ бы омраченное грозовой тучей.

— Что угодно, сударыня? — сказала она, оборачиваясь и поднимая глаза съ недовѣрчивымъ видомъ.

— Нельзя ли, чтобы ваши друзья говорили немножко тише. Синьоръ Риваресъ очень нездоровъ.

Цыганка бросила фіалки на землю.

— Allez-vous en,—сказала она офицерамъ:—vous m'embêtez, messieurs!

Она медленно вышла изъ сада на дорогу. Гемма закрыла окно.

— Они ушли,—сказала она, оборачиваясь къ Оводу.

— Благодарю васъ. Я очень жалѣю, что обезпокоилъ васъ.

— Какое же это безпокойство?

Онъ сразу замѣтилъ нерѣшимость въ ея голосѣ.

— А что же?—сказалъ онъ:— вы не кончили своей фразы, синьора Болла. Какое-то «но» осталось въ вашемъ умѣ.

— Если думать о томъ, что у людей на умѣ, нельзя и обижаться, угадывая ихъ мысли. Конечно, мнѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться, но я не могу понять...

— Моего отвращенія къ m-me Ренни? Но оно является только, когда...

— Нѣтъ, я не понимаю, какъ вы можете выносить ея общество при такомъ отвращеніи. Мнѣ кажется, это оскорбительно для нея, какъ для женщины, и какъ...

— Женщины?—Онъ расхохотался съ рѣзкостью въ голосѣ.

— Это вы называете женщиной? Madame, ce n'est que pour rire.

— Какъ это некрасиво, — сказала она:—вы не имѣете права говорить о ней такимъ образомъ передъ кѣмъ бы то ни было, въ особенности передъ другой женщиной.

Онъ отвернулся и лежалъ съ широко раскрытыми глазами, выглядывая изъ окна на заходящее солнце. Она опустила шторы, чтобы онъ не могъ видѣть захода солнца, потомъ сѣла и снова взяла свое вязанье.

— Не зажечь ли лампу? — спросила она черезъ минуту. Онъ отрицательно покачалъ головой.

Когда стало слишкомъ темно для работы, Гемма свернула вязанье и положила его въ корзинку. Нѣсколько времени она сидѣла, сложивъ руки и тихо глядя на неподвижное лицо Овода. Смутный вечерній свѣтъ, падая на его лицо, смягчалъ его твердое насмѣшливое и самонадѣянное выраженіе и углублялъ трагическія складки вокругъ рта.

По какой-то странной ассоціаціи мыслей, память ея вернулась къ каменному кресту, воздвигнутому ея отцомъ въ память Артура и къ надписи на крестѣ:

«Всѣ волны и бури прошли надо мной».

Прошелъ часъ въ полномъ молчаніи. Наконецъ, она встала и тихо вышла изъ комнаты. Вернувшись съ лампой, она на минуту остановилась, думая, что Оводъ спитъ. Когда свѣтъ упалъ на его лицо, онъ обернулся.

— Я вамъ приготовила чашку кофе,— сказала она, поставивъ лампу.

— Поставте чашку на столъ и подойдите на минутку сюда.

Онъ взялъ обѣ ея руки въ свои.

— Я думалъ о вашихъ словахъ,— сказалъ онъ:—вы совершенно правы, я завязалъ некрасивый узелъ въ жизни. Но подумайте, не всегда встрѣчаешь женщину, которую можешь любить, а я побывалъ въ страшныхъ передѣлкахъ. Я боюсь...

— Боитесь?

— Темноты. Иногда я не *рѣшаюсь* оставаться одинъ ночью. Мнѣ нужно что-нибудь живое, что-нибудь осязательное около меня. Полная тьма, гдѣ... Нѣтъ, нѣтъ, это не то. Это только игрушечный адъ. Но дѣло во *внутренней* темнотѣ: тамъ нѣтъ ни плача, ни скрежета зубовъ, только молчаніе .. молчаніе...

Глаза его расширились. Она сидѣла молча, еле дыша, пока онъ не заговорилъ снова:

— Все это вамъ кажется фантазіей, не правда ли? Вы не можете понять меня? Тѣмъ лучше для васъ. Но я хочу сказать, что навѣрное сошелъ бы съ ума, если бы попробовалъ жить въ одиночествѣ. Не судите меня слишкомъ строго, я не совсѣмъ-то грубое животное, какимъ вы, быть можетъ, воображаете меня.

— Я не могу судить васъ,—сказала она: — я не страдала столько, сколько вы. Но я тоже испытала много тяжелаго, только иначе, и мнѣ кажется,—я даже увѣрена, — что если изъ страха сдѣлать нѣчто истинно жестокое и несправедливое, то потомъ наступаетъ тяжелое раскаяніе. Но, помимо этого, вы удивительно какъ устояли—я на вашемъ мѣстѣ совсѣмъ бы пала, прокляла бы Бога и умерла.

Онъ все еще держалъ ея руки въ своихъ.

— Скажите,—спросилъ онъ тихимъ голосомъ,—совершали ли вы въ своей жизни что-нибудь истинно жестокое?

Она не отвѣчала, но опустила голову и крупныя слезы упали на его руки.

— Скажите мнѣ,—шепнулъ онъ возбужденно, все крѣпче сжимая руки:—скажите, я вѣдь высказалъ вамъ все свое горе.

— Да, одинъ разъ, много лѣтъ тому назадъ... я совершила жестокость по отношенію къ человѣку, котораго любила больше всего на свѣтѣ.

Руки, сжимавшія ее, сильно дрожали, но не выпускали ея рукъ.

— Онъ былъ моимъ товарищемъ,—продолжала она,—и я повѣрила клеветѣ противъ него, нелѣпой, очевидно, лжи, выдуманной полиціей. Я ударила его въ лицо, какъ предателя, а онъ ушелъ и бросился въ воду. На слѣдующій день я узнала, что онъ былъ совершенно невиненъ. Можетъ быть, это воспоминаніе тяжелѣе всѣхъ вашихъ испытаній. Я дала бы отрѣзать себѣ правую руку, чтобы измѣнить то, что было сдѣлано,

Что-то быстрое и грозное, чего она никогда еще не видѣла въ немъ, блеснуло въ глазахъ Овода. Онъ опустилъ голову быстрымъ неожиданнымъ движеніемъ и поцѣловалъ ея руку.

Она отшатнулась съ изумленнымъ лицомъ.

— Нѣтъ,—сказала она печально.—Никогда больше этого не дѣлайте. Мнѣ больно.

— А вы думаете, что человѣку, котораго вы убили, не было больно?

— Человѣку, котораго я убила?.. Ахъ, вотъ Чезаре у воротъ, я... должна идти.

. . . .

Когда Мартини вошелъ въ комнату, онъ засталъ Овода, лежащаго одного съ нетронутой чашкой кофе около него. Онъ тихо говорилъ самъ съ собой, тягуче, безвучно и печально.

IX.

Нѣсколько дней спустя, Оводъ, блѣдный и хромая больше, чѣмъ обыкновенно, входилъ въ читальню публичной библіотеки и потребовалъ проповѣди кардинала Монтанелли. Рикардо, который читалъ у сосѣдняго стола, поднялъ глаза. Онъ очень любилъ Овода, но не могъ мириться съ его странной упрямой воинственностью.

— Вы опять приготовляете атаку на несчастнаго кардинала? — спросилъ онъ нѣсколько раздраженно.

— Дорогой мой, почему вы в...всегда приписываете дурныя м...мысли людямъ. Это не по х...христіански. Я готовлю очеркъ по с...современной теологіи для новой газеты.

— Какой новой газеты?—Рикардо нахмурился. Было открытой тайной, что ожидается новый законъ о печати и что оппозиція собирается удивить городъ изданіемъ радикальной газеты; но это было еще все-таки тайной.

— Конечно, для «*Газеты Мошенниковъ*»» или для «*Церковнаго календаря*».

— Тише, Риваресъ. Мы мѣшаемъ другимъ читающимъ.

— Ну, такъ вернитесь къ своей медицинѣ и п...предоставьте мнѣ заниматься т...теологіей. Я не м...мѣшаю вамъ выправлять ломаныя кости, хотя знаю о нихъ гораздо больше, чѣмъ вы.

Онъ сѣлъ и сталъ читать томъ проповѣдей съ сосредоточеннымъ и занятымъ лицомъ. Одинъ изъ библіотекарей подошелъ къ нему.

— Синьоръ Риваресъ, вы, кажется, были членомъ экспедиціи Дюпреса, изучавшаго притоки Амазонской рѣки. Не будете ли вы столь любезны помочь намъ въ затруднительномъ положеніи. Одна дама требуетъ отчеты экспедиціи, а они теперь у переплетчика.

— Что же она хочетъ знать?

— Ей только нужно знать, когда началась экспедиція, и когда она прошла черезъ Экуадоръ.

— Экспедиція выѣхала изъ Парижа осенью 1837 года и прошла черезъ Квито въ апрѣлѣ 1838 г., мы были три года въ Бразиліи, потомъ спустились въ Ріо и вернулись въ Парижъ лѣтомъ 1841 года. Нужны ли ей также даты отдѣльныхъ открытій?

— Нѣтъ, благодарю васъ, больше ничего ей не нужно. Я все записалъ. Беппо, снеси эту записочку синьорѣ Болла. Благодарю васъ, синьоръ Риваресъ. Простите, что обезпокоилъ васъ.

Оводъ откинулся въ своемъ креслѣ, непріятно пораженный.

— Зачѣмъ ей нужны были эти свѣдѣнія? когда они проѣзжали черезъ Экуадоръ...

Гемма пришла домой съ запиской въ рукахъ.

— Апрѣль 1838 года... Артуръ умеръ въ маѣ 1833 года. Пять лѣтъ...

Она начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Она не хорошо спала послѣднія ночи, и подъ глазами у нея появились темные круги.

— Пять лѣтъ! И «роскошная домашняя обстановка» «кто-то, кому онъ вѣрилъ, обманулъ его», его обманывали, и онъ это узналъ!

Она остановилась и взялась руками за голову. О, это было истинное безуміе. Это невозможно, нелѣпо.

— А все-таки они вѣдь тогда обыскали весь бассейнъ. Пять лѣтъ—ему не было еще двадцати одного года, когда случилась драка съ матросомъ—значитъ ему было около девятнадцати, когда онъ убѣжалъ изъ дому. Развѣ онъ не сказалъ: «годъ съ половиной». И откуда бы у него были эти голубые глаза и эта нервная подвижность пальцевъ? и почему онъ такъ озлобленъ противъ Монтанелли? Пять лѣтъ... пять лѣтъ... Если бы только знать, что онъ утонулъ, еслибъ только она видѣла его трупъ. Тогда, можетъ быть, старая рана перестала бы когда-нибудь болѣть, и воспоминаніе утратило бы свой ужасъ. Можетъ быть, черезъ двадцать лѣтъ она смогла бы безъ содроганія вспоминать о прошломъ.

Вся ея юность была отравлена мыслью о томъ, что она сдѣлала. День за днемъ, годъ за годомъ она рѣшительно боролась противъ демона раскаянія. Всегда она помнила, что дѣло ея жизни въ будущемъ. Всегда она закрывала глаза и уши передъ грознымъ видѣніемъ прошлаго. И день за днемъ, годъ за годомъ картина утонувшаго тѣла, выплывающаго въ море, не покидала ее, и въ сердцѣ ея поднимался горестный крикъ, котораго она не могла подавить. Я убила Артура! Артуръ умеръ! Иногда ей казалось, что тяжесть эта невыносимо тяжела. Но теперь ей казалось, что она отдала бы полжизни, лишь бы снова чувствовать ее. Она такъ долго ее выносила, что освоилась съ мукой. Но если окажется, что она толкнула его не въ воду, а въ...

Она сѣла, закрывая лицо руками. Ея жизнь была омрачена тѣмъ, что онъ умеръ. Но что если она навлекла на него нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ смерть?

Твердо и безжалостно она стала припоминать шагъ за шагомъ весь адъ его прошлой жизни. Все ей казалось такимъ живымъ, какъ будто она сама это пережила и перечувствовала. Жалостный трепетъ обнаженной души, насмѣшки, болѣе тяжкія, чѣмъ смерть, ужасъ одиночества, медленныя, гнетущія, безпощадныя муки. Она такъ живо представляла себѣ все это, какъ будто бы сидѣла рядомъ съ нимъ въ индѣйской лачугѣ, какъ будто бы страдала вмѣстѣ съ нимъ въ серебряныхъ рудникахъ, въ кофейнѣ, въ плантаціяхъ, въ ужасномъ циркѣ.

— Циркъ... Нѣтъ, нужно, по крайней мѣрѣ, избавиться отъ этого образа, а то, сидя и думая о немъ, она сойдетъ съ ума.

Она открыла маленькій ящикъ въ письменномъ столѣ. Въ немъ было нѣсколько реликвій, которыя она не рѣшалась уничтожить. Она менѣе всего любила собирать и прятать сентиментальныя бездѣлушки, и, сохраняя эти предметы, она поддавалась внушенію болѣе слабой стороны своей натуры, которую она умѣла обыкновенно твердо держать въ рукахъ. Она очень рѣдко позволяла себѣ перебирать эти напоминанія о прошломъ.

Теперь она стала вынимать ихъ одинъ за другимъ. Первое письмо Джіовани, и цвѣты, лежавшіе въ его мертвой рукѣ; локонъ его дѣтскихъ волосъ и засохшій листъ съ могилы ея отца. На самомъ днѣ ящика былъ миніатюрный портретъ Артура, десяти лѣтъ, единственный сохранившійся портретъ его. Она взяла

его въ руки и глядѣла на прекрасную дѣтскую голову до тѣхъ поръ, пока лицо истиннаго Артура предстало предъ ней, какъ живое. Какъ ясно она видѣла его во всѣхъ подробностяхъ. Нѣжныя линіи рта, большіе серьезные глаза, ангельская чистота выраженія стояли передъ ней, какъ будто бы онъ умеръ вчера. Медленно стекающія слезы затуманили портретъ въ ея глазахъ.

О, какъ она только могла это подумать, какое святотатство представить себѣ этотъ свѣтлый далекій духъ среди мелкихъ житейскихъ невзгодъ? Навѣрно, боги его хоть немного любили и дали ему умереть молодымъ. Лучше тысячу разъ, чтобы онъ перешелъ въ небытіе, чѣмъ чтобы онъ жилъ и былъ Оводомъ,—Оводомъ, съ его безупречными галстуками и сомнительными остротами, его злымъ языкомъ и его балетной танцовщицей. Нѣтъ, нѣтъ, все это была безсмысленная фантазія.

Она измучила себя какимъ-то бредомъ. Артуръ несомнѣнно умеръ.

— Можно войти?—спросилъ мягкій голосъ у двери.

Она такъ вздрогнула, что портретъ упалъ изъ ея рукъ, и Оводъ, вошедшій, прихрамывая въ комнату, поднялъ его и передалъ ей.

— Какъ вы меня испугали,—сказала она.

— Оч..чень жалѣю. Можетъ быть, я вамъ помѣшалъ?

— Нѣтъ, я только разбирала старыя вещи.

Она на минуту колебалась, потомъ передала ему миніатюру.

— Какъ вамъ нравится это лицо?

Пока онъ разглядывалъ портретъ, она смотрѣла ему въ лицо такъ упорно, какъ будто вся ея жизнь зависѣла отъ этого. Но ничего, кромѣ критики и отрицанія не было на его лицѣ.

— Вы дали мнѣ тяжелую задачу,—сказалъ онъ:—портретъ очень поблекъ, и дѣтское лицо всегда трудно разгадать, но мнѣ кажется, что этотъ ребенокъ сталъ бы несчастнымъ въ жизни; самымъ мудрымъ было бы для него отказаться отъ того, чтобы стать человѣкомъ.

— Почему?

— Посмотрите на линію его нижней губы. Т...такого рода люди ч...чувствуютъ глубоко страданія и несправедливость; въ жизни нѣтъ м...мѣста для нихъ; въ жизни нужны люди, которые воспріимчивы только къ своему дѣлу.

— Портретъ не похожъ ни на кого, кого бы вы знали?

Онъ присмотрѣлся къ портрету болѣе близко.

— Да. Какая странная вещь? Конечно, похожъ, очень похожъ.

— Похожъ? На кого?

— На к...кардинала М...монтан...нелли. Нѣтъ ли у безгрѣшнаго кардинала какихъ-нибудь племянниковъ. Кто это, если я осмѣлюсь спросить.

— Это дѣтскій портретъ того друга, о которомъ я вамъ говорила.

— Котораго вы убили?

Она невольно вздрогнула. Какъ небрежно и какъ жестоко онъ произнесъ это ужасное слово.

— Да, котораго я убила,—если онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ. Если?..

Она пристально поглядѣла ему въ лицо.

— Я иногда въ этомъ сомнѣваюсь,—сказала она:—трупъ его никогда не былъ найденъ. Можетъ быть, онъ убѣжалъ изъ дому, какъ вы, и отправился въ Южную Америку.

— Надѣюсь за него, что нѣтъ. А то это было бы ужаснымъ воспоминаніемъ для васъ. Я д... довольно много сражался въ с...свое в... время и послалъ въ адъ болѣе, чѣмъ одного человѣка, быть можетъ. Но если бы у меня было на совѣсти сознаніе, что изъ за меня какое-нибудь живое существо отправилось въ Южную Америку, я бы не могъ спать по ночамъ...

— Такъ вы думаете,—прервала она, подходя къ нему, съ крѣпко стиснутыми руками,—что если бы онъ не утонулъ, если бы онъ прошелъ черезъ ваши испытанія, онъ бы никогда не вернулся съ прощеніемъ въ душѣ? Неужели вы думаете, что онъ никогда не забылъ бы? Вспомните, вѣдь я тоже тяжело за это поплатилась. Посмотрите.

Она откинула тяжелыя волны волосъ со лба. Среди темныхъ прядей виднѣлась широкая сѣдая полоса.

Наступило долгое молчаніе.

— Я думаю, — сказалъ медленно Оводъ,—что пусть лучше мертвецы остаются мертвыми. Многія вещи тяжело забываются, и если бы я былъ на мѣстѣ вашего умершаго друга, я бы оставался мертвымъ. Выходцы съ того свѣта очень уродливы.

Она положила портретъ обратно въ ящикъ и закрыла его.

— Это трудное ученіе, — сказала она.—А теперь поговоримте о чемъ-нибудь другомъ.

— У меня есть маленькое дѣло къ вамъ. Я бы хотѣлъ поговорить объ одномъ частномъ планѣ, который возникъ у меня.

Она пододвинула стулъ къ столу и сѣла.

— Что вы думаете о предполагаемомъ новомъ законѣ печати? — началъ онъ, совершенно переставъ заикаться.

— Что я думаю? Я думаю, что оно не имѣетъ большого значенія, но что лучше хоть кусокъ хлѣба, чѣмъ полное его отсутствіе.

— Несомнѣнно. Значитъ,—вы будете работать въ одной изъ новыхъ газетъ, которую здѣсь собираются издавать.

— Да, вѣроятно. Всегда есть много механической работы при веденіи газеты: печатаніе, распространеніе и...

— До которыхъ поръ будете вы тратить попусту свои умственныя силы?

— Почему же тратить попусту?

— Да потому, что вы способны на другое. Вы сами отлично знаете, что вы головой выше большинства здѣшнихъ людей, и позволяете имъ пользоваться собой, какъ конторщикомъ; всѣ эти Грассини и Галли передъ вами настоящіе школьники, а вы правите ихъ корректуры, какъ типографскій корректоръ.

— Во-первыхъ, я не провожу все время въ правкѣ корректуръ, а затѣмъ вы, кажется, преувеличиваете мои умственныя способности. Онѣ вовсе не такія блестящія.

— Я не думаю, что онѣ блестящи,— спокойно сказалъ онъ,—но думаю, что у васъ трезвый и здоровый умъ, а это имѣетъ безконечную важность. На томительныхъ комитетскихъ засѣданіяхъ вы всегда попадаете въ самое слабое мѣсто въ разсужденіяхъ каждаго изъ членовъ.

— Вы несправедливы къ другимъ. Мартини, напримѣръ, человѣкъ съ несомнѣнной логикой, и нельзя сомнѣваться въ умѣ Фабрицци и Легга; Грассини же болѣе точно знаетъ статистику итальянскихъ экономическихъ дѣлъ, чѣмъ всякій чиновникъ.

— Ну, это еще немного. Но оставимъ ихъ въ сторонѣ со всѣми ихъ способностями. Несомнѣнно, что вы, со своимъ умомъ могли бы заняться болѣе важнымъ дѣломъ и занять болѣе отвѣтственное мѣсто, чѣмъ ваше теперешнее.

— Я совершенно довольна своимъ положеніемъ. Работа, которой я занимаюсь, можетъ быть, не имѣетъ большого значенія, но каждый изъ насъ дѣлаетъ все, что можетъ.

— Синьора Болла, мы съ вами слишкомъ серьезные люди, чтобы говорить другъ другу комплименты или скромничать. Скажите мнѣ честно, не считаете ли вы, что тратите свой умъ на дѣло, которое могли бы сдѣлать люди, стоящіе ниже васъ.

— Если вы вынуждаете меня къ отвѣту, то я должна сказать, что это до нѣкоторой степени вѣрно.

— Такъ, почему вы это допускаете?

Она ничего не отвѣтила.

— Почему вы это допускаете?

— Потому, что я не могу ничего измѣнить.

— Почему?

Она взглянула на него съ упрекомъ.

— Это нехорошо, что вы меня такъ допытываете.

— Но, все-таки, скажите мнѣ, почему?

— Если вы хотите непремѣнно знать, то потому, что жизнь моя была разбита, и во мнѣ нѣтъ энергіи начать что-нибудь *настоящее* теперь. Я въ состояніи быть только революціонной клячей и исполнять механическую работу для партіи; это, по крайней мѣрѣ, я дѣлаю добросовѣстно, а вѣдь нужно, чтобы кто нибудь занимался этимъ.

— Конечно, нужно, но каждый разъ это долженъ быть кто-нибудь другой.

— Я только на это и способна.

Онъ испытующе взглянулъ на нее

полузакрытыми глазами; она тотчасъ же подняла голову.

— Мы возвращаемся къ старому предмету разговора, а вѣдь мы собирались говорить о дѣлѣ. Право, совершенно безполезно увѣрять меня, что я годна Богъ вѣсть на что. Я все равно теперь ничего не сдѣлаю. Но, можетъ быть, я смогу помочь вамъ обдумать вашъ планъ. Въ чемъ дѣло?

— Вы предупреждаете меня, что отъ васъ ожидать ничего нельзя, а затѣмъ спрашиваете, чего я ожидаю. Я хочу, чтобы вы помогли мнѣ не только думать, но и дѣйствовать.

— Скажите, въ чемъ дѣло, и тогда мы поговоримъ.

— Скажите мнѣ прежде всего, слыхали ли вы о готовящемся возстаніи въ Венеціи.

— Я только и слышу про разные планы мятежей и санфедистскихъ заговоровъ съ самаго момента амнистіи и отношусь къ этимъ слухамъ скептически.

— Такъ же какъ и я въ большинствѣ случаевъ. Но я говорю о серьезныхъ подготовленіяхъ къ возстанію цѣлой провинціи противъ австрійцевъ. Много молодежи въ Папской области подготовляютъ тайную вылазку и отправляются волонтерами. И я знаю отъ моихъ друзей въ Романьи—

— Скажите мнѣ, — прервала она:— можно положиться на этихъ вашихъ друзей?

— Совершенно. Я ихъ отлично знаю, и работалъ среди нихъ.

— Значитъ они члены той «секты», къ которой вы принадлежите? Простите мое недовѣріе, но я отношусь всегда съ осторожностью къ свѣдѣніямъ, получаемымъ изъ тайныхъ обществъ. Мнѣ кажется, что привычка...

— Кто вамъ сказалъ, что я членъ какой-то «секты»?—рѣзко прервалъ онъ.

— Никто; я сама догадалась.

— А!—Онъ откинулся въ стулѣ и посмотрѣлъ на нее съ сердитымъ видомъ.

— Вы всегда догадываетесь о личныхъ дѣлахъ другихъ людей?—спросилъ онъ черезъ минуту.

— Очень часто; я очень наблюдательна, и умѣю сопоставлять разныя вещи. Говорю это вамъ для того, чтобы вы были осторожны, если не захотите, чтобы я узнала что-нибудь.

— Я не боюсь, чтобы вы знали, лишь бы оно не шло дальше. Я предполагаю, что это...

Она подняла голову съ выраженіемъ полуобиженнаго изумленія.

— Какой ненужный вопросъ,—сказала она.

— Конечно, я знаю, что вы не стали бы говорить чужимъ. Но я думалъ, что, быть можетъ, членамъ вашей партіи.

— Для партіи важны факты, а не предположенія моей фантазіи. Конечно, я никогда объ этомъ ни съ кѣмъ не говорила.

— Благодарю васъ. Вы, можетъ быть, догадались, къ какой именно сектѣ я принадлежу?

— Я надѣюсь... пожалуйста не обижайтесь на мою искренность. Вы начали разговоръ, а не я. Я надѣюсь, что не къ партіи «ножевиковъ».

— Почему вы надѣетесь?

— Потому что вы годитесь на нѣчто лучшее, чѣмъ то, что они дѣлаютъ.

— Всѣ мы годимся на нѣчто лучшее— отвѣчу вамъ вашими же словами. Впрочемъ, я въ самомъ дѣлѣ принадлежу не къ ножевикамъ, а къ «краснымъ поясамъ». Это болѣе серьезная компанія, занятая настоящимъ дѣломъ.

— То-есть, убійствомъ?

— Да, между прочимъ. Убивать иногда очень полезно. Но тогда лишь, когда есть за спиной хорошо организованная пропаганда. Вотъ почему я не люблю другую секту. Они думаютъ, что ножъ разрѣшаетъ всѣ трудности, а это заблужденіе. Онъ помогаетъ иногда, но не всегда.

— Неужели вы думаете, что убійство что либо рѣшаетъ?

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Конечно,—продолжала она:—убійство устраняетъ на минуту практическое препятствіе въ видѣ какого нибудь шпіона или чиновника, но не создаетъ-ли оно худшихъ трудностей вмѣсто устраненныхъ—это другой вопросъ. Мнѣ это напоминаетъ притчу о выметенномъ и вычищенномъ домѣ и о семи чертяхъ. Всякое убійство только дѣлаетъ полицію болѣе

зловредной и пріучаетъ людей къ насиліямъ и грубости, а это иногда хуже всякихъ притѣсненій.

— Что же, по вашему, будетъ, когда наступитъ революція? Неужели не придется привыкать тогда къ насилію? Война остается войной.

— Да, но открытая революція-другое дѣло. Она только моментъ въ жизни народа, и это цѣна, которую мы платимъ за весь нашъ прогрессъ. Конечно, ужасающія вещи должны совершаться во всякой революціи, но онѣ будутъ лишь отдѣльными фактами, исключительными явленіями исключительныхъ моментовъ. Самое страшное въ этой пропагандѣ путемъ убійствъ то, что убійства входятъ въ привычку. Люди начинаютъ смотрѣть на нихъ, какъ на будничное происшествіе, и понятіе о священности человѣческой жизни совершенно искажается. Я немного бывала въ Романьи, но изъ того, что я видѣла, я вынесла впечатлѣніе, что тамъ люди начинаютъ привыкать къ насилію.

— Это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ привыкать къ послушанію и покорности.

— Не думаю: всякія механическія привычки—признакъ слабости и рабства. А эта привычка, къ тому же, жестокая. Конечно, если смотрѣть на дѣло революціи, какъ на вымогательство извѣстныхъ уступокъ отъ правительства, то тайныя секты и ножъ должны казаться наилучшимъ орудіемъ, потому что они страшнѣе всего для правительствъ. Но если вы полагаете, какъ я, что насиліе надъ правительствомъ не есть цѣль сама по себѣ, а только средство къ цѣли, и что мы должны стремиться болѣе всего къ измѣненію отношеній между людьми, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ поступать совершенно иначе: пріучать невѣжественный народъ къ виду крови вовсе не значитъ возвышать въ ихъ глазахъ цѣнность человѣческой жизни.

— А какую цѣну имѣетъ для нихъ религія?

— Не понимаю.

Онъ улыбнулся.

— Мнѣ кажется, что мы расходимся въ пониманіи корня зла. Вы видите его въ недостаточной оцѣнкѣ человѣческой жизни.

— Я говорю скорѣе о священности человѣческой личности.

— Говорите, какъ хотите. Для меня главная причина всѣхъ нашихъ заблужденій и недоразумѣній лежитъ въ умственномъ недомоганіи, называемомъ религіей.

— Вы говорите о какой-нибудь религіи въ частности.

— О нѣтъ, это уже вопросъ внѣшнихъ симптомовъ. Болѣзнь состоитъ въ религіозномъ настроеніи умовъ, въ болѣзненномъ стремленіи выдумывать идолъ и поклоняться ему, падать ницъ и обожать... Вы, конечно, со мной не согласны? Что бы вы ни исповѣдовали, атеизмъ или агностицизмъ, все равно, въ васъ виденъ религіозный темпераменъ. Но все равно, объ этомъ говорить напрасно. Вы только очень ошибаетесь, думая, что я вижу въ убійствѣ средство удалять неудобныхъ чиновниковъ. Я вижу въ немъ болѣе всего средство разбить вліяніе церкви и пріучить людей видѣть въ клерикальныхъ агентахъ низкихъ тварей.

— Ну, а если вы это исполните. Если вы разбудите дикаго звѣря, который спитъ въ народѣ, и натравите его на церковь, тогда...

— Тогда я буду считать совершеннымъ дѣло моей жизни. Это...

— Это и есть дѣло, о которомъ вы говорили въ прошлый разъ.

— Да, именно это.

Она содрогнулась и отвернулась отъ него.

— Вы разочаровались во мнѣ?—спросилъ онъ, глядя на нее съ улыбкой.

— Нѣтъ, это не совсѣмъ то; я немного боюсь васъ.

Черезъ минуту она повернулась къ нему и заговорила обычнымъ дѣловымъ тономъ.

— Это совершенно безполезный споръ. Мы стоимъ на слишкомъ разныхъ точкахъ зрѣнія. Я, съ своей стороны, вѣрю въ пропаганду, пропаганду и пропаганду, а вы стремитесь къ открытому возстанію.

— Ну такъ вернемся къ обсужденію

моего плана. Онъ имѣетъ отношенiе къ пропагандѣ и еще болѣе къ возстанiю.

— Да?

— Я уже сказалъ вамъ, что много волонтеровъ отправляются изъ Романьи на помощь венецiанамъ. Мы еще не знаемъ, какъ скоро вспыхнетъ возстанiе; можетъ быть, это будетъ не раньше осени или зимы, но волонтеры въ Аппенинахъ должны быть вооружены и совсѣмъ готовы, какъ только за ними пошлютъ. Я взялъ на себя тайную переправку оружiя и аммуницiи для нихъ въ Папскую область.

— Подождите. Какимъ образомъ вы за одно съ этой партiей? Революцiонеры въ Ломбардiи и Венецiи всѣ на сторонѣ новаго папы. Они стоятъ за либеральныя реформы и идутъ рука объ руку съ прогрессивнымъ движенiемъ церкви. Какъ можетъ такой врагъ компромиссовъ и духовенства, какъ вы, быть на ихъ сторонѣ?

Онъ пожалъ плечами.

— Что мнѣ за дѣло, если имъ прiятно забавляться тряпичной куклой, лишь бы они дѣлали дѣло. Конечно, папа является для нихъ знаменемъ. Но мнѣ все равно, лишь бы мятежъ начался тѣмъ или другимъ способомъ. Всякая палка годится, чтобы бить ею собаку, и всякiй пароль пригоденъ, чтобы натравить народъ на австрiйцевъ.

— Что же вы отъ меня хотите?

— Чтобы вы помогли мнѣ перевозить оружiе.

— Какъ это сдѣлать?

— Вы можете быть болѣе полезной, чѣмъ кто бы то ни было. Я думаю покупать оружiе въ Англiи, но оттуда совершенно невозможно провезти его черезъ папскiе порты, нужно везти черезъ Тоскану и затѣмъ переправлять черезъ Аппенины.

— Это значитъ, перебираться черезъ двѣ границы вмѣсто одной.

— Да, но иной пути немыслимъ. Нельзя провезти большой транспортъ не черезъ торговый портъ, а вы знаете, что въ Чивитта—Веккiи только и есть что нѣсколько парусныхъ суденъ и рыбацкихъ лодокъ. Если бы только перевезти ружья черезъ Тоскану, я уже справлюсь съ папской границей. Мои люди знаютъ всякую тропинку въ горахъ и у насъ есть пропасть потайныхъ складовъ. Транспортъ долженъ идти моремъ въ Лигорно, и въ этомъ главная трудность. Я не знаю тамошнихъ контрабандистовъ, а вы, кажется, знаете.

— Дайте мнѣ подумать пять минутъ.

Она нагнулась впередъ, опершись локтемъ на колѣно и положивъ голову на руку. Черезъ нѣсколько минутъ молчанiя она взглянула на него.

— Возможно, что я — могу быть полезной въ этомъ отношенiи,—сказала она.— Но прежде всего я должна преложить вамъ вопросъ. Можете вы дать мнѣ слово, что это предпрiятiе не связано съ какими-нибудь убiйствами или тайнымъ насилiемъ.

— Конечно. Само собою разумѣется, что я не добивался бы вашего участiя въ дѣлѣ, котораго вы, я знаю, не одобрите.

— Когда вамъ нуженъ окончательный отвѣтъ?

— Лишняго времени у насъ нѣтъ, но я могу дать вамъ нѣсколько дней сроку.

— Вы свободны въ субботу, вечеромъ?

— Дайте подумать. Сегодня четвергъ. Ну, такъ да.

— Придите тогда, ко мнѣ; я еще подумаю и дамъ вамъ окончательный отвѣтъ.

Въ слѣдующее воскресенье Гемма послала въ комитетъ флорентiйской вѣтви партiи Маццини заявленiе о томъ, что она предпринимаетъ самостоятельное политическое дѣло и будетъ лишена на нѣсколько мѣсяцевъ возможности исполнять свои обычныя обязанности въ дѣйствiяхъ партiи.

Это заявленiе было нѣсколько неожиданнымъ, но комитетъ принялъ его безъ возраженiй. Она была извѣстна въ партiи много лѣтъ, какъ человѣкъ, на разсудительность котораго можно было положиться, и всѣ члены соглашались въ томъ, что если синьора Болла предпринимаетъ неожиданный шагъ, то у нея на это должны быть достаточныя причины.

Мартини она открыто сказала, что взялась помочь Оводу въ одномъ контра-

бандномъ дѣлѣ. Она выговорила себѣ право сказать это своему старому другу, чтобы между ними не было никакихъ недоразумѣній, тягостнаго чувства тайны или подозрѣній. Ей казалось, что она должна дать ему это доказательство довѣрія.

Онъ ничего не отвѣтилъ на ея сообщеніе, но она видѣла, сама не зная почему, что это извѣстіе его глубоко огорчило.

Они сидѣли на террасѣ ея квартиры; вдали, изъ за красныхъ кровель виднѣлось Фіезоле. Послѣ долгаго молчанія Мартини всталъ и сталъ ходить взадъ и впередъ, положивъ руки въ карманъ и насвистывая. Это было у него всегда признакомъ волненія. Она глядѣла на него нѣсколько времени молча.

— Чезаре, вамъ непріятно мое участіе въ этомъ предпріятіи,—сказала она наконецъ.—Мнѣ не хотѣлось бы огорчать васъ, но я должна поступать такъ, какъ считаю нужнымъ.

— Дѣло не въ самомъ предпріятіи,—угрюмо онъ отвѣтилъ.—Я ничего о немъ не знаю, и если вы согласились участвовать въ немъ, значитъ оно хорошее. Я только не довѣряю самому Оводу.

— Вы, кажется, ошибаетесь въ немъ; я тоже сначала думала, какъ и вы. Но теперь я знаю его ближе. Онъ очень далекъ отъ совершенства, но гораздо лучше, чѣмъ вы думаете.

— Можетъ быть.

Онъ нѣсколько минутъ походилъ молча, потомъ остановился около нея.

— Гемма, откажитесь! Откажитесь, пока не поздно! Этотъ человѣкъ впутаетъ васъ въ такія дѣлѣ, что вы сами пожалѣете.

— Чезаре,—сказала она кротко,—вы не отдаете себѣ отчета въ словахъ. Никто никого не впутываетъ. Я по собственному желанію примкнула къ этому дѣлу послѣ того, какъ обсудила его со всѣхъ сторонъ. У васъ личная антипатія къ Оводу, я знаю, но мы говоримъ теперь не о людяхъ, а о дѣлѣ.

— Гемма, откажитесь! Это опасный человѣкъ: онъ жестокъ, у него нѣтъ совѣсти и онъ любитъ васъ.

— Чезаре, какія нелѣпости вамъ приходятъ въ голову.

— Онъ любитъ васъ, — продолжалъ Мартини.—Берегитесь его.

— Дорогой Чезаре, я не могу беречься его, и не могу объяснить вамъ почему. Мы связаны съ нимъ—не по собственной волѣ.

— Если вы связаны, то нечего больше и говорить,—отвѣтилъ Мартини усталымъ голосомъ.

Онъ ушелъ, говоря, что ему некогда и цѣлыми часами бродилъ по грязнымъ улицамъ. Жизнь казалась ему очень мрачной въ этотъ вечеръ. Едва онъ нашелъ себѣ одну овечку, какъ это скользкое существо отняло ее у него.

X.

Около половины февраля Оводъ отправился въ Лигорно. Гемма познакомила его тамъ съ однимъ молодымъ англичаниномъ, пароходнымъ агентомъ либеральныхъ взглядовъ: она и мужъ ея знавали его въ Англіи. Онъ нѣсколько разъ оказывалъ небольшія услуги флорентійскимъ радикаламъ, давалъ взаймы деньги при неожиданныхъ затрудненіяхъ, позволялъ пользоваться адресомъ своей конторы для конспиративныхъ писемъ и т. д.; но всегда къ нему обращались черезъ посредство Геммы, какъ къ ея личному пріятелю. Она поэтому, по правиламъ партіи, имѣла право пользоваться отношеніями съ нимъ для какихъ ей угодно цѣлей. Можно ли было извлечь изъ знакомства съ нимъ пользу былъ совершенно другой вопросъ. Легко было попросить доброжелательнаго знакомаго одолжить свой адресъ для писемъ изъ Сициліи или спрятать нѣсколько документовъ въ кассѣ; но обратиться къ его помощи для перевозки контрабанднымъ путемъ оружія для мятежа было совершенно другое дѣло, и она мало надѣялась на успѣхъ.

— Попробуйте,—сказалъ она Оводу,—но я не думаю, чтобы это вамъ удалось. Если бы вы пошли къ нему съ моей рекомендаціей и попросили бы одолжить пятьсотъ скуди, я увѣрена, что онъ далъ бы сейчасъ,—онъ очень щедръ; въ

крайнемъ случаѣ, онъ одолжилъ бы вамъ даже свой паспортъ или даже спряталъ бы у себя бѣглеца, но если заговорить съ нимъ о ружьяхъ, онъ вытаращитъ глаза и подумаетъ, что мы оба съ ума сошли.

— Можетъ быть, онъ все-таки дастъ мнѣ какія-нибудь указанія или познакомитъ меня съ любезными моряками,— отвѣтилъ Оводъ.—Во всякомъ случаѣ стоитъ попытать.

Однажды, въ концѣ мѣсяца, онъ пришелъ къ ней менѣе тщательно одѣтый, чѣмъ обыкновенно, и она сразу увидѣла по выраженію его лица, что у него хорошія извѣстія.

— Ахъ, наконецъ-то! Я уже думала, что съ вами что нибудь приключилось.

— Я полагалъ, что лучше не писать, а вернуться я не могъ раньше.

— Вы только что пріѣхали?

— Да, я прямо съ дилижанса, и зашелъ увѣдомить васъ, что все устроилось.

— Неужели Бэли согласился помочь?

— Болѣе, чѣмъ помочь. Онъ взялъ на себя все: упаковку, перевозку, все, какъ есть. Ружья будутъ спрятаны въ товарные тюки и прямо привезены изъ Англіи. Его компаньонъ Вильямсъ, большой его пріятель, согласился отправлять транспортъ изъ Соусгемптона, а Бэли устроитъ такъ, чтобы избѣгнуть таможеннаго осмотра въ Лигорнѣ. Вотъ почему я такъ долго пропутешествовалъ. Вильямсъ какъ разъ уѣзжалъ въ Соусгемптонъ, и я провожалъ его до Генуи.

— Чтобы поговорить о подробностяхъ дорогой?

— Да, пока я не слишкомъ заболѣлъ морской болѣзнью, и совсѣмъ уже не могъ разговаривать.

— Вы страдаете морскою болѣзнью?— спросила она съ живостью, вспоминая, какъ Артуръ однажды страдалъ, когда отецъ ея повезъ ихъ обоихъ кататься по морю.

— Очень страдаю, несмотря на то, что такъ долго былъ въ плаваніи. Но мы все-таки успѣли поговорить, пока пароходъ нагружался въ Генуѣ. Вы, я полагаю, знакомы съ Вильямсомъ? Онъ славный человѣкъ, умный, и на него можно положиться, такъ же какъ и на Бэли, и оба они умѣютъ молчать.

— Но мнѣ кажется, однако, что Бэли страшно рискуетъ, взявъ на себя такое дѣло.

— Я его предупредилъ, но онъ сердито взглянулъ только и сказалъ: какое вамъ дѣло? Только такъ и могъ отвѣтить настоящій человѣкъ. Если бы я встрѣтилъ Бэли въ Тимбукту, я бы подошелъ къ нему и сказалъ: здравствуйте, англичанинъ.

— Но, все-таки, я не понимаю, какъ вамъ удалось добиться ихъ согласія; отъ Вильямса я меньше всего этого ожидала.

— Да, вначалѣ онъ сильно противился, конечно, не въ виду опасности, но потому, что это ему казалось такимъ пустымъ дѣломъ, но мнѣ удалось переубѣдить его. Ну, а теперь поговоримъ о подробностяхъ.

Когда Оводъ вернулся домой, солнце давно зашло, и цвѣтущая pyrus japonica, свѣшивающаяся съ садовой стѣны, выглядѣла темной въ потухающемъ свѣтѣ. Онъ сорвалъ нѣсколько вѣтокъ и понесъ ихъ къ себѣ въ комнату. Когда онъ открылъ дверь въ кабинетъ, Зитта поднялась со стула въ углу и побѣжала къ нему на встрѣчу.

— О, Феличе, я думала, что вы никогда не вернетесь.

Первымъ его побужденіемъ было рѣзко спросить ее, зачѣмъ она зашла въ его кабинетъ, но вспомнивъ, что онъ не видѣлъ ее три недѣли, онъ протянулъ ей руку и сказалъ нѣсколько холодно:

— Добрый вечеръ, Зитта. Какъ живете?

Она приблизила къ нему лицо, какъ бы ожидая поцѣлуя, но онъ прошелъ мимо, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ ея жеста, и взялъ вазу, чтобы вставить въ нее цвѣты. Въ ту же минуту дверь широко раскрылась и громадная собака ворвалась въ комнату, стала прыгать вокругъ Овода, лая и визжа отъ радости. Онъ оставилъ цвѣты и сталъ ласкать ее.

— Шайтанъ, старый дружище, это ты? Ну, вотъ и я. Дай лапу.

Зитта взглянула на него жесткимъ сердитымъ взглядомъ.

ставилъ аѳинскій геній вспыхнуть яркимъ пламенемъ, столкнувшись съ индивидуализированными идеями, зарождавшимися во всѣхъ частяхъ Греціи и вызванными къ жизни быстрыми измѣненіями условій аѳинской соціальной жизни. Но въ Римѣ духъ клана сохранилъ достаточно силы, чтобы воспрепятствовать свободѣ физической и, еще болѣе, интеллектуальной и задержать образованіе римскаго единства и литературы, заставивъ творцовъ римской драмы искать у грековъ личныхъ и соціальныхъ характеристикъ, которыя имъ были нужны.

Глава X.

Поэзія городскихъ республикъ.

Поэтическое творчество, въ особенности свойственное городамъ, выражается главнымъ образомъ въ драматическихъ произведеніяхъ, такъ какъ именно въ организаціи городской жизни заключаются условія, наиболѣе благопріятствующія появленію наибольшаго разнообразія человѣческихъ характеровъ, сосредоточенныхъ на очень маломъ пространствѣ. Такая разнородность человѣческихъ типовъ, конечно, даетъ полный просторъ драматическому анализу и поэтому-то великолѣпнѣйшіе образцы драматическаго искусства были произведеніемъ городской жизни. Однако драмы, составляющія продуктъ городскихъ республикъ, отличаются отъ китайскихъ и индѣйскихъ драмъ и отъ произведеній драматическаго искусства, появившихся въ большихъ національныхъ столицахъ, вродѣ, напримѣръ, Лондона временъ Елизаветы, или Парижа временъ Людовика XIV. Въ узкихъ предѣлахъ городской республики можно однако гораздо лучше прослѣдить вліяніе соціальной эволюціи на форму и духъ драматическихъ произведеній, чѣмъ въ области чрезвычайно усложнившейся жизни современныхъ столицъ или въ сравнительно неподвижномъ обществѣ Индіи и Китая.

Однако не слѣдуетъ думать, чтобы между драматическими произведеніями востока и аѳинскою драмой не существовало никакого сходства. Сходство есть, и даже очень большое, въ особенности между японскою лирическою драмой и такимъ же произведеніемъ Аѳинъ. Хоръ, какъ извѣстно, комбинированный съ танцами, пѣніемъ, мелодіей и мимическимъ дѣйствіемъ, составляетъ центръ драматическаго дѣйствія въ Аѳинахъ и вокругъ него сосредоточивались всѣ драматическіе образы первобытной аѳинской драмы. Различія, наблюдаемыя между современною европейскою драмой и аѳинскими драматическими произведеніями, зависятъ главнымъ образомъ отъ того, что хоръ и лирическое пѣніе были первоначальными источниками драмы въ Аѳинахъ, между тѣмъ какъ въ европейской драмѣ преобладали діалоги. Аѳинскій хоръ напоминаетъ намъ тѣ хоровыя пѣсни первобытныхъ клановъ, о которыхъ мы говорили въ предшествующихъ главахъ, отыскивая въ нихъ начатки первобытной литературы. Мы уже указывали на то, что этическія идеи аѳинской драмы берутъ свое начало изъ деревенскихъ общинъ и клана; оттуда же беретъ начало и хоровая форма аѳинской драмы. Въ Аѳинахъ развитіе и упадокъ этой формы любопытнымъ образомъ иллюстрируютъ первобытную общинную жизнь и эволюцію индивидуальной дѣятельности и мысли, такъ что соціальное развитіе городской республики отражается какъ въ формѣ, такъ и въ духѣ аѳинской драмы. Хоръ, такимъ образомъ, представляетъ литературное звено между священными празднествами, устраиваемыми дере-

венскими общинами первобытной Аттики и полурелигіознымъ характеромъ аѳинской трагедіи. Но эстетическое наслажденіе, доставляемое изображеніемъ человѣческихъ характеровъ, развивалось лишь подъ вліяніемъ глубокихъ измѣненій соціальнаго характера аѳинянъ, благодаря которымъ трагическая поэзія могла служить формою, въ которую облеклась казуистика Эврипида, а идеализмъ древней комедіи мало-помалу уступилъ мѣсто обыденнымъ образамъ въ произведеніяхъ Менандра.

Первымъ шагомъ къ образованію драмы, носящей индивидуальный характеръ, была попытка одного изъ древнихъ авторовъ (Ѳесписа) въ 536 г. до Р. Х. присоединить къ хору—актера, діалогъ котораго съ хоромъ давалъ бы нѣкоторый просторъ проявленію индивидуальности. Впослѣдствіи этотъ шагъ получилъ дальнѣйшее развитіе и въ 512 г. до Р. Х. Фринякій впервые ввелъ женскую роль въ драму. Вмѣстѣ съ этимъ и хоръ сталъ пригоняться и мало-по-малу терялъ свой спеціально религіозный характеръ и изображалъ уже не группу молящихся, какъ прежде, а группу лицъ, соотвѣтствующихъ общему характеру пьесы. Въ то же время и актеръ, «отвѣчающій» на пѣніе хора, изображалъ драматическій индивидуальный образъ, совершенно отличный отъ группъ или абстрактныхъ образовъ. Аѳинскіе драматурги постепенно превратились изъ религіозныхъ учителей въ свѣтскихъ артистовъ, а могучее развитіе аѳинской жизни доставляло имъ новые типы человѣческихъ характеровъ, которыми они пользовались для своего творчества, быть можетъ, даже безсознательно.

Итакъ, соціальное развитіе Аѳинъ отражается съ замѣчательною точностью въ развитіи аѳинской драмы. Въ этой драмѣ можно прослѣдить шагъ за шагомъ переходъ отъ жизни группы къ индивидуальному существованію, отъ этики клана къ идеѣ личной отвѣтственности, отъ такихъ театральныхъ представленій, въ которыхъ фигурируютъ группы мужчинъ и женщинъ или же преобладаютъ абстрактные образы и героическіе типы, къ драмѣ, изображающей характеры, заимствованные изъ современной обыденной жизни.

Въ Римѣ развитіе индивидуализма совершалось гораздо медленнѣе и не было такъ ясно выражено, какъ въ Аѳинахъ, но, тѣмъ не менѣе, въ развитіи римской драмы, помимо подражанія греческому драматическому искусству и вліянія патриціанской культуры, можно все-таки найти нѣкоторые признаки вліянія соціальной эволюціи. Въ Римѣ, также какъ и въ Аѳинахъ, грубыя формы первобытной драмы предшествовали «популярной» литературѣ, и если бы сліяніе соціальныхъ партій произошло раньше, чѣмъ римляне познакомились съ греческою цивилизацiей, то, пожалуй, тогда народилась бы настоящая самобытная римская драма. Въ древнемъ римскомъ ритуалѣ, который выступаетъ, напримѣръ, въ извѣстномъ гимнѣ «Fratres Arvales» заключаются, какъ и въ нѣкоторыхъ гимнахъ Веды, зародыши драмы. Пѣсни, разложенныя на голоса, какъ, напримѣръ, тріумфальные гимны, также указываютъ на влеченіе къ драмѣ, и отсутствіе эпической или лирической (индивидуальной) поэзіи могло бы предоставить большій просторъ драматическимъ произведеніямъ. Какъ говоритъ профессоръ Тейфель, римляне въ особенности чувствовали влеченіе хранить и лелѣять воспоминанія о прошломъ, и такъ какъ они понимали, что стихи облегчаютъ какъ собираніе преданій, такъ и сохраненіе ихъ въ памяти, то, разумѣется, это должно было бы содѣйствовать какъ появленію, такъ и развитію эпической поэзіи. Но условія жизни городскихъ республикъ не благо-

пріятствовали такому развитію. Герои эпической поэзіи всегда возвышаются надъ уровнемъ человѣческаго характера и всегда бываютъ враждебны демократическимъ чувствамъ городской республики. Притомъ же и городская жизнь въ Римѣ въ особенности препятствовала индивидуализаціи эпической поэзіи, такъ какъ общинная организація родовъ (gentes) задерживала ростъ и развитіе всякой литературной формы, въ которой замѣчалось преобладаніе индивидуальнаго характера. Поэтому-то скорѣе всего можно предположить, что если бы развитіе римской поэзіи совершалось внѣ всякихъ вліяній, то поэзія эта облеклась бы въ драматическую форму, а не въ лирическую или эпическую.

Первобытная римская драма, насколько намъ позволяютъ судить о ней немногія разбросанныя и скудныя свѣдѣнія, все-таки вполнѣ соотвѣтствовала соціальнымъ условіямъ первобытнаго Рима. Индивидуальный характеръ занималъ въ ней очень мало мѣста или даже совсѣмъ не проявлялся. Такъ ателлянскія представленія, называемыя такъ по имени Ателлы, маленькаго городка Кампаніи, вполнѣ отвѣчали неиндивидуализированой жизни первобытнаго Рима, потому что главныя лица этихъ драмъ не были «характерами» въ современномъ смыслѣ этого слова, а неизмѣнными типами. Таковы, напримѣръ: Маккусъ (Maccus), глупый обжора съ ослиными ушами, Паппусъ (Pappus), тщеславный старикъ, обманываемый постоянно своей женой и сыномъ, Доссенусъ (Dossenus), хитрый разбойникъ и др. Не слѣдуетъ забывать также, что языкъ этихъ ателлянскихъ драмъ былъ плебейскимъ языкомъ, что указываетъ на народный характеръ этихъ первобытныхъ драматическихъ зрѣлищъ.

Но плебеямъ не было суждено сдѣлаться творцами римской комедіи и, еще менѣе, римской литературы вообще, и такіе типы, какъ Маккусъ и Паппусъ, не могли индивидуализироваться вслѣдствіе внутренней эволюціи, происходившей въ римскомъ обществѣ. Возрастаніе римскаго могущества и наплыва чужеземцевъ въ Римъ со временъ первой пунической войны оказали такое же вліяніе, хотя въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, на римское общество, какое имѣла великая персидская война на умы аѳинянъ. Однимъ изъ первыхъ послѣдствій такого вліянія было сознаніе римскаго литературнаго убожества въ сравненіи съ интеллектуальными богатствами Греціи, такъ что главною современною задачею сдѣлалось перенесеніе въ Римъ части этихъ интеллектуальныхъ богатствъ и пріобщеніе къ нимъ римскаго общества. Поэтому-то литературныя сокровища, заимствованныя у грековъ, первоначально предстали передъ римлянами въ римской одеждѣ, что было сдѣлано, вѣроятно, съ цѣлью обратить на нихъ вниманіе всѣхъ слоевъ римскаго общества. Ливій Андроникъ, греческій рабъ, привезенный изъ Тарента въ Римъ въ 275 г. до Р. X., представилъ свою первую драму въ 240 г. до Р. X. Повидимому это произведеніе носило весьма первобытный характеръ и представляетъ лишь незначительный шагъ впередъ отъ мимическихъ танцевъ къ діалогу. Въ этой первобытной римской драмѣ наблюдалось довольно любопытное раздѣленіе труда; одинъ и тотъ же актеръ, обыкновенно самъ авторъ, танцовалъ и дѣйствовалъ передъ публикой, между тѣмъ какъ другой актеръ, котораго публика не должна была видѣть, пѣлъ слова, которыя по настоящему долженъ былъ пѣть первый актеръ, но такъ какъ одновременно пѣть и танцовать было слишкомъ утомительно, то эту часть труда исполнялъ другой актеръ. Такой способъ представленія драмы указываетъ, что римская публика считала пантомиму важнѣе пѣнія, такъ что неуди-

вительно, что драмы Ливія Андроника отличались очень скуднымъ содержаніемъ и діалогъ введенъ былъ только для того, чтобы руководить представленіемъ и разъяснять зрителямъ то, что происходитъ на сценѣ. Но самъ Ливій былъ не только мимическимъ плясуномъ; его переводъ Одиссеи сатурновыми стихами указываетъ, что онъ старался популяризировать греческую культуру въ Римѣ, посредствомъ облаченія греческой музы въ грубыя римскія одежды. Нэвій (Naevius) сдѣлалъ такую же смѣлую попытку ассимиляціи греческаго духа, послѣдовавъ въ этомъ отношеніи примѣру Ливія. Первая драма Нэвія была представлена въ Римѣ въ 235 г. до Р. Х. и хотя его произведенія были только комическою переработкою греческихъ драмъ, тѣмъ не менѣе его желаніе «романизировать» греческую культуру явно выступаетъ не только въ его введеніи къ «praetexta» или драмѣ, заимствованной изъ римской исторіи, два образца которой (*Clastidium* и *Romulus*) извѣстны намъ по имени, но и въ его эпическихъ произведеніяхъ, написанныхъ сатурновыми стихами и воспѣвающихъ первую пуническую войну.

Однако, всѣ эти усилія романизировать духъ греческой поэзіи естественнымъ образомъ должны были потерпѣть неудачу. Греческая литература вообще и драма въ особенности служила въ теченіе долгаго времени выраженіемъ весьма интенсивной индивидуализированной жизни, а въ комедіяхъ Фиммона, Менандра и др. утонченный анализъ индивидуальныхъ характеровъ изгналъ съ аѳинской сцены древніе героическіе типы. Развитіе личныхъ мотивовъ, руководящихъ поступками дѣйствующихъ лицъ, явно указывало на такое состояніе общества, въ которомъ кратковременное существованіе индивида, занявъ первое мѣсто, вытѣснило всѣ помыслы объ общей судьбѣ и предопредѣленіи. Развитіе права въ Римѣ (насколько мы можемъ судить объ этомъ) указываетъ, впрочемъ, что въ жизни патриціевъ нѣкоторое стремленіе къ индивидуализму проявилось раньше, чѣмъ греческій духъ пріобрѣлъ тамъ значительное вліяніе. Этотъ медленный процессъ индивидуализаціи ускорился, впрочемъ, благодаря соприкосновенію съ духомъ вѣковъ, продѣлавшихъ уже этотъ процессъ эволюціи. Не только невозможно было низвести греческій духъ до уровня римскаго духа, какъ это желали сдѣлать Ливій и Нэвій, но даже оцѣнить новые способы мышленія, столь отличающіяся отъ римскаго мышленія, могли только тѣ изъ римлянъ, которые занимали выдающееся политическое и соціальное положеніе, дающее имъ возможность пріобрѣсти болѣе широкія познанія и взгляды, нежели какіе были у ихъ согражданъ, занимавшихъ болѣе низкое положеніе. Такимъ образомъ дальнѣйшее развитіе римской литературы должно было уже совершаться подъ руководствомъ высшихъ классовъ, какъ только греческія вліянія укрѣпились въ Римѣ. Римская драма, т. е. именно та форма литературы, которая неминуемо теряетъ свою жизненность, какъ только становится достояніемъ какого-нибудь одного класса, разумѣется, должна была претерпѣть нѣкоторыя удивительныя измѣненія, переходя отъ младенческаго возраста къ болѣе зрѣлому, отъ римской колыбели къ широкому простору новой комедіи.

Главныя затрудненія, на которыя наталкивались Ливій и Нэвій въ своихъ попыткахъ романизировать греческую драму, зависѣли преимущественно отъ грубой формулы и духа римской литературы въ ея варварскомъ состояніи. Пересадить на римскую почву греческіе характеры и понятія о времени и пространствѣ было невозможно иначе, какъ при полномъ усвоеніи греческихъ идей римскимъ обществомъ. Въ комедіяхъ Плавта уже замѣчаются первые признаки такого перехода отъ римскихъ

къ греческимъ понятіямъ, но задача эта была вполнѣ разрѣшена только Теренціемъ. Плавтъ все-таки постоянно наталкивался на трудность изображенія своихъ «dramatis personae» среди условій времени, мѣста и соціальной жизни, чуждыхъ жителямъ, для которыхъ были представлены его комедіи. Поэтому, выражая мысли и дѣйствія грековъ въ своихъ аѳинскихъ сценахъ, онъ порою невольно вставлялъ техническія фразы римскаго права, напоминавшія о близости Форума, а не объ Экклезіи. Но въ произведеніяхъ Теренція, съ ихъ гладкимъ стихомъ, насквозь пропитанныхъ греческими понятіями, переходъ отъ римско-греческаго къ чисто греческому духу составляетъ уже свершившійся фактъ. Усилія Ливія, Нэвія и до нѣкоторой степени Плавта, не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ греческую драму оказалось невозможно романизировать ни по духу, ни по формѣ. Въ рукахъ же Теренція комедія сдѣлалась выраженіемъ взглядовъ цивилизованнаго римскаго класса, усвоившаго греческій духъ, и отказалась отъ стремленія къ популярности. Но въ то же время въ ней заключался протестъ противъ патриціанской исключительности и древней ограниченности римской «familia», такъ какъ она выставляла на видъ свободу греческихъ обывателей, указывая на нее тому классу, который, благодаря своему богатству и могуществу, сдѣлался покровителемъ литературы.

Справедливо говорится, что всѣ произведенія Теренція написаны имъ съ извѣстною цѣлью и эта цѣль та же самая, которая воодушевляла всѣхъ политическихъ вождей, стремящихся къ свободѣ мысли. Если мы вспомнимъ, что цѣлью Теренція было поставить въ основу поведенія своихъ дѣйствующихъ лицъ доводы разсудка, а не преданія и традиціи, и что онъ стремился доказать, что авторитетъ родительской власти долженъ опираться на доброту, а не на страхъ, то намъ станетъ ясно, почему въ его произведеніяхъ такъ часто повторяются извѣстные типы То обстоятельство, что типы Теренція легко могутъ быть классифицированы и что выведенныя имъ личности являются не столько индивидуальностями, сколько типами, соотвѣтствующими извѣстнымъ соціальнымъ и семейнымъ отношеніямъ, вполнѣ объясняется условіями семейной жизни въ Римѣ и желаніемъ Теренція напомнить своимъ слушателямъ о томъ, что существуютъ семейныя отношенія несравненно менѣе пропитанныя рабскимъ характеромъ, нежели тѣ, которыя установлены «patria potestas». Теренцій, рабъ изъ Карѳагена, опубликовалъ свою первую комедію «Andria» въ 166 до Р. Х. и послѣднюю—«Adelphae» въ 160 до Р. Х. Шесть комедій, написанныхъ Теренціемъ въ теченіе его краткой драматической карьеры, выражаютъ главнѣйшія перемѣны, происходившія въ области римской культуры. Во всѣхъ своихъ стихахъ, въ языкѣ своихъ произведеній и тщательномъ исключеніи изъ нихъ всѣхъ римскихъ понятій о времени, мѣстѣ и событіяхъ, Теренцій является римляниномъ, насквозь пропитаннымъ греческимъ духомъ, между тѣмъ какъ Плавтъ, несмотря на греческіе стихи и понятія, представляется какъ бы романизированнымъ грекомъ. Литературное изящество языка составляетъ одно изъ главныхъ преимуществъ произведеній Теренція, такъ что его комедіи производятъ еще болѣе впечатлѣнія при чтеніи вслухъ, нежели при представленіи на сценѣ. Кромѣ того, его прологи, представляющіе критическій разборъ формы и духа драмы, отсутствіе грубости въ изображаемыхъ имъ характерахъ и даже самыя имена его дѣйствующихъ лицъ ясно указываютъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло уже не съ народными зрѣлищами, а съ такимъ театромъ, который соотвѣтствуетъ болѣе утонченному вкусу образованнаго класса. Такимъ

образомъ, изображая въ своихъ римскихъ произведеніяхъ картины греческой жизни, съ цѣлью поученія зрителей, которые мыслятъ по-гречески, Теренцій превратилъ драму въ чрезвычайно любопытный литературный экзотическій продуктъ.

Таковъ былъ конецъ первоначальной чисто римской комедіи; въ трагедіи же римляне съ самаго начала находились въ зависимости отъ грековъ. Городъ, раздѣленный на патриціевъ и плебеевъ, не связанный ни общей миѳологіей, ни узами общей религіи, не могъ испытывать такихъ соціальныхъ чувствъ, среди которыхъ выросла и развилась трагедія въ Аѳинахъ. Римъ долженъ былъ волей-неволей заимствовать трагедію у грековъ, въ виду отсутствія въ вѣчномъ городѣ чувства соціальной симпатіи и единства и общихъ религіозныхъ и патріотическихъ идеаловъ. Кромѣ того, это было уступкою греческому духу, особенно привлекательному для высшихъ классовъ, но подрывавшему ихъ традиціонный образъ мыслей. Но во всякомъ случаѣ, несмотря на свой подражательный характеръ, римская драма все-таки отражаетъ въ себѣ эволюцію римской жизни и въ этомъ заключается ея главное значеніе. Аѳинскія и римскія драмы именно поэтому представляютъ гораздо болѣе интереса, нежели драмы востока, что ихъ прогрессъ основывается на соціальной эволюціи. Въ сравнительно неподвижной жизни востока, Индіи и Китая, заключается мало условій для подобной эволюціи и ея вліянія на развитіе драмы, но въ узкихъ рамкахъ арійской городской республики легче можно прослѣдить такія измѣненія формы и содержанія драмы, которыя находятся въ тѣсной связи съ развитіемъ соціальной жизни, не захватывавшей слишкомъ широкую область и не представлявшей слишкомъ быстрыхъ перемѣнъ, затемняющихъ отношенія причины и слѣдствія.

Глава XI.

Индивидуальный духъ въ свѣтской литературѣ.

Періоды, слѣдовавшіе за паденіемъ Аѳинъ въ Греціи, были особенно неблагопріятны для той нераздѣльности соціальныхъ чувствъ, которая составляетъ основу работы воображенія въ поэзіи. Разрывъ соціальныхъ узъ и замѣна ихъ личными интересами и выгодой явились результатомъ упадка древней аѳинской нравственности, вызваннаго соприкосновеніемъ съ болѣе широкими идеями, чѣмъ какія были извѣстны древнимъ аѳинянамъ. Но хотя политическое могущество Аѳинъ уменьшилось, тѣмъ не менѣе политическія и соціальныя идеи распространились изъ Аѳинъ далѣе подъ видомъ теорій. Совершенствованіе прозы, служившей главною выразительницею философскаго индивидуализма, совершалось въ трехъ направленіяхъ. Ораторское искусство въ судилищахъ и собраніяхъ достигло высокой степени совершенства. Демосѳенъ былъ послѣднимъ представителемъ практической аѳинской политики, достигшей въ его лицѣ кульминаціоннаго пункта своего развитія. Космополитъ и теоретикъ Исократъ своимъ искусствомъ составленія рѣчей установилъ нормальныя границы греческой прозы. Въ діалогахъ Платона разрушительная логика софистовъ выразилась въ попыткѣ, стремящейся къ переустройству нравственнаго и политическаго союза гражданъ, опирающагося на универсальные принципы вмѣсто мѣстныхъ и уже устарѣвшихъ традицій. Какъ политическія построенія Исократа, такъ и философское переустройство соціальной жизни, о ко-

торомъ помышлялъ Платонъ, равно охватывали всю греческую жизнь въ ея цѣломъ, оставивъ далеко позади тѣсный кругъ идей, въ которомъ нѣкогда вращалась изолированная греческая жизнь. Расширеніе умственнаго кругозора грековъ заставило ихъ навсегда переступить эти границы. Въ то же время отношенія индивида къ группѣ, получившія болѣе рѣзко выраженный характеръ, благодаря разслабленію соціальныхъ узъ, пріобрѣли значеніе великихъ вопросовъ, въ особенности занимавшихъ философію. Платонъ постоянно возвращался къ этимъ вопросамъ, затрогивая ихъ прямо и косвенно въ своихъ образныхъ и высокопоэтическихъ произведеніяхъ, выражая въ нихъ такимъ путемъ новое направленіе греческой мысли. Отношенія индивида къ группѣ врядъ ли гдѣ-нибудь выражены были такъ ярко, какъ въ «Республикѣ» Платона, гдѣ Платонъ прилагаетъ анализъ индивидуальной философіи къ государственной классификаціи.

Въ то время, какъ расширеніе аѳинскаго кругозора и развитіе прозы привели къ раздѣленію науки и литературы, выразившись въ теоріяхъ Аристотеля и собраніи фактовъ, самое сердце литературы разъѣдалось постепенно возрастающимъ индивидуализмомъ, который считалъ себя связаннымъ съ соціальнымъ существованіемъ лишь посредствомъ общаго правительства, слѣдовательно, узами силы, а не симпатіи. Лирическая и эпическая поэзія уступила мѣсто драмѣ въ городской республикѣ, но когда исчезли старинныя основы нравственности и политической свободы, на которыхъ построена была аѳинская комедія и драма, то новой аѳинской поэзіи надо было создать новый родъ драмы, отличавшійся отъ древней трагедіи, основывавшейся на культурѣ героевъ, невозможномъ въ обществѣ, состоящемъ изъ индивидуальныхъ единицъ, одинаково убѣжденныхъ въ своихъ собственныхъ заслугахъ и относящихся недовѣрчиво къ такого рода характерамъ, которые переходятъ за весьма ограниченные предѣлы величія, допускаемыя ихъ собственными воззрѣніями. Самымъ подходящимъ литературнымъ произведеніемъ для такого общества была, конечно, комедія, но не комедія Аристофана, съ ея преувеличенными политическими каррикатурами и аллегорическими или типическими характерами, выражающими сатиру на классы и индивиды, а такая комедія, въ которой отражалась бы современная жизнь и обычаи, и анализъ индивидуальнаго характера выражался бы въ духѣ легкой сатиры, какую, напримѣръ, мы встрѣчаемъ у Мольера. Обыкновенно говорятъ, что аѳинская комедія, относящаяся къ этой средней эпохѣ, когда литературный и философскій критицизмъ вытѣснилъ постепенно древніе политическіе фарсы, появилась впервые въ 390—320 г. до Р. Х. Творцами этой новой комедіи были: Менандръ, Филемонъ, Дафилій, и конецъ ея относится къ 250 до Р. Х. Но, конечно, такія точныя границы установлены искусственно, да главный интересъ заключается и не въ нихъ, а въ общихъ чертахъ, характеризующихъ упадокъ аттической драмы и причины этого упадка.

Спустившись изъ идеальнаго міра, въ которомъ вращалась старинная трагедія и драма, изъ міра героевъ, борющихся съ злымъ рокомъ, аттическая драма современной жизни натолкнулась на два великихъ препятствія, мѣшающихъ глубокому анализу человѣческихъ характеровъ. Препятствія эти были: рабство и низкая степень интеллектуальнаго развитія свободныхъ женщинъ въ Аттикѣ. Въ государствѣ съ 21.000 свободныхъ гражданъ, опирающихся на трудъ почти четырехсотъ тысячъ рабовъ, тамъ, гдѣ изъ двадцати индивидуальныхъ единицъ, по крайней мѣрѣ, 18 могли быть во всякое время выставлены и

проданы на публичномъ рынкѣ, разнородность человѣческихъ характеровъ не могла быть широко выражена, такъ какъ она вращалась въ очень узкихъ границахъ. Притомъ же эти границы еще были съужены, благодаря почти рабскому положенію свободныхъ женщинъ въ Аттикѣ. Въ рѣчахъ ораторовъ Форума, также какъ и въ произведеніяхъ греческихъ философовъ мы находимъ указанія на полнѣйшую зависимость свободныхъ женщинъ. Хотя Платонъ и предлагаетъ равноправіе половъ, но его идея временныхъ браковъ могла быть порожденіемъ только такого униженнаго положенія, въ какое были поставлены женщины въ Аттикѣ. Аристотель полагалъ, что женщина отличается отъ мужчины въ интеллектуальномъ отношеніи не только въ степени ума, но и въ его свойствахъ. и поэтому не можетъ занимать другого мѣста, кромѣ подвластнаго. Что же удивительнаго, что индивидуальныя единицы, съ столь ограниченною свободой, не могли привлечь вниманія творцовъ комедіи, и они обратились къ другому классу женщинъ Аттики, интеллектуальная культура которыхъ была гораздо выше, но развилась на счетъ ихъ нравственности—къ гетерамъ или куртизанкамъ. Такимъ образомъ характерною чертою новой аѳинской комедіи является преобладаніе въ ней изображенія жизни куртизанокъ. Матеріаломъ для позднѣйшей аѳинской комедіи служила главнымъ образомъ семейная жизнь, хотя иногда въ ней и выставлялись порою такіе философы какъ Эпикуръ и Зенонъ, а иной разъ и политики, даже самъ Александръ. Но во всякомъ случаѣ, развитіе индивидуализма въ аѳинской жизни не допускало иного изображенія, кромѣ изображенія самыхъ обыденныхъ личностей.

Менандръ, написавшій свою первую комедію въ годъ смерти Демосѳена (322 до Р. Х.), занимаетъ единственное въ своемъ родѣ положеніе, такъ какъ о немъ можно сказать, что онъ служитъ одновременно связующимъ звеномъ между Аѳинами и Александріей съ одной стороны и Аѳинами и Римомъ—съ другой. Драма, также какъ и писанные діалоги и рѣчи, превратилась уже въ орудіе литературнаго артиста, перестала быть голосомъ, публично обращавшимся къ народу. Позднѣйшія комедіи разсчитаны были уже на чтеніе, а не на игру, и исполняли до нѣкоторой степени тѣ обязанности, которыя несетъ на себѣ наша критическая печать. Такимъ образомъ произошло отдѣленіе литературы отъ практической жизни, всюду сопровождающее упадокъ творчества. Драма преимущественно имѣла въ виду культурный классъ, который съ такимъ же удовольствіемъ могъ читать ее, предаваясь критическому разбору ея формы и идей, какъ и смотрѣть ея представленіе на сценѣ.

Въ то время какъ муза Менандра издавала послѣдніе звуки драматической пѣсни, возникшей въ Аѳинахъ при зарожденіи аѳинской литературы, отдѣленіе философіи и науки отъ литературнаго творчества было уже свершившимся фактомъ. Наука только въ младенчествѣ бываетъ гражданиномъ какого-нибудь отдѣльнаго государства, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она очень быстро усваиваетъ космополитическій характеръ. Эта наука въ Аѳинахъ сбросила веселую форму разговора, въ которой такъ блистательно выразились идеи, охватывающія широкіе міровые горизонты, и у Аристотеля является уже въ образѣ сухого собранія фактовъ. Повидимому, Аристотель самъ главнымъ образомъ содѣйствовалъ такому отдѣленію науки отъ литературы, такъ какъ онъ намѣренно уклонялся отъ подражанія манерѣ Платона и старался употреблять какъ можно болѣе точныя выраженія. Однако,

въ своихъ болѣе раннихъ твореніяхъ Аристотель несомнѣнно подражалъ Платону, и Цицеронъ, Квинтиліанъ и др. не даромъ называли его «мастеромъ стиля», и такой переходъ отъ дикціи стилиста къ лаконически сжатому слогу, напоминающему порою таблицу оглавленій, указываетъ, что Аристотель стремился провести рѣзкую границу между критическою и творческою способностями и отдѣлялъ науку отъ литературы, анализъ разума отъ воображенія.

То же самое отражается и въ цитатахъ, заимствованныхъ Аристотелемъ изъ книгъ и заключающихся въ его твореніяхъ. Аристотель въ молодости былъ собирателемъ книгъ, и когда онъ проживалъ въ Аѳинахъ, какъ ученикъ Платона, то его домъ называли «домомъ читателя», и сумма, данная ему Александромъ, главнымъ образомъ для пополненія его естественно-историческихъ коллекцій, вѣроятно, послужила для увеличенія его частной библіотеки. Но наступала эпоха публичныхъ библіотекъ и трудолюбиваго изученія прошлаго. Аристотель умеръ въ 323 до Р. X., незадолго до смерти Демосѳена, а спустя нѣсколько лѣтъ, Птоломей Сотеръ основалъ знаменитую библіотеку въ Александріи, городѣ, гдѣ космополитическій греческій духъ чувствовалъ себя гораздо болѣе дома, нежели въ любой изъ древнихъ городскихъ республикъ. Изъ одной латинской приписки къ Плавту (открытой профессоромъ Осанномъ въ 1830 году) мы узнаемъ, что эта библіотека заключала въ себѣ 400.000 свертковъ дубликатовъ и не сортированныхъ книгъ, 90.000 отдѣльныхъ трудовъ и еще 42.800 томовъ, хранившихся въ Серапіумѣ и представлявшихъ, вѣроятно, избранную коллекцію самыхъ цѣнныхъ книгъ. Это была настоящая сокровищница литературы и если бы литература была дѣйствительно искусственнымъ продуктомъ, а не порождалась самою соціальною жизнью, то знаменитая александрійская библіотека послужила бы источникомъ, изъ котораго строй древней греческой соціальной жизни могъ бы почерпнуть новыя силы, но хотя такая библіотека можетъ образовать прекрасныхъ грамматиковъ, критиковъ и ученыхъ, она все таки очень мало можетъ сдѣлать для литературы, стоящей отдѣльно отъ науки и критицизма. Поэтому-то въ александрійской библіотекѣ первое мѣсто принадлежало ученымъ сочиненіямъ и прозѣ, и еслибъ Александрія не оставила намъ ничего иного, то мы бы прошли мимо ея великой библіотеки и только отмѣтили бы, что литература уже перестала быть отраженіемъ живого ума и перешла въ область прошлаго. Даже Ѳеокритъ, которому приписывается маленькая поэма «Syrinx», написанная въ эпоху разцвѣта Александріи, заразился, повидимому, всеобщимъ стремленіемъ составлять стихи такимъ образомъ, чтобы строчки ихъ своимъ относительнымъ расположеніемъ напоминали какую-нибудь фигуру, напр., поэма «Syrinx» напоминаетъ расположеніемъ своихъ строчекъ изображеніе свирѣли Пана. Въ китайской и арабской поэзіи такіе фокусы стихосложенія встрѣчаются довольно часто, и появленіе ихъ въ греческой поэзіи въ Александріи указываетъ, что восточная неподвижность овладѣла и этою поэзіей.

Однако Ѳеокритъ, среди этого упадка греческой литературы, положилъ все-таки начало новому роду оригинальной поэзіи. Уже на Менандра производило глубокое впечатлѣніе сопоставленіе кратковременнаго существованія человѣка съ предполагаемою вѣчностью природы, но въ произведеніяхъ Ѳеокрита это чувство и восхищеніе красотами вѣчной природы выразилось еще рѣзче и ярче въ поэтическихъ образахъ пастушковъ на лонѣ окружающей ихъ природы. Впрочемъ, выра-

женіе этого чувства природы встрѣчается и въ великихъ произведеніяхъ греческаго эпоса, относящихся къ тому времени, когда городская жизнь еще не поглотила всѣ соціальные интересы Эллады. У Өеокрита чувство это глубже, чѣмъ у первобытныхъ лирическихъ и эпическихъ поэтовъ, и это вполнѣ естественно. Космополитическая Грепія должна была чувствовать ничтожество индивидуализированной жизни въ такой степени, въ какой это было недоступно пѣвцамъ и лирическимъ поэтамъ древности. Люди порвали узы съ древними клановыми группами, но изолировали себя и отъ государства, и хотя они такимъ образомъ стали «свободными» отъ всякихъ племенныхъ узъ, но свобода эта была пріобрѣтена ими насчетъ величія, которое имъ было присуще нѣкогда, какъ членамъ извѣстной корпораціи. Поэтому,—то, въ такую эпоху помыслы человѣка невольно должны были обращаться къ природѣ, какъ символу вѣчности, имѣющей божественное происхожденіе, скорѣе нежели въ эпоху героевъ и государственнаго патріотизма. Өеокритъ былъ истиннымъ выразителемъ этихъ новыхъ чувствъ и настроенія, появившагося въ греческомъ обществѣ. Какъ и многіе другіе александрійскіе поэты, онъ не былъ уроженцемъ Александріи и вѣроятнѣе всего былъ родомъ изъ Сиракузъ. Во всякомъ случаѣ, родиною буколической или пастушеской поэзіи слѣдуетъ считать Сицилію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такая истинная поэзія природы не могла развиться ни въ Греціи, ни въ Италіи, такъ какъ въ самомъ началѣ ея зарожденія ее должна была бы заглушить муниципальная организапія Греціи и Италіи и частью рабство, понятіе о которомъ совмѣщалось съ сельскою жизнью. Существованіе крѣпостнаго состоянія въ средневѣковой Европѣ помѣшало же феодальнымъ пѣвцамъ воспѣвать природу, такъ какъ ее заслоняла отъ ихъ взоровъ жизнь феодальныхъ владѣльцевъ, проводившихъ время въ войнѣ и охотѣ. Также и пѣвцы Греціи и Италіи не могли интересоваться природой, такъ какъ лишь свободный человѣкъ въ ея присутствіи можетъ вполнѣ наслаждаться ею. Во всякомъ случаѣ, система римскихъ «latifundia» должна была скорѣе заглушить чувство природы въ человѣкѣ, и если Сицилія сдѣлалась родиною буколической поэзіи, то мы можемъ быть увѣрены, что для этого существовали особыя причины и что въ Сипиліи отношенія человѣка къ природѣ не носили отвратительнаго рабскаго характера, какъ въ другихъ мѣстахъ. Американскія рабовладѣльческія плантаціи никогда не могли бы сдѣлаться родиной идиллической поэзіи, также какъ и римскій «ergastulum». Слѣдовательно, если изъ всѣхъ рабовладѣльческихъ странъ александрійской эпохи только Сипилія сдѣлалась родной буколической поэзіи, то помимо общаго стремленія искать поэтическое вдохновеніе гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ узкой сферѣ человѣческаго индивидуализма, тутъ все-таки должны были существовать особыя условія соціальной жизни, благопріятствующія появленію и развитію такой поэзіи.

Главная прелесть произведеній Өеокрита заключается въ живыхъ описаніяхъ природы и изображеніяхъ простой человѣческой жизни и характеровъ. Благодаря этому, Өеокритъ оставался любимымъ поэтомъ въ періоды самыхъ разнообразнымъ литературныхъ направленій. Чтобы симпатизировать искреннимъ образомъ драмамъ Софокла или Аристофапа, надо быть не только хорошо знакомымъ съ соціальной жизнью Аөинъ и подробностями ихъ политическаго строя, но и вполнѣ усвоить себѣ духъ этой жизни. Чтобы понимать оды Пиндара, надо обладать и ученостью, и музыкальнымъ воображеніемъ, которое, впрочемъ, не дается

никакою ученостью. Въ идилліяхъ же Θеокрита природа и человѣкъ изображаются съ такою простотой и ясностью, что доступны каждому пониманію. Тѣмъ не менѣе, Θеокритъ былъ только описателемъ природы, а не «толкователемъ» ея, какъ говоритъ Мэтью Арнольдъ. Въ глазахъ Θеокрита природа и человѣкъ были нераздѣльны, и не сама по себѣ природа восхищаетъ поэта своею красотой, а только потому, что она окружаетъ человѣка, что «пѣвцы прислушиваются къ жужжанію пчелъ, къ шелесту деревьевъ, журчанію ручейка», что «любимецъ музъ Лицидасъ, разгуливаетъ среди зелени съ оливковою вѣткою въ рукахъ, любуясь спящею на солнцѣ ящерицею или хорошенькимъ жаворонкомъ, который чиститъ свои крылышки». Когда умираетъ пѣвецъ, то вся природа груститъ...

У римскихъ подражателей этого александрійскаго поэта природа также неразлучна съ человѣкомъ. Но и кромѣ этого, между александрійскою и римскою поэзіей временъ имперіи существуетъ много сходныхъ чертъ. Соціальныя условія Александріи временъ Птоломея и Рима— временъ Августа были почти одинаковы. Какъ тутъ, такъ и тамъ прежняя политическая свобода замѣнилась преклоненіемъ передъ могуществомъ властителей и придворною лестью. Какъ тутъ, такъ и тамъ изящное подражаніе образцамъ заглушало порывы вдохновенія самобытной поэзіи и литература сдѣлалась лишь достояніемъ немногихъ. Эклоги Виргилія представляютъ именно такое подражаніе Θеокриту и указываютъ, что римскіе «литераторы» искали образцовъ для подражанія преимущественно въ произведеніяхъ космополитской литературы временъ упадка Аѳинъ и александрійскаго педантизма, а не въ великолѣпныхъ и образцовыхъ произведеніяхъ аѳинской свободной городской республики. Римъ главнымъ образомъ заимствовалъ свою поэзію у Александріи и отраженіе александрійской литературы можно замѣтить въ произведеніяхъ всѣхъ римскихъ поэтовъ того времени и, пожалуй, еслибъ не было александрійской поэзіи, то Римъ никогда бы не имѣлъ Катулла, Виргилія и Овидія. Причина такого вліянія Александріи на римскую поэзію заключается именно въ одинаковости соціальныхъ условій. Литература, даже въ своихъ подражательныхъ произведеніяхъ, находится въ полной зависимости отъ современной жизни и мысли. Если бы было иначе, то развитіе литиратуры зависѣло бы отъ случая или даже личнаго каприза, и научное изслѣдованіе эволюціи литературы было бы совершенно невозможно.

Главныя характеристичныя черты свѣтской римской литературы и александрійской письменности заключаются въ индивидуализмѣ и колоссальной личности императора, явившейся въ роли земного божества въ такую эпоху, когда община держалась вмѣстѣ только силой, и воплощавшаго въ себѣ весь культъ, на который только были способны римляне. У римскихъ сатириковъ индивидуализмъ этотъ выражается особенно рѣзко. «Satira tota nostra est», говоритъ Квинтилліанъ, но хотя сатирическій духъ существовалъ, безъ сомнѣнія, и въ Аѳинахъ, тѣмъ не менѣе, только въ Римѣ цезарей могли существовать такіе факты, являющіеся результатомъ соціальнаго разложенія, на которые указываютъ творенія Горація, Персія и Ювенала. Такое разложеніе произошло не только вслѣдствіе упадка древней римской жизни, а въ значительной степени являлось результатомъ организованнаго религіознаго, политическаго и нравственнаго лицемѣрія и ханжества, составляющаго неизбѣжное послѣдствіе одновременнаго существованія аристократическаго строя и ложной демократіи. Разумѣется, въ общинѣ, основанной на раб-

скомъ трудѣ, демократическое чувство равенства не могло имѣть большого значенія. Римскій обыватель, выйдя на улицы города, переполненныя рабами, могъ легко убѣдиться въ той истинѣ, что плебеи, представляющіе римскихъ гражданъ, не отличались ничѣмъ отъ прежнихъ патриціевъ, только сфера дѣйствія ихъ была болѣе ограничена. Къ другимъ пагубнымъ результатамъ римскаго рабства, кромѣ упадка производительности и уменьшенія прироста населенія, презрѣнія къ ручному труду и отвращенія къ законному браку, слѣдуетъ присоединить еще и то обстоятельство, что высокопарный языкъ соціальныхъ реформаторовъ являлся лишь выраженіемъ организованнаго лицемѣрія. И если мы вспомнимъ, что древняя римская религія, еще задолго до временъ императоровъ, превратилась въ такой фарсъ, что Цицеронъ изумлялся, какъ это два авгура могли встрѣчаться, не расхохотавшись другъ другу въ глаза, то насъ не должно удивлять, что самыми оригинальными произведеніями римской литературы были сатиры, выставляющія на видъ религіозное ханжество и политическое и нравственное лицемѣріе, которыми только и держались республика и имперія. Всѣ эти мелкія личныя, антисоціальныя чувства, которыя находили свое выраженіе въ сатирѣ, не могли не отражаться пагубнымъ образомъ на творческомъ воображеніи, питающемся только глубокими и широкими соціальными симпатіями.

Но кромѣ такого развитія индивидуализма, охлаждающаго и задерживающаго порывы вдохновенія римскихъ поэтовъ, еще и другая причина, съ самаго возникновенія римской имперіи, побуждала творцовъ римской литературы обращаться за руководствомъ къ космополитическому и придворному городу Александріи. Причина эта заключалась въ централизаціи власти въ лицѣ императора. Виргилій, напримѣръ, въ своей первой эклогѣ не стѣсняется приравнивать Августа къ божеству. Также поступаетъ и Горацій, называющій Августа богомъ, которому должны воздвигаться алтари. Мало-по малу этотъ культъ императора пересталъ быть только предметомъ придворной лести или выраженіемъ раболѣпства толпы и принялъ характеръ общаго вѣрованія, объединяющаго всѣхъ римлянъ знатнаго происхожденія и богатыхъ, пролетаріевъ и провинціаловъ.

Лучше всего можно наблюдать отраженіе этого вліянія обожествленія личности императора на римской литературѣ, изучая творенія римскаго Ѳукидита—Тацита, сопротивлявшагося все-таки преклоненію передъ новымъ божествомъ. Несмотря на весь свой республиканскій консерватизмъ, Тацитъ, однако, вынужденъ былъ сдѣлать императора центральною фигурой всѣхъ своихъ историческихъ сочиненій и хроникъ. Крайній индивидуализмъ въ самомъ дѣлѣ достигъ такого высокаго развитія въ Римѣ, что историкъ теоретикъ не могъ изобразить единство Рима иначе, какъ въ лицѣ императора, безсознательно награждая личность императора всѣми характерными чертами, присущими отдѣльнымъ единицамъ, на которыя распалось римское общество. Вліянію индивидуализма слѣдуетъ приписать еще и другую характерную черту, отличающую не только творенія Тацита, но и произведенія всѣхъ другихъ римскихъ историковъ; это—преобладаніе біографіи надъ описаніями или изображеніями и объясненіями соціальной жизни. Вообще литература Рима, носившая съ самаго начала подражательный характеръ и предназначавшаяся только для небольшого класса образованныхъ людей, никогда не затрогивала болѣе или менѣе искреннимъ образомъ источника истиннаго литературнаго вдохновенія, народной жизни и природы. Въ рим-

ской жизни ничего не было такого, что могло бы служить вдохновеніемъ для пѣсни; потокъ презрѣнія, изливаемаго богатыми патриціями на бѣдныхъ, патриціями на плебеевъ, этими послѣдними на провинціаловъ и затѣмъ всѣми римлянами на рабовъ, не могъ не заглушить въ концѣ концовъ всякій источникъ вдохновенія. Условія соціальной жизни въ Римѣ были таковы, что у Плинія даже вырвалось замѣчаніе, что нѣтъ болѣе надменнаго и болѣе ничтожнаго существа на свѣтѣ, какъ человѣкъ! Общество съ столь ограниченными симпатіями и столь неограниченнымъ эгоизмомъ не могло создать иной пѣсни, кромѣ подражательной, свойственной «пересмѣшникамъ», какъ называетъ Шелли римскихъ поэтовъ этой эпохи. Быть можетъ, именно ораторская проза, развитіе которой въ значительной степени зависѣло отъ общенія съ народною жизнью, скорѣе отвѣчала требованіямъ языка, названнаго Гейне «языкомъ командующихъ генераловъ, администраторовъ, пишущихъ декреты, стряпчихъ, преслѣдующихъ лихоимцевъ, и народа, столь же мало чувствительнаго, какъ камень». Даже сама природа не могла спасти образованныхъ римлянъ отъ парализующаго вліянія условій соціальной жизни, такъ какъ мрачное зрѣлище рабства препятствовало развитію поэзіи природы и волей-неволей римскій геній вынужденъ былъ вращаться среди такой соціальной обстановки, въ которой несимпатичныя черты характера римскихъ гражданъ выступали всего ярче и могли задержать порывы даже самой могучей фантазіи.

Такимъ образомъ разрушеніе узъ соціальной симпатіи повліяло на чувство природы въ душѣ человѣка и заглушило его. Если, какъ говоритъ профессоръ Блэки, поэтическое творчество и пониманіе поэзіи зависитъ отъ живительнаго и горячаго чувства симпатіи, и если даже развитіе воображенія находится въ зависимости отъ существованія болѣе или менѣе ясно выраженнаго сознанія братства людей, ограниченнаго ли узкими рамками клана или охватывающаго весь міръ, то тѣмъ болѣе надо признать справедливость мнѣнія, что условія соціальной жизни Рима цезарей должны были разрушительнымъ образомъ дѣйствовать на литературу. Никакого возрожденія погибающаго общества ожидать было нельзя отъ такой изолированной индивидуальной культуры, которая заразила своимъ ядовитымъ дыханіемъ римскую литературу, вскормленную Греціей.

Глава XII.

Соціальный духъ въ свѣтской литературѣ.

Исторія упадка литературы, выраженная въ александрійскомъ и римскомъ космополитизмѣ, представляетъ много сходныхъ чертъ съ паденіемъ Израиля. Евреи, какъ и аѳиняне, еще до разрушенія своей политической независимости, лишились многихъ изъ своихъ древнихъ общинныхъ симпатій. Пожалуй, лучшимъ подтвержденіемъ принципа, что движеніе прогрессивныхъ обществъ совершается въ направленіи отъ общинной жизни къ индивидуальной, можетъ служить разница, которая существуетъ между идеей наслѣдственнаго грѣха въ Десятикнижіи и признаніемъ идеи личной отвѣтственности, которою проникнуты творенія Іезекіиля. Изъ этого мы можемъ вывести заключеніе, что между тѣмъ періодомъ, когда древнееврейскія касты жрецовъ усваивали себѣ обычаи союзныхъ племенъ, и вѣкомъ Іезекіиля, должны были произойти очень важныя соціальныя перемѣны. Жизнь клана была разрушена въ древне-

еврейскомъ обществѣ съ развитіемъ свѣтской и духовной аристократій, подобно тому, какъ это произошло въ Греціи и Римѣ, и вмѣстѣ съ этимъ началъ развиваться духъ эгоизма и идея личной отвѣтственности. Еврейскія деревенскія общины продолжали существовать, но они также подпали подъ власть духовенства и знатныхъ, какъ подпали подъ нея и деревенскія общины въ Индіи, порабощенныя браминами.

Однако, хотя общинныя чувства и идеи и потеряли часть своего обаянія, сдѣлавшись преимущественно достояніемъ обѣднѣвшихъ и униженныхъ свободныхъ людей, тѣмъ не менѣе, они все-таки остались великими идеалами древнееврейской мысли и рядомъ съ индивидуализмомъ Іезекіиля можно все-таки подмѣтить признаки, указывающіе на живучесть древнееврейскаго соціальнаго духа. Іезекіиль образуетъ соединительное звено между самыми старинными формами древнееврейской жизни и духомъ греческой философіи, который внесли въ Израиль побѣды Александра и его преемниковъ. Въ твореніяхъ Іезекіиля обнаруживается мыслитель, поэтъ и священникъ, выражающій одновременно и узкость, и глубину воззрѣній, на усвоеніе которыхъ оказался способнымъ древнееврейскій умъ. Со временъ Іезекіиля въ древнееврейской жизни образовались два теченія; однимъ былъ ученый индивидуализмъ, завершавшійся матеріализмомъ саддукеевъ и нелѣпостями талмуда, другимъ—животворящій духъ соціальной симпатіи, выразившійся впослѣдствіи въ этикѣ Христа; но эти два потока брали начало какъ бы въ одномъ и томъ же великомъ источникѣ.

Вліяніе александрійской литературы и греческой мысли выразилось, впрочемъ, не только въ общемъ характерѣ явленій упадка. Самыя раннія и непосредственныя доказательства этого вліянія можно видѣть въ греческихъ названіяхъ музыкальныхъ инструментовъ, упоминаемыхъ въ книгѣ Даніила. Классическій еврейскій языкъ уже началъ исчезать тогда, какъ это указываетъ названная книга, представляющая смѣсь древнееврейскаго и арамейскаго нарѣчія. Но греческое вліяніе тѣмъ не менѣе должно было не только содѣйствовать распространенію стариннаго еврейскаго соціальнаго духа, но въ то же время оно настолько углубило слаборазвитое у древнихъ евреевъ чувство личности, что даже Іезекіиль не могъ этого предвидѣть. Впрочемъ, греческій языкъ и греческая мысль были все-таки слишкомъ далеки отъ еврейской культуры и потому полная популяризація греческаго вліянія была невозможна. Евреи могли заимствовать у грековъ ихъ философію, не опасаясь, что она подорветъ еврейское единство. Мы уже говорили, что греческая литература явилась въ Римъ, какъ осуществленіе всего того, чего римляне могли надѣяться достигнуть въ области эстетики, такъ что имъ оставалось только черпать изъ этой сокровищницы и подражать съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ великолѣпнымъ образцамъ греческаго искусства. Но у евреевъ, у которыхъ понятія о литературѣ всегда носили дидактическій характеръ и языкъ которыхъ былъ слишкомъ мало гибокъ и поэтому не годился для эстетическихъ цѣлей, греческая литература вызвала пробужденіе философскаго духа, такъ какъ представила доказательства, что и другіе народы, кромѣ сыновъ Израиля, трудились надъ тѣми же самыми великими нравственными вопросами и даже превзошли древнихъ евреевъ въ своихъ усиліяхъ, направленныхъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Соединеніе греческой и древнееврейской мысли выразилось въ христіанствѣ. Аѳины и Іерусалимъ, одинаково берущіе начало въ миніатюрныхъ соціальныхъ группахъ, которыя мы называемъ общимъ именемъ клана, подверглись двустороннему духов-

ному вліянію: вліянію индивидуальной культуры и соціальнаго братства. Но въ Іерусалимѣ сфера для развитія чисто индивидуальнаго духа была слишкомъ узка сравнительно съ Аѳинами. Окруженный земледѣльческими общинами, опирающимися на организацію клана и обладая іерархіей, учрежденной по такому же образцу, Іерусалимъ никогда не могъ сдѣлаться убѣжищемъ индивидуализма, подобно Аѳинамъ, и какъ-бы ни развивался индивидуализмъ въ кругу духовенства и знатныхъ землевладѣльцевъ, все-таки онъ не укладывался въ понятіи евреевъ и оставался для нихъ ненавистнымъ. Поэтому-то въ христіанствѣ и сталкиваются два теченія, причемъ каждое изъ нихъ, въ своей сферѣ, имѣетъ руководящее значеніе. И развѣ можно найти во всей области человѣческой мысли болѣе глубоко интересующую человѣка проблему, чѣмъ та, которую представляетъ развитіе еврейскаго и греческаго космополитизма, посредствомъ котораго должно было совершиться примиреніе и сліяніе соціальнаго и индивидуальнаго духа, отразившееся въ христіанствѣ?

Глава XIII.

Человѣкъ въ національной литературѣ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что индивидуальный, а не соціальный духъ положилъ начало національной литературѣ въ Европѣ. Въ такихъ образцахъ первобытной саксонской, германской и французской поэзіи, каковы «Беовульфъ» (Beowulf), пѣснь Нибелунговъ и древнѣйшія пѣсни «Chansons de geste», общинная пѣснь отступаетъ на второй планъ передъ воспѣваніемъ индивидуальной славы. У насъ существуютъ очень скудныя свѣдѣнія о хоровыхъ одахъ или гимнахъ клановъ и деревенскихъ общинъ тевтонскихъ или кельтскихъ, и признаки существованія подобной общинной литературы можно наблюдать только сквозь покровъ индивидуализированной поэзіи. Это обстоятельство, какъ будто противорѣчащее нашимъ взглядамъ на литературное развитіе, не должно однако удивлять насъ, такъ какъ соціальныя начала современныхъ европейскихъ литературъ заслоняются отъ нашихъ взоровъ по многимъ очень важнымъ причинамъ. Пѣсни клановъ и гимны, воспѣвающіе языческій культъ и нехристіанскія понятія объ обязанностяхъ клана, вродѣ, напримѣръ, кровавой мести, а также понятія о царствѣ тѣней, какъ о сборномъ мѣстѣ всѣхъ племенныхъ родичей, представляли очень мало привлекательнаго для такого класса, которому мы собственно и обязаны всѣми своими познаніями о европейскомъ періодѣ варварства—христіанскому духовенству. Кромѣ того, соприкосновеніе съ римскою жизнью и обычай военной службы въ императорской арміи, не могли не содѣйствовать ослабленію узъ клана и усиленію власти начальниковъ, задолго до начала нашествія варваровъ. Аристократическій классъ начальниковъ, также какъ и монахи, не имѣлъ никакого интереса собирать народныя пѣсни своихъ соплеменниковъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ пѣсняхъ должно было заключаться не мало остатковъ и воспоминаній о соціальномъ равенствѣ. Такимъ образомъ, самыя разнообразныя причины соединились вмѣстѣ, чтобы затемнить первобытныя начала литературы и оставить только тѣ, которыя можно было согласовать съ индивидуализированною жизнью начальниковъ и позднѣе феодальныхъ владѣльцевъ, и которыя не противорѣчили бы трудолюбивымъ изысканіямъ монаховъ, убѣжденныхъ въ томъ, что только латин-

скій языкъ могъ служить орудіемъ литературы, мѣстная обособленность и феодальный индивидуализмъ не могли, конечно, создать національныя нарѣчія или чувства. Всемірная религія Христа воспользовалась уже существующимъ языкомъ для распространенія своихъ истинъ, такъ что казалось, будто не откуда явиться соціальному творцу національной литературы.

Начиная отъ V до XII вѣка, отъ эпохи паденія Рима до развитія городовъ, въ западной Европѣ замѣчается преобладаніе двухъ индивидуальныхъ типовъ человѣческаго характера. Это—монахъ и баронъ. Но ни въ одномъ изъ этихъ типовъ мы не находимъ болѣе или менѣе глубокаго чувства личности. По понятіямъ рыцаря, какъ это можно видѣть изъ его пѣсенъ, личность отожествляется съ существомъ, созданнымъ изъ крови, костей и мускуловъ и обязаннымъ сражаться. Война и исполненіе рыцарскихъ обрядовъ составляютъ его первый долгъ, и онъ выполняетъ его, окруженный романическою атмосферою любви. Человѣкъ же, посвятившій себя молитвѣ, хотя и стремится къ тому, чтобы его понятіе о личности не было матеріальнымъ, все-таки всѣ свои помысли и мысленные образы облекаетъ въ чувственныя одежды и готовъ провозгласить еретикомъ каждаго, кто посмѣлъ бы что-нибудь возразить противъ подобнаго земного обличенія идеи божества. Какъ воинъ, такъ и монахъ, слѣдовательно, представляютъ въ данномъ случаѣ весьма сходныя черты, такъ какъ чувство личности очень слабо развито у обоихъ.

Однако, одновременное развитіе современной европейской драмы и городовъ нельзя назвать дѣломъ случая. Центромъ каждой феодальной молекулы былъ феодальный владѣлецъ, проживающій въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ и окруженный своею семьею и вооруженными вассалами. За стѣнами замка толпа крѣпостныхъ воздѣлывала поля владѣльца, и хотя деревенская церковь стояла тутъ же, чтобы напоминать объ идеалѣ человѣческаго равенства, тѣмъ не менѣе въ замкѣ была также и своя часовня и при ней духовникъ болѣе или менѣе знатнаго происхожденія, который оказывалъ надменное покровительство деревенскому священнику и напоминалъ деревенскимъ жителямъ, что христіанскій идеалъ равенства всегда останется только идеаломъ. Между этимъ внѣшнимъ кругомъ феодальной группы и семьею владѣльца не существовало никакой другой связи, кромѣ силы, никакихъ духовныхъ узъ, кромѣ церемоніала христіанскаго культа. Этотъ церемоніалъ въ сущности представлялъ ничто иное, какъ драму въ миніатюрѣ, но до тѣхъ поръ, пока съ личностью владѣльца соединялось понятіе о силѣ и могуществѣ и пока не существовало никакихъ узъ соціальной симпатіи, лица и событія для драматическихъ зрѣлищъ, конечно, могли быть заимствованы только изъ священной исторіи.

Теперь посмотримъ, какъ обстояло дѣло въ городахъ въ средніе вѣка. Тутъ дѣйствовало порою вліяніе революціи или же выступали на сцену помощь короля или развитіе торговли и, благодаря дѣйствію именно одной изъ этихъ трехъ причинъ, вассалы феодальнаго владѣльца, дровосѣки и водоносы могли поселиться внутри каменныхъ стѣнъ и могли уже сами отразить какое угодно нападеніе не хуже вооруженныхъ рыцарей. Городскіе обыватели, бюргеры не питали обыкновенно никакихъ родственныхъ чувствъ по отношенію къ другимъ городамъ и группа ихъ представляла всегда нѣчто въ родѣ оборонительнаго, наступательнаго союза противъ всякихъ пришельцевъ. Но, хотя соціальныя симпатіи бюргеровъ были весьма ограниченны, тѣмъ не менѣе

они все-таки имѣли вполнѣ реальный характеръ и вызвали стремленіе къ подраздѣленію труда въ городахъ, къ организаціи магистратуры и духовенства и къ поощренію торговли. Конечно, это должно было вызвать образованіе новыхъ типовъ характера, значительно отличающихся отъ прежнихъ типовъ рыцаря, помѣщика и воина. Современная проза должна была первоначально явиться въ грубоотесанной формѣ, такъ какъ она выработывалась въ публичныхъ собраніяхъ городскихъ обывателей. Но несомнѣнно, что въ этихъ же собраніяхъ и въ условіяхъ городской жизни вообще существовали элементы для созданія драмы. Отношеніе средневѣковыхъ мистерій и нравоучительныхъ драмъ къ росту и развитію городовъ въ Европѣ до сихъ поръ не было достаточно изучено. Эти первоначальныя драмы до сихъ поръ не обращали на себя должнаго вниманія и не разсматривались какъ отраженіе современной соціальной жизни и какъ источникъ развитія индивидуальной драмы.

Происхожденіе мистерій, не представляющихъ продуктовъ творчества какого-нибудь одного автора и являющихся какъ бы сборнымъ произведеніемъ цѣлой общины, также напоминаетъ происхожденіе пѣсенъ и гимновъ клана. Такъ, напримѣръ, «Le Mystère du vieil Testament» нельзя разсматривать, какъ чье-нибудь личное произведеніе и отыскивать автора этого произведенія. Эта мистерія представляетъ коллективное произведеніе, медленно выработавшееся въ теченіе XV вѣка. Какое бы значеніе ни придавали духовенству, какъ первоначальнымъ авторамъ этихъ драмъ, все-таки, рано или поздно, авторство и исполненіе этихъ первоначальныхъ произведеній драматическаго искусства должно было перейти въ руки городскихъ промышленныхъ цеховъ или литературныхъ корпорацій, также представляющихъ обычную въ тѣ времена цеховую организацію. Такъ, напримѣръ, честерскія мистеріи, въ послѣдній разъ исполненныя въ 1574 году, были представлены городскими цехами ремесленниковъ. Во Франціи городскіе цехи и граждане Парижа образовали братство «Confrerie de la passion», которое разыгрывало мистеріи съ 1402 по 1548 г. Въ Ковентри дѣйствующія лица мистерій, равно какъ и извѣстные отдѣлы мистерій, распредѣлялись между разными промышленными обществами; члены одного изъ нихъ, напримѣръ, всегда изображали страсти Господни, другого—Воскресеніе и т. д. Въ Германіи организованы были союзы мейстерзингеровъ въ Майнцѣ, Ульмѣ, Нюренбергѣ и др. городахъ, со спеціальною цѣлью сочинять и декламировать стихи. Старинная школа пѣвцовъ въ Нюренбергѣ просуществовала вплоть до 1770 г. Отсутствіе личныхъ характеровъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ средневѣкового драматическаго искусства еще ярче указываетъ на общинный складъ европейской жизни, нежели даже отсутствіе личнаго авторства, а постепенное исчезновеніе священныхъ и аллегорическихъ характеровъ въ драмѣ одновременно съ развитіемъ городовъ еще разъ подтверждаетъ зависимость литературы отъ соціальной эволюціи.

Священныя зрѣлища, устраиваемыя духовенствомъ въ городахъ и монастыряхъ, были написаны или по-латыни, или же латинскій языкъ перемѣшанъ былъ съ французскимъ и нѣмецкимъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ нихъ изображались различныя божественныя личности, которыя, подобно героямъ древней аѳинской сцены, носили одновременно отвлеченный и историческій характеръ. Во многихъ исторіяхъ литературы дѣлается попытка провести болѣе или менѣе рѣзкія границы между мистеріями, изображающими священныхъ лицъ, и нравоучитель-

ными драмами, въ которыхъ фигурируютъ аллегорическіе характеры: добродѣтель, порокъ, милосердіе и т. д. Но на самомъ дѣлѣ такія рѣзкія границы могутъ быть проведены только искусственнымъ образомъ. Можно сказать только одно, что популяризація драмы, вызванная употребленіемъ народнаго языка, сопровождалась увеличеніемъ пристрастія къ абстракціямъ и аллегоріямъ, и нельзя не отмѣтить, что это пристрастіе отражаетъ въ себѣ условія соціальной жизни, склонность къ цеховому устройству и корпораціямъ, составляющую одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ развитія городовъ. Не слѣдуетъ забывать, что безъименныя личности, изображаемыя въ «Miracles de Notre Dame» (L'Evesque, Le Prescheur, L'Ermite), представляютъ не отдѣльныхъ индивидовъ, принадлежащихъ къ тому или другому классу, а воплощаютъ въ себѣ цѣлый классъ. Условія соціальной жизни, выразившейся въ образованіи цеховъ, почти столь же обособленныхъ, какъ и восточныя касты, придавали интересъ и значеніе подобнымъ изображеніямъ и поэтому во всѣмъ родахъ средневѣковой литературы, такъ же, какъ и драмы, преобладаютъ аллегорическія изображенія типовъ и классовъ. Каждому изслѣдователю средневѣковой литературы должна быть извѣстна популярная аллегорія «Le Roman de la Rose», отголосокъ которой можно встрѣтить въ «Dèplaisir», «Esperance» и др. Въ рыцарской аллегоріи Спенсера (Spenser) также можно найти отраженіе корпоративнаго образа мыслей, выражающагося въ феодальныхъ учрежденіяхъ, и зарожденіе индивидуальнаго духа, замѣнившаго въ драмахъ Шекспира и Марло прежніе абстрактные характеры и типы конкретными и индивидуальными. Съ именами двухъ названныхъ авторовъ связано наступленіе третьяго періода европейской драмы, въ которомъ уже первое мѣсто принадлежитъ анализу индивидуальнаго характера, хотя все-таки въ произведеніяхъ великаго англійскаго драматурга анализъ этотъ выразился не такъ ярко, какъ это увѣряютъ его восторженные поклонники. Встрѣчая рядомъ съ историческими личностями въ такихъ мистеріяхъ, какъ «Robert le diable» и «Guillaume du Dèsert» аллегорическіе образы, мы не можемъ не согласиться, что историческая драма далеко не такъ тѣсно связана съ глубокимъ анализомъ индивидуальнаго характера, какъ это принято думать.

Гансъ Саксъ, родившійся въ Нюренбергѣ въ 1494 г., стоитъ какъ разъ на границѣ, отдѣляющей прежнюю аллегорическую драму отъ драмы, изображающей индивидуальные характеры. Впрочемъ, онъ не дѣлаетъ попытки изобразить въ своихъ драмахъ субъективное развитіе характеровъ и только заставляетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ выражать въ дѣйствіяхъ или же, чаще, въ діалогахъ, событія, которыя онъ хочетъ представить въ драмѣ. Подобно авторамъ мистерій, онъ рядомъ съ христіанствомъ ставитъ языческія божества, и Юпитеръ и Аполлонъ являются у него рядомъ съ христіанскимъ Богомъ и въ изображеніи страшнаго суда у него фигурируетъ барка Харона, отвозящая души умершихъ.

Докторъ Газе обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что Гансъ Саксъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ является послѣдователемъ строго аристократической теоріи, согласно которой «потомки каждаго знатнаго дома имѣютъ благочестивыхъ и пользующихся благоволеніемъ божества предковъ, между тѣмъ какъ народъ, служащій опорой высшимъ классамъ, ведетъ происхожденіе отъ расы, навлекшей на себя проклятіе боговъ». Тутъ мы снова наталкиваемся на древнія идеи клановой этики, признающей наслѣдственность грѣха.

Индивидуализмъ феодальныхъ владѣльцевъ и соціализмъ корпоративной жизни, развиваясь подъ тѣнью центральнаго правительства, отразились на всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ средневѣковой Европы. Но столкновеніе индивидуальной личности съ соціальной группой всего ярче выразилось въ Италіи. Благодаря тому, что ломбардская лига вышла побѣдительницею изъ борьбы съ міровою имперіей Барбароссы, городскія республики въ Италіи получили широкое развитіе. Индивидуализмъ, особенно ярко выражавшійся въ этихъ республикахъ, лишь съ трудомъ носилъ путы, наложенные на него христіанствомъ. Это столкновеніе индивидуализма итальянскихъ республикъ съ спиритуализмомъ христіанскаго братства прекрасно выразилось въ пѣсняхъ Данте, на грустномъ лицѣ котораго какъ будто даже отразилась страшная борьба, какая только можетъ происходить въ душѣ человѣка—борьба между сильно развитымъ индивидуальнымъ и сильно развитымъ корпоративнымъ чувствами. Но въ Divina Comedia индивидуализмъ выходитъ побѣдителемъ, а въ итальянскихъ городахъ богатство и партіи вытѣснили соціальный духъ христіанства, замѣнивъ его личными страстями, достигшими такого развитія, какого онѣ не достигали даже въ республикахъ древней Греціи временъ упадка. На первый взглядъ можно было бы думать, что итальянскіе города должны сдѣлаться настоящею родиной индивидуальной драмы. Однако, крайній индивидуализмъ также вреденъ для драматическаго творчества, какъ и корпоративная жизнь, въ которой исчезаютъ всѣ различія личности. Безчисленныя индивидуальныя единицы, выдѣляющіяся, благодаря отсутствію корпоративныхъ узъ, часто бываютъ слишкомъ эфемерны и ничтожны, чтобы остановить на себѣ вниманіе поэта, предпочитающаго обращаться къ природѣ или же къ предопредѣленію. Кромѣ того, сходство итальянскаго діалекта съ латинскимъ заставило невольно обратить вниманіе на классическіе образцы и такимъ образомъ развитіе самобытной итальянской драмы было пріостановлено съ самаго начала.

Благодаря соціальнымъ условіямъ и близости класссическихъ идей, итальянская драма сведена была на простое подражаніе классическимъ образцамъ. Но хотя итальянскому драматическому творчеству и не суждено было совершить какія-либо великія дѣла у себя на родинѣ, тѣмъ не менѣе, вліяніе его отразилось въ другихъ странахъ. Въ Англіи и Испаніи столкновеніе корпоративнаго духа съ индивидуальнымъ вызвало появленіе оригинальной драмы, въ развитіи которой можно наблюдать постепенный переходъ отъ соціальныхъ аллегорическихъ типовъ къ индивидуальнымъ. Даже у Шекспира можно замѣтить эти признаки старинной драмы, такъ какъ рядомъ съ рѣзко индивидуальными типами у него встрѣчаются символическіе и аллегорическіе характеры.

Между писателями какой-нибудь извѣстной эпохи, говоритъ Шелли въ предисловіи къ «Revolt of Islam», должно существовать сходство, не зависящее, однако, отъ ихъ личной воли. Они не могутъ избѣжать подчиненія общимъ вліяніямъ, зависящимъ отъ безконечной комбинаціи обстоятельствъ и условій современной имъ эпохи, несмотря на то, что каждый изъ этихъ писателей до извѣстной степени самъ же создаетъ эти условія, вліяющія на его существованіе. Симметрія формы и характера въ драмахъ Эврипида и Софокла вполнѣ отвѣчала современному духу Парижа, послѣ того, какъ религіозныя войны централизовали культуру при дворѣ Людовиковъ XIII и XIV. Но, на самомъ дѣлѣ, парижская трагедія не отражала въ себѣ жизни Парижа и еще менѣе

жизни Франціи. Французскій театръ также питался классическими образцами, но соціальной жизни и характерамъ классическаго театра были приданы нѣкоторыя французскія черты. Такъ, напримѣръ, въ «Andromaque» уничтожены слѣды рабства, въ «Iphigénie» Ахиллесъ поступаетъ съ чисто парижскою учтивостью, въ «Phèdre» интересъ драмы переносится съ героя на героиню, болѣе соотвѣтствующую парижскимъ чувствамъ и взглядамъ.

Вліяніе придворной жизни и классическихъ идей на нѣкоторое время даже пріостановило развитіе національной литературы во всей Европѣ. Съ половины семнадцатаго до половины восемнадцатаго столѣтія въ литературѣ Лондона и Парижа всецѣло властвуетъ сатира, свидѣтельствующая объ ослабленіи соціальныхъ симпатій. Въ городахъ Франціи и Англіи корпоративныя чувства сильно ослабѣли подъ вліяніемъ индивидуализма центральной монархіи, но затѣмъ постепенно, по мѣрѣ развитія новой коммерческой и промышленной дѣятельности, эти чувства снова возродились и даже вызвали опять появленіе идеи равенства. Начиная съ конца восемнадцатаго вѣка, обширныя движенія народныхъ массъ укрѣпляли все болѣе и болѣе соціальный духъ въ европейскихъ обществахъ, но въ то же время чувство индивидуальности становилось глубже и выражалось ярче въ современной литературѣ. Невозможно перечислить всѣ причины, содѣйствовавшія развитію демократическаго индивидуализма бокъ-о-бокъ съ промышленнымъ соціализмомъ, но эти два противоположныя теченія вліяли и продолжаютъ вліять и отражаться въ современной литературѣ, вызывая столкновеніе между индивидуальными и соціальными идеями и индивидуальною и соціальною дѣятельностью въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ въ тѣ времена, когда развитіе индивидуализма, постепенно вытѣсняя корпоративныя чувства, вызвало появленіе индивидуальной драмы и замѣну абстрактныхъ типовъ и характеровъ конкретными.

Отраженіе соціальныхъ условій въ литературныхъ произведеніяхъ и вліяніе этихъ условій на эволюцію литературы служитъ доказательствомъ, что литературу нельзя разсматривать, какъ «прихоть и стилистическія упражненія». Нельзя также проповѣдывать и «нравственный индиферентизмъ искусства». Литература вообще слишкомъ серьезный предметъ и несомнѣнно занимаетъ первенствующее мѣсто въ исторіи человѣчества. Несомнѣнно также, что литературный индиферентизмъ проявляется лишь въ эпохи всеобщаго нравственнаго индиферентизма и, слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ литература служитъ отраженіемъ соціальныхъ условій. Нравится ли это людямъ или нѣтъ, но въ ихъ литературныхъ усиліяхъ изобразить идеалъ красоты въ прозѣ и стихахъ должно заключаться также и стремленіе изобразить идеалъ человѣческаго поведенія. Поступки человѣка, его мысль и рѣчи слишкомъ тѣсно переплетаются между собою, чтобы разъединеніе ихъ ради драматическихъ цѣлей могло служить истинѣ. Если бы было иначе, то литературу дѣйствительно пришлось бы разсматривать, какъ нѣчто, не напоминающее никакой связи съ индивидуальною и соціальною жизнью, какъ продуктъ разгоряченнаго воображенія, въ которомъ ни нравственность, ни исторія не играютъ никакой роли.

Конецъ.

стр.

освѣщеніе вопроса съ общественной точки зрѣнія.—Искусство безъ красоты.—«Пустыя» слова о наукѣ гр. Толстого.—**А. Б.** 1

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Продовольственное дѣло въ Россіи.—Вѣсти изъ деревни.—Крестьяне въ земствѣ.—Городское населеніе Европейской Россіи. — Летучая библіотека.—Въ колоніи «толстовцевъ».—Духоборы въ Якутской области.—Шевченко, какъ живописецъ и граверъ. 14

15. **За границей.** Новое университетское поселеніе.—Англійскіе политическіе клубы.—У Генриха Ибсена.—Банкетъ въ память Вашингтона въ Парижѣ.—Нью-іоркскій король. 28

16. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue de Paris».—«Revue des deux Mondes».—«Nineteenth Century». — «Revue des Revues» 36

17. НИЗКІЙ ПРОЦЕНТЪ РОЖДАЕМОСТИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ДВИЖЕНІЕМЪ ВО ФРАНЦІИ. (Письмо изъ Парижа). **П. Б.** 42

18. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Музыка и вліяніе ея на человѣка. (Психофизіологическій очеркъ). Врача **С. Бродскаго**. 53

19. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. **Астрономія**: 1) Новая луна. 2) О важности нормальнаго зрѣнія для астрономовъ. **Физика и метеорологія**: 1) Опыты съ жидкимъ воздухомъ. 2) Суточныя колебанія барометра. **Біологія**: 1) Къ вопросу о движеніи діатомовыхъ водорослей. 2) Роль энцимовъ въ жизни растеній. 3) Новое каучуковое и новое хлопчато-бумажное растеніе. 4) Вліяніе цвѣтныхъ лучей на амёбу. 5) О паразитахъ и сожителяхъ муравьевъ. **Географія и научныя экспедиціи**: 1) Новѣйшія изслѣдованія материковъ Азіи, Австраліи и Америки. 2) Огонь изъ подо льда. **Техника и изобрѣтенія**: 1) Успѣхи аэронавтики. 2) Искусственный шелкъ. **В. Агафонова** 63

20. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. (Отвѣтъ проф. Н. А. Карышеву). **М. Туганъ-Барановскаго**. 77

21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя сочиненія. Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы и искусствъ.—Политическая экономія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 83

22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 106

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ОВОДЪ (Gadfly). Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ. М-ссъ **Е. Войничъ**. Переводъ съ англійскаго **З. Венгеровой**. . 73

24. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА. **Гутчисона Маколея Познетта**. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго **Э. Пименовой**. . . . 67

„МIРЪ БОЖIЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакцiи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленiяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскiя линiи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкiй мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцiю, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указанiемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакцiей

2) Непринятыя мелкiя рукописи и стихотворенiя не возвращаются, и по поводу ихъ редакцiя ни въ какiя объясненiя не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченiе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующiяся въ редакцiю съ разными запросами, для полученiя отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученiе какого-либо № журнала присылаются въ редакцiю *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначенiемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакцiи.*** Только въ такомъ случаѣ редакцiя отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскiе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющiе подписку, могутъ удерживать за комиссiю и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакцiи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненiя *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россiи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскiй

